

А. И. ГЕРЦЕН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ и ПИСЕМ

под редакцией М. К. ЛЕМКЕ

Т о м XIX

ПЕТЕРБУРГ
Государственное Издательство

1922

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ и ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей Ш. К. Лемке.

Томъ XIX.

1866—67 гг.

(№№ 2835—3157).

Петербургъ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

1922.

От Комиссариата Народного Просвещения.

Все сочинения А. И. Герцена монополизируются Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 года.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны.

Правительственный Комиссар Лит.-Изд. Отд.
П. И. Лебедев-Полянский.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1866.

№№	Стр.
**2835. (Война)	1
**2836. [„Современникъ“ и „Русское Слово“]	4
**2837. Три убійства въ Тамбовѣ	6
**2838. Сказка о гостинцѣ царю и о долгѣ Комиссарову	—
**2839. Головастики, трубящіе побѣду	7
**2840. Всякая всячина изъ нашей реакціи	8
**2841. („Neue Frankfurter Zeitung“)	—
*2842. Письмо къ сыну	9
*2843. То же	—
*2844. Письмо къ М. Мейзенбургъ	10
*2845. Письмо къ С. Тхоржевскому	12
**2846. П. А. Мартыановъ	13
**2847. Великій заговоръ — большая ложь	—
**2848. [Примѣчаніе]	14
**2849. Общественнымъ удовольствіямъ въ Петербургѣ	—
**2850. Коли надобно, отчего и не посьчь; нашего брата хорошо посьчь	—
**2851. Слухи	16
**2852. (Правда ли?)	—
*2853. Письмо къ М. К. Рейхель	—
*2854. Изъ дневника	28
*2855. Письмо къ М. Мейзенбургъ	29
**2856. Катковъ и государь	31
**2857. Полевое военное убійство въ Харьковѣ	35
**2858. Бѣшенство доносовъ	—
*2859. Письмо къ Н. А. Огаревой	46
*2860. Письмо къ М. Мейзенбургъ	38
**2861. Первое засѣданіе уголовного суда в Москвѣ — тридцать ударовъ розгами	40
**2862. Ess.-bouquet „Московскихъ Вѣдомостей“	41
**2863. Замышляемое убійство въ Рязани	43

№№	Стр.
**2864. Святая тайны и грѣшныя розги	43
*2865. Письмо къ Лизѣ и Н. А. Огаревой	—
*2866. Письмо къ сыну	44
**2867. Письмо къ Н. П. Огареву	45
*2868. Письмо къ сыну	46
*2869. Тоже	47
**2870. Польша въ Сибири и каракозовское дѣло	48
**2871. Фогтъ, Дарвинъ, Молешотъ, Бокль	56
**2872. Опасное положеніе американца Клея	—
**2873. Ссора между врагами, сепаратизмъ „Моск. Вѣдомостей“	—
**2874. Восточная Галиція	58
**2875. Фондъ для эмигрантовъ	59
**2876. Письмо къ Э. Кинэ	—
*2877. Письмо къ М. Мейзенбугъ	60
*2878. Письмо къ О. А. Герценъ	—
**2879. (Висѣлица и Муравьевъ)	61
**2880. Америка и Россія	62
**2881. Дѣло рядового Невѣдомскаго	63
**2882. (Иконоборство Безака въ Подольской губ.)	—
**2883. Нетерпимость, невѣжество и полицейское вмѣшательство православнаго духовенства	64
**2884. (Биографія Муравьева-Вѣшателя)	—
**2885. Общій фондъ	—
*2886. Письмо къ Н. А. Огаревой	65
*2887. Письмо къ М. Мейзенбугъ	69
*2888. Письмо къ Лизѣ	71
*2889. Письмо къ С. Тхоржевскому	—
*2890. Тоже	72
*2891. Письмо къ сыну	73
*2892. Письмо къ Н. П. Огареву	74
*2893. Тоже	75
*2894. Письмо къ Лизѣ	76
*2895. Письмо къ Н. П. Огареву	—
*2896. Тоже	77
**2897. Письмо къ С. Тхоржевскому	78
*2898. Письмо къ Н. А. Герценъ	79
**2899. Заговора не было!	82
**2900. Гуртовая бойня	83
**2901. Грязь	84
**2902. „Стіпа“	88
**2903. Революціонное воззваніе М. П. Погодина	89

№№	Стр.
**2904. По дѣлу заговора	89
**2905. Страсть къ розгамъ въ полольскомъ судѣ	90
**2906. Конфирмація	—
**2907. Чѣмъ люди тѣшатся	—
*2908. Письмо къ сыну	91
*2909. Тоже	92
*2910. Письмо къ Н. А. Герценъ	93
*2911. A nos frères polonais	94
Нашимъ польскимъ братьямъ	96
*2912. Письмо къ С. Тхоржевскому	97
*2913. Письмо къ М. Мейзенбугъ	98
*2914. Письмо къ М. К. Рейхель	100
*2915. Письмо къ М. Мейзенбугъ	—
*2916. Письмо къ сыну	103
**2917. Порядокъ торжествуетъ:	104
**2918. Каракозовское дѣло	133
**2919. Амнистія	134
**2920. Фондъ	—
*2921. Письмо къ Н. А. Герценъ	—
*2922. Письмо къ сыну и М. Мейзенбугъ	135
*2923. Письмо къ Н. А. Огаревой	136
*2924. Письмо къ сыну	137
*2925. Письмо къ Н. А. Огаревой	138
*2926. Приписка къ Лизѣ	—
**2927. Письмо къ Г. Н. Вырубову	139
*2928. Письмо къ Н. П. Огареву	140
*2929. Письмо къ старшимъ дѣтямъ	—
*2930. Изъ дневника	141
*2931. Письмо къ Н. П. Огареву	142
**2932. Письмо къ Г. Н. Вырубову	144
**2933. Письмо къ Н. П. Огареву	164
*2934. Приписка къ Н. П. Огареву	166
**2935. Письмо къ Н. П. Огареву	167
*2936. Письмо къ Н. А. Огаревой	168
1867.	
**2937. Скоты	171
**2938. Губернаторъ Деспотъ-Зеновичъ	172
**2939. („Москва“)	173

№№	Стр.	
**2940.	Нѣмцы	173
**2941.	Издательская дѣятельность „Будбергъ, Чичеринъ и Ко“ въ Парижѣ	174
**2942.	„Антрактъ“ и hors-d'oeuvre	—
**2943.	Общій фондъ	177
**2944.	„Колоколъ“ на 1867 годъ	—
#2945.	Письмо къ М. К. Рейхель	—
**2946.	Письмо къ Н. П. Огареву	178
*2947.	Письмо къ С. Тхоржевскому	180
**2948.	Письмо къ Н. П. Огареву	181
#2949.	Письмо къ С. Тхоржевскому	182
**2950.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
*2951.	Письмо къ М. Мейзенбургъ и сыну	183
*2952.	Письмо къ старшимъ дочерямъ	186
**2953.	Письмо къ Н. П. Огареву	187
*2954.	Письмо къ С. Тхоржевскому	138
*2955.	Приписка къ Н. П. Огареву	—
*2956.	Письмо къ С. Тхоржевскому	—
*2957.	Письмо къ Н. П. Огареву	189
*2958.	Тоже	190
*2959.	Письмо къ Н. А. Огаревой	191
*2960.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
*2961.	Письмо къ С. Тхоржевскому	192
*2962.	Тоже	193
*2963.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
**2964.	Тоже	194
**2965.	Тоже	196
**2966.	(Новая „Бархатная книга“ русскихъ дворянскихъ ро- довъ)	198
**2967.	Наше правосудіе	200
**2968.	Письмо къ Н. П. Огареву	201
**2969.	Письмо къ Н. А. Огаревой и Лизѣ	203
**2970.	Письмо къ Н. П. Огареву	204
**2971.	Тоже	205
*2972.	Письмо къ Н. А. Огаревой	207
**2973.	Письмо къ Н. П. Огареву	210
*2974.	Письмо къ Н. А. Огаревой и Лизѣ	213
**2975.	Письмо къ Н. П. Огареву	214
**2976.	Надпись для М. Н. Ге	215
*2977.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
*2978.	Тоже	216

№№	Стр
*2979. Письмо къ М. Мейзенбургъ	216
**2980. Письмо къ Н. П. Огареву	218
*2981. Тоже	219
*2982. Письмо къ Лизѣ	220
*2983. Тоже	221
*2984. Письмо къ Н. А. Огаревой	—
*2985. Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
**2986. Письмо къ Н. П. Огареву	224
**2987. Тоже	226
**2988. „Москва“ — мать и мачеха	227
**2989. Пророкъ-издатель	230
**2990. Письмо къ Н. П. Огареву	231
**2991. Тоже	232
*2992. Письмо къ С. Тхоржевскому	283
*2993. Письмо къ Н. А. Огаревой	234
*2994. Письмо къ Лизѣ	236
**2995. Письмо къ Н. П. Огареву	—
**2996. Тоже	237
*2997. Тоже	238
**2998. Тоже	240
**2999. Тоже	241
**3000. Тоже	242
*3001. Письмо къ С. Тхоржевскому	244
**3002. (Общество поджигателей)	244
**3003. Письмо къ Н. П. Огареву	245
**3004. Тоже	246
*3005. Письмо къ сыну	246
*3006. Письмо къ Н. П. Огареву	248
*8007. Тоже	249
*3008. Тоже	250
*3009. Письмо къ С. Тхоржевскому	252
*3010. Письмо къ М. Мейзенбургъ	253
**3011. Письмо къ Н. П. Огареву	255
*3012. Письмо къ С. Тхоржевскому	257
**3013. Письмо къ Н. П. Огареву	258
**3014. На площади св. Марка	259
**3015. Двѣ рѣчи графа А. П. Шувалова	260
**3016. Дѣло крестьянки Волоховой	—
**3017. Письмо къ Н. П. Огареву	261
**3018. Тоже	262
*3019. Письмо къ М. Мейзенбургъ	264

№№	Стр.
**3020. Жаль	265
**3021. Письмо к И. С. Аксакову	268
**3022. Соперники большого колокола и большой пушки	270
**3023. Отпе exit in fumo	271
**3024. Новый журналъ	—
*3025. Письмо къ Н. А. Огаревой	—
*3026. Письмо къ К. К. Павловой	273
*3027. Письмо къ В.	—
*3028. Письмо къ О. А. Герценъ	274
**3029. Письмо къ Н. А. Огаревой	—
**3030. Письмо къ М. А. Бакунину	276
**3031. Отвѣтъ И. С. Аксакову	278
**3032. Credit et debet	292
**3033. (Новый романъ Тургенева „Дымъ“)	—
**3034. (Общій фондъ)	—
**3035. Отъ издателей	—
**3036. Письмо къ Н. А. Огаревой	293
**3037. Тоже	301
*3038. Тоже	302
*3039. Письмо къ М. К. Рейхель	303
*3040. Письмо къ сыну	—
*3041. Письмо къ Н. А. Огаревой	306
*3042. Письмо къ М. Мейзенбургъ	307
*3043. Письмо къ М. К. Рейхель	310
*3044. Письмо къ Н. П. Огареву	—
**3045. Славянская агитация	312
**3046. Въ ю же мѣру мѣрите	—
**3047. Сумасшествіе	343
**3048. Басня И. А. Крылова	—
**3049. ¿ Кто Б. ?	—
**3050. Петръ IV	—
**3051. Отцы сдѣлались дѣдами	314
**3052. Общій фондъ	315
**3053. Письмо къ Г. Н. Вырубову	316
**3054. Письмо къ Н. А. Огаревой	320
**3055. Письмо къ И. С. Тургеневу	321
**3056. Письмо къ Н. А. Огаревой	324
*3057. Письмо къ Лизѣ и Н. А. Огаревой	325
**3058. Письмо къ И. С. Тургеневу	326
**3059. Письмо къ М. Мейзенбургъ, сыну и О. А. Герценъ	327
**3060. Письмо къ Ж. Мишле	330

№№	Стр.
**3061. Письмо къ М. А. Бакуину	331
*3062. Письмо къ Н. А. Огаревой	334
*3063. Изъ дневника	336
**3064. Отъ редакціи	—
**3065. Полноте врать!	—
**3066. Этнографическая агитація въ Москвѣ	337
**3067. Право собираться — новыя стѣсненія	338
**3068. Князь Меншиковъ — памфлетистъ	—
**3069. Частное дѣло	339
**3070. „Положительная Философія“	340
**3071. Общій фондъ	341
*3072. Письмо къ Н. П. Огареву	—
**3073. Письмо къ Н. А. Герценъ	342
*3074. Письмо къ М. Мейзенбугъ и Н. А. Герценъ	343
*3075. Письмо къ сыну	—
*3076. Письмо къ И. С. Тургеневу	344
*3077. Письмо къ М. К. Рейхель	345
*3078. Письмо къ Н. А. Огаревой	346
*3079. Письмо къ Н. П. Огареву	347
*3080. Письмо къ Н. А. Огаревой	—
*3081. Письмо къ Н. П. Огареву	349
*3082. Письмо къ М. Мейзенбугъ	350
**3083. Выстрѣлъ 6 іюня	351
**3084. Мазурка	352
**3085. Дикій законъ	357
**3086. Да здравствуетъ разумъ!	—
**3087. Катковское „Vive la Pologne!“	358
**3088. Просьба	—
**3089. Вопросы, запросы, загадки и сфинксы	360
**3090. Рѣзкое сонзволоніе государя и высочайшая загадка	—
**3091. Меньшіе братья шалить на ваканціяхъ	—
**3092. (Опять вранье)	361
**3093. Свѣтопреставленіе	—
**3094. Первое предостереженіе	362
**3095. Частное дѣло	—
**3096. Общій фондъ	363
**3097. Введеніе передъ заглавіемъ АВГУСТЪЙШІЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ. (Статья вторая)	— 364
**3098. Письмо къ Г. Н. Вырубову	368
**3099. Письмо къ Н. П. Огареву	370
**3100. Письмо къ Н. А. Огареву#	371

№№	Стр.
*3101. Письмо къ М. Мейзенбургъ	372
*3102. Письмо къ Н. А. Огаревой	375
*3103. Тоже	—
**3104. Письмо къ Н. П. Огареву	377
*3105. Письмо къ М. К. Рейхель	377
*3106. Письмо къ Н. А. Огаревой	378
**3107. 1857—1867	—
**3108. Изъ письма къ М. Бакунину	383
**3109. Березовскій	385
**3110. Котамъ игра — мышамъ слезы	387
**3111. Венгерская амнистія	—
**3112. Цензурный бредъ	388
**3113. Неудавшійся дѣтскій праздникъ	—
**3114. [Треповъ]	389
**3115. [О „Колоколѣ“]	—
*3116. Письмо къ М. Мейзенбургъ	390
*3117. Письмо къ сыну	392
*3118. Письмо къ Н. А. Огаревой	393
*3119. Тоже	396
*3120. Письмо къ М. К. Рейхель	397
*3121. Письмо къ Н. П. Огареву	398
*3122. Письмо къ С. Тхоржевскому	399
*3123. Письмо къ Н. П. Огареву	400
*3124. Тоже	401
*3125. Письмо къ сыну	402
**3126. Письмо къ Н. П. Огареву	403
**3127. Тоже	405
*3128. Письмо къ М. Мейзенбургъ	407
**3129. Письмо къ Н. П. Огареву	408
**3130. Тоже	409
**3131. (Отъ издателей)	412
**3132. Судь въ Парижѣ и убійство въ Петербургѣ	—
**3133. Польское дѣло	413
**3134. [Возвращеніе Герцена въ Россію]	414
**3135. (Вел. кн. Михаилъ Николаевичъ)	—
**3136. (О Березовскомъ)	—
**3137. La colonie russe	415
Русская колонія	418
*3138. Письмо къ С. Тхоржевскому	422
*3139. Письмо къ Н. П. Огареву	423
**3140. Тоже	425

№№	Стр.
**3141. Письмо къ Н. П. Огареву	426
*3142. Письмо къ С. Тхоржевскому	427
*3143. Письмо къ Н. П. Огареву	428
*3144. Письмо къ сыну	430
**3145. Письмо къ М. П. Погодину	431
**3146. Письмо къ Н. П. Огареву	433
*3147. Письмо къ сыну	435
*3148. Письмо къ М. Мейзенбургъ	436
**3149. Письмо къ Н. П. Огареву	438
*3150. Письмо къ С. Тхоржевскому	440
*3151. Письмо къ Н. П. Огареву	—
**3152. Тоже	441
*3153. Письмо къ С. Тхоржевскому	442
*3154. Письмо къ Н. П. Огареву	443
**3155. Тоже	—
*3156. Письмо къ сыну	445
**3157. Письмо къ Н. П. Огареву	446
 Библиографическій комментарий	 448

2835. (ВОЙНА).

Итакъ, опять кровь и кровь ¹⁾...

На черномъ фонѣ Польши и тупой реакціи въ Россіи зарево вспыхнувшей войны еще зловѣще отражается, чѣмъ въ 1859 году.

Оправдывать эту войну или обвинять ее — дѣло праздное. Что за прокъ обвинять или оправдывать чуму, холеру? Придетъ холера, надо склонить голову, лѣчить ея раненыхъ, хоронить убитыхъ, а главное — надо искать причины бѣдствій и стараться ихъ устранить.

Мы знаемъ, что холера всходитъ и прозябаетъ въ ямахъ, наполненныхъ гніющими нечистотами, и если не особенно усердно ихъ чистимъ, то, все же, собираемся чистить. Война прозябаетъ и всходитъ, напротивъ, на вершинахъ, еще больше наполненныхъ другого рода гніеніемъ, — тамъ ее и слѣдуетъ предупреждать. Для массъ война имѣетъ тотъ же характеръ роковой, безсознательный, какъ морь. Она только и сильна отсутствіемъ сознанія внизу и отсутствіемъ совѣсти и правды наверху. Разумѣется, для всякой драки есть *достаточныя причины*, но, вѣдь, и для холеры есть. Причины теперешней войны лежатъ въ насильственныхъ соединеніяхъ и расторженіяхъ народностей, въ *avortement* ²⁾ нѣсколькихъ революцій, въ лихорадочномъ состояніи умовъ, которымъ политическіе перевороты много обѣщали и мало дали, въ разнообразныхъ наростахъ или выростахъ въ родѣ Пруссіи, въ застарѣлыхъ обструкціяхъ и уродскихъ сросненіяхъ, какъ Австрія. И для холеры организмъ долженъ быть расположенъ и воспитанъ, — у нея своя логика, если не дипломатическая, то химическая.

Весь европейскій вопросъ и на этотъ разъ сводится, въ сущности, на вопросъ *дренажа*, вопросъ очищенія ямъ и вершинъ, очищенія засоренныхъ мозговъ и провѣтриванія подваловъ и дворцовъ, на вопросъ свѣта и воздуха.

¹⁾ Война Пруссіи и Италіи съ Австріей.

²⁾ Недонось, неуспѣхъ.

Одинъ самоотверженный легіонъ „мортусовъ“¹⁾, одно преданное братство нравственныхъ „золотарей“, открыто проповѣдуя опасность труповъ и похороны мертвыхъ, устраненіе всего живого отъ всего гніющаго, водружая открыто свою хоругвь, проповѣдуя всенародно, а не исподтишка свое апостольство, могутъ въ будущемъ поставить предѣлы мору, гуртовымъ избіеніямъ и тупоумному позору кровавой славы...

Гдѣ они, эти „ночные работники“, какъ ихъ называетъ Англія, и, которыхъ мы зовемъ на бѣлый свѣтъ? Кто имъ дастъ patent, кто ихъ услышитъ? До нихъ ли, когда весь блескъ, весь шумъ, вся тревога, весь лирической безпорядокъ, вся поэзія войны поглощаетъ уши, глаза и умъ. Война пьянитъ, ожиданіе крови, кровавыхъ новостей пьянитъ... Чѣмъ меньше мысли, тѣмъ больше задора.

Думаетъ ли кто-нибудь (кромѣ Италіи, которая пользуется сей вѣрной оказіей), изъ-за чего вся эта кровавая кутерьма? Нельзя же драться изъ-за того, что Пруссія и Австрія ругаются, какъ двѣ судомойки или какъ два русскихъ консервативныхъ журнала...

Нѣмецъ на нѣмца возстае, и оба знаютъ, что который бы ни побѣдилъ, всѣмъ нѣмцамъ будетъ хуже.

Что за пиръ безумія:

Венгерецъ противъ Италіи,

Венгерецъ за Италію.

Полякъ противъ Италіи,

Полякъ за Италію.

Галиція противъ Познани,

Познань противъ Галиціи.

Галиція за Познань,

Познань за Галицію²⁾.

А тутъ кроаты, далматы, русины, хорваты, словомъ, наши двоюродные братья славяне будутъ драться съ усердіемъ *противъ всѣхъ и за всѣхъ*, только *не за себя*; они еще не обзавелись со временъ Кирилла и Меѳодія своимъ домомъ и своимъ хозяйствомъ...

Прусское ополченіе нехотя идетъ проливать свою кровь за будущаго втораго Фридриха Второго, за лучшаго короля и за лучшаго Бисмарка... Оно идетъ, хмурясь и ворча, но, все же, *пойдетъ и будетъ драться*. Тутъ-то и лежитъ тайна и сила великаго нравственнаго міазма и мозгового поврежденія, великаго обмана и великой глупости. Если тысячи откажутся идти, нѣсколько десятковъ падутъ подъ пулями, а остальные будутъ цѣлы. Если же они всѣ пойдутъ

¹⁾ Mortuus — мертвый.

²⁾ Италія воевала въ союзѣ съ Пруссіей, чтобы отторгнуть Венгрію отъ Австріи.

противъ своей воли, тысячи падутъ, и только десятки воротятся домой. Кажется, расчетъ немудренъ. Бентамъ называлъ преступниковъ дурными счетчиками, какъ будто, всѣ другіе хорошо считаютъ. У преступниковъ только ошибки грубѣе, самобытнѣе, а ариѳметика у всѣхъ съ... Да и что всѣ эти ничтожныя *частныя* ошибки, которыя такъ умно, поправляетъ зубъ за зубъ уголовного закона, передъ гуртовыми ошибками высшаго порядка! Что значитъ, въ самомъ дѣлѣ, вся масса убійствъ, членовредительствъ, грабежей, воровства, плутовства въ продолженіе десяти лѣтъ передъ однимъ мѣсяцемъ войны и двумя дипломатическихъ фальшивыхъ нотъ, искреннихъ увѣреній и задушевныхъ ультиматумовъ? Все это исчезаетъ, „какъ капля въ море опущенна“. Подумайте объ этомъ.

По счастью, мы, посторонніе, не призваны брать прямого участія въ этомъ кровавомъ безуміи, мы даже не намѣрены говорить о разныхъ стадіяхъ болѣзни. Но намъ казалось, что разъ должно было обозначить наше отношеніе къ войнѣ.

Удержать собравшуюся грозу никто не можетъ, развѣ, какая-нибудь нелѣпость колоссальнѣе суммы тѣхъ, которыя ее вызвали. На это считать нельзя, а потому, принимая войну за неотразимый фактъ, мы отъ души желаемъ избавленія Венеціи, желаемъ гибели Австріи, но съ тѣмъ вмѣстѣ гибели Пруссіи... Желаемъ такъ, какъ желали бы, чтобъ будущая холера обошла нашихъ друзей, честныхъ, добрыхъ людей, и, если ей необходимо морить, уморила бы Муравьева, его литературныхъ адъютантовъ, кварталныхъ журналистовъ и другихъ соглядатаевъ и доносчиковъ.

Далѣе наши скромныя желанія не идутъ. Да и большаго эта война дать не можетъ. Въ ней слишкомъ много неклеющагося дѣрется за одно, и слишкомъ ясно видна чья-то передергивающая рука въ должности руки провидѣнія.

Намъ особенно противны журналисты и писатели, зовущіе войну, толкающіе въ нее народы. Повели бы мы всѣхъ этихъ кабинетныхъ любителей баталій, военныхъ столкновеній, атакъ и отступленій на поле сраженія — пожалуй, послѣ битвы — чтобъ они ознакомились съ чудовищемъ, которому кадятъ чернилами. Данте блѣднѣетъ въ своей хирургической поэзіи, въ своихъ описаніяхъ божественнаго безчеловѣчія передъ очерками Эркмана и Шатриана, передъ толстовскими иллюстрированными *реляціями* 1805. Полно смотрѣть свысока на одни инспекторскіе смотры, на одну парадную форму! Что вы за генерал-аншефы? ступайте въ перевязочную, въ лазаретъ, въ избу, лишенную отца, въ мансарду, лишенную хлѣба...

И эта старая, бѣдная Европа опять увидитъ не на театрѣ, а на самомъ дѣлѣ шиллеровскій „Wallensteinslager“... А, впрочемъ,

почему же и не увидеть?... Чего же недостает для постановки? Все мертвое цѣло: и германскій императоръ, и протестантскій король, и капуцинъ съ своей ломанной проповѣдью, и пасторъ съ своей скучной проповѣдью, и даже та гейневская маркитантка, вѣрно, найдется, которая такъ удивительно начинаетъ свою пѣсню:

*Und die Husaren lieb ich sehr
Ich liebe sehr dieselben;
Ich liebe Sie ohne Unterschied
Die Blauen und die Gelben,
Und die Musketiere lieb' ich sehr
Ich liebe die Musketiere... 1)*

... Вы хотѣли все сохранить, и старое, и новое, вы хотѣли быть разомъ дѣдомъ и отцомъ, отцомъ и сыномъ, пѣтизмомъ и наукой, попомъ и мыслителемъ, вы хотѣли свободу и короля, папу и свободу, постоянныя права и постоянныя войска... Вотъ вамъ за это Валленштейновъ лагерь и канунъ Тридцатилѣтней войны.

А потомъ?

А потомъ болотами крови и горами костей старый міръ доташится на деревяшкѣ и съ пластыремъ героизма на глазу до Вестфальскаго, или Вѣнскаго конгресса, который ничего не рѣшитъ, никого не удовлетворитъ, но на время хлороформируетъ инвалида. А инвалидъ однимъ, все-таки, останется очень доволенъ — что, лишившись ноги и глаза, семьи и состоянія, онъ сохранилъ и своего короля, и свою церковь, и все, что надобно для спасенія души на томъ свѣтѣ и гибели свободы и благосостоянія на этомъ.

Гдѣ мой профессоръ 2), который такъ трогательно и краснорѣчиво читалъ о великихъ успѣхахъ международнаго права въ то самое время, какъ сольферинскія пушки гремѣли въ Италіи?..

2836. [„Современникъ“ и „Русское Слово“].

„Современникъ“ и „Русское Слово“ окончательно запрещены.

По высочайшему повелѣнію, вслѣдствіе „доказаннаго съ давняго времени вреднаго ихъ направленія“.

- 1) Гусаровъ очень я люблю —
Въ бою, Господь, храни ихъ!
Люблю ихъ безразличья всѣхъ —
Какъ желтыхъ, такъ и синихъ.
И мушкетеровъ я люблю,
Люблю всѣхъ мушкетеровъ.

(Очень вольный переводъ подъ редакціей П. Вейнберга, „Сочиненія“ изд. Маркса, 1904).

- 2) „Колоколь“, л. 144, 1862, „Концы и начала“ (Письмо IV). А. И. Г.

Письмо государя къ Гагарину писалъ Панинъ, Викторъ Никитичъ Панинъ!.. Всѣ могилы, всѣ богадѣльни открываются, всѣ давно умершіе, схороненные, забытые и смердящіе ползуть на сцену, и — и самъ длинный Панинъ. ¹

◆◆ 1. 19 февраля 1866 г. членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати И. А. Гончаровъ писалъ Валуеву: „Рѣшаюсь безпокоить Васъ этими строками, потому что чувствую крайнюю потребность объяснить то противорѣчіе въ моемъ изложеніи и мнѣніи по поводу декабрьской книжки „Рус. Слова“, на которое вы изволили указать въ резолюціи, положенной по этому случаю на журналъ совѣта по дѣламъ печати.

„Смѣю увѣрить, что я не считалъ и не считаю одну *журнальную ловкость* достаточною причиною, чтобы избавить журналъ отъ отвѣтственности даже передъ судомъ, не только передъ администраціей. Я упомянулъ мимоходомъ о *ловкости*, къ которой прибѣгнула редакція „Р. С.“ въ декабрьской книжкѣ и которая состояла въ подборѣ ряда статей извѣстнаго колорита, но самый колоритъ каждой статьи, по моему мнѣнію, не былъ такъ яркъ, чтобы вызвать немедленное третье предостереженіе. Можетъ быть, я ошибся въ послѣднемъ, но такое же мнѣніе было представлено потомъ цензурн. комитетомъ, и съ ними и со мною согласился и Совѣтъ.

„Самое изложеніе мое о содержаніи и характерѣ статей декабрьской книжки составлено съ безпощадной добросовѣстностью: я и здѣсь, какъ дѣлаю всегда, не оставилъ безъ вниманія ни одной подробности, могущей выяснить направленіе журнала, въ чемъ мнѣ не помѣшаетъ никакая журнальная ловкость, и если я не пришелъ къ заключенію о необходимости немедленнаго третьяго предостереженія, а предложилъ *отсрочку до первѣйшаго повода*, то это не отъ недостатка *рѣшимости*, не потому, чтобы я считалъ совѣтъ по дѣламъ печати *посредникомъ между литературой и правительствомъ*, или забывалъ, что я составляю кольцо въ томъ *звѣнѣ*, о которомъ в. в.—во изволили упомянуть въ резолюціи, а единственно потому, что, прочитавши всю книгу одинъ, въ короткій срокъ, я не вдругъ довѣрилъ своему впечатлѣнію, боялся преувеличенія и поспѣшности, послѣдствіемъ которой, въ случаѣ довѣрія совѣта къ моему мнѣнію, былъ бы рѣшительный исходъ для участи журнала, т.-е. его прекращеніе.

„Направленіе „Р. С.“ вредно и безнравственно съ самаго начала его изданія; таково оно было и при наблюденіи предварительной цензуры, когда достаточно было одного предписанія, чтобы закрыть журналъ; но этого не послѣдовало. Относительно декабрьской книжки, по моему мнѣнію, менѣе виновной въ ряду прочихъ книжекъ, я опа-

сался только показаться plus royaliste que le roi, предвидя и предсказывая въ то же время, что мѣра терпѣнія переполняется, и что дни журнѣла изочтены.

„Я не отрекаюсь отъ сочувствія къ литературѣ, но и злой врагъ мой не упрекнетъ меня въ потворствѣ къ ея крайнимъ и вреднымъ проявленіямъ: этому противорѣчить вся моя служебная и литературная дѣятельность.

„Поэтому, смѣю думать, что ни настоящій, ни могушіе впредь быть случаи какихъ-либо колебаній или сомнѣній, весьма естественныхъ въ такихъ дѣлахъ, какъ дѣла литературы и печати, не будутъ отнесены в. в—мъ къ какому-либо уклоненію съ моей стороны отъ долга, налагаемаго на каждого изъ насъ довѣріемъ правительства“.

Помѣтка Валуева: „Попросить г. Гончарова ко мнѣ завтра въ 5 ч.“ (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1864 г. № 51).

1 июля 1866 г. Благосвѣтловъ писалъ Валуеву, что въ прошлое свиданіе министръ сказалъ ему въ заключеніе разговора: „подумайте и сообщите мнѣ, какъ я могу помочь вамъ“, что „ни въ моихъ убѣжденіяхъ личныхъ и ни въ интересахъ правительства разорять частныхъ лицъ!“.

Поэтому онъ просилъ дать ему годовой срокъ на ликвидацію арендуемой имъ типографіи гр. Кушелева-Безбородко и два мѣсяца — для ликвидаціи закрытаго книжнаго магазина или же приобрѣсти типографію и магазинъ въ казну (тамъ же).

2837. Три убійства въ Тамбовѣ.

26 апрѣля (7 мая), въ 8 час. утра были убиты солдатами бѣлымъ днемъ, по приказанію начальства, три человѣка: Меркуль и Иванъ Рябушкины и Семень Пономаревъ. Такъ какъ у насъ смертной казни въ *не-военномъ* сводѣ нѣтъ, а преступники незаконно и бессмысленно судились военнымъ судомъ въ мирное время, то мы и считаемъ обязанностью упомянуть объ этомъ новомъ преступленіи правительства. До чего жители Тамбова развращены и кровожадны, ярко выставляють „Тамбовскія Вѣдом.“; рассказывая со всѣми подробностями совершенное солдатами злодѣйство, при огромномъ стеченіи народа, онѣ прибавляють: „И не единой слезинки не капнуло, на ихъ могилу“.

2838. Сказка о гостинцѣ царю и о домѣ Комиссарову.

Въ русскихъ газетахъ помѣщена любопытная сказка совершенно въ азиатскомъ вкусѣ. Въ Задонскѣ жилъ да былъ рабъ божій Антонъ Садофьевъ; у него было два сына; одному стукнуло *тридцать годковъ*, другому *тридцать съ четьрьмя*. Старикъ Садофьевъ, забоясь, какъ дѣтокъ пристроить, и. вѣ-

рнятно, начитавшись въ библіи, какъ Авраамъ водилъ на закланіе Исаама, и какъ богъ Исаака прикомъ не дозволилъ, а велѣлъ его зачислить, на правахъ оберъ-патріаршескихъ дѣтей, въ лейбъ-левиты, — вздумалъ ихъ подарить „въ даръ батюшкѣ-царю“. Батюшка-царь посмотрѣлъ, посмотрѣлъ и думаетъ: хороши дѣти, которыхъ отецъ сбываетъ съ рукъ, — да и велѣлъ ихъ отдать въ солдаты (тоже, какъ Исаака, съ разными правами). О томъ, хотѣли ли дѣтки, одинъ въ 30, другой въ 34 года, какъ дѣва орлеанская, мирный посохъ промѣнять на мечъ воинственный и счеты — на гусарскую шапку, объ этомъ ни слова въ сказкѣ, помѣщенной въ 145 № „Голоса“.

Это все еще съ каракозовскаго дѣла ихъ разбираетъ! Да и то правда, — не будь выстрѣла, задонскому патріарху пришлось бы взвести на ребятишекъ, по крайней мѣрѣ, конокрадство или что-нибудь такое неприятое, чтобы ихъ отдать въ солдаты. Азія — да и только! Такъ и отзывается Камбизомъ, Киромъ, Ксерксомъ и Антаксерксомъ!

Вотъ распорядители-то по дѣлу обогащенія Комиссарова и опростоволялись, предложивши стгоряча купить ему домъ. Имъ бы кличь кликнуть, кто хочетъ, моль, жертвовать дѣтми для составленія дворни Осипу Ивановичу, — послали бы со всѣхъ сторонъ и купцы, и дворяне, и чиновники недорослей и перерослей обоего пола. А то съ доможь-то вышло нехорошо. „Инвалидъ“ говоритъ, что пожертвовано на домъ 20,000 рубл. сер. Ну, на это дворца не купишь... а и у французскаго короля, какъ совѣтовалъ почтмейстеръ въ „Мертвыхъ душахъ“, признанъ нельзя за упраздненіемъ такой должности.

Восторга сколько угодно, а что касается до *онихъ* — *атанде*. Да и что за матеріализмъ! Не дорогъ подарокъ — дорога любовь... А, вѣдь, ужъ какъ, умасливали-то Осипа Ивановича... Вотъ оно molto fumo l poco attosto! ¹⁾

2839. Головастики, трубящіе побѣду.

Мы не до того апатичны, чтобы радоваться, сидя въ покойной гавани, какъ тонетъ корабль, но, съ другой стороны, совершенно согласны, что мало зрѣлищъ доставляетъ больше удовольствія, какъ зрѣлище, какъ одна надувающаяся лягушка за другой переходитъ прѣдѣлы и лопаеъ. Трещина обыкновенно дѣлается, когда ее всего меньше ожидаютъ, когда какая-нибудь жаба сладострастно упивается ѣ наслажденіемъ собой, упивается властью, мстью, силой, доносить безъ нужды, отравляетъ безкорыстно...

Первая жаба былъ Катковъ, вторая, вѣроятно, будетъ Муравьевъ, если не успеетъ прежде самъ умереть.

Но ими болото не очищено.

За крупными жабами тянутся маленькія лягушки и всякіе головастики. Примѣръ коноводовъ ихъ не останавливаетъ и не дѣлаетъ осторожными. Мы такъ и видимъ, какъ они всѣ перелопачуются.

Милые головастики, опасны ваши дѣта, остерегайтесь... рычагъ, на который вы опираетесь, далеко не такъ крѣпокъ. Вы вообразили себѣ, что манифестъ 13/25 мая снова подъ другимъ именемъ возстановитъ крѣпостное право, испортитъ и безъ того не очень широкія земскія учрежденія, дастъ но-

¹⁾ Много дыму, мало изжарено.

вья права крупному землевладѣнію... снова изъ Россіи сдѣлаеть помѣщичье имѣніе, въ которомъ царь, окруженный столбовой дворней, возьметъ себѣ весь трудъ крестьянина, чтобы онъ не баловался, а передняя съѣсть село и пр. ?

А дѣло выстрѣла начинаетъ надѣждать, жмурки продолжаются слишкомъ долго. Свистъ пули, пролетѣвшей надъ царской головой, черезъ два съ половиной мѣсяца перестаетъ шумѣть въ ушахъ. Скучно.

А кто устоитъ противъ бога и скуки?

Всѣ устали и всѣ недовольны. Люди, оживавшіе торжественнаго спектакля съ удивительной постановкой, съ Муравьевымъ-Синей бородой, съ измученнымъ Караказовымъ и толпою его сообщниковъ, съ княжалами, ядами, револьверами, кричатъ больше всѣхъ.

Всѣ тѣ, которые, подавленные страхомъ, молчали все это время, кричатъ за ними.

А, наконецъ, и вся честная, здоровая часть общества начинаетъ съ неудовольствіемъ смотрѣть на вѣчные аресты, на грубые отвѣты Муравьева, на тайну, за которой не могутъ скрыть колоссальнаго fiasco.

2840. Всякая всячина изъ нашей реакціи.

Валуевъ напечаталъ свою энциклику по поводу письма къ Гагарину. Онъ рекомендуетъ въ ней полицейскимъ начальникамъ „обнаруживать особую заботливость о православной церкви“. Къ общимъ обязанностямъ „распорядительной и полицейской власти“ отнесено „наблюденіе за молодыми людьми, посѣщающими открытыя учебныя заведенія или вступающими по окончаніи учебныхъ курсовъ на службу, т.-е. вся молодежь отдана подъ надзоръ квартальныхъ и сыщиковъ мин. вн. дѣлъ безъ ушерба надзору отъ III Отдѣленія.

„Indépendance“ думаетъ, что государь медлилъ *оттого ѣхать послѣ аттентата въ Москву, что Караказовъ когда-то былъ слушателемъ московскаго университета*. Если это такъ, то чему же дивиться сердобскому дворянству, воюющему противъ всей семьи Караказовыхъ, даже противъ ихъ имени... Vanitas vanitatum¹⁾, къ чему послужили всѣ раболѣпныя телеграммы, записки, доносы, тосты московскихъ профессоровъ, зачѣмъ студенты ходили славить Каткова, беспокоить Иверскую божію мать. Дѣлайте послѣ этого подлости, уклоняйтесь, отрекайтесь отъ убѣжденій цѣлой жизни!

Объ аттентатѣ, и процессъ продолжаетъ „Indépendance“, никто больше не говоритъ и не думаетъ. Муравьевъ заговора не открылъ и, слѣдовательно, все, сказанное нами въ прошлыхъ листахъ „Колокола“, оправдано вполнѣ. ЗАГОВОРА НЕ БЫЛО и тысячу разъ повторяемъ: *Заговора не было*. Все, что дѣлается, — колоссальный обманъ. Обмануть можно оробѣвшаго государя, оторопѣвшую толпу, но нельзя обмануть исторію.

2841. („Neue Frankfurter Zeitung“).

„Neue Frankfurter Zeitung“, № 151, 3 іюня, характеризуетъ рескриптъ князю Гагарину „глупымъ“ (nârrisch). „Имп. Александръ, вообще чловѣкъ разумный (sonst ein vernünftiger Mann), обнародовалъ по поводу извѣстнаго поку-

1) Суета суеть.

шенія рескриптъ, въ которомъ моралистъ соревнуеть съ монархомъ, боящимся революціи, чтобъ доказать глубокую связь между отдѣльнымъ преступленіемъ и зловредными ученіями, подкапывающими и пр. Это глупое посланіе (шутовское, дурацкое — *pörrisch*) — подражаніе (*Abklatsch*) Меттерниховой государственной мудрости, дѣлается *пикантнымъ* только потому, что русскимъ чиновникамъ снова рекомендуется уважать *право собственности*. Даже нѣмецъ умудриль!:

2842. Письмо къ сыну.

2 іюля 1866.
7, Quai M-t Blanc.

*Habent sua fata libelli*¹⁾ — люди, царства... Лиха бѣда попасть въ complicatiō, а тамъ сами обстоятельства подѣлываютъ.

Это такъ вѣрно, что я и на общее и на частное буду тебѣ отвѣчать съ этимъ тезисомъ во главѣ. Во-первыхъ, можно любить Италію и должно желать, чтобъ Венеція къ ней присоединилась, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что война не неумѣстна и что можно желать побѣду Пруссіи. Ты и Мейз., вы слишкомъ идете на парусахъ, т.-е. по вѣтру. Надобно имѣть свой ходъ, какъ у *Steamer'a*²⁾. Мою мысль о войнѣ ты теперь знаешь по статьѣ въ „Колоколѣ“. Поймите вы оба то, что отъ побѣды прусско-итал. можетъ быть лучше Италіи, но, навѣрное, хуже всей Европѣ. Централизованный деспотизмъ и централизованная бюрократія Франціи и Пруссіи все убьютъ.

И что за слава Италіи, если за нее опять вступится Напол.? А потому и не браните такъ Луи Блана. Что же касается до „*Journal du Gephève*“, онъ всегда былъ подль и на откупъ всякихъ реаквъ. Ну вотъ тебѣ объ общей войнѣ³⁾...

2843. Письмо къ сыну.

7 іюля (1866). суббота.

Денегъ отъ Авигодора еще нѣтъ, а потому я посылаю *одну тысячу* золотомъ, 500 отправь Мейзенб.

Я Татѣ поручилъ тебѣ или Мальвидѣ написать обо всѣхъ ужа-

1) Имѣютъ свою судьбу книги.

2) Паролодь.

3) Конецъ опускаю, по желанію семьи Герцена.

сахъ изъ Россіи. Мартыановъ умеръ ¹⁾. Худяковъ приговоренъ къ смерти ²⁾; жена его отличилась на допросѣ ³⁾.

Прибавлять нечего. Отвѣчай какъ можно скорѣе о деньгахъ.
Въ Венецію я собираюсь не на шутку.

Прощай.

2844. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

11 juillet 1866.

Lausanne, Hôtel Belvédère.]

J'ai reçu votre lettre encore à Genève. Dans l'heureuse ignorance des deserts de S. Terenzo — vous ne saviez pas encore la farce vénétienne. Que j'avais raison de maudire cette guerre. C'est bien que l'Autriche est mortellement blessée — mais je hais encore plus cette infâme patrie des Junkerthums — qui trouve grâce même à vos yeux. Vous dites entre autres que si Bismark voulait franchement etc. D'accord si Bismark était un Danton ou un Robespierre beaucoup de choses seraient tout autres — mais il est Bismark. Vous avez, chère cosmopolite, un nerf tout patriotique pour les „нѣмцы“ — et malgré vous vous êtes prussophile (comme tous les allemands du Nord) — jusqu'aux bouts de vos ongles.

Je présume que l'on ne se battra plus. Quel siècle — où la conquête de Venise par l'Italie devient un soufflet pour la Peninsule et pour le roi, et pour Garibaldi. Voilà la grande journée à laquelle rêvait Maz. dans sa mansarde de Brompton.

Le reste dans les journaux.

Allons à la maison. Or donc vous voilà hermite — d'une bonne espèce (della Spezia) — est ce jusqu'au 1 sept.?

Mon plan serait d'aller vers la fin d'août — à Venise, de passer quelques jours là — de passer quelques jours à Milan (où je n'ai jamais été) — ensuite un repos à Como. — Si le voyage est possible pour les finances nous pourrions le faire ensemble, si non — nous nous arrangerons. Tata restera ensuite, et moi je retournerai. A propos, une idée lumineuse m'a frappé il y a deux trois jours. Les Américains fêtaient

¹⁾ Въ юнѣ 1866 г.

²⁾ По позднѣйшему приговору верховнаго уголовного суда, лишень всѣхъ правъ состоянія и сосланъ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

³⁾ Молодая беременная женщина была доведена на допросахъ до изступленія и въ присутствіи комиссіи назвала Муравьева „кровожаднымъ звѣремъ“ и „вѣшателемъ“; когда черезъ нѣсколько часовъ она выкинула, Муравьевъ, боясь интригъ Шувалова, приказалъ ее освободить.

une grande fête. Je regarde la fête — et je m'en vais chez le Cousul. — Monsieur, — lui dis je — il y a une dame qui a écrit 3 lettres á Carl Schurz — sans avoir de réponse — comment faire pour savoir s'il les a reçu. — Ecrivez au rédacteur de la „New-York Tribune“. — De suite je prends un papier et je lui écris en ajoutant qq. lignes pour Schurz. J'ai lu l'article très clairement et très bien composé — par M. Berduchek sur l'affaire Vieusseux. Il faut être spécialiste consommé et litterateur italien pour mener avec profit et honneur cette affaire. Il me semble qu'Alex. ne fera pas beaucoup. Je voudrais certainement le lancer dans une entreprise de ce genre mais le capital est comme des Lebens Mai, il ne retourne plus. Pensons y... mais... ou comme disait Haug... ma... ma... Remerciez mille et mille fois M-r Berduchek.

Переводъ.

11 июля 1866.

Письмо ваше я получилъ еще въ Женевѣ. Въ счастливомъ невѣдѣніи пустынь S. Terenzo¹⁾ вы ничего еще не знали о венеціанскомъ фарсѣ²⁾. Какъ я былъ правъ, проклиная эту войну! Конечно, хорошо, что Австрія ранена смертельно, но я еще болѣе ненавижу подлое отечество юнкерства³⁾, которое находитъ себѣ даже снисхожденіе въ вашихъ глазахъ. Вы, между прочимъ, говорите, что, если бы Бисмаркъ искренно хотѣлъ, то... и т. д. Согласенъ, если бы Бисмаркъ былъ Дантономъ или Робеспьеромъ, многое было бы совсѣмъ по иному, но... онъ — Бисмаркъ. У васъ, дорогая моя космополитка, сильно развитъ патріотическій нервъ „pour les нѣмцы“⁴⁾, и вы невольно являетесь до кончика ногтей пруссофилкой, какъ почти всѣ нѣмцы сѣверныхъ областей.

Я предполагаю, что драться болѣе не будутъ. Но что за вѣкъ, когда завоеваніе Венеціи Италіей является пощечиной для полуострова, для короля и для Гарибальди!? Вотъ онъ, этотъ великій день, о которомъ мечтали въ своей мансардѣ въ Брамptonѣ Мащини!

Остальное вы узнаете изъ газетъ.

Вернемся домой. Итакъ, вы — отшельница хорошаго рода (de la Spezia)⁵⁾ — что же, это до 1 сентября?

У меня такой планъ: въ концѣ августа отправиться въ Венецію, провести тамъ нѣсколько дней; потомъ провести нѣсколько дней въ

1) Via Terenzio въ Римѣ

2) 5 июля Австрія уступила Венецію Франціи, а послѣдняя — Италіи.

3) Т.-е. Пруссію.

4) Въ пользу нѣмцевъ.

5) Spezia — городъ въ окрестностяхъ Генуи.

въ Миланѣ, гдѣ я еще никогда не бывалъ; затѣмъ на отдыхъ — на озеро Сомо. Если, по денежнымъ обстоятельствамъ, путешествіе это окажется доступнымъ, тогда совершимъ его вмѣстѣ; если же нѣтъ, устроимся иначе: Тата останется, а я вернусь.

Кстати, дня два-три тому назадъ меня осѣнила блестящая мысль. Американцы праздновали большой праздникъ. Я глядѣлъ на праздникъ и... отправился къ консулу. „Сударь“, сказалъ я ему, „одна дама послала три письма Карлу Шурцу и не получила на нихъ отвѣта. Какъ узнать, получили ли онъ эти письма?“ — Напишите редактору „New-York Tribune“. Сейчасъ же взялъ я бумагу и написалъ ему, присовокупивъ нѣсколько строчекъ для Шурца. Я прочелъ прекрасно и толково написанную записку Бердушека о дѣлѣ Vieusseux. Надо быть вѣздлымъ специалистомъ и въ то же время итальянскимъ литераторомъ, чтобы выгодно и съ честью вести это дѣло. Мнѣ сдается, что Алекс. многого не сдѣлаетъ. Конечно, я желалъ бы направить его въ такого рода предпріятіе... но капиталъ, какъ и „май жизни“, не возвращается. Поразмыслимъ надъ этимъ... но... или, какъ говаривалъ Гаугъ... та... та...¹⁾ Поблагодарите тысячу разъ г. Бердушека.

2845. Письмо къ С. Тхоржевскому.

14 juillet 1866.

Lausanne, Hôtel Belvédère.

Cher Tchorzevsky, je vous autorise de prendre de mon argent déposé à la banque générale de Suisse — de *mille cinq cents jusqu'à deux milles francs* (je n'ai pas avec moi le livre des chèques) — et les envoyer à mon fils à Florence en or.

Votre tout dévoué

Al. Herzen.

Переводъ.

14 июля 1866.

Дорогой Тхоржевскій! Уполномочиваю васъ получить изъ моихъ денегъ въ главномъ швейцарскомъ банкѣ отъ тысячи пятисотъ до двухъ тысячъ франковъ (у меня нѣтъ при себѣ чековой книжки) и выслать таковыя золотомъ моему сыну во Флоренцію.

Совершенно вамъ преданный

Ал. Герценъ.

¹⁾ На... но... (ит.).

2846. П. А. Мартьяновъ.

На-дняхъ мы получили вѣсть о кончинѣ на Петровскихъ заводахъ Петра Алексѣевича Мартьянова. Онъ умеръ въ каторжной работѣ. Вся вина его состояла въ томъ, что онъ свою пламенную любовь къ русскому народу смѣшивалъ съ вѣрой въ земскаго царя. Царь убилъ его за это.

Мы были правы, говоря о смерти Серно-Соловьевича¹⁾, что правительственные Каракозовы не даютъ промаховъ.

2847. Великій заговоръ — большая ложь.

„Indépend. Belge“ (3 іюля) говоритъ, что дѣло Каракозова оканчивается и, можетъ, окончено уже теперь. По слѣдствію открыто, что покушеніе 16/4 апрѣля *не было слѣдствіемъ заговора*, давно обдуманнаго и далеко распространеннаго, а дѣломъ небольшой кучки людей, сводящейся на семь человекъ, изъ которыхъ шесть должны были по жребію исполнить намѣреніе, а седьмой — заготовить прокламаціи²⁾.

„Корни“, которыхъ такъ хвастливо кинулся искать Муравьевъ, не такъ-то были глубоки. Зато онъ выдумалъ два новыхъ дѣла, такъ что, сверхъ комиссіи по дѣлу объ атентатѣ, являются еще двѣ комиссіи, а именно: комиссія по дѣлу тайныхъ обществъ и комиссія объ *опасныхъ классахъ въ петербургскомъ населеніи*. Если къ этому прибавить еще пять-шесть комиссій: „о продовольствіи войска“, „о снабженіи водой Петербурга“, „о сохраненіи лѣсовъ“, и все это отнести къ каракозовскому дѣлу, конечно, его можно продлить годы, но кого же можно надуть такими ошлыми натяжками?

Сртзались, почтенный графъ?.. Тутъ, видно, не въ Польшѣ!¹

◆◆ 1. 30 мая 1866 г. шефъ жандармовъ Долгоруковъ, отнюдь не бывшій сторонникомъ Муравьева, писалъ своему единомышленнику Валуеву по-французски: „Слѣдствіе въ Москвѣ идетъ, но, по-моему, ничего выдающагося у насъ еще нѣтъ. Муравьевъ присылалъ сюда (въ Москву — *М. Л.*) Дена и Черевина, чтобы получить что-нибудь цѣнное, что существуетъ въ дѣйствительности или хотя бы въ мечтѣ.

¹⁾ Мы недавно узнали подробности о кончинѣ Серно-Соловьевича: его большого переѣхала тройка, въ которой везли другихъ сосланныхъ; поднятый на дорогѣ, онъ былъ доставленъ въ иркутскій лазаретъ и тамъ умеръ. Что за сарген топендум²⁾ эта императорская Россія! *А. И. Г.*

²⁾ Свѣдѣнія эти очень неточны.

³⁾ Наводящая ужась.

Дастъ Богъ, ему удастся открыть истину и не нарушить ее. Я, какъ и многіе другіе, боюсь, что онъ удержитъ свое положеніе недолго и внушаетъ ужасы безъ достаточнаго основанія“ (архивъ П. Я. Дашкова).

2848. [Примѣчаніе] ¹⁾.

Спѣшимъ передать нашимъ читателямъ еще замѣчательную статью, вызванную рядомъ правительственныхъ неистовствъ и общественныхъ раболѣпій послѣ 4/16 апрѣля. По несчастью, она опоздала немного. Мы не во всѣхъ подробностяхъ раздѣляемъ мнѣніе автора, но это нисколько не мѣшаетъ намъ вполне цѣнить этотъ протестующій голосъ *русскаго изъ Россіи* въ несчастномъ каракозовскомъ дѣлѣ.

2849. Общественныя удовольствія въ Петербургѣ.

Подъ скромной рубрикой „Городскихъ извѣстій“ „Голось“ рассказываетъ, что каждый день выставляютъ къ позорному столбу какого-нибудь молодого чловѣка „за пособничество къ приведенію въ исполненіе преступныхъ намѣреній тайнаго политическаго общества“:

8/20 іюня читанъ на Мытнинской площади приговоръ *Мосолову*,

9/21 іюня — дворянину *Н. Шатилову*,

10/22 — лѣкарю *П. Лебединскому*.

Всѣ трое лишены правъ состоянія и сосланы въ Сибирь на поселеніе.

Дѣло, по которому они были „пособниками“, извѣстно читателямъ „Колокола“ ²⁾.

2850. Коли надобно, отчего и не постѣчь; нашего брата хорошо постѣчь ³⁾.

До какой невѣроятной нелѣпости и до какого зашибленнаго тупоумія пало наше общество, можно видѣть изъ *ликованій и празднованій по поводу рескрипта Гагарину*. Ни малѣйшаго такта, ни малѣйшаго политическаго воспитанія! Мѣры репрессивныя, гоненія, преслѣдованія и пр. могутъ находить иногда оправданіе, но никогда не *празднуются*, такъ, какъ не празднуются казни, чтеніе приговоровъ.

¹⁾ Къ статьѣ Ш., „Каракозовъ, царь и публика“.

²⁾ Дѣло И. Андрушенка.

³⁾ „Коли высѣчь, то и высѣчь: я ничуть не прочь отъ того. Почему же не постѣчь, коли за дѣло? На то воля господская. Оно нужно постѣчь, потому что мужикъ балуется“ („Мертвыя души“, т. I, гл. III).

Наши крѣпостники, имѣя въ виду, съ одной стороны, грубое возвращеніе къ злоупотребленіямъ, съ другой — грубую, рабскую лесть, возобновляютъ безчинства поздравительныхъ телеграммъ Муравьеву. „Моск. Вѣдомости“ въ 119 № даютъ поразительный примѣръ въ корреспонденціи изъ Костромы.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ нея: „Едва получены были съ почты газеты, какъ вѣсть о рескриптѣ разнеслась по городу. Всѣ спѣшили прочитать эти нумера нарасхватъ. *Радость сіяла буквально на всѣхъ лицахъ.* Сейчасъ же родилась мысль, для бѣльшого уясненія значенія словъ государя, собраться вмѣстѣ и за *недорогимъ обѣдомъ* обсудить значеніе незабвеннаго рескрипта. Импровизированный обѣдъ состоялся 23 мая. Приглашались всѣ, но, къ сожалѣнію, по разнымъ непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, высшіе изъ губернскихъ администраторовъ не могли участвовать на обѣдѣ: губернаторъ — по болѣзни, вице-губернаторъ и предсѣдатель уголовной палаты — по неизвѣстнымъ мнѣ, но, безъ сомнѣнія, очень уважительнымъ причинамъ. (Это ужъ не доносець ли? Пріятно видѣть, что „Моск. Вѣдом.“ не оставили прежнихъ привычекъ).

Приводимъ нѣсколько фразъ изъ рѣчи предсѣдателя земской управы Лаговскаго :

„Нельзя не радоваться тому, что самодержавный государь семидесяти милліоновъ говорить, какъ *почетительный отецъ любимой семьи*; нельзя не сочувствовать тѣмъ благотѣльнымъ началамъ, къ осуществленію которыхъ призываетъ насъ высочайшая воля.

„Господа! не вызываетъ ли это каждаго изъ насъ на общественную дѣятельность, не есть ли это голосъ, пробуждающій общественныя силы отъ той апатіи, которая, какъ непосредственное слѣдствіе усиленной административной опеки, во всемъ и всегда связывала ихъ? Это невольное равнодушіе общества и было причиною, что пагубныя ученія развивались безнаказанно. И вотъ наступило время, когда пробужденная дѣятельность общества должна обратиться на искорененіе лжеученій и проведеніе въ жизнь благихъ началъ, указываемыхъ высочайшимъ рескриптомъ“.

Это еще умѣренный; вслѣдъ за нимъ вотъ какъ витіюствуетъ членъ уѣздной земской управы Бочинякъ:

„Гнусное преступленіе измѣны святой родинѣ 4 апрѣля, по волѣ Провидѣнія, привело къ великимъ послѣдствіямъ.

„По выраженію государя императора, оно повело къ раскрытію корней зла, разѣдаващаго Россію, — зла, которое, впрочемъ, уже давно предполагали вѣрные сыны отечества и государя и которое подтвердилось теперь изслѣдованіями высочайше назначенной слѣдственной комиссіи. Рескриптъ государя теперь ясно и официально указываетъ

на тѣхъ, кого слѣдуетъ считать врагами отечества и его собственными. Всѣ, возбуждающіе вражду между сословіями, вносящіе тайный и явный развратъ въ семейную жизнь, всѣ, подрывающіе коренныя начала государственнаго строя и религіи, по словамъ государя, суть враги его и отечества, т.-е. презрѣнные измѣнники родины! Глубокое сочувствіе державнымъ словамъ государя — вотъ встрѣча, которая подобаетъ рескрипту державнаго освободителя двадцати милліоновъ подданныхъ. Отнынѣ рескриптъ этотъ долженъ послужить основаніемъ для всѣхъ министерскихъ распоряженій. Неисполненія его мы даже и предполагать не смѣемъ.

„При такой обширной программѣ, полной надежды на будущее, можемъ ли забыть имя строгаго обличителя и карателя измѣнниковъ Россіи, перваго поборника *русскаго* дѣла, графа Михаила Николаевича Муравьева, за здорovie котораго съ глубокимъ чувствомъ уваженія, какъ передъ твердымъ бойцомъ за русскую истину, я имѣю честь предложить этотъ тостъ!“

2851. Слухи.

Выписываемъ изъ письма къ намъ, нисколько не гарантируя достовѣрность: „Свиданіе Наполеона съ вашимъ императоромъ (пишетъ нѣмецъ) — дѣло рѣшенное. На этомъ свиданіи будетъ одинъ изъ главныхъ предметовъ — передача Польши по лѣвую сторону Вислы Пруссіи или Австріи. Восточная Галиція, говорятъ, будетъ присоединена къ Россіи“.

2852. (Правда ли?)

¿ Правда ли, что Муравьевъ, не довѣряющій шуваловцамъ, употребляетъ на всѣ *тонкіи и деликатныя работы* до каракозовскому дѣлу преобразенскіихъ офицеровъ, и правда ли, что нѣкоторые (напр., Клейнмихель, Барятинскій и др.) приобрѣли ловкость въ этихъ мирныхъ занятіяхъ?

¿ Правда ли, что министръ просвѣщенія посылаетъ монаховъ для ревизованія свѣтскихъ школъ?

2853. Письмо къ М. К. Рейхель.

15 іюля 1866.

Lausanne, Hôtel Belvédère.

Ну, что же, матушка Марья Каспаровна, вы на старости лѣтъ меня такъ жучите, что цѣлую страницу написали всякихъ околичностей насчетъ 400 фр. Это вамъ стыдно. Само собою разумѣется,

что, получивъ вашъ ордеръ, какъ прѣйду въ Женеву (17 или 18 июля), такъ и пошлю Терезѣ Львовнѣ Симонъ при запискѣ im 400 фр.

Ну вотъ и Катк. прошень, и опять откроется клоака доносовъ¹. Вы, вѣрно, знаете, что дѣло Карак. на-дняхъ кончится. А прогос, получаете ли вы „Кол.“ или не прислать ли вамъ его особо? Можетъ, въ Дрезденѣ задерживаютъ?

Напишите слово, — мнѣ хочется, чтобъ вы прочли статью о войнѣ.

Въ Швейцаріи тихо. Женевы какъ-то изъ рукъ вонъ прогивна, но здѣсь можно жить. А что впереди, этого и *der liebe Gott*¹⁾, я думаю, не знаетъ. Изъ Россіи никакихъ вѣстей, да и о комъ имъ быть . . .

Цѣлую вашихъ дѣтей, жму руку и Рейхелю, и вамъ.

Прошайте.

◆◆ I. Приведу неизвѣстные до сихъ поръ документы, проливающие свѣтъ и на Каткова и на обстоятельства, предшествовавшія данному ему прошенію.

Прежде всего полный текстъ письма Каткова государю отъ 4 июня 1866 года :

„Все милостивѣйшій Государь, и долгъ вѣрно подданнаго и глубокая душевная потребность побуждаютъ меня и даютъ мнѣ смѣлость обратиться непосредственно къ вашему величеству. Въ настоящее столь критическое для меня время я долженъ выказать передъ вами, государь, всю мою душу.

„Я родился въ одинъ годъ съ вашимъ величествомъ. Живо помню то время, когда въ бѣдномъ глухомъ гордкѣ, гдѣ я жилъ ребенкомъ, въ церквахъ приносилась присяга на вѣрность вашему августѣйшему родителю и вамъ, какъ наслѣднику его престола; живо помню, какъ въ дѣтской душѣ моей сказалося тогда чувство, въ которомъ ребенокъ не могъ отдать себѣ отчета, но которое и теперь возобновляется во всей своей индивидуальности, какъ только я обращаюсь мыслью къ тому времени. Мнѣ почувствовалось, что я призванъ какъ-то особенно послужить вамъ. Когда я росъ ребенкомъ, часто повторялся во мнѣ этотъ голосъ, часто въ моемъ дѣтскомъ воображеніи представлялъ я себѣ моего царственного сверстника и мечталъ о моей будущей службѣ ему.

„Обстоятельства моего развитія заключили меня въ сферу чисто умственныхъ интересовъ. Годы моей молодости протекли почти въ отшельническомъ уединеніи. Весь преданный занятіямъ умозритель-

1) Милосердый богъ.

наго свойства, я не принималъ участія ни въ какихъ практическихъ интересахъ и былъ чуждъ всему окружающему. Случилось такъ, что первое начало моей самостоятельной общественной дѣятельности совпало съ вступленіемъ в. в—ва на престолъ. Въ 1855 г. я исходатайствовала себѣ разрѣшеніе на открытіе журнала съ политическимъ характеромъ, который съ каждымъ годомъ вашего царствованія пріобрѣтала все большее значеніе. Приготовлявшіяся великія преобразованія будили мысль и обращали ее къ дѣлу. Наступилъ 1861 годъ, ознаменованный славнымъ событіемъ, которое положило эпоху въ русской исторіи. Все пришло въ движеніе, возникли новыя условія и задачи для правительства, новаго свойства опасности для государства и общества. Оказалась необходимость въ сильномъ дѣйствіи для направленія общественнаго мнѣнія, преданнаго всевозможнымъ влияніямъ, явнымъ и тайнымъ. Случилось, что въ 1862 г. московскій университетъ постановилъ сдать свою старую газету въ частныя руки. Мы взяли ее послѣ упорной и сильной конкуренціи, на тяжелыхъ условіяхъ, съ трудомъ преодолевъ много неожиданныхъ препятствій. Въ то время, когда дѣло это рѣшалось, я впервые имѣлъ счастье представляться в. в—ву. Нѣсколько милостивыхъ словъ, сказанныхъ мнѣ тогда в. в—мъ и государыней императрицей, произвели чудесное дѣйствіе. Когда я стоялъ предъ в. в—мъ, мѣшаясь въ отвѣтахъ, во мнѣ со всею силою проснулось мое дѣтское чувство. Грезѣ ребенка предстояло осуществиться. Вотъ эта особенная служба, которая была мнѣ предназначена. Горизонтъ былъ тогда мраченъ, признаки тревожны, гово-
вились событія.

„Товарищъ мой, проф. Леонтьевъ, былъ посланъ мнѣ Богомъ еще въ первую пору моего уединеннаго умственнаго развитія, и онъ былъ неразлученъ со мною съ самыхъ первыхъ шаговъ моей общественной дѣятельности. Между нами издавна установилась полная симпатія, лучше сказать, единство, во всѣхъ нашихъ мысляхъ, убѣжденіяхъ и стремленіяхъ. Мы поняли другъ друга и только при этомъ условіи могли мы выдерживать трудъ, который палъ на наши плечи, и вести его успѣшно. Дѣятельность наша не была то, что обыкновенно называется государственною службою; но мы поняли ее, какъ государственную службу въ существенномъ смыслѣ этого слова. Не только дѣйствовали мы въ строгомъ соотвѣтствіи съ требованіями нашей государственной присяги, но она была единственнымъ руководящимъ и возбуждающимъ началомъ нашей дѣятельности. Всѣ наши политическія помысленія и заботы были посвящены пользѣ государства и славы вашей, государь. Въ нашемъ патриотизмѣ не было ничего односторонняго и отвлеченнаго. Интересы престола и отечества были для насъ во всемъ нераздѣльны. Богъ видитъ мою душу, и имъ свидѣ-

тельствуюсь въ искренности моихъ словъ. Мы вполне обрекли себя нашему служенію. Все оставили мы, чтобы послѣдовать за его призывъ. Ни одного дня за все это время не жили мы для себя. Я почти забыть дѣтей своихъ и не имѣлъ ни нравственнаго, ни физическаго досуга сколько-нибудь озаботиться ихъ воспитаніемъ. Часто цѣлыя недѣли проводили мы безъ сна. Изъ дня въ день, изъ иочи въ ночь въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ работали мы безъ перерыва, безъ отдыха. Мы ничего не упустили изъ виду и неуспяно бодрствовали надъ священными интересами, которымъ служили по совѣсти.

„Нашу дѣятельность хотѣли объяснять изъ корыстныхъ побужденій. Всѣ наши силы полагали мы на трудъ свой, но онъ не окупался для насъ никакими выгодами. Я едва могу собрать скудныя крохи, оставшіяся еще отъ прежней трудовой дѣятельности, и то благодаря полному самоотверженію моего товарища. Насъ хотѣли выставить честолюбцами. Но все наше прошедшее, весь нравственный складъ нашъ и самый характеръ нашей послѣдней дѣятельности громко свидѣтельствуютъ противъ этого. Какъ никогда не дѣлали мы ни одного шага въ видахъ личнаго честолюбія для приобрѣтенія благосклонности и содѣйствія вліятельныхъ людей и партій, такъ никогда не были мы искателями популярности. Личная выставка противна всѣмъ нашимъ инстинктамъ и привычкамъ. Всегда начинали мы дѣйствовать, вступая въ борьбу съ модными увлеченіями. Никогда не обращались мы съ лестію ни къ незрѣлой мысли, ни къ воображенію, ни къ страстямъ. Мы опирались только на здравый смыслъ людей и имѣли въ виду публику, наименѣ склонную къ легкомысленнымъ увлеченіямъ. Сочувственныя заявленія, которыхъ случалось намъ быть предметомъ, относились не къ намъ лично, даже не къ мнѣніямъ нашимъ, а къ тѣмъ интересамъ, на которые мы указывали. Намъ сочувствовали люди, преданные престолу и порядку, — сочувствовали потому, что видѣли въ насъ честныхъ слугъ вашего в—ва. За то же самое время были мы предметомъ вражды, которая осыпала насъ ругательствами и клеветами. Мы были не сговорчивы и неуступчивы. Но ни въ одномъ изъ вопросовъ, которыхъ мы касались, не было ничего нашего, чѣмъ имѣли бы мы право располагать по произволу: какъ же могли мы быть уступчивы? Чистота нашего служенія требовала полной независимости и отъ всѣхъ партій какъ въ административныхъ сферахъ, такъ и въ сословіяхъ. Наша дѣятельность утратила бы свой смыслъ и свою честь и была бы болѣе вредна, чѣмъ полезна, если бы мы позволили себѣ вступать въ соглашенія съ какими бы то ни было партіями.

„Служить тому, на комъ почиютъ судьбы великаго государства, — служить не для вида, а по правдѣ можно только при полномъ само-

отверженіи. Не смѣю извинять свои дѣйствія посреди обстоятельствъ, которыя имѣли столь роковой для насъ оборотъ. Только по повелѣнію в. в—ва могъ бы я сказать что-либо въ объясненіе по этому предмету. Одно только осмѣлюсь сказать теперь: не строптивость руководила нами, а честь того знамени, подъ которымъ мы дѣйствовали. За недѣлю передъ симъ имѣлъ я честь видѣться съ гр. Шуваловымъ, который обрадовалъ меня сообщеніемъ, что ваше в—во изволили благосклонно вспоминать о насъ; но изъ разговора съ нимъ я не могъ извлечь для себя опредѣленныхъ указаній.

„Повидимому, поприще наше кончено. Намъ больно было оторваться отъ дѣла, въ которое вложили мы свою душу, и когда обстоятельства, сколько можемъ мы судить, требуютъ усиленной дѣятельности въ томъ же смыслѣ. Мы предполагали подержаться на нашемъ посту еще годъ или два, пока общественное мнѣніе у насъ не совсѣмъ еще установилось, и пока свѣжіе люди еще не явились намъ на смѣну. Но пусть будетъ такъ, какъ положить Богъ на сердце ваше, государь. Одного только желаемъ мы. Откроется ли для насъ возможность продолжать попрежнему нашу дѣятельность или должны будемъ отказаться отъ ней, намъ необходима увѣренность, что ваше в—во признаете насъ *вашими*, — вашими вѣрными слугами, безпредѣльно преданными вашей особѣ и вашему августѣйшему дому. Только при этой увѣренности возможно для насъ продолженіе нашей дѣятельности; только при этой увѣренности можетъ прекратиться она успокоительно для нашего чувства. Безъ ней наше прошедшее утратило бы весь смыслъ свой для насъ.

„Что бы съ нами ни послѣдовало, мы всегда будемъ неизмѣнно вашими, государь.

„Вѣрноподанный вашего императорскаго величества

Михаиль Катковъ“.

Резолюція царя: „Я поручу Ген.-Губ. К. Долг.: еще объясниться съ Катковымъ и объявить ему, что онъ, и товарищъ его, Леонтьевъ, не иначе могутъ быть допущены, къ прежней своей дѣятельности, какъ съ условіемъ, что будутъ подчиняты требованіямъ установленнымъ законами. Письмо это сообщу Валуеву“. 11 іюня шефъ жандармовъ писалъ Валуеву по-французски: „Переговорить съ Катковымъ было поручено моему брату. Онъ хотѣлъ не ограничиться фразами, но получить положительныя объясненія и услышать объ условіяхъ“ (архивъ П. Я. Дашкова).

Послѣ сношеній гр. Шувалова съ Валуевымъ и разговора о результатахъ ихъ съ московскимъ ген.-губернаторомъ Долгоруковымъ, Катковъ написалъ 14 іюня письмо Долгорукову и „Записку“ Шувалову

Первое привожу также полностью.

„Свидѣтельствуя вашему сіятельству мою глубочайшую признательность за то теплое чувство, съ которымъ вы сообщили мнѣ о благосклонномъ приѣмѣ государемъ императоромъ моего вылившагося изъ сердца всеподданнѣйшаго письма, и вообще за участіе, которое принимаете вы въ нашемъ положеніи, прошу васъ повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе его импер. в—ва двѣ прилагаемая при семъ записки. За симъ считаю долгомъ изложить вкратцѣ сущность объясненій, которыя я имѣлъ честь дать в. с—ву лично.

„М. Вѣдомости“ для насъ предпріятіе не коммерческое, даже не литературное. Единственная цѣль наша въ этомъ дѣлѣ служить, по мѣрѣ силъ нашихъ, пользамъ государства, а потому наша дѣятельность потеряла бы весь смыслъ свой, и мы не могли бы найти въ себѣ ни лобужденія, ни силъ къ ея продолженію, коль скоро возникло бы сомнѣніе относительно ея вѣрности этому направленію. Въ трудѣ ежедневномъ и многосложномъ мы не можемъ, конечно, избѣжать ошибокъ, за которыя мы можемъ подвергаться законнымъ взысканіямъ, не теряя убѣжденія, что наша дѣятельность, взятая въ цѣломъ, полезна. Совсѣмъ другое дѣло — та болѣе тяжелая кара, которая заключается въ административномъ предостереженіи, подрывающемъ нравственный и матеріальный кредитъ изданія. Она постигаетъ его не за отдѣльныя и явныя провинности, преслѣдуемая судомъ, а за тотъ неуловимый для судебного изслѣдованія вредъ, который можетъ происходить лишь отъ предосудительныхъ намѣреній и выражаться въ общемъ направленіи. Честное изданіе, желающее дѣйствовать на основаніи не отвлеченнаго, а согласнаго съ присягой патриотизма, не можетъ продолжаться, коль скоро возникаетъ въ правительствѣ сомнѣніе въ свойствѣ производимаго имъ дѣйствія. Отказъ отъ дѣятельности въ такомъ случаѣ не есть строптивость, а исполненіе долга какъ предъ правительствомъ, такъ и предъ своею совѣстью, и, наконецъ, предъ обществомъ, которое будетъ менѣ смущено, если отнесеть закрытіе изданія, въ которомъ оно видѣло направленіе доброе и патриотическое, къ рѣшенію самихъ издателей, а не правительства. Если бы „М. В.“ были изданіемъ частнымъ, то издателямъ къ закрытію ихъ не было бы никакихъ препятствій, но эта газета арендуется нами у московскаго университета, и заключенный съ нами контрактъ затрудняетъ намъ добровольное удаленіе отъ изданія назначеніемъ шестимѣсячнаго срока для заявленія о томъ и значительной неустойки. Ненапечатаніе нами сдѣланнаго намъ предостереженія не уменьшило его карательной силы; но если бы мы напечатали его, то не могли бы устраниваться отъ изданія безъ нарушенія контракта, между тѣмъ, какъ неисполненіе этой формальности въ теченіе *узаконеннаго* трехмѣсячнаго

срока устраняло насъ отъ изданія безъ нарушенія контракта. Контрактъ этотъ заключенъ въ 1862 г., прежде изданія закона о предостереженіяхъ; въ немъ предусмотрѣнъ только случай устраненія насъ отъ изданія распоряженіемъ правительства, и поставлены условія, обезпечивающія въ этомъ случаѣ какъ нашъ, такъ и казенный интересъ. Наше желаніе, выраженное въ одной изъ прилагаемыхъ при семъ записокъ, состоитъ въ томъ, чтобы эти послѣднія условія были распространены и на случай нашего добровольнаго отказа, если ему будетъ предшествовать административное предостереженіе. Это можетъ быть сдѣлано простымъ распоряженіемъ г. министра народ. просвѣщенія.

„Мы не желаемъ нарушать законъ, но позволительно желать, чтобы и относительно насъ законъ не былъ нарушаемъ и вообще былъ примѣняемъ справедливо и безъ придирчивости. Вотъ одинъ случай несправедливаго притѣсненія, которое я терплю въ настоящее время. Лѣтомъ 1862 г. мнѣ лично и какъ редактору „Р. Вѣстника“ даровано было высоч. разрѣшеніе получать изъ-за границы безъ цензуры всѣ выходящія тамъ книги и газеты, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ. Это разрѣшеніе было официально объявлено мнѣ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, когда я еще не былъ издателемъ „М. В.“. Но нынѣ вмѣстѣ съ устраненіемъ меня отъ изданія „М. В.“, выписываемыя мнѣ изданія въ редакцію „Р. В.“ доставляются мнѣ съ цензурными исключеніями, а другія, и притомъ большая часть, вовсе не доставляются, хотя деньги за нихъ заплачены. Такимъ образомъ нарушается и высочайшее повелѣніе и право собственности.

„Мѣры строгости, которымъ подверглись мы въ послѣднее время, заставили многихъ въ публикѣ, сочувствовавшей направленію нашего изданія, думать, что поводомъ къ тому было что-нибудь предсудительное, сдѣланное нами помимо печати. Между прочимъ, въ городѣ ходилъ слухъ, будто бы во время возникшихъ для насъ затрудненій къ-то изъ официальныхъ лицъ была изъявлена намъ высоч. воля, чтобы мы продолжали изданіе, и будто мы рѣзко отказались послѣдовать этому указанію. Выдумка эта тѣмъ прискорбнѣе для меня и моего товарища, чѣмъ болѣе она противорѣчитъ нашему дѣйствительному чувству. Увѣренность, что государь императоръ признаетъ нашу дѣятельность не бесполезною, могла бы только одушевить насъ новымъ рвеніемъ въ трудѣ, который весь посвященъ его служенію“.

Изъ приложенныхъ къ этому письму двухъ „записокъ“ въ дѣлѣ только одна; воспроизвожу и ее полностью.

„Во исполненіе указаній, по высоч. повелѣнію, вслѣдствіе моего всепод. письма, переданныхъ мнѣ г. московскимъ ген.-губернаторомъ, считаю долгомъ изложить слѣдующее:

„Среди теперешнихъ небывалыхъ въ русской исторіи обстоятельствъ, мы сочли бы за великое счастье возвратиться къ нашему служенію какъ можно скорѣе. Пока наша дѣятельность кажется сколько-нибудь полезною, мы готовы трудиться со всѣмъ усердіемъ и рвеніемъ, насколько станеть сила. Мы глубоко скорбимъ, что подали поводъ обвинять насъ въ неуваженіи къ закону, чего въ нашихъ намѣреніяхъ не было. Мы полагали, что оставались на почвѣ закона, и только добровольно подвергались самымъ тяжелымъ послѣдствіямъ поразившей насъ кары. Мы не желаемъ и впредь никакихъ изъятій для себя изъ закона, никакихъ льготъ, кромѣ тѣхъ, которыя, не будучи противны закону, давали бы намъ возможность добросовѣстно исполнять нашъ долгъ, въ чемъ только и можетъ заключаться смыслъ и польза нашего служенія. Единственная наша просьба состоитъ въ томъ, чтобы заключенный нами съ москов. университетомъ и съ высоч. соизволенія министерствомъ народ. просвѣщенія въ 1862 г. утвержденный контрактъ былъ дополненъ такимъ параграфомъ, который былъ бы непремѣнно введенъ въ него, если-бъ онъ былъ заключенъ послѣ изданія нынѣ дѣйствующаго по дѣламъ печати закона, изложеннаго во мнѣніи государственнаго совѣта, высоч. утвержденнаго 6 апрѣля 1865 г. Нашъ контрактъ съ университетомъ дозволяетъ намъ немедленно удалиться отъ изданія только въ случаѣ устраненія насъ отъ него правительствомъ независимо отъ нашей воли; на этотъ случай въ контрактѣ постановлены условія, обезпечивающія какъ насъ, такъ и казенный интересъ. Если же мы рѣшаемся добровольно отказаться отъ изданія, то обязаны предварить университетъ за 6 мѣсяцевъ и, сверхъ того, уплатить неустойку. Мы желали бы, чтобы, въ виду новаго закона, изданнаго почти черезъ три года послѣ заключенія контракта съ нами, онъ былъ подлежащею властью дополненъ и разъясненъ въ томъ смыслѣ, чтобы мы имѣли право, въ случаѣ административнаго предостереженія, отказаться отъ изданія съ обязанностью исполнить тѣ условія, которыя въ нашемъ контрактѣ опредѣлены на случай устраненія насъ отъ изданія правительствомъ. Мы будемъ со всею возможною тщательностью избѣгать поводовъ къ тяжелой, не только собственности, но и честь подрывающей карѣ предостереженій, но полагаемъ, что честное изданіе, добросовѣстно предпринятое для того, чтобы служить интересамъ государственнымъ, не можетъ и не должно оставаться подъ тяжестью предостереженія, и что его редакция обязана добровольно отказаться отъ обязанности, которая, по сужденію правительства, можетъ причинить вредъ. Наша просьба состоитъ въ томъ, чтобы намъ было дозволено дѣйствовать на основаніи такого взгляда на нашъ долгъ. Мы откровенно излагаемъ эту просьбу и были бы несчастливы, если-бъ она была понята, какъ пола-

гаемое нами условіе для возвращенія къ дѣятельности. Условіе для этого одно: высочайшая воля государя императора, которому служить мы пламенно желаемъ".

Письмо къ себѣ и двѣ „записки“ Долгоруковъ представилъ государю въ Москвѣ 15 іюня.

Въ очень пространной „запискѣ“, поданной Шувалову, послѣ похвалъ политикѣ правительства, выставлены всѣ „заслуги“ „Московскихъ Вѣдомостей“. „Говорятъ, что мы, — писалъ Катковъ, — возбуждаемъ страсти и нашими черезчуръ ревностными заботами о государственномъ единствѣ только усиливаемъ сепаратизмъ. Намъ кажется, что заботы о государственномъ единствѣ не могутъ быть названы излишними въ настоящую пору, когда и явно и тайно дѣлалось столько усилій, чтобы поколебать или затемнить въ умахъ идею государственнаго единства, когда столько дознанныхъ интересовъ неутомимо работаютъ въ ущербъ ей, не отступая ни передъ какими средствами. Мы никогда не возбуждали страстей и въ противодѣйствіи нашемъ злу всегда старались отличать истинныя причины отъ случайныхъ явленій и направляли общее вниманіе на изысканіе такихъ средствъ противъ зла, которыя были бы сопряжены съ наименьшими потрясеніями и бѣдствіями для частныхъ лицъ, нерѣдко дѣйствующихъ поневолѣ или увлекаемыхъ ложно возбуждаемыми надеждами. Польское дѣло выросло и стало опасностью для государства не потому, чтобы печатъ въ Россіи слишкомъ заботливо ратовала противъ него, не потому, чтобы общественное мнѣніе было слишкомъ возбуждено противъ польскихъ притязаній и слишкомъ заботилось о государственномъ единствѣ и безопасности. Русской печати не существовало, а общественное мнѣніе было игрищемъ для интригановъ и отличалось позорнымъ равнодушіемъ къ государственной чести и пользѣ. Вотъ что выросло польскую измѣну и дало силу идеямъ сепаратизма. Благомыслящіе люди успокаиваются тѣмъ, что ведетъ къ разъясненію дѣла и раскрытію зла; раздражаться этимъ могутъ только люди злонамѣренные или обманутые, но и тѣ только до тѣхъ поръ, пока еще остаются въ силѣ надежды, заставляющія вѣрить въ успѣхъ. Ничего не можетъ быть печальнѣе и опаснѣе положенія того общества, гдѣ люди равнодушны къ общему благу и гдѣ оно не господствуетъ надъ частными интересами. Слава Богу, общество у насъ уже не находится въ такомъ положеніи, какъ бы ни хотѣлось нѣкоторымъ партіямъ вернуть его въ такое положеніе. Вопреки всѣмъ разсчетамъ злые умыслы противъ нашего отечества обращаются ему во благо. Событія, грозившія въ 1863 г. столькими опасностями, вызвали то патріотическое чувство, которое соединило всѣ сословія и покорило всѣ частные интересы заботамъ объ общемъ благѣ. Это патріотическое чувство нахо-

дить свое высшее выраженіе въ энтузіазмъ народной любви къ государю. Никогда въ прежнее время любовь не изъяслялась такъ горячо и единодушно, и никогда ея изъясленія не сопровождались столь благотворными послѣдствіями. Это придаетъ Россіи силу, которая вѣрнѣе обезпечиваетъ ея положеніе въ Европѣ, чѣмъ самая грозная вооруженія. Ужасное событіе 4 апрѣля возвысило это чувство, придало ему новую глубину и искренность, какому исторія не представляетъ примѣра. Патріотизмъ такого свойства есть наша сила, драгоценность, которую мы должны беречь болѣе всего. Въ немъ якорь спасенія среди испытаній, которыя, быть можетъ, готовятся нашему отечеству. Надобно стараться упрочить этотъ общественный духъ и поставить его средоточіемъ всѣхъ мнѣній, привести въ связь съ нимъ всѣ воззрѣнія. Надобно, чтобы онъ не замолкъ въ глухомъ и бездѣйственномъ отчужденіи, надобно, напротивъ, чтобы все оживлялось, оплодотворялось и освѣщалось имъ. Дѣйствія, клонящіяся къ тому, чтобы ослабить или уединить его, всего опаснѣе и пагубнѣе, изъ какихъ бы побужденій ни старались разныя партіи вытѣснить его изъ нашихъ дѣлъ и изъ общественнаго мнѣнія. Взглядъ на вещи съ патріотической точки зрѣнія подвергался подозрѣнію и клеветѣ. Русское національное чувство приняли за правило звать ультра-национальнымъ, патріотизмъ — ультра-патріотизмомъ. Русскому чувству предоставляется не имѣть никакой силы и ни въ чемъ не выражаться, а коль скоро оно становится руководящимъ началомъ сужденій и мнѣній, коль скоро оно начинаетъ покорять себѣ умы, коль скоро въ его свѣтѣ разсматриваются и обсуждаются дѣла и интересы нашего отечества, оно становится источникомъ дурныхъ и вредныхъ направленій.

„Въ послѣднее время усилія выставить проявленія русскаго патріотизма въ нашей печати, какъ нѣчто зловерное, были дѣлаемы съ особенною настойчивостью въ нѣкоторыхъ иностранныхъ журналахъ, особенно въ „Revue des Deux-Mondes“ и въ „Journal des Débats“. Въ этомъ русскомъ или ультра-русскомъ патріотизмѣ или ультра-патріотизмѣ полагаютъ эти французскіе публицисты причину всѣхъ дурныхъ явленій въ русской жизни. Изъ него проистекаетъ мысль о государственномъ единствѣ въ Россіи и въ то же время онъ будто бы служить виной развитія у насъ коммунизма, социализма и нигилизма; онъ заставляетъ правительство принимать дѣятельныя мѣры, клонящіяся къ разрѣшенію польскихъ затрудненій, и онъ же, будто бы, есть источникъ самыхъ дикихъ революціонныхъ ученій и замысловъ. Статьи, гдѣ излагается такая чудовищная характеристика русскаго патріотизма, суть въ одно и то же время пасквиль на русское правительство, на русское общество и на русскую патріотическую печать. Статьи эти, какъ будто, готовили европейскую публику и обще-

ственное мнѣніе къ какому-то ужасному событію, которое должно было совершиться въ Россіи, одержимой бѣсомъ патріотизма. Дѣйствительно, статьи эти, по какой-то знаменательной случайности, появились недѣли за три до покушенія 4 апрѣля. Но всего замѣчательнѣе то, что эти французскія статьи представляютъ полное знаніе того, что происходитъ въ самыхъ сокровенныхъ правительственныхъ сферахъ, что не можетъ быть извѣстно не только иностраннымъ публицистамъ, но и русскимъ, не находящимся въ соприкосновеніи съ высшею администраціею. Строки, подавшія поводъ сдѣлать „М. Вѣдомостямъ“ предостереженіе, намекали именно на этотъ печальный фактъ, хотя онъ и не былъ названъ.

„Многимъ господамъ вмѣстѣ служить невозможно. Нельзя служить интересамъ государя, неразрывнымъ съ интересами государства, и въ то же время быть органомъ какихъ бы то ни было партій. Понимать ясно, что тотъ или другой путь болѣе соотвѣтствуетъ истиннымъ видамъ верховной власти, славѣ государя и пользѣ государства, и изъ страха или выгодъ уклоняться на другіе менѣе тому соотвѣтственные пути, было бы дѣломъ недостойнымъ. Что извинительно по невѣдѣнію, то преступно, когда совершается противъ совѣсти. Независимость, которою мы дорожимъ, есть независимость только отъ отдѣльныхъ административныхъ вѣдомствъ, отъ всякихъ партій и интересовъ и совершенная зависимость отъ интересовъ верховной власти, совершенная преданность имъ. Независимость нужна намъ только для того, чтобы мы могли съ полнымъ убѣжденіемъ дѣйствовать по долгу присяги. Мы не только не считали себя обязанными, напротивъ, мы полагали противнымъ нашему священнѣйшему долгу служить изъ какихъ бы то ни было видовъ органамъ частныхъ мнѣній или интересовъ того или другого правительственнаго дѣятеля. Ни одно изъ правительственныхъ лицъ не можетъ доказать, чтобы наша дѣятельность колебала принадлежащій ему авторитетъ или затрудняла его въ исполненіи возложенныхъ на него высочайшимъ довѣріемъ обязанностей. Напротивъ, наши усилія клонились къ тому, чтобы уравнивать пути государственнымъ дѣтелямъ для наилучшаго исполненія предначертаній верховной власти. Именно потому, что ни одно изъ административныхъ лицъ не можетъ признать насъ своимъ особымъ органомъ, правительство въ его совокупности и могло признать нашу дѣятельность полезною и согласною съ его видами, какъ было постановлено въ комитетѣ министровъ по случаю возбужденнаго о нашей дѣятельности вопроса въ началѣ прошлаго года. Мы позволяемъ себѣ думать, что и въ настоящее время правительство въ его совокупности не нашло бы нашу дѣятельность вредною или колеблющею къ нему довѣрію. Мы не колебали довѣрія къ правительству, мы не соглаша-

лись систематически дѣйствовать въ ущербъ или подрывъ тѣмъ или другимъ правительственнымъ дѣятелямъ, хотя бы то было въ угоду кому-либо изъ ихъ товарашей.

„Не въ нашемъ особомъ интересѣ, а въ интересѣ печати вообще и еще болѣе самаго правительства, нельзя не пожелать, чтобы право предостереженій, касающееся направленій печати и поражающее честь и собственность лицъ, принадлежало всѣмъ министрамъ въ совокупности, а не одному изъ нихъ. Печать касается предметовъ внѣ вѣдомствъ, и каждое изъ правительственныхъ лицъ, облеченныхъ довѣріемъ верховной власти, заинтересовано въ направленіи печати и имѣло бы право участвовать въ рѣшеніи о характерѣ того или другого изданія на основаніи данныхъ, представляемыхъ главнымъ управленіемъ печати.

„Величайшимъ счастіемъ для насъ было бы, при возвращеніи къ намъ монаршаго благоволенія, дозволеніе снова приняться за нашъ трудъ, который имѣлъ бы для насъ еще большее значеніе послѣ недавняго ужаснаго случая, даваго каждому русскому сильнѣе и глубже, чѣмъ когда-либо, почувствовать въ своемъ сердцѣ народную любовь къ августѣйшей особѣ государя императора и всю цѣну его царствованія для блага Россіи“.

Государь приказалъ бывшему въ Москвѣ же министру просѣщенія войти въ переговоры съ Катковымъ. 18 июня Д. А. Толстой писалъ Шувалову по-французски :

„Сообщаю вамъ, любезный графъ, тѣ условія, которыя я имѣлъ честь прочесть вчера е. в. государю императору и которыя сегодня я предложилъ Каткову. Вы видите — онъ ихъ подписалъ. Онъ меня спрашиваетъ, будетъ ли ему дано разрѣшеніе продолжать изданіе газеты, какъ только государь дастъ ему на это свое согласіе? Онъ ждетъ этого разрѣшенія особенно потому, что Любимовъ рѣшительно отказывается редактировать газету.

„Катковъ проситъ также не подвергать получаемыхъ имъ заграничныхъ газетъ и журналовъ цензурѣ. Онъ поручаетъ мнѣ передать вамъ письмо по этому поводу, адресованное на имя моего предшественника въ то время, когда Катковъ былъ только редакторомъ „Русскаго Вѣстника“ ; въ качествѣ такового онъ и получалъ по сию пору эти изданія.

„Катковъ надѣется, говоритъ онъ мнѣ, что заслужитъ благосклонность его величества, которая одна только можетъ его воодушевить и поддержать въ его дѣятельности“.

При этомъ была приложена слѣдующая записка, написанная Толстымъ собственноручно :

По поводу записки г. Каткова.

„1. Желаемыя измѣненія въ контрактѣ весьма допустимы и будутъ зависть преимущественно отъ министерства народнаго просвѣщенія.

„2. Эти измѣненія, однакоже, не избавляютъ редакторовъ печатать первое предостереженіе, послѣ котораго они могутъ, если пожелаютъ, прекратить свою дѣятельность.

„3. Угодно ли его величеству повелѣть немедленно спросить мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, дабы вопросъ этотъ могъ-быть рѣшенъ во время присутствія его величества *въ Москвѣ*“.

„Относительно 2-го здѣсь изложеннаго пункта, со стороны редакторовъ препятствій встрѣтиться не можетъ.

18 іюня 1866 года. *М. Катковъ*“.

24 іюня Катковъ получилъ отъ московскаго цензурнаго комитета бумагу, извѣщавшую его, что, вслѣдствіе телеграммы министра вн. дѣлъ отъ 22 іюня, ему и Леонтьеву разрѣшается возобновить изданіе газеты подъ ихъ редакціей и при тѣхъ измѣненіяхъ въ контрактѣ съ московскимъ университетомъ, о которыхъ они просили и которыя разрѣшены министромъ просвѣщенія.

25 іюня „М. Вѣдомости“ вышли уже за подписью прежней редакціи (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц., секретный шкапъ № 2, дѣло № 285).

2854. Изъ дневника.

День казни 13 іюля ¹⁾ 1826.

Послѣдніе будутъ первыми.

Поземельная собственность съ примогенитурой ¹⁾ рухнетъ въ Англии разомъ въ то время, какъ во Франціи не оторвешь силой крестьянина отъ земли; то же съ общиннымъ владѣніемъ у насъ.

Переходъ отъ католицизма къ невѣрію легче, чѣмъ отъ протестантизма.

Наука сама по себѣ не можетъ спасти падающей цивилизаціи, да у нея и интереса ее спасти нѣтъ; она не крѣпка никакой землѣ; она, сверхъ того, вѣчна настолько, насколько вѣченъ мозгъ.

¹⁾ По новому стилю 25-ое.

¹⁾ Primogéniture — первородство, неравномѣрный раздѣлъ имущества въ пользу старшаго.

Я думаю, что есть силы у Запада, пробуждающіяся къ свѣту, которыя могутъ оплодотвориться разумомъ и спасти организмъ, но имъ-то и помѣшаетъ война, религія и даже революція.

Силы эти, оставленныя на свою злобу, уже подняли голову; это уже не Гарибальди и не 93 годъ, и не іюньскіе дни — рабочничьи лиги и феніанизмъ.

2855. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

25 juillet.

Genève, 7 Quai du M-t Blanc.

Que vous dirai-je sur toute cette histoire et sur votre lettre? Fatalité et débandade morale égoïstique, dans laquelle chaque individu crie pour son compte, ce qui n'exclut pas beaucoup d'amour. Car il n'y a pas de sentiment plus égoïste que l'amour... tout amour: paternel, fraternel, sexuel. J'ai été profondément chagriné ex-offusqué des lettres d'Alex. Maintenant c'est passé — j'ai une digestion inébranlable.

La lettre qu'Ogareff lui a écrit est un chef d'oeuvre — voilà l'homme *de la nouvelle morale* dans toute sa poésie. Pourquoi Al. vous a cité seulement la phrase sur l'égoïsme? Faites traduire toute la lettre. Je n'ai rien à y ajouter.

Tata a agi sans me consulter — mais elle ne mérite pas de reproche. Je ne savais *absolument rien*; elle était deux ou trois jours plus longtemps à Lausanne. En allant de supposition en supposition et de fantaisie en fantaisie, et sous l'impression d'un côté de l'isolement triste dans lequel doit rester (par sa faute ou non, cela ne change rien à la chose) N. et Lise, — elle a eu un élan de dévouement. Lorsqu'elle me parla de cela (après avoir écrit à Alex.) je lui ai conseillé de réfléchir. Mon ultimatum était d'aller avec Tata et vous à Venise et de retourner à Genève pour l'hiver. Après j'ai changé tout cela et je suis revenu à mon ancien projet. Moi je vous conseille fortement de penser à tout ce qu'il y avait de bon dans l'élan de Tata. Alex. devait me demander — il devait faire ce que vous avez fait. Votre lettre m'a touché par la confiance, par l'inébranlable amitié et je vous en remercie de tout mon coeur.

L'ensemble de cet histoire — m'a fait réfléchir; j'ai beaucoup parlé avec Og. (Il va mieux depuis l'été-c'est-à-dire l'état général est meilleur). Dites-moi maintenant tout franchement en quoi pensez-vous que Florence soit préférable pour Tata?.. Je doute fortement que les connaissances que Tata a ici et les personnes qu'elle voit chez moi soient de beau-

coup inférieurs-aux amis florentins. C'était un grand malheur — que vous n'êtes pas restée avec Olga à la Boissière (A propos, pourquoi dites vous dans la dernière lettre que vous vous êtes éloignée pour la paix? c'est la maladie qui vous a forcée?) Seule Tata ne pouvait pas organiser une société — et elle s'est peut-être trop habituée à une indépendance trop bruyante. Alex. est dans un âge où le „home“ est le travail, l'oeuvre d'un homme. Warum denn diese Unselbständigkeit? Donnez vos conseils, vos avis et surtout restez amie comme toujours.

Je vous écrirai bientôt une longue lettre.

Переводъ.

25 іюля.

Что сказать вамъ обо всей этой исторіи, а также по поводу вашего письма? Рокъ и моральная и эгоистическая распущенность, подъ влияніемъ которой каждый субъектъ шумить о себѣ, что не исключаетъ, впрочемъ, любви, потому что нѣтъ чувства болѣе эгоистическаго, чѣмъ любовь... любовь всякаго рода: отцовская, братская, половая. Я былъ глубоко огорченъ и сердитъ на Алекс. за его письма. Теперь это прошло: пищевареніе у меня несокрушимое.

Письмо Огарева къ нему, это — верхъ совершенства. Вотъ чело-вѣкъ *новѣйшей морали* во всей ея поэзи. Почему Алекс. прочелъ вамъ только фразу объ эгоизмѣ? Заставьте, чтобы вамъ перевели все письмо. Мнѣ нечего прибавить къ нему.

Тата поступила, не посоветовавшись со мною; но она не заслуживаетъ упрека. Я *рѣшительно ничего* не зналъ; она пробыла въ Лозаннѣ двумя или тремя днями дольше. Переходя отъ предположенія къ предположенію и отъ фантазіи къ фантазіи и находясь подъ впечатлѣніемъ, съ одной стороны, грустнаго уединенія, въ которомъ должна была оставаться (по своей винѣ, или нѣтъ — это дѣла не мѣняетъ) Н. съ Лизой, она была охвачена порывомъ самоотверженія. Когда она мнѣ рассказала объ этомъ (послѣ того, какъ написала Александру), я ей посоветовалъ поразмыслить. Мой ультиматумъ былъ — отправиться вмѣстѣ съ Татой и съ вами. въ Венецію, а на зиму вернуться въ Женеву. Послѣ я все это измѣнилъ и вернулся къ моему старому плану. Вамъ я совѣтую настойчиво поразмыслить надъ тѣмъ, что было хорошаго въ порывѣ Таты. Алекс. долженъ былъ спросить меня; онъ долженъ былъ сдѣлать то, что вы сдѣлали. Ваше письмо тронуло меня довѣріемъ ко мнѣ, вашей несокрушимой дружбой, и я отъ всего сердца благодарю васъ за него.

Все взятое вмѣстѣ въ этой исторіи заставило меня задуматься; я много говорилъ по этому поводу съ Ог. (Съ лѣта ему лучше, т. е. общее со-

стояніе его здоровья лучше). Теперь скажите мнѣ совершенно откровенно, чѣмъ, думаете вы, Флоренція предпочтительнѣе для Таты? Я сильно сомнѣваюсь въ томъ, чтобы здѣшніе знакомые Таты или люди, которыхъ она встрѣчаетъ у меня, были многимъ ниже ея флорентинскихъ друзей. Большимъ несчастіемъ было то обстоятельство, что вы не остались съ Ольгою въ la Boissière. (Кстати, почему вы говорите въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, что вы уѣхали ради спокойствія? Вѣдь, болѣзнь заставила васъ удалиться?). Тата одна не сумѣла организовать общества, и слишкомъ, можетъ быть, привыкла къ слишкомъ шумной независимости. Алекс. находится въ возрастѣ, когда убѣжище для мужчины составляютъ работа и дѣло. Почему же эта несамостоятельность? Совѣтуйте же, высказывайте свои мнѣнія, а, главное, оставайтесь другомъ, какъ всегда.

Скоро напишу вамъ длинное письмо.

2856. Катковъ и государь.

Не справился государь безъ Каткова и снова приставилъ его къ тѣмъ шлюзамъ московской клоаки, изъ которой четыре года была ключомъ грязь и нечистота, заражавшая всю Россію. Двухъ недѣль не могъ государь положить и, какъ фнзіологъ, рѣшилъ, что шести-недѣльнаго очищенія достаточно и Каткову. Катковъ, съ своей стороны, не даромъ помирился съ государемъ — *онъ поставилъ условія и ихъ приняли*; онъ выговорилъ себѣ право по *первому* предостереженію оставить Россію на произволъ судьбы и сепаратизмовъ. При этой угрозѣ пусть сунется *какой-нибудь* *Валуевъ* съ своими комитетами сдѣлать предостереженіе...

Въ русскихъ газетахъ скрыли, прямое участіе государя въ negocіаціи этого мира, но „Le Nord“ все проболталъ и даже разсказалъ о новомъ Тильзитѣ, т.-е. о свиданіи государя съ Катковымъ. Катковъ, какъ Наполеонъ, сказалъ государю: „Sire, все это одни недоразумѣнія, намъ не изъ чего ссориться, обнимемтесь...“ И тронутый Александръ II, какъ Александръ I, вѣроятно, отвѣчалъ *классическимъ* стихомъ: „Дружба великаго человека — даръ небесъ!“.

Жалкую роль играетъ нашъ эксъ-благодушный монархъ. Одна роль въ мірѣ жалче его роли, это пантоминная роль *безъ словъ*, которую играетъ Константинъ Николаевичъ. Онъ долженъ храбро отступать, какъ Бенедекъ¹⁾, и молча уступать, какъ рыба морская.

Манифестъ Каткова о замиреніи, напечатанный 25 іюня (6 іюля)

1) Людвигъ, австрійскій генераль, разбитъ при Садовѣ.

въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ манифестовъ, даваемыхъ коронованными главами въ важныхъ случаяхъ. Сравнить не мудрено — теперь въ Германіи мода на манифесты, они издаются дюжинами: гессенскіе, брауншвейгскіе, ганноверскіе, саксонскіе... Тотъ же тонъ, та же невозмущаемая дерзость и фальшивое смиреніе, тѣ же набожныя фразы *безъ вѣры* и смысла. „Да упрочить Богъ наши слабѣющія силы и да поможетъ онъ намъ“, говоритъ Катковъ, какъ прусскій король. „Мы благодаримъ Бога за то, чтò нами было испытано“, говоритъ Катковъ, какъ австрійскій императоръ. Пола императорской порфиры, уступленная ему, обязываетъ его къ казенной религіи, того требуетъ приличіе сана. И мы нисколько не удивимся, если патріархъ „Моск. Вѣдомостей“, при первомъ парадѣ въ соборѣ, сядетъ на сиротствующій со времянь неблагочестиваго Петра I патріаршій тронъ.

Введеніе пошлаго ханжества и лицемѣрной религіозной фразеологии — одинъ изъ самыхъ печальныхъ, гадкихъ и вредныхъ плодовъ нынѣшняго царствованія. Къ нѣмецкой казарменности, къ нѣмецкому канцелярскому *стилю*, къ нравамъ конюшни и экзерциргауза мы еще заняли у нѣмцевъ ихъ обязательный, служебный лѣтизмъ и превратили его въ православное подьячество. Прежде были люди необразованные, какъ Николай, фанатики, какъ славянофилы, говорившіе кстаті и некстаті текстами и молитвами; но въ ихъ словахъ могло быть неразвитіе, смѣшеніе понятій, помѣшательство, но не было служебнаго притворства; въ ихъ словахъ слышалась искренность. Одни попы были обязаны по ремеслу къ тяжелому слогу, славянскимъ оборотамъ и обращеніямъ къ богу и всѣмъ святымъ... Теперь лицемѣрный языкъ Магницкаго становится языкомъ салоновъ и цѣлой литературы. Для насъ нѣтъ большаго униженія русской мысли и русскаго разума, какъ это гессенъ-дармштадтское православіе.

Ну, а какъ нашъ арендаторъ-патріархъ истинно возвѣрилъ?

Графъ Толстой¹⁾, вы — экспертъ и знатокъ по этой части, это ваша спеціальность... Какъ вы насчетъ искренности обращенія стараго гегелиста, стараго шеллингиста, расцвѣтшаго въ зловредномъ обществѣ Бѣлинскаго и Бакунина?

Мы не вѣримъ въ него

А вѣримъ мы въ то, что теперь каракозовское дѣло пойдетъ, какъ по маслу. Некрасовъ будетъ удовлетворенъ: *до корней доберутся*, а нѣтъ ихъ — они вырастутъ въ „Моск. Вѣдомостяхъ“. Теперь раскроется вселенскій заговоръ, какъ на ладони, — отъ Лондона, Парижа, Швейцаріи, Швеціи до Тульчи, Яссы, Бухары и Самарканды... „Злодѣи міра, трепещите!“

¹⁾ Министръ народнаго просвѣщенія.

Катковъ рѣшительно былъ необходимъ наканунѣ казни... чтобъ раздражить умы, чтобъ само правительство увѣрить, что оно должно свирѣпствовать. Муравьевъ безъ него былъ неполонъ, незаконченъ; не оттого ли онъ и срѣзлся и не открылъ заговора, что былъ лишень руководства „Московскихъ Вѣдомостей“ ?

Но для дѣла ничего не потеряно. Катковъ, отлежавшись на лѣтнемъ солнцѣ, сосредоточилъ въ униженіи и злобѣ лучшій ядъ свой и при починѣ пустилъ одну изъ безцѣннѣйшихъ капель его въ статьѣ 134 № „Моск. Вѣдомостей“.

Не нынче — завтра назначится судъ надъ людьми, которыхъ припутали въ украденномъ отъ гласности слѣдствіи по каракозовскому дѣлу. Судъ будетъ составленъ не изъ судей, а изъ людей старыхъ, глупыхъ, безъ малѣйшаго пониманія дѣла и съ большимъ запасомъ раболѣнства и желанія выслужиться. Но, можетъ, и въ ихъ числѣ замѣшается, какъ въ дѣлѣ Петрашевскаго, какой-нибудь честный старикъ Набоковъ, или, какъ въ дѣлѣ Серно-Соловьевича, Назимовъ, или, какъ въ нашемъ допотопномъ дѣлѣ, благороднѣйшій Стааль, и ему противно будетъ губить съ плеча, безъ доказательствъ, отсылать зря, въ угоду Муравьеву и англійскому клубу, на казнь и на каторгу людей, ничего не сдѣлавшихъ. Такъ вотъ усыпить ихъ-то проснувшуюся совѣсть и съ тѣмъ вмѣстѣ напугать глупый хоръ и *неумный* дворецъ и взялся спущенный Катковъ. Онъ говоритъ о какомъ-то *нигилизмѣ*¹⁾, подѣйствовавшемъ на Каракозова и привезшемъ съ собою изъ-за границы „нововозникшее въ сферахъ всесвѣтной революціи ученіе о необходимости умертвить всѣхъ коронованныхъ особъ въ Европѣ“. Чего же больше? Рука судей покойно подпишетъ приговоръ каждому нигилисту, бывшему за границей.

„Всесвѣтная революція“²⁾ и нигилизмъ, возвратившіяся изъ-за границы, представляютъ легкую возможность для возстановленнаго сыщика все на свѣтѣ связать съ каракозовскимъ дѣломъ и, надобно отдать справедливость, онъ никого не забылъ — ни Бакунина, ни „Колоколь“, ни наше мощное агентство въ Тульчѣ, ни поляковъ, ни пожары... Все это вранье, науженное въ грязи полицейскихъ рапортовъ и въ еще вяжущей грязи собственнаго воображенія, не заслуживало бы вниманія въ другое время, но въ настоящую минуту, когда оно подтачиваетъ людей на висѣлицу и на каторжную работу, молчать нельзя.

Гдѣ же остановится наше паденіе? Гды мы коснемся дна, предѣла подлости и бездушія? Мы все опускаемся глубже и глубже...

1) И. А. Худяковъ.

2) Въ томъ же листѣ „Моск. Вѣдом.“ самъ Катковъ говоритъ, что всесвѣтная революція — химера. А. И. Г.

Вспомните крикъ негодованія, съ которымъ была встрѣчена доктрина слѣплого повиновенія, высказанная однимъ московскимъ доцентомъ ¹⁾, а теперь — а теперь проповѣдуется не философія, а поэзія рабства, бѣшенство рабства. Читали ли вы въ подлѣйшихъ выходкахъ византійскаго раболѣпія, восточнаго самоуничженія что-нибудь подобное слѣдующимъ строкамъ „Моск. Вѣдом.“ отъ 3/15 іюля:

„Государство и династія не есть у насъ дѣло партіи, государь не есть у насъ предводитель дружины; онъ есть прирожденный вождь всего, своего народа, находящійся въ спокойномъ и неоспоримомъ обладаніи своими верховными правами. А потому не только официальные дѣятели, поставленные на разные посты съ соотвѣтственною каждому долею исполнительной власти, но и каждый частный гражданинъ долженъ по совѣсти, въ сферѣ своего общественнаго дѣйствія, видѣть въ себѣ слугу государя и радѣть, какъ говорили наши предки, его государеву дѣлу, которое для всякаго должно быть своимъ кровнымъ дѣломъ“.

Если ты ѣшь — ты ѣшь государю, если у тебя холера — боленъ государь, если ты женишься — женился государь, если ты принимаешь лѣкарство — ты лѣчишь его величество! ¹

◆◆ I. Въ передовой статьѣ № 134 (28 іюня) Катковъ, между прочимъ, писалъ: „Когда въ 1863 г. въ Польшѣ закипѣлъ мятежь, русскій выходець, бѣжавшій изъ Сибири, когда-то, невѣдомо изъ чего, воевавшій на дрезденскихъ улицахъ, Бакунинъ снарядилъ, было, шутовскую экспедицію для высадки на помощь польскимъ повстанцамъ. Извѣстно, въ какомъ тѣсномъ союзѣ съ польскими патриотами дѣйствовали издатели „Колокола“, ругавшіеся, нисколько не хуже гг. де-Мазата и Сенъ Маркъ Жирардена, надъ русскимъ патриотизмомъ. Сказываютъ, что на Каракозова подѣйствовалъ нигилистъ, только-что возвратившійся изъ-за границы и привезшій съ собою какое-то ново-возникшее въ сферахъ всесвѣтной революціи ученіе о необходимости умертвить всѣхъ коронованныхъ особъ въ Европѣ“.

Послѣ неудавшагося покушенія студента Блинда (сына К. Блинда) на Бисмарка (7 мая 1866 г. въ Берлинѣ), послѣдній вступилъ въ сношенія съ русской полиціей и жандармеріей по принятію общихъ мѣръ борьбы съ членами новаго тайнаго общества Eidegnossenschaft (клятвенный союзъ), отвѣтленія общества „Свобода и равенство“, находившагося въ Лондонѣ подъ руководствомъ Карла Блинда, „друга Герцена“, и имѣвшаго отдѣлъ, между прочимъ, въ Женевѣ, причемъ въ числѣ руководителей послѣдняго указывались Герценъ и Огаревъ...

1) Б. Н. Чичеринимъ въ 1858 г.

Всѣ эти басни казались нашему правительству заслуживающими безусловнаго довѣрія. Интересны также слѣдующія мысли, высказанныя Бисмаркомъ командированному III Отдѣленіемъ бар. Врангелю: „Русская революціонная партія представляется самою скрытною и осторожною и узнать посредствомъ русскихъ агентовъ отъ ея членовъ что-либо объ ихъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ оказывается рѣшительно невозможнымъ. Если бы российское правительство желало имѣть въ средѣ русской революціонной партіи (въ Женевѣ) своего агента, то оно должно было бы прибѣгнуть для сего, съ особой осторожностью и осмотрительностью, къ слѣдующей хитрости: на избранное для этой цѣли благонадежное и преданное лицо слѣдовало бы вѣвести обвиненіе въ какомъ-либо вымышленномъ политическомъ преступленіи, подвергнуть его заключенію подъ стражу и произвести ему нѣсколько допросовъ, затѣмъ дать ему средства бѣжать изъ мѣста заключенія и отправиться за границу, лучше всего на какомъ-нибудь купеческомъ кораблѣ. Подобное лицо, по прибытіи его въ Женеву, будетъ охотно принято въ тамошнее тайное революціонное общество и впоследствии можетъ мало-по-малу войти въ довѣріе революціонной партіи“.

Все это было, по желанію Бисмарка, доложено государю, который совершенно согласился съ пользой такого плана... („Былое“ 1907, VI, 297—304.)

2857. Полевое военное убійство въ Харьковѣ.

Солдаты 11/23 іюня убили безъ законнаго суда, по приказанію начальства, какого-то Поплавскаго, обвиняемаго въ убійствѣ. Что, г. Аксаковъ, много взяли вашими протестами противъ незаконныхъ казней?.. Зачѣмъ же вы въ дни оны поддерживали это кровожадное правительство?

2858. Бѣшенство доносовъ.

(Первое предостереженіе Краевскому).

Нами овладѣло бѣшенство доносовъ; стѣна, отдѣлявшая тайную полицію отъ литературы, пала, и шпіоны, фискалы, журналисты, профессоры и сыщики смѣшались въ одну семью. Англійскій клубъ сдѣлался добавочной камерой Третьяго отдѣленія, государь пишетъ передовыя статьи на имя Гагарина, Гагаринъ ихъ вноситъ въ журналъ „комитета министровъ“. Все это хорошо, но фискалы наши стали

добираться до частной жизни... Мѣсяцевъ въ шесть мы привыкнемъ и къ этому, но сначала, будго, дико. Недѣли двѣ тому назадъ въ фельетонѣ „Голоса“, сильно хватившаго со времени святительства графа Толстого православія, помѣщены рассказы о какой-то барынь-раскольницѣ, у которой есть другъ, о какомъ-то старовѣрѣ, у которого есть французенка. Прибавлены разныя примѣты, названія улицъ и пр. Мы вѣримъ, что во Христѣ братъ Андрей ¹⁾, какъ Гейне, подъ старость, началъ бояться смерти и прежнихъ грѣшковъ и, какъ ловкій человекъ, сталъ ревновать о министерской церкви, а не о какой другой, но какъ же объяснить, что онъ тотчасъ маленькимъ Катковымъ пошелъ въ маленькіе доносы? Конечно, Краевскій не самъ пишетъ, — въ грамотности его и враги не обвиняютъ — но, если онъ избралъ себѣ почетное мѣсто дворника двухъ *затѣжкихъ* журналовъ, такъ и смотри, чтобъ въ нихъ не было дебоширства, а все шло бы чинно и прилично.

Старче Андрее, поосторожнѣ бы, поосторожнѣ!

Это все *задержание* Каткова надѣлало бѣду. Вся мелюзга вѣстовщиковъ пустилась въ отсутствіе *отца доносовъ* со всякими силетнями, намеками... И мы, де, Катковы, и мы будемъ имѣть, рендеву“ съ государемъ и чернильницу съ золотымъ перомъ.

2859. Письмо къ Н. А. Огаревой.

1 августа (1866), среда.

Если-бъ. Natalie, ты мнѣ вѣрила, ты знала бы, какъ искренно мнѣ больно, что ты опять и опять отдаешься тому бесплодно-отчаянному настроенію, которое ведетъ къ безвыходности. Если-бъ ты вѣрила, тебѣ было бы легче, и мы шли бы въ жизнь, неся крестъ съ бѣльшей силой и съ бѣльшимъ достоинствомъ. Оставимъ же слабость постоянныхъ сѣтованій. Я не говорилъ о моемъ послѣднемъ планѣ ни съ кѣмъ, кромѣ Огар; ни Саша, ни Мейз. ничего не знали; оставь и этотъ порывъ *сотте поп avenue* ²⁾. Въ душѣ твоей ты не можешь его обвинить, не можешь по цѣли. Ты должна была взглянуть на семью и на фактъ безъ критики и должна была въ себѣ укрѣпить мысль спасенія единства. Какъ скоро явилась критика, явились и гапсипы ³⁾... и все, надѣлавшее бѣды. Слова твои, иногда оживлявшія надежду и наполнявшія меня больше свѣтлымъ взглядомъ, о подчиненіи духовному, о приня-

1) А. А. Краевскій.

2) Какъ неслучившійся.

3) Злобы.

ти меня проводникомъ въ *impass'ё* ¹⁾ не переходили ни разу въ дѣйствіе. Вѣчный бунтъ твой (не смѣйся и не сердись за это слово), вѣчный протестъ и оппозиція для меня выкуплены, я ихъ стираю, прошая, но для другихъ они бросаются въ глаза, и жизни съ ними не устроишь. Ты ищешь всего въ школѣ, а я думаю, что и школа и все зависить отъ того смиренія и обращенія критики на себя, отъ того самосознанія, безъ котораго нѣтъ справедливости.

Возьми мои письма и найди въ нихъ одно слово, которое отвергла бы твоя совѣсть. Языкъ отчаянія — не языкъ любви и ума, онъ меня мучить. Имѣешь ли ты надъ собой власть побѣдить его?

Здѣсь директоръ школы въ Лугано; у него бездна учениковъ, все русскіе; онъ беретъ 2000 фр. въ годъ. Началь онъ съ большого капитала и съ дозой подлости. Либераль и образованный человекъ, очень неглупый, онъ подчинился всѣмъ влияніямъ, но въ школѣ, говорятъ, идетъ все ладно, и его подчиненіе виѣшнее. Онъ даже допускаетъ жизнь родителей въ пансіонѣ при школѣ. Понимаешь ли ты, что такая школа для Б. и для тебя невозможна? ²⁾ Что же непонятнаго, когда я говорю объ азилѣ, сначала скромномъ, потомъ возрастающемъ, если удастся? Здѣшніе русскіе отдають въ Лугано послѣднихъ русскихъ дѣтей, и я съ ужасомъ смотрю на растущую бѣдность Мечник. и всѣхъ остальныхъ. На-дняхъ былъ опять Серно-С., совершенно обнищавый

О средства... средства, а ты еще, по старой памяти дѣтства, говоришь съ презрѣніемъ о деньгахъ, а тутъ мы же удивляемся поведенію Скарятинной... — она спасаетъ кусокъ хлѣба Надѣ. Какая работа ей достанетъ его? Это — все химеры.

У насъ въ домѣ министерскій кризисъ: кухарку я отпустилъ; оказалось, что недостаетъ двѣ рубашки Саши, двѣ моихъ, жилеть и юр. Ты говоришь, что какъ не найти, а я говорю: какъ найти? Люди практическіе выписываютъ изъ дальнихъ кантоновъ. Пока согласились изъ отеля носить обѣдъ за 7 фр. 50 сан. да Woog на время рекомендовала какую-то старуху. Не знаю, могу ли я успѣть къ пятницѣ со всѣми этими дразгами; нельзя оставить домъ, не устроивши, или и можно, но тогда пріѣхать на три, на четыре дня. Бѣдный Тхорж. бьется изъ всѣхъ силъ и ничего не умѣетъ сдѣлать: безъ женщины домъ не можетъ итти. Тата ничего не понимаетъ въ хозяйствѣ.

Въ этой дряни, съ глубокой раной въ груди, со всевозможными помѣхами да еще и общими дѣлами я ничего не работаю и верчусь, какъ паровое колесо, когда пароходъ стоитъ, тратя силу, жизнь... а

¹⁾ Безвыходномъ положеніи.

²⁾ Огарева хотѣла открыть собственную школу.

ея немного впереди... Пожалѣй просто, дружески объ этомъ и дай твою руку.

Вчера я встрѣтилъ больного ребенка Ченсовича (маленькій умеръ, это — ребенокъ 3-хъ лѣтъ); онъ лежитъ неподвижно на подушечкѣ, и у него выходятъ кости... и тоже ѣсть нечего. Фу, какая гадость это милое существованіе!

Вотъ частная и индивидуальная жизнь.

А что дѣлають пруссаки, — они и *la lettre*¹⁾ съѣли бѣдную Моравію и разорять Франкфуртъ. Они послѣ перемирія уничтожили баварскій отрядъ. Вотъ политическая жизнь.

Что же осталось?

Наука.

Посылаю „Nord“, въ которомъ величайшій фактъ: телеграфъ между New-York'омъ и Лондономъ конченъ²⁾.

11 часовъ.

Кухарка временная, для опыта, нѣмка, лѣтъ 30, по имени Sophie. Пробуемъ сегодня.

Все говорить о занятіи Женевы французами, — я не вѣрю.

Если не могу въ пятницу, приѣду въ субботу... Мѣшаютъ писать, — новый русскій.

2860. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

7 août 1866.

Chère philosophe et amie.

Primo. Monod m'a déjà répondu il y a cinq jours. Je vous ai écrit il y a une semaine ou plus. Votre philosophie est bonne parce qu'elle est douce et humaine. La mienne est aussi humaine — mais amère, j'aime l'absinthe...

Toutes ces considérations, demi-„réflectives“, demi-sentimentales n'amènent à rien. Vous êtes à mille lieux du sens que j'ai donné au mot de „moralité nouvelle“. Il m'est impossible de doctriner pour élucider cela, laissons ces choses à un autre temps³⁾... Quant au fond — cherchez un peu plus profondément les causes et les effets.

Je suis coupable en beaucoup et horriblement puni et avili. La famille, la vie de famille. était pour moi au second plan—deux fois elle se

¹⁾ Буквально.

²⁾ Въ началѣ іюля пароходъ „Great-Eastern“ перекинулъ трансатлантическій кабель.

³⁾ Пропущена нѣсколько стромъ, но желанію семьи Герцена.

venge sur moi; elle se venge même en soulevant mes enfants, en me donnant un reproche et un remord par la dureté des uns et l'éducation difficile des autres. (Vos quelques paroles sur Olga m'ont presque versé des larmes — à 15 ans les mêmes plaintes).

Par assurance dans mes forces, j'ai voulu sauver une femme très malheureuse — quoique injustifiable dans beaucoup, j'ai voulu sauver un enfant — doué de talents éminents... je n'avais pas l'égoïsme de me détourner des larmes. Voilà le résultat. Au lieu d'un rapprochement de tous — tout se désagrège de plus en plus.

Tata seule a agi comme elle le devait, mais pourquoi parlez vous de la nécessité de la victimiser vivant avec moi. Suis-je réellement si faible — Ce que je voudrais — ma parole — c'est de vivre tout seul quelques mois, même sans Og... Oh les couvents, les couvents! (Rappelez-vous à Naples).

Nouveau projet. N. part pour Lugano et ensuite pour Nice. Je connais ici une très bonne pension pour de grandes filles — Donnez moi Olga pour l'hiver. Tata restera chez Vous. Olga à la pension -- le printemps vous viendrez la chercher — c'est à dire vivre à Lausanne. C'est une simple question et non une décision. Votre pensée?

P.S. On dit que Czernychevsky — le célèbre publiciste — cité dans la dernière affaire d'Irkoutsk à Pétersb. — s'était suicidé!..

Переводъ.

7 августа 1866.

Дорогой философъ и другъ!

Во-первыхъ, Моно отвѣтилъ мнѣ уже дней пять тому назадъ. Вамъ я писалъ съ недѣлю или больше тому назадъ. Философія ваша хороша, потому что она кротка и гуманна. Моя философія также гуманна, но она горька¹⁾: я люблю польню.

Всѣ эти соображенія, наполовину „умственные“, наполовину сентиментальныя, ни къ чему не ведутъ. Вы находитесь на тысячу верстъ разстоянія отъ значенія, которое я придаю словамъ: „новая мораль“. Сейчасъ я не имѣю возможности пуститься въ разсужденія для освѣщенія этого вопроса, оставимъ это до другого раза²⁾... А что касается сущности, то поищите немного поглубже причины и послѣдствія.

¹⁾ Здѣсь непередаваемая игра словъ: „douce“ значитъ сладкая и кроткая отсюда противопоставленіе: сладкая и горькая.

²⁾ Пропускаю нѣсколько строкъ, по желанію семьи Герцена.

Я виноватъ въ очень многомъ и жестоко наказанъ и униженъ. Семья, семейная жизнь были у меня на второмъ планѣ — и дважды это отмстилось мнѣ. Мечь простирается до того, что даже дѣти мои возстають противъ меня, и, я чувствую, укоромъ и угрызениемъ совѣсти являются для меня жесткость однихъ и трудность воспитанія другихъ. (Ваши нѣсколько словъ объ Ольгѣ довели меня почти до слезъ: въ 15 лѣтъ уже тѣ же самыя жалобы!).

Твердо вѣря въ свои силы, я захотѣлъ спасти несчастную женщину, во многомъ, впрочемъ, не заслуживающую оправданія; хотѣлъ спасти ребенка, одареннаго блестящими талантами... У меня нехватило эгоизма, чтобы отвернуться отъ слезъ. И вотъ чтò получилось въ результатѣ: вмѣсто всеобщаго сближенія, все постепенно разлаживается.

Одна Тата поступала такъ, какъ слѣдовало. 'Но почему вы говорите о необходимости приносить ее въ жертву, живя со мною? Неужели я, на самомъ дѣлѣ, такъ слабъ? Даю вамъ честное слово, все, что я желалъ бы, это прожить въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ совершенно одинъ, даже безъ Ог... О, моіастрыри, монастыри! (Вспомните Неаполь.)

Новый проектъ. N. уѣзжаетъ въ Лугано, а затѣмъ — въ Ниццу. Здѣсь имѣется отличный пансіонъ для взрослыхъ дѣвицъ; дайте мнѣ Ольгу *на зиму*, Тата пусть остается у васъ. Ольга будетъ въ пансіонѣ, а весною вы приѣдете за нею, т.-е. поселитесь съ нею въ Лозаннѣ. Это — просто вопросъ, а не рѣшеніе. Что вы скажете?

P. S. Говорятъ, что Чернышевскій, знаменитыи⁴ публицистъ, имя котораго недавно упоминалось въ Петербургѣ въ связи съ послѣдними событіями въ Иркутскѣ, ¹⁾ *покончилъ съ собою!*..

2861. Первое засѣданіе уголовного суда въ Москвѣ — тридцать ударовъ розгами.

Формы образованнаго суда выставляють въ новомъ безобразіи наше варварское законодательство и готовность судей его прилагать. Судились одна женщина и одинъ мужчина за *бродяжничество*, за пьяный видъ, въ которомъ арестованы, за *безобразіе*. Не говоря о послѣднемъ обстоятельстве, относящемся больше къ эстетикѣ, чтò за преступленіе бродяжничество, т.-е. немнѣніе письменнаго вида? Всѣ англичане въ Англии и всѣ американцы въ Сѣверной Америкѣ — бродяги. Положимъ, что глупая бюрократія на нѣмецкій ладъ

¹⁾ Изъ процесса каракозовцевъ.. знали, что была мысль спасти Чернышевскаго, давъ ему возможность бѣжать изъ Россіи.

можець дѣлать легкое взысканіе за неимѣніе вида, но ссылатъ въ Восточную Сибирь на поселеніе и держать годъ въ тюрьмѣ за то, что человекъ не говоритъ, кто онъ, и былъ пьянъ, — въ странѣ, гдѣ всѣ пьяны, и трезвый составляетъ исключеніе, — безобразно въ высшей степени. Но это не все — такъ легко наказана была женщина. Не угодно ли процестъ отчетъ о гласномъ судѣ надъ мужчинами ¹⁾.

2862. Ess-bouquet „Московскихъ Вѣдомостей“.

Только-что мы замѣтили, до какой степени безобразно противоестественное совокупленіе формъ образованнаго суда съ палочными ударами, гласности съ побоями за то, что человекъ не хочетъ себя назвать или называетъ ложно, — какъ еще больше безобразное совокупленіе печатнаго слова съ грубѣйшимъ рабствомъ является передъ нами во всей холопской красотѣ въ новомъ манифестѣ Каткова, которымъ онъ благодаритъ Россію за вѣрность ему во время задержанія его дѣятельности. Мы ограничимся отрывками, безъ разсужденій. Замѣтимъ только, что поводомъ манифеста — адреса, которые ему шлютъ изъ губерній, и праздникъ, который ему дали въ университетскихъ залахъ... „Тостъ за государя пили (какъ за всѣхъ государей, исключая отставленныхъ по прусско-австрійскому дѣлу) съ восторгомъ“.

„Пусть наши читатели судятъ, что должны были чувствовать мы, зная, что въ этомъ энтузіазмѣ выражалась горячая общественная благодарность монарху за насъ, за благоволеніе, намъ оказанное, насъ поднявшее и одушевившее новою бодростью, новымъ чувствомъ призванія. Подобныя минуты забыть невозможно; въ нихъ заключается *творческая, рѣшающая сила*. Что мы пережили въ эти минуты, то можетъ быть названо событіемъ, и событіемъ не въ нашей только жизни, но и въ общественной.“

„Въ чемъ же, однако, заключается значеніе нашей дѣятельности, которое отрицать нельзя? Что виною встрѣчаемаго ею столь живого и повсемѣстнаго сочувствія въ русскомъ обществѣ?“

„Политическая печать въ Россіи есть дѣло новое. Намъ довелось быть изъ первыхъ *серьезныхъ* органовъ силы, которой на Руси никогда не бывало и которая явилась только теперь, въ нынѣшнее царствованіе, — вотъ первая причина того значенія, которое приобрѣла наша дѣятельность. Были ли при этомъ обнаружены нами какія-либо личныя достоинства, это — вопросъ второстепенный“.

Такъ и утопаетъ, такъ и млѣетъ въ своемъ величіи патріархъ-редакторъ. За это-то упоеніе собой онъ такъ и гадокъ намъ; тутъ есть какой-то духовный блудъ, котораго посторонній глазъ видѣть не можетъ безъ омерзѣнія... Намъ не нужно знать, какъ онъ исходитъ

1) Слѣдуетъ пространная цитата отчета о судебномъ засѣданіи.

восторгами о себѣ, какъ онъ стонетъ, отталкивая все личное и смѣшивая себя съ Романовыми.

Но, къ философіи рабства:

„Плодотворно только то право, которое видитъ въ себѣ не что иное, какъ обязанность.

„Для политической печати, какъ и для всякой политической дѣятельности, это есть долгъ *государственной присяги*. Честная, достойная своего имени политическая печать должна быть ничѣмъ инымъ, какъ постояннымъ, неуклоннымъ и неослабнымъ примѣненіемъ долга присяги, которая требуетъ, чтобы всякій радѣль о нераздѣльныхъ пользахъ престола и государства и, не останавливаясь ни передъ какими соображеніями, противился всему, что можетъ угрожать имъ опасностью или причинять имъ существенный вредъ. Можно ли придумать программу, которая могла бы болѣе соответствовать призванію политической печати?

„Право публичнаго обсужденія государственныхъ вопросовъ поняли мы, какъ служеніе государственное, во всей силѣ этого слова. Когда мы приступили къ дѣлу, насъ не призывали къ присягѣ, но мы произнесли ее про себя, и произнесли съ полнымъ убѣжденіемъ. Долгъ, съ нею соединенный, поставили мы во главу нашей дѣятельности и подчинили ему все. Онъ былъ единственнымъ руководящимъ и возбуждающимъ началомъ нашей дѣятельности. Онъ усугублялъ наши силы, онъ оплодотворялъ нашу мысль, онъ давалъ зоркость нашему сужденію и цвѣтъ нашему слову, онъ поддерживалъ насъ въ борьбѣ, и въ немъ заключается тайна тѣхъ симпатическихъ отношеній, въ которыхъ находится къ намъ народное чувство“.

Гдѣ англійскіе законы, гдѣ англійская личная независимость? Все потеряно... остался государь, присяга, мириады какой-то нечистоты, служащей ему, неимѣющей по себѣ никакого значенія, и Катковъ.

Черезъ день (154 №) показалось мало, и онъ прибавилъ:

„Въ Россіи есть только одна воля, которая имѣетъ право сказать: „я — законъ“. Передъ нею 70 милліоновъ преклоняются, какъ одинъ человѣкъ. Она есть источникъ всякаго права, всякой власти и всякаго движенія въ государственной жизни. Она есть народная святыня, ею все держится и все единится въ государственныхъ дѣлахъ. Народъ вѣритъ, что сердце царево въ рукѣ Божіей. Она заколеблется, — колеблется и падаетъ все. Служба государю не можетъ также считаться исключительно принадлежностью бюрократической администраціи. При томъ значеніи, какое верховная власть имѣетъ, какъ вообще, такъ въ особенности въ Россіи, всѣ, отъ мала до велика, могутъ и должны видѣть въ себѣ, въ какой бы то ни было степени и мѣрѣ, слугъ государевыхъ“.

Говорятъ, что государь — очень не дальній человѣкъ, но неужели онъ такъ мало развитъ, такъ плохо воспитанъ Жуковскимъ, такъ совершенно внѣ своего времени живетъ и движется, что это топорное, грубое ученіе отчаяннаго рабства ему нравится?

2863. Замышляемое убійство въ Рязани.

Рядовой Бѣлевскаго полка Ефимовъ сорвалъ погони съ офицера того же полка, пришедшаго на гауптвахту для исполненія надъ нимъ приговора (тѣлеснаго наказанія) за совершенную имъ кражу. При допросѣ подсудимый заявилъ, что онъ не хотѣлъ подвергнуться наказанію розгамъ за кражу, потому что рѣшеніе комиссіи по сему дѣлу ему не было объявлено въ законной формѣ... (совершенно достаточная причина, чтобы въ Англіи и Франціи приговоръ былъ уничтоженъ). Несмотря на все это, Ефимовъ приговоренъ къ *смертной казни*.

2864. Святыя тайны и грѣшныя розги.

Въ 1861 году, при введеніи въ дѣйствіе положенія о временно-обязанныхъ крестьянахъ, въ Тамбовъ присланъ былъ генераль баронъ Винцингероде¹⁾. Въ какомъ-то селеніи произошло недоразумѣніе у крестьянъ съ помѣщикомъ; баронъ вмѣстѣ съ жандармскимъ полковникомъ Дурново отправился *усмирять* селеніе. Опредѣлили они наказать розгами многихъ крестьянъ, въ томъ числѣ 65-лѣтняго старика, который въ день, назначенный для наказанія, исповѣдывался и приобщался, почему гг. Винцингероде и Дурново положили слѣдующую резолюцію: *наказать такихъ-то и такихъ-то, а старика такого-то отъ тѣлеснаго наказанія уволить, потому что онъ уже въ то утро приобщался святыхъ Христовыхъ тайнъ*.

2865. Письмо къ Лизѣ и Н. А. Огаревой.

20 августа (1866).

Милѣйшая Лиза, посылаю тебѣ змѣиную шкуру, которую Ольга сушила; она очень мила — стойтъ ее беречь. Ну что же ты подѣлываешь? Мила ли съ Сесиль, учишь ли Нелли (кланяйся ей) и сама учишься ли? Напиши мнѣ. Мама мнѣ совсѣмъ не пишетъ; она лѣнится, а ты напомни.

Цѣлую тебя.

¹⁾ Фердинандъ Фердинандовичъ.

Въ самомъ дѣлѣ, за что же это ты не черкнешь строки? Вѣдь, я не вѣрю, чтобъ не хотѣлось; неужели все это мѣры, усмиреніе, mesur'ы¹⁾... Кажется, не можетъ быть.

Я писалъ Долгор. пространное письмо, жду отвѣта.

Прощай.

Вчера былъ Стадлеръ, — все одни ужасы.

P. S. Какая ваша хозяйка? Я сейчасъ слышалъ, что въ Richemont²⁾ превосходно содержать.

Что же Лугининъ?

2866. Письмо къ сыну.

26 (августа 1866), воскресенье.
Hôtel Belvédère.

Скажи Тхорж., что Лугининъ очень хвалитъ его племянника, говоритъ, что онъ главное знаетъ свою часть (инженерную); ему хочется на желѣзную дорогу, нельзя ли въ Италиі похлопотать?

Не забудьте о посѣщеніи Шнейдера³⁾; ты бы съ нимъ повидался въ Hôtel de Bergues.

Отъ Падерс.⁴⁾ жду отвѣта. Лугин. не вѣрить въ конф.⁵⁾

А ргорос, онъ въ крайнемъ озлобленіи противъ Россіи, хочетъ поселиться въ Парижѣ и, „если можно“, постарается забыть по-русски. Отъ женев. дѣлъ у него волосъ становится дыбомъ. Труб.⁶⁾ уже уѣхалъ въ Италию, проигравши 1,000 фр. въ какомъ-то игорномъ домѣ (о, Русь!). Лугининъ весь въ химіи: онъ ѣдетъ дня черезъ три въ Лугано и Комо.

Nat. рѣшается пріѣхать на недѣлю въ Женеву. Мнѣ кажется, что квартира, гдѣ не плюютъ на лѣстницѣ, въ 5 фр. (стало, 35 въ недѣлю) лучше, но пусть Тата посмотритъ съ паномъ и нашу нижнюю и спроситъ о цѣнѣ. Та мнѣ нравится, понеже кухарка есть и обѣдъ. Объ этомъ рапортуй.

А Тату и тебя прошу, чтобы эта поѣздка⁷⁾ была окружена

1) Мѣры.

2) Отель въ Женевѣ, на Square des Alpes.

3) Фердинандъ, берлинскій книгопродавецъ.

4) ?

5) Вѣроятно, конфирмація, т. е. утвержденіе приговора по дѣлу гейдельбергской читальни.

6) Николай Платоновичъ Трубецкой.

7) Домой.

всевозможнымъ вниманіемъ. *Прошу* для этого шагать черезъ мелочи, не дѣлать замѣчаній и пр., и пр. Что затѣмъ, N. сама не знаетъ; я предлагаю ѣхать на зиму въ Lugano или Como. Мы можемъ съ тобой встрѣтиться тамъ еще до моей поѣздки съ Татой (предполагаю, что N. поѣдетъ 8—10, а ты 15-го).

Затѣмъ буду ждать рапорта о Мамаевомъ побоищѣ.

Я здѣсь на IV этажѣ, — Лугининъ далъ коробку съ дырой, вмѣсто комнаты; ноги у него въ коридорѣ, все набито. Гдѣ же тутъ было Огар. ѣхать? Покажи ему письмо.

Можетъ, Ог. могъ бы иной разъ ночевать въ твоей комнатѣ, а ты хоть на диванѣ въ гостиной? А *propos*, пока постороннимъ не нужно говорить о приѣздѣ.

О квартирахъ, о цѣнѣ и пр. прошу пана сейчасъ написать.

27, *поезд*. Вчера получилъ твое, а потомъ паново письмо; жду подробный отчетъ о Мамаевомъ побоищѣ.

Сходи къ Долгоруку или черезъ пана достань себѣ „*Revue des Deux Mondes*“ 15 août и прочти *статью Littré* противъ Милля.

Тата къ 4 сентяб. una gran festa fa-preparar ¹⁾ для Лизы.

2867. Письмо къ Н. П. Огареву.

27 августа (1866 г.).
Hôtel Belvédère.

Великій патронъ малаго Ланси! До сихъ поръ все идетъ тихо, тише, чѣмъ я ждалъ. Вѣроятно, присутствіе Лугинина способствуетъ. Трубец. нѣтъ. 31, въ пятницу, или 1, въ субботу, ѣдетъ Nat. съ Лизой на недѣлю или дней на десять въ Женеву; насчетъ кваргиры и пр. не хлопочи.

Она совсѣмъ, было, рѣшилась ѣхать къ 10 сент. въ Лугано, но Лугининъ возразилъ что-то, и снова все въ неопредѣленномъ броженіи „Предоставь мнѣ распоряжаться внѣшнимъ, ну, на годъ, на два“. — „Нѣтъ, ты (т.-е. я) не свободенъ“... Отъ Ал. Ал. ²⁾ письмо, — ничего особеннаго.

Лугин. въ страшномъ, фанатическомъ озлобленіи на Россію; назадъ ѣхать не хочетъ и старается забыть по-русски. Онъ за изданіе „Кол.“

1) Приготовила большое торжество.

2) Тучковъ.

по французски. Между прочимъ, у Выруб. ¹⁾ проект издавать „Revue“. Онъ воротится въ концѣ октября,—можно соединиться. Насчетъ твоихъ стиховъ „Осужденному“ Луг., Nat. ²⁾ (да и я согласенъ) осуждаютъ 3 купл. Притомъ теорія выкупа не нравится въ стихахъ. Отъ гнусности женевскихъ онъ внѣ себя и умоляетъ меня бросить Жен. За послѣдніе полтора года они его наказали слишкомъ на 2,000 фр.

По-моему, всего лучше было бы остаться N. въ Лозаннѣ, но, я думаю, изъ-за этого спорить нельзя: въ Лугано или Комо зиму провести недурно. Я ихъ доведу, потомъ поѣду съ Татой, ex. gr., въ началѣ октября во Флоренцію черезъ Лугано, потомъ возвращусь къ новому году и могу ѣхать опять въ мартѣ. Стало, все и пойдетъ какъ слѣдуетъ, если пойдетъ мирно.

2868. Письмо къ сыну.

29 августа (1866), 12 часовъ.

Я пріѣду завтра съ послѣднимъ train или, если будетъ очень хорошо, съ пароходомъ. Nat. и Лиза ѣдутъ въ пятницу съ пароходомъ же. Квартину сейчасъ займите; я самъ думаю, что твоя лучше. Впрочемъ, желаю знать мнѣніе Тхорж. Ту или другую, но займите на недѣлю (а, можетъ, и на двѣ). Лугининъ ѣдетъ завтра въ Лугано (это въ родѣ карамболя).

Насчетъ Бокэ возьми мѣры.

Ну; а въ „Колоколѣ“—то что мы напакостили? Статьи этой въ половину печатать нельзя ³⁾. Итакъ, скажи пану: плачь не плачь, а раньше 5 „Кол.“ не будетъ.

Знаешь еще какую комбинацію можно отколоть? Ex. gr., 10-го сент. я провожу N. до Лугано или Сомо (оставь мнѣ твою карту Итали) и осмотрюсь, а ты съ Татой пріѣдешь до 20 сент. Если N. останется въ Луг., я поѣду съ вами. Ну, да объ этомъ перетолкуемъ.

Полагая, что Огар. у васъ, посылаю ему записочку; если же его нѣтъ, пошли ему *сейчасъ*.

О деньгахъ фонда я ничего не понимаю. Тата пишетъ, что они ихъ отсылаютъ ко мнѣ въ фондъ... Я на этомъ основаніи не приму,—въ такомъ случаѣ ему слѣдуетъ возвратить.

Иду покупать табакъ для пана.

¹⁾ Григорій Николаевичъ Вырубовъ.

²⁾ Н. А. Огарева.

³⁾ Почти весь листъ заняло предложеніе статьи „Русскаго“: „Финансовое положеніе“, одобренной Огаревымъ.

2869. Письмо къ сыну.

3 сентября (1866), понедѣльникъ.
Nice.

У васъ во Флоренці были три случая холеры, и трое солдатъ въ Боболи умерли (мы здѣсь лучше знаемъ). Письмо твое пришло; ты правъ, ѣхать тебѣ нельзя отъ холеры. Совѣтую тебѣ утромъ пить *petit v.* ¹⁾ распалевой настойки или ликера. — Здѣсь хол. нѣтъ. У меня на рукахъ сыпь моря и солнца, — купанье остановилъ. Сегодня получилъ письмо отъ Бамбергера, — онъ въ Трувилѣ. Можетъ, и я туда поѣду — мнѣ его видѣть необходимо. Ты, вѣроятно, изъ моего письма понялъ (оно пришло послѣ отправки твоего), что амер. капиталъ долженъ остаться въ Амер. Стало, говорить можно объ итальянскомъ.

Выдѣлить сто тысячъ фр. и раздѣл. я готовъ. Для этого надобно, все же, кончить америк. дѣло и посмотрѣть, сколько оно принесетъ. Къ 1 ноября все будетъ извѣстно, но мнѣ твой проектъ вовсе не нравится. Что за недвижимое имѣніе можно купить за 40 т. фр.? И зачѣмъ жить на дачѣ, и почему во Флоренці, гдѣ цѣны теперь высоки, а послѣ занятія Рима будутъ низки? Когда я говорилъ о земляхъ духовенства, я говорилъ о покупкѣ и сдачѣ на аренду, къ тому же ихъ продаютъ съ огромными разсрочками. Неужели ты считаешь, что ваша жизнь навѣки пойдетъ во Флоренці? Что касается до *agio* ²⁾, на немъ-то я и выиграю въ Америкѣ и, слѣд., если состоится, денегъ на мебель могу дать.

Далѣе, Огар. не нужно еще 5 лѣтъ больше 600 фр. для М. ³⁾.

Обдумай еще разъ. Мнѣ кажется, что можно лучше распорядиться.

Вы будете получать съ будущаго года 15,000 дохода; я могу и весь капиталъ отдѣлить. Затѣмъ останется еще вашего же капитала въ ренту около 10 т. $\frac{0}{0}$; ее снова надобно капитализировать для приданого етс. Изъ всей вашей части я не возьму ничего (хоть бы было сто дѣтей и пятьсотъ внучатъ). Лиза получитъ столько же, сколько каждый изъ васъ. Мнѣ ужасно хотѣлось бы совсѣмъ изгнать чудовище наслѣдства между нами. Вы будете имѣть ровно $\frac{3}{4}$ моего теперешняго состоянія и затѣмъ... и затѣмъ я свободенъ распоряжаться, какъ хочу, своей $\frac{1}{4}$.

Я полагаю, что это справедливо.

1) Маленькій стаканъ.

2) Лажъ, промѣнъ.

3) Мэри.

И еще разъ скажу за всѣмъ тѣмъ, что жить рентой безъ труда почти стыдно. Насъ среда поставила въ борьбу, у тебя среда другая. Тату до окончанія холеры буду уговаривать жить здѣсь.

Затѣмъ обнимаю тебя.

2870. Польша въ Сибири и каракозовское дѣло.

Трудно убивать народы, даже со всѣмъ монгольскимъ бездушіемъ, съ адвокатами, какъ Катковъ, съ катами, какъ Муравьевъ, и со всякими православными краснобаями изъ инженернаго вѣдомства и лютеровою ереси á la Кауфманъ. Добивали, добивали Польшу... а она все жива.. Она возстала въ Сибири — безнадежная, отчаянная, но, все же, предпочитающая смерть рабству. Наши читатели знаютъ подробности изъ русскихъ газетъ: „Поляки ретировались въ лѣсъ (до лясу, острять мокрая кровью „Моск. Вѣд.“). Лѣсъ окружили войсками и понятыми людьми, большей частью тунгусами и бурятами, отличными стрѣлками“. Интересно было бы знать, что обѣщали „отличнымъ стрѣлкамъ“ со штуки. Небось, гривенъ по восьми да сапоги подстрѣленного?

Подумать страшно, что съ ними будетъ... Что бы ни было, все занесетъ снѣгомъ и будетъ нѣмо и бѣло, какъ саванъ.

Да, въ самомъ дѣлѣ, ужъ эти поляки какой безпокойный народъ... Чего имъ хотѣлось? Ну, сослали въ Сибирь *безъ суда*, стало, обиды нѣтъ. Корреспондентъ „Моск. Вѣд.“ справедливо вспылить на нихъ: „Вотъ, говорить, какова благодарность за то, что всѣмъ осужденнымъ полякамъ, находящимся въ Сибири, государь облегчилъ участь!“

Буряты облегчать ее радикальнѣе.

А машина-то, все-таки, не идетъ, сорвалась съ рельсъ послѣ покойника Николая Павловича, бьетъ народъ направо и налево... чадить, шипить, а въ рельсы не попадаетъ — то путятинскіе матрикулы, то каракозовская пуля, то нигилисты переведутъ Фогта, то социалисты заведутъ артель, то неблагодарные поляки не перестаютъ изъ благодарности быть поляками.

Видно и идеи тоже трудно убивать, какъ народы. Это намъ доказываютъ подробности каракозовскаго дѣла, напечатанныя въ „Сѣверной Почтѣ“¹⁾.

Чтобы припутать къ нему всѣхъ, кто подъ руку попался, изъ

¹⁾ Первое заявленіе правительства о сущности каракозовскаго дѣла напечатано въ № 166 „Сѣв. Почты“ отъ 2 августа.

людей, несогласныхъ въ мнѣніяхъ съ обновленнымъ правительствомъ, и сдѣлать изъ частнаго случая, не имѣющаго никакой связи со всѣмъ остальнымъ, палицу для пораженія всей юной Россіи, „Сѣверная Почта“ рассказала факты, гораздо болѣе интересныя, чѣмъ выстрѣлъ, который надоѣлъ всѣмъ до смерти.

Всѣ люди, слабые вѣрой, думали, что страшные удары, которыми правительство било по молодому поколѣнію за все — за пожары, въ которыхъ оно не участвовало, за польское возстаніе, за воскресныя школы, за возбужденную мысль, за чтеніе книгъ, которыя читаетъ вся Европа, за мнѣнія, сдѣлавшіяся ходячей монетой, за общечеловѣческія стремленія, даже за желаніе работать, — приостановили движеніе, начавшееся послѣ Крымской войны. Нисколько. Оно только вѣлооръ глубже и дальше пустило корни. Въ Москвѣ (въ этомъ городѣ всѣхъ реакцій), рассказываетъ „Сѣверная Почта“, существовало уже нѣсколько лѣтъ общество между молодыми людьми, принявшими въ 1865 г. общее названіе „Организація“. Оно имѣло цѣлью распространять социалистическія ученія и готовить переворотъ. Средствами для сего должны были служить:

а) „Пропаганда между сельскимъ населеніемъ, съ объявленіемъ, что земля составляетъ собственность всего народа.

б) „Возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, дворянства и вообще противъ властей.

в) „Устройство разныхъ школъ, артелей, мастерскихъ, переплетныхъ, швейныхъ и иныхъ ассоціацій, дабы посредствомъ ихъ сблизиться съ народомъ и внушать ему зловерныя ученія социализма.

г) „Заведеніе въ провинціяхъ библиотекъ, бесплатныхъ школъ и разныхъ обществъ, на началахъ коммунизма, которыя въ рукахъ членовъ главнаго общества могли бы удобнѣе привлекать и готовить новыхъ членовъ и въ то же время состояли бы въ зависимости отъ центрального общества въ Москвѣ и получали бы отъ него дальнѣйшее направленіе.

д) „Распространеніе въ народѣ социалистическаго ученія посредствомъ воспитанниковъ семинарій и сельскихъ учителей и

е) „Пропаганда по Волгѣ, пользуясь удобствомъ пароходныхъ сообщеній.“

„Общество подраздѣлялось на разные отдѣлы съ различными наименованіями, какъ-то: „взаимнаго вспомошествованія“, „переводчиковъ и переводчицъ“, „поощренія частнаго труда“. Всѣ эти отдѣлы, для прикрытія революціонной цѣли главныхъ распорядителей, предполагалось облечь законовою формой, испросивъ на то утвержденіе правительства.

„Полагалось устройствомъ бесплатныхъ школъ, швейныхъ и библиотекъ объединять свои мысли, сблизиться съ различными кружками университета и иныхъ учебныхъ заведеній и вообще привлекать въ общество разныхъ лицъ.“

„Независимо отъ сего, означенное общество стремилось входить въ ближайшія сношенія съ социалистическими кружками и дѣятелями въ Петербургѣ и другихъ мѣстахъ имперіи, которыя поддерживались, съ одной стороны, направленіемъ преподаванія въ значительной части учебныхъ заведеній, а съ другой — большею частью журналистики.“

Такъ вотъ какъ былъ убитъ и похороненъ *соціализмъ* и *нигилизмъ*, скромными органами которыхъ были и мы! *Отцы*, думавшіе итти за гробомъ *дѣтей*, могутъ отереть слезы — *дѣти живы*. Правительство второй разъ замучить, убѣть ихъ... *а они останутся живы!* Муравьевъ умереть, Катковъ будетъ министромъ и Адлербергомъ, *а они останутся живы!*

Въ самую мрачную эпоху помѣщичества, въ самую безвыходную, полную экзекуцій и розогъ, наши мужички *не вѣрили* въ крѣпостное право, не вѣрили, что земля не ихъ. Ни православная церковь, кропившая водой и благословлявшая всѣ ужасы рабства, ни полиція, кропившая поля кровью, ни царскіе, ни домашніе палачи не могли исторгнуть у нихъ этой безумной вѣры. Мужичка сѣкутъ, иногда засѣкаютъ, сѣчетъ его становой, сѣчетъ управляющій, колотить баринъ изъ своихъ рукъ, а иногда барыня... а онъ, изувѣченный, идетъ себѣ на полати, иногда въ могилу... и думаетъ — „дай срокъ, несчастье пройдетъ, придетъ воля и земля, потому что земля-то, что ни толкуй, наша“.

Мы подъ старость точно, какъ наши мужички, хранимъ святую, горячую вѣру...

На этомъ и остановимся и подождемъ второй страницы мрачнаго процесса, который Старая Россія дѣлаетъ Молодой.

Къ забавнымъ шалостямъ полицейской редакціи принадлежитъ слѣдующая фраза, свидѣтельствующая о томъ, какъ наши наивники III Отдѣленія, патріоты по обязанностямъ службы мало знаютъ отечественную исторію. „Нынѣ признается возможнымъ передать слѣдующія извѣстія объ обстоятельствахъ, сопровождающихъ *неслыханное еще въ Россіи преступленіе — покушеніе на цареубійство*“.

То-есть, что же *неслыханное*? Развѣ то, что покушеніе не удалось.

Неужели литераторы при Муравьевѣ не слышали объ убійствѣ на улицѣ Дмитрія царевича?

объ убійствѣ на площади единственнаго порядочнаго человѣка, бывшаго русскимъ царемъ, Дмитрія Самозванца?

объ убійствѣ Бориса Годунова и сына его?

объ убійствѣ Петра III любовниками жены его?

объ убійствѣ Іоанна Антоновича тою же добродѣтельной дамой?

объ убійствѣ Павла I всѣмъ генералитетомъ съ соучастіемъ неутѣшнаго сына и объ убійствѣ царевича Алексѣя, по высочайшему повелѣнію нѣжнѣйшаго изъ родителей?

Неужели литераторы при Муравьевѣ не слыхивали французскую поговорку о „самодержавіи, ограниченномъ убійствами“ (*temperé par*

l'assassinat)? Это была наша Magna Charta¹⁾. Къ яду, ножу и шарфу мы прибавили еще два ограниченія: *взятки и грязь*.

Вторая шутка даже не забавна и всего менѣе забавна для государя, которому дѣлается, *sub rosa*²⁾ выговоръ за упущеніе по должности:

„Часть изъ участниковъ, сознаваясь чистосердечно въ оныхъ, и нѣкоторые, расканиваясь въ своихъ заблужденіяхъ, высказываютъ откровенно, что они были вовлечены въ социалистическія и противоправительственныя стремленія, *кромя допущеннаго ослабленія вообще наблюдательной власти*³⁾, тѣми органами нашей литературы, которые систематически распространяли всевозможныя разрушительныя начала. При незатруднительности приобрѣтенія запрещенныхъ иностранныхъ и русскихъ книгъ, при губительномъ вліяніи вообще революціонной литературы на неопытные и воспримчивые умы молодежи и подъ вліяніемъ воображенія, бредившаго о возможности достигнуть общаго равенства какъ относительно безграничной личной свободы, такъ и правъ собственности“.

Зачѣмъ это муравейникъ такъ хлопочетъ сдѣлать государя недобрымъ? онъ — богъ съ нимъ — и безъ него самъ до этого очень успѣшно достигаетъ.¹

◆◆ I, 9 августа гр. Муравьевъ представилъ слѣдующій всеподданнѣйшій докладъ:

„Въ истекшемъ юнѣ мѣсяцѣ я всеподданнѣе повергалъ на благоусмотрѣніе вашего императорскаго величества обзоръ обнаруженныхъ состоящую подъ моимъ предсѣдательствомъ слѣдственною комиссіею фактовъ по дѣлу о злоумышленіи 4 апрѣля и соотношеніяхъ къ этому преступленію разныхъ социалистическихъ, съ революціонною цѣлью, сообществъ и отдѣльныхъ личностей, стремящихся къ ниспроверженію существующаго порядка. Въ настоящее время порученное комиссіи дѣло равно производство московской комиссіи о главныхъ и ближайшихъ участникахъ преступленія переданы на разсмотрѣніе Верховнаго Уголовнаго Суда. Остальныя затѣмъ, болѣе или менѣе, прикосновенные къ дѣлу лица должны подлежать, сообразно

1) Основа англійской конституціи.

2) Молчаливый; *rosa* была символомъ молчаливости у древнихъ.

3) Основываясь на этомъ, храбрый Сеславинъ доносилъ въ „Моск. Вѣд.“ указалъ безъ имени на эксъ-министра Головинна и на Чернышевскаго, котораго полиціантъ не можетъ иначе называть, какъ преступникомъ. Головининъ, умрите или экспатрируйтесь, — и васъ, и вашего великаго князя Катковъ дождетъ. *Tenez-vous pour averti*⁹⁾. А. И. Г.

9) Намотайте себѣ на усъ.

степени ихъ вины, административнымъ взысканіямъ, по предварительному о томъ соглашенію съ шефомъ жандармовъ и съ высочайшаго соизволенія, согласно существующему нынѣ порядку.

„Окончивъ такимъ образомъ возложенное на меня высочайшею волею порученіе по изслѣдованію злоумышленія 4 апрѣля, я осмѣливаюсь испрашивать всемилостивѣйшаго вашего императорскаго соизволенія на освобожденіе меня отъ дальнѣйшихъ занятій по предсѣдательствованію въ слѣдственной комиссіи.

„Комиссія сія дѣлала все, что могла, насколько это было возможно путемъ официальнаго изслѣдованія къ открытію зла, и хотя ближайшіе дѣятели злоумышленія и самыя связи революціонныхъ сообществъ достаточно обнаружены, но, конечно, остались скрытыми еще многіе зловредные элементы, ибо всегда главные и тайные руководители политическихъ сообществъ, чѣмъ высше имѣютъ въ нихъ значеніе, тѣмъ болѣе ограждаются таинственностію, даже отъ своихъ единомышленниковъ, и потому не иначе могутъ быть открыты, какъ продолжительнымъ тщательнымъ полицейскимъ наблюденіемъ и секретными розысканіями.

„Хотя нѣкоторые изъ арестованныхъ главныхъ революціонныхъ агентовъ упорно запираются и тѣмъ самымъ отнимаютъ возможность, путемъ формальнаго изслѣдованія, обнаружить тайны вліятельныхъ руководителей и дѣятелей, но общій ходъ дѣла ясно указываетъ, что таковые, скрываясь въ столицахъ, поддерживали сношенія съ революціонными заграничными агитаторами, а редакторы и сотрудники нѣкоторыхъ журналовъ, раздѣляя противоправительственныя идеи, систематически распространяли, въ продолженіе многихъ лѣтъ, всевозможныя разрушительныя ученія, стремящіяся къ ниспроверженію порядка и государственнаго управленія. Лица сіи, болѣе или менѣе состоящія уже на замѣчаніи правительства, были въ сношеніяхъ съ государственными преступниками: *Михайловымъ*, *Чернышевскимъ*, *Серно-Соловьевичемъ* и другими, и вмѣстѣ съ своими сотрудниками по редакціи составляли тѣ социалистическія противоправительственныя средоточія (кружки), которыя при слабости мѣстнаго за ними надзора, прикрываясь легальностію предоставленнаго имъ права изданія, безвозбранно группировали вокругъ себя всѣ нечистые и зловредные элементы общества и гласно, посредствомъ своевольной прессы и привлеченія къ себѣ молодого поколѣнія, громили основу общественной нравственности и государственнаго строя.

„Комиссіею также обнаружены въ столицахъ нѣкоторые отдѣльные тайные дѣятели, которые, подъ фирмою литературныхъ занятій, были руководителями разныхъ социалистическихъ изданій, переводовъ, учебниковъ для народа и иныхъ книгъ въ видахъ распространенія со-

ціалістическаго ученія. Они также были участниками въ составленіи разныхъ обществъ, читалень, артелей, бесплатныхъ школь и иныхъ учреждений, имѣвшихъ цѣлью, подъ видомъ благотворенія, соединять и объединять въ социалистическомъ и противоправительственномъ направленіи, мысли молодого поколѣнія.

„Изъ сихъ отдѣльныхъ дѣятелей болѣе замѣчательны: артиллеріи полковникъ *Лавровъ*, преданный нынѣ военному суду; отставной подполковникъ *Путята* — бывший преподаватель во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ; *Константиновъ* — помощникъ инспектора императорскаго училища Правовѣднія; соумышленникъ его, бывший студентъ, *Линевъ*, недавно еще открывшій книжный магазинъ на Васильевскомъ островѣ; кандидатъ *Альбертини* — помощникъ редактора „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“; поручикъ инженеровъ путей сообщенія *Михайловъ* — учредитель бесплатной школы съ нигилистическимъ направленіемъ; *Яковлевъ* — титулярный совѣтникъ — теперешній мировой судья, у котораго былъ общій съ извѣстнымъ по нигилистическому направленію, служащимъ въ правительствующемъ сенатѣ, губернскимъ секретаремъ княземъ *Голицынымъ* книжный магазинъ съ читальнею при немъ, куда собирались члены разныхъ социалистическихъ обществъ, составляли онымъ уставы и вводили въ дѣйствіе безъ разрѣшенія правительства; бывший редакторъ журнала „Русское Слово“, кандидатъ университета *Благосвѣтловъ*; кандидатъ Евгений *Печаткинъ*, давно извѣстный своею политическою неблагонадежностью, имѣвшій большой книжный магазинъ и переплетную артель, о закрытіи коихъ мною сообщено уже министру внутреннихъ дѣлъ; бывший студентъ С.-Петербургскаго университета *Рождественскій* — составитель вмѣстѣ съ полковникомъ *Лавровымъ* и подполковникомъ *Путятою* устава издательской артели, не разрѣшеннаго правительствомъ, но приведеннаго въ исполненіе.

„Кромѣ упомянутыхъ, есть еще инныя личності, видимо неблагонадежныя, но противъ которыхъ не имѣется достаточно юридическихъ обличительныхъ фактовъ, въ особенности нѣкоторыя женщины самаго крайняго нигилистическаго направленія, участвующія въ преподаваніи въ разныхъ бесплатныхъ школахъ, учрежденныхъ ими швейныхъ и иныхъ заведеній, а также соединяющихъ у себя и въ сихъ заведеніяхъ, на вечерахъ, разныя лица, извѣстныя социалистическимъ направленіемъ. Обо всѣхъ сихъ лицахъ предполагается сдѣлать въ свое время, какъ сказано выше, соотвѣтственное административное распоряженіе.

„Я смѣю думать, что въ настоящее время въ рукахъ правительства имѣется достаточно обнаруженныхъ уже фактовъ для правильнаго взгляда на настоящее положеніе дѣлъ и обузданія зла, угрожающаго гибельными для государства послѣдствіями.

„Хотя по высочайшему вашему императорскому величеству повелѣнію нѣкоторыя изъ обрѣженныхъ въ Особой Комиссіи мѣроположеній сообщены подлежащимъ вѣдомствамъ и при благонамѣренномъ и настойчивомъ исполненіи они, безъ сомнѣнія, принесутъ значительную пользу, но наша бѣда состояла всегда въ томъ, что недоставало послѣдовательности и настойчивости въ исполнителяхъ. Притомъ для полного успѣха необходимо единство взглядовъ и дружное содѣйствіе всѣхъ главныхъ распорядителей. При сихъ только условіяхъ правительство достигнетъ своей цѣли.

„Для болѣе ясной видимости политико-нравственнаго положенія государства, я считаю долгомъ всеподданнѣйше доложить вашему величеству, что изъ всѣхъ многочисленныхъ допросовъ и разговоровъ съ лицами, участвовавшими въ разныхъ политическихъ сообщеніяхъ, явно обнаруживается, что мысль объ измѣненіи существующаго порядка государственнаго управленія, съ ниспроверженіемъ *монархической* власти и самодержавія, проникла уже въ разные слои общества и продолжаетъ распространяться подъ фирмою даже, будто бы, мнѣній, исходящихъ изъ высшихъ слоевъ общества и самаго правительства.

„Грустно думать, что продолжительными совокупными дѣйствіями враговъ Россіи можетъ, наконецъ, наступить тотъ моментъ, когда всѣ правительственныя усилія будутъ недостаточны, чтобы остановить угрожающую государству катастрофу, ежели не будутъ приняты противъ сего послѣдовательныя энергическія правительственныя мѣры, и въ особенности дѣйствующія на моральное настроеніе умовъ.

„Однѣми строгими мѣрами наказанія зла остановить нельзя. Конечно, необходимо наказаніе, въ примѣръ другимъ, главныхъ виновниковъ злоумышленія, но въ отношеніи моральной заразы надлежитъ въ точности исполнить мудрыя указанія вашего величества, начертанныя въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ 13 мая; требовать содѣйствія всѣхъ консервативныхъ здравыхъ силъ Россіи и съ помощію благонамѣренной прессы громить извращенныя понятія, проникнувшія уже въ разные слои общества.

„Повторяя о необходимости болѣе бдительнаго на мѣстахъ надзора, я не могу не выразить своего убѣжденія, что для полного успѣха слѣдуетъ обратить болѣе тщательное вниманіе на выборъ лицъ, назначаемыхъ въ должности губернаторовъ, какъ я объ этомъ упоминалъ уже во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 9-го іюня. Этотъ важный предметъ государственной администраціи, видимо, не соотвѣтствуетъ еще настоящимъ потребностямъ, въ особенности въ нѣкоторыхъ приволжскихъ губерніяхъ и Сибирскомъ краѣ. Равнымъ образомъ нельзя не обратить вниманія на недостаточность полицейскаго надзора, который

долженъ служить основаніемъ къ удержанію общественнаго порядка въ городахъ и селахъ. Къ сожалѣнію, у насъ эта часть далеко еще не соотвѣтствуетъ настоящимъ потребностямъ, и даже въ столицахъ по сую пору не существуетъ той зоркой стражи, которая должна обеспечивать спокойствіе общества. При всемъ попеченіи объ этомъ настоящаго петербургскаго оберъ-полицмейстера и настойчивой его заботливости онъ, по неимѣнію средствъ, лишень возможности даже учредить полицейскій надзоръ надъ лицами завѣдомо неблагонадежными, отданными подъ таковой по распоряженію Комиссіи. Получивъ по сему предмету отзывъ свиты вашего величества генераль-маіора Трепова, я сообщилъ объ этомъ, по принадлежности, министру внутреннихъ дѣлъ.

„Въ предшедшемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ я имѣлъ счастье представить вашему величеству о необходимости принятія мѣръ къ устраненію польскаго элемента отъ участія въ мѣстномъ управленіи на желѣзныхъ дорогахъ, какъ главныхъ артеріяхъ внутреннихъ сообщеній. Изъ дѣлъ Комиссіи видно, что въ обѣихъ столицахъ находится много поляковъ и обнаружены тайныя между ними и политическими кружками сношенія. Они распространяють во внутреннихъ губерніяхъ польскую пропаганду, входятъ въ сношенія даже въ Сибири съ сосланными туда политическими преступниками, вымѣнивають фальшивые, привозимые изъ-за границы, кредитные билеты, составляя, такимъ образомъ, денежный фондъ для пособія ссыльнымъ и заграничнымъ эмигрантамъ; многіе изъ нихъ, находясь въ сношеніи съ мѣстными противоправительственными кружками, подкупомъ и разными искательствами, проникая въ тюрьмы и остроги, содѣйствовали освобожденію политическихъ преступниковъ, снабжая ихъ деньгами и фальшивыми паспортами для побѣга за границу. Въ Москвѣ организованъ даже польскій ржондъ, подъ наименованіемъ „Народовой опеки“, который служилъ для вышесказанной цѣли и, будучи въ сношеніяхъ съ разосланными правительствомъ въ разные города центральныхъ губерній поляками, распространялъ повсюду столь враждебную противу правительства пропаганду.

„Я обязанностію поставляю упомянуть объ этомъ потому, что зловредныя политическія тенденціи, проникнувшія во многіе слои нашего общества, видимо, поддерживаются и усиливаются содѣйствіемъ польскаго элемента. Это доказывается обнаруженными уже фактами и нѣкоторыми личностями, скрывавшимися въ столицѣ подъ разными псевдонимами и бѣжавшими за границу съ фальшивыми паспортами. Въ виду всего этого я полагаю бы необходимымъ строго подтвердить подлежащимъ вѣдомствамъ о дѣйствительномъ усиленіи надзора за огромною массою поляковъ, находящихся какъ въ столицахъ, такъ и

внутри имперіи, сосредоточивая сихъ послѣднихъ въ болѣе отдаленныя и пустынные мѣстности, избѣгая назначенія лицъ польскаго происхожденія на должности какъ въ губерніяхъ, такъ и центральныхъ управленій на точномъ основаніи неоднократно состоявшихся по сему предмету высочайшихъ указаній*.

Царь положилъ резолюцію: „Записку эту внести въ Комиссію подъ предсѣдательствомъ кн. Гагарина. На увольненіе гр. Муравьева отъ предсѣдательства въ слѣдственной комиссіи согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы имъ представлена была подробная записка съ его мнѣніемъ, какъ поступить съ тѣми лицами, которыя подлежатъ будутъ только административнымъ взысканіямъ*“.

2871. Фогтъ, Дарвинъ, Мошотъ, Бокль.

Фогтъ, Дарвинъ, Мошотъ, Бокль — соучастники каракозовскаго дѣла. Ихъ сочиненія велѣно отобрать у книгопродавцевъ. Вотъ до какой тупости довели насъ духовные министры и бездушные крикуны казенныхъ журналовъ!

2872. Опасное положеніе американца Клея.

Генераль Клей публично въ Петербургѣ сказалъ пренеосторожную рѣчь и очень компрометировалъ своего друга Фокса. Вотъ его слова такъ, какъ они напечатаны въ „Голосъ“: „Я — республиканецъ, и большаго республиканца, какъ я, трудно найти и по ту, и по эту сторону океана; а другъ мой Фоксъ, это — истинный демократъ“. Что было съ Муравьевымъ, когда онъ узналъ? Не вошелъ ли онъ съ отношеніемъ къ президенту Джонсону (портной, портретъ котораго висѣлъ рядомъ съ портретомъ Александра II въ залѣ, гдѣ были произнесены дерзновенныя слова) о заарестованіи посла и капитана, какъ соприкосновенныхъ къ каракозовскому дѣлу!

Знакомства съ янки имѣютъ свои неудобства!

2873. Ссора между врагами, сепаратизмъ „Моск. Вѣдомостей“.

Внутри темнаго правительства, въ самомъ средоточіи полицейскаго рака, разъѣдающаго Россію, обнаруживается замѣчательное раздвоеніе. „Моск. Вѣдомости“ дѣлаются органомъ сепаратизма, органомъ старой вражды Москвы къ Петербургу. Издатель „Моск. Вѣд.“, прощенный государемъ, не простилъ Валуеву, и статья, напечатанной въ официальномъ „Журналѣ М. В. Д.“ по поводу каракозовскаго дѣла, ко-

тору, вѣроятно, Валуевъ прочелъ десять, двадцать разъ, досталось, какъ будто ее писалъ полякъ, Константинъ Николаевичъ или Голвининъ.

Дѣло все въ томъ, что „Моск. Вѣдомостямъ“ не понравилось, что тайныя общества социалистовъ, о которыхъ говоритъ статья, организовались въ Москвѣ. Имъ, во что бы то ни стало, хочется приписать ихъ зачумленному Петербургу. Онѣ забываютъ, что, по ихъ же учению, въ Петербургѣ альфа и омега всей Россіи, святыня ея, императоръ, имъ же право — право и судъ — судъ, источникъ разума, истины, теплоты и свѣта. Какое право имѣеть Москва противопоставить себя городу императоровъ, мы не знаемъ. Почему Москва выдѣляется изъ однообразія православнаго и безличнаго стада, за которое думаетъ и знаетъ, зябнетъ и потѣеть петербургскій царь, мы не понимаемъ. Независимое положеніе Москвы разрушаетъ безличное единство государева табуна. Можетъ ли итти государство однимъ путемъ, когда городъ Зимняго дворца будетъ тянуть въ одну сторону, а городъ грановитой палаты — въ другую, когда Петропавловская крѣпость — туда, а Кремль — сюда, и не треснетъ ли въ серединѣ чудовищная имперія, у которой края будутъ спаяны въ какія-то арестантскія роты свинцомъ и кровью, въ то время, какъ въ ея сердцѣ будетъ гнѣздиться ненависть, зависть, ревность одной половины ея къ другой?

Чтобы выгородить Москву, Катковъ жертвуетъ частью своихъ ложныхъ доносовъ и частью клеветъ, которые онъ положилъ въ основу *дыбл*, на которой издается его журналъ. Чтобы доказать, что Каракозовъ имѣеть началомъ петербургскіе замыслы и всемірную революцію, онъ смѣется надъ важностью, которую придаютъ гимназистамъ и студентамъ въ Москвѣ, и надъ приписываемыми имъ видами.

Слушайте:

„Авторъ статьи „Сѣверной Почты“ говоритъ о московскихъ кружкахъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ студентовъ и гимназистовъ, какъ о нѣкоемъ серьезномъ тайномъ обществѣ, издавна существовавшемъ, какъ о революціонной организаціи, простиравшейся почти на всю Россію. Но слѣдственная коммиссія, которая, конечно, изучила до мельчайшихъ подробностей все, что до этихъ людей касается, не нашла слѣдовъ участія этихъ революціонныхъ дѣятелей въ поджогахъ 1864 и 1865 годовъ. Елибъ эти кружки имѣли хоть союгу долю того значенія, которое имъ приписываетъ авторъ статьи, то могло ли бы случиться, что они оставались бездѣйствующими во время поджоговъ, истребившихъ столько городовъ и селъ? Очевидно, что тогда дѣйствовали другого рода революціонные элементы, не похожіе на московскихъ социалистовъ, которые сами суть не что иное, какъ жертва этихъ болѣе тайныхъ и болѣе серьезныхъ враждебныхъ силъ.

„Намъ извѣстно, къ какимъ соображеніямъ пришла слѣдственная коммиссія относительно этихъ болѣе серьезныхъ источниковъ зла въ каракозовскомъ дѣлѣ. Но надобно думать, что въ дальнѣйшихъ своихъ розыскахъ слѣд

ственная комиссия не ограничилась изслѣдованіемъ ученій, составляющихъ философію нигилизма, а воспользовалась или воспользуется всѣми слѣдами, которые могутъ вывести ее въ инныя сферы. Очевидно, что не по слѣдамъ Каракозова и его ближайшихъ товарищей можно добиться до первоначальнаго источника, откуда произошелъ замыселъ, осуществившійся въ покушеніи 4-го апрѣля*.

Катковъ ли это? Его самъ Леонтьевъ не узнаетъ въ новомъ рядѣ. Не онъ ли съ 1862 г. только и толковалъ, что вся молодежь — всѣ социалисты, зажигатели, и не „Колоколь“ ли постоянно говорилъ: „По слѣдствію ничего ни видно“?

...Молодецъ! онъ отъ пожаровъ отдѣлался, какъ отъ англійскихъ теорій по Гнейсту; вотъ и надѣйтесь на нихъ, Муравьевы и цари.

А какова иронія насчетъ изслѣдованія философіи нигилизма? Ну кто же не видитъ, какъ мы были правы, указывая всю нелѣпость приѣшванія къ дѣлу Каракозова социализма, нигилизма, позитивизма, реализма, материализма, журнальныхъ статей, студентскихъ диссертаций и проч.?

Истина начинаетъ раскрываться прежде висѣлицы.

А прогосъ къ висѣлицѣ — одного изъ обвиненныхъ Катковъ такъ и тащитъ на нее. Должно быть, этотъ господинъ что-нибудь писалъ противъ него или проговорился о немъ.

Въ концѣ, какъ слѣдуетъ, *неуловимый* намекъ¹⁾. На кого — трудно сказать; въ этомъ-то и секретъ, Pass²⁾, какъ говорятъ нѣмцы. Можно думать, что подразумѣвается и Суворовъ, и великій князь, и la bête noire³⁾ Головиннъ.

2874. Восточная Галиція.

Слухи о какихъ-то видахъ Россіи на восточную Галицію повторяются въ послѣднее время разными журналами. Наши читатели, можетъ, вспомнятъ, что въ 224 л. „Колокола“ мы говорили о замышляемой интригѣ.

1) „Были еще обстоятельства, о коихъ не упоминается въ статьѣ „Сѣв. Почты“, но на которыя нельзя не обратить вниманіе при изслѣдованіи политическихъ сторонъ дѣла. Не замѣчательно ли, что въ высшихъ петербургскихъ административныхъ сферахъ въ началѣ нынѣшняго года, именно около той поры, когда московскіе нигилисты были возбуждаемы къ устройству революціонной организаціи и къ покушенію на царевубіство, говорилось, какъ о фактѣ положительномъ, о существованіи какого-то тайнаго общества, составившагося съ цѣлью совершить какое-то политическое злодѣяніе?“ („Москов. Вѣд.“ № 138). А. И. Г.

2) Въ смыслъ звѣриная тропа.

3) Несносный, противный.

2875. Фондъ для эмигрантовъ.

Мы получили на-дняхъ *сто двадцать* франковъ для нуждающихся эмигрантовъ. Деньга эти почти удивили насъ. Больше года, какъ никто не посылалъ ни одной копѣйки, все полученное давнымъ-давно истрачено, а число нуждающихся растеть. Мы благодаримъ при-славшихъ и обращаемъ на ихъ присылку вниманіе всѣхъ, оставшихся вѣрными нашимъ убѣжденіямъ. Деньги будутъ *исключительно* употреблены на вспомошествованіе русскимъ, которые покинули свое отечество, удаляясь отъ политическихъ гоненій.

2876. Письмо къ Э. Кине.

9 septembre 1866.
Genève, 7, Quai Mont Blanc.

Monsieur,

J'ai encore une fois l'occasion de Vous demander la permission d'introduire un de mes compatriotes qui désire beaucoup de Vous présenter ses hommages. Il a aussi du sang français dans les veines, son nom de famille Stadler. Vous trouverez en lui un homme très instruit et très intéressant.

Pardonnez moi, et recevez mes salutations les plus distingués.

Al. Herzen.

Переводъ.

9 сентября 1866.

Милостивый Государь!

Еще разъ я имѣю случай просить у Васъ позволенія ввести къ Вамъ одного изъ моихъ соотечественниковъ, который очень желаетъ засвидѣтельствовать Вамъ почтеніе. У него тоже французская кровь въ жилахъ, его фамилія — Стадлеръ. Вы найдѣте въ немъ очень образованнаго и очень интереснаго человѣка.

Простите меня и примите мой почтительнѣйшій привѣтъ.

Ал. Герценъ.

2877. Письмо къ Мейзенбургъ.

18 sept. 1866.
Genève.

Malvida,

La nouvelle concernant les Pulsky est atroce. Au reste on s'habitue à toutes les horreurs providentielles. Et la mort de Mouravieff, la veille de l'exécution de Karakosoff... Méditons et reméditons.

Alex. et Tata partiront probablement avant le 25. Alex. vous racontera des agréments de mon existence à Genève que je déteste. Les cancons, les dolgoroukiades et autres pleyades. Rien n'est décidé pour Lise et N. Peut-être passeront elles l'hiver à Lugano ou au bord de Como. Moi je pense dans tous les cas venir en octobre (vers la fin) chez vous.

Je vous serre la main.

Переводъ.

18 сент. 1866.

Мальвида!

Ужасно извѣстіе о Пульскихъ! ¹⁾ Въ концѣ-концовъ свыкаешься со всѣми ужасами, посылаемыми провидѣніемъ. А смерть Муравьева наканунѣ казни Каракозова... Есть надъ чѣмъ призадуматься.

Алекс. и Тата уѣдутъ, вѣроятно, числа 25-го. Алекс. вамъ расскажетъ объ удовольствіяхъ моего пребыванія въ Женевѣ, которыя я ненавижу. Канканы, долгорукиады и прочія плеяды.

Относительно Лизы и N. ничего еще не рѣшено. Возможно, что онѣ проведутъ зиму въ Лугано или на берегу Комо. Я, во всякомъ случаѣ, предполагаю вернуться къ вамъ въ октябрѣ — приблизительно къ концу мѣсяца.

Жму вашу руку.

2878. Письмо къ О. А. Герценъ.

(18 сентября 1866).

А я, все-таки, не могу привыкнуть писать къ тебѣ, милая Ольга, по-французски. Мнѣ какъ будто стыдно, что ты не знаешь по-русски или мало знаешь, хотя вина это и не твоя.

¹⁾ Пульскому было разрѣшено пріѣхать къ больнымъ женѣ и дочерн, но онѣ уже умерли.

Ну, вот сначала вдутъ къ вамъ дней черезъ пять... шесть въ авангардѣ Саша и Тата. Ты тотчасъ заставь Тату пѣть.

Затѣмъ, можетъ, черезъ мѣсяць и я прїѣду къ вамъ.

Пульскихъ мнѣ ужасно жаль.

Прощай, цѣлую тебя.

2879. (Висѣлица и Муравьевъ).

Двухъ личностей, занимавшихъ Россію почти цѣлые полгода, *нѣтъ больше.*

Трагическая и печальная личность фанатика-мстителя ¹⁾ и грубая фигура свирѣпаго старика-инквизитора исчезли почти вмѣстѣ.

Судьба совершилась прежде надъ палачомъ, чѣмъ надъ осужденнымъ.

Разлагающійся трупъ Муравьева на дорогѣ къ висѣлицѣ Каракозова — такое страшное, громкое поученіе, такая грозная притча, что ихъ не обойдешь въ суетной разсѣянности, какъ бы она ни была велнка.

За четыре дня до казни Каракозова, въ деревенской глуши, темной ночью, безъ свидѣтелей, безъ словъ раскаянія, безъ близкихъ и поповъ, безъ слезъ и помощи, задохнулся отвалившійся отъ груди Россіи вампирь ²⁾. Какіе образы пугали его нѣмую агонію, отъ кого ринулся онъ, умирая безъ голоса, не приходила ли „черная женщина“, та, которая являлась князю Горчакову, не шель ли рядъ молодыхъ героевъ съ веревкой на шеѣ? Зачѣмъ бѣжалъ задыхающійся старикъ отъ царскихъ именинъ, отъ какого барскаго слова? Зачѣмъ Зимній дворецъ не остановилъ его, а бросилъ на окоченѣлый трупъ брильянтовые знаки Андрея ³⁾?

Ни государь, ни общество не смоютъ пятна, которое имъ завѣщаль умершій палачъ. Имя Муравьева останется выжженнымъ на царскомъ плечѣ, какъ имя Аракчеева — на плечѣ Александра I. Разница въ томъ, что Аракчеева ненавидѣла тогдашняя Россія, а Муравьева носила на рукахъ современная; разница въ томъ, что Александръ I любилъ Аракчеева и зналъ его честность, а Александръ II терпѣть не могъ Муравьева и зналъ его корыстолюбіе; разница въ томъ, что Алек-

¹⁾ Одни глупцы могутъ заподозривать, что мы слову „фанатикъ“ придаемъ смыслъ бранный. А. И. Г. ¹

²⁾ Въ ночь съ 28 на 29 августа Муравьевъ умеръ скоропостижно въ своемъ имѣніи Лужскаго уѣзда.

³⁾ Орденъ Андрея Первозваннаго былъ пожалованъ въ послѣдній моментъ.

сандръ I втѣснилъ Аракчеева безгласной имперіи, а Муравьева втѣснила реакція (какъ намъ лично хвастался одинъ изъ представителей ея) безгласному государю.

Висѣлица ¹⁾ зловѣще проводила американцевъ, ее послѣднюю видѣли они, отплывая... Что за хаосъ! Смерть, казнь, самодержецъ, ничего самъ не держащій, огромная клевета заговора, лопнувшая, какъ мыльный пузырь, и звуки „Янки дудель“ ²⁾, перемѣшанные съ „камаринскимъ мужикомъ“... Какія-то дикія, мрачныя группы, сорвавшіяся изъ буонарротьевскаго „Giudizio“, выступающія изъ „небожеской комедіи“.

Гдѣ найти Тацита и Данте вмѣстѣ, чтобъ уловить, остановить, заковать эту исторію во всеміи безуміи, во всей гадости настоящаго, съ ея раболѣпьемъ, ханжествомъ, съ ея успѣхами крѣпостниковъ, дураковъ, *не утративъ пророческій смыслъ бынованія, не забывая, что этотъ тяжелый, кровавый, грязный періодъ — періодъ родовъ, а не предсмертнаго бреда и бышенства?*

...Будемъ съ нетерпѣніемъ ждать продолженія *безгласнаго* процесса; теперь пойдѣтъ одна ложь, только ложь. Личность Каракозова стоитъ одинокая и разобшенная, никого возлѣ... Это ясно. Но безъ *огромнаго* заговора выпутаться неловко. Лишь бы эти кровавые гаеры, играющіе въ потемкахъ, сократили число жертвъ и антракты.

Передъ казнию въ 1826 году было напечатано блудовское „Донесеніе“ съ полнымъ приговоромъ суда. Не правда ли, какъ въ *сорокъ лѣтъ*; послѣ всѣхъ криковъ, хвастовства и шарлатанства, подвинулась у насъ гласность, законность, понятіе юридической защиты, права?...

◆◆ 1. Это примѣчаніе сдѣлано по адресу тѣхъ, кто очень недобрительно отнесся къ названію Каракозова фанатикомъ въ № 2787, особенно была недовольна женевакая молодая эмиграція, полагавшая, что Герценъ долженъ былъ всемірно привѣтствовать покушеніе 4 апрѣля, и не понимая указаннаго слова, употреблявшагося имъ всегда вполне опредѣленно.

2880. Америка и Россія.

↑ Тихій океанъ — Средиземное море будущаго.

Всѣ русскія и не русскія газеты полны вѣстями о сближеніи Сѣверо-Американскаго союзничества съ Россіей. Западные публицисты сердятся, хмурятся (и есть отъ чего), русскіе перепечатавають на де-

¹⁾ Каракозовъ повѣщенъ на Смоленскомъ полѣ 3 сентября.

²⁾ Yankee doodle (янки-бездѣльникъ) — американская народная пѣснь.

сять ладовъ, съ разными варіаціями то, что нами было сказано не-много попрежде, а именно, *восемь лѣтъ* тому назадъ. Вотъ что напечатано въ нашей передовой статьѣ 1 декабря 1858, въ „Колоколъ“¹⁾.

2881. Дѣло рядового Невѣдомскаго.

„У насъ такъ же свободно гово-
рять, какъ въ Нью-Йоркѣ“.

*М. Погодинъ въ рѣчи къ амери-
канскимъ посламъ.*

„Московскія Вѣдомости“ сообщаютъ о первомъ засѣданіи уголовнаго департамента палаты по дѣлу о рядовомъ Невѣдомскомъ, судимомъ за произнесіе дерзкихъ, оскорбительныхъ словъ противъ императора. По окончаніи до-проса публику выгнали, и двери присутствія были затворены. Когда сдѣлано было все, что нужно для осужденія подсудимаго, публика была снова допу-щена, и предсѣдатель прочиталъ приговоръ, которымъ Невѣдомскій признанъ виновнымъ въ произнесеніи дерзкихъ, оскорбительныхъ словъ противъ госу-даря, выразившихъ сочувствіе покушенію 4 апрѣля, и приговоренъ, на осно-ваніи ст. 246 уложенія о наказаніяхъ (изд. 1866 г.), *къ шести съ половиною го-дамъ каторжной работы* на заводахъ.

Въ Англіи солдаты грозятъ подъ пьяную руку выстрѣлить въ герцога Уэльскаго, — судъ его освобождаетъ отъ всякаго наказанія. Въ Англіи секретарь лиги пишетъ нѣсколько оскорбительныхъ писемъ Викторіи, советуя ей лучше заблаговременно отказаться отъ престола, мало этого, — печатаетъ эти письма въ журналахъ, и его оставляютъ въ покоѣ. Въ Россіи за нѣсколько словъ, подслушанныхъ какими-то шпионами, человека ссылаютъ на 6^{1/2} лѣтъ на каторгу.

2882. (Иконоборство Безака въ Подольской губ.).

Неизвѣстнаго вѣроисповѣданія генераль-адъютантъ Безакъ слѣдующимъ варварскимъ и тупымъ образомъ иконоборствуетъ въ Подольской губ.: пусть наши ханжи, одержимые бѣсомъ православія и дьяволомъ полиціи, пора-дуются²⁾.

¹⁾ Слѣдуетъ нѣсколько цитать изъ № 1150.

²⁾ Слѣдуетъ цитата изъ № 242 „Голоса“ съ описаніемъ крестовъ съ изо-браженіемъ распятаго Спасителя, допускаемыхъ въ районѣ Юго-Западнаго края.

2883. Нетерпимость, невѣжество и полицейское вмѣшательство православнаго духовенства.

Помѣщаемъ цѣликомъ отвратительный доносъ Филарета архіепископа черниговскаго, какъ новое и наглое доказательство того, что дѣлаеть съ просвѣщеніемъ лицемѣрное направленіе министровъ-богослововъ и ословъ въ клобукахъ¹⁾.

Армянинъ просвѣщенія Деляновъ поспѣшилъ извѣстить доносчика (кажется, умершаго отъ холеры), что „Разказы изъ русской исторіи“ отобранны, и впредь министерство будетъ предварительно книги высылать на духовную бойню черниговскаго владыки.

2884. (Биографія Муравьева-Вѣшателя).

У Георга (Corraterie) продается „*М. Н. Муравьевъ*“, соч. кн. П. В. Долгорукова („*Biographie de M. Mouraviev*“), Londres, 1864.

Мы очень рекомендуемъ нашимъ читателямъ эту брошюру; она теперь ко времени. Личность Муравьева должна въ послѣдній разъ пройти передъ нашими глазами во всей преступной гнусности своей, — она должна пройти не столько для своей казни, сколько для казни современнаго общества.

Читая брошюру князя Долгорукова о Муравьевѣ, изданную имъ въ Лондонѣ въ 1864 г., мельза не подивиться этому чисто петербургскому продукту. Заговорщикъ, выходящій изъ тюрьмы съ повышеиѣемъ чина, генералъ, никогда не бывавшій въ сраженіи, раболѣпный нахаль, обливованный казнокрадъ-искоренитель злоупотребленій, палачъ, инквизиторъ, оканчивающій жизнь за смертными приговорами...

И этотъ человѣкъ былъ три года идоломъ поль-Россіи; она удивлялась ему, молилась ему... вѣроятно ли это? А, впрочемъ, — развѣ наши сосѣди, башкиры и калмыки, не дѣлають уродовъ, гадко безобразныхъ уродовъ своими идолами, смѣшивая идею божественнаго съ идеей насилія и зла?.. Варвары, все варвары — по ту сторону Сыръ-Дарьи и по эту.

2885. Общій фондъ.

Отъ г. Л. Мечникова получено 257 фр. деньгами и ему данное обязательство въ 212 фр. Деньги эти принадлежали упразднившейся кассѣ русскихъ эмигрантовъ въ Женевѣ. Довода объ этомъ до свѣдѣнія нашихъ читателей, мы еще разъ просимъ ихъ вспомнить, что

¹⁾ Слѣдуетъ письмо Филарета гр. Д. А. Толстому о разосланной г-ри Головиннѣ по сельскимъ училищамъ книгъ А. С. Суворина „Бояринъ Матвѣевъ“, М., 1864 г., „очень вредной во всѣхъ отношеніяхъ“.

деньги Общаго фонда *исключительно* назначаются для ссудъ и вспомошествованія *русскимъ* политическимъ эмигрантамъ. Невозможность публичныхъ отчетовъ заставляетъ насъ принять эту сумму на личную нашу отвѣтственность.

2886. Письмо къ Н. А. Огаревой.

2 октября 1866.

Я долженъ къ тебѣ писать. Говорить я не могу. Языкъ твой все сгубилъ, всѣхъ отдалилъ. Всѣ дѣла твои, можетъ, нашли бы отпущеніе въ любви, но *безпощадныя влова* зовутъ отпоръ. И довольно объ этомъ. Тебя можетъ исцѣлить только твоя совѣсть, — она не просыпалась.

Послѣ вчерашняго дня я вышла, какъ послѣ тяжелой болѣзни. Ты могла мнѣ предложить, чтобъ я не видѣла нѣсколько лѣтъ Лизы! Ты могла это сдѣлать послѣ всего, что было, зная, что она мнѣ необходима! Я этого никогда не допущу — доведи меня прежде до сумасшествія или до гроба. Ты думаешь, что я боюсь общественнаго пересуда (потому что я не хотѣлъ, чтобъ толпа терзала насъ и наши имена)? Ты ошибаешься. Я близкихъ и далекихъ тебѣ сдѣлаю судьей надъ этимъ похищеніемъ, изъ необузданнаго каприза, ребенка, котораго я спасъ безмѣрной любовью. До этого преступленія я тебя не допущу. Я потребую суда твоей сестры, твоего отца, я найду людей, которые нарочно за этимъ поѣдутъ въ Россію.

Теперь слѣдуетъ вопросъ: что я предлагалъ, т.-е. въ чемъ дѣло? Повторяю слово въ слово. Первый вопросъ, который слѣдуетъ рѣшить, — *оставаться или нѣтъ въ Женевѣ?* Онъ не долженъ зависѣть отъ нашихъ *coups de tête* ¹⁾, а отъ пользы воспитанія. Надобно выждать отвѣта М. ²⁾. Я говорилъ о неудобствахъ женевской жизни, но я говорилъ и то, что я и Ог. имъ подчинимся. Если оставаться, слѣдуетъ искать квартиру; если не оставаться, я предлагалъ ѣхать въ Лозанну, тамъ нанять домъ; я хотѣлъ въ него мало-по-малу все перевезти и вовсе уничтожить женевскую квартиру... ³⁾ указывая на другіе города Швейцаріи, въ которыхъ жить будетъ скверно.

Ты хочешь въ Ниццу, но достовѣрности, что холера прошла, нѣтъ. Я предлагалъ передъ Италіей заѣхать и осмотрѣть, приискать домъ и потомъ пріѣхать въ концѣ ноября и перевезти тебя и Лизу, если возможно.

¹⁾ Безрасудныхъ поступковъ.

²⁾ Мейзенбургъ.

³⁾ Слово не разобрано.

До рѣшенія вопроса съ М. я хотѣлъ сѣздить собрать мысли, духъ, послѣ ряда гнусныхъ событій, боязней, разговоровъ, дней на десять въ Фрейбургъ, Невшатель.

Гдѣ же тѣ злодѣйства, по которымъ можно у отца отнять дочь?

Я прошу тебя обдумать мои слова (я *прошу*, глубоко убѣжденный, что ты должна просить меня о забвеніи всѣхъ страшныхъ словъ, сказанныхъ тобой). Ты видишь, мое письмо совершенно спокойно. Я написалъ сегодня мое духовное завѣщаніе, которое отдалъ Ог., и это письмо. Я все обдумалъ хладнокровно. Мою карьеру я считаю оконченной. Должно быть, доля казни 1852 и теперешней мною заслужена, и я готовъ на все. Но пока устранить себя отъ Лизы не позволю, — въ этомъ я *присягаю*. И до суда твоей сестры ничего окончательно не рѣшу самъ.

Еще въ заключеніе одно слово о тебѣ самой. Ты глубоко обидѣла меня, но я готовъ свято-искренно протянуть руку для того, чтобъ работать надъ твоимъ исправленіемъ и надъ воспитаніемъ Лизы, прощая все прошедшее.

Думая, что письменный отвѣтъ лучше словеснаго, жду его.

Письмо это сбереги. ¹

◆◆ 1. При жизни Н. А. Огаревой о ней писали, конечно, немного, но фигура вырисовалась довольно отрицательная; послѣ смерти ея апологетомъ выступилъ г. Гершензонъ, признавшій эту женщину „замѣчательной“, но, однако, и онъ долженъ былъ согласиться съ общимъ мнѣніемъ близкихъ къ Герцену лицъ и сдѣлать рядъ оговорокъ, что „любовь ея была, *вѣроятно*, очень тяжела“; что „надъ этой жизнью, дѣйствительно, тяготѣло проклятіе“; что „каждая ея любовь обращалась въ терзаніе для любимаго, такъ было съ Огаревымъ, Герценомъ, Лизой“. Г. Гершензонъ призналъ даже и большее: „въ желаніяхъ Н. А. было все: самозакланіе, аскетизмъ, по-своему горячая любовь, — не было только логики. Герценъ раздражался и болѣлъ душою, Огаревъ тщетно силился водворить миръ. Этой сплошной мукою были наполнены послѣднія шесть лѣтъ жизни Герцена; при другихъ условіяхъ его крѣпкій организмъ, *вѣроятно*, не такъ скоро сдался бы диабету“ („Рус. Мысль“ 1914, IV)... И, все-таки, это не остановило г. Гершензона отъ апологіи, къ которой, въ сущности, и свелась его небольшая замѣтка объ Огаревой, умершей 30 декабря 1913 г. Уже того, что написалъ самъ Герценъ въ впервые публикуемыхъ мною его дневникахъ и письмахъ, совершенно достаточно, чтобы „вѣроятности“ г. Гершензона свести къ безусловной достовѣрности.

Изъ литературныхъ источниковъ я игнорирую всѣ, не исключая и жены Н. И. Утина, Наталіи Іеронимовны Утиной (урожд. Корсини), выступившей съ рѣзкимъ осужденіемъ Огаревой въ романѣ „Жизнь за жизнь“, помѣщенномъ ею, подъ псевдонимомъ Н. А. Таль, въ IV и V кн. „Вѣст. Европы“ 1885 г.; романъ этотъ писанъ не безъ личнаго чувства, въ немъ много субъективнаго, хотя есть и несомнѣнно правдивыя характеристики и указанія.

Я остановлюсь только на одномъ документѣ, получившемъ мѣсто въ литературѣ и составленномъ, какъ мнѣ извѣстно, человѣкомъ безусловно не имѣвшимъ въ отношеніи къ Огаревой ничего личнаго, относившагося къ ней съ несомнѣнной снисходительностью и обладавшаго тонкимъ умѣніемъ разбираться въ интимной жизни людей. Я говорю о дневникѣ одной русской И., учившейся въ Швейцаріи въ срединѣ 1870-хъ годовъ; онъ напечатанъ въ „Сѣв. Вѣстникѣ“ 1898 г., кн. XI—XII и въ кн. IX „Наблюдателя“ 1901 г., при этомъ позднѣйшее воспроизведеніе прямѣе, полнѣе и точнѣе, но, однако, не вполне покрываетъ первоначальный текстъ. Дневникъ начатъ осенью 1872 г., т.-е. почти три года спустя послѣ смерти Герцена, но все, мною заимствуемое изъ него, имѣетъ серьезное значеніе для характеристики Огаревой; сколько-нибудь измѣниться могла только, развѣ, Лиза.

„Многихъ я, какъ говорится, вызнала съ лица и въ особенности одну страниую пару. Вѣроятно, это мать съ дочерью. Дѣвочка высока и тонка, какъ тросточка; одѣта всегда модно, шеголевато, съ французскимъ шикомъ. Мать приземистая, съ короткими стриженными сѣдыми волосами; придавленные шляпой, они лежатъ бахромой на желтой шеѣ. Одѣта она неряшливо, во все черное, но съ весьма различными цвѣтовыми оттѣнками: пальто — рыжеватаго, шляпа синеватаго, платье зеленоватаго. Дочь ходитъ порывисто и крупнымъ шагомъ, а мать плетется за ней мелкой трусцой, переваливаясь и спотыкаясь. Дочь ни мало не обращаетъ вниманія на то, что матери трудно слѣдовать за нею. Опередивъ мать, она останавливается, принимаетъ позу, бросаетъ презрительный взглядъ назадъ и дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе плечами. Лицо дѣвочки бросается въ глаза своею неправильностью, но большою высокой лобъ, умные, смѣлые свѣтло-сѣрые глаза и чрезвычайно нѣжная кожа смягчаютъ первое впечатлѣніе. Выраженіе лица поражаетъ соединеніемъ чего-то властнаго съ чѣмъ-то застѣчивымъ. Очень портитъ ее выдающаяся верхняя губа, о которой она, какъ видно, никогда не забываетъ, потому что постоянно прикусываетъ ее своими мелкими нижними зубами“

„Всматриваясь внимательно въ портреты и фотографіи, я замѣтила, что лобъ и глаза у Лизы обнаруживаютъ сходство съ отцов-

скими. Г-жа Г. пришла въ восторгъ отъ моего замѣчанія, вдохнови-лась и стала говорить пророческимъ тономъ, что ея Лиза будетъ во всѣхъ отношеніяхъ достойной дочерью своего отца. Отецъ всегда питалъ эту надежду. Въ послѣдніе годы онъ иногда читалъ ей свои сочиненія и находилъ въ ея замѣчанія въ высшей степени остроумными и полезными для себя“.

„Лиза упрекала мать въ скупости, говоря, что это совсѣмъ не въ духъ папа. Г-жа Г. оправдывалась и перечисляла свои мелкія благодѣянія. Лиза, краснѣя, прервала мать и сказала, какъ будто, не своимъ голосомъ: „А это совсѣмъ по-мѣщански. Надѣюсь, ты не забыла, что такъ тебя всегда останавливалъ папа“.

„Въ Лизѣ замѣчаются проблески недюжиннаго ума, тонкаго чувства и задатки возвышенныхъ стремленій, но мать обливаетъ все это холодной водой и окутываетъ свою дочь болотной тиной самыхъ мелкихъ разчетовъ“.

„Я невольно вспомнила свою первую встрѣчу съ Лизой на улицѣ, когда мы еще не были знакомы; меня поразило тогда ея обращеніе съ матерью, и у меня мелькнула мысль, что во всемъ этомъ есть что-то серьезное, трагическое. Дѣйствительно, существо, рожденное отъ змѣи и орла, должно обладать самыми противоположными свойствами и испытывать глубокой внутренней разладъ! Спѣшу оговориться — я не думаю, чтобы г-жа Г. была *змѣей* въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но самый умъ ея — обиходный, низменный, а чувства, такъ сказать, самая элементарная: любовь къ дочери, страсть къ необыкновенному человѣку, вызванная, можетъ быть, самыми обыкновенными изъ его свойствъ, — вотъ и все! что есть крупнаго въ ея внутренней жизни, и за всѣмъ этимъ мелкая злоба, мелкій расчетъ и т. д. Она не змѣя, но, все-таки, не летаетъ, а ползаетъ“.

Этихъ выдержекъ довольно, чтобы наполнить предъ-^дставленіе о человѣкѣ, который достаточно обрисованъ самимъ Герценомъ.

Г-жа И. сдѣлала мѣткое указаніе: „Во всѣхъ сочиненіяхъ Г — на автобіографическаго характера то и дѣло мелькаетъ прекрасный поэтической образъ первой жены, и нѣтъ ни слова о другой женщинѣ, которая, однако, имѣла отъ него троихъ дѣтей; двое изъ нихъ умерли у него на рукахъ, и смерть ихъ, говорятъ, сократила его жизнь. Ея дѣтей онъ, несомнѣнно любилъ, а ее?...“

А ее, кто узнавалъ ближе, никто не любилъ. Исключеніемъ была первая жена Герцена, но и Огарева была тогда еще Тучкова, дѣвушка, не достигшая 21 года... .

Изъ многочисленныхъ бесѣдъ съ современниками, близкими семьѣ Герцена, я вынесъ непоколебимое убѣжденіе, что Огарева была крестомъ для обонхъ своихъ мужей и дочери; любя ихъ, она отравила имъ

жизнь, какъ отравила ее, впрочемъ, и себя. Своей невыносимой мелочностью, несдержанностью, порывистостью въ злобъ и нелогичностью она терзала и себя и другихъ; она была ненавидима, и въ то же время ненавидѣвшіе многое прощали ей, видя, какъ сама она мучилась и страдала отъ такого отношенія. Она никогда не могла быть духовнымъ другомъ Герцена, онъ искалъ не отдыха съ ней, не духовнаго родства и близости, а только покоя и тишины вдали отъ нея.

2887. Письмо къ Мейзенбургъ.

9 oct. (1866).

Bâle.

Oui... oui c'est cela „Basel“ — Vous voyez que je suis presque en Allemagne à coté des Badaux et des Bavaois. C'est là que j'ai reçu votre lettre — elle est si bonne que je me mets immédiatement à écrire une mauvaise réponse.

Or donc le rhumatisme et l'idéalisme ne passent pas. Vous parlez de la tranquillité, du repos — es liegt nicht in dem Zusammenhang der Dinge — on ne peut changer ni l'histoire d'un peuple, ni l'histoire d'un homme.

Une fois à Argyle room, Holinskj parlait avec une française — c'était en 54 ou à la fin de 53. Moi je me moquais de lui et taquinais un peu sa belle. Tout à coup elle le demande — mais qui est donc ce „juif errant“.

Lorsqu'il y avait plus de moralité dans l'économie universelle, dieu parlait par des anesses privées, maintenant — comme vous voyez, il parle par des femmes publiques. (Peut-être du point de vue de l'éternité il n'y a pas de différence). Le mot vieux et usé n'est pas mal choisi — il y a des gens qui s'endorment et d'autres qui „errent“.

Errare humanum est!

Une fois le chemin brisé — s'est fini. Mille et mille circonstances ne me laissent tranquille. Il faut subir son sort et porter sa croix. Soyez profondément persuadée — que la petite française avait raison — je ne trouverai pas le repos, auquel j'aspire. J'ai aussi des rhumatismes d'âme — qui ne passant pas.

Mais tout cela est ennuyeux.

Comment après tant d'amitié, vous osez m'égratigner avec une ferocité prussienne. Comment 400 fr. de votre argent. Mais je com-

menceraï par maudire Alex. s'il accepte; je ne viendrai pas à Florence. Mais vraiment... \Qu'avez vous donc?..

Plus tard.

Après avoir écrit cela — je lus dans les journaux 34 condamnations au gibet-en Russie. Est-ce vrai ou non?

Soyons tranquilles! Réposons nous!..

Vous avez raison dans le reste de la lettre.

Tata fait immensément de bruit — elle pense que crier en parlant veut dire avoir une belle voix et parler avec une vitesse qui écrase les mots c'est chique...

Adieu.

Переводъ.

9 октября.

Базель.

Да... да, такъ оно и есть: „Базель“ — какъ видите, я почти что въ Германіи, возлѣ Баленовъ и баварцевъ. Здѣсь получилъ я ваше письмо; оно такое милое, что я немедленно сажусь писать плохой отвѣтъ.

Итакъ, ни ревматизмъ, ни идеализмъ неизлѣчимы. Вы говорите о спокойствіи, объ отдыхѣ, но этого нѣтъ въ соотношеніяхъ вещей — нельзя измѣнить ни исторію народа, ни исторію отдѣльнаго лица.

Однажды въ Argyle room ¹⁾ Голынской болталъ съ какой-то французенкой — дѣло происходило въ 54 или въ концѣ 53-го года. Я подсмѣивался надъ нимъ и слѣгка поддразнивалъ его красавицу. Вдругъ она обратилась къ нему съ вопросомъ: „да кто жезтотъ „вѣчный жидь“?“

Когда въ міровомъ хозяйствѣ было больше нравственности, богъ вѣщалъ черезъ ослицъ; теперь, какъ видите, онъ вѣщаетъ устами публичныхъ женщинъ. (Возможно, что съ точки зрѣнія вѣчности тутъ и нѣтъ разницы). Старое и избитое слово недурно употреблено здѣсь: есть люди, которые засыпаютъ, которые блуждаютъ, потому что есть люди, которые *бродятъ*.

Errare humanum est. ²⁾

¹⁾ Второразрядное увеселительное заведеніе въ Лондонѣ, въ родѣ бывшаго въ Петербургѣ Марцинкевича.

²⁾ Заблуждаться свойственно человѣку (лат. посл.). Тутъ игра словъ: латинское errare, какъ и французское errer — заблуждаться, ошибаться, а также — блуждать, бродить; отсюда — Juif errant — „вѣчный жидь“ или чело-вѣкъ, который вѣчно бродить.

Разъ выбьешься изъ колеи — все кончено. Тысячи обстоятельствъ не оставляють меня въ покоѣ. Надо покориться судьбѣ и нести свой крестъ. Будьте вполне увѣрены, что француженка эта была права: я не найду отдыха, къ которому стремлюсь. Я страдаю также ревматизмомъ души, и онъ не пройдетъ.

Но все это скучно.

Какъ это, послѣ такой дружбы, вы осмѣливаетесь царапать меня съ прусской жестокостью? Какіе это 400 франковъ вашихъ денегъ! Но я прокляну Александра, если онъ согласится, я не приѣду во Флоренцію, серьезно... Что съ вами?..

Нѣсколько времени спустя.

Написавши все это, я прочелъ въ газетахъ объ осужденіи 34 челоѣкъ къ висѣлицѣ въ Россіи. Правда это или нѣтъ?

Будемъ спокойны! Отдохнемъ!..

Во всемъ остальномъ въ вашемъ письмѣ вы правы.

Тата ужасно шумлива: она воображаетъ, что кричать при разговорѣ значить имѣть прекрасный голосъ, а говорить съ быстротою, при которой становится неразборчивы слова, — очень шикарно.

2888. Письмо къ Лизѣ.

10 окт. (1866), среда.
Basel.

Милая Лиза, ты мнѣ такъ мало пишешь, что я ничего о тебѣ не знаю, и пишу къ тебѣ затѣмъ особое письмо, а ты его разбери сама. Скажи пану, что панъ Булевскій живетъ здѣсь, Sivogel strasse, 13, и дѣти и жена его здоровы.

Я, вѣроятно, въ пятницу ѣду.

Цѣлуй Ага, а я цѣлую тебя.

Мамѣ писалъ особо.

2889. Письмо къ С. Тхоржевскому.

(16 октября 1866). Вторникъ, 3 часа.
(Фрейбургъ).

Любезнѣйшій Тхоржевскій, повидимому, въ четвергъ утромъ я поѣду въ Лозанну, а потому пишите и посылайте все туда, *poste restante* (пока не пишу). Если у васъ что особое, телеграфируйте сюда завтра въ Zaehringen, но чему же быть?

Я такъ же сдѣлаю.
 Изъ Лозанны напишу.
 Нѣтъ ли *revues* русскихъ?
 Чтенія мало.

Я иду тоже на секретное свиданіе — вотъ уже не отгадаете, — съ однимъ изъ *замѣчательнѣйшихъ* людей въ Европѣ, но сказать не могу ¹⁾.

Кланяйтесь всѣмъ.

2890. Письмо къ С. Тхоржевскому.

(18 октября) 1866. Четвергъ.
 Лозанна, Hôtel du Faucon.

Панъ доблестнѣйшій,

И вы, Брутъ, точно также забыли насъ — ни на почтѣ, ни въ отелѣ ни строки. А я два дня въ Фрейбургѣ послѣдніе провелъ превосходно съ *незнакомцемъ*

Пора *топить*, не простудите Лизу. Кстати, скажите ей, что мнѣ за нее совѣстно, что она не отвѣчала на два письма.

Пишите все по адресу:

Hôtel du Faucon, Lausanne.

А ргорос, я обѣдалъ и ѣхалъ сегодня съ генераломъ, начальникомъ всего прусскаго штаба, Мольтке, который составилъ весь планъ кампаніи. Мы съ нимъ такъ себѣ, очень учтиво, и съ его супружницей.

Ишутина не казнять — и то слава Богу.

Прощайте. Вы можете писать,
 телеграфировать,
 сами пріѣхать.

Скажите Ог., что я написалъ общую статью о европейскихъ дѣлахъ для „Колокола“, — можно 1 дек., а если ничего другого нѣтъ, то и 1 ноября.

Нат. Ал. я писалъ въ понедѣльникъ, Огар. — сегодня изъ Фрейбурга.

¹⁾ Огюсть Блянки.

2891. Письмо къ сыну.

19 окт. (1866).

Лозанна, Hôtel Fauchon.

Вотъ видите, я еще все бродяжничаю и нахожу, что это самая покойная жизнь въ мірѣ. Напрасно, саго тіо, ты меня подбиваешь и торопишь. Хотя цѣль твоя и хороша, но, все же, не надобно увлекаться. Во-первыхъ, въ томъ, что я еще не собрался, нѣтъ ни тѣни помѣхи отъ N.; напротивъ, она желаетъ, кабы можно, чтобъ я ихъ довезъ скорѣе до Ниццы, а самъ оттуда ѣхалъ бы въ Италію. Во-вторыхъ, будь серьезнѣе въ твоихъ оцѣнкахъ обстоятельствъ насчетъ „Колокола“ и вообще нашей дѣятельности. Имѣй въ этомъ вѣру и положиись на меня. Нынѣшній годъ надобно заключить рѣзкой статьей, это мы и дѣлаемъ, и статью я пишу о 1866 годѣ; надобно издать 1-ое отдѣл. IV тома „Былого и думъ“ при себѣ. Не приведя всего въ порядокъ, я не могу ѣхать на два мѣсяца. Тебя и Тату я видѣлъ недавно; мнѣ больше всего хочется видѣть Ольгу и ея перемѣну. Но что, я повторяю, у васъ жизнь слишкомъ шумна для меня, и ты пойми меня: тутъ нѣтъ ничего дурного, она вамъ по возрасту, но мнѣ тягостна; dann und wann ¹⁾ „хорошо поговорить съ хорошимъ человѣкомъ“, какъ замѣчаетъ Селифанъ, но только dann und wann. Итакъ, я поѣду, все слѣлавши и все распорядивши, не прежде. Я, можетъ, проживу еще дней пять здѣсь. По-моему, нѣтъ мѣста лучше для N. съ Лизой, какъ Лозанна.

Теперь дѣло о Пановкѣ. Я ужъ отвѣчалъ тебѣ. Второе письмо — тоже безъ *opiniu* ¹⁾ (какъ говорятъ Чернец. и Тх.) Мальвиды.

Я могу согласиться, но требую, даже изъ нравственныхъ причинъ столько же, сколько изъ матеріальныхъ, чтобы и вы всѣ жертвовали, а потому, если Мальв. того же мнѣнія, то уроки брать можно; полагаю, что 4-ре достаточно въ недѣлю. А потомъ держитесь строго въ бюджетѣ на будущій годъ. А ргорос къ бюджетамъ. Стадлеръ пишетъ, что нотаріусъ не сомнѣвается, что наемщикъ дастъ 11,000, а, можетъ (пишетъ Стад.), и 12,000, но до конца 1868 онъ еще имѣетъ право платитъ по старому контракту.

Въ Жен. проѣзжалъ какой-то русскій, который прислалъ въ фондъ 1,200 фр. и обѣщаніе присылать ежегодно по 1,000.

¹⁾ Отъ времени до времени.

¹⁾ Opinion — мнѣніе.

Когда увидишь Домангя ¹⁾, скажи ему, что я, таскаясь, по грамъ и доламъ, встрѣтилъ учителя ихъ всѣхъ ²⁾; назвать не хочу, да, если вы и догадаетесь, прошу молчать. Я съ нимъ провелъ два дня и долженъ сказать, что это необычайной силы и ума человекъ. Ему за шестьдесятъ, но духомъ молодъ. Я полюбовался на него.

Засимъ прощай. 34 приговоренныхъ къ смерти — пуфъ; приговоренъ одинъ и 15 на разныя каторги; приговореннаго Ишутина не казнили... Худяковъ ссылается на поселеніе въ дальнѣйшіе края Сибири.

Отослать ли ты книгу Долгоръ?

Тату и Ольгу обнимаю.

Доложи Malvid'ѣ, что я обѣдалъ въ tête à tête съ генераломъ Мольтке и его супругой и съ ними прѣхалъ въ Лозанну.

Прощай.

2892. Письмо къ Н. П. Огареву.

(20 октября 1866).

Перемѣны и поправки. ³⁾

1-я стр. *власть* — я перемѣнилъ „возможность“.

3 стр. — *idem* да еще слово „вмѣстѣ“ изъ осторожности я убавилъ.

Шляхта — помѣщичество,

idem тамъ же.

Курьезно — замѣчательно. Катковъ, употребляя это слово безпрестанно, сдѣлалъ его невозможнымъ.

Съ 8 страницы слѣдуетъ лавировать, тамъ особое *NB*.

На 9 — чисто русскія губ. — *другія*.

10 — *нашъ* вмѣсто русской и безпрестанно „русскій“. Да когда же французы прибавляютъ ко всему „Le chiffonier français de F. Ruat“, „L'epicier français de le rue S.-Honoré“? А тутъ это-то и бросается въ глаза.

Суббота, 11 часовъ. Статью эту печатать слѣдуетъ непременно, только вычисти ее пополитичнѣе. Я указалъ, что мнѣ кажется. Вотъ, напр., статью Касатк. я считаю рѣшительно невозможной, — что за сплетни и пустяки.

¹⁾ Доманже.

²⁾ Огюсть Бланки.

³⁾ Сдѣланы въ отосланной 19 октября корректурѣ статьи Огарева „Продажа имѣній въ Западномъ краѣ“ въ л. 229; подъ страницей разумѣется полоса корректуры; не всѣ эти поправки сдѣланы въ журналѣ.

Я еще въ Гаусон, но думаю переѣхать: комната темна. Для писемъ это все равно, меня на почтѣ знаютъ. Пожалуй, пиши просто Laussanne — и poste rest. не нужно.

Отъ N. вчера письмо получилъ. Я, все же, предлагаю Лозанну и жду отвѣтъ.

Желая, съ своей стороны, употребить торжественное неудобство при пересылкѣ статьи (замѣть, что каждое наше письмо не застрахованное важнѣе статьи, полученной днемъ позже, потому что удобно повѣстку...), я ее посылаю на имя Тхоржевскаго.

При статьѣ — „смѣсь“. Я думаю, „Колоколь“ полонъ, и моя статья не нужна.

Никакой статьи Каткова о Худяковѣ не видалъ, посмотрю еще.

Прочель въ „Голосъ“ о Закревскомъ и о замскомъ дѣлѣ. Стелла пришлетъ.

2893. Письмо къ Н. П. Огареву.

(20 октября 1866). Суббота, 4 часа, послѣ обѣда.

Статью твою отослалъ вчера.

Вотъ новое предложеніе: нельзя ли напечатать въ декаб. „Колок“, что „Колок.“ на 1867 начнется съ 1 марта? Тогда и путешествие, и все уладится. Я напишу программу и контрбомбардога¹⁾. Аксаковъ дѣлалъ же себѣ сіэстье²⁾. Мнѣніе твое напиши. Квартиру я здѣсь нашель одну, а могу найти и двѣ, и три, но N. хочетъ въ Ниццу, и дѣло въ томъ, что и не хочетъ, вѣроятно; что дѣлать?

Такъ ты открылъ, что Конта, все-таки, веселѣе читать, чѣмъ Гримма исторію Ал. Фед.³⁾? Зарѣзалъ ты бѣднаго Конта.

А что же ты мнѣ что-то не отвѣчаешь насчетъ питья? Я спрашивалъ раза два. Я, вѣдь, тебя мѣряю аэрометромъ — по количеству алкоголя количество тебя въ обратномъ порядкѣ.

Я такъ:

Обѣдъ въ часть. { р^е.-v. ⁸⁾ коньяку,
полбутылки вина красн. или
бѣлаго.

¹⁾ Отвѣтъ на выпады печати (bombardeur — бомбардировать).

²⁾ Le sieste — полуденный отдыхъ, послѣобѣденный сонъ. „День“ временно не выпускался

³⁾ Августъ - Теодоръ, „Alexandra Feodorowna, Kaiserin von Russland“, Leipzig, 1866.

⁸⁾ Petit verre — маленькій стаканъ, рюмка.

Варіація:

вмѣсто $\frac{1}{2}$ б. вина
 $\frac{1}{2}$ punch.

Кофей — Кружку бѣлаго пива.
Вечерь — Полбут. вина.
1 сода и абсентъ,
1 punch.

Я, кажется, переѣду въ превосходный пансіонъ на 5 дней. Жду отвѣта.

Садъ и тишина.

Письма — попрежнему и не страховать.

2894. Письмо къ Лизѣ.

21 октября 1866.

Милый дружокъ Лиза, пишу къ тебѣ на такой славной бумагѣ за то, что ты соскучилась по мнѣ и зовешь. Я самъ думаю, что скоро пора тебя навѣстить, особенно, если ты не очень шалишь. Нели (а я ее Ларой называлъ) больше не видалъ. Цѣлую тебя много: 48,364 раза, умноженные на два,

Банета, кажется, во Флоренціи.

Отдай всѣмъ письма
и прощай.

2895. Письмо къ Н. П. Огареву.

23 октября (1866). Вторникъ.
Лозанна, Peps. Chevallier.

Приближается срокъ возвращенія, и я думаю объ немъ со страхомъ. Какое безвыходно нелѣпое положеніе.

Только-что къ тебѣ послалъ прошлое письмо, я получилъ отъ Н. Она въ Ниццѣ хочетъ снять пансіонъ (кто писалъ ей, ничего не знаю), — 4000 впередъ, 4000 потомъ и то и се, и черезъ недѣлю ѣхать. Я опять написалъ серьезное письмо, печальное, не злое... Неужели Н. все легче, чѣмъ человѣческое возвращеніе на свои пороки, чѣмъ стремленіе къ согласію, необходимому для веденія Лизы?! У меня языка нѣтъ больше. Я снова звалъ, пожалуй, хоть сюда, дня на три для *въ самомъ дѣлѣ* окончательнаго рѣшенія. Я въ Ниццу ихъ доведу. Если бы рѣчь шла только о зимѣ, я не сталъ бы

толковать, но когда я вообразу себѣ годы... то за Лизу волосъ становится дыбомъ. Въ Лозаннѣ — всѣ условія жизни и мой надзоръ, который въ главномъ необходимъ.

Какое эгоистически проклятое дѣло, что Сатина не хочетъ приѣхать безъ ковчега дѣтей...

Не думаю, чтобы ты разговоромъ что-нибудь сдѣлалъ, но мнѣ напиши еще, что бы ты сдѣлалъ, что предложилъ бы? Сегодня вторникъ, я подожду твоего письма и въ пятницу или субботу приѣду (постороннимъ не говори пока).

Я написалъ статью къ 1-му декабря о европейскихъ дѣлахъ вообще, — кажется, хороша, — да еще нѣсколько строкъ о Катковѣ по поводу Худякова; ихъ я написалъ съ плеча и послалъ Чернецъ, не перечитывая. Все, касающееся до каракоз. дѣла, надобно пересмотрѣть. Пусть бы Чернецъ скорѣе присылалъ корректуры.

Здѣсь я познакомился съ довольно интереснымъ человѣкомъ, директоромъ *вольной* гимназій въ Страсбургѣ. Эльзасъ живетъ сильной жизнью. То, что я подбѣрѣвалъ, въ самомъ дѣлѣ есть: тутъ германизмъ офранцужень и галльство онѣмечено. Если-бъ я съ нимъ встрѣтился въ Базелѣ, непременно поѣхалъ бы въ Страсбургъ и Мюльгаузенъ. Вотъ куда слѣдовало бы ѣхать, а не въ Ниццу.

Дождь и лѣтняя теплота. Иду за письмами.

Вчера я встрѣтилъ какого-то русскаго, должно быть, генерала. Я глазъ не могъ съ него свести... Чтò за ужасъ... ни одного жеста, ни одного слова, за которое бы не стоило дать 500 палокъ. Вотъ народъ-то!..

Въ Женевѣ оставаться, по-моему, глупо, въ этомъ пеклѣ сплетень.

2896. Письмо къ Н. П. Огареву.

25 октября (1866), четвергъ, послѣ обѣда.

Писемъ не имѣю, стало, ничего и не знаю ни о дѣлѣ Чернецаго, ни о чемъ другомъ. Подожду 5 часовъ.

„Голосъ“ рекомендуетъ продажу западныхъ земель раскольникамъ съ гарантіей вѣротерпимости и предлагаетъ звать русскихъ изъ Турціи и Пруссіи. Вотъ, какъ поляки узнають, — будетъ тебѣ трезвонъ¹⁾. Какой-то дуракъ прислалъ мнѣ книгу о Польшѣ, — пу-

¹⁾ Предстояло появленіе въ „Кол.“ отъ 1 ноября статьи Огарева „Продажа имѣній въ Западномъ краѣ“. Мысль, развитая въ этой статьѣ, отчасти была сформулирована Герценомъ въ № 2749.

стѣйшія декламаціи и ругательства à l'adresse Россіи, а мнѣ прислалъ! Дальше ты найдешь строки три для „смѣси“. Я въ „Zukunft“ написалъ. А, пожалуй, мы еще и будемъ въ Россіи. Кошутъ собирается въ Венгрію, и поговариваютъ, что Ос. Ив. 1) ищетъ случая ѣхать въ Италію. Лишь бы безъ ранъ на спинѣ и не частнымъ проходомъ, а общей дверью. Осиротѣть тогда кладбище въ Ниццѣ, а я иногда смотрю съ *удовольствіемъ* на наши мѣста и думаю: вотъ тутъ будетъ Ог., тутъ я... все же, замкнутая исторія и даже *точка* будетъ общая.

У насъ тихо, *aigre-doux* 2); меня глубоко оскорбляетъ затаенное неудовольствіе къ Татѣ и желаніе доказать ей (какова политичность), что она Лизѣ не полезна. А Тата дѣлаетъ все; даже лучшее, что есть — храброе плаванье въ морѣ, — сдѣлала Тата.

Передъ будущимъ я съ трусостью закрываю глаза.

Несмотря на всѣ слова, просто въ пансіонъ N. не отдастъ Лизу. Что же дѣлать? Я думалъ уже о Брюкенѣ, о Ліонѣ (это всего бы лучше), противъ Швейцаріи *acharnement* 3). Повторяю тебѣ, N. не въ нормальномъ состояніи, она психически потрясена. Хорошо, если это не пойдетъ дальше. *Теперь* она говоритъ, что я ее здѣсь компрометирую — послѣ десяти лѣтъ и ряда писемъ: „пріѣзжай, пріѣзжай“... Лиза выровняется, ее спасетъ умъ, но сколько будетъ ломки. Сат—а 4) не пріѣдетъ въ нынѣшнемъ году. Если бы Тата захотѣла остаться до будущ. года, можно было бы уладить; безъ нея я не могу себѣ представить глупое положеніе Лизы. Что касается до рисованія и пѣнія, я скажу, что Тата плаваетъ и уже сдѣлала себѣ въ Ниццѣ репутацію. Лиза ей подражаетъ и плаваетъ (возлѣ . . .) 5), по моему, это искупаетъ многое.

Прощай, кланяйся своимъ.

2897. Письмо къ С. Тхоржевскому.

(28 октября 1866). Воскресенье.

Пану.

Любезный панъ,

M-elle Nessler деньги получила и извиняется, что, по небрежности, еще не писала.

1) Мащини.

2) Кислосладко.

3) Ожесточеніе.

4) Е. А. Сатина.

5) Три слова не разобраны.

Развяжите, бога ради, лошадиное дѣло, отдайте 104 фр. и забудемъ его.

Отъ нотаріуса письмо изъ Парижа: съ 1869 наемщикъ будетъ платить по 12,000 фр. въ годъ; такъ мексиканскій дефицитъ покроется. Здѣсь поговариваютъ о богатомъ займѣ итальянскомъ у Ротшильда, и я написалъ къ Стадлеру; это была бы штука; можетъ придется ѣхать въ Парижъ.

Касаткину я писалъ и предложилъ его статью послать въ „Temps“. Сер.-Сол. можетъ перевести, а я поддамъ щипу; скажите это Ог.

Посль объѣда.

Что за уроды эти англичане?! а они чуть ли не лучшіе изъ всѣхъ.

Прощайте.

2898. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(28—29 октября 1866).

Былъ здѣсь Трубец.¹⁾ проѣздомъ. Луг.²⁾ какія-то есть неприятности по русской части. А пророс, онъ собирается въ концѣ ноябр. къ вамъ; я думаю, что лучше отклонить его поѣздку, если изъ нея не выйдетъ результата³⁾.

Онъ что-то очень угрюмо пишетъ.

Домъ парижскій отдавъ на 15 лѣтъ съ 1869 по 12,000, всѣ издержки на счетъ наемщика, поправки и страхованіе. Если его назначать на сломку, то правител. ему возвратитъ деньги, а мнѣ запл. 200,000 фр. aller Ehren werth⁴⁾.

Всѣ ли листы (до 10) „Был. и д.“ у Саши есть?

Здѣсь проѣздомъ на одинъ день Саффи съ женой и дѣтьми.

А что, miss Tata, говорилъ я, что мнѣ твой прежній голосъ — выше — явится больше форсированнаго; вотъ тебѣ и Пановка — тоже и Ольга, у которой do-do и 3 do-mangé⁵⁾ все въ порядкѣ.

1) Николай Платоновичъ.

2) В. О. Лугининъ.

3) Т.-е. если Наталія Александровна не пожелаетъ дать согласія на ожидавшееся съ его стороны предложеніе быть его женой.

4) Заслуживая всякія похвалы.

5) Игра словъ: do mangé — до ѣды, Domangé — фамилія пріятеля Герцена, дававшего уроки О. А.

◆◆ 1. 15 октября 1866 г. председатель высоч. учрежд. слѣдств. комиссіи Петръ Петровичъ Ланской увѣдомилъ министра вн. дѣлъ, что устроенная въ Гейдельбергѣ русская читальня, „цѣль которой, прикрываемая благовиднымъ предлогомъ пользованія книгами“, на самомъ дѣлѣ была организована для распространенія революц. пропаганды въ Россіи. „Нѣкоторые изъ основателей и членовъ читальни входили въ сношенія съ Герценомъ и Огаревымъ, получили отъ нихъ адресъ, написанный Герценомъ на имя государя императора съ требованіемъ конституціи, и принимали мѣры къ распространенію какъ этого адреса, такъ и писемъ Огарева, въ которыхъ говорилось объ экономическомъ переворотѣ въ Россіи. Сверхъ того, въ читальнѣ производились подписки въ пользу эмигрантовъ и на „русское дѣло“, собранныя же деньги пересылались въ Лондонъ“.

Помимо лицъ, о которыхъ мною уже говорилось раньше, привлеченъ былъ къ дѣлу помощ. инспектора классовъ училища Правовѣдѣнія Константиновъ. Въ крѣпости содержались Линева и Альбертини, при III Отд. — Стуртъ, Владиміровъ и Константиновъ, при полиціи — Нагель, находящійся въ воен. госпиталѣ, какъ умственно ненормальный. Веселитскій далъ подписку о невѣздѣ, Бакстъ и Лугининъ за границей, остальные разсыкаются. У Альбертини были найдены „дружественныя письма отъ Герцена и записка отъ Мацини къ Герцену“. При немъ же было много писемъ къ нему отъ графини Е. В. Салиасъ отъ 1864 г. о польскомъ дѣлѣ, которому она виолнѣ сочувствовала. Стуртъ познакомился съ Герценомъ въ 1862 г. черезъ М. Хотинскаго.

Весь матеріалъ, собранный III Отдѣленіемъ и комиссіей Ланского, былъ представленъ послѣднимъ министру юстиціи Замятнину и главноупр. II Отдѣленіемъ Панину; ихъ заключеніе весьма любопытно по своей поной административной разнузданности — очень полезный документъ для кадетствующихъ „историковъ“, считающихъ судебную реформу такимъ дѣломъ, около котораго все становилось чище и искреннѣе.

„Къ уничтоженію гейдельбергской читальни, имѣющей благовидную наружную цѣль, но служащую вмѣстѣ съ тѣмъ связью съ заграничною эмиграціею, не представляется никакихъ средствъ, но весьма полезно было бы вовсе не посылать въ сей университетъ лицъ, обучающихся на счетъ правительства, и впредь не принимать на службу по мин. нар. просвѣщенія лицъ, кои, начиная съ наступающаго (1867) года, посѣщали бы гейдельбергскій университетъ. Такимъ образомъ пресѣчено будетъ вліяніе сего кружка на преподавателей, кои болѣе другихъ могутъ распространять сѣмена вредныхъ ученій, и постепенно уменьшится число русскихъ подданныхъ, посѣщающихъ сей университетъ.“

„Письмо Константинова А. Линёву обнаруживает самый преступный и коварный образъ мыслей, но судебному мѣсту весьма было бы трудно постановить такую мѣру наказанія, которая бы отвратила дальнѣйшую пагубную дѣятельность сего безнравственнаго человѣка, столько недостойнаго оказаннаго ему довѣрія. Притомъ довольно неудобно производить формально дѣло по содержанію частнаго письма надъ лицомъ, не изблеченнымъ въ другихъ какихъ-либо поступкахъ. Принимая всѣ сіи уваженія во вниманіе, и въ особенности то, что Константиновъ, занимая важную должность въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, очевидно, обманываетъ довѣріе избравшаго его начальства и вѣроломнымъ образомъ старается распространять пагубныя ученія, мы находимъ, что его слѣдуетъ подвергнуть строгой административной мѣрѣ, удалить его въ такое мѣсто, гдѣ онъ былъ бы безвреднымъ, и потому полагаемъ отправить его на жительство въ безуѣздный городъ Пермской губ. Обвинскъ подъ строгимъ надзоромъ мѣстнаго полицейскаго пристава.

„Переписка *Линёва* и *Альбертини*, вполнѣ изблечаетъ его въ преступномъ ообразъ мыслей, но по содержанію сей переписки, не сопровождавшейся другими какими-либо обнаруженными противозаконными дѣйствіями, онъ не могъ бы подлежать строгому взысканію по суду и въ особенности такому, которое надолго бы удалило его изъ той среды, въ которой онъ, конечно, распространяетъ свои убѣжденія, ибо прежняя бытность его подъ судомъ не имѣла на него никакого благотворнаго вліянія. По симъ причинамъ слѣдовало бы выслать его на жительство въ уѣздный городъ Архангельской губ. Мезень подъ строгій надзоръ городничаго.

„Кол. секр. *Веселитскій*, считаясь на службѣ и употребляя во зло оказанное ему правительствомъ снисхожденіе, вошелъ въ предосудительныя и довольно продолжительныя сношенія съ русскою эмиграціею. Мы полагали бы исключить его изъ службы, выслать на три года на жительство въ безуѣздный городъ Тамбовской губ. Кадомъ подъ строгій надзоръ мѣстнаго полиц. пристава съ воспрещеніемъ впредь вѣзда въ обѣ столицы и вѣзда за границу.

„Студентъ *Бакстъ* и кол. ас. *Лугининъ*, и въ особенности первый, принадлежатъ, конечно, къ числу вредныхъ людей, но вызовъ ихъ въ Россію едва ли можетъ имѣть какія-либо полезныя послѣдствія. Весьма достаточнымъ казалось бы, по возвращенію ихъ въ отечество, подвергнуть ихъ строгому полиц. надзору. а въ случаѣ проявленія противозаконнаго образа мыслей, выслать ихъ въ какой-либо отдаленный городъ на безвѣздное жительство.

„Дворянинъ *Линевъ* представляется соумышленникомъ названныхъ выше сего лицъ, но довольно трудно опредѣлить степень его участія

въ ихъ замыслахъ и дѣятельности. Мы полагали бы выслать его на пять лѣтъ на жительство въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Вологодской губ. подъ надзоръ мѣстной полиціи, а по истеченіи сего срока воспретить ему въѣздъ въ обѣ столицы и выѣздъ за границу.

„Владиміровъ и бар. Стюартъ принадлежать также къ числу лицъ, имѣвшихъ предосудительныя связи. Бар. Стюарта слѣдовало бы выслать на жительство на пять лѣтъ въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Вятской губ., а Владимірова — на тотъ же срокъ — Уфимской губ. подъ надзоръ мѣстной полиціи съ воспрещеніемъ по истеченіи сихъ сроковъ въѣзда въ обѣ столицы и выѣзда за границу.

„Молоствову и Чаплыгину, противъ коихъ не представлено особенныхъ обвиненій, слѣдуетъ только внушеніе, чтобъ они впредь воздерживались отъ противозаконныхъ связей, не подвергая ихъ дальнѣйшему задержанію. Нагеля, какъ иностр. подданнаго, выслать за границу съ воспрещеніемъ въѣзда въ Россію“.

9 октября, послѣ доклада этого заключенія, гр. Шуваловъ помѣтилъ на немъ: „Г. И. изволилъ утвердить, мнѣніе же о неудобствѣ посылать отъ правительства лицъ для слушанія лекцій въ гейдельбергскомъ унив. и пр. повелѣлъ сообщить на соображеніе министра нар. просвѣщенія“.) (Архивы мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1866 г. № 3 и III Отд. С. Е. И. В. канц. 1 эксп., дѣло 1866 г. № 222).

2899. Заговора не было!

Не было, такъ, какъ не было *зажигателей* между нигилистами, такъ, какъ не было ни одного доказаннаго преступленія со стороны Чернышевскаго и Серно-Соловьевича. Обманъ не удался. Зато посмотрите, какъ бѣснуется Катковъ. Онъ не можетъ достаточно оплакать, что Худякова не повѣсили; онъ дѣлается нелѣпъ, глупъ, онъ дѣлается черствъ въ своей статьѣ (202 № „Моск. Вѣдомостей“), — но страсть превозмогаетъ... Что это за чудовищное явленіе! Какова жизнь, каково прошедшее, въ которомъ могъ развиваться такой гнилой чирій?.. Какова лужа-среда, которая его поддержала! Перель этимъ, дѣйствительно, останавливаешься съ холоднымъ потомъ на лбу и спрашиваешь: какое очищеніе возможно этой среды? Чему же дивиться, что Марксъ ¹⁾ искалъ облегчительную причину въ томъ, что ядъ имъ былъ данъ противъ крысъ и литератора Каткова?..

Когда же, Россія, умоешься ты отъ этой грязи, отъ этой сукровицы, отъ этихъ гадовъ?..

¹⁾ Одинъ изъ осужденныхъ по каракозовскому дѣлу за пособничество.

Дай намъ, твоимъ дѣтямъ на чужбинѣ, страстно тебя любящимъ, дай намъ возможность жить съ поднятой головою, тебя защищать, тебя проповѣдывать, тебя открыто любить... обмойся отъ Катковыхъ, оботрись — на твоихъ губахъ остался скверный слѣдъ поцѣлуевъ Муравьева.

2900. Гуртовая бойня.

Полдюжины обречено на разстрѣліаніе во Владимірѣ-на-Клязьмѣ. Дѣло ужъ пошло охапками, раг fougnées ¹⁾, какъ въ 1793 году... Въ скромномъ Владимірѣ-на-Клязьмѣ, въ залѣ клуба, гдѣ обыкновенно пьютъ, козыряютъ и пляшутъ, какой-то полковникъ Ольдерогге приговорилъ *шесть человѣкъ къ разстрѣліанію*. Въ томъ, что приговоръ утвердится, мы не имѣемъ права сомнѣваться, зная храбрость окружныхъ генераловъ, и русскіе поведутъ шесть русскихъ и ихъ всенародно подстрѣлятъ „христолюбивые воины“, изъ которыхъ благочестивѣйшее правительство дѣлаетъ палачей!

Сенатъ, совѣтъ, синодъ, — все это набито стариками, — стариками, давно приговоренными не полковникомъ Ольдерогге, а самимъ генераломъ-отъ-косы Сатурномъ къ лишенію живота. Какъ же въ нихъ не проснется, въ виду смерти, что-нибудь человѣческое, и они не рѣшатся протестовать противъ этого контрабанднаго, воровского ввода смертной казни, принимающей чудовищные размѣры? Хоть бы до неприличности долго святительствующій Филаретъ московскій и коломенскій, защитникъ розогъ, хоть бы онъ возсталъ противъ пуль и объяснилъ царю-сагиттарію ²⁾, что царствовать — не то же, что ходить на охоту, и что если очень забавно убивать медвѣдей, то очень скверно убивать людей.

Казнь смертная противна у насъ духу народному, противна нашему законодательству, противна христіанству, которое теперь въ такой модѣ при дворѣ. Зачѣмъ же ее вводятъ?

Развѣ до изобрѣтенія прогресса въ Зимнемъ дворцѣ и либерализма въ деспотизмѣ не было разбойниковъ въ Россіи? Отчего же ихъ не казнили ни гуртомъ, ни поодиночкѣ?

Пошумѣлъ Иванъ Аксаковъ, пошумѣли другіе молодцы вмѣстѣ съ нимъ противъ смертной казни, да на полдорогѣ устали, отстали, прилегли отдохнуть.

Ну, храбрые люди, московскіе патриоты, такъ геройски собиравшіеся сходками и скопами, чтобъ *вотировать* неустрашимые адреса противъ поляковъ и телеграммы о вѣрноподанническихъ чувствахъ,

1) Массами, дословно, сколько нужно, чтобъ засадить полную печь.

2) Sagittarius — стрѣлокъ.

такъ *свободно* и ничѣмъ не стѣснявшіеся въ дѣлѣ обругиванія Каракозова и въ бездѣльи заказыванія иконописныхъ образовъ св. Іосифа ¹⁾, покажите вашу прыть и любовь къ народу русскому, подайте правительству прошеніе о томъ, чтобы *оно не убивало...*

Нѣтъ у насъ ни въ чемъ ни выдержки, ни настойчивости, ни настоящей страсти, неотступной, сосущей сердце (развѣ, только въ карточной игрѣ). Какое кому дѣло до того, что во всей Россіи льется кровь казненныхъ, что вся имперія — одно лобное мѣсто, отданное всякой гарнизѣ для приученія ея къ крови?

И это въ то время, когда въ самой Европѣ, унаслѣдовавшей съ прочимъ хламомъ прошедшихъ вѣковъ смертную казнь, больше и больше говорятъ объ уничтоженіи ея!

Р. С. Только-что мы дописали эти строки, какъ русскія газеты вновь принесли два смертныхъ приговора. Эти приговоры до того бездушно-гнусны, что мы ихъ перепечатаваемъ:

„Въ Таганрогской мѣстной газетѣ помѣщенъ приговоръ военного уголовного суда по дѣлу о разбоѣ, произведенномъ въ ночь съ 8 на 9-е ноября въ домѣ Андреева. По этому приговору, два главные злодѣя, а именно: ростовскій мѣщанинъ Иванъ Грабенко, какъ признанный, во-первыхъ, зачинщикомъ разбоя, во-вторыхъ, непосредственнымъ его участникомъ и, въ-третьихъ, преступникомъ, нанесшимъ истязанія старику Андрееву, и Петръ Власенко-Басенко, онъ же Гаврило Аванасевъ, во-первыхъ, за непосредственное участіе въ преступленіи, во-вторыхъ, за побѣгъ изъ ростовскаго острога и, въ-третьихъ, за упорное отрицаніе своей личности, *приговорены къ смертной казни разстрѣляніемъ*“.

Отвратительные душегубцы!

Второй Р. С. Конца нѣтъ! Это просто бѣшенство крови, — еще казнь: 2 (14) сентября разстрѣляли въ Астрахани преступника Рѣзцова... На что русскія газеты выносили, но и онѣ не вытерпѣли, и „Голосъ“ добавилъ (№ 257): *„Астрахань въ первый разъ, кажется, со времени Елизаветы Петровны была свидѣтельницею смертной казни“*.

2901. Грязь.

На насъ находить сомнѣніе, выписывать или нѣтъ изъ *русскихъ газетъ* мерзости и безобразія, дѣлающіяся у насъ ежеминутно, на каждомъ шагу. Нужно ли всей этой массѣ гадостей еще разъ вынырнуть на нашихъ листахъ?

1) Въ честь Осипа И. Комиссарова.

Все совершающееся грязно, гнусно, гадко, глупо, и все имѣтъ характеръ страшнаго однообразія: татарское раболѣпье, византійское ханжество, нѣмецкая наука рабства въ обществѣ, татарское самовластье, византійское изувѣрство и нѣмецко-канцелярское капральство въ правительствѣ. Между ними гады подкупной гласности, доносящіе, превозносящіе, клеветушіе, лгушіе, ползушіе, сосушіе и портящіе государственное пищевареніе глисты-риторы.

Мѣняться могутъ подробности, личности; умереть можетъ Гагаринъ, а не Муравьевъ, на мѣсто Берга пошлютъ Баранова, на мѣсто Безака — Цезака, на мѣсто Магницкаго — Толстого, на мѣсто Рунича — Каткова. Сущность остается та же, духъ тотъ же, формы тѣ же. Задремлетъ выпивши кучеръ, поослабитъ немножко вожжи, проснется — хлестнетъ безъ вины... Вотъ и все.

Мѣняться къ лучшему — не то; что мѣняться къ худшему.

Возникни теперь изъ балтійскихъ блатъ новый Апраксинъ дворъ, съ лавками, вонью, мышами, ворами, городовыми, съ гнилымъ товаромъ, съ недověсомъ, съ недомѣромъ и прочимъ добромъ, — что же, вы думаете, настолько правительство станетъ человѣчественнѣе, насколько оно пало отъ пожара? Совсѣмъ нѣтъ. Запишутъ купцовъ въ гильдію, на ихъ же счетъ поставятъ часовню, отслужатъ молебень и пошлютъ брать подати и заговорщиковъ. Развѣ, Катковъ напишетъ въ „Московск. Вѣдомостяхъ“, что это молитвами въ благоуханіи почившаго Муравьева богъ послалъ Россіи новый рынокъ изъ пучинъ морскихъ и что между выплывшими купцами нѣтъ ни одного поляка.

Россія — какое-то безконечное поле, кой-гдѣ засѣянное... и покрытое тукомъ. Нарождающагося, будущаго не видно... Оно все въ землѣ, все въ зернѣ. Тукъ покрывающій состоитъ, какъ всегда, изъ догнивающаго прошедшаго. Великіе агрономы на нѣмецкій ладъ навалили такой пластъ удобренія, что чуть зерно не задохло и теперь едва пробивается... Пока продолжалась зима, все казалось бѣло и гладко, а какъ пришла оттепель, верхній-то слой и сказался. Надобно помочь натурѣ, надобно стараться, чтобъ онъ скорѣе сгнилъ и разложился, но копать въ немъ руками и мѣсить ногами, таскать изъ него по соломинкѣ и всякій разъ удивляться и плакаться, что она не пахнетъ розаномъ, — это скучно и нечисто.

Судите сами. Разверните, чтó хотите, чтó не запрещено, какъ „Современникъ“ и „Слово“, не приостановлено, какъ „Спб. Вѣдомости“, и читайте, гдѣ хотите, — будетъ хорошо.

Въ казанскомъ округѣ бродить тѣнь Магницкаго и шипитъ слѣдующую іезуитскую рѣчь:

„По случаю холеры я не засталъ у васъ классовъ и потому лишень возможности видѣть васъ въ дѣлѣ. Но положеніе гимназій миѣ достаточно из-

вѣстно — какъ по свѣдѣніямъ, которая я имѣю изъ министерства народнаго просвѣщенія, такъ и по произведенной, по моему распоряженію, попечителемъ округа ревизіи гимназіи. Должно сожалѣть, что въ прежнее время въ вашемъ составѣ находились такія личности, которыя не должны были бы вступать на учительское поприще: онѣ принимали на себя эту важную обязанность не для пользы юношества, а ко вреду для него, для распространенія разрушительныхъ идей, послѣдствіемъ которыхъ, какъ теперь оказывается на опытѣ, было умственное и нравственное развращеніе нѣкоторыхъ людей, сдѣлавшихся несчастною жертвою этой злой пропаганды. При мнѣ подобные преподаватели невозможны; я обязанъ предъ священной особою государя императора и предъ моею собственною совѣстью не допускать, чтобъ училище, содержимое на счетъ правительства, обращалось въ притонъ противообщественныхъ и противогосударственныхъ теорій; я обязанъ предъ родителями сдать имъ юношей благовоспитанныхъ и истинно, а не ложно образованныхъ; наконецъ, я обязанъ предъ самими-этими юношами способствовать тому, чтобъ изъ нихъ образовались люди дѣльные и основательные, которые со временемъ поблагодарили бы внутри сердца своего своихъ наставниковъ и руководителей, предостерегшихъ ихъ отъ ложныхъ путей. Я буду свято исполнять эту обязанность, пока буду занимать должность, возложенную на меня высокими монаршимъ довѣріемъ. Надѣюсь и даже увѣренъ, что вы всѣ будете мнѣ въ томъ содѣйствовать — иначе и быть не можетъ*.

За оборотнемъ-министромъ на запяткахъ — ливрейный холопъ реакціи вторитъ барину:

„Теперь, слава Богу, основы нашей новой учебной системы не подлежатъ болѣе сомнѣнію, не подвергаются болѣе вопросу. Слова эти (воскрешаго Магницкаго) обнадеживаютъ, что министерство будетъ зорко смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ нашихъ школахъ, подъ видомъ педагоговъ, не было людей злонамѣренныхъ. Но и при самомъ бдительномъ надзорѣ въ этомъ отношеніи опасность для нашей молодежи не прекратится*... („Моск. Вѣдом.“ № 192).

Министръ внутреннихъ дѣлъ, чтобы не отстать отъ нео-Магницкаго, въ свою очередь, грозитъ въ „Сѣверной Почтѣ“ преслѣдованіями и наказаніями за перепечатываніе ученыхъ статей изъ періодическихъ изданій и книгъ специально-ученыхъ. Наука для касты, для мандариновъ, для доктринеровъ, для монаховъ и поповъ. Для публики довольно Поль де Кока и к-ніи. Для народа и его не нужно, для него и грамота — роскошь; народъ слишкомъ бѣденъ, чтобъ имѣть право на мысль; мысль и наука, какъ судъ и расправа, должны принадлежать однимъ крупнымъ землевладѣльцамъ. Посмотрите, какую они кучу надумали и поняли съ уничтоженія Юрьева дня.

Если популяризація науки отталкивается просвѣщеннымъ правительствомъ, зато, думаете вы, слово божіе и утѣшеніе религіи оставлено набожнымъ правительствомъ селянину и работнику? Совѣмъ нѣтъ.

Неизвѣстнаго вѣроисповѣданія Безакъ, иконоборецъ кіево-печерскій, нашель въ своемъ крестовомъ походѣ противъ заблужденій

креста яростнаго помощника въ „Варшавскомъ Дневникѣ“. „Дневникъ“ напалъ на варшавскихъ кухарокъ, зачѣмъ онѣ ходятъ въ храмъ божій, „отъ чего останавливается работа. Дѣло дошло до того, что господа не хотятъ держать слишкомъ набожную прислугу“...

Вольтеры и Магницие вмѣстѣ!
Père Duchesne и Père Lorient! 1)

Это напоминаетъ стараго коцуна Муравьева: когда началось у насъ движеніе противъ пьянства, въ циркулярѣ своемъ онъ ссылался на свята писаніе для поддержанія его, ставилъ въ примѣръ Ноя, подгулявшаго послѣ потопа (хорошо, что не Лота), и компрометировалъ самого Христа за шутку съ виномъ въ Канѣ Галилейской 2).

Что кухаркамъ не надобно имѣть религій, это ясно... Жарься себѣ вмѣстѣ съ бараниной передъ очагомъ, религія — для господъ, не для холоповъ, не для нищихъ. Все это справедливо. Но насъ конфузить лютеранинъ Бергъ: онъ по своей ереси долженъ бы былъ уважать всякую набожность и всякую религію, даже и такую, въ догматы которой не входитъ ни кабакъ, ни блины, ни грибы и которая предпочитаетъ рѣзкое изображеніе Христа суздальскому, съ лицомъ, нарисованнымъ яичнымъ желткомъ съ прозолотью...

Идемте въ другую сторону. Вы всё читали, что Жуковский 3) и Пыпинъ 4) были оправданы по суду. Въ пушую эпоху каракозовской бѣлой горячки правительство требовало судебного разсмотрѣнія статьи Жуковскаго о „молодомъ поколѣніи“, взводя на нее нелѣпѣйшее обвиненіе въ оскорбленіи дворянства (какъ будто, его можно было чѣмъ-нибудь больше оскорбить, какъ освобожденіемъ крестьянъ). Обвиненіе было такъ глупо, что судъ оправдалъ ихъ. *Первое оправданіе по дѣламъ печати!* Не только общество, но и правительство должно было радостно привѣтствовать этотъ знакъ независимости суда, это — оправданіе не только Жуковскаго, по искренности реформы. Ни мало. Нашлись подкатковщичи, натравившіе правительство, нашелся Валуевъ — жалкій, ничтожный, пустой Валуевъ, захотѣвшіе въ зародышѣ задушить свободу суда. Дѣло перенесено было въ уголовную

1) Первый — популярный во Франціи типъ, выставленный на сценѣ, выражавшій политическія мнѣнія парижскаго народа. Жанъ-Николя Лорике, французскій иезуитъ, вліятельный въ орденѣ.

2) Если этотъ циркуляръ забыли, мы можемъ его перепечатать. А. И. Г.

3) Юлій Галактіоновичъ.

4) Александръ Николаевичъ; оба были судимы за статью Жуковскаго „Вопросъ молодого поколѣнія“ въ III кн. „Современника“ 1866 г., оправданы присяжными, а судебной палатой приговорены къ уплатѣ штрафа по 100 руб. и аресту на гаупватѣ на 3 недѣли.

палату и обоихъ подсудимыхъ нашли виновными, и то не въ оскорбленіи дворянства, а за то, что бранятся!

А куда внесено или перенесено дѣло кандидата въ мировые посредники Колюбакина, который предложилъ одному сосланному польскому помѣщику Залѣскому промѣняться съ нимъ имѣніемъ, т. е. взять не подходящую Залѣскому нижегородскую деревню? Предложилъ онъ съ разными угрозами и политическими намеками, а когда Залѣскій отказался, написалъ на него доносъ въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“.

Это уже разрѣшеніе послѣднихъ, первоначальныхъ узъ общественныхъ, тѣхъ послѣднихъ обезпеченій, которыя существуютъ въ Хивѣ и Тибетѣ.

Что за омутъ гадостей — эта российская родина, бѣдная родина!

И за все это одно утѣшеніе, что какого-то тайнаго и какого-то явнаго статскаго совѣтника послали въ Сибирь на поселеніе — за *всровство!*

2902. „Gmina“.

Подъ этимъ заглавіемъ вышелъ первый листъ новаго польскаго періодическаго изданія въ Женевѣ¹⁾. Отъ души привѣтствуемъ его и не можемъ иначе привѣтствовать его, — такъ сочувственно-братски онъ намъ протягиваетъ руку. „Съ вашимъ трудомъ мы приходимъ соединить наши юныя усилія“, пишутъ къ намъ издатели „Гмины“ „Рожденные въ другомъ мѣстѣ, въ другомъ времени и окруженные иной обстановкой, можетъ, мы не въ одинъ тактъ будемъ звонить къ общей обѣднѣ, можетъ, нашъ голосъ прежде замретъ, чѣмъ вы съзовете на великое Вѣче вашъ народъ, замретъ въ той борьбѣ страстей, которая изъ вашего отечества слѣлала палача, изъ нашего — мученицу, но пока пойдемте вмѣстѣ — вы такъ же страдаете нашимъ страданіемъ, какъ мы краснѣемъ вашимъ стыдомъ“.

Программа, высказанная „Гминой“, широка: она хочетъ проповѣдывать „преобразование общественнаго порядка въ земляхъ, составлявшихъ польскую республику, на основаніи древняго общиннаго устройства, примѣняя къ нему все, къ чему идутъ современныя стремленія“. Отъ этихъ словъ вѣетъ юнымъ, свѣжимъ, и мы искренно протягиваемъ наши руки молодымъ товарищамъ въ общемъ походѣ.

¹⁾ Печатался сначала въ типографіи Герцена.

2903. Революціонное воззваніе М. П. Погодина.

Увлеченный примѣромъ Кошута и Мацини, и нашъ Михаилъ Петровичъ пустилъ возмутительную грамоту „Къ галицкимъ братьямъ“. Все то, что „Московскія Вѣдомости“ порицали, на что доносили, о чемъ говорили со скрежетомъ зубовъ и на что вызывали пытки, тюрьмы и казни, все въ квадратъ и кубъ находится въ воззваніи Погодина.

Мы ничего не имѣемъ противъ зажигательной прокламаціи Погодина и очень много за галичанъ и за такія открытыя рѣчи, но, во-первыхъ, произносить ихъ не слѣдуетъ въ непристойныхъ мѣстахъ, а, во-вторыхъ, непристойнымъ мѣстамъ не слѣдуетъ допускать такихъ рѣчей. Что сказала бы арендаторша публичнаго дома, если-бъ кто-нибудь пришелъ къ ней служить молебень Пречистой Дѣвѣ? Есть *обязательное единство* поведенія, нарушать которое безъ оскорбленія общественной нравственности нельзя. Что можетъ быть мерзѣе прусскихъ генераловъ, подбивавшихъ къ возстанію венгерцевъ и богемцевъ рѣчами, за которые, если-бъ онѣ были обращены къ познанцамъ, тѣ же генералы засадили бы ораторовъ lebenslang ¹⁾ въ Шпандау?

Мы перепечатаваемъ почти цѣликомъ воззваніе Погодина. Судите сами ²⁾.

2904. По дѣлу заговора.

Заговоръ, который многіе подозрѣвали послѣ каракозовскаго выстрѣла, обнаруживается больше и больше. Сверхъ частныхъ слуховъ, „Indépendance“ и „Кельнская Газета“ сдѣлали два-три замѣчательные намека. Ясно, что Муравьевъ стоялъ во главѣ комплота, составленнаго крѣпостниками, стародурами и вообще реакціей. „Кельнская Газета“ говоритъ, что онъ подавалъ въ отставку, потому что государю не нравились продѣлки полиціи, и онъ сталъ подозрѣвать причину излишняго усердія. Муравьевъ за нѣсколько дней до закрытія комиссіи уѣхалъ въ деревню, „куда ему посылали бумаги“, говорятъ русскія газеты. Да какъ же онъ смѣлъ ѣхать, не окончивъ дѣло такой важности? Святить церковь — не спѣшное дѣло. Онъ уѣхалъ въ опалѣ. Одинъ изъ главныхъ сообщниковъ первый отвязалъ свою комягу отъ потонувшаго звѣря... „Московскія Вѣдомости“ очень скромны въ своихъ плачахъ на гробъ новаго Пожарскаго (не сдѣлавшагося даже княземъ, чего Муравьеву очень хотѣлось).

1) Пожизненно.

2) Слѣдуетъ текстъ воззванія.

Государь и въ этомъ дѣлѣ поступилъ такъ же шатко и безсмысленно, какъ во всѣхъ дѣлахъ. Въмѣсто того, чтобъ назначить новую комиссію надъ муравьевской и открыть по горячимъ слѣдамъ всѣ продѣлки чернаго русскаго ржонда, онъ даже не велѣлъ опечатать бумагу Муравьева, а отдѣлался тѣмъ, что очистилъ Пермскій пѣхотный полкъ отъ имени палача. Теперь, конечно, поздно узнать всю интригу, *хотя и можно.*

2905. Страсть къ розгамъ въ подольскомъ судѣ.

Подольская палата уголовного суда испрашиваетъ у министра юстиціи замѣну тюремнаго заключенія и ареста *наказаніемъ розгами*, подъ предлогомъ, что мало помѣщеній для арестантовъ. Интересно знать отвѣтъ министра.

Русскія газеты забыли приложить при этой новости составъ подольской палаты; мы выписываемъ его изъ „Адресъ-календаря“ 1866:

Предсѣдатель: Дмитрій Николаевичъ *Кузнецовъ*,

Товарищъ предсѣдат.: Иванъ Федоровичъ *Криштановскій*,

Засѣдатель отъ правител.: Титъ Игнатьевичъ *Зиньковскій*,

Засѣдатели отъ дворянства: Лонгинъ Каэтановичъ *Звиногородскій*, Каэтанъ Касперовичъ *Яновичъ*,

Секретари: Игнатій Ильичъ *Гороховскій*, Ипполитъ Даміановичъ *Люцидарскій*.

2906. Конфирмація.

По выс. утвержденному заключенію генераль-аудиторіата военнаго министерства, 12-я артиллерійской бригады облеженной № 6-го батарен подпоручикъ Кувязевъ, за умышленное распространеніе возмутительнаго воззванія, имѣвшаго цѣлью возбудить къ бунту противъ верховной власти, храненіе у себя другаго воззванія и разныхъ запрещенныхъ противъ правительства сочиненій, лишается чиновъ и всѣхъ правъ состоянія и ссылается въ *каторжную работу* въ крѣпостяхъ на *восемь лѣтъ*.

Не скажетъ ли намъ кто-нибудь, въ чемъ дѣло и какое это дѣло?

2907. Чѣмъ люди тѣшатся.

Въ русскихъ газетахъ показалась замѣчательная генеалогія Дамары ¹⁾ и ея нареченнаго жениха, вотъ ужъ ab ovo, такъ ab ovo ²⁾. По ней, въ числѣ ихъ предковъ (не говоря о безчисленномъ множествѣ датскихъ королей и принцевъ, въ числѣ которыхъ только и выпущены

¹⁾ Императрица Марія Феодоровна, тогда жена наслѣдника.

²⁾ Съ самаго начала.

Гамлетъ и его наслѣдникъ Фортинбрасъ) находятся: „Карль Великій, Гуго Капетъ, святой король Людовикъ IX, короли англійскіе: Эдуардъ III, Эдуардъ IV, наконецъ, Марія Стюартъ“ („Голось“ № 260). Ну, а Василій Великій, Викторъ Гюго, святой король Мельхиседекъ и Марія Египетская не предки?

Это бы все ничего, да вотъ что плохо. По свадебной родословной выходитъ, что наслѣдникъ — чистый нѣмецъ, да еще и не совсѣмъ *чистый*, а изъ *архіерейскихъ дѣтей*. Насъ все учили, что Романовы, хоть не безъ нѣмецкой примѣси, но идутъ отъ русской *святской* семьи, а тутъ выходитъ, что цесаревичъ „происходитъ по прямой линіи, въ одиннадцатомъ колѣнѣ отъ Фридриха I, графа Ольденбургскаго“, и имѣетъ въ числѣ предковъ *епископа Любекскаго*. Нѣмецъ, да еще изъ духовнаго званія, изъ монашескаго происхожденія! Что подумаютъ объ этомъ православные, вовсе не допускающіе съ Лютеровою ересью бракъ епископовъ?

2908. Письмо къ сыну.

1 ноября 1866.
7, Quai Mont Bl.

Можетъ, я буду и немного раньше. Н собираетъ къ 1 декаб. быть въ Ниццѣ; устройтъ ихъ, я постараюсь пріѣхать къ 15.

Далѣе, напиши мнѣ, откуда слухи о холерѣ въ Италіи вообще? Сегодня мнѣ Woog говорилъ, что его дочь поѣхала въ Біарицъ и, можетъ, куда-нибудь въ Италію, опасаясь холеры въ Италіи. О Палермо я знаю, но — ? ждуть ли ее во Флоренціи и, наконецъ, можно же узнать, что въ Ниццѣ.

2-ое, Листы „Был. и д.“ посланы; есть ли у тебя ?

6-ой, послѣд. листъ посланъ съ „Колок“.

3-ье, Напиши подробно, какіе русскіе журналы у Вьесо.

4-ое, Деньги у васъ есть еще въ запасъ, — пошли въ Лондонъ изъ нихъ ¹⁾. Я всѣ счеты свои на нынѣш. годъ свелъ такъ, что больше не хочу тратить. А что твои полученія съ книгопродавца?

Отвѣчай немедленно.

P. S. Изъ того, что ты пишешь о Татѣ, ты можешь судить, какъ я вѣрно судилъ и вѣрно боялся. Повторю тебѣ, что лучше отклонить пріѣздъ Л. ²⁾, если нѣтъ шансовъ.

¹⁾ Шарлоттѣ Гетсонъ.

²⁾ В. Ѡ. Лугининъ; разумѣются шансы на бракъ съ Н. А. Герценъ.

Помни, что во всѣхъ случаяхъ одинъ ты можешь имѣть доброе вліяніе, и пиши ко мнѣ обо всемъ.

Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, иногда приходитъ въ мысль пожить мѣсяца три одному съ Ольгой.

Если есть малѣйшіе слухи о холерѣ, N. побоятся ѣхать въ Ниццу. Я считаю Лозанну лучше, но изъ этого не подниму миѣнистерскаго вопроса.

Огар. совершенно такъ же; бываютъ обмороки, и я увѣренъ, что, все же, онъ пьетъ больше, чѣмъ нужно.

2909. Письмо къ сыну.

4 ноября 1866:
7, Quai Mont Bl.

Счетъ твой я получилъ; онъ въ общемъ разрѣзѣ хорошъ, но въ своемъ приложеніи къ нынѣшнему году снова разстраиваетъ всѣ мои расчеты.

По-моему, дѣло выходитъ не такъ. У васъ оставалось за уплатой всего, назначеннаго мною въ 1866:

1-ое	. .	1,000
2-ое отъ Жел. ¹⁾		200
Итого		1,200

Изъ нихъ я уплачиваю:

За дорогу	. 150
За ур. Пан. ²⁾	750
За бѣлье	. 150

И прибавьте всѣ траты особыя для Ольги въ 150 = 1,200.

Дѣлая это, я полагалъ, что съ деньгами, тобой взятыми (которыя я вымаралъ въ счетѣ), я, по крайней мѣрѣ, квитъ до 1 янв.

Сумма всего идетъ до 14,000, не считая уроковъ Таты, но вамъ и этого недостаточно.

Отчего же вы — и, главное ты — не умѣете извернуться съ дефицитомъ 600 fr. ? За 1866 я не дамъ и не долженъ давать, по справедливости, ни одной копѣйки. Когда я приѣду, привезу *le stricte necessaire* ³⁾.

¹⁾ Желѣзновъ.

²⁾ Пановка (Генрихъ Рапофка), нѣмецкій скрипачъ и композиторъ, давалъ уроки пѣнія Нат. Ал. Герценъ.

³⁾ Строго необходимое.

Я могу дать тебѣ займы 600 изъ 12,500 будущаго года и на этомъ остановимся. Если я не считаю себя въ необходимости морить васъ, какъ Л. ¹⁾ своего сына, то и вы должны знать мѣру. Во всякомъ случаѣ, до моего приѣзда я ничего не пошлю Я не вѣрю, чтобъ вы не имѣли кредита на мѣсяць.

Въ январѣ при полученіи отъ Авигдора я могу отдать 3,000.

Книжка 1-ая, т.-е. I-ое отдѣл., „Былого и думъ“ IV тома, готова. Она продается по 6 фр.; вся выручка — въ пользу Тхоржевскаго, а потому, не можешь ли продать экз. пять?

6 листъ тебѣ посланъ сегодня утромъ. Заглавіе надобно возстановить по-латыни просто:

„Cogitata et visa“.

У Dentu ²⁾ я спрошу, не хочетъ ли онъ перепечатать всѣ тома съ платой чего-нибудь вдовѣ Delaveau.

NB. Скажи Баксту, что изъ Базеля Чернецк. получилъ отвѣтъ; старые типы ³⁾ берутъ только на обмѣнъ, а не за деньги, потому Чернецк. не можетъ купить его шрифтъ.

Типографія умираетъ.

2910. Письмо къ Н. А. Герценъ.

6 ноября (1866), вторникъ.

Новаго и особеннаго мало. Пишу Сашѣ для финансовой гуверны ⁴⁾. Я очень радъ, что твои уроки съ Пановкой идутъ. Имѣй въ виду одно, что если есть успѣхъ, то надобно добиваться до больше-возможнаго совершенства, иначе это будетъ аристократическая шалость. Ты помнишь, что я тебя обвинялъ постоянно въ неумѣннн сосредоточиваться, т.-е. въ разсѣяніи, въ недостаткѣ выдержки и въ бѣдности труда. Ты уже этимъ наполовину убила живопись.

Я пересмотрѣлъ, что ты пишешь о манерахъ. Конечно, одинокое воспитаніе способствовало многому, но не все отъ него. Тактъ и обдуманность идутъ изъ внутренней эстетики, — воспитаніе или окружающее не на первомъ планѣ. Подумай, что если бы это было такъ,

¹⁾ Э. Лугининъ, отецъ В. Э.

²⁾ Эдуардъ-Анри, крупный парижскій типографъ и издатель.

³⁾ Т.-е. старый типографскій шрифтъ, гартъ.

⁴⁾ La gouverne — руководство.

то развитіе твоей мамы было бы доказательствомъ, что княгиня Мар. Ал. была великая воспитательница, и ея кругъ старыхъ дурь и дураковъ — лучший въ мірѣ. Въ концѣ „Быль и думъ“, передъ „Осеано пох“, кстати, ты найдешь нѣсколько непечатанныхъ страниць объ покойницѣ. Работай надъ собой, — вотъ все, что я могу сказать.

Къ 25 собираемся ѣхать въ Ниццу; тамъ надобно найти домъ и устроить Н. съ Лизой порядкомъ. Потомъ приѣду и къ вамъ. Мнѣ, впрочемъ, все кажется, что еще рано. Погода здѣсь превосходная; вообще, вся осень отличная.

Стелла собирается въ Галицію.

Стадлеръ пишетъ, что у фотограф. наслѣд. Левицкаго есть негативъ вашихъ портретовъ, и что онъ готовъ мнѣ прода

Посль.

Здѣсь произошла такая катавасія, что, можетъ, она опять задержитъ на нѣсколько дней. Поляки здѣшніе ужасно огорчились статьею Огар. (объ экспроприаціи въ Литвѣ)¹⁾, назначили комиссію, хотять писать адресъ, протестъ во французскихъ журналахъ, говорятъ, что мы не лучше Каткова, и пр. Надобно выждать, что будетъ.

Элпидинъ напечаталъ ругательную брошюру противъ меня и Долг., но еще не выпустилъ ее.

Здѣсь были Саффи — и тебѣ и всѣмъ кланяются. Ольгъ пришлю

„La guerre“ Chatrian,
„1812“ Assollant²⁾.

Лиза въ восхищеньи отъ „La guerre“; она, видно, будетъ военная.

2911. A nos frères polonais.

Il y a un mésentendu grave qui s'est produit dans nos rapports — Il nous faut nécessairement le vider fraternellement. Vous vous êtes fâchés pour une opinion émise par un de nous. Nous voulons ajouter quelques mots d'explication.

Depuis 1853 notre activité allait à côté de la vôtre — vous la connaissez d'un bout à l'autre. Dès les premiers articles de notre propagande russe à Londres — nous avons clairement exposé nos principes —

1) „Продажа имѣній въ Западномъ краѣ“.

2) Альфредъ, франц. журналистъ и романистъ.

at nous n'avons jamais dévié. Ce n'était ni le nationalisme, ni le patriotisme — qui était au fond de notre religion : notre nationalité, notre patrie — était dans une série d'idées sociales que nous tâchions de propager, de réaliser. La Russie nous offrait un sol tout préparé pour une révolution économique. Dix ans avant l'émancipation des paysans nous avons prêché leur *droit à la terre*. Sur ce droit, et sur la commune autonome et éleclive — nous basons tout l'avenir de l'organisation sociale en Russie.

Maintenant je passe immédiatement à l'article qui a eu le malheur de nous diviser — pour un instant, comme nous en avons la conviction, conviction que nous puissions dans la plus parfaite pureté de notre conscience et la droiture de nos buts. Voici le résumé de l'article.

Ogareff dit: Il y a un crime qui se perpète par le gouvernement russe en Lithuanie. Après avoir sequestré le bien d'une partie des propriétaires fonciers, le gouvernement les oblige de les vendre — aux propriétaires *d'origine russe et allemande*.

„Nous ne pouvons pas empêcher la réalisation de cette iniquité répète plusieurs fois l'auteur, tâchons au moins de placer la question sur un autre terrain. Si les spoliateurs veulent forcément exproprier — pourquoi introduisent-ils l'élément corrompu des propriétaires russes et des intrigants allemands? Pourquoi les paysans les seuls ayant droit à la terre sont-ils exclus? Si les paysans de la localité ne veulent pas se cotiser, pourquoi ne proposerait-on pas cet achat aux paysans d'autres provinces“. C'est cette dernière partie de l'article qui a soulevé contre nous une réprobation qui nous chagrine profondément.

Et pourtant la proposition d'Ogareff est tout à fait logique, tout à fait conséquente à nos principes. Peut-être il était inopportun de le dire — et nous sommes navrés de douleur, que nous vous avons ajouté un moment de chagrin de plus dans votre grand deuil. Vous en êtes les juges et nous ne voulons pas continuer. Le droit absolu, inaliénable, de la nationalité polonaise a toujours été un dogme pour nous. S'il s'agissait des possessions nobiliaires en Russie nous aurions tenu un autre langage.

Il y a trois ans j'écrivai à Garibaldi: „l'Indépendance de la Pologne, c'est notre propre affranchissement. Le jour où la Pologne sera indépendante nous jetterons un voile sur le passé — et nous irons d'un pas ferme, chercher notre avenir et travailler à l'écroulement de cet empire — qui fait le malheur d'un sixième du globe terrestre.

Alors notre parole sera libre. Jusqu'à ce jour nous sacrifions sincèrement une partie de nos convictions comme profond hommage à notre sœur malheureuse et martyre.

7 nov. 1866.

Переводъ.

Нашимъ польскимъ братьямъ.

Въ нашихъ отношеніяхъ произошло тяжкое недоразумѣніе, намъ необходимо братски его разрѣшить. Вы рассердились изъ-за мнѣнія, высказаннаго однимъ изъ насъ. Мы хотимъ прибавить нѣсколько словъ въ поясненіе.

Съ 1853 наша дѣятельность шла рядомъ съ вашей; вы знаете ее отъ начала до конца. Съ первыхъ статей нашей русской пропаганды въ Лондонѣ мы ясно изложили свои принципы и ни разу не сбились съ пути. Ни націонализмъ и ни патриотизмъ не были въ основѣ нашей религіи; наша національность, наша родина содержались въ цѣломъ рядѣ социальныхъ идей, которыя мы старались распространять и осуществлять. Россія давала намъ почву, вполне готовую для экономической революціи. За десять лѣтъ до освобожденія крестьянъ мы проповѣдывали ихъ *право на землю*. На этомъ правѣ и на автономной и избирательной общинѣ основываемъ мы все будущее социальнаго строя въ Россіи.

Теперь я непосредственно перехожу къ той статьѣ, которая имѣла несчастье раздѣлить насъ, — на одинъ моментъ, какъ мы убѣждены. Это убѣжденіе мы черпаемъ въ полной чистотѣ своей совѣсти и въ прямотѣ своихъ цѣлей. Вотъ содержаніе статьи.

Огаревъ говоритъ: Есть одно преступленіе, совершаемое русскимъ правительствомъ въ Литвѣ. Произведя секвестрацію имущества нѣкоторой части помѣщиковъ, правительство заставляетъ ихъ продавать земли помѣщикамъ *русскаго и нѣмецкаго происхожденія*.

„Мы не можемъ помѣшать осуществленію этой несправедливости“, повторяетъ нѣсколько разъ авторъ, „постараемся, по крайней мѣрѣ, перенести вопросъ на другую почву. Если хищники хотятъ насильно экспроприировать, — почему они вводятъ продажный элементъ русскихъ помѣщиковъ и нѣмецкихъ интригановъ, почему исключены крестьяне, хотя только они и имѣютъ право на землю? Если мѣстные крестьяне не хотятъ покупать въ складчину, почему не предложить этой покупке крестьянамъ другихъ губерній?“ Вотъ эта-то послѣдняя часть статьи вызвала противъ насъ порицаніе, глубоко насъ огорчающее.

И, однако, предложеніе Огарева совершенно логично и вполне соответствуетъ нашимъ принципамъ. Можетъ быть, было несвоевременно говорить объ этомъ, и насъ терзаетъ боль отъ того, что прибавили еще печали къ вашему горю. Въ этомъ вы — судьи, и мы не хотимъ

больше говорить объ этомъ. Абсолютное, неотчуждаемое право польской національности было всегда для насъ догмой. Если бы дѣло шло о дворянскихъ помѣстьяхъ въ Россіи, мы говорили бы инымъ языкомъ.

Три года тому назадъ я писалъ Гарибальди: „Независимость Польши, это — наше собственное освобожденіе. Въ тотъ день, когда Польша станетъ независимой, мы набросимъ покрывало на прошлое и пойдемъ твердымъ шагомъ искать свое будущее и работать надъ сокрушеніемъ этой имперіи, дѣлающей несчастною шестую часть земного шара“.

Тогда наше слово будетъ свободнымъ. До тѣхъ поръ мы искренно приносимъ въ жертву часть своихъ убѣжденій, какъ дань уваженія къ нашей несчастной сестрѣ-мученицѣ.

7 нояб. 1866.

2912. Письмо къ С. Тхоржевскому.

10 novembre 1866.

Cher Monsieur Tchorzewsky,

J'ai un mal de dents terrible; pourriez vous m'obliger en allant prendre ma carte, ou m'inscrire pour les élections du demain. On les donne à l'Hôtel de Ville, Département de l'intérieur. Je vous envoie mon livret.

Recevez mes salutations empressées,

A. Herzen.

Переводъ.

10 ноября 1866.

Дорогой г. Тхоржевскій,

У меня страшно болятъ зубы. Вы очень обяжали бы меня, если бы взяли для меня удостовѣреніе личности или записали бы меня на завтрашніе выборы.

Удостоверенія выдаютъ въ рѣ..... въ отдѣлѣ внутреннихъ дѣлъ. Посылаю вамъ свою контрольную книжку.

Примите мой горячій привѣтъ,

A. Герценъ.

2913. ПИСЬМО КЪ М. Мейзенбургъ.

15 nov. (1866), jeudi.

Très chère florentine, j'ai reçu vos deux lettres. Primo rassurez-vous je n'ai jamais pensé à un enlèvement de Proserpine-Olga, mais peut-être je la prendrai pour une semaine à Nice — pour qu'elle reste un peu avec moi et un peu avec Lise. C'est un grand chagrin pour moi et pour Ogareff que l'étrange éloignement d'elle avec les enfants. Mais je ne peux rien et en vérité je tremble pour qu'elle ne soit gâtée par le desordonné de l'éducation et d'autant plus qu'elle a une nature hors de ligne par rapport à l'intelligence.

Par rapport à Olga — vous êtes toujours trop inclinée à voir les choses en beau. Sa lettre très bonne — au reste — montre que les leçons de Domengé n'ont pas produit de résultats visibles. Pas un mot sans fautes. Fixez votre attention sur cela. J'arrangerai les petites misères de finance. Certainement j'ai été mécontent plus de la manière que du fond de la lettre d'Alex., et il parle de N. — oui, les natures ne se changent que par des efforts de géants. Tout était prêt pour le départ entre le 20 et le 23 lorsque cette bourrasque polonaise nous est tombée sur la tête. Mon Dieu, quels pauvres sires. Dites à Tata que Stella s'est conduite avec une faiblesse et une absurdité telles qu'elle quitte Genève dans quatre jours pour ne plus revenir — D'un autre côté Czerniety s'est montré notre ami sincère — ainsi que le chauve Apollon. J'attends la protestation imprimée pour répondre et peut-être cela prendra encore une dizaine de jours.

Vous m'avez recommandé un suédois qui veut prendre l'appartement avec la bonne et la cuisinière. Cela ne serait pas mal, une économie de 700 francs almeno.

Woog va à Paris — pour faire visite à sa fille.

Je suis allé voter au palais électoral remplissant pour la première fois les devoirs d'un vrai citoyen Suisse. Vous lirez dans les journaux, qu'on s'est battu à coups de cannes et d'ardoises. — Tous les carreaux du palais sont cassés.

Adieu.

Переводъ.

15 нояб. (1866), четвергъ,

Дорогая флорентинка! Я получилъ оба ваши письма. Прежде всего, успокойтесь: я никогда и не помышлялъ о похищеніи Прозерпины-Ольги, но возможно, что я возьму ее на недѣльку въ Ниццу, чтобы она пожила немного со мною и немного съ Лизою. Меня и Огарева очень огорчаетъ странное отчужденіе Лизы отъ другихъ дѣтей. Но я ничего не могу сдѣлать и въ дѣйствительности трепещу при мысли, какъ бы ее не испортила безпорядочность ея воспитанія, тѣмъ болѣе, что она — выдающійся по своему интеллекту ребенокъ.

Что касается Ольги, то вы всегда слишкомъ склонны видѣть все въ розовомъ цвѣтѣ. Письмо ея, впрочемъ, очень хорошее, доказываетъ, что уроки Доманже не принесли видимой пользы. Нѣтъ ни одного слова безъ ошибокъ. Обратите на это ваше вниманіе. Я улажу ваши маленькія фанансовыя затрудненія. Конечно, я былъ недоволенъ болѣе формою, чѣмъ сущю письма Алекс., и онъ говоритъ о N! Да, природу можно измѣнить только гигантскими усилиями. Все было готово къ отъѣзду между 20 и 23 числами, какъ вдругъ на насъ, какъ снѣгъ на голову, налетѣлъ этотъ польскій шкваль. Боже, что за жалкіе люди! Передайте Татѣ, что Стелла велъ себя такъ бессмысленно и выказалъ такую безхарактерность, что онъ черезъ четыре дня покидаетъ Женеву съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться. Съ другой стороны, Чернецкій выказалъ себя искреннимъ нашимъ другомъ, такъ же, какъ и лысый Аполлонъ ¹⁾. Я ожидаю появленія протеста въ печати, чтобы отвѣтить, и возможно, что это займетъ еще дней десять.

Вы мнѣ рекомендовали шведа, желающаго снять квартиру вмѣстѣ съ горничною и кухаркою. Это было бы недурно — экономія въ 700 фр. по меньшей мѣрѣ.

Воогъ ѣдетъ въ Парижъ, чтобы навѣстить свою дочь.

Я пошелъ подать голосъ во дворцѣ для выборовъ, и этимъ въ первый разъ выполнилъ долгъ настоящаго швейцарскаго гражданина. Вы прочтаете въ газетахъ, что тамъ дрались тростями и грифельными досками. Всѣ стекла во дворцѣ разбиты ²⁾.

Прощайте.

¹⁾ С. Тхоржевскій.

²⁾ Выборы въ Женевѣ въ Большой Совѣтъ 11 ноября проходили очень бурно, благодаря ожесточенной борьбѣ радикаловъ съ индепендентами (независимые); было 14 раненыхъ; избраны 63 индепендента и 41 радикалъ.

2914. Письмо къ М. К. Рейхель.

20 ноября 1866.
7, Quai Mont Blanc.

Любезнѣйшая Марья Каспаровна!

Письмо я ваше получилъ въ Базель, отправилъ его къ Татѣ во Флоренцію да и не списалъ новаго адреса. — пишу по старому, и потому не увѣренъ, дойдетъ ли. Пришлите, если дойдетъ, новый адресъ; я имѣю вамъ послать новый томъ „Былого и думъ“, т.-е. три четверти стараго изъ „Пол. Зв.“, но есть и новое.

Тата и Ольга (завтра Ольгѣ 15 лѣтъ) во Флоренціи.

Тата пустилась въ пѣніе, учится у какого-то знаменитаго Пановка, о которомъ я никогда не слыхалъ. Я собираюсь въ началѣ декабря къ нимъ и пробуду тамъ январь.

Что изъ Россіи? Что Егоръ Иванов. — руина? Какъ все это сдѣлалось чѣмъ-то давно-давно прошедшимъ.

Противъ насъ здѣсь страшныя интриги со стороны поляковъ, для которыхъ мы столько сдѣлали. Я, впрочемъ, здоровѣю отъ этого.

Затѣмъ прощайте, кланяйтесь Рейхелю. Какъ же ему было не грѣхъ не завернуть въ Женеву?

Пришлите же адресъ.

Дружески жму вашу руку.

2915. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

(20—25 ноября 1866).

Chère Malvida,

C'est en qualité de votre ministre de l'intérieur et intendant des finances que je vous écris ce rapport et ce budget. Je cranis qu'avec la maison en commun — vous embrouillerez les comptes.

D'après mon plan

Vous devez recevoir avec Olga pour 1866 . . .	750
Tata pour les frais communs	500
Tata doit recevoir pour elle	150
J'envoie à Olga un cad.	50
Alex. n'a rien à recevoir pour 1866 et par contre à payer pour le loyer par ex. par an 700-800 donc pour les 4 mois	275

Après la nouvelle année pour la moitié de l'année 1867 (1 janv. — 1 juillet) je pourrais m'arranger de manière:

Alex. recev.	2,500
Vous et Olga	2,500
Tata	1,250

6,750 (outre les 1,500).

Vous avez à Florence 1,000 fr. — et j'enverrai au mois de janvier 2,750 (ou si Alex. prend avant, la moitié du restant).

Si Tata retourne au mois de mai — je défalquerai 2 mois. La quote-part d'Alex. dont les dépenses de la maison doivent être réglées par vous ensemble — il doit payer un peu plus que le quart de la somme dépensée en cuisine, éclairage, vin, charbons etc., etc.

Vous avez tout en règle d'une manière très régulière. Un extra pour les extras-comme chose extraordinaire dépend des circonstances.

Votre tout dévoué
intendant général.

Vous avez à recevoir 25 francs d'une rente italienne que j'ai.

Avec ce budget je dépose à vos pieds un petit cadeau noir que Tata vous remettra.

Votre ordre pour la petite montre sera exécuté.

„Au fond“ — je dirai comme Levasseur, je suis triste, très triste — un chaos, un dualisme me déchire. Tout ce que je voulais faire — ne se fait pas, tout ce que je construisait — donne des crevasses avant qu'on couvre le toit. La jeunesse dit que je suis aigri, intolérant parfois — cela peut être. Je voudrais les mettre dans ma peau. — Tout m'échappe même la santé d'Ogar. — sur cela les détails d'Alex.

Et l'orage autour, l'orage qui grandit — cela console. Nous reverrons encore des choses...

Encore un mot. Loug'nine demande encore une fois la main de Tata — j'ai bien étudié son caractère — c'est un des hommes les plus probes, les plus purs, les plus chevaleresques... mais... mais c'est à elle de décider.

J'ai soif de voir Olga, quoique je ne crois ni à vous ni à Domanger — ce n'est que le temps qui pourra remédier — Speriamo.

Je vous serre la main.

Переводъ.

Дорогая Мальвида,

Въ качествѣ вашего министра внутреннихъ дѣлъ и управляющаго вашими финансами представляю вамъ этотъ докладъ и бюджетъ. Боюсь, что при веденіи общаго хозяйства вы запутаете счета.

По моему предположенію,

Вы и Ольга должны получить на 1866	750
Тата на общіе расходы	500
Тата для себя лично	150
Посылаю Ольгѣ въ подарокъ	50
Алекс. за 1866 ничего не причитается; онъ, наоборотъ, долженъ уплатить за квартиру, напр., по 750—800 въ годъ; значитъ, за четыре мѣсяца	275

Послѣ Новаго года на половину 1867 г. (1 января — 1 іюля) я могъ бы устроиться слѣдующимъ образомъ:

Алекс. получить	2,500
Вы и Ольга	2,500
Тата	1,250

6,750 (за исключеніемъ 1.500).

Во Флоренціи у васъ 1000 фр., и въ январѣ я пошлю 2750 (или, если Алекс. возьметъ впередъ, половину остатка).

Если Тата вернется въ маѣ, я вычту за два мѣсяца.

Доля расходовъ по дому Алекс. должна быть опредѣлена вами совмѣстно; онъ долженъ уплачивать немного болѣе четверти суммы расходовъ по кухнѣ, освѣщенію, вину, углю и т. п.

Теперь у васъ все распределено совершенно правильно. А экстренное изъ экстреннаго, какъ вещь экстраординарная, зависитъ отъ обстоятельствъ.

Искренно вамъ преданный

Главноуправляющій финансами.

Вамъ причитается еще получить 25 фр. за италіанскую ренту, находящуюся у меня.

Вмѣстѣ съ симъ бюджетомъ повергаю къ стопамъ вашимъ маленькій черный подарокъ, который вамъ вручить Тата ¹⁾.

¹⁾ Томъ „Былого и думъ“.

Ваше приказаніе относительно маленькихъ часиковъ будетъ исполнено.

Въ сущности, я скажу, какъ Левассеръ: я грустенъ, очень грустенъ, меня раздрають хаосъ, двойственность. Все, что я желалъ бы сдѣлать, не дѣлается; все, что я ни строилъ, даетъ трещины раньше, чѣмъ удастся покрыть крышу. Молодежь утверждаетъ, что я озлобленъ и временами бываю нетерпимъ; возможно, что и такъ, но я желалъ бы имъ побыть въ моей шкурѣ. Все ускользаетъ отъ меня, даже здоровье Огар.; подробности объ этомъ узнаете отъ Александра.

А вокругъ буря, все растущая буря, — вотъ это утѣшаетъ. Мы кое-что еще снова увидимъ...

Еще одню слово. Лугининъ опять просить руки Таты. Я хорошо изучилъ его характеръ: это — честнѣйшій, чистѣйшій человекъ, настоящій рыцарь... но... но... рѣшать должна она.

Я жажду видѣть Ольгу, хотя я не вѣрю ни вамъ, ни Доманже; только время можетъ излѣчить. Будемъ надѣяться.

Жму вашу руку.

2916. Письмо къ сыну.

(20—25 ноября 1866).

Côté¹⁾ Alexandre.

Обрати все вниманіе на финансовую новость, о которой я пишу Мальвидѣ. Это до такой степени важно, что все должно подчиниться этой операци. Думаю, что я слажу съ домою Ротшильда въ Парижѣ, но для этого надобно ѣхать туда. Мнѣ приходило въ голову выписать тебя или дать rendez-vous въ Туринѣ. На июль поздно мѣнять итальянскую ренту, но для будущаго я хотѣлъ бы дать довѣренность тебѣ. Ты получалъ бы изъ Парижа 9,000 фр. въ годъ, бралъ бы свои 5,000 и передавалъ бы 4 тыс. Мальвндѣ въ счетъ. Дѣло американское важнѣе (оно пахнетъ потерей $\frac{1}{4}$ капитала) и мнѣ, саго пію, очень досадно, что ты оказался такъ совершенно безтолковъ въ твоихъ отвѣтахъ объ итал. фондахъ. На всякій случай имѣй въ виду, что, можетъ, я тебя выпишу. Если операция пойдетъ хорошо въ Америкѣ, я готовъ выдѣлить вамъ $\frac{1}{2}$ капитала, т.-е. каждому номинально 25 т. doll., и мы бы не толковали о деньгахъ — остальное раздѣлили бы пропорціонально. Это было мое всегдашнее желаніе²⁾.

1) Сторона. Письмо и было адресатами раздѣлено на части.

2) Опускаю нѣсколько строкъ, по желанію семьи Герцена.

Н. В. Пиши Авигдору, чтобъ онъ прислалъ тебѣ деньги 4,500, словомъ, всего $\frac{1}{2}$ пол. ренты. Изъ нихъ твоихъ только 1,500 фр., остальное отдай Мальвидѣ.

2917. Порядокъ торжествуетъ!

L'ordre régné à Varsovie!
Sebastiani¹⁾ (1831).

I.

Если Содомъ и Гоморра гибли такъ интересно, какъ гибнуть *старые порядки* въ Европѣ, я нисколько не дивлюсь, что Лотова жена не во-время обернулась, зная, что ей за это солоно придется.

Едва мы подходимъ къ концу 1866 года, такъ и тянетъ оглянуться.

Ну, годъ!.. *И въ гостяхъ, и дома* хорошъ онъ быть, бѣдностью событій его попрекнуть нельзя...

О Западѣ мы почти никогда не говоримъ. Безъ насъ о немъ говорятъ много и громко, онъ самъ говорить еще больше и еще громче, помощи нашей ему не нужно, перекричать его мы не можемъ. Къ тому же было время, мы высказали наше мнѣнiе до тла. Но событiя становятся до того крупны и рѣзки, несутся такъ быстро, что, по необходимости, передъ ними останавливаешься, повѣряешь и слычаешь думанное съ совершающимся.

Старый порядокъ вещей, упорно державшiйся на своихъ правахъ давности, сталъ распадаться съ отчаянной быстротой. „Гнилая рыба“²⁾, о которой говорилъ Гёте, валится кусками съ костей на первый случай въ прусскую каску. Хороша будетъ уха, сваренная въ ней!

Разложенiе *старого* мира — не пустая фраза, теперь въ этомъ трудно сомнѣваться. Характеръ органическаго разложенiя состоитъ именно въ томъ, что элементы, входящiе въ данное взаимное отношенiе другъ къ другу, дѣлаютъ вовсе не то, что они назначены дѣлать, что они хотятъ дѣлать, а это-то мы и видимъ въ Европѣ.

Охранительная сила, консерватизмъ гонитъ въ зашеи *законныхъ* королей и властителей, рветъ свои трактаты, рубитъ сукъ, на которомъ сидитъ.

Революцiя рукоплещетъ замѣнѣ глупыхъ и слабыхъ правительствъ сильнымъ военнымъ деспотизмомъ.

1) Горась, маршалъ Францiи, министръ иностран. дѣлъ времени реставрацiи, авторъ знаменитаго изреченiя въ 1831 г.: „Порядокъ царствуетъ въ Варшавѣ“.

2) Die Welt geht auseinander wie ein fauler Fisch 0). А. И. Г.

0) Миръ разлагается, какъ гнилая рыба.

Все дѣлается — въ этомъ единственный смыслъ реакціи — для прочности, покоя, равновѣсія, и всё чувствуютъ, знаютъ, что Европа, считая *прусскими иголками*¹⁾, сшита на живую нитку, что все завтра расплзется, что это не въ самомъ дѣлѣ, что въ самомъ дѣлѣ будущности міра, этого великаго, цивилизованнаго, историческаго міра, висить на ниткѣ и зависить, какъ въ сказкѣ о „Заколдованной розѣ“, отъ почекъ... но не розы... — а пятидесятивосьмилѣтняго чело-вѣка²⁾. Вотъ куда реакція спасла міръ. Міръ, стоявшій на трехъ китахъ, былъ прочнѣе.

Давно извѣстно да и Байронъ повторялъ, что нѣтъ чело-вѣка, кото-рый не обрадовался бы, услышавъ, что съ его другомъ случилось не-счастье, которое онъ предвидѣлъ и отъ котораго предостерегалъ. Относительно политическаго міра и это удовольствіе притупилось для насъ. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ насъ прозвали „Іереміями, плачущими и пророчащими на развалинахъ іюньскихъ баррикадъ“, и съ тѣхъ поръ каждый годъ сбывается что-нибудь изъ того, что мы пред-сказывали; сначала это льстило самолюбію, потомъ стало надоѣдать.

Былъ въ Европѣ больнои чело-вѣкъ³⁾, до него-то и добивался Николай Павловичъ, самъ не очень здоровый; теперь вся Европа — больница, лазаретъ и, главное, домъ умалишенныхъ. Она рѣшительно не можетъ переварить противорѣчій, до которыхъ дожила, не можетъ сладить съ переломленной революціей внутри, съ двойной цивилиза-ціей, изъ которыхъ одна въ наукѣ, другая въ церкви, одна чуть не двадцатаго столѣтія, а другая едва XV. Да и легко ли спать въ одно органическое развитіе буржуазную свободу и монархическій про-изволь, социализмъ и католицизмъ, право мысли и право силы, уголов-ную статистику, объясняющую дѣло, и уголовный судъ, рубящій го-лову, чтобъ она поняла.

Иной разъ кажется, будто Европа успокоилась, но это только кажется. Она въ своихъ задачахъ нигдѣ никогда не доходила до точки, а останавливалась на *точкѣ съ запятой*. Парижскій трак-татъ — точка съ запятой, Виллафранкскій миръ — точка съ за-пятой, завоеваніе Германіи Пруссіей — *семиколонъ*⁴⁾. Отъ всѣхъ этихъ недоконченныхъ революцій и передрагъ въ крови старой Европы бродитъ столько волнений, *страховъ и безпокойствъ*, что она не можетъ заснуть, а ей этого хочется. Лишь только она задремлетъ, кто-нибудь — добро еще Наполеонъ, а то Бисмаркъ — подниметъ такой трескъ и шумъ, что она, испуганная, вскакиваетъ

1) Пруссакн въ ту войну употребляли игольчатая ружья.

2) Бисмаркъ.

3) Турція.

4) Семіколон — точка съ запятой.

и спрашиваетъ: гдѣ горить и что?! И гдѣ-бы ни горѣло, и что бы ни горѣло, — погорѣлая она, кровь течетъ ея, деньги приплачиваются ею... Петръ I какъ-то отгаскалъ за волосы невиннаго арабченка, думая, что онъ его разбудилъ; въ Европѣ не только некому отгаскать виновнаго, но еще передъ нимъ всѣ становятся на колѣни. Оно, впрочемъ, и лучше, что есть будильники, а то и не такую бѣду наспаль бы себѣ мѣръ.

Люди по натурѣ безпечны и, не ударъ громъ, они и не перекрестятся, какъ говоритъ пословица. Человѣкъ завелъ садъ и жену, развелъ цвѣты и дѣтей, обманулъ всѣхъ сосѣдей, продавая имъ втридорога всякую дрянъ, обобралъ всю мышечную силу окрестныхъ бѣдняковъ за кусокъ хлѣба и, благодаря прочному, законами утвержденному порядку, легъ спать вольнымъ франкфуртскимъ купцомъ, а на другой день проснулся подданнымъ прусскаго короля, котораго всю жизнь ненавидѣлъ и котораго долженъ любить больше жены и цвѣтовъ, больше дѣтей и денегъ. Въ домѣ его бражничаютъ прусскіе драгуны, цвѣты его съѣли лошади, дѣтей съѣсть рекрутчина... Вотъ онъ и подумаетъ теперь, что ему обезпечило *государство и реакція*, въ пользу которыхъ онъ платилъ деньги, кривилъ душой, безъ вѣры молился и безъ уваженія уважалъ. вмѣстѣ съ нимъ подумаетъ и эта ватага калѣкъ переходящихъ, слѣпыхъ и безумныхъ королей Лировъ, пущенныхъ по міру въ оборванныхъ порфирахъ — не народами, а своимъ братомъ, Hohenzollern hochverschwistert¹⁾).

Другіе народы и другіе вѣнченосцы тоже подумаютъ теперь о смыслѣ и крѣпости *присяги, преданности престолу, о святости законныхъ династій*.

Потсдамскій лейбъ-пасторъ настроилъ молитву для ганноверскихъ церквей и заставилъ ихъ сегодня молиться за вчерашняго врага въ безконечно смѣшныхъ выраженіяхъ. Этого не дѣлалъ и Батый.

Кажется, что можетъ быть смѣшнѣе и нелѣпнѣе всего этого, а есть роль смѣшнѣе именно революціонеровъ.

Правительства, сколачивающія единства и сортирующія людей и области по породамъ не для составленія родственныхъ *группъ*, а для образованія сильныхъ, *единоплеменныхъ государствъ*, знаютъ, по крайней мѣрѣ, что дѣлаютъ; но помогающіе имъ, если не руками, то крикомъ и рукоплесканіями, революціонеры и эмигранты, понимаютъ ли они, что творять?

Въ атомъ-то безсмыслии и заключается одна изъ тайнъ той хаотической путаницы въ головѣ современнаго человѣка, въ которой онъ живетъ. *Старымъ умамъ*, въ ихъ логической лѣни, легче убивать

1) Высокородственнымъ Гогенцоллерномъ.

другихъ и быть ими убитыми, чѣмъ дать себѣ отчетъ о томъ, что они дѣлають, легче *вѣрить въ знамя*, чѣмъ разобратъ, что за войско за ними.

Они мечтали о *свободѣ, равенствѣ и братствѣ*, ими взбудоражили умы, но дать ихъ не умѣли и не могли. „Нельзя же все вдругъ да разомъ, и Римъ не въ одинъ день былъ построенъ“, а потому, для постепенности, они помирились съ реакціей на томъ, что, вмѣсто свободы лица, будетъ свобода государства, національная независимость, словомъ, та *свобода*, которою искони бѣ пользуются Россія и Персія. Все шагъ впередъ. Только жаль, что, вмѣсто равенства, будетъ племенное различіе и, вмѣсто братства, — ненависть народовъ, сведенныхъ на естественныя границы.

Въ 1848 году реакція явилась *реакціей*, она обѣщала порядокъ, т.-е. полицію, и порядокъ, т.-е. *полицейскій*, она возстановила. Но лѣтъ въ десять смирительный домъ безъ развлеченія надоѣлъ, безплодное, отрицательное знамя полицейскаго отпора и благоустройства износилось. И вотъ мало-по-малу начало показываться новое, какъ бы это сказать, земноводное, амфибическое знамя; оно водрузилось между реакціей и революціей, такъ что вмѣстѣ принадлежало той и другой сторонѣ, какъ Коссидьеръ — порядку и безпорядку. Освобожденіе національностей отъ чужеземнаго ига, *никакъ не отъ своего*, сдѣлалось общимъ бульваромъ враждебныхъ началъ.

Лопнувшія гранаты Орсини возвѣстили новую эпоху, и съ тѣхъ поръ пошли всякія чудеса: латинскій міръ въ Мексикѣ, австро-прусскій въ Даніи, Пруско-Австрія другъ въ другъ, завоеваніе Венеціи пораженіемъ Италіи на сушѣ и на морѣ; Франція, укрѣпляющая *противъ себя* рейнскую границу, присоединеніе поль-Германіи къ Пруссіи — къ государству безъ отечества, и которое должно бы было первое распуститься въ нѣмецкое *gesamntes Vaterland*¹⁾.

И, какъ всегда бываетъ, возлѣ крупныхъ событій несутся въ какой-то неистовой „пляскѣ смерти“ личности, случайности, подробности, отъ которыхъ волосъ становится дыбомъ.

Возьмите хоть эту женщину, переплывающую океанъ, чтобъ спасти поддѣльную корону своего мужа, которую она принимаетъ за настоящую *латинскую*²⁾. Родной братъ не даетъ ей наслѣдства отца, единственный покровитель пожимаетъ плечами и показываетъ ей статуи Кановы; она падаетъ въ обморокъ, и когда раскрываетъ глаза, передъ ней стоитъ *онъ* со стаканомъ воды, и она, уже полуповрежденная, съ крикомъ: „меня хотятъ отравить!“ бѣжитъ вонъ, бѣжитъ къ папѣ. Въ

¹⁾ Цѣлокупное отечество.

²⁾ Шарлотта, жена мексиканскаго императора Максимиліана-Фердинанда-Иосифа (1866).

Ватиканъ встрѣчаются эти два безсилія, эти двѣ лжи. Старикъ, которому скоро нѣчего будетъ благословлять „ни въ городѣ, ни во вселенной“, видя у ногъ своихъ полуразвѣнчанную вѣрующую въ него женщину, приходитъ въ бѣшенство. Она держитъ его за сутану и проситъ чуда, — грубый старикъ отталкиваетъ ее, осыпаетъ бранью, чтобъ скрыть, что у него нѣтъ чудотворной силы. Совсѣмъ сумасшедшую, ее везутъ изъ Ватикана, а она шепчетъ: „меня хотятъ отравить“.

Около выжившаго изъ ума старика и безумной летятъ осколки всевозможныхъ коронъ, большихъ и малыхъ, увлекая съ собой и другую стародавность, другую *подагру*, которую не могутъ поддержать ни чахлые эригерцоги, ни жирные монсиньоры.

На расчищенномъ мѣстѣ ставятся на зиму военные бараки. На этихъ бивакахъ будетъ продолжаться исторія.

Все разсортировано по зоологii и признано по національностямъ: одна заштатная Австрія отстала, не зная, какую кокарду прицѣпить къ надтреснутой коронѣ — *славянскую, нѣмецкую или венгерскую*. Догадаться, что она прежде всего федерация, и что она только путемъ федерации можетъ воскреснуть, не трудно, но не достаеъ мозговъ.

Этотъ актъ финала сыгранъ превосходно, быстро, отчетливо, съ поразительнымъ *ensemble*мъ.

Остались кой-какія „слабости“, до которыхъ не коснулись и которые предоставили роль маленькихъ звѣрьковъ, сажаемыхъ въ львиную клетку для обнаруженія великодушія „царя звѣрей“.

О, Ромье! забытый Ромье, какъ онъ былъ правъ, проповѣдуя необходимость противопоставить, какъ плотину, напору социальныхъ волнъ національные вопросы!

Но великодушіе великодушіемъ, надобно же знать и мѣру. До сихъ поръ одинъ *наружный* порядокъ былъ возможенъ... его подтачивали тысячи подземныхъ кротовъ, его подмывали тысячи подземныхъ ручьевъ. Что сдѣлаешь, пока рядомъ съ вольными типографіями есть желѣзныя дороги, пока легкость передвиженія и трудность преслѣдованія *за границей* помогаютъ другъ другу. Годъ тому назадъ парижскіе студенты ѣздили вмѣстѣ съ нѣмецкими въ Льежъ, въ нынѣшнемъ французскіе и нѣмецкіе работники сходились на совѣщаніе съ англійскими и швейцарскими въ Женевѣ¹⁾. Простая логика говоритъ, что Франція и Пруссія не могутъ, не должны терпѣть на европейскомъ континентѣ безъ явной опасности для себя, безъ вопиющей непослѣдовательности, — терпѣть на иномъ основаніи республикъ или свободныхъ

1) Въ сентябрѣ 1866 г. въ Женевѣ состоялся первый общій конгрессъ Интернационала.

государствъ, какъ терпѣлась безгласная республика Санъ-Марино и оперная Валь д'Андоррь ¹⁾...

Тутъ поневолю приходитъ на умъ такъ сильно грѣшащая противъ національной сортировки молитва:

Gott protège la Svizzera!²⁾

Да, Швейцаріи жаль, истинно, глубоко жаль!

Трудно, больно себѣ представить, что въковая, готическая свобода изгонится изъ ея ушелій, съ ея вершинъ, что на Альпахъ будутъ развѣваться прусскіе флаги и трехцвѣтное знамя французовъ. А, съ другой стороны, такъ ясно, что подобныя противорѣчія, при огромномъ неравенствѣ, рядомъ существовать не могутъ. Всѣ эти клочки свободныхъ государствъ, терпимые, какъ игорные и публичные дома, что разнымъ соображеніямъ, по разнымъ снисхожденіямъ, — то, какъ лайка между двумя камнями, то изъ боязни, чтобъ другая рука не протянулась за своимъ паемъ, — утратили свое право на слабость, свою привилегію на край гибели. Никакихъ соображеній, никакихъ уваженій не осталось. Франція и Пруссія до того сильны, что онѣ остановились: Франція не взяла береговъ Рейна, Пруссія не добрала всей Саксоніи, — все равно, все божье да ихъ, нынче не взято, завтра можно взять.

Одинъ кусокъ не по челюстямъ — Англія. Не даромъ Франція такъ рвется черезъ каналъ... привести въ порядокъ ненавистную страну съ ея ненавистнымъ богатствомъ...

Англія поблагоденствуетъ еще: въ ней будетъ уже не всемірная выставка, а всемірный складъ всего, до чего доработалась цивилизація; въ ней, дѣйствительно, увѣнчается и пышно развернется послѣдняя фаза средневѣковой жизни, свободы, собственности. Все это до тѣхъ поръ, пока туго понимающій, *но понимающій* работникъ выучитъ по складамъ, но твердо такія простыя правила, какъ „мало habeas corpus'a, надобно еще кусокъ хлѣба“, и французскій комментарий къ ней въ

1) „Le Val d'Andorre“ — комическая трехактная опера М. Saint-Georges въ музыкѣ Halevy, была поставлена въ Парижѣ въ 1860 г.

2) Когда въ Швейцаріи вводили одинаковую монету во всѣхъ кантонахъ, въ федеральномъ собраніи представился вопросъ: на какомъ языкѣ сдѣлать надпись кругомъ монеты, чтобъ не обидѣть ни одну изъ національностей. Одинъ изъ представителей, шутя, предложилъ вырѣзать: „Gott protège la Svizzera“³⁾ и этимъ кончилъ вопросъ. Собраніе велѣло чеканить монету безъ всякихъ фразъ, а просто съ означеніемъ цѣнности.

Не замѣчательно ли, что въ двухъ странахъ, въ которыхъ республика вошла въ жизнь и въ кровь — въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и въ Швейцаріи спасены вмѣстѣ нѣсколько народностей — одна состоитъ изъ всесвѣтныхъ пришельцевъ и бродягъ, другая изъ разноплеменныхъ союзниковъ.

³⁾

А. И. Г.

3) Боже, храни Швейцарію (всѣ слова на разныхъ языкахъ).

англійскомъ переводѣ: „У кого есть дубина, у того есть хлѣбъ! 1).

Да, смертельно жаль Швейцаріи; ея недостатки, ея грѣхи мы знаемъ, но, вѣдь, она не за нихъ будетъ наказана, а за то, что осталась свободная, федеральная, республиканская между двухъ деспотическихъ армій.

Смотримъ, смотримъ, откуда можетъ прійти спасеніе, и не видимъ.

Есть добрые люди, которые думаютъ, что французскій солдатъ остановится передъ святымъ словомъ „Республика“, передъ святыми Альпами, дававшими убѣжище его отцамъ и братьямъ. Въ прошломъ столѣтіи онъ смѣло переходилъ горы и рѣки, *съ нимъ была революція*, но во имя реакціи онъ не пойдетъ безславно душить кучку вольныхъ гражданъ...

Эти добрые люди не знаютъ, что такое французскій солдатъ нашего времени, воспитанный Алжиромъ, зуавами, туркосами...

Есть другіе хорошіе люди, которые думаютъ, что сама Швейцарія должна проснуться, забыть ежедневную суету, федеральныя и кантональныя сплетни, коммерцію горами и иностранцами и сдѣлать теперь *все то, что она сдѣлаетъ, но слишкомъ поздно*, т.-е. схватиться за карабинъ, кликнуть кличъ народнымъ массамъ сосѣднихъ государствъ и указать имъ весь ужасъ, грозящій отъ этихъ ново-вавилонскихъ и ассирійскихъ монархій. Конечно, это было бы недурно и во всякомъ случаѣ дало бы Швейцаріи хорошую, великую кончину...

Но кто же можетъ откликнуться?

Бельгія, что ли?.. Сила, нечего сказать.

Или ужъ не Австрія ли пойдетъ на деревяшкѣ выручать *свободу* міра съ побитыми войсками и побѣдоносными іезуитами?

И, въ сущности, какое дѣло народнымъ массамъ, что изъ нихъ составляютъ вавилонскую или ассирійскую монархію? Развѣ чрезполосица, урѣзки и прирѣзки Вѣнскаго конгресса были лучше? развѣ имъ было когда-нибудь лучше? о нѣмецкихъ мелкопомѣстныхъ короляхъ, герцогахъ и говорить нечего. Надобно прочесть рѣчь баденскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ камерѣ, чтобъ подивиться, какими разбойниками управлялись нѣмцы до тѣхъ поръ, пока не пошли на округленіе прусскихъ владѣній 2).

1) Мы просимъ нашихъ читателей вспомнить, что въ 1853 и 1854 мы предсказывали, что Европа придетъ къ этому съ своей реакціей, въ рядѣ писемъ подъ заглавіемъ: „Le vieux monde et la Russie“. А. И. Г.

2) Выведенный изъ терпѣнія нападками въ камерѣ, онъ разскажетъ, какъ Австрія и Баварія вступали съ Баденомъ въ союзъ и въ то же время тайно между собой приготовлялись присоединить Баденъ къ Баваріи... Слово „разбойникъ“ потому тутъ не идетъ, что разбойники между собою-то, по крайней мѣрѣ, честны... А. И. Г.

Правда, что массы и прежде возставали всегда безмысленно, но онъ бѣжали за какой-нибудь радугой, была какая-нибудь повальная мономанія, фанатическая вѣра, которая для нихъ дѣлалась дороже семейнаго крова и своей жизни. Гдѣ теперь эта радуга, это слово, этотъ идеаль? Швейцарець будетъ защищаться въ своихъ горахъ, какъ левъ, какъ вепрь, до послѣдней капли крови: онъ будетъ защищать свое, стародавнее, родное, онъ знаетъ, что отстаивать. Ну, а другимъ что за дѣло? Другіе просто не поймутъ; да и, въ самомъ дѣлѣ, какъ понять, когда для защиты человѣческихъ правъ приходится становится съ... *австрийской стороны*...

Хорошъ сумбуръ, къ которому привела спасительная *реакція* нашихъ западныхъ стариковъ, зато:

*Революція — побѣждена,
Красные — побѣждены,
Соціализмъ — побѣжденъ,
Порядокъ — торжествуетъ,
Тронъ — упроченъ,
Полиція — сажаетъ,
Судъ — казнить,
Церковь — благословляетъ..*

Радуйтесь и благословляйте, въ свою очередь!

Стало, такъ-таки просто — голову въ перья и ждать, когда бѣда разразится?

Бѣда-то разразится, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но головы прятать не нужно. Лучше самоотверженно ее поднять, прямо посмотрѣть въ глаза событіямъ да и въ свою совѣсть к стати.

Событія столько же создаются людьми, сколько люди событіями; тутъ не фатализмъ, а взаимодействие элементовъ продолжающагося процесса, безсознательную сторону котораго можетъ измѣнять сознание. Историческое дѣло — только дѣло живого *пониманія* существующаго. Если десять человѣкъ понимаютъ ясно, чего тысячи темно хотятъ, тысячи пойдутъ за ними. Изъ этого еще не слѣдуетъ, что эти десять поведутъ къ добру. Тутъ-то и начинается вопросъ совѣсти.

На какомъ основаніи Наполеонъ и Бисмаркъ ведутъ Европу? *что они поняли?*

Наполеонъ понялъ, что Франція *измѣнила* революціи, что она остановилась, что она испугалась; онъ понялъ ея *скудость* и то, что все остальное подчинено ей. Онъ понялъ, что старое, сложившееся общество, въ которомъ сосредоточены дѣятельныя силы страны, всѣ вещественныя и невещественныя богатства, хочеть не свободы, а ея

представительной декорации, съ полнымъ правомъ d'user et d'abuser¹⁾. Онъ понялъ, что новое общество, идущее прямо къ социальному перевороту, ненавидитъ старое, но безсильно. Онъ понялъ, что масса не знаетъ ни того, ни другого и внѣ Парижа да двухъ-трехъ большихъ центровъ живетъ готическими фантазіями и дѣтскими легендами. Онъ все это понялъ посреди шума и возгласовъ оканчивающейся республики 1848 года, посреди самонадѣянныхъ притязаній разныхъ партій и неугомонной оппозиціи, оттого-то онъ и молчалъ и выжидалъ, когда „груша поспѣетъ“.

Съ своей стороны, и Бисмаркъ не хуже Наполеона оцѣнилъ своихъ филистеровъ; на лавкахъ франкфуртскаго парламента ему былъ досугъ ихъ разкусить. Онъ понялъ, что нѣмцамъ политическая свобода столько же нужна, сколько реформація имъ дала религіозной, что и эта свобода имъ нужна только der Theorie nach²⁾, что они власти повиноваться привыкли, а къ строгой англійской самозаконности вовсе не привыкли. И этого было бы довольно; но онъ больше понялъ: онъ понялъ то, что въ настоящую минуту нѣмцы снѣдаемы завистью къ Франціи, ненавистью къ Россіи, что они бредятъ о томъ, чтобъ быть сильнымъ государствомъ, сплотиться... зачѣмъ?... если-бъ это можно было объяснить, тогда это не было бы помѣшательствомъ. Итальянская unita³⁾ спать не давала нѣмецкому Einheits⁴⁾ патосу. Что выйдетъ изъ итальянской unita, мы не знаемъ, но необходимость ея, для того, чтобъ прогнать австрійцевъ, Бурбоновъ и папу, очевидна. Нѣмцы не для своего освобожденія хотѣли единства, а съ агрессивной цѣлью; ихъ столько обижали, что имъ самимъ захотѣлось обидѣть другихъ. Бисмаркъ все это понялъ... Опозоривши, унизивши народное представительство въ Берлинѣ до той степени, до которой въ исторіи нашего вѣка не доходило ни одно правительство, онъ присмотрѣлся: народъ молчитъ. А... если такъ... — патріотическій вопросъ о Шлезвиг-Голштейнѣ впередъ и давай бить датчанъ. Вся Германія рукоплескала неравному бою. Нѣмецкіе выходцы въ Лондонѣ, въ Нью-Йоркѣ, Парижѣ праздновали побѣды *Австріи и Пруссіи*. Послѣ этого опыта нечего было бояться, нечего церемониться, — маска долой, и Бисмаркъ изъ Германіи пошелъ сколачивать имперію пруссаковъ, употребляя на пыжи ключья изорванной конституціи. „Вы хотѣли сильнаго государства, — вотъ вамъ оно, Франція съ нами теперь считается... Вы хотѣли униженія Австріи, — мы вамъ ее забили почти

1) Пользоваться и злоупотреблять.

2) Въ теоріи.

3) Единеніе.

4) Единеніе, объединеніе.

до возрождения: — „Liebchen, was willst du den mehr?“¹⁾ „Свободы, графъ, свободы!“ — Ну ужъ это извините, да вамъ ея и не нужно. Пользуйтесь вашимъ величіемъ, молитесь за будущаго императора пруссовъ и не забывайте, что рука, которая раздавила цѣлья королевства, раздавить всякую неблагодарную попытку съ вашей стороны съ неумолимой строгостью. Sie sind entlassen meine Herrn! ²⁾

Если отрѣшиться отъ нашихъ симпатій и антипатій, забыть, что намъ лично дорого и что ненавистно, то особенно кручиниться о томъ, что дѣлается въ Европѣ, врядъ ли придется. Военная диктатура и незаконная имперія ближе къ выходу, чѣмъ традиціонныя королевства и законныя монархіи. Въ нихъ Европа не застрянетъ, а подведется къ одному знаменателю... а перегоритъ и миромъ или войной дойдетъ до страшной пустоты. Эта пустота и будетъ могилой всего отжившаго.

Прудонъ какъ-то съ ужаснымъ безчеловѣчiemъ упрекалъ Польшу, что „она не хочетъ умирать“. Мы гораздо справедливѣе можемъ это сказать о *старой* Европѣ. Она всѣми силами удерживается въ жизни, а болѣзнь, а смерть все подвигаются. Сознаніе, мысль, наука и всѣ ея приложенія давно переросли готическія и мѣщанскія формы стараго государства. Духъ въ разладѣ съ тѣломъ; изнуренное, узкое и полное недуговъ, оно сковываетъ его. Французская революція 1789 года тогда еще испугалась этого, и оттого вся сбилась въ войну и политику; она рада была внѣшнимъ занятіямъ, и изъ „правъ человѣка“ развился кодексъ *мѣщанскаго права*.

Какъ ни была шатка и блѣдна революція 1848, но и она сильно рванулась продолжать прерванное политикой перерожденіе, и тутъ-то началась послѣдняя борьба умирающаго старика, отстаивающаго дни свои, вооруженнаго цѣлымъ арсеналомъ вѣковыхъ оружій, съ отрокомъ сильнымъ одной мыслью, одной вѣрой, одной истиной, который въ первой схваткѣ пустилъ пращу и не попалъ. Кажется, чего лучше: старый Голиаѳъ побѣдилъ, — а умираетъ-то онъ, а не отрокъ; еще два-три такихъ судорожныхъ припадковъ кроваваго бѣшенства, какъ окончившаяся война, еще два-три геройскихъ лѣченія доктора Бисмарка, — и больному нечего бояться ни испанской чахотки, ни голландской водяной...

Но, вѣдь, можетъ же онъ передъ смертью придушить мальчишку, дерзко напоминающаго ему, что пора умирать?

Можетъ, хотя это далеко невѣрно.

Что же тогда?..

1) Чего же тебѣ еще надо, милая.

2) Можете итти, господа!

Идеи сѣются не въ землю. Наука, мысль — не glebae adscripta, не *крѣпки почвы*.

... Нѣтъ мѣста евангелію въ Іудеѣ, — его несутъ въ Римъ, его проповѣдуютъ варварамъ; нѣтъ молодому работнику простора въ отеческомъ домѣ, на родныхъ поляхъ — онъ уйдетъ въ Америку... не знаю куда...

Мы это говоримъ не въ первый разъ, но считаемъ необходимымъ иногда повторять и особенно необходимымъ повторить теперь, когда у насъ все покрыто такими темными тучами, и все такъ быстро, быстро приуныло.

II.

Да, но онъ обманулъ, онъ не сдержалъ слова, онъ не далъ покоя, онъ не далъ мира, онъ не далъ жизни, а продолжалъ смерть; онъ отвелъ глаза отъ опасности, замаскировалъ пропасть декорациями и самой войной не достигъ ни до какой прочности. Лишь только умоляли барабаны, поднимается прежнее негодование, и тотъ же грозный вопросъ: „что мы сдѣлали съ Авелемъ?“ раздается въ ушахъ стараго міра, призывая его къ страшному суду.

Приходится сложить *биланъ* ¹⁾, но задача ликвидаціи *старой фирмы* ужасно сложна, слишкомъ много всякаго добра, нажитаго потомъ и кровью, наслѣдственнаго и купленнаго на трудовую копѣйку. Какъ бы ни была очевидна *справедливость*, но трудно же безъ боя и сопротивленія все пустить съ молотка. Проволочками, паліативами ищетъ старый домъ отдалить банкротство.

Только двѣ страны изъ всѣхъ, вступившихъ въ большое русло, состоятъ на особыхъ правахъ у исторіи и иначе обращены къ будущему.

Ихъ задача проще.

Ихъ положеніе менѣе сложно.

Ихъ не тревожитъ въ настоящее время „ненужное воспоминаніе и неразрѣшимый споръ“ ²⁾.

О Сѣверо-Американскомъ союзѣ нечего хлопотать, онъ выплыветъ на всѣхъ парусахъ, au large ³⁾.

¹⁾ Bilan — баланс, сведеніе счетовъ.

²⁾ Много разъ приводили мы эти превосходные стихи Гете объ Америкѣ:

Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit,
Unnützes Erinnern
Und vergeblicher Streit ⁴⁾.

А. И. Г.

³⁾ Въ открытое море.

⁴⁾ Безполезныя воспоминанія и напрасныя споры не тревожатъ твоего настоящаго.

Россія еще легче могла бы найти свой фарватеръ, но она сбилась съ дороги за какими-то туманами, сама выдумала себѣ обязательное прошедшее, сама потопила старые корабли, набросала камня въ своею морѣ и бонтся ударить весломъ.

Силы и время тратятся по пустому.

У правительства недостатокъ *пониманія*, у насъ — *вѣры*.

Весь успѣхъ нашей, вновь испеченной изъ затхлой европейской муки, реакціи основанъ на этомъ.

Объяснить что-нибудь правительству — гигантскій подвигъ, за который мы не возьмемся; оно скорѣе набредетъ темнымъ инстинктомъ, натолкнется ошущю на дѣло, чѣмъ что-нибудь пойметъ.

Намъ хочется другого, — очистить снова нашъ основной вопросъ отъ всего хлама и ила и сказать падающимъ въ вѣрѣ друзьямъ нашимъ то, что сказалъ своимъ товарищамъ Сіэйесъ послѣ знаменитого „Allez dire“ ¹⁾ Мирабо: „Мы сегодня то же, что были вчера — будемъ продолжать“.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я долго бесѣдовалъ съ однимъ старцемъ. Онъ *половину* своего слишкомъ шестидесятилѣтняго существованія провелъ въ тюремномъ заключеніи; его гнали всю жизнь, гонять теперь, не только враги, но свои. Человѣкъ этотъ забытый въ тюрьмѣ, явился въ 1848 изъ могилъ Mont Saint-Michel'я какимъ-то привидѣніемъ среди ликованій февральской революціи и когда отъ него ждали радостнаго привѣта, крика восторга, онъ громко сказалъ: „*мы тонемъ*“, и толпа, выпустившая его изъ тюрьмы, отступила отъ него, какъ отъ злодѣя, какъ отъ юридиваго или зачумленнаго... „*И топите насъ вы, а не враги наши*“, продолжалъ онъ. Его посадили опять въ клѣтку и, пользуясь его заключеніемъ, оклеветали его, а *республика потонула, и потопили ее они*.

Новая пятнадцать лѣтъ смотрѣлъ онъ изъ-за тюремныхъ рѣшетокъ на гибель всѣхъ начинаній, всѣхъ упованій; сѣдой, какъ лунь, вышелъ онъ на этотъ разъ изъ тюрьмы; старика встрѣтила прежняя ненависть, прежняя злоба, и сломленный физически, въ страшной бѣдности, въ совершенномъ одиночествѣ исчезъ онъ въ горахъ, внѣ своей родины.

Старикъ этотъ — *Огюсть Бланки*.

Нѣкогда грозный трибунъ, потрясавшій массы, заставлявшій блѣднѣть своихъ судей съ лавки обвиняемыхъ, сталъ тихъ, его рѣчь, полная мысли, стала мягче, сдержаннѣе, но когда я съ недоверіемъ отозвался о роли Франціи, глаза его сверкнули. — „Европѣ одно спасенье — Парижъ... подавленный, молчащій Парижъ... вы не знаете,

1)

что бродить и зрѣть въ парижскихъ массахъ... парижскій работникъ выручить Францію, Республику... всю Европу". И какая-то юная улыбка показалась на губахъ его. Онъ всталъ — худой, сѣдой, однѣ кости и кожа — прошелся по комнатамъ и молча остановился, глядя вдаль, потомъ покачалъ головой и сказалъ: „Если я не очень скоро умру, я еще увижу это, а вы и подавно“. Вотъ онъ — апостоль Петръ, Кальвинъ, Сень-Жюсть, наши старцы 14 декабря, „каторжные вѣры“, какъ выразился Кокрель о гугенотахъ... Миѣ представился умирающій Ворцель и еклоненный къ его изголовью Маццини.

Да, это — та вѣра, которая двигаетъ горы, которой чудотворную власть едва можно измѣрить, которая больному говорить: „Возьми одръ твой и иди за мной“ -- и больной идетъ!

Бланки ушелъ. Я былъ подавленъ имъ, и что-то темное всплыло на душѣ... На столѣ лежала книга; я ее взялъ, увѣренный, что найду ложь, грязь, клевету, и не могъ отъ нея оторваться: другой рядъ мучениковъ, неусыпныхъ дѣятелей, юныхъ и старыхъ бойцовъ явился передо мной ¹⁾. *Виленская* официальная литература поставила удивительный памятникъ *польской эмиграціи*. Даже съ точки зрѣнія сѣзжей и съ мирозозерцаіемъ квартальныхъ надзирателей она велика вѣрой и любовью, настойчивостью и несокрушимостью. Обвинительный тонъ памфлета, грубая выраженія и грубая насмѣшки надъ преданностью и несчастьемъ, даже безграмотный языкъ, какъ будто съ большей рельефностью представляютъ эту геройскую кучку, этотъ эссе ното, заушаемый и въ терновомъ вѣнкѣ. Съ 1831 до 1863 она работаетъ, работа рушится; она начинается вновь — она рушится опять; она опять начинается. Правительства, давшія ей убѣжище, такъ же тѣснятъ ее, какъ тѣ, которыя отогнали ее отъ границъ своихъ; она теряетъ лучшихъ людей, скитается изъ страны въ страну и нигдѣ не привыкаетъ, и отовсюду только *возвращается* въ свою родину, неся въ груди неисторгаемую вѣру въ наступающее ея освобожденіе и готовность лечь за нее костями.

Отчего же у насъ такъ мало вѣры, отчего наша вѣра такъ слаба? Отчего такъ многіе у насъ повѣсили голову и опустили руки при первой неудачѣ, при первыхъ несчастныхъ опытахъ, не давая *себѣ отчета даже въ томъ, что не ошибочно ли сдѣланы они были?*

Неужели для того, чтобъ вѣрять *великой вѣрой*, нужно отчаянное положеніе или мистическое помѣшательство?

¹⁾ „*Польская эмиграція до и во время послѣдняго мятежа*“ (изъ „Вѣстника Западной Россіи“), Вильно, 1866. Мы когда-нибудь еще возвратимся къ этому кому грязи, такъ замѣчательно не попавшему въ цѣль. А. И. Г. ⁹⁾

⁹⁾ Извлеченія даны въ т. XVI, стр. 445—449. ¹

Что, въ самомъ дѣлѣ, перемѣнилось въ нашемъ внутреннемъ простѣ?.. Мы проходимъ темною четвертью мѣсяца, въ ненастной ночи совершаются ужасы, говорятся мерзости, — вотъ и все; но гдѣ же характеръ прочности, необходимости, живучести этого явленія? гдѣ наткнулись мы на предѣлъ, на родовую ограниченность, на племенную неспособность? какіе элементы *общей надежды* разрушились, оказались ложными? Изслѣдовали ли мы *силу*, насъ побѣдившую, и причину, почему она такъ легко насъ побѣдила? Спросонья, безъ опредѣленной цѣли, на новомъ для насъ перепутьи мы быстро увлекаемся въ ту или другую сторону, потому что не имѣемъ опредѣленной дороги, и увлекаемся *такъ* — по англійскому выраженію *by and by* ¹⁾ — и оттого тотчасъ готовы итти назадъ, въ сторону. Споткнувшись, мы впадаемъ въ отчаяніе, мы натягиваемъ невѣріе, чтобы сорвать сердце и равнодушіе, чтобъ отмстить за боль. Это короткое дыханіе, эта способность *измѣны* доказываютъ, что все бывшее — *одно введеніе*, что это — еще не „служба, службишка, а служба будетъ впереди“.

Борьба у насъ едва завязывается, едва обозначается.

Самой реакціи нѣтъ полныхъ *пяти лѣтъ*. Пали великія жертвы, цѣлый народъ, не хотѣвшій быть съ нами зарѣзанъ. Муравьевъ былъ великимъ человѣкомъ и Катковъ великимъ писателемъ, — общество заявило себя мерзѣе Муравьева и Каткова вмѣстѣ; крѣпостники подняли голову съ наглостью; честное, независимое слово задавлено; люди пошли на каторгу по фальшивымъ документамъ; судъ надъ врагами существующаго порядка дѣлался въ непроницаемой тайнѣ; правительство, запершись на ключъ, судило само въ своемъ дѣлѣ, противно началамъ имъ признаннымъ; смертная казнь, незаконно введенная, сдѣлалась чѣмъ-то обыденнымъ; гражданскихъ преступниковъ судятъ офицеры, утверждаютъ генералы, разстрѣливаютъ солдаты, какъ будто, всякій человѣкъ дѣлается *военнымъ*, какъ только кого-нибудь зарѣжетъ или ограбить.

Все это печально и наполовину ненужно даже съ *ихъ* точки зрѣнія. Но развѣ можно было ждать, что *это* правительство, послѣдній плодъ, выращенный въ оранжереяхъ Зимняго дворца, поступить дѣльно и безстрастно, что оно поступитъ умно и человѣчески? Развѣ можно было ждать, что общество, составленное изъ людей, выросшихъ въ развратѣ помѣщичьей жизни, привыкнущее съ дѣтскихъ лѣтъ къ самоуправству и рабству, къ зрѣлищу страданій и истязаній, что общество, воспитавшееся на взяткахъ и ябедахъ, въ канцеляріяхъ и шемякинскихъ судахъ, что общество, составленное изъ дѣйствующихъ лицъ Островскаго, изъ звѣрница „Темнаго царства“, поступитъ умно и человѣ-

¹⁾ Скоро, сейчасъ

чески? что оно, как Савль, ослѣпнеть негодяемъ и прозрѣть апостоломъ?

Нельзя же было ждать, чтобъ Александръ Николаевичъ, заснувъ за чтеніемъ „Что дѣлать?“ или „Колокола“, проснулся бы съ рьянымъ желаніемъ отдать землю народу и начать въ Зимнемъ дворцѣ женскія и мужскія мастерскія.

Тогда и борьба была бы не нужна, достаточно было бы чуда.

Въ мрачномъ зданіи петербургскомъ, дѣйствительно, повѣяло другимъ воздухомъ, тамъ-сямъ явились вѣхи и заглавія, посулы и намѣренія, но, съ другой стороны, старая николаевская плющильная машина осталась и была въ полномъ ходу.

Прессъ, которымъ сдавливалась каждая человѣческая мысль въ головѣ въ продолженіе тридцати лѣтъ, былъ тутъ; все осталось цѣло — армейское управленіе гражданской частью, барская олигархія, подьяческая бюрократія. И вы мечтали, что со всѣмъ этимъ правительство сдалось бы безъ боя, такъ, какъ думали московскіе и петербургскіе либералы-помѣщики, что стоитъ потребовать la charte ¹⁾, такъ государь тотчасъ ее и закажетъ Буткову или Корфу.

Въ правительственной жизни русской одинъ новый элементъ развился въ послѣднее время, и его мы цѣнимъ очень дорого, это — царскій языкъ, безпрестанно болтающій, это — полиція, справляющая свои нужды съ трещеткой въ рукахъ, это — литературная декастерія, ежечасно поддерживающая царское величіе и православную святость, это — вольнонаемная и временно-обязанная журналистика, защищающая престоль-отечество...

Этотъ шагъ въ грязь — огромный шагъ впередъ.

Грязь высохнетъ и отстанетъ, но замолчать нельзя будетъ. Жаль грубое, невѣжественное уничтоженіе честныхъ органовъ, но намъ было бы вдвое жаль, если бы упразднились безчестные органы.

Не то важно, *что* правительство говорить, а то, почему оно говорить. Оно говорить потому, что у него *въры нѣтъ*. Оно чувствуетъ потребность не только другихъ, но и себя убѣдить, что оно *сильно* попрежнему, очень *сильно*. Будь у него николаевская самоувѣренность, оно стало бы разить, не раскрывая рта. Оно говорить потому, что *боится*. Въ безотвѣтной нѣмотѣ, окружающей его, что-то не то, что было прежде, — слышна мышь бѣготня исторіи...

А мы молчимъ, снѣдаемые, въ свою очередь, невѣріемъ и страхомъ.

Изъ этого нелѣпаго положенія надобно выйти. Боясь моря, мы страдаемъ отъ качки, удерживаясь на одномъ мѣстѣ въ какомъ-то не-

¹⁾ Хартія вольностей.

возможномъ равновѣсіи. Счастье наше, что корабль не идетъ ни назадъ, ни на мель не садится.

„Да что намъ дѣлать? Говорите определеннѣе, формулируйте“.

Требованіе отъ насъ, чтобы мы формулировали нашу мысль о русскомъ дѣлѣ, повторяется довольно часто. Оно удивительно и заставляетъ насъ невольно улыбнуться наивному доказательству того невниманія и той небрежности, съ которой люди, вообще, читаютъ. Вся наша дѣятельность, вся наша жизнь была только *формулированіемъ одной мысли, одного убѣжденія*, именно того, о которомъ спрашиваютъ. Можно сказать, что мы всю жизнь ошибались, можно сказать, что наша мысль гибельна и убѣжденіе нелѣпо, но сказать, что мы нашего воззрѣнія *не формулировали*, съ общечеловѣческой логикой и памятью въ головѣ — *нельзя*.

Можетъ, подъ „формулами“ друзья наши понимаютъ, какъ французы, *рецепты*, то-есть впередъ данныя снадобья и приказы, какъ поступать въ такомъ случаѣ и въ такомъ. Дѣйствительно, у насъ такихъ формулъ нѣтъ, да ихъ и не нужно. Серьезныя рецепты импровизируются на общихъ основаніяхъ науки и на частномъ изслѣдованіи данного случая.

Усвойте себѣ общій взглядъ, общую формулу, и вы почти никогда не ошибетесь въ частномъ приложеніи... если не измѣните ей сознательно или безсознательно.

Итакъ, прежде чѣмъ продолжать нашъ обзоръ, протвердимъ еще разъ нашу алгебру.

Для этого намъ необходимо, прежде всякаго формулированія, напомнить кое-что изъ *школьныхъ тетрадей*. Все, что мы хотимъ сказать, очень не ново... даже чрезвычайно старо, но, не имѣя въ виду этого стараго, можно легко сбиться. Всякая формула ничего не значитъ безъ яснаго пониманія элементовъ, изъ которыхъ она составлена.

Животныя, достигая возможнаго органическаго совершенства, останавливаются на немъ, повторяясь, или продолжаютъ исподволь примѣняться къ средѣ, оставляя въ наслѣдство измѣненные или улучшенные органы. Человѣкъ отличается отъ животныхъ *исторіей*: характеръ ея въ противоположность животному развитію состоитъ въ преемственности больше или меньше сознательныхъ усилій для устройства своего быта, въ наслѣдственной, родовой усовершенности инстинкта, пониманія, разума при помощи памяти.

Ясно, что стадная жизнь составляетъ такое же необходимое условіе историческаго развитія, какъ и самыя лица.

Начало исторіи — непокорность лица поглощающей его семьѣ, стремленіе стать на свои ноги и невозможность на нихъ удержаться. Плеченнымъ безразличіемъ замыкается животный міръ. Міръ человѣ-

ческой въ *библии* начинается *грѣхопаденіемъ* и *убійствомъ*, разрушающимъ семейную связь, то есть постановленіемъ своей воли выше заповѣди и выше перваго условія сожитія.

Своеволю и законъ, лицо и общество и ихъ *нескончаемая* борьба съ безчисленными усложненіями и варіаціями составляютъ всю эпопею, всю драму исторіи. Лицо, которое только и можетъ *разумно* освободиться въ обществѣ, бунтуетъ противъ него. Общество, не существующее безъ лицъ, усмиряетъ бунтующую личность.

Лицо ставитъ себя цѣлью.

Общество — себя.

Этого рода антиноміи (намъ часто приходилось говорить объ нихъ) составляютъ полюсы всего живого; онѣ неразрѣшимы, потому что, собственно, ихъ разрѣшеніе — безразличіе смерти, равновѣсіе покоя, а жизнь — только *движеніе*. Полной побѣдой лица или общества исторія окончилась бы хищными *людьми* или мирно пасущимся стадомъ...

Руссо, говорящій, что человекъ родился *быть свободнымъ*, и Гете, говорящій, что человекъ не можетъ *быть свободнымъ*, оба правы и оба неправы.

Личность не могла оторваться отъ общества, общество не могло закабалить лица, но притязанія свои они подняли на высшую сферу — въ сферу *права*. Оно разработалось всей новой исторіей, всѣмъ европейскимъ развитіемъ:

до юридической самосохранности въ Англии,

до правъ человека въ 1789,

до правъ разума въ наукѣ.

Съ другой стороны, власть противопоставила не только свое право, но и свою *силу*, основанную не отвлеченномъ понятіи государства, какъ цѣли личностей, на античномъ *salus populi*¹⁾, на христіанскомъ порабоженіи личной совѣсти совѣстью общественной.

Теоретически освобожденная личность очутилась въ какой-то логической, отвлеченной пустотѣ; слабая практически, она стала лицомъ къ лицу передъ правительственной силой, опертой на государство и церкви.

Волна индивидуализма дошла до перегиба.

Права лица и мысли остаются приобрѣтеніемъ мимическимъ, книжнымъ, великимъ, какъ догматъ, ничтожнымъ, какъ приложение. Между ними и ихъ осуществленіемъ, какъ непреходимая пропасть, *бѣдность и невѣжество*. Личности мало правъ, ей надобно *обезпеченіе и воспитаніе*, чтобы воспользоваться ими. Человекъ, не имѣю-

1) Благо народа.

щей собственности, безличень. Право на ея приобрѣтеніе несостоятельно. Одна артель можетъ выручить неимущаго. Артель основана на круговой порукѣ, на *пожертвованіи* части личности для общаго дѣла:

Съ собственности готической, аристократической, феодальной, цеховой, городской сняты всѣ тяги, она не несетъ на себѣ никакихъ *обязанностей* относительно бѣдныхъ массъ и, вообще, никакихъ, кромѣ обязанности найма сторожей въ свое охраненіе, судей въ свое оправданіе. Милостыня, которую даютъ нищей братіи, состраданіе къ нимъ — чувство хорошее, но не обязанность относительно нуждающихся. Съ тѣхъ поръ, какъ массы поняли это, онѣ не поддерживаютъ политическаго, революціоннаго движенія и враждебно смотрятъ на мѣщанство, главнаго представителя индивидуализма. Боясь ихъ, мѣщанство ищетъ опоры и защиты въ правительствѣ,* опертомъ на невѣжество тѣхъ же массъ. Отсюда неслыханная ни въ какія времена сила новыхъ полицейскихъ правительствъ

Выходъ одинъ. Его указала Франція, второй разъ принимая міродержавную инициативу. Соціальный вопросъ, поставленный ею — *открытый вопросъ* для всей Европы.

Устранить его невозможно, разрѣшить его на пути національномъ, политическомъ, на пути реформъ, замѣняющихъ меньшимъ зломъ большее, невозможно; тутъ не поможетъ ни итальянская *unità*, ни Бисмаркова Пруссія, ни даже *manhood suffrage*¹⁾ въ Англии.

Между Европой и Азіей развивается страна на иньдѣ основаніяхъ. Она выросла колонизаціей, захватывая въ свою жизнь всякую всячину, она окрестилась безъ католицизма, она сложилась въ государство безъ римскаго права и сохраняя, какъ народную особность свою, оригинальное понятіе объ *отношеніи человека къ землѣ*. Оно состоитъ въ томъ, что, будто бы, всякій работающій на этой землѣ, *имѣетъ на нее право, какъ на орудіе работы*. Это сразу ставитъ Россію на соціальную почву, и притомъ на чрезвычайно новую.

О *землѣ* не поминали ни одна революція, домогавшаяся *воли*, по крайней мѣрѣ, послѣ крестьянскихъ войнъ. Ни съ горныхъ высотъ конвента, ни съ высотъ июньскихъ баррикадъ мы не слышали слова *земля*. Понятіе земельного участка такъ чуждо европейскому пониманію, что Лассаль старался вытолкнуть землю изъ-подъ ногъ работника, какъ гирю, мѣшающую его свободной личности.

У насъ право на землю — не утопія, а реальность, бытовой фактъ, существующій на своей естественной непосредственности и который слѣдуетъ возвести въ фактъ вполнѣ сознательный. Все сельское населеніе принимало споконъ вѣка это *естественное право* свое,

1) Зрѣлое голосованіе.

не разсуждая о немъ. Его только не знали въ высшихъ слояхъ, образованныхъ на западный ладъ.

Сельская община, при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ она развивалась, цѣной воли продала землю общиннику. Личность, имѣющая право на землю, сама становилась крѣпка землѣ, крѣпка общинѣ. Вся задача наша теперь состоитъ въ томъ, чтобъ развить полную свободу лица, не утрачивая общиннаго владѣнiя и самой общины.

Возможно ли это? Въ этомъ, въ свою очередь, нашъ вопросъ будущаго.

Большое счастье, что наше право на землю такъ поздно приходитъ къ сознанию. Оно прежде не выдержало бы односторонняго напора западныхъ воззрѣнiй. Теперь они сами являются въ раздумьи, съ сомнѣнiемъ въ груди. Соціализмъ далъ намъ огромное подспорье.

Середь ночи, слѣдовавшей за 14 декабря, въ польскомъ возстанiемъ 1831 г., середь поразительной легкости, съ которой николаевскiй гнетъ придавилъ всѣ ростки, первые, закричавшіе „земля“, были московскіе славянофилы, хотъ и они лѣвой ногой стали на дѣйствительную почву, но, все же, первые.

Они поняли нашу экономическi-соціальную особность въ надѣлѣ земель, въ передѣлѣ земли, въ сельской общинѣ и общинномъ землевладѣнiи; но, понявши одну сторону вопроса, они опустили другую — волю, къ которой рвалась личность, закабаленная селомъ, царемъ, церковью. Поклонники старины назло петровскимъ порядкамъ, истые націоналисты, предначертанные православные, они съ неблагодарностью забыли, что имъ дала единоспасающая цивилизація Запада, при свѣтѣ которой они нашли свой кладъ въ землѣ и разглядѣли его.

Европа, плывшая тогда на всѣхъ парусахъ буржуазнаго либерализма, не имѣла понятiя о томъ, какъ живетъ въ сторонѣ нѣмой міръ Россiи; сами образованные русскіе мѣтали ей видѣть что-нибудь другое, кромѣ плохихъ копiй съ ея собственнхъ картинъ.

Первый пионеръ, пошедшій на открытiе Россiи, былъ Гакстгаузенъ. Случайно попавши на слѣды славянскаго общиннаго устройства гдѣ-то на берегахъ Эльбы, вестфальскiй баронъ поѣхалъ въ Россію и, по счастью, адресовался къ Хомякову, К. Аксакову, Кирѣевскимъ и др. Гакстгаузенъ былъ, дѣйствительно, одинъ изъ первыхъ, повѣстившихъ западному міру о русской сельской коммунѣ и ея глубоко автономическiхъ и соціальныхъ началахъ — и когда?

Наканунѣ февральской революціи, т.-е. наканунѣ перваго широкаго, но неудачнаго опыта ввести соціальныя начала въ государственный строй. Европѣ былъ недосугъ; за своимъ печальнымъ *fiasco* она не замѣтила книгу Гакстгаузена. Россiя оставалась для нихъ тѣмъ же

непонятнымъ государствомъ, съ самовластнымъ императоромъ во главѣ, съ огромнымъ войскомъ, грозящимъ всякому свободному движенію въ Европѣ.

За Гакстаузенемъ почти непосредственно идутъ наши опыты ознакомить Западъ съ неофициальной Россіей.

Цѣлыхъ семь лѣтъ учили мы, насколько могли, гдѣ могли, Россіи, Пиеагорово число мало помогло¹⁾. Насъ слушали разсѣянно до Крымской войны, съ неадавистью — во время ея, безъ пониманія — прежде и послѣ.

„Трудно себѣ представить, въ какомъ безвыходномъ, запаянномъ наглухо кругѣ понятій бьется современный европейскій человѣкъ и какъ ему трудно достается, какъ его сбиваетъ съ толку, какъ ему становится ребромъ всякая мысль, не подходящая подъ заученныя имъ правила, подъ заготовленныя имъ рубрики. Рядовые литераторы и журнальные поденщики стоятъ на первомъ планѣ. У нихъ для ежедневнаго обихода есть запасъ мыслей, знаній, сужденій, негодованій, восторговъ и, главное, прилагательныхъ словъ, которыя у нихъ идутъ на все; ихъ по мѣрѣ надобности сокращаютъ, растягиваютъ, подкрашиваютъ въ ту или другую краску. Эта трафаретная работа необычайно облегчаетъ трудъ; ее можно продолжать во всякомъ расположеніи, съ головою болью, думая о своихъ дѣлахъ, такъ, какъ старухи вяжутъ чулокъ. Но все это идетъ, пока дѣло вертится около знакомыхъ предметовъ. Новое событіе, неизвѣстный фактъ принимается, напротивъ, со скрытой злобой, какъ незванный гость, его стараются сначала не замѣчать, потомъ выпроваживать за дверь, а если нельзя иначе — оклеветать“²⁾.

Строки эти были написаны въ 1858 году. Тогда уже дверь въ Россію была не совсѣмъ закрыта, и мы, оставляя Западъ, обратили наше слово къ Россіи. Пробуждаясь, она, послѣ смерти Николая, жадно искала свободной рѣчи.

Съ чѣмъ же мы явились передъ ней?

III.

Со смертью Николая языки развязались. Накопившіяся, подавленные, затаенныя и желчныя мысли выступали на свѣтъ и разсказывали о своихъ грѣзахъ, каждая на свой ладъ. Въ тогдашней Россіи было что-то праздничное, утреннее, весеннее и совершенно хаотическое.

1) „Vom andern Ufer“, 1850. „Du dévelop. des idées révolution. en Russie“ 1851. „Le socialisme et le peuple russe, lettre à J. Michelet, 1851. „Le vieux monde et la Russie“, 1851. Статьи въ джерсискомъ журналѣ „L'Homme“ и пр.

А. И. Г.

2) Цитата изъ № 732.

Удивительная смѣсь разныхъ возрастовъ чловѣчества, разныхъ направленій, возрѣній — давно исчерпанныхъ и едва початыхъ — явились на сценѣ. Это былъ оперный балъ, въ которомъ ярко мелькнули всевозможные костюмы, отъ либеральныхъ фраковъ съ воротникомъ на затылкѣ время первой реставраціи до демократическихъ бородъ и причесокъ. Нѣмецкій доктринаризмъ рабства и абсолютизма, забытыя общія мѣста политической экономіи шли рядомъ съ православнымъ социализмомъ славянофиловъ и съ западными социальными ученіями „отъ міра сего“. И все-то это отражалось не только въ общественноѣ мнѣніи, не только въ полураскованной литературѣ, но въ самомъ правительствѣ.

Многіе ждали, что оно погнется въ легко конституціонномъ смыслѣ; правительство устояло, хотя и само чувствовало, что остаться попрежнему *военно-судной имперіей* было невозможно. Въ сущности, одно дѣло и было для него возможно, — дѣломъ этимъ оно наносило себѣ японскій ударъ, воображая имъ обновиться.

Вся проснувшаяся Россія искренно жаждала независимаго слова, — слова не потертаго цензурнымъ ошейникомъ, и не было ни одного вольнаго станка въ отвѣтъ этой потребности, кромѣ лондонскаго. Мы оставили Западъ въ сторонѣ и обратили всѣ силы на то родное дѣло, къ которому стремились съ дѣтства, черезъ всю жизнь.

„Полярная Звѣзда“ и „Колоколь“ являются въ самый разгаръ переѣзда и перестановки мебели, въ то возбужденное время неустояшагося броженія, въ которое каждое слово могло сдѣлаться зачатіемъ и точкой отправленія. Что же мы, обрушившіе на себя отвѣтственность первой свободной русской рѣчи, сказали? Съ чѣмъ явились передъ едва протиравшимъ себѣ глаза исполиномъ?

Вся положительная, созидающая часть нашей пропаганды сводится на тѣ же два слова, которыя вы равно находите на первыхъ страницахъ нашихъ изданій, въ ихъ послѣднихъ листахъ — на *Землю и Волю*, на развитие того, что нѣтъ *Воли безъ Земли* и что *Земля непрочна безъ Воли*.

Мы были глубоко убѣждены, что аграрныя основанія нашего сельскаго быта выдержать напоръ западнаго изувѣрства собственности, какъ выдержали нѣмецкій деспотизмъ, что *Земля* останется при деревнѣ и крестьянинъ при надѣлѣ, что, имѣя землю и, слѣдовательно, избу, что, имѣя выборное начало и сельское самоуправленіе, русской чловѣкъ, непременно дойдетъ до *Воли* и превратитъ насильственную связь съ общиной въ добровольно соглашенную, въ которой личная независимость будетъ не менѣе признана круговой порукой. Мы были убѣждены, и теперь еще не совсѣмъ въ этомъ разубѣдились, что

починъ, что первые шаги нашего переворота совершатся безъ кровавыхъ потрясеній.

Главнымъ камнемъ на дорогѣ лежало чудовищное *крѣпостное право*; его обойти нельзя было ни конституціонной хартіей, ни какимъ-нибудь собраніемъ „нотаблей“. Противъ крѣпостного права и были устремлены всѣ наши удары, всѣ усилія; устраненію его мы подчинили всѣ интересы.

Рядомъ съ освобожденіемъ крестьянъ мы неотступно требовали *освобожденія слова*, какъ условія, какъ той атмосферы, безъ которой нѣтъ народнаго совѣта въ общемъ дѣлѣ. Одна гласность, одна печать могла замѣнить безсловный соборъ, который до освобожденія крестьянъ былъ невозможенъ; одно живое, не связанное никакими формами, никакимъ цензомъ *представительство слова* могло уяснить вопросы и указать, что въ самомъ дѣлѣ и насколько созрѣло въ народномъ разумѣніи.

Около были частныя борьбы и частные случаи, возникали вопросы изъ событій, и совершались событія, путавшія всѣ карты, вызывавшія страстные отпоры и увлеченія, но, срываясь съ пути, мы постоянно возвращались къ нему и постоянно держались нашихъ двухъ основныхъ идей.

И вотъ почему, когда государь призналъ въ принципѣ освобожденіе крестьянъ *съ землей*, мы безъ малѣйшей непоследовательности и совершенно искренно сказали наше: „Ты побѣждаешь, Галилеянинъ!“, за которое насъ столько порицали съ обѣихъ сторонъ.

Скажемъ мимоходомъ, что наше простое отношеніе къ правительству не хотѣли понять ни доктринеры вѣрноподданничества, ни пуритане демагогій. Оппозиціонный характеръ нашей пропаганды, такъ точно какъ и обличительный, составляли для насъ одну изъ практическихъ необходимостей, а не цѣль, не основу; твердые въ нашей вѣрѣ, мы не боялись никакого *мірщенья* и, легко мѣняя оружіе, продолжали ту же битву. Сбиться съ дороги было для насъ невозможно.

Не смѣшно ли человѣку второй половины XIX столѣтія, вынесшему на своихъ плечахъ, стоптавшему своими ногами столько правительственныхъ формъ, однѣхъ бояться, передъ другими идолопоклонствовать? Форма, какъ ее разумѣютъ на языкѣ военныхъ приказовъ — „мундиръ“, и онъ поневолѣ прилаживается къ живому содержанію... а не прилаживается, такъ внутри слабо и пусто. Поправляйте живое тѣло — мундиръ непременно лопнетъ, если узокъ. И будьте увѣрены, что нѣтъ ни очень хорошихъ, ни безусловно скверныхъ мундировъ. Для насъ мѣщанская камера народныхъ представителей, не представляющая народа, такъ же противна, какъ правительствующій сенатъ, ничѣмъ не правящій.

Мысль о переворотѣ безъ кровавыхъ средствъ намъ дорога; все, что было говорено противоположнаго объ насъ — такое же вранье, какъ то, что *мы* увѣряли поляковъ, что Россія была готова къ возстанію въ 1862. Въ ней, впрочемъ, не было ничего фантастическаго; въ русской жизни нѣтъ тѣхъ непримиримыхъ, упорныхъ, взаимно уничтожающихъ силъ, которыя вели западную жизнь отъ одного кроваваго конфликта къ другому. Если такая непримиримость существовала, то это между крестьяниномъ и помѣщикомъ, но она-то первая и разрѣшилась мирно, и разрѣшилась бы вовсе безъ крови, если бы трусливое правительство и враждебные крестьянскому дѣлу исполнители его не натянули ее безъ нужды.

Наше императорство и наше барство безъ корней и знаютъ это. Они приготовлялись собороваться масломъ въ 1862 году — и ожили только, когда имъ на выручку явились: петербургскій пожаръ, катковское клеветничество и польское возстаніе. Народъ любитъ царя, какъ представителя защиты, справедливости (фактъ общій всѣмъ неразвитымъ народамъ), и не любитъ императора. Царь для него идеаль, императоръ — антихристъ. Императорская власть держится войскомъ и бюрократіей, т.-е. машинами. Войско бьетъ всякаго по приказу, безъ разбора, бюрократія переписываетъ и исполняетъ волю начальства безъ разсужденія. Такого рода правительства не вырубаются топоромъ, а при первой весенней теплотѣ распускаются въ волнахъ жизни народа и тонутъ въ нихъ.

Мы твердо были убѣждены въ послѣднемъ. Уничтожалось же помѣщичество на нашихъ глазахъ, какъ исчезающія картины, блѣднѣя и превращаясь въ разныя тусклыя уродства. Русское императорство имѣетъ цѣли внѣшней политики, цѣли своего самосохраненія и огромную власть, но принципа не имѣетъ; то же слѣдуетъ сказать о средѣ, его окружающей, — и это съ самаго Петра. Со дня смерти Николая до его похоронъ дворъ и штабъ, министерство и общество умѣли сдѣлаться либеральными „поверхностно, лицемѣрно“. Но кто же сказалъ, что прежде всѣ были глубокими и искренними абсолютистами?

Русское правительство было на дорогѣ къ какому-то превращенію, но, испугавшись, круто своротило съ нея. Главная ошибка наша была ошибкой во времени да, сверхъ того, соображая всѣ стихіи, всѣ силы, мы забыли одну изъ самыхъ могучихъ силъ — *силу глупости*. На ней снова укрѣпилось старое.

Освобожденіе крестьянъ, ропотъ помѣщиковъ, настроеніе общества, журналистики, нѣкоторыхъ правительственныхъ круговъ... и все это вмѣстѣ неминуемо вело къ *первому шагу*, т.-е. къ созванію думы или собора. Опыты московскаго и петербургскаго дворянства доказываютъ это очевидно, но они, какъ слѣдуетъ помѣщикамъ, опоздали.

Когда они подняли голосъ, государь былъ второй разъ вѣнчанъ на царство во всемъ самодержавіи своемъ европейскими угрозами и народными оваціями.

Силы патріотической реакціи мы не предвидѣли. Одушевление 1612 и 1812 годовъ только понятно при дѣйствительной опасности отечества; ея не было, но было желаніе всякаго рода демонстрацій, — нѣмые пользовались языкомъ.

Мы смотрѣли на реакцію, какъ на несчастье дня, и продолжали на первомъ планѣ разборъ и обсуживаніе экономическаго и административнаго переворота въ одномъ и томъ же духѣ и направленіи *русскаго социализма*.

Отстаивая на первомъ планѣ право на землю, мы проповѣдывали развитіе выборнаго самоуправленія отъ села къ волости, отъ волости къ округу, отъ округа къ области, — дальшіе мы не шли, *не должны были* итти — дальше мы указывали, съ одной стороны, безобразіе личнаго самовольства, военно-канцелярскаго управленія страной, серальнаго безчинства и помѣщичьяго звѣрства; съ другой — на виднѣющійся вдаль соборъ, выбранный вольнымъ союзничествомъ областей для обсужденія *земскаго дѣла*.

Одинъ изъ самыхъ труднѣйшихъ вопросовъ — не по трудности содержанія, а по закоснѣлости предразсудковъ, обороняющихъ противоположный взглядъ, — былъ вопросъ объ „общинномъ владѣніи землею“. Мы добивались у *нашихъ* экономистовъ и либераловъ того вниманія, которое намъ далъ Стюартъ Милль, сказавъ, что „общинное владѣніе“, неизвѣстное, нигдѣ неразвившееся и, слѣдственно, неисчерпанное, носящее въ себѣ возможности многихъ формъ и результатовъ, и составляетъ вопросъ. Въ то время, какъ личная собственность, по римскому праву, дала все... всѣ приложенія и съ ними и *оказалась* далеко несостоятельной¹⁾

Мы предвидимъ улыбку многихъ при словѣ *русскій социализмъ*. Чему люди не смѣялись прежде пониманія? Это — одна изъ принадлежностей той міродержавной силы, которая нами не была взята въ расчетъ.

Мы *русскимъ социализмомъ* называемъ тотъ социализмъ, который идетъ отъ земли и крестьянскаго быта, отъ фактическаго надѣла и существующаго передѣла полей, отъ общиннаго владѣнія и общиннаго управленія, и идетъ вмѣстѣ съ работницей артелью навстрѣчу той

¹⁾ Излагать здѣсь нашу мысль объ общинномъ владѣніи не приходится; желающіе ее вспомнить, могутъ пересмотрѣть цѣлый рядъ статей въ „Колоколѣ“ да, сверхъ того, „Письма къ иную“²⁾ въ „Общемъ Вѣстѣ“. А. И. Г.

²⁾ Н. П. Огарева.

экономической *справедливости*, къ которой стремится социализмъ вообще и которую подтверждаетъ наука.

Названіе это тѣмъ необходимѣе, что рядомъ съ нашимъ ученіемъ развивались, съ огромнымъ талантомъ и пониманіемъ, теоріи чисто западнаго социализма и именно въ Петербургѣ. Это раздвоеніе, совершенно естественное, лежащее въ самомъ понятіи, вовсе не представляло антагонизма. Мы служили взаимнымъ дополненіемъ другъ друга.

Первые представители социальныхъ идей въ Петербургѣ были *петрашевцы*. Ихъ даже судили, какъ „фурьеристовъ“¹⁾. За ними является сильная личность *Чернышевскаго*. Онъ не принадлежалъ исключительно ни къ одной социальной доктринѣ, но имѣлъ глубокой социальной смыслъ и глубокою критику современно существующихъ порядковъ. Стоя одинъ, выше всѣхъ головой, середь петербургскаго броженія вопросовъ и силъ, середь застарѣлыхъ пороковъ и начинающихся угрызений совѣсти, середь молодого желанія иначе жить, вырваться изъ обычной грязи и неправды, Чернышевскій рѣшился схватиться за руль, пытаться указать жаждавшимъ и стремившимся, *что имъ дѣлать*. Его среда была городская, университетская, — среда развитой скорби, сознательнаго недовольства и негодования; она состояла исключительно изъ работниковъ умственнаго движенія, изъ пролетаріата интеллигенціи, изъ „способностей“. Чернышевскій, Михайловъ и ихъ друзья первые въ Россіи звали не только труженика, съѣдаемаго капиталомъ, но и труженицу, съѣдаемую семьей, къ иной жизни. Они звали женщину къ освобожденію работой отъ вѣчной опеки, отъ унижительнаго несовершеннолѣтія, отъ жизни на содержаніи, и въ этомъ — одна изъ величайшихъ заслугъ ихъ.

Пропаганда Чернышевскаго была отвѣтомъ на *настоящія* страданія, словомъ утѣшенія и надежды гибнувшимъ въ суровыхъ тискахъ жизни. Она имъ указывала выходъ. Она дала тонъ литературѣ и провела черту между *въ самомъ дѣлѣ* юной Россіей и прикидывавшеюся такою Россіей, немного либеральной, слегка бюрократической и слегка крѣпостнической. Идеалы ея были въ совокупномъ трудѣ, въ устройствѣ мастерской, а не въ тощей палатѣ, въ которой бы Собакевичи и Ноздревы разыгрывали „дворянъ въ мѣщанствѣ“ и помѣщиковъ въ оппозиціи.

Огромный успѣхъ социальныхъ ученій между молодымъ поколѣніемъ, школа, вызванная ими, нашедшая себѣ не только литературные отголоски и органы, но начала пракческаго приложенія и исполненія имѣють историческое значеніе. Освобожденіе крестьянъ съ при-

1) Насъ въ 1834 году правительство обвиняло въ сень-симонизмѣ. А. И. Г.

знаніемъ ихъ права на землю, съ сохраненіемъ общины и обращеніе къ социализму молодыхъ и дѣятельныхъ умовъ, не закупленныхъ жизнью, не сбитыхъ съ толку доктринаризмомъ, служили неопровержимымъ доказательствомъ въ пользу нашей всегдашней вѣры въ характеръ русскаго развитія.

Въ то время, какъ мы, слѣдуя шагъ за шагомъ за преніями редакціонной комиссіи, за введеніемъ постановленій 19 февраля и разбирая самыя постановленія, старались ввести въ сельскій переворотъ, въ самыя учрежденія наиболѣе своего взгляда, въ Петербургъ, Москвѣ и даже въ провинціяхъ готовились фаланги молодыхъ людей, проповѣдывавшихъ словомъ и дѣломъ общую теорію социализма, которой частнымъ случаемъ являлся сельскій вопросъ.

Но въ этомъ-то частномъ случаѣ и была Архимедова точка, починъ русскаго государственнаго пересозданія. Однажды земля, уступленная крестьянамъ, право на землю, признанное и введенное въ законодательство; однажды, выборное начало сельской общины, утвержденное, и общинное землевладѣніе, оставленное на свои собственныя силы, какъ бы для послѣдняго искуса... остальное должно было итти неминуемо съ быстротой развивающейся спирали, у которой вынуть съ одной стороны сдерживавшій шкворень.

Крестьянская реформа, при всей сбивчивой неполнотѣ своей, тотчасъ повела къ экономическимъ, административнымъ и юридическимъ послѣдствіямъ своимъ — введеніемъ земскихъ учреждений, новаго суда и пр. Это были силлогизмы, которыхъ не было возможности миновать.

Всѣ реформы, начиная съ крестьянской, были не только неполны, но преднамѣренно искажены. Ни въ одной изъ нихъ не было той шири и откровенности, того увлеченія въ разрушеніи и созданіи, съ которымъ ломали и создавали великіе люди и великія революціи; но во всѣхъ была признана негодность, несостоятельность стараго правительства *указовъ и произвола*; но во всѣхъ двигался зародышъ, котораго развитіе было задержано и, можетъ, изуродовано, но который былъ живъ.

Мы слѣдили за всѣми реформами и каждую прикидывали на общую родоначальную мысль кореннаго переворота, который тихо и незамѣтно, *sans phrase*, входилъ глубже и глубже въ землю и подымался надъ озимью полей. Мы не выходили изъ настоящаго положенія ни въ голубую даль дорогихъ для насъ идеаловъ, ни въ чистыя сферы отвлеченной социологіи; мы, сколько могли, отстраняли всѣ вопросы, не находившіеся на череду, какъ, напр., вопросъ семейный, религиозный¹⁾.

¹⁾ Если мы говорили много о старообрядцахъ, то это вовсе не съ религиозной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія социальнаго и политическаго. А. И. Г

До конца 1863 года мы все еще не усиливались, несмотря на родную распутицу, слѣдить за государственной колыхагой и тѣмъ громче звонили, чѣмъ больше она сбивалась съ дороги. Если ящики не слушались, окружающая ихъ толпа слушала и, осыпая насъ ругательствомъ, дѣлала долю того, что мы говорили. Оглохла и она. И съ тѣхъ поръ дѣятельная рѣчь должна была на время уступить одному крику обличенія и негодованія, которае вызывало общество, валяющееся въ крови и грязи, вмѣстѣ съ *пустымъ, бездушнымъ и измѣнившимъ* правительствомъ.

Правительство отступило по всей линіи, и при всемъ этомъ его отступленіе не имѣло ни серьезнаго оправданія, ни серьезнаго характера. Если оно въ самомъ дѣлѣ думало арестами зря и ссылкой безъ разбора остановить *исторію*, уже обличавшееся народное развитіе, оно было бы безмѣрно жалко, но мы полагаемъ, что такъ далеко не шли виды Зимняго дворца. Дворецъ, поддерживаемый въ страхъ и тревогъ своими евнухами и риторамъ, боялся не *исторіи*, а чего-то изъ-за угла; и это въ то время, когда онъ самъ всенародно и громко говорилъ, что правительство никогда не чувствовало себя сильнѣе и народнѣе, какъ именно тогда. И не мудрено. Изъ-за патриотизма люди забыли все человѣческое въ сердцѣ и все *безчеловѣческое* въ императорствѣ; газеты были полны вѣрноподданническими аканістами... крестьяне, освобожденные отъ помѣщиковъ, и помѣщики, освобожденные отъ состоянія, старообрядцы и евреи, казаки и нѣмцы, — все на словахъ бѣжало поддерживать тронъ и алтарь... Слѣдовало ждать льготъ, расширенія правъ, но правительство съ ужасомъ указывало на нѣсколько статей, на нѣсколько молодыхъ людей и отвѣчало на взрывъ преданностей взрывомъ гоненій и неистовствъ. Чего именно оно боялось, оно не говорило.

Во всемъ этомъ, безсомнѣнно, было что-то безумное, такъ оно и кончилось — *выстрѣломъ 4 апрѣля*.

Тѣ, которые *надѣялись*, озлобились на неисполнившаго *надеждъ*. Первая фанатическая, полная мрачной религиі натура схватила пистолетъ.

Месть не удалась, но предлогъ былъ данъ и схваченъ съ дикой радостью, реакція была оправдана, царскіе *пугатели* были оправданы. И тѣмъ не менѣе, если месть не удалась, то и *терроръ не удался*. Начавшись ложно, онъ запутался и увязъ въ полицейской грязи.

Что дѣлала муравьевская облава, что вытрубилъ его лейбъ-трубачъ Катковъ? Гдѣ вселенскій заговоръ, въ которомъ участвовали всѣ темныя силы міра сего, англійскіе банкиры, эмигранты въ Швейцаріи, эмиссары и миссіонеры Мащини, поляки, мы и не мы, наконецъ, какой-то, всему міру неизвѣстный „всемирно-революціонный комитетъ“ ?

Отъ всего дѣла остался трупъ нѣмымъ свидѣтелемъ скверной царской мести и несчастные, сосланные *безъ суда и защиты* люди, уличенные въ томъ, что они *не хотѣли* царевубійства...

Убить нѣсколько человѣкъ, кого на скорую руку веревкой, кого хронически тюрьмой, не мудрено; убивать умѣть и локомотивъ, и чума, и бѣшеная собака: Терроръ хватаетъ дальше, — ему мало людей, онъ хочетъ убивать мысли, идеи, вѣрованія... и, дѣйствительно, послѣ ряда пьяныхъ и безумныхъ неистовствъ явилась высочайшая цицула къ князю Гагарину съ ученическими упражненіями о правѣ собственности, социализмъ; она пошла на полицейскія выкройки женскихъ юбокъ и имѣла послѣдствіемъ введеніе кринолина въ государственныя учрежденія.

Эхо на выстрѣлъ Каракозова обличило страшную пустоту въ Зимнемъ дворцѣ, печальное отсутствіе серьезной мысли, обдуманности... да и на всѣхъ „горныхъ вершинахъ“ нашихъ тоже. Что за нетопыри, что засовы, за вороны встрепенулись, поднялись и вылетѣли на бѣлый свѣтъ! Откуда спустили, изъ какихъ богадѣлень, смиренныхъ домовъ или кладбищъ... этихъ прокаженныхъ, не то свѣтскихъ архіереевъ, не то духовныхъ генераловъ, пошедшихъ, во имя царя и церкви, въ крестовый походъ противъ разума и образованія, и начавшихъ нести богословско-полицейскую *чушь*, отъ которой и Россія уже отвыкла?

Все это такъ, но вслушайтесь, что говорятъ эти нетопыри и архіереи, министры и совы... Намъ дѣла нѣтъ, понимаютъ ли они или не понимаютъ, и какъ понимаютъ; вопросъ у насъ въ томъ, чтобъ узнать, противъ чего именно они идутъ, чего боятся, какъ католики боялись протестантизма, какъ французскіе монархисты революціи. Великій врагъ ихъ, антихристъ, страшный, судъ, котораго они боятся, противъ котораго идутъ — социализмъ.

И это не огромный шагъ впередъ?

И это значитъ останавливать исторію, итти вспять?

Они боятся... не конституціи, не республики, не демократіи... они боятся социализма да еще смѣшаннаго съ какимъ-то *нигилизмомъ*.

Думали ли они когда-нибудь, что, собственно, сверхъ синихъ очковъ и короткихъ волосъ содержится подъ этимъ словомъ?

Мы объ *нигилизмѣ* еще будемъ говорить, но здѣсь хотимъ только обратить вниманіе тѣхъ добросовѣстныхъ людей, которые повторяютъ, какъ попугай, слово, не зная его смысла. Они могутъ повѣрить, что нигилизмъ — женщина, положившая ноги на столъ и пьющая шампанское, и притомъ женщина, родившаяся за „обѣдомъ флигель-адъютанта князя Б.“ въ сороковыхъ годахъ, у котораго мѣ-

ялись надъ шагистикой Николая, а потому мы для нихъ скажемъ, что *нигилизмъ* въ серьезномъ значеніи — *наука и сомнѣніе, изслѣдованіе вмѣсто вѣры, пониманіе вмѣсто послушанія.*

Объявляя себя противъ народнаго благосостоянія и человѣческой мысли, противъ социализма и разума, правительство становится за изуверство, крѣпостничество, глупость...

Последній терроръ, дѣйствительно, убилъ его больше, чѣмъ людей: онъ убилъ нравственно значеніе правительства; оно, покачиваясь и болтая вздоръ, сходитъ съ блеющаго помоста, на которомъ драпировалось со смерти Николая, подъ руку съ Осипомъ Ивановичемъ Комиссаровымъ-Костромскимъ.

Бой будетъ *внѣ его, помимо его.*

Ничѣмъ не учитываемая власть можетъ много вредить, но въ самомъ дѣлѣ остановить движеніе, котораго оно испугалось и которое уноситъ весь материкъ къ другимъ судьбамъ, *не можетъ.* Оно двигается съ нимъ, нехотя, бессознательно, какъ человѣкъ, спящій на кораблѣ.

Да двигается ли? И, вообще, двигаемся ли мы?

Присмотритесь, возьмите точку-двѣ и ихъ прежнее положеніе къ окружающимъ предметамъ, возьмите, напр., этого генерала дурака, порящаго дичь передъ мировымъ судьей, и женщину, служащую письмоводителемъ судьи... довольно и этого. Движеніе цѣлыхъ созвѣздіи наблюдаются сквозь тряпки очень рѣдкой ткани.

Дикая реакція, гадкая реакція — да, да и тысячу разъ да... жертвы падутъ направо и налево... но гдѣ же великій тормозъ, чтобы остановить движеніе? Развѣ отнимаютъ у крестьянъ землю, развѣ ихъ исключаютъ изъ выборовъ? Развѣ само слѣдствіе по каракозовскому дѣлу не указываетъ, что въ московской молодежи была мысль пропаганды между фабричными работниками-крестьянами, первой попытки органическаго сочетанія тѣхъ двухъ социальныхъ оттѣнковъ, о которыхъ мы говорили?

„Да, но эту-то молодежь и схватили, и сослали“. Жаль ее, но мѣста сосланныхъ пусты не останутся.

Вспомнимъ, что было при Николаѣ... И не при немъ ли началась та вулканическая и кротовая работа подъ землей, которая вышла на свѣтъ, когда онъ сошелъ съ него?

Въ прошлое пятилѣтіе мы немного избаловались, пораспустились, забывая, что намъ были даны не *права, а поблажки.* Пора опять сосредоточиться.

Досадно, что исторія идетъ такими грязными и глухими проселками, но, вѣдь, одно *сознаніе* идетъ прямымъ путемъ. Не мѣняя нашей программы, и мы пойдемъ ея дорогой, лавируя съ ней, тѣснясь съ ней. Да и какъ же иначе, когда реакція торжественно признала

ее, и она, дѣйствительно, сдѣлалась, по выраженію брюссельскихъ „Отголосковъ“, „*знаменемъ противъ знамени Зимняго двorca*“.

Мы ли будемъ держать его или другіе насъ смѣнять, не въ этомъ дѣло, — зная наше, зная „Земли и Воли“, водруженное *нами, признано* враждебнымъ станомъ.

◆◆ 1. Въ маѣ 1866 г. виленская цензура разрѣшила выпустить брошюрой статью изъ кн. 6 т. II „Вѣстника Западной Россіи“: „Польская революціонная обѣдья (Извлечено изъ дѣлъ кievской слѣдственной комиссіи)“. Въ ней заключается нѣсколько особыхъ молитвъ, введенныхъ польскимъ духовенствомъ въ обычную мессу во время возстанія. III Отдѣленіе нашло, что брошюра эта „въ настоящемъ видѣ своемъ скорѣе вредна, нежели полезна“; „въ человѣка не совершенно развитого она можетъ легко заронить понятіе, что поляки въ своихъ революціонныхъ проискахъ, быть можетъ, и правы“. Въ іюнѣ „Голосъ“ назвалъ брошюру „любопытной“ и процитировалъ нѣкоторыя ея мѣста, разумѣется, въ освѣщеніи далеко неблагоприятномъ для польскаго дѣла. Несмотря на это, а также и на предисловіе и примѣчанія издателей брошюры, не оставляющихъ сомнѣнія въ освѣщеніи предмета, III Отдѣленіе просило министра внутреннихъ дѣлъ обратить свое вниманіе на изданіе и негласно изъять его изъ продажи. Министръ отвѣтилъ, что выпускъ статьи былъ одобренъ главнымъ начальникомъ С.-З. края, и, совершенно соглашаясь съ шефомъ жандармовъ, попросилъ мѣстную власть не разрѣшать второго изданія брошюры; при этомъ министръ прибавилъ, что хотя „Вѣстникъ Западной Россіи“, пользуясь негласнымъ пособіемъ отъ правительства, и состоитъ въ зависимости отъ главнаго начальника С.-З. края, но что, вообще, направленіе повременныхъ изданій С.-З. и Ю.-З. края „не можетъ быть названо вполне удовлетворительнымъ“ (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 3 эксп. 1866 г., дѣло № 87).

2918. Каракозовское дѣло.

Передаемъ нашимъ читателямъ „литературное сказаніе“, прибавленное къ приговору верховнаго суда. Оно никакъ не скрѣплено и не имѣетъ никакого юридическаго достоинства, но оно очень важно, какъ выраженіе того, какъ правительство хотѣло представить дѣло и отчасти какъ само поняло. Поэтому мы снова обращаемъ вниманіе на то, что *заговора не было* и что *никто* изъ наказанныхъ не принималъ никакого серьезнаго участія въ покушеніи Каракозова, а, напротивъ, всѣ были противъ него¹⁾.

1) Слѣдуетъ очень пространное разсужденіе верховнаго суда о существѣ дѣла.

2919. Амнистія.

По поводу женитьбы наслѣдника провозглашена, съ обычной риторикой самохвальства всѣхъ полудикихъ правительствъ, скупая, жалкая и чрезвычайно ничтожная въ политическомъ смыслѣ амнистія. До *прощенья* въ самомъ дѣлѣ Зимній дворецъ еще не доросъ. Прощать значитъ *понимать*, значитъ обращаться на себя. Тотъ только умѣетъ прощать, кто умѣетъ раскаиваться, а не тотъ, кто упивается своимъ собственнымъ милосердіемъ... Если-бъ государь подумалъ, сколько онъ виноватъ въ томъ, что возбудилъ надежды и не исполнилъ ихъ, что развязалъ языкъ и сталъ ссылатъ за свободную рѣчь, тогда онъ понялъ бы, что *онѣры въ партажъ* ¹⁾ и, закрывая себѣ лицо, сказалъ бы, освобождая сосланныхъ и захваченныхъ: „*простимъ друга друга*“.

2920. Фондъ.

Въ фондъ, въ полное распоряженіе издателей „Колокола“, присланы за № 00578 *тысяча двѣсти* франковъ. Передано отъ Л. М. *двадцать* франковъ. Напоминаемъ, что деньги эти идутъ исключительно на ссуды и вспомошествованія *русскимъ эмигрантамъ*.

2921. Письмо къ Н. А. Герценъ.

2 декаб. 1866, воскресенье.

Вчера, любезная Тата, получилъ я твое письмо съ описаніемъ бала Frisken, а сегодня — дипломъ Саши. О дипломъ буду писать Сашѣ, а о прочемъ тебѣ.

Ты совершенно права: Женева самый гнусный Ort ²⁾, зараженный сплетнями, ссорами, которымъ, очень вѣроятно, способствуетъ раздражительный климатъ. Женеву оставить слѣдуетъ, но никакъ не слѣдуетъ, чтобъ можно было жить внѣ Швейцаріи. Когда я послѣдній разъ былъ въ Лозаннѣ, я видѣлъ тамъ удивительные дома и увѣренъ, что теперь еще можно купить дешево. Подумаю.

Очень вѣроятно, что до 14 декабря мы не двинемся. Польскую интригу не мы кулировали, а она сама себя кулировала. Даже Фази

¹⁾ Онѣры (въ карточной игрѣ) раздѣлились.

²⁾ Мѣсто, иногда — городъ.

отказался напечатать их протест¹⁾; въ Парижѣ²⁾ до 1 декаб. молчаніе. Агнецъ закланный вышелъ Стелла, хитрившій, перехитрившій и уѣхавшій въ ссорѣ съ ними и въ холодѣ съ нами. Какая польза отъ того, что на лицѣ, похожемъ на сладкое яблоко и на милую кошку, было написано: Меттернихъ и Талебранъ?

А пророс, поляки распустили слухъ, что онъ сватался за тебя и, получивъ отказъ, немного повредился.

Касаткинъ страшно навонялъ, спрятался въ Буасьерѣ; я вчера ему уплатилъ весь долгъ. Чернецъ тайно собирается къ 1 мая дать тятю въ Лондонъ.

Пиши смѣло еще разъ и даже два, то же скажи Ольгѣ.

Огюстина нашла себѣ мѣсто у американцевъ. Я, по несчастію, долженъ сказать, что послѣднее время она была плоха, перебила фр. на 50 посуды, картину (Тхор. говоритъ, что ты знала это). Никто не знаетъ, что ты взяла съ собой изъ бѣлья; Тхор. говоритъ, что просилъ у тебя записку, но что, по обыкновенію, ты не дала. Ты дома вести не будешь или поведешь его ко дну.

Огарева письмо къ тебѣ я читалъ; разумѣется, я съ нимъ согласенъ.

Отчего Ольга ни слова не пишетъ, получила ли мое застрахованное письмо?

Лиза ждетъ отъ нея письмо. Она столько же умнѣетъ, сколько шалить.

2922. Письмо къ сыну и М. Мейзендугъ.

(2 декабря 1866).

Любезный Саша, дипломъ — дѣло хорошее, но онъ обязываетъ къ серьезному исполненію обязанностей. Бери всю отвѣтственность на себя и старайся идти далѣе. Я рассужденій твоихъ и Таты не дѣлю. Мнѣ кажется, что правительство было въ правѣ перемѣстить Шиффа туда, гдѣ 300 студ.; я не вижу резона, почему и тебѣ, окончивъ квартэру³⁾, не ѣхать въ Неаполь. Если бы пришлось ѣхать на Алеутскіе острова, можно было бы задуматься. Профессура не есть синекура или почетное званіе, а дѣло общественнаго воспитанія. Еще разъ, я сильно прсшу, чтобы ты очень серьезно занялся своей долж-

¹⁾ Онъ издавалъ тогда „La Suisse Radicale“.

²⁾ Т. е. въ парижскихъ изданіяхъ.

³⁾ Quartarius — четверть, часъ курса.

ностью, и главное — не бери примѣра съ домоводства Таты о которомъ я пишу къ ней.

Ужъ не женится ли Фрикенъ, что балы даетъ съ конфеткой?

Мы раньше 14 не ѣдемъ; хочу доправить „Энгельсона“ и „Колоколь“ (онъ будетъ въ два листа).

Прощай.

Aber, um Gottes willen — liebe Malvida — Unita — wie kommt es, dass weder Olga, noch sie etwas schreiben über — d. 21 November? Ich glaube, ein Brief ist verloren gegangen. Es ist hier so abscheulich, dass ich nur 2 Wochen bleiben werde.

Haben sie ein Kapitel über Frauenangelegenheiten, Matrimonial philosophic und Ethik — hinunter gelesen? — in meinem Buch... Ich möchte Wissen, ob es gefällt.

Adieu.

Very important ¹⁾:

Я потерялъ новый адресъ Маріи Каспаровны; не отослалъ ли къ тебѣ съ письмомъ?

На старый я писалъ, отвѣта нѣтъ. Она въ Дрезденѣ.

2923. Письмо къ Н. А. Огаревой.

10 декабря 1866.

Казнь моя началась. Я виновать передъ всѣми. Не мнѣ мѣрить силу казни; я покажу вамъ, что человѣкъ слабый и увлекающійся въ жизни, можетъ сдѣлать на дыбѣ.

Я виновать передъ тѣною,
Я виновать передъ тобой,
передъ собой,
передъ дѣтьми,
передъ Огаревымъ.

Я не лицемѣръ и потому не скажу, что я съ радостью принимаю казнь, но вынесу еѣ покойно. Я готовъ.

¹⁾ Но, ради Бога, милая, единственная Мальвида, какъ это ни вы, ни Ольга ни словомъ не обмолвились по поводу 21 ноября? Я думаю, что письмо затерялось. Здѣсь такъ о вратительно, что я пробуду только двѣ недѣли.

Прочли вы въ моей книгѣ главу по женскому вопросу, о философіи брака и этикъ? Интересно было бы знать, нравится ли она.

Прощайте.

Весьма важно:

2924. Письмо къ сыну.

12 декаб. (1866).
7, Quai Mont Blanc.

Письмо твое получилъ. Я рвусь уѣхать отсюда, и одна исторія за другой, одна гадость за другой останавливають. Думаю, что въ воскресенье выѣдемъ, а, можетъ, и въ понедѣльникъ. Во всякомъ случаѣ ты можешь считать, что 20 я буду въ Ниццѣ. Можно ли будетъ пріѣхать на праздники, я не знаю. Всѣ дѣла серьезны, и всего нельзя подчинять праздникамъ; къ тому же рожденіе Таты 6 января. Пиши просто причину, и тогда подумаемъ. Если я тотчасъ, не устроивши ихъ, поѣду, то я должепъ опять ѣхать въ Ниццу тотчасъ и потомъ къ вамъ.

Пиши въ Ниццу *poste restante*. Сначала адресуй „à m-me Ogarreff pour M-g A.“, безъ фамиліи: я не хочу, чтобъ тотчасъ зналъ весь городъ.—

Въ Женеву я возвращусь въ мартѣ для того, чтобъ бѣжать изъ нея куда-нибудь. Вотъ яма-то помойная!

Последняя исторія еще лучше прежнихъ.

Сюда пріѣхалъ какой-то русскій, Бабушкинъ, человѣкъ 45 лѣтъ. Никто его не знаетъ. Приходитъ ко мнѣ вечеромъ, очень вѣжливъ. Долг. его тоже не знаетъ, и по десятому слову Долгор. наговорилъ ему грубостей. Это было въ воскресенье. На другой день Б. хотѣлъ Долгор. писать сильное письмо, я остановилъ и отправилъ Тхорж. къ Долгор., думая, что онъ въ запискѣ прибавитъ что-нибудь въ извиненіе. Онъ ничего не прибавилъ. Б. послалъ письмо и, очень можетъ быть, что все это кончится дуэлью. Я сообщу о концѣ. Какъ только окончу всѣ дѣла, поѣду. Все готово.

Если у Вьесо есть „Отголоски“, возьми отъ 90 № до 96-го и прочти статью Шедо-Ферроти о нигилизмѣ, — тамъ много обо мнѣ¹⁾.

Серно-Сол. разнесъ здѣсь слухъ, что я стянулъ у него 40,000 фр. и засадилъ его въ сумасшедшій домъ.

Насчетъ денегъ я могу сказать одно: на какія же суммы вы рассчитывали?

Все это печально и безобразно, да, мнѣ кажется, по перепискѣ Таты съ Огар., что и Пановка былъ чистая роскошь. А если бы я тогда сказалъ слово, предоставляю судить тебѣ самому.

v. v. ¹⁾

¹⁾ Потомъ вошло въ отдѣльную книгу.

²⁾ *Vice versa* — на оборотъ.

2925. Письмо къ Н. А. Огаревой.

(13—15 декабря 1866).

3 часа.

Вотъ и хорошо, что я письмо не послалъ — пришло твое отъ воскресенья. Какъ же ты могла думать, что я недоволенъ прежнимъ письмомъ. Напротивъ — я писалъ тебѣ. Будь грустна, но грустна по-моему или проще эстетически, человѣчески.

Я нездоровъ — и нездоровъ отъ зуба, который вырвали. Вотъ и правда, что говорятъ о глазныхъ зубахъ — у меня то лихорадочное движеніе, которое бываетъ послѣ ранъ. Клонить въ сонъ и ознобъ.

Вчера я былъ у Ог. Мнѣ всегда тяжелы эти посѣщенія... и денегъ-то мало и воздуха мало. Ахъ, Natalie, если-бъ только грусть была... могли бы погрустить вмѣстѣ...

Объ Эльзасѣ надобно выждать — можно ли будетъ ѣхать.

Газеты, которая я послалъ, сбереги. Ог. не въ ссорѣ съ Долг., но отъ обѣда отказался и прекрасно сдѣлалъ.

Прощай

Р. С. Поляки послѣ всѣхъ чудесъ тогда хотятъ официально мириться, и сегодня вечеромъ придутъ какіе-то господа. Ченцовичъ оказывается очень грязной личностью.

2926. Приписка къ Лизѣ.

(13—15 декабря 1866).

Я сегодня, Лизуточка, выдернулъ себѣ зубъ, точно какъ ты держашь. Ольга уѣхала нездоровая, а мнѣ очень скучно. Напиши, когда мнѣ пріѣхать — если ты хочешь и мама.

Какъ же, дружокъ, ты не написала Ольгѣ поклона и не поцѣловала на дорогу?

2927. Письмо къ Г. Н. Вырубову.

16 декаб. 1866.
7, Quai Mont Blanc.

Я очень былъ радъ даже печальному письму вашему. Итакъ, вы *sain et sauf*¹⁾ возвратились изъ любезнаго вертепа. Трудна эпоха, по которой мы проходимъ, но я, какъ и прежде, гляжу съ сочувствіемъ, но безъ отчаянія. Прошу васъ обратить вниманіе въ „Колоколъ“ на рядъ статей подъ заглавіемъ: „Порядокъ торжествуетъ!“, — 1-ая въ декабрьскомъ л. Вы немного отвыкли отъ николаевского времени и мало знали его; оно было не лучше (цѣлыхъ 30 лѣтъ), а произвело путнаго и сильнаго много. А *propos*, знаете ли вы фельетоны Шедо-Ферроти о „нигилизмъ въ Россіи“ въ „Эхо“²⁾ отъ № 90...? Это — очень забавная вещь, какъ мѣра ихъ пониманія.

Что ваши литературно-научные проекты? Не хотите ли издавать *sommaire*³⁾ о Контѣ на русскомъ? Огар. и еще одинъ господинъ (математикъ) хотятъ сильно заняться этимъ. На Литтре я срѣзался; сталь, было, читать его толстую книгу о Контѣ, и со всѣми усиліями, — долженъ былъ бросить: вялость, неумѣнье группировать, повтореніе и пуще всего — вѣчный споръ объ изобрѣтеніи и чести лавочки надоѣлъ.¹

Я ѣду завтра черезъ Ниццу во Флоренцію. Въ Ниццѣ пробуду нѣсколько дней; пишете *poste restante*, а во Флор.: 41, Via S-ta Мопаса 2-е р-е. Если же хотите что написать Огар., пишете сюда: 7, Quai Mont Blanc.

У насъ здѣсь гадость за гадостью. Негодяи изъ нашихъ, негодяи изъ поляковъ, сумасшедшіе, лишившіеся ума... Хуже кабака нѣтъ въ мірѣ. Кн. Долг. неистовствуетъ по временамъ... и это разсѣиваетъ.

Видѣли ли вы тогда проѣздомъ Сат. или его жену и могли ли исполнить комиссію? Нат. Ал. спрашиваетъ васъ объ этомъ.

Всѣ вамъ кланяются.

Прощайте. Не забывайте иной разъ, что у насъ собирается *фондъ* въ пользу нашихъ эмигрантовъ. Я согласенъ, что было бы лучше, если-бъ часть ихъ умерла съ голода, но по слабости, все же, надобно ихъ покармливать.

Жму вамъ руку.

А. Гер.

Я возвращусь въ Жен. къ 1 марта.²

1) Здоровымъ и благополучнымъ.

2) „Echo de Paris“ — „Отголоски“.

3) Краткое изложеніе содержанія книги.

◆ 1. Речь идет о сочинении Литтре „August Comte et la philosophie positive“, 1863.

Къ этому мѣсту Вырубовъ сдѣлалъ такое примѣчаніе: „Этотъ строгій и странный отзывъ о замѣчательной книгѣ, имѣвшей огромный успѣхъ, лишній разъ показываетъ, что Герценъ имѣлъ случайное понятіе о новой научной философіи и не сочувствовалъ ей. Онъ былъ слишкомъ проникнутъ нѣмецкой метафизикой“ Для философа замѣчаніе тоже очень странное, а для редактора перваго изданія „Сочиненій“ Герцена — и тѣмъ болѣе. Когда Богучарскій уличалъ Герцена въ незнаніи „Капитала“ К. Маркса, это было смѣшно; когда Вырубовъ говоритъ о незнаніи новыхъ философскихъ ученій, это уже прискорбно и характеризуетъ его собственное незнаніе Герцена.

2. Вырубовъ рассказываетъ, что въ это время онъ „засталъ Герцена, обыкновенно столь живого и веселаго, грустнымъ, удрученнымъ. Онъ грустилъ о быстромъ уменьшеніи тиража „Колокола“, жаловался на неблагодарность, не понималъ причинъ рѣзкой перемѣны общественнаго мнѣнія“ („В. Европы“ 1913, I, 63)... Читатель видѣлъ, что причины были гораздо болѣе серьезны и глубоки.

2328. Письмо къ Н. П. Огареву.

20 декабря (1866). 9 час. вечера.

Ницца.

№ 2.

Пишу въ маленькомъ кафѣ возлѣ почты. Утромъ былъ рано на кладбищѣ, первый разъ *одинъ* и покойно. Н. и Лиза въ Каннѣ; тамъ дороговизна непомѣрная. Здѣсь помириться можно; встрѣтилъ прежнюю горничную, — она нашла квартиру.

Вчера было очень холодное и злое объясненіе.

Изъ Марсели писалъ Тхор. поклонъ.

2929. Письмо къ старшимъ дѣтямъ.

20 декабря, 1866.

Ницца.

Сейчасъ былъ на кладбищѣ, и въ первый разъ совершенно *одинъ*... Вспомнилъ и 1852, и страшную минуту, когда я держалъ голову Лелѣ, а д-г рѣзалъ ее. Жизнь... много ли она даетъ счастья (кроме внутренняго и дѣятельности)? Je pense très souvent — pour

quelle logique fatale — Malvida — si libre théoriquement a une prédilection pour la vie matrimoniale — et pense que c'est le but de la femme. Je reconnais en cela le génie allemand ¹⁾). Случится — ничего, но закупаться на сложныя бѣды семейной жизни нелѣпо, такъ же нелѣпо, какъ итти въ военную службу, въ попы.

Ольга, вѣрно, со мною тоже согласна?

Но не Саша.

Думаю, что квартиру здѣсь можно найти; пансіоны или дороги, или дурны, но квартиры есть, и одну нашла Цезарина.

Я здѣсь одинъ. N. и Лиза въ Каннѣ. Не очень считайте на меня къ 30-му, — нельзя же ихъ не учредить.

2930. Изъ дневника.

26 декабря 1866.

Nice.

Первый разъ послѣ похоронъ въ маѣ 1852 я иду одинъ на кладбище, я приѣхалъ одинъ въ Ниццу.

Въ 61 году я былъ съ сынѣмъ.

Въ 65 — я былъ съ двумя гробами.

Теперь я являюсь одинъ передъ двумя прошедшими: предъ закатившимся свѣтиломъ и потухшими надеждами до восхода.

Что я скажу гробамъ? Что въ себѣ скажу передъ вѣчной иѣмотой?

Скоро пройдетъ 15 лѣтъ — какая исповѣдь, какія „былое и думы“ въ нихъ!

Тогда я хотѣлъ спасти женщину, и убилъ ее.

Теперь хочу спасти другую, и не спасу.

Спасу ли ребенка? и этого не знаю.

Поставленный между двумя влеченіями, двумя долгами, я не умѣлъ справиться съ ними, а она *не хочетъ мнѣ помочь*.

Смиреніе! Смиреніе!

Гордый духъ, жившій въ насъ, сознаніе таланта, силы, можетъ, превосходства, заставляли насъ думать, что все сойдетъ съ рукъ безнаказанно.

Никому ничего не сошло.

¹⁾ Я очень часто размышляю о томъ, по какой такой розовой логикѣ Мальвида — въ теоріи человѣкъ совершенно свободный, — отдаетъ предпочтеніе семейной жизни и видитъ въ ней предназначеніе женщины. Я узнаю въ этомъ нѣмецкій духъ.

Одна огромная ошибка увлекла все въ пропасть и теперь еще несетъ до второго поколѣнія. На всемъ остался слѣдъ ошибки, *на всѣхъ*.

Неестественная высь, по которой мы шли, слѣлалась невозможной отъ нарушеннаго равновѣсія; мы срывались, шли, какъ лунатки, по краю крыши, падали и воображали, что все еще паримъ въ выси.

Избалованные средой, сознаниемъ своей силы, мы твердо вѣримъ, что будемъ жить на особыхъ правахъ, какъ Ессарабія, и первый ударъ сломившій былъ такъ горекъ и обиденъ по сознанию, что мы приравнены къ прочимъ. Ничего не оскорбляетъ больше людей эксцентрическихъ, какъ тупое *common law* ¹⁾. Покончивъ со всѣми романтизмами, мы, все-таки, мечтаемъ *von einer besseren Natur* ²⁾, намъ все еще кажется, что право на насморкъ имѣютъ одни простые смертные, а мы называли себя не простыми.

Зачѣмъ же у насъ катарръ?

Къ тому же у русскихъ есть своя безпечность, небрежность, неспѣтость и отсутствіе мѣры, свидѣтельствующія о психической незрѣлости. Это ничего не говоритъ противъ народнаго характера вообще, это говоритъ противъ *среды и времени нашего развитія*. Мы не подчиняемся собственному разуму... такъ же, какъ собственной эстетикѣ... и оттого безпрерывно просыпаемся то въ ручьѣ, то съ развитымъ сердцемъ.

Я думалъ, что покончилъ съ личной жизнью, и не зналъ, какой отдѣлъ ея ждалъ меня за дверями кладбища.

И я и Огаревъ пришли къ темному окончанію. Онъ бьется противъ тѣлеснаго недуга, въ которомъ виноватъ. Онъ бьется отъ слишкомъ большого внутренняго богатства, не поддерживаемаго внѣшними средствами. Онъ бьется въ невыразимой музыкѣ, въ невысказанной мысли и фантазіи, какъ „изувѣченный“ въ романѣ. Кипящая инициатива и медленное исполненіе. Творчество и *avortement* ³⁾!

2931. Письмо къ Н. П. Огареву.

(23 декабря 1866). Воскресенье.
Nice mar., Pension Suisse.

Сижу передъ открытымъ окномъ я открытымъ моремъ. Лѣто и даль... и мнѣ тотчасъ въ голову приходитъ браниться съ тобой за вымышленную теорію минеральной неподвижности, *temperée* ⁴⁾ ближнимъ

¹⁾ Общее право.

²⁾ О лучшей природѣ.

³⁾ Неудача, неуспѣхъ.

⁴⁾ Умѣряемой.

кабачкомъ направо и таковымъ же налѣво. Живой человекъ долженъ умѣть двигаться и въ пространствѣ, и во времени. Можетъ и на мѣстѣ сидѣть, но теоретически не поднимать мономанію въ идеалы.

Далѣе, сейчасъ кончилъ съ квартирой. Лучше, милѣе, комфортабельнѣе ничего въ мірѣ нѣтъ, и притомъ дешево. Адресъ: France, M-me O., Promenade des Anglais, 87 (Pavillon), Nice (Alp. Marit.).

6 мѣсяцевъ — 1200 фр. Итакъ, до 1 Іюля locomotion ¹⁾ N. остановлено. Удача квартиры немного сняла тяжесть другихъ неудачъ.

Письмо твое я получилъ... Да, да, die schöne Tage von Aranjuez... ²⁾ Я сержусь на тебя и себя, что мы не умѣли ничего сдѣлать изъ своей жизни для себя. Чтò было хорошаго, ушло на другихъ... Но мѣсто въ инвалидномъ домѣ можно бы заслужить. Оставаясь обыкновенными людьми, мы хотѣли жить не по-людски, а повыше, хотѣли и нѣмецкой швермерин ³⁾, и французской лебошины ⁴⁾, ну, — и какъ слѣдовало ожидать, — изъ всего вышло тугое, тяжелое, изуродованное житье на два мотива: съ бранью и желчью у меня, съ старчествомъ отъ вина у тебя.

Въ Ниццѣ въ 1850 году было первое крещеніе обыкновенной водой... Когда сломилась семейная жизнь, въ которую я вѣровала, когда я увидѣлъ, что я и покойная N. состоимъ подъ common law я съ ума сошелъ отъ удивленія, отъ униженія. А, вѣдь, несправедливо было состоять на особыхъ правахъ, какъ Бессарабія.

Въ тебѣ наша закваска не погубила, и въ тебя я вѣрилъ дольше. Но когда я слышу, напр., какъ это было на дорогѣ въ Lancy, когда я былъ у тебя въ послѣдній разъ, какъ Генри ⁵⁾ говорилъ Тхорж., что ты оттого боленъ, что сильно зашибаешь хмелемъ, и то же повторила Магу (надѣюсь, что ты не скажешь имъ), я краснѣю, стыжусь и смотрю на тебя, какъ на отпѣтаго.

Съ молодымъ поколѣніемъ нашимъ еще нѣтъ той связи, по всѣмъ мускуламъ и нервамъ.

Итакъ, впереди только, развѣ, и остается, что вспоминать тридцатые и сороковые годы да мелькнувшую силу 1857—62... Для развлеченія „dann und wann“ ⁶⁾, похороны, грязь, которую будутъ бросать разные Эллидины, клеветы... а дома разладица.

Былъ длинный разговоръ о тебѣ и обо всемъ на кладбищѣ... Все мудрено: слезы и озлобленіе вмѣстѣ. Относительно тебя всѣ нити

1) Передвиженіе.

2) Счастливые дни Аранжуэца.

3) Schwärmerei — восторженность.

4) Débauche — распущенность.

5) Сутерландъ.

6) Отъ времени до времени.

порваны. N. говорила, что она готова была бы все простить мнѣ, но что я не умѣю ни забыть, ни простить. Мнѣ сдѣлалось странно. Это было бы сотовое повтореніе, и я сказалъ въ виду трехъ могилъ, что время *словъ* прошло, что вѣры во мнѣ нѣтъ, что наступило время искуса и очищенія, если они возможны. Этого N. не ожидала и испугалась. Она боится остаться одной и по всему видно, что въ Ниццу вовсе не такъ хотѣлось.

Увидимъ, что будетъ, я, все же, не вѣрю. Отъ С. ¹⁾ и отъ Ал. Ал. письма, — ничего особеннаго. Спрашиваютъ адресъ для денегъ (были бы деньги, — кажется, какъ бы не переслать, письма доходятъ же).

Прощай.

Кто блаженствуетъ здѣсь, такъ это Лиза (дѣтямъ, вѣрно, можно передвигаться), вся искусанная до желваковъ комарами, съ утра на воздухѣ. У нихъ изъ четвертаго этажа прямо выходятъ на уступъ горы. Ъсть вдвое и пьеть пиво.

Это письмо № 3.

Скажи Тхорж., что я письмо къ нему вложилъ въ письмо къ Чернецкой. Nat. надписала: № 1, Pré l'Eveque, terrassier... ²⁾

2932. Письмо къ Г. Н. Вырубову.

26 декабря 1866.

Nice mar., 87, Promenade des Anglais.

Пишу нѣсколько строкъ, чтобы сказать, что письмо ваше получилъ. Бак. ³⁾ все въ Неаполѣ, но ко мнѣ очень давно не писалъ. ¹⁾ Я пробуду здѣсь еще дней десять.

Если вы можете употребить нѣсколько денегъ въ Парижѣ на бѣдныхъ соотечественниковъ, то въ фондъ не посылайте. Я о Шах. ⁴⁾ знаю съ самой превосходной стороны. Л. ⁵⁾ брался немного устроить его. Но что это за Михайловскій? Я зналъ одного величайшаго негодяя (entre nous) — маленькій, черный, былъ во флотѣ, бѣжалъ изъ Одессы. Остерегайтесь его ⁶⁾. Я не дѣлю мнѣнія христіаннѣйшаго Луг.,

¹⁾ Сатина.

²⁾ Два слова не разобраны.

³⁾ М. А. Бакуининъ.

⁴⁾ Озеровъ, по эмиграціи Шаховской. 2

⁵⁾ Лугининъ.

⁶⁾ Вырубовъ именно его и зналъ; впоследствии записался въ панскіе зуавы, но, получивъ на обмундированіе 4000 фр., въ Римъ не поѣхалъ.

что слѣдуетъ помогать всякому негодяю, когда онъ въ нуждѣ, и согласенъ гораздо больше съ Калонномъ ¹⁾, министромъ Людовика XVI, который отвѣчалъ поэту, просившему у него денегъ на пропитаніе: „Mais á quel titre? — Monsieur, il faut donc j'existe? — Je n'en vois pas la nécessité“ ²⁾.

Если-бъ вы посмотрѣли, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ развился *guffanism* ³⁾ нашихъ юныхъ братьевъ въ Женевѣ, вы поняли бы, откуда у меня бездна желчи противъ нихъ. Они насъ ругаютъ уже печатно (и все изъ-за денегъ), а Шедо-Ферротти меня защищаетъ.... Унавоженные съ обѣихъ сторонъ, мы процвѣтемъ, должно быть, вотъ какъ.

Здѣсь прекраснѣйшій кн. Т. ⁴⁾. Жаль, что вы не встрѣтились.

Лугини поклонитесь. Онъ пишетъ ко мнѣ по двѣ строки на оловянной кисти или бѣленомъ свинцѣ, кладетъ въ гранитный пакетъ и не франкируетъ. Это, вѣрно, мода въ Fleurus ⁵⁾; я всегда предпочитаю Жемапъ ⁶⁾. Это не мѣшаетъ мнѣ его любить отъ души, но мѣшаетъ переписываться.

Не знаю, приѣду ли въ Парижъ? Богъ съ ней, съ выставкой. Я видѣлъ другую выставку въ Парижѣ. Помните ли вы анекдотъ, какъ въ 48 году одинъ полякъ, видя Марраста, изд „National'я“, на площади, среди выстрѣловъ, прибѣжалъ къ его женѣ и сказалъ: „Madame, votre mari expose sa vie (онъ думалъ, что это жизнь) sur la place publique! ⁷⁾“.

Желалъ бы, чтобы вы прочли прибавленіе къ „Былому и думамъ“ (еще не вышло), именно объ Энгельс. и Сазоновѣ, — тутъ пришлось оказать многое. ³⁾

Прощайте.

P. S. Бога ради замѣтьте, что въ „Кол.“ 1 января конецъ 2-го столбца искаженъ въ печати ⁸⁾.

◆◆ 1. 26 июня Бакунинъ писалъ между прочимъ: „Нѣсколько словъ твоихъ черезъ В(ырубова) получилъ и радъ былъ съ нимъ познакомиться. Онъ, кажется, порядочный человѣкъ, напоминаетъ мнѣ своему

¹⁾ Шарль-Александръ.

²⁾ Но на какомъ основаніи? — Долженъ же я существовать. — Я не вижу въ этомъ необходимости.

³⁾ Разбойничество.

⁴⁾ Трубецкой.

⁵⁾ Улица въ Парижѣ.

⁶⁾ Quai de Jemmapes, тоже.

⁷⁾ Сударыня, вашъ мужъ подвергаетъ опасности свою жизнь на площади.

⁸⁾ „Порядокъ торжествуетъ!“

кантовскою доктриною мою юность, когда я горячку поролъ во имя Гегеля такъ же, какъ онъ поретъ ее теперь во имя позитивизма“ („Письма“, 166).

22 сентября: „Я думаю, что мысль издавать „Колоколь“ и „Полярную Звѣзду“ по-французски — счастливая мысль, только, ради Бога, не мирволте болѣе ни правительству, ни государю, ни государству“ (стр. 169).

Для пониманія причинъ принципиальнаго расхожденія Герцена и Огарева съ Бакунинымъ въ эпоху 1863—1866 гг. необходимо познакомиться съ двумя его къ нимъ письмами отъ августа 1866 года.

„Вы упрекали меня въ бездѣйствіи въ то время, какъ я былъ дѣятельнѣе, чѣмъ когда-нибудь; я говорю объ этихъ трехъ послѣднихъ годахъ. Единимъ предметомъ моей дѣятельности было основаніе и устройство интернаціональнаго революціонно-соціалистическаго тайнаго общества. Зная напередъ, что вы, по темпераменту своему и вслѣдствіе настоящаго направленія вашей дѣятельности, къ нему приступить не можете, но, съ другой стороны, имѣя въ крѣпость и въ честность вашихъ характеровъ вѣру безусловную, посылаю вамъ, въ особенномъ запечатанномъ пакетѣ, полную программу: изложеніе началъ и организаціи общества. Оставивъ въ сторонѣ литературныя несовершенства этого труда, обратите вниманіе только на суть дѣла. Вы найдете много лишнихъ подробностей, но вспомните, что писалъ я посреди итальянцевъ, которымъ, увы, соціальныя идеи были почти совсѣмъ неизвѣстны. Особенную борьбу приходилось мнѣ выдерживать противъ, такъ называемыхъ, національныхъ страстей и идей, противъ отвратительнѣйшей патріотической буржуазной реторики, раздуваемой весьма сильно Маццини и Гарибальди. Послѣ трехгодовой трудной работы я добился положительныхъ результатовъ. Есть у насъ друзья въ Швеціи, въ Норвегіи, въ Даніи, есть въ Англіи, въ Бельгіи, во Франціи, въ Испаніи и въ Италіи; есть поляки, есть даже нѣсколько русскихъ. Въ южной Италіи большая часть мацциновскихъ организацій, Falangia Sacra перешла въ наши руки. Прилагаю тутъ же короткую программу нашей итальянской національной организаціи. Въ одномъ посланіи къ своимъ друзьямъ въ Неаполѣ и въ Сициліи Маццини сдѣлалъ на меня формальный доносъ, называя, впрочемъ, меня *il mio illustre amico Michele Bakunin*“, — доносъ для меня довольно неудобный, потому что, такъ какъ въ фалангахъ Маццини, особливо въ Сициліи, много правительственныхъ агентовъ, онъ могъ серьезно компрометировать меня. Къ счастью моему, правительство здѣсь соціального движенія еще не починяетъ и потому не боится и доказываетъ тѣмъ свою не малую глупость, потому что послѣ полнѣйшаго кораблекрушенія всѣхъ другихъ партій, идей и мотивовъ, въ Италіи осталась

только одна живая возможная сила: социальная революція. Весь народъ, особливо въ южной Италіи, массами валить къ намъ, и бѣдность наша не въ матеріалѣ, а въ числѣ *образованныхъ* людей, искреннихъ и способныхъ дать форму этому матеріалу. Труда много, препятствій тѣма, отсутствіе денежныхъ средствъ ужасно — и, несмотря на все, несмотря даже на сильную военную диверсію, мы нисколько не унываемъ, не теряемъ терпѣнія, терпѣнія же надо много, и хотя медленно, но, дѣйствительно, каждый день подвигаемся впередъ. Этого будетъ достаточно, чтобъ объяснить вамъ, чѣмъ я былъ занятъ въ продолженіе трехъ лѣтъ. Согласный съ вами въ томъ, что для успѣха дѣла надо огородить его отъ всего посторонняго и лишняго и предаться ему исключительно, я занимался только имъ и абстрагировалъ себя отъ всего прочаго. Такимъ образомъ, я разошелся съ вами, если не въ дѣли, такъ въ методѣ, а вы знаете: „la forme entraine toujours le fond avec elle“... Вашъ настоящій путь мнѣ сталъ непонятенъ, полемизировать съ вами мнѣ не хотѣлось, а согласиться не могъ. Я просто не понимаю вашихъ писемъ къ государю, ни дѣли, ни пользы, — вижу въ нихъ, напротивъ, тотъ вредъ, что они могутъ породить въ неопытныхъ умахъ мысль, что отъ государства вообще, и особенно отъ всероссійскаго государства и отъ представляющаго его правительства, можно ожидать еще чего-нибудь добраго для народа. По моему убѣжденію, напротивъ, дѣлая пакости, гадости, зло, они дѣлаютъ свое дѣло. Вы научились отъ англійскихъ виговъ презирать логику, а я ее уважаю, — и позволю себѣ вамъ напомнить, что тутъ дѣло идетъ не о логикѣ произвольной лица, но о логикѣ фактовъ, самой дѣйствительности. Вы утверждаете, что правительство, такъ, какъ оно было поставлено, могло сдѣлать чудеса „по плюсу и по минусу“ („Колоколь“, 15 дек. 65, стр. 1718), а я убѣжденъ, что оно сильно только въ минусѣ и что никакой плюсъ для него недоступенъ. Вы упрекаете своихъ бывшихъ друзей, нынѣшнихъ государственныхъ патріотовъ, въ томъ, что они сдѣлались доносчиками и палачами. Мнѣ жъ, напротивъ, кажется, что кто хочетъ сохраненія всецѣлости имперіи, долженъ стать смѣло на сторону Муравьева, который является мнѣ доблестнымъ представителемъ, Сень-Жюстомъ и Робеспьеромъ всероссійской государственности, и что хотѣть сохраненія интегритета и не хотѣть муравьевщины было бы непрослительнымъ слабодушіемъ. У декабристовъ было въ обѣихъ раздѣлявшихъ ихъ партіяхъ болѣе логики и болѣе рѣшимости: Якушкинъ хотѣлъ зарѣзать Александра Павловича за то только, что тотъ смѣлъ подумать о воссоединеніи Литвы съ Польшею, Пестель же смѣло провозглашалъ разрушеніе имперіи, вольную федерацію и социальную революцію. Онъ былъ смѣлѣе васъ, потому что не оробѣлъ передъ яростными криками друзей и товари-

щей по заговору, благородныхъ, но слѣпыхъ членовъ сѣверной организации. Вы же испугались и отступились передъ искусственнымъ, подкупленнымъ воплемъ московскихъ и петербургскихъ журналистовъ, поддерживаемыхъ гнусною массою плантаторовъ и нравственно обанкротившимся большинствомъ учениковъ Бѣлинскаго и Грановскаго, твоихъ учениковъ, Герценъ, большинствомъ старой гуманно-эстетизирующей братіи, книжный идеализмъ которой не выдержалъ, увы, напора грязной казенной русской дѣйствительности. Ты оказался слабъ, Герценъ, передъ этой 'измѣной, которую твой свѣтлый, пронизательный, строго-логическій умъ непременно предвидѣлъ бы, если-бъ не затемнила его сердечная слабость. Ты до сихъ поръ не можешь справиться съ нею, забиться, утѣшиться. Въ твоемъ голосѣ слышится до сихъ поръ оскорбленная, раздраженная грусть... Ты все говоришь съ ними, усовѣщевашь ихъ, точно такъ же, какъ усовѣщевашь императора, вмѣсто того, чтобъ плюнуть одинъ разъ навсегда на всю свою старую публику и, обернувшись къ ней спиною, обратиться къ публикѣ новой, молодой, едино-способной понять тебя искренно, широко и съ волею дѣла. Такимъ образомъ ты отъ излишней нѣжности къ своимъ многогрѣшнымъ старикамъ измѣняешь своему долгу. Ты только занимаешься ими, говоришь, уменьшаешь себя для нихъ, и, утѣшая себя мыслью, „что худшее время мы пережили, и что скоро на вашъ звѣнь снова явятся блудныя дѣти ваши съ сѣдыми волосами и совсѣмъ безъ волосъ изъ патріотическаго стада"... (1-го декабря, 1710 стр.), а ты до тѣхъ поръ, „ради успѣха практической пропаганды“, обрекаешь себя на трудную, неблагодарную обязанность „быть по плечу своему (печальному) хору, всегда шагомъ впередъ, и никогда двумя". Я, право, не понимаю, что значить итти однимъ шагомъ впереди передъ поклонниками Каткова, Скарятина, Муравьева, даже передъ сторонниками Милютиныхъ, Самариныхъ, Аксаковыхъ? Мнѣ кажется, что между тобой и ими разница не только количественная, но и качественная, что между вами ничего общаго нѣтъ и быть не должно. Они, прежде всего, оставивъ въ сторонѣ ихъ личные и сословные интересы, могущество которыхъ тянетъ ихъ, впрочемъ, неотразимо въ противный намъ лагерь, они — патріоты-государственники, ты — социалистъ, поэтому, ради послѣдовательности, долженъ быть врагомъ вообще всякаго государства, несовмѣстнаго съ дѣйствительнымъ, вольнымъ, широкимъ развитіемъ социальныхъ интересовъ народовъ. Они, кромѣ себя и своихъ интересовъ, готовы пожертвовать всѣмъ, — и челоуѣчествомъ, и правдою, и правомъ, и волею и благосостояніемъ народа для поддержанія, для подкрѣпленія и для расширенія государственной силы, — ты, какъ искренній социалистъ, безъ сомнѣнія, готовъ жертвовать и жизнью, и состояніемъ для разрушенія того же

самаго государства, существованіе котораго несомѣстимо ни съ волею, ни съ благосостояніемъ народа. Или ты социалистъ-государственникъ, готовый помириться съ самою гнусною и опасною ложью, порожденною нашимъ вѣкомъ: съ казеннымъ демократизмомъ, съ краснымъ бюрократизмомъ? Ты нигдѣ этого не высказываешь ясно; можно даже найти въ твоихъ статьяхъ много междусловіи и мѣткихъ замѣчаній, прямо отрицающихъ государственность вообще, но въ то же самое время ты говоришь о чудесахъ, которыя правительство могло совершить по плюсу, объ „императорѣ, который, отрекаясь отъ петровщины, совмѣститъ въ себѣ, можетъ быть, царя и Стеньку Разина“. Герцень, вѣдь, это нелѣпость, и я не понимаю, право, какъ она могла образоваться въ твоей головѣ, вырваться изъ нея и лечь подъ твоё перо! Ты скажешь, пожалуй, что я самъ говорилъ то же самое въ брошюрѣ „Народное дѣло“. — Ну, не совмѣмъ то же самое. Не желая выступать революціонно, *въ противность вамъ*, — а вы помните, сколько у меня было съ вами горячихъ споровъ, — я обратился тогда къ царю съ другою цѣлью, съ другою потаенною мыслью: я и тогда, какъ и теперь, былъ вполнѣ убѣжденъ въ несомѣстимости его съ нашею программю „Земли и Воля“ и за отсутствіемъ возможности выставить эту несообразность положительнымъ образомъ стремился высказать ее отрицательно. Предлагая Александру Николаевичу сдѣлаться народнымъ, земскимъ царемъ посредствомъ уничтоженія всѣхъ сословій, военной, церковной и гражданской бюрократіи и всякой государственной централизаціи, посредствомъ присвоенія земли и безграничной воли народу и отпущенія на волю всѣхъ областей, не желающихъ связи съ великорусскими областями, я *сознательно* призывалъ царя къ разрушенію собственными руками имперіи, къ политическому самоубійству и никогда мнѣ въ голову не приходило, чтобы онъ могъ согласиться на такой поступокъ. Я былъ съ вами вмѣстѣ увѣренъ, что онъ, обусловленный съ головы до ногъ воспитаніемъ, обстановкою, интересами, традиціями, всѣми необходимостями императорскаго положенія, самою силою вещей обреченъ на продолженіе петровской системы, и указаніемъ на единственный для него невозможный путь, ведущій къ дѣйствительному освобожденію русской земли, старался вызвать яснѣе во всѣхъ сознаніе несомѣстимости царской власти съ благомъ подвластныхъ ей народовъ. Это было время компромиссовъ. Вы помните, я и тогда не вѣрилъ, чтобы изъ среды дворянскаго сословія могла подняться сила, способная потрясти или только ограничить самодержавіе. Вспомните наши споры противъ Л(угинин)а. Какъ часто мы противъ него вмѣстѣ отрицали дворянскую самостоятельность и защищали неумытыхъ семинаристовъ и нигилистовъ, эту единственно свѣжую силу внѣ народа. Однако, тогда было еще въ дворянствѣ

громкое движущее меньшинство — тверское дворянство шло вперед, требуя уравнения всѣхъ правъ и земскаго собора. Огаревъ сочинилъ даже проектъ дворянскаго адреса къ царю. Дворянство еще не успѣло выказать всей таившейся въ немъ подлости. То было время нелѣпыхъ надеждъ... Мы всѣ говорили, писали въ виду возможности земскаго собора... и дѣлали, я по крайней мѣрѣ дѣлалъ, уступки не по содержанію, а въ формѣ, чтобы только не помѣшать, въ сущности, невозможному созванію земскаго собора. Каюсь и вполне сознаю, что никогда не слѣдовало отступать ни содержаніемъ, ни формою отъ опредѣленной и ясной социальной революціонной программы. Знаю, вамъ ненавистно слово „революція“, но что жъ дѣлать, друзья, безъ революціи ни для васъ, ни для кого нѣтъ ни шагу впередъ. Вы во имя вящей практичности составили себѣ невозможную теорію о переворотѣ социальномъ безъ политическаго переворота, — теорія столь же невозможная въ настоящее время, какъ революція политическая безъ социальной; оба переворота идутъ рука объ руку и, въ сущности, составляютъ одно. Вы все готовы простить государству, пожалуй, готовы поддерживать его, если не прямо, — было бы слишкомъ стыдно, — такъ косвенно, лишь бы оно оставило неприкосновеннымъ ваше мистическое святая святыхъ: великорусскую общину, отъ которой *мистически*, — не разсердитесь за обидное, но вѣрное слово, — да, съ мистическою вѣрою и теоретическою страстью вы ждете спасенія не только для великорусскаго народа, но и для всѣхъ славянскихъ земель, для Европы, для міра. А, кстати, скажите, отчего вы, уединенные гордецы *никѣмъ* не понятой и не принятой теоріи о таинственномъ свѣтѣ и мощи, скрывающихся въ глубинѣ русской общины, не соблаговолили отвѣчать серьезно и ясно на серьезный упрекъ, сдѣланный вамъ вашимъ пріятелемъ: „Вы выбиваетесь изъ силъ, пишете вамъ этотъ другъ... вы воображаете, что развитіе пойдетъ мирнымъ путемъ, а оно *мирнымъ путемъ не пойдетъ*; пожалуй, вы еще надеетесь въ этотъ несчастный одиннадцатый часъ на правительство, а оно *можетъ дѣлать* только вредъ; вы *запнулись за русскую избу, которая сама запнулась да и стоитъ вѣка въ китайской неподвижности со своимъ правомъ на землю*“. Почему не разовьете вы въ своемъ „Колоколѣ“ этого важнаго, рѣшительнаго для вашей теоріи вопроса: почему эта община, отъ которой вы ожидаете такихъ чудесъ въ будущемъ, въ продолженіе 10 вѣковъ прошедшаго существованія не произвела изъ себя ничего, кромѣ самаго печальнаго или гнуснаго рабства? — Безобразное приниженіе женщины, абсолютное отрицаніе и непониманіе женскаго права и женской чести и апатическая, равнодушная готовность отдать ее, службы цѣлага міра ради, подъ перваго чиновника, подъ перваго офицера. Гнусная гнилость и совершенное

безправіе патріархальнаго деспотизма и патріархальнаго обычаевъ, безправіе лица передъ міромъ и всеподавляющая тягость этого міра, убивающая всякую возможность индивидуальной инициативы, — отсутствіе права не только юридическаго, но простой справедливости въ рѣшеніяхъ того же міра — и жесткая злостная безцеремонность его отношеній къ каждому безсильному или небогату члену; его систематическая злорадная, жестокая притѣснительность въ отношеніи къ тѣмъ лицамъ, въ которыхъ появляются притязанія на малѣйшую самостоятельность, — и готовность продать всякое право и всякую правду за ведро водки, — вотъ, во всецѣлости ея настоящаго характера, великорусская крестьянская община. Прибавьте къ этому мгновенное обращеніе всякаго выборнаго крестьянина въ притѣснителя, чиновника, взяточника, и картина будетъ полная, полная для всякой общины, мирно и покорно живущей подъ сѣнью всероссійскаго государства. Есть, правда, другая сторона: бунтовская, Стенько-Разиновская, Пугачевская, раскольничья — единственная сторона, отъ которой должно, по моему мнѣнію, ждать морализаціи и спасенія для русскаго народа. Ну, да это сторона ужъ не мирно развивающаяся, не государственная, а чисто революціонная, революціонная даже и тогда, когда она пробуждается съ призывомъ царскаго имени. О бокъ со страшными недостатками, мною исчисленными, вы находите въ великорусской общинѣ двѣ добродѣтели, два преимущества: одно чисто отрицательное — отсутствіе римскаго и всякаго юридическаго права, замѣненнаго въ великорусскомъ народѣ неопредѣленнымъ и въ отношеніи собственно къ лицамъ крайне безцеремоннымъ и даже совершенно отрицающимъ правомъ; другое, пожалуй, положительное, хотя и весьма темное, инстинктивное — понятіе народа о правѣ каждаго крестьянина на землю, — понятіе, которое, если разобрать его строго, отнюдь не утверждаетъ права всего народа на всю землю и чуть ли не заключаетъ въ себѣ другого весьма печальнаго понятія, присваивающаго всю землю государству и государю, — мнѣ ли объяснять вамъ, какая огромная разниа между этими двумя положеніями:

Земля принадлежитъ народу,
Земля принадлежитъ государю.

„Вслѣдствіе послѣдняго, государь даритъ пустыя, а прежде дарилъ и населенныя, земли своимъ генераламъ, гонитъ цѣлыя общины съ одной земли на другую, не возбуждая ропота въ народѣ, лишь дали бы ему какую-нибудь землю. „Земля наша, а мы государевы“ — съ этимъ понятіемъ, друзья мои, русскій народъ уйдетъ недалеко. Да и въ самомъ дѣлѣ, всѣ преимущества, находимыя вами въ великорусской общинѣ, существовали издавна, а до сихъ поръ ничего не выработали

изъ себя, кромѣ рабства да гнили, да еще отрицанія всего государственнаго устройства, московско-петровскаго міра въ расколѣ, въ казачествѣ да въ крестьянскомъ бунтѣ. Община наша не имѣла даже и внутренняго развитія; она теперь та же, что и тому назадъ пятьсотъ лѣтъ, а если въ ней, благодаря напору государственности, стало замѣтно подобіе внутренняго процесса, такъ это процессы разложенія, — всякій мужикъ побогаче да посильнѣе другихъ стремится теперь всѣми силами вырваться изъ общины, которая его тѣснить и душить. Откуда же эта неподвижность и непроизводительность русской общины? Оттого ли, что въ ней самой нѣтъ началъ развитія и движенія? Да, пожалуй, и такъ. Въ ней нѣтъ свободы, а безъ свободы, вѣстимо, никакое общественное движеніе немислимо. Что-жъ мѣшаетъ пробужденію свободы? Государство, московское государство, которое убило въ русскомъ мірѣ всѣ живые зачатки народнаго просвѣщенія, развитія и преуспѣянія, зацвѣтшіе, было въ Новгородѣ, потомъ въ Кіевѣ; которое погубило ихъ вторично подавленіемъ казачества и раскола, — петровское государство, которое, какъ вамъ извѣстно, все построено на радикальномъ отрицаніи народной самостоятельности и народной жизни, и которое, не имѣя ничего общаго съ народомъ, переродиться въ народное государственное устройство не можетъ; бюрократическое и военное не случайно, а цѣлымъ существомъ своимъ, пока оно существовать будетъ, оно въ видахъ самосохраненія непремѣнно будетъ требовать отъ народа все болѣе солдатъ и денегъ, и такъ какъ ни одинъ народъ не даетъ ни того, ни другого охотно, все болѣе будетъ тѣснить и разорять его. Въ этомъ его единственный способъ жизни, а вслѣдствіе того и единственное назначеніе. Формы или, вѣрнѣе, этикетки нашего государства могутъ измѣниться, но сущность его неизмѣнна.

„Государство, кромѣ зла, ничего народу не дѣлало и сдѣлать не можетъ. — Да какъ же, возразите вы, развѣ государь не освободилъ крестьянъ? — Въ томъ-то и дѣло, что не освободилъ. Мнѣ ли вамъ говорить и доказывать, что освобожденіе было мнимое. Это было, въ виду грозившихъ смуть и опасностей, не что иное, какъ перемѣна методы и системы. въ дѣлѣ народнаго притѣсненія; помѣщичьи крестьяне превращены въ государственныхъ. Мѣсто чиновника-помѣщика заняла теперь чиновникъ-община, а надъ общиной все казенное чиновничество; на мѣсто помѣщика, община сдѣлалась теперь въ рукахъ государства слѣпымъ, послушнымъ орудіемъ для управленія крестьянами. Воли у крестьянъ такъ же мало, какъ и прежде, ни одинъ пошевелиться безъ паспорта не можетъ, а паспорта выдаетъ отвѣчающая за нихъ передъ лицомъ правительства община. Круговая порука хороша и дѣйствуетъ благодатно тамъ, гдѣ есть воля; она пагубна

при нашемъ государственномъ устройствѣ. Итакъ, нѣтъ и, пока продлится существованіе государства, крестьянской воли не будетъ. Нѣтъ и признанія крестьянскаго права на землю. Если земля крестьянская, такъ зачѣмъ же выкупъ — и какой еще выкупъ! Разорившіи крестьянъ, принужденныхъ итти по цѣлой Россіи брать худшую землю за хорошія деньги. Эхъ, друзья, есть у насъ символы, этикеты, а реальныхъ предметовъ, выражаемыхъ ими, нѣтъ. Въ чемъ же вы видите движеніе впередъ, въ чемъ сущность правительственнаго подарка крестьянамъ? Развѣ только въ дешевизнѣ вина, позволяющей бѣдному народу, женщинамъ, дѣтямъ упиваться съ горя. Хорошо движеніе, не пробудившее въ нашемъ умномъ, живомъ народѣ ничѣго, кромѣ всенароднаго пьянства. „...Наша груша зрѣеть не по днямъ, а по часамъ“ говорите вы, — пожалуй, и зрѣеть, но не благодаря государству и не на радость ему, а пока она не созрѣетъ, въ Россіи будетъ только одна дѣйствительность: всеподавляющее, всепоглощающее, всеразвращающее государство. Какъ же вы послѣ этого говорите, что „правильной реакціи у насъ быть не можетъ, что въ ней нѣтъ дѣйствительной необходимости и что такъ какъ реакція бессмысленна, то она и должна утратить тотъ бессмысленный характеръ, въ которомъ она является у насъ“ (15 дек. 1865, стр. 1718)? Напротивъ, мнѣ кажется, что со времени основанія московскаго государства, послѣ убійства народной жизни въ Новгородѣ и въ Кіевѣ, послѣ подавленія Стенько-Разинскаго и пугачевскаго бунта, въ нашемъ несчастномъ и опозоренномъ отечествѣ правильна и дѣйствительна только одна реакція; то, что въ исторіи другихъ европейскихъ странъ было только перемежающимся фактомъ, то у насъ составляетъ фактъ непрестанный и непрерывный: то есть отрицаніе всего человѣческаго, жизни, права, воли каждаго чловѣка и цѣлыхъ народовъ во имя и въ единую пользу государства. Развѣ восторжествовавшее царство штыка и кнута и покореніе всякой народной жизни подъ нимъ не есть правильная, дѣйствительная, необходимая и вмѣстѣ съ тѣмъ самая страшная реакція, когда-либо существовавшая въ мірѣ? И вы отъ этой систематической и, повторяю еще разъ, совершенно необходимой реакціи ждете чудесъ по плюсу? И вы печатно предполагаете возможность такого императора, который, отрекшись отъ петровщины, совмѣстилъ бы въ себѣ царя и Стеньку Разина? Любезные друзья, я не менѣе васъ рѣшительный социалистъ, но именно потому, что я социалистъ, я рѣшительно не допускаю совмѣстимости социальнаго преуспѣянія Россіи и развитія тѣхъ зародышей, которые вотъ уже скоро тысячу лѣтъ, дѣйствительно, таятся въ нѣдрахъ русскаго крестьянскаго общества съ дальнѣйшимъ существованіемъ всероссійскаго государства, — и думаю, что первая обязанность насъ, русскихъ изгнан-

цевъ, принужденныхъ жить и дѣйствовать за границей, — это провозглашать *громко необходимость разрушенія имперіи*. Это должно быть первымъ словомъ нашей программы. Такое провозглашеніе было бы непрактично, скажете вы... Противъ насъ подымется всероссійская помѣщичья, литературная, официальная буря. Будутъ ругать, — тѣмъ лучше; теперь о насъ всѣ замолчали и равнодушно обернулись къ намъ спиною, — это хуже. Царь перестанетъ читать твои письма, — бѣды нѣтъ, ты перестанешь писать ихъ, — выиграешь ясный. Старые лысые друзья отъ тебя окончательно оттолкнутся, и потеряется всякая надежда на ихъ исправленіе, — что-жъ, развѣ ты дѣйствительно вѣришь, Герценъ, въ возможность и въ пользу ихъ исправленія? Мнѣ кажется, что между тобою и ими, даже въ лучшее время, существовало всегда большое недоразумѣніе. Они преклонялись передъ твоимъ громаднымъ талантомъ, восторгались твоимъ всепоражающимъ остроуміемъ, уважали тебя тѣмъ болѣе, что читали и слушали тебя съ уваженіемъ самъ царь, великіе князья, все министерство; вся петербургская знать передъ тобою трепетала, слово твое смѣняло генераль-губернаторовъ, а генераль-адъютанты съ гордостью называли тебя своимъ другомъ. Это было твое золотое время, не правда ли, Герценъ? А друзья твои въ Россіи, видя твое полуофициальное могущество, хвалили, лелѣяли тебя, льстили тебѣ, какъ своему предводителю, подличали передъ тобою и, громко хвастясь твоимъ довѣріемъ, твоею корреспонденціею, какъ бы сами становились соучастниками въ твоемъ могуществѣ. Но были ли они когда вмѣстѣ съ тобою, социалистомъ? Ты знаешь самъ, что никогда не были, они всегда порицали тебя за твой социализмъ и, если прощали его тебѣ, такъ только изъ уваженія, къ твоимъ полуофициальнымъ услугамъ и потому, что сами боялись тебя. Но когда послѣ убійства Антона Петрова и послѣ арестовъ Михайлова и другихъ, лучшихъ, настоящихъ друзей нашихъ стали хватать, и ты принялъ громко ихъ сторону, лысые друзья твои впервые усомнились въ твоемъ практическомъ тактѣ, т.е. въ продолженіи твоего трогательнаго согласія съ императоромъ. Случились пожары, зашалила молодая Россія — они стали умолять тебя остепениться, какъ еще прежде умоляли тебя не издавать „Колокола“, и, все-таки, еще не смѣли явно отъ тебя отступить, потому что слово твое гремѣло попрежнему. Настало польское дѣло, ты самъ испугался, ослабъ передъ искусственнымъ воплемъ, поднятымъ противъ поляковъ и противъ тебя подкупною литературою, — вольную литературу правительство задушило, — и вдругъ перешель изъ роли грознаго карателя, громящаго и казнящаго безъ страха и безъ устали, въ роль оскорбленнаго и покинутаго любимца, объясняющагося и чуть ли не просящаго прощенія. Съ тѣхъ поръ мнимые друзья

твои перестали признавать въ тебѣ начальника, а такъ какъ они не могутъ жить безъ начальства, перешли гуртомъ подѣ начальство ругавшаго тебя Каткова: „значить, онъ правъ, значить и сила есть, если грозить и ругаетъ“. „Значить не правъ и безсиленъ, когда заговорилъ съ нами такъ мягко и сталъ намъ вдругъ дѣлать уступки“. Таково было искони вѣка разсужденіе, такъ называемаго, образованнаго люда въ Россіи. Повѣрь мнѣ, Герценъ, твоя пресловутая „перемѣна фронта“, которою ты такъ гордился и которою хотѣлъ доказать намъ, „абстрактнымъ революціонерамъ“, твое практическое и тактическое умѣнье, была огромнымъ промахомъ. Твоя уступка развратному, только мнимо-единодушному дворяно-литературному мнѣнію въ Россіи, разъярившемуся злобою во имя интегритета имперіи, по случаю польскаго вопроса, была бы ошибкою даже и тогда, если весь великорусскій народъ участвовалъ бы въ этомъ мнѣніи. Развѣ правда и право перестаютъ быть правдою и правомъ потому только, что цѣлый народъ становится противъ нихъ? Бываютъ моменты въ исторіи, когда люди и партіи, сильные тѣмъ принципомъ, тою истинною, которая живетъ въ нихъ, должны для блага общаго и для сохраненія своей собственной чести имѣть мужество остаться одни, въ увѣренности, что истина притянетъ къ нимъ рано или поздно не старыхъ и лысыхъ ренегатовъ, возвращеніе которыхъ совершается всегда въ ущербъ дѣлу, а новья, свѣжія массы. Вѣдь, истина — не абстракція и не продуктъ личнаго произвола, а только наиболѣе логичное выраженіе тѣхъ началъ, которыя живутъ и дѣйствуютъ въ массахъ. Массы иногда по близорукости и невѣжеству увлекаются въ сторону отъ столбовой дороги, ведущей прямо къ ихъ цѣли, и нерѣдко становятся въ рукахъ правительства и привилегированныхъ классовъ орудіемъ для достиженія цѣлей рѣшительно противныхъ ихъ существеннымъ интересамъ. Что-жь, неужели люди, знающіе, въ чѣмъ дѣло, знающіе, куда надо и куда не надо итти, должны ради популярности увлекаться и врать вмѣстѣ съ ними? Въ этомъ ли состоитъ ваша пресловутая практичность? Не та ли самая практичность заставила Маццини нейтрализовать республиканское знамя въ 1859 г., писать посланія къ папѣ и къ королю, искать сдѣлокъ съ Кауруомъ, и отъ уступки къ уступкѣ не она ли его довела до совершеннаго собственноручнаго разрушенія республиканской партіи въ Италіи? Она же превратила народнаго героя Гарибальди въ безсловеснаго слугу Виктора-Эммануила и Наполеона III. Говорятъ, Маццини и Гарибальди должны были уступить волѣ народной. Въ томъ-то и дѣло, что они уступили не волѣ народной, а небольшому буржуазному меньшинству, взявшему на себя право говорить во имя равнодушнаго ко всѣмъ этимъ политическимъ перемѣнамъ народа. То же самое случилось и

съ вами. Вы прижали литературно-помѣщичій вопль за выраженіе народнаго чувства и оробѣли — оттуда переимѣна фронта, кокетничанье съ лысыми друзьями-измѣнниками и новыя посланія къ государю... и статьи въ родѣ 1-го мая нынѣшняго года, — статья, которой я ни за что въ мірѣ не согласился бы подписать; ни за что въ мірѣ я не бросилъ бы въ Каракозова каменя и не назвалъ бы его печатно „фанатикомъ или озлобленнымъ человѣкомъ изъ дворянъ“ въ то самое время, когда вся подлая лакейская дворяно- и литературно-чиновничья Русь его ругаетъ и, ругая его, надѣется выслужиться передъ царемъ и начальствомъ, — въ то время, какъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ наши лысые друзья съ восторгомъ говорятъ: „ну, ужъ Михаилъ Николаевичъ его пытнетъ“, и когда онъ выносить всѣ муравьевскія истязанія съ изумительнымъ мужествомъ. Ни въ какомъ случаѣ мы здѣсь не имѣемъ права судить его, ничего не зная о немъ, ни о причинахъ, побудившихъ его къ извѣстному поступку. Я такъ же, какъ и ты, не ожидаю ни малѣйшей пользы отъ царевубійства въ Россіи, готовъ даже согласиться, что оно положительно вредно, возбуждая въ пользу царя временную реакцію, но не удивляюсь отнюдь, что не всѣ раздѣляютъ это мнѣніе, и что подъ тягостю настоящаго невыносимаго, говорятъ, положенія нашелся человѣкъ менѣе философски развитой, но зато и болѣе энергичный, чѣмъ мы, который подумалъ, что гордіевъ узелъ можно разрѣзать однимъ ударомъ. Несмотря на теоретическій промахъ его, мы не можемъ отказать ему въ своемъ уваженіи и должны признать его „нашимъ“ передъ гнусной толпой лакействующихъ царепоклонниковъ. Въ противность сему ты въ той же статьѣ восхваляешь „необыкновенное“ присутствіе духа молодого крестьянина, *рѣдкую* быстроту соображенія и ловкость его. Любезный Герценъ, вѣдь, это изъ рукъ вонъ плохо, на тебя непохоже, смѣшно и нелѣпо. Что-жъ необыкновеннаго и рѣдкаго въ дѣйствіи человѣка, который, видя, какъ другой человѣкъ подымаетъ руку на третьяго, хватаетъ его за руку или ударяетъ по ней? Вѣдь, это сдѣлалъ бы всякій, старикъ такъ же, какъ и молодой, царененавистникъ такъ же, какъ и самый ревностный царепоклонникъ. Это сдѣлалъ бы всякій безъ мысли, безъ цѣли, а механически, инстинктивно, съ быстротой и ловкостью всякаго инстинктивнаго движенія... Твое выраженіе: „озлобленный человѣкъ изъ дворянъ“ напоминаетъ мнѣ любимое выраженіе оправославившагося Гоголя, который въ послѣднее время своей жизни называлъ насъ всѣхъ „огорченными“, а, во-вторыхъ, твое выраженіе двусмысленно: можно подумать, что ты считаешь его озлобленнымъ противъ царя за то, что онъ освободилъ крестьянъ? Въ дѣйствительности же онъ стрѣлялъ въ него потому, что онъ обманулъ крестьянъ. Это явствуетъ изъ первыхъ словъ, произнесенныхъ Кара-

козовымъ по совершеніи акта. А ты въ той же статьѣ, еще сердисься на царя за то, что онъ введеніемъ Комиссарова въ дворянское достоинство, будто бы, исказилъ смыслъ урока, даннаго намъ исторію. Въ чемъ же состоитъ, по-твоему, смыслъ историческаго урока? Догадаться не трудно: Рылѣвы, Трубецкіе, Волконскіе, Петрашевскіе, Каракозовы — непримиримые враги императорства, — всѣ изъ дворянъ. Сусанины, Мартыановы, Комиссаровы, — поборники и спасители самодержавія — всѣ изъ народа. Ты же, продолжая свою роль неприваннаго и непризнаннаго совѣтника и пестуна всего царскаго дома, не исключая даже и Лейхтенбергскихъ, ты упрекаешь Александра Николаевича въ томъ, что онъ унижаетъ преданное ему крестьянство передъ враждебнымъ ему дворянствомъ. А, вѣдь, что ни говори, Герценъ, Александръ Николаевичъ, руководимый чувствомъ самосохраненія, лучше понимаетъ смыслъ государственной русской исторіи, чѣмъ ты.

Пора резюмироваться: не подлежитъ сомнѣнію, что ваша пропаганда въ настоящее время не пользуется даже и десятою долею того вліянія, которое она имѣла четыре года тому назадъ. Звоны вашего „Колокола“ раздаются и теряются нынѣ въ пустынь, не обращая на себя почти ничего вниманія... Значитъ, что онъ звонитъ по пустому и благовѣститъ не то, что слѣдуетъ. Вамъ остается два выхода: или его прекратить, или дать ему направленіе иное. Вамъ надо рѣшиться. Въ чемъ же должно состоять новое направленіе? А прежде всего опредѣлить, къ кому вы должны обращаться? Гдѣ ваша публика? Народъ не читаетъ, слѣдовательно, вамъ дѣйствовать прямо на народъ изъ-за границы невозможно. Вы должны руководить тѣхъ, которые положеніемъ своимъ призваны дѣйствовать на народъ, именно тѣхъ, которыхъ вы своими практическими уступками и своимъ обращеніемъ то къ правительству, то къ лысымъ друзьямъ-измѣнникамъ систематически отъ себя удаляли. И прежде всего вы должны отказаться отъ всякаго притязанія, надежды и намѣренія вліять на настоящій ходъ дѣлъ, на государя, на правительство. Тамъ васъ никто не слушаетъ, пожалуй, надъ вами смѣются, тамъ всѣ знаютъ, куда они идутъ и чего имъ надо, знаютъ также, что всероссійское государство, кромѣ петербургскихъ цѣлей и средствъ, другими существовать не можетъ. Обращаясь къ этому міру, вы только теряете драгоценное время и компрометируетесь по пустому. Ищите публики новой въ молодежи, въ недоученныхъ ученикахъ Чернышевскаго и Добролюбова, въ Базаровыхъ, въ нигилистахъ — въ нихъ жизнь, въ нихъ энергія, въ нихъ честная и сильная воля. Только не кормите ихъ полусвѣтомъ, полуправдой, недомолвками. Да, встаньте опять на кафедру и, отказавшись отъ мнимой и, право, бессмысленной тактичности, ваяйте все,

что сами думаете, сплеча и не заботьтесь больше о томъ, сколькими шагами вы опередили свою публику. Не бойтесь, — она отъ васъ не отстанетъ и, въ случаѣ нужды, когда вы будете уставать, подтолкнетъ васъ впередъ. *Эта* публика сильна, молода, энергична, — ей надо полного свѣта и не испугаете вы ее никакою истиною. Проповѣдуйте вы ей практическую осмотрительность, осторожность, но дайте ей всю истину, дабы она при свѣтѣ этой истины могла узнать, куда итти и куда вести народъ. Развяжите себя, освободите себя отъ старческой боязни и отъ старческихъ соображеній, отъ всѣхъ фланговыхъ движеній, отъ тактики и отъ практики, перестаньте быть Эразмами, станьте Лютерами, — и возвратится къ вамъ вмѣстѣ съ утраченною вѣрою въ дѣло и старое краснорѣчіе и старая сила, и тогда, но только тогда, ваши старыя блудныя дѣти измѣнники, познавъ вновь въ вашемъ голосѣ голосъ начальника, возвратятся къ вамъ съ покаяніемъ — и горе вамъ, если вы согласитесь принять ихъ.

„Вотъ вамъ, друзья, мое полное мнѣніе, а теперь судите меня, какъ хотите, и постарайтесь отвѣчать не каламбурами, ничего не доказывающими, а дѣломъ. Что-жъ касается страннаго космо-поэтико-славо-лондон-женевскаго фратернитета и всемірнаго заговора противъ тебя, о которомъ ты упоминаешь въ своемъ послѣднемъ письмѣ, Герценъ, могу сказать тебѣ, что никогда о немъ не слыхалъ и вообще я совершенно намѣренно держу себя въ сторонѣ отъ всѣхъ эмигрантскихъ сплетенъ и шума. Слышалъ только отъ Утина младшаго, что будто онъ мирилъ тебя съ „Молодою Россією“ у себя за обѣдомъ... но не повѣрилъ“ („Письма“, 170—186).

Другое письмо только въ отрывкѣ:

„Какъ по вашему мнѣнію, должно дѣйствовать меньшинство: примирительно, одобрительно, въ дѣйствительномъ духѣ правительственныхъ реформъ, идущихъ прямо къ отрицанію народа, или отрицательно, революціоннымъ путемъ? — Вы этого нигдѣ не высказываете и умалчиваете съ намѣреніемъ, потому что, находясь сами въ недоумѣніи, не хотите отрѣзать у себя ни того, ни противнаго выхода, и въ надеждѣ, что обѣ стороны васъ равно слушать будутъ; люди мирныхъ и медленныхъ реформъ, клоняшіеся болѣе на сторону правительства, найдутъ для себя удовлетвореніе и пищу въ вашихъ строкахъ, но въ то же самое время между строками вы будете говорить съ передовыми людьми. Расчетъ не вѣрный, друзья. Оказалось, что ваши старинные партизаны, отсталые друзья, отвернушіеся, впрочемъ, отъ васъ потому, что интересы весьма положительные заставили ихъ отвернуться, — оказалось, что они, испуганные вашимъ междустрочнымъ ученіемъ, не хотятъ болѣе читать ваши строки,

а передовые люди, утомленные искусственнымъ благодушiемъ вашихъ невинныхъ строкъ, теряютъ вѣру въ искренность вашей междустрочной проповѣди. Исключая развѣ себя, вы никому не угодили.

„И въ чемъ же состоитъ, наконецъ, та *коренная задача*, въ смыслѣ которой, слѣдя по пути, указанному правительственными реформами, меньшинство должно стремить общество къ самостоятельности? Отгадать не трудно: *задача социальная*. Вы — прежде всего социалисты, и вашъ журналъ, если и не по исполненiю, то, хоть по намѣренiю, социалистическiй журналъ. Я говорю, „не по исполненiю, а по намѣренiю“, потому что нельзя назвать въ самомъ дѣлѣ серьезнымъ социалистическимъ журналомъ „Колоколъ“, котораго все учение въ продолженiе нѣсколькихъ лѣтъ ограничилось немногими афоризмами:

1. „Послѣднее слово всѣхъ вопросовъ религиозныхъ и политическихъ это — социальный вопросъ. — Время преобладанiя религиозной и политической борьбы кончилось, настало время преобладанiя интересовъ социальнo-экономическихъ.

„2. Западъ, отвергнувшiй въ 1848 году исходъ, который ему былъ открытъ социализмомъ, самъ произнесъ надъ собой роковой судъ, самъ приговорилъ себя къ истощенiю и къ смерти и съ тѣхъ поръ, изнемогая въ борьбѣ безвыходной и бесплодной, видимо каменѣетъ и умираетъ.

„Это новая основная, завѣтная мысль, Герценъ, высказанная тобою еще въ 1849 году и до сихъ поръ защищаемая тобою, можно сказать, съ страстнымъ фанатизмомъ изобрѣтателя. Но эта мысль, по моему убѣжденiю, нечѣрна. Напротивъ, я нахожу на Западѣ въ настоящее время несравненно болѣе задатковъ социальнаго развитiя и жизни, чѣмъ въ Россii. Объ этомъ надо поговорить много и я постараюсь написать статью въ „Колоколъ“, чтобъ дать тебѣ возможность меня разгромить.

„3. „Лихорадочный острый перiодъ для социализма прошелъ“. „Поле, повидимому, стало бѣднѣе, но замѣчательно очистилось, много выяснилось въ томъ, гдѣ искать отвѣтовъ и гдѣ ихъ не можетъ быть“.

„Это — также одна изъ вашихъ любимыхъ темъ. Вы съ особенной страстью проповѣдуете безстрастность настоящей постановки социальнаго вопроса. Но мнѣ кажется, что вы впадаете этою проповѣдью въ тяжелую ошибку. Можетъ ли быть безстрастiе и скудость содержанiя въ вопросѣ о дѣйствительномъ осуществленiи всего человеческого, всей полноты того мiра, котораго онъ напрасно искалъ въ религii, въ метафизикѣ, въ искусствѣ и политикѣ, всѣхъ завѣтныхъ и законныхъ инстинктовъ въ обыденной жизни и на этой землѣ? Нѣтъ

тора, что въ социальномъ вопросѣ, точно такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ существенныхъ и живыхъ вопросахъ, — какъ въ музыкѣ контрапунктъ, въ скульптурѣ и въ живописи анатомія, — есть своя весьма серьезная прозаическая, научная, арифметическая и вѣсовая основа и что безъ этой сухой и существенной основы никакое живое развитіе немыслимо. Но точно такъ же, какъ контрапунктомъ безъ музыки, единственно только изъ любви къ контрапункту, способны заняться много-много десятокъ сухихъ нѣмцевъ, вы можете быть увѣренными, друзья, что если бы въ социальномъ вопросѣ, столь бѣднымъ своимъ содержаніемъ, по вашему мнѣнію, была бы только эта арифметическая научная сторона, этотъ бы вопросъ остался бы вѣки вѣковъ чуждымъ для огромнаго большинства людей и народовъ и существовалъ бы только для немногихъ избранныхъ обожателей математическихъ рядовъ въ родѣ нашего друга Огарева. Вы скажете, что польза волей-неволей заставитъ всѣхъ обратиться къ социальному вопросу. Ну, это еще очень сомнительно. Чья польза? Не польза же образованныхъ привилегированныхъ классовъ, которые не только на Западѣ, какъ утверждаетъ Герценъ, но точно такъ же и въ Россіи прямо противоположны пользѣ эксплуатируемаго имъ большинства, даже не польза самого большинства, которое понять ее въ видѣ математическихъ рядовъ неспособно и которое никогда еще не подымалось въ исторіи силою только однихъ матеріальныхъ интересовъ, безъ участія сильныхъ идеальныхъ мотивовъ. Что же дѣлать, мои отрезвленные, прозаическіе друзья, — природы человѣческой ни вамъ, ни мнѣ не передѣлать; и она, къ несчастью нашему, такова, что человѣкъ живетъ не отъ единого хлѣба и что ему, помимо брѣха, нужно другого. Правда, что безъ брюшнаго удовлетворенія онъ никогда не доработается до полнаго человѣка, и на этомъ основана цѣлая половина социального вопроса, но, помимо удовлетворенія нуждъ матеріальныхъ, ему необходимо удовлетвореніе ума и сердца, ему нужно любви, справедливости, знанія, свободы. Вотъ чего онъ искалъ споконъ вѣковъ и чего до сихъ поръ ищетъ въ религіи, и вы сами знаете, какъ сильно дѣйствовала религія всегда и вездѣ на народъ. Этотъ идеальный міръ былъ равносильнъ въ исторіи міру матеріальному, а нерѣдко даже оказывался и сильнѣе послѣдняго. Религія, всякая религія—не что иное, какъ небесный социализмъ, точно такъ же, какъ социализмъ—не что иное, какъ земное, дѣйствительное осуществленіе существеннѣйшихъ религіозныхъ инстинктовъ. Почему же вы думаете, что, вступивъ въ фазу социально-экономическаго развитія, природа человѣка, пожалуй, хоть русскаго крестьянина, вдругъ обѣднѣетъ, и что онъ ни съ того, ни съ сего вдругъ откажется отъ цѣлой половины своего существа, и что, забывъ вдругъ всѣ другіе нужды, инстинкты, онъ исключи-

тельно займется развитіемъ своихъ матеріальныхъ интересовъ? На это Огаревъ въ послѣдней статьѣ ¹⁾ придумалъ новый отвѣтъ: Религіозныя бредни говоритъ онъ, за недостаткомъ умственного развитія, необходимыя для пополненія человѣческаго существованія, останутся сами по себѣ, а социализмъ останется самъ по себѣ; безъ всякой внутренней связи, одинъ внѣ другого; „различныя только свободныя религіозныя убѣжденія отнюдь не мѣшаютъ проповѣданію экономического содержанія социализма, тѣмъ болѣе, что усиленіе производительности посредствомъ соединенія труда и владѣнія вы объясните всякому да еще всякому изъ тѣхъ, кто трудится и владѣть, отнюдь не мѣшая свободѣ его вѣрованій... „Для меня очевидно, что соединеніе труда на нашей общинной почвѣ и переходное положеніе къ положительному пониманію черезъ свободу религіознаго и научнаго убѣжденія неминуемы“

„Далѣе онъ говоритъ: пропаганда свободы убѣжденія не встрѣтитъ въ Россіи препятствія въ общественномъ смыслѣ, и всякое преобразование неминуемо приведетъ къ нему“. — Далѣе, что „русскому крестьянству, надѣленному землей, не нужно капиталовъ для пріобрѣтенія оной къ заселенію, и что имѣющаяся у крестьянства земля можетъ послужить для него основаніемъ кредита для прикупки земли. Отсюда вы легко можете заключить, что пропаганда социально-экономическаго содержанія, соединенія труда и владѣнія, организаціи села и промышленной артели, обмѣна и торговли не можетъ встрѣтить препятствія въ общественномъ смыслѣ крестьянства, и что *это социально-экономическое содержаніе должно стать основаніемъ всего развитія русскаго преобразованія*“.

„Если бы, заключаетъ Огаревъ, мы въ нашей практической пропагандѣ хотѣли провести всю научную логичную полноту социализма, мы свели бы „развитіе социализма на весьма медленное движеніе, которое, затрагивая не многія вершины цивилизаціи, едва касалось бы дола, т.-е. того народа (русскаго, не правда ли?), котораго практическое движеніе, при имѣющихся возможностяхъ именно и составляетъ созиданіе социализма въ дѣйствительности общественной жизни. (Довольно неясная фраза — но послѣдующее объясняетъ ее). „Поэтому, проповѣдуя, помимо всякихъ религіозныхъ и философскихъ (по совѣсти и: въ духѣ вашего „Колокола“ Огаревъ долженъ былъ бы прибавить: и всякихъ политическихъ и нравственныхъ) началъ, земледѣльческой общинѣ, гдѣ владѣніе уже общинное по обычаю и по закону, соединеніе труда, мы достигнемъ иного громаднаго

¹⁾ Частныя письма объ общемъ вопросѣ въ 225 л. „Коя.“ отъ 1 авг. 1866 г.

результата — осуществленія дѣйствительно-соціальной экономической общины: а возводя ее въ дальнѣйшія степени движенія, мы достигнемъ ее осуществленія въ ремесленно-фабричномъ и торговомъ отношеніи“.

„Ну, теперь все ясно, ясно, почему Герценъ сводитъ весь соціаль- ный вопросъ (смотри 15 іюля 1865)¹⁾ на слѣдующія немудренныя предложенія.

„Люди, недовольные экономическими условіями труда (кто эти люди? Не принадлежащіе же къ привилегированнымъ, эксплуатирующимъ классамъ — эти очень довольны), неравновѣсіемъ силъ, ихъ потерей, рабствомъ работы, злоупотребленіемъ накопленныхъ богатствъ“, но они „не хотятъ переѣзжать въ рабочія казармы“, „не хотятъ, чтобъ правительство гоняло ихъ на барщину“ (а всѣ правительства будутъ гонять на барщину большинство, пока правительство и вообще государство существовать будетъ), не хотятъ разрушать семьи и очага“ (не разрушать, но освободить ее и лишить ее политическаго смысла, наперекоръ Прудону, всѣ логическіе соціалисты непремѣнно должны хотѣть), „не хотятъ поступиться частной собственностью“ (а наслѣдственность, — хотите вы ее сохранить или нѣтъ? въ этомъ весь вопросъ), „т.-е. они хотятъ при обновленіи или перерожденіи *сохранить насколько возможно свою привычную жизнь*, согласуя ее съ новыми условіями“ Какъ это кротко, невинно и мирно; т.-е. люди привилегированныхъ классовъ хотятъ сохранить по возможности комфортъ и удобства, обезпеченные нынѣ за ними *чужимъ* трудомъ, а эксплуатируемая масса хотятъ по старой привычкѣ работать на дармоѣдовъ. Или, проповѣдуя миръ соціалистамъ и уговаривая ихъ „отбросить старое знамя непримиримаго раздора, исключительно враждебнаго антагонизма“, вы въ самомъ дѣлѣ увѣровали, что привилегированные классы, которые на Западѣ, изъ ужаса перель краснымъ знаменемъ соціализма и передъ грозившею имъ необходимостью лишиться всѣхъ привилегій и наслаждаться и жить не болѣе, какъ въ мѣру своего собственнаго дѣйствительнаго труда, бросились подъ унизительное для нихъ самихъ покровительство военнаго деспотизма или что хоть наша наслѣдственная бюрократія и нашъ привилегированный купеческій міръ, такъ нѣжно въ послѣднее время обнявшійся съ государемъ и съ правительствомъ, потому что безъ правительства и государя не было спасенія для ихъ злостнаго, всепожирающаго дармоѣдства? Неужели, вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что всѣ эти классы и люди, праздные, убѣжденные огаревскою ариѳметикой и герценовскою гениальною риторикою, свободно и мирно откажутся отъ всѣхъ своихъ привилегій? Друзья мои, да, вѣдь, вы повторяете

¹⁾ Третье „Письмо къ путешественнику“.

золотыя мечты покойной и давно ужъ забытой „Démocratie pacifique“ Консидерана! Вы, мои трезвые, строгіе, впадаете въ идиллію! — Нѣтъ, друзья, безъ борьбы и безъ жестокой борьбы ни на Западѣ, ни въ Россіи не обойдется. Но возвратимся къ главной мирной пропагандѣ, Герценъ.

„На какихъ же разумныхъ основаніяхъ, — спрашиваешь ты, — можно согласить такія сложныя и противорѣчающія потребности?“

„Въ' этомъ-то и задача, *весь социальный вопросъ* такъ и становится, освобожденный отъ громовыхъ тучъ своихъ и молній. Есть ли рѣшеніе?“

„Въ прошломъ письмѣ, j'ai hasardé сказать, что одно изъ *дѣйствительныхъ* рѣшеній *представляетъ русскій народный бытъ въ его современномъ развитіи*. Бѣдное село наше съ своей скромной общинною жизнью, съ своимъ общиннымъ землевладѣніемъ, наша черная Русь и крестьянская изба невольно *вырѣзываются на сценѣ*, съ которой больше и больше исчезаютъ въ туманѣ фаланстеры, Икаріи, національныя рабочія, государственныя потребности и проч.“

„Для чего ты не прибавилъ, что въ то время, какъ всѣ эти проявленія и опыты государственнаго, регламентированнаго, свободу отрицающаго социализма исчезаютъ со сцены... показываются на ней вольныя кооперативныя товарищества, которыя хотя и далеко не охватываютъ собою всего социальнаго вопроса и поэтому не въ состояніи будеть одни рѣшить его, но которыя, по содержанию и по смыслу своему, выше и глубже да *дѣйствительнѣе* вашей черной русской избы — по той простой причинѣ, что въ созиданіи ихъ участвуетъ творецъ всего человѣческаго — свобода; почему ты не прибавилъ, что если фаланстеры и исчезаютъ въ туманѣ, зато ваша хваленая русская община болѣе тысячи лѣтъ недвижно коснѣеть въ навозѣ?“

„Дикое невѣжество и суевѣріе, патриархальный развратъ, тупоумное царство китайской обрядности, отсутствіе всякаго личнаго права, презрѣніе къ достоинству человѣка, или, лучше сказать, незнаніе, совершеннѣйшее неподозрѣваніе его, безцеремонность наивнаго насилія, холодно-звѣрская жестокость, и полнѣйшее рабство обычая, мысли, чувства и воли, — вотъ душа этого тысячелѣтняго, бессмысленнаго гніющаго труп...“

„Когда я разсказалъ miss Reeve, каково внутреннее нравственное содержаніе русской общины, она съ ужасомъ ахнула и только спрашивала: „Pourquoi donc Herzen ne m'a jamais dit cela?“.

„Теперь объясняется все направленіе „Колокола“ („Письма“, 515—522; Драгомановъ невѣрно отнесъ это письмо къ другому времени)

Здѣсь же упомяну о мнѣніи А. Бени, высказанномъ имъ въ ноябрьскомъ выпускѣ „The Fortnightly Review“ въ статьѣ „О русскомъ обществѣ“: „Въ мою задачу не входитъ говорить о „Колоколѣ“ Гер

цена и другихъ его ивданіяхъ: его долгое отсутствіе изъ Россіи вырыло такую пропасть между многими его взглядами и взглядами его прежнихъ сторонниковъ, что онъ болѣе не можетъ считаться выразителемъ нигилистическихъ ученій* (стр. 742).

2. „Бывшій уланскій офицеръ, участвовавшій въ польскомъ возстаніи. Въ началѣ мая 1870 г. вмѣстѣ съ Лопатинымъ прибылъ изъ Парижа въ Женеву. Здѣсь онъ участвовалъ въ засѣданіи русскихъ эмигрантовъ 7 мая 1870 г., на которомъ рѣшено было подать протестъ швейцарскому правительству, ходатайствуя объ огражденіи интересовъ русскихъ эмигрантовъ и невыдачѣ Мечаева. Онъ приобрѣлъ скоро довѣріе Бакунина, и всѣ бумаги о сношеніяхъ его съ Россією хранились у него. Онъ же ѣздилъ на конгрессъ (бакунинской) Юрской секціи въ Невшателѣ 7 мая 1872 г. Вмѣстѣ съ Мечниковымъ онъ завелъ въ Женевѣ нѣчто въ родѣ бюро или канцеляріи для вербованія русскихъ эмигрантовъ и социалистовъ и доставленія имъ справокъ; вмѣстѣ съ сербомъ Ракичемъ онъ принималъ участіе въ проектѣ карлистовъ дѣлать во Флоренціи фальшивыя испанскія ассигнаціи; вмѣстѣ съ Турскимъ онъ былъ тоже въ сношеніяхъ съ начальникомъ социалистической банды въ Галиціи Коперницкимъ; при покушеніи Ралли на жизнь Степковскаго въ Бернѣ Озеровъ былъ его соучастникомъ, но успѣлъ скрыться до обыска и ареста. Въ декабрѣ 1873 г. онъ ѣздилъ въ Константинополь. На похоронахъ Бакунина (1876), когда членъ кавказскаго революціоннаго кружка Джорджадзе предложилъ примиреніе и соединеніе партіи Бакунина съ общей „интернаціональной лигой“ подъ предводительствомъ Маркса, несмотря на то, что послѣдовало всеобщее согласіе, только одинъ Озеровъ оставаясь вѣрнымъ памяти учителя Бакунина, не согласился на это“ (десятая глава „Исторіи соц. революц. движенія“).

3. Вырубовъ склоненъ думать, что очерки „Энгельсоны“ и „Сазоновъ“ напечатаны подъ влияніемъ его просьбы („В. Европы“ 1913, I, 64). Хронологическая справка не подтверждаетъ этого предположенія.

2933. Письмо къ Н. П. Огареву.

27 декаб. (1866).
Nice, 87, Promenade des Anglais.

Послѣ большой бури опять штиль и даже раскаяніе — не въ прошедшемъ, а въ настоящей несправедливости или, скорѣе, сожалѣніе о переходѣ черезъ границу, — на этомъ покой.

Во Флоренцію думаю ѣхать, устройвъ для Лизы что-нибудь. Остальное все устроено: квартира до 1 іюля; узналъ о докторяхъ; завтра будетъ горничная и піано; возлѣ есть гимнастика и пансіонъ, но надобно наладить. Лиза занимается хозяйствомъ и моремъ. Внутри у меня какая-то печальная пустота. Сат. необходимъ. Я уже нашель одного, но письменно съ нимъ ничего нельзя дать, (потому что онъ ѣдетъ *на махъ* и, навѣрное, будетъ обысканъ. Я говорю о милѣйшемъ Тр. ¹⁾, съ которымъ выдаюсь часто (онъ женится, но этого никому не говори). Словесно онъ берется передать московскимъ знакомымъ С., но кому? Неужели К. ²⁾ этого не сдѣлаетъ или, наконецъ, Аст. ³⁾? Объ этомъ напиши еще сюда.

Если ты хочешь, то на статью „Вѣсти“ отвѣчай простымъ *dementi*,

т.-е.: ложно, что...

ложно, что...

а, пожалуй, и плевать на нее. Вреда намъ нѣтъ отъ этой статьи.

Что-то отвѣтитъ Катковъ?

Ошибка въ „Колоколѣ“ меня взбѣсила до неистовства. Нѣтъ, саго тіо, не намъ что-нибудь печатать безъ корректора. Не возьмется ли, наконецъ, Мерчинскій ⁴⁾? Въ мѣсяцъ поправить листъ — не большое дѣло. Ошибка до того гидѣзна ⁵⁾, невниманіе такъ колоссально, что руки падаютъ. Я послалъ еггату. Стало быть, Чернецкій не перечитываетъ въ послѣдній разъ, т.-е. не сличаетъ.

В—у ⁶⁾ въ Парижъ писалъ. Онъ на русскомъ языкѣ никакихъ публикацій не хочетъ дѣлать; написалъ статью, она ужъ напечатана, общалъ прислать.

Здѣсь виленск. ген.-губ. (бывшій) Назимовъ фрондерствуетъ и либеральничаетъ. Импер. рѣшительно не пріѣдетъ.

NB. Скажи Тхор., чтобы Георгъ ⁷⁾ посылалъ, по крайней мѣрѣ, „Колок.“ акуратно къ Visconti ⁷⁾.

Саша будетъ 6 янв. читать публичную лекцію; хотѣлось бы поспѣть, но надежды мало.

Сейчасъ получилъ твое письмо отъ 24-го. Чтò за мухи васъ кусаютъ? Зачѣмъ газеты посылать во Флоренцію, когда я, можетъ,

¹⁾ Трубецкой, Николай Платоновичъ.

²⁾ Кетчеръ?

³⁾ Астраковъ.

⁴⁾ Несмотря на всѣ старанія, никакихъ свѣдѣній о немъ получить не удалось.

⁵⁾ *Hideuse* — отвратительна.

⁶⁾ Г. Н. Вырубовъ.

⁷⁾ Книгопродавцы.

10 дней проведу здѣсь? И что за паника и за невѣрное пониманіе дѣль? Ницца — караванъ-сарай на краю свѣта, и никто не заботится объ ея чтеніяхъ.

Кухарку гнать не надобно, — это было бы безчестно съ моей стороны, — но уговаривать можно, и, если сама захочетъ, то дать 50 фр. (35 впередъ за мѣсяцъ + 15 pour ses beaux yeux ¹⁾).

Прошу Тхорж. передать Касаткиной ²⁾ искреннее участіе. Мнѣ и тебѣ нечего бояться большой траты за мѣста, мы можемъ даромъ умереть: въ Ниццѣ мѣсто куплено — одно въ 1852, другое — 1865. Вотъ переищеніе-то будетъ.

Что съ Гулев. ³⁾ не понимаю. Какъ ноги отнялись отъ дурной пищи? „Вѣсть“ пошлю назадъ. Если что особенно важное въ газетахъ, посылайте сюда до тѣхъ поръ, пока я напишу о днѣ выѣзда.

А что, читалъ ли ты, наконецъ, Шедо-Ферроти о нигилизмѣ? Здѣсь есть „Моск. Вѣд.“, „Спб. Вѣд.“ и „Эхо“, „Nord“.

Гулев. имѣетъ право взять изъ фонда хоть 100, не только 50 фр. Затѣмъ прощай.

P. S. Выписываешь ли ты все нужное для „смѣси“ или отмѣчаешь ли? Я страницы двѣ пришлаю.

12 часовъ. Пятница.

Иду завтракать. Обѣдъ намъ носитъ поварь:

3 больш. обѣда	7, 50 фр.
3 небольш.	6
3 завтрака въ одно блюдо	5

3 заглаза достаетъ для Лизав. и насъ.

2934. Приписка къ Н. П. Огареву.

28 декабря (1866).
Ницца.

Комментаріи. Въ Hôtel'ѣ въ Cannes отказали доктору старику Бернацкому, сказавши, что никого дома нѣтъ.

Иду съ Лизой въ ипподромъ.

Русскихъ все прибываетъ.

Погода сплендидная, — лѣто да и только.

¹⁾ За прекрасные глаза.

²⁾ Елизавета Васильевна.

³⁾ М. С. Гулевичъ.

2935. Письмо къ Н. П. Огареву.

30 декаб. (1866).

Nizza, 87, Promenade des Anglais.

Печально встрѣчаю новый годъ. Тотъ же сумбуръ, тотъ же хаосъ. Я вспоминаю, какъ страшно встрѣчалъ я новый годъ съ 50 на 51 и съ 51 на 52. Ницца, говоря à la Филаретъ, для меня Голгоѳа или лобное мѣсто, но уже всякій разъ силъ меньше и такая жажда покоя (не неподвижности), которая все побѣждаетъ. Я бы уѣхалъ, ну, въ Комо, и прожилъ бы мѣсяца два, если-бъ вы могли наладить „Колоколъ“ или пріостановить.

Пансіонъ я нашель, кажется, очень хорошій. Его держать m-me Opterlean, американка изъ юга, разоренная войной. Ея маъ говорить, что роптать нечего, что это — божье наказанье за рабство, а надо работать. Вся семья — артисты. У нихъ 30 дѣвочекъ. Лиза будетъ ходить на полдня.

Отъ дома ходьбы 15 минутъ. Все еще не знаю, несмотря на то, когда во Флоренцію; я поплыву отсюда на пароходъ въ Ливорно, это всего ближе и короче.

Отъ Ниццы до Генуи	8 часовъ.
въ Генуѣ	10
Отъ Генуи до Лив.	10
Желѣз. дор.	2
	<hr/>
	30 часовъ.

12 часовъ. Письмо твое получилъ (все ладно), а объ общемъ скажу только, что я никогда не сталъ бы спорить о неподвижности, если-бъ ты говорилъ *субъективно*, но ты возводилъ во всеобщность самую всеобщую, въ аксіому — результатъ личныхъ нервовъ и привычекъ.

Какъ же, саго тію, я-то могу поддержать тебя? Я все дѣлалъ, буду дѣлать; это — то же, что розказни Н., — я надежды не имѣю въ обоихъ случаяхъ. Въ моей жизни это отхватило ломоть страшной величины. Если-бъ ты, въ самомъ дѣлѣ, хотѣлъ остановиться¹⁾, ты остановился бы. Вѣришь ли ты, что доля моей потребности бѣжать изъ Женевы основана на безсиліи остановить тебя? Это не капризы Ивана Алексѣев.²⁾, а горечь слезъ.

1) Т.-е. перестать пить

2) Отецъ.

Дома, кромѣ Лизы, все такъ печально, такъ печально... такъ беспомощно печально, что я падаю силами.

Пока до 200 фр. можно дать новому студ., далѣе увидимъ (займи у Долгор., если надобно, — я пришлю). Изучи его не какъ Утина, а какъ разбойника, распятого съ Христомъ.

Что же сдѣлаетъ Ад. Фогтъ, если онъ хочетъ въ Лозанну? Я думаю, всего лучше его отправить въ Страсбургъ — въ Лозаннѣ медицина не цвѣтетъ. Что у Майора?

Прощай.

Газеты и письма, — все приходитъ, несмотря на твой ошибочный адресъ. Пиши: 87, *Promenade des Anglais* (Pavillon) — было пропушено.

2936. Письмо къ Н. А. Огаревой.

30 декабря 1866.

Если ты хочешь, чтобы мнѣ было сколько-нибудь легче, исполни мою просьбу, — требованій я не имѣю. Я еще разъ повторяю просьбу. Ты можешь отказать, но, давши, храни свято.

1) Я прошу безусловно права пріѣхать взглянуть на Лизу, когда хочю, когда мнѣ больно будетъ.

2) Остаться сколько хочю возлѣ, если не съ вами.

3) Ты будешь писать два раза и навѣрное разъ въ недѣлю.

4) Ты во всякомъ случаѣ болѣзни, нужды немедленно извѣстишь.

Тогда я могу, и только тогда, обдумать рѣшеніе и пригото- виться къ будущему,

Вотъ и все

Прошу именемъ могиль.

1867

2937. Скоты.

„Голось“ приводит (въ 307 №) слѣдующее распоряженіе изъ „Нижегородскихъ Губ. Вѣд.“:

Г. нижегородскій генераль-губернаторъ Огаревъ въ отношеніи отъ 13 октября 1866 г., за № 140, къ г. начальнику губерніи, изъяснилъ: Замѣчено имъ, что на улицахъ Нижняго-Новгорода встрѣчаются иногда дамы и дѣвицы, носящія особаго рода костюмъ, усвоенный такъ называемыми „нигилистками“ и всегда почти имѣющія слѣдующія отличія: круглыя шляпы, скрывающія коротко стриженые волосы, синіе очки, башлыки и отсутствіе кринолина.

Съ дня преступленія 4 апрѣля, среда, воспитавшая злодѣя, заклеямена въ понятіи всѣхъ благомыслящихъ людей, а потому и ношеніе костюма, ей присвоеннаго, не можетъ, въ глазахъ блюстителей общественного порядка, не считаться дерзостью, заслуживающею не только порицанія, но и преслѣдованія.

Въ виду этого, онъ признаеть нужнымъ просить г. начальника губерніи обратить особое вниманіе на подобныя личности и поручить городскимъ и уѣзднымъ полиціямъ приглашать всѣхъ, одѣтыхъ вышеописаннымъ образомъ, въ полиційскія управленія и обяывать ихъ подпиской измѣнить свой костюмъ. Въ случаѣ же сопротивленія съ ихъ стороны къ выдачѣ требуемаго обязательства, объявлять имъ, что онѣ будутъ подлежать *высылкѣ изъ губерніи*, на основаніи существующихъ узаконеній, и, затѣмъ, учреждать за *образомъ ихъ жизни, дѣйствіями и сношеніями* строгое наблюденіе.

При этомъ г. Огаревъ нашель нужнымъ сдѣлать настоящее распоряженіе извѣстнымъ жителямъ губерніи чрезъ припечатаніе въ „Губерн. Вѣдомостяхъ“.

Несмотря на извѣстныя способности генераль-адъютанта Огарева, какъ костюмера и портного, и на легкость гермафродитнаго перехода отъ рейтузъ къ юбкамъ и кринолинамъ, мы не думаемъ, чтобы эта *скотская* и позорная мѣра принадлежала ему: мы ее прежде видимъ въ Москвѣ. Мѣра эта идетъ изъ Петербурга, она останется мѣрой бездонной глупости прогрессивнаго правительства.

Флора, принятая за опальную Богородицу. Возлѣ крупныхъ скотовъ скоты мелкіе. Вотъ что за иконоборское скотство рассказано въ 88 № „Вѣсти“¹⁾.

Выписываемъ изъ „Вѣсти“ слѣдующее письмо въ ея редакцію о скотахъ еще мельче²⁾.

¹⁾ Слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ становой приставъ Виленской губ., считая украшавшую садъ помѣщика Х. бронзовую статую Флоры фигурой католической святой, приказаль сбросить ее въ оврагъ.

²⁾ Слѣдуетъ сообщеніе о штрафахъ дѣтей за разговоръ по-польски.

2938. Губернаторъ Деспоть-Зеновичъ.

Тобольскій губернаторъ (Деспоть-Зеновичъ) издалъ циркуляръ, въ которомъ говорится:

„Нѣкоторыя лица изъ сосланныхъ съ лишеніемъ за разныя противозаконныя дѣянія всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и съ отдачею подъ надзоръ мѣстной полиціи, занимаются въ частныхъ домахъ обученіемъ дѣтей. Какъ эти лица не имѣютъ права вступать ни въ государственную, ни въ общественную службу, и какъ, съ другой стороны, всякое довѣреніе къ нимъ въ дѣлѣ воспитанія можетъ весьма неблагопріятно отразиться въ умственномъ и нравственномъ направленіи дѣтей, то, на основаніи циркулярнаго предписанія министра вн. дѣлъ, которымъ обращено особенное вниманіе мѣстной администраціи на охраненіе коренныхъ началъ вѣры, нравственности и общественного порядка и вмѣнено въ обязанность оказывать возможное содѣйствіе къ воспитанію юношества въ духѣ религіозныхъ и вѣрноподданническихъ обязанностей, — тобольскій губернаторъ предлагаетъ гг. окружнымъ начальникамъ и городничимъ ввѣренной ему губерніи имѣть дѣйствительное и неослабное наблюденіе за поведеніемъ и отношеніями къ мѣстнымъ жителямъ лицъ, сосланныхъ на житье съ лишеніемъ или ограниченіемъ правъ и вообще отданныхъ подъ надзоръ полиціи, отнюдь не дозволяя, чтобы подобныя лица занимались частнымъ воспитаніемъ дѣтей, дѣломъ, сколько священнымъ, столько же имъ и несвойственнымъ, и, если будетъ дознано, что кто-нибудь изъ такихъ лицъ занимается *хотя бы начальнымъ образованіемъ дѣтей*, то подвергать денежному взысканію 75 руб. какъ того учителя, такъ и родителей и родственниковъ и опекуновъ, ввѣрившихъ обученіе своихъ дѣтей лицу, не имѣющему право на это“ („Голось“ № 318).

Каково? Отъ Кіева до Тобольска и отъ деспотовъ Зеньковскаго уѣзда до Деспота-Зеновича, который самъ былъ сосланъ и либераль, но... *исправился!* ¹⁾

При Николаѣ было лучше; многіе декабристы давали уроки, напр., кн. Федоръ Петровичъ Шаховской, учившій безденежно (что составляетъ *агравацию* ²⁾). Въ 1851 сосланный въ Тобольскъ за убійство Зыковъ давалъ уроки и многіе изъ поляковъ, которыхъ мы знали. Мы припоминаемъ только два случая при Николаѣ. Онъ дѣлалъ выговоръ, и оба раза оренбургскому Перовскому (который, впрочемъ, не обращалъ вниманія на это), за Кольрейфа, который давалъ уроки музыки, и потомъ за Шевченко, которому запретилъ не только учить рисованію, но и рисовать. Какъ ни глупа *революціонная музыка и мятежная живопись*, но имъ далеко до толстовской валуевщины, да и Деспотамъ-Зеновичамъ не близко до Перовскаго.

¹⁾ Александръ Ивановичъ, Деспоть-Зеновичъ, троюродный братъ Н. А. Огаревой, въ концѣ царствованія Николая I былъ сосланъ въ Пермь, а затѣмъ въ Восточную Сибирь; подробности на стр. 322—325 „Воспоминаній“ Огаревой.

²⁾ Aggravation — отягощающее обстоятельство.

2939. („Москва“).

„Москва“ — подъ этимъ стародавнимъ флагомъ славянофиловъ снова является послѣ бурь, непогодъ, тревоженій и покоя въ семейной гавани, знакомый намъ *парусъ*¹⁾. Ночь аксаковского „Дня“ была не длинна, онъ въ ней окрѣпъ и изъ недѣльнаго становится ежедневнымъ. Сонъ его былъ даръ небесъ... Что же лучшаго можно было дѣлать во все время каракозовскаго терора, какъ ни спать?

Начало новаго „Дня“, судя по коротенькой программѣ, какъ всё начала, и въ особености, какъ всё московскія начала, смутно и спутано, ложка меду и бочка дегтю. Въ числѣ *казовыхъ* сотрудниковъ мы находимъ гладенькій нѣмецкій умокъ *Бабста*²⁾, о славянофильствѣ котораго мы ничего не слышали, кромѣ того, что онъ съчесть армянъ въ училищѣ, отданномъ ему въ вознагражденіе за уроки во дворцѣ (и, *если это правда*, то, конечно, съчесть знаменитыми черкасскими розгами). Рядомъ съ нимъ дикій, вырвавшійся изъ Гайдамачины *Кояловичъ*³⁾, котораго имя можетъ отстрашать всякаго отсталого человѣка, т.-е. такого, который не вѣритъ, что нѣтъ другого пути для исторіи, какъ въ крови по горло, въ Муравьевыхъ по горло, въ Катковыхъ по ступицу, какъ ломая христіанскіе кресты, ссылая богородицъ съ пьедесталовъ, запрещая молиться по-своему и говорить на родномъ языкѣ, какъ устраиная, по высочайшему повелѣнію, украинскія бойни и галиційскія порубки польскихъ помѣщиковъ.

Что касается самого издателя, то его программы нѣтъ, но мы знаемъ ее изъ прежнихъ трудовъ. Онъ стоитъ за русскую общину и за право на землю, за выборное начало и земское самоуправленіе. Онъ будетъ, навѣрное, противъ нео-крѣпостниковъ, ихъ дворовыхъ защитниковъ и усердныхъ вѣстовщиковъ... онъ будетъ противъ бюрократіи, этой бумажной *шагистики*, и пр., и пр... Онъ будетъ, мы въ этомъ, глубоко убѣждены, снова проповѣдывать противъ кроваваго права казни, даннаго надъ нами незаконно и воровски каждому капитану Копѣйкину и Скалозубу. А потому, если онъ Кояловича будетъ держать на вожжахъ, Самарина упросить не писать такихъ же скучныхъ волюмовъ объ доминиканцахъ, бенедиктинцахъ, капуцинахъ и пр., какъ онъ написалъ объ иезуитахъ⁴⁾, Бабста — не съчесть армянъ, то мы откровенно желаемъ ему успѣха

И да будетъ ему Валуевъ легокъ!

2940. Нѣмцы.

Откуда эта печальная масса нѣмцевъ на русской службѣ, растущая и все не уменьшающаяся со временемъ шутокъ А. П. Ермолова⁵⁾?

По случаю женитьбы наслѣдника⁶⁾ на Дагмарѣ къ числу праздниковъ относится высоч. смотръ на Марсовомъ полѣ 15 октября 1866 г. Распределеніе командующихъ на этомъ смотрѣ слѣдующее:

1) Название первой газеты И. Аксакова, запрещенной властью.

2) Иванъ Кондратьевичъ.

3) Михаилъ Юсифовичъ.

4) Ю. Э. Самаринъ выпустилъ въ 1866 г. книгу „Иезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи“, пропустивъ ее сначала черезъ №№ 45—52 „Дня“ 1865 г.

5) Покоритель Кавказа.

6) Впослѣдствіи императора Александра III.

„Всею кавалерією командовать генераль-адъютанту барону *Бюллеру*
 1-ю линією командовать генераль-лейтенанту *Дрентельму*.
 2-ю линією — генераль-адъютанту барону *Бистрому*.
 3-ю линією — генераль-лейтенанту *Дубельту*.
 4-ю линією — свиты е. в. генераль-маіору *Петерсу*.
 5-ю линією — генераль-маіору *Гершау*.
 Подписаль приказъ свиты е. в. генераль-маіоръ *Рихтеръ*.

2941. Издательская дѣятельность „Будбергъ, Чичеринъ и К^о“ въ Парижѣ.

Ждемъ съ нетерпѣніемъ окончанія процесса Леонса Дюпонъ ¹⁾ съ первымъ секретаремъ русскаго посольства ²⁾. Клеветники сначала говорили о подкупѣ журнала „La Nation“ нашимъ правительствомъ, а дѣло, повидимому, было частное, предпринятое только подъ флагомъ парижскаго посольства ³⁾.

2942. „Антрактъ“ и hors-d'œuvre ⁴⁾.

Gratis.

— Demandez *l'Entracte*, journal du soir — *L'Entracte* — un sou, cinq centimes — Demandez *l'Entracte!* ⁵⁾
 Съни парижскихъ театровъ.

Specimen.

Отъ издателей. Не желая подрывать почтенные органы, столь справедливо заслужившіе какъ благодарность отечества, такъ и его признательность, *Антрактъ* ограничивается одними ложными слухами и неправдоподобными случаями.

¹⁾ François-de-Sales, Léonce, франц. адвокатъ и журналистъ, издатель „La Nation“, субсидируемой русскимъ правительствомъ.

²⁾ Василій Николаевичъ Чичеринъ, родной братъ публициста, былъ со-вѣтникомъ посольства; бар. Андрей Ѳедоровичъ Будбергъ — посолъ въ Парижѣ.

³⁾ 15 января французскій коммерческій судъ разсматривалъ искъ Дюпона, какъ редактора, къ Чичерину, оплачивавшему опредѣленную линію поведенія газеты по польскому вопросу, и приговорилъ Чичерина уплатить исковую сумму и судебныя издержки.

⁴⁾ Мы получили этотъ *Specimen* ⁶⁾ съ просьбой помѣстить его. Полагая, что читатели простятъ эту шутку, мы исполняемъ просьбу издателей „Антракта“ только потому, что на святкахъ дозволяются всякія глупости. А. И. Г.

Hors-d'œuvre — закуска.

⁵⁾ Безплатно. Требуйте вечернюю газету „Антрактъ!“ — „Антрактъ“ — одно су пять сантимовъ. — Требуйте „Антрактъ“.

⁶⁾ Пробный листъ, образчикъ.

Отдѣленіе дѣль государственныхъ.

Въ государственномъ совѣтѣ разсматривали четыре послѣднія просьбы о переименованіи въ *Иосифы* двухъ кварталныхъ надзирателей (одного С.-Петербургскаго, другого Уфимскаго), члена приказа общественнаго призрѣнія въ Костромѣ и находящагося подъ судомъ за расхищеніе казенной собственности, съ нанесеніемъ ударовъ вахмистру провіантскаго вѣдомства подпоручикомъ Х. Совѣтъ, принявъ въ уваженіе похвальное намѣреніе будущихъ „Осиповъ“, просить мѣстныя начальства внушить петентамъ¹⁾ о томъ, что они очень опоздали. Послѣ 1 января нельзя будетъ переименовываться въ званіе *Иосифа*.

Литературно-ученое отдѣленіе.

Декабрь проходитъ тихо. Въ высшемъ свѣтѣ ждуть „Синюю бороду“ и „Красную шапочку“ въ переводѣ незабвеннаго И. С. Тургенева.

Графъ Толстой²⁾, исправляющій, за болѣзнь Филарета, часть его должности (именно — „Коломенскую“), отслуживъ вчера соборнѣ обѣдню и услышавъ о новомъ трудѣ Ивана Сергѣевича, возжелалъ почтить прежнія произведенія его; но съ тѣмъ вмѣстѣ, имѣя въ виду паче всего нравственность вѣреннаго ему монастыря просвѣщенія, приказалъ: по всѣмъ учебнымъ заведеніямъ разослать „Отцы и дѣти“, раздѣливъ предварительно романъ на двѣ части такъ чтобы ученикамъ достались *Отцы*, а учителямъ — *Дѣти*.

Театръ.

Succès fou!!!³⁾ Подавляющій успѣхъ!!!
Сегодня, завтра и весь мѣсяцъ всякій вечеръ:

Полицейская кастелянша

и

Княгининская ключница,

или

Потасовка двухъ соперницъ.

Комедія-водевиль съ ругательными куплетами и щелчками, приложенными подъ кастаньеты.

¹⁾ Petens — просящій.

²⁾ Дмитрій Андреевичъ

³⁾ Безумный успѣхъ.

Примѣчаніе. Касса отпирается съ 6 утра по особенному распоряженію, но уже въ 5 билетовъ нѣтъ. Вчера цѣны поднялись до того, что одинъ помѣщикъ Западныхъ провинцій отдавалъ за кресла свой фольваркъ. Дирекція не приняла, по невозможности узнать, не былъ ли столяръ, дѣлавшій кресло № 17, польскаго происхожденія. Вотъ отрывокъ изъ поименованной пьесы:

Явленіе IV. (Сумерки... Съ одной стороны — барскій домъ, ограда, босой мальчикъ, ворота; съ другой — частный домъ, такъ называемый, потому что онъ — общій полицейскій, каланча, городской, нюхающій табакъ. Вдали — питейный домъ и церковь Никола въ Пупышахъ).

(Музыка играетъ „Боже, царя храни“. Городовой и мальчикъ требуютъ ея еще разъ.

Тѣ же и *унтерша*, состоящая въ должности кастелянши; она входитъ, продолжая полемику съ *княгининой ключницей*).

Кастелянша. — Что ты меня тычешь крупной собственностью? Я у твоихъ князей ничего не прошу, я довольна моимъ государемъ и по переднимъ не таскаюсь...

Ключница. — Да, вѣдь, и не пустать; дворянство ваше не очень отмѣнно-важное — за унтеромъ были, нечего величаться, да и поведеніе такое, что только въ полиціи и жить.

Кастелянша. — Какъ? Что? Поведенье — что?!

Ключница. — Ахъ, матушки, какъ раскричались, словно, мы и не знаемъ, какъ ты прямо отъ унтера Муравья поступила къ нѣмцу... какъ его, нехристя... Кухманъ, что-ли, вотъ что въ три шеи прогналъ?

Кастелянша. — Завидно стало! Ахъ, ты фря эдакая, чужому несчастью радуешься. Что твой Барановъ лучше, небось?

Ключница. — Ну да и твой-то Безакъ!

Кастелянша. — Ты держи немного хайло, я сейчасъ доведу, что Русь продала матушку, въ вѣру пошла въ польскую... Видно, князевъ-то домъ сепараткой.

Ключница. — Не допущу помѣщика нашего поругать, не допущу! Сейчасъ побѣгу къ княгинѣ, сею минуту она поѣдетъ къ графу Авександлинточу.

Кастелянша. — Атанде, мадамъ, атанде, не угодно ли прежде на сѣзжую прогуляться?

(Кричить: „Слово и Дѣло“! *Объ начинаютъ теребить другъ друга.* Только и слышно — „Къ князю, къ княгинѣ!.. Не тѣ времена... что намъ князь... Въ полицію... въ полицію польку, католичку!...“)

(Кастаньеты).

Дамы схватываютъ другъ друга за волосы, причемъ оказывается, что обѣ въ парикахъ... Дамы падаютъ... причемъ оказывается, что онѣ — мужчины.

Является множество араповъ (въ ихъ числѣ московскій оберъ-полицмейстеръ), всѣхъ ведутъ въ часть.

Музыка играетъ „Боже, царя храни!“. Арапы требуютъ повторенія.

2943. Общій фондъ.

За отъѣздомъ изъ Женевы на два мѣсяца прошу имѣющихъ необходимость въ ссудахъ не больше *пятидесяти* франковъ и въ вспомошествованіяхъ не больше *десяти* фр. адресоваться къ г. *Л. Чернецкому*, въ Русскую Вольную Типографію, 40, Rte-l'Évêque. При этомъ мы просимъ вспомнить:

1) что тѣ изъ русскихъ эмигрантовъ, которые брали ссуды и еще не возвратили, не имѣютъ права на ссуду, но только на вспомошествованія,

2) что вспомошествованія не могутъ быть дѣланы чаще одного раза въ мѣсяць.

15 декабря 1866.

2944. „Колоколь“ на 1867 годъ

будетъ издаваться на прежнемъ основаніи, въ томъ же духѣ и направленіи. Въ *десять* лѣтъ друзья и противники успѣли его узнать и издателю прибавлять нечего.

На 1867 годъ „Колоколь“ будетъ выходить въ мѣсяць *одинъ* разъ, каждое 1-ое число. Въ случаѣ нужды, мы будемъ издавать двойные листы и листы съ прибавленіями.

Цѣна каждого листа *пятьдесятъ* сантимовъ.

2945. Письмо къ М. К. Рейхель.

1 января 1867.

Nice, 87, Promenade des Anglais.

Ваше письмо меня бесконечно обрадовало. Я уже собирался вамъ писать изъ этого города „солнца и слезъ“, страшныхъ воспоминаній и гробовъ и... моря.

Я здѣсь проѣздомъ, во Флоренцію; 10-го, вѣроятно, уѣду; прѣхалъ сюда съ Нат. Ал. и Лизой; она остается здѣсь на годъ. Кстати (это по секрету), если поѣдетъ кто очень вѣрный въ Москву, скажите непременно или напишите, чтобъ черезъ Щепк. ¹⁾ или Марью Федор. ²⁾ дали знать Н. М. Сатину, что Ог. и я просимъ, умоляемъ, чтобъ онъ ли или его жена, главное — она, прѣехали бы хоть на короткое время; это *необходимо* и, наконецъ, чтобъ онъ поскорѣ прислалъ денегъ Ог.

Не забудьте, но дѣлайте, не говоря постороннимъ.

Что Ег. Ив.? Кланяйтесь, если будете писать. Что всѣ его обѣщанныя вамъ и Татѣ наслѣдства?

О переводѣ въ Бернъ я слышалъ отъ Ольги Ив. ³⁾; это хорошо.

Я прѣйду къ вамъ непременно, когда вы устроитесь. Въ Женевѣ отвратительно. Это — городъ сплетень, ссоръ и гадостей.

Уѣхалъ бы, право, куда-нибудь въ Италию, да „Колоколь“, да то и се.

Цѣлую Рейхеля и васъ всѣхъ. Итакъ, до свиданья.

А. Герценъ.

Говорятъ, что Ольга сильно выросла; адресъ вы ихъ знаете, онъ же будетъ и мой:

41, Via S-te Мопаса, 2^о р^о, Florence.

О „Быломъ и думахъ“ приказъ отданъ ⁴⁾.

2946. Письмо къ Н. П. Огареву.

1 января 1867.

Ницца, 87, Promenade des Anglais.

Ну, какъ вы встрѣтили и этотъ Новый годъ? Я — въ своей постели, съ „Записками“ кн. Долгорукова ⁵⁾. Не жду ничего путнаго и въ этомъ году. Есть особенно горькое чувство, — врядъ тебѣ извѣстно ли оно, — сознание, что жизнь уходитъ, что человекъ могъ бы и быть свѣтлымъ, и освѣщать... могъ бы жить не только *schwärmerisch* ⁶⁾ въ фантази, но дѣятельно на большой сценѣ. — знать это и

¹⁾ Николай Михайловичъ.

²⁾ Коршъ.

³⁾ Лионъ.

⁴⁾ Рейхель просила земляръ.

⁵⁾ „Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow“, t. I, 1867.

⁶⁾ Мечтательно.

чувствовать, что попалъ въ какую-то мышеловку, и дверь захлопнута... Это можетъ довести до отчаянія, меня доводитъ до озлобленнаго бездѣйствія, я безусловно ничего не дѣлаю.

Не думаю никакъ попасть къ б во Флор.; къ тому же со вчерашняго дня и море бурно, что, вѣроятно, продолжится нѣсколько дней. Ъхать бы слѣдовало послѣзавтра, а окончательно ничего не устроено. Праздники мѣшали и постоянные разговоры.

Жду писемъ.

9 утра. Вторникъ.

Что твоя статья въ „Колок.“?

Въ моихъ печальныхъ экспекторацияхъ ¹⁾ ты видишь одну часть и именно обвинительную, но ты ошибаешься: въ ней столько же своей исповѣди и покаянія. И, если я говорю, что твоя жизнь меня коробитъ, то я также говорю, что свою жизнь я ненавижу. Въ одну сторону моя жизнь бѣднѣе: ты, какъ орпитеатеръ ²⁾, имѣешь свой мѣръ медитации и искусства, я — только дѣятельность и дѣйствительный мѣръ. Ты отрѣшилъ себя отъ большей части заботъ міра сего; на мнѣ лежитъ забота нѣ только о дѣтяхъ, но и о совершеннолѣтнихъ. Напр., можно было бы думать, что женщина въ 37 лѣтъ можетъ устроить себѣ домъ съ ребенкомъ ³⁾ въ 9 ⁸⁾, когда на это деньги даются довольно большія, а выходитъ, что нѣтъ. И я рѣшительно не могу съ себя снять (совѣсть не позволяетъ) должность вашего обшгаго garde-fou ⁴⁾.

2 янв.

Рейхель получилъ мѣсто въ Бернѣ. Тр. ⁵⁾ еще здѣсь; его бракъ свернетъ, — жаль. Онъ не знаетъ, когда ѣдетъ; словесно передастъ Щепкину комиссію. Если у тебя найдется вдругъ случай писать къ Сат., пиши, несмотря на записку, которая у меня.

Прощай.

Письмо отъ 30 пол. „Ас.“ значитъ Астраковъ; о Щепк. уже сказано. „Вѣдом.“, если нѣтъ ничего рѣзкаго, не посылай (да мы же съ 12 янв. ихъ и получать не будемъ). № съ указомъ пришли.

P.S. Прошу ругательное письмо прислать сейчасъ!

1) Expectoration — отхаркиваніе.

2) Опіоманъ.

3) 9 лѣтъ было Лизѣ.

4) Перила, брустверь.

5) Н. Пл. Трубецкой.

2947. Письмо къ С. Тхоржевскому.

4 января 1867.
87, Prom. des Anglais.

Я думаю, что чемоданы придуть въ порядкъ; ихъ въ Бельгардѣ вскроютъ, вотъ и все. По вашему счету, они должны прійти 8-го; я ихъ подожду и поѣду во Флоренцію. Visconti хотѣлъ самъ писать къ Георгу; одинъ экз. „Колокола“ ему можно послать, но не больше, пока не платить. Газеты, посланныя Ог. 28, пришли 3 января. Впрочемъ, Ог. упорствуетъ писать адресъ въ сокращеніи. Мы живемъ не въ 87 павильонъ, а въ павильонъ дома, дачи, имѣющей № 87 на Promenade des Anglais. Все же, это не объясняетъ пяти, даже шести дней.

Насчетъ кухарки вы сдѣлали превосходно; пусть она идетъ 1 февраля по вашему письму. Всякую рекомендацію я дамъ.

5 янв.

Сейчасъ получилъ письмо Чернецкаго. Плохо идутъ дѣла типографіи, и я не придумую, что сдѣлать. Если-бъ дѣло подошло, продать бы машины и печатать гдѣ-нибудь. Очень интересно знать, пойдеть ли „Был. и д.“, когда выйдутъ оба отдѣла ¹⁾. Скажите Чернецкому, что я очень благодарю за его письмо; всѣ его распоряженія по фонду очень хороши; когда деньги выйдутъ, я пришлю.

По собственнымъ правиламъ, писаннымъ Мерч. ²⁾ и С.-С. ³⁾, я не думаю, чтобъ онъ имѣлъ право на большее вспоможеніе, какъ данное вами (40 фр.). Посовѣтуйтесь съ Огаревымъ.

Сегодня на дворѣ хмурится, и всѣ не очень здоровы; у меня поносъ. Здѣсь, когда нѣтъ солнца, бѣда.

Прощайте.

Отъ Огар. писемъ нѣтъ; передайте ему приложенный листокъ. „Indi“ ⁴⁾ и письмо отъ кн. П. Вл. ⁵⁾ сейчасъ получилъ; завтра буду ему писать. Я пишу статейку о его „Запискахъ“ для „Колокола“. Что онѣ идутъ?

Вчера имѣлъ письмо отъ Луг. ⁶⁾.

1) Т.-е. I и II отдѣленія V части.

2) Мерчинскій.

3) А. А. Серно-Соловьевичъ.

4) „L'Indépendance Belge“.

5) Долгоруковъ.

6) В. О. Лугининъ.

2948. Письмо къ Н. П. Огареву.

7 января 1867.
87, Pr. des Anglais.

Вчера получилъ твое письмо. Новаго ничего, все такъ же удушливо тяжело, и все движется съ такой медленностью, что я не могу назначить дня выѣзда. Я никакъ не думалъ, что твоя статья пойдетъ въ февральскій листъ. Зачѣмъ же въ немъ два большіе leading'a, и что-жъ будетъ въ 1 марта? Мы съ тобой говорили, что твоя статья послужитъ продолженіемъ моей, а въ 1 апр. была бы опять моя. Наборъ, впрочемъ, можетъ лежать. Лучше же помѣстить „Бѣлый терроръ“ и всякій вздоръ. Я послалъ П. В. ¹⁾ нѣсколько строкъ о его „Запискахъ“, — и ихъ въ этотъ листъ. Изъ чего намъ такъ роскошествовать? „Колоколь“ надобно поддерживать, какъ знамя, и потому съ нѣкоторой экономіей располагать матеріаломъ.

С.-С. молодецъ. Что преподобный Мерч. скажетъ на это? Они же правила поставили. И этотъ негодяй говоритъ и привнается, что получалъ не въ заемъ, а въ вспоможеніе отъ меня. Что, ты помирился, что ли, съ Касат.? Чернешкій пишетъ, что дѣла типографіи идутъ плохо. Пора и ее сдать въ архивъ. Подумай объ этомъ и посоветуйся хоть съ Долгор.

Пока, разумѣется, надобно посылать сюда. Я поѣду 12 или 15 (такъ пароходы устроены) и во всякомъ случаѣ напишу за три дня. Отсюда переслать не хитро. Ужъ развѣ чтò особенное, такъ прямо во Флор. Примѣръ „Вѣсти“ ничего не значить; лучше получать днемъ позже, чѣмъ совсѣмъ не получать.

Ты, саго тію, пишешь консолациі ²⁾. Я не вижу ни одной свѣтлой точки въ будущемъ, да, вѣдь, и ты не видишь. Это такъ говорится. Кто первый сказалъ слово чернаго отчаянія, тому второй говоритъ слово утѣшенія. Скажи второй — первый начнетъ утѣшать. Я говорю о нашей личной жизни. Что касается до cosmos'a, онъ „fare da se“ ³⁾. Быть наблюдателемъ и очищать и мысль, и жизнь, это нравственное схимничество можетъ итти, но для этого надобно покой, а чтобъ было покойно, надобно пожертвовать безпокойными... ну, и опять логическій кругъ.

Засимъ, прощайте.

¹⁾ Кн. П. В. Долгоруковъ.

²⁾ Consolation — утѣшеніе.

³⁾ За себя постоять.

Я стараюсь здѣсь все устроить до 1 марта, — раньше я не вернусь изъ Итали; въ Женеву, вѣроятно, послѣ 15 марта, а можетъ, и позже, къ сдачѣ квартиры.

Лиза хозяйствомъ занимается такъ: накрываетъ на столъ, чистить ковры и хлопочетъ. Въ школу ходить, но уже Н. недовольна.

2949. Письмо къ С. Тхоржевскому.

8 янв. 1867.

Любезный Тхоржевскій, куда же дѣтъ обѣихъ собакъ? Одну еще можно, разумѣется, Нат. Ал. и Лизѣ приобрести другую, но что мы будемъ дѣлать съ сучонкой? Я даже не знаю, гдѣ мы будемъ держать и „пса“, какъ вы пишете. Развѣ, наша портьерка возьметъ и старуху Линду и двухъ щенятъ.

О Нефталѣ радъ,

О Бабушкинѣ — Долгор. радъ.

Фогтовы деньги въ общій расходъ, а можно и въ фондъ, когда недостаетъ; я запишу.

Остальное все хорошо; я поѣду во Флоренцію или 12 или 15.

По ближайшему расчету, нужно 30 часовъ, много 32. Если очень будетъ скверно, я остановлюсь на 24 часа въ Генуѣ, стало, 14 или 17 я во Флоренци.

2950. Письмо къ Н. П. Огареву.

8 янв. 1867.

87, Pt. des Anglais.

Дождь. Здѣсь дурная погода по всему другому невыносима. Работать не могу, много пить не могу, много спать стараюсь и, все-таки, скука.

Читаешь ли ты процессъ о возмущеніи мальчиковъ въ тюрьмѣ въ южной Франціи? Если нѣтъ, сейчасъ примись за него. Чтò же за жизнь развиваетъ такія аномальности? Главный обвиненный 15-ти лѣтъ etc.

Слышалъ ли ты о смерти m-me Biggs?

2 часа.

Твое письмо отъ 5 янв. Какъ же это ты не догадался, что я ошибочно письмо положилъ въ пакетъ Чернецкаго? Съ какой же стати мнѣ писать черезъ типографію? Или ужъ не переложилъ ли

ихъ *кто другой chemin faisant*¹⁾? Меня это и удивило, и огорчило. Чернец. — честнѣйшій человекъ, но я не хочу, чтобъ и онъ читаль, что я къ тебѣ пишу. Это — все размягченіе мозга.

Сегодня Nat. имѣетъ письма изъ Россіи. Опять ни слова о деньгахъ. Я сказалъ, чтобъ она непременно написала; присылають пусть сюда, въ Ниццу, я переведу, но что-то не вѣрю.

О статьяхъ въ „Колоколь“: я послалъ твою въ мартъ. Двойного не издавать ни подъ какимъ видомъ (развѣ, для помощи Чернецкому). Какъ можно намъ (безъ читателей) бросать матеріаль? Или я неясно понимаю твой расчетъ — такъ напиши.

Думаю вѣхать въ субботу или окончательно во вторникъ, т.-е. ровно черезъ недѣлю. Только болѣзнь или какая бѣда могутъ остановить.

N. сегодня мнѣ объявила, что она лѣтомъ везетъ *Лизу въ Россію*, что я — со стороны ея враговъ (это — ты и Саша).

Слушай: если до марта не будетъ случая къ Сатину, пиши по почтѣ просто, прямо о семейныхъ дѣлахъ. Тр.²⁾ знаетъ, что сказать, — но *verba volant*³⁾, какая же опасность? лишь бы было откровенно.

Астр.⁴⁾ отчаянно болѣлъ.

Прощай.

2951. Письмо къ М. Мейзенбугъ и сыну.

9 janvier 1867.

87, Pomen. des Anglais.

Vous êtes très injuste, — chère Malvida, — mais comme vous l'êtes par amitié pour moi, je n'ai pas la force de me fâcher. Quelques mots d'explication sont pourtant nécessaires.

Si vous saviez avec quelle douleur j'ai du renoncer à l'idée, d'aller pour le 6 à Florence — vous ne m'auriez pas écrit votre lettre. Vous auriez, avec un peu plus de confiance, pensé: „s'il ne vient pas — il y a donc des causes“. J'ai des devoirs et des remords — j'accomplirai autant que possible les premiers. *Lebenskünstler*... je l'ai été, maintenant je cède le pas à vous, jeunes âmes (qui peuvent soit dit en parenthèse s'enflammer encore à un livre frelaté de mi-me Michelet). Savez-vous que pour moi il n'y a pas d'idéal plus beau que la tranquillité, que le loisir de dire son dernier mot d'épilogue. Et cet idéal est inaccessible pour moi. Vous pensez que fermer les yeux et s'éloigner pour ne pas entendre les

1) Въ пути, т.-е. рука заграничнаго агента русской полиціи.

2) Кн. Н. Пл. Трубецкой.

3) Слова летаютъ.

4) С. И. Астраковъ.

cris — suffit. Moi non. Seul pilote au milieu des folies et des malheurs — je m'étonne de mes forces — et certainement ce n'est que mon activité, mon „autre monde“ qui me soutient. Je fais un essai — maintenant je veux savoir comment Genève et Nice — iront sans moi. Laissez au moins à ma disposition, le temps. Og. — l'homme qui m'est le plus proche, l'homme que vous connaissez avec sa grande poésie et sa méditation, avec sa bonté et son amour — est un des éléments les plus tragiques dans l'affaire. Il se tue, il s'abîme par son genre de vie — et j'ai vu toute l'insuffisance de mes conseils, de mon influence.

N. est un être extrêmement malheureux — si c'est la suite de son caractère, si la faute tombe sur elle — là n'est pas la question. Je dis — que sa vie est un martyre et une maladie. Au milieu — un enfant donné admirablement — et admirablement gâté.

Je m'éloigne pour regarder ce que l'on fera — mais avant je veux préparer les conditions nécessaires — et vous me tombez sur la tête avec des jours de fête „L'école est trouvée“. — Et ce vous qui le dites — l'adresse d'une école n'est pas difficile à être trouvée. Mais lorsqu'on se précipite — connaissez-vous les suites. Alexandre recommande avec enthousiasme Froelich — nous y allons — vous me faites tomber dans ce guet apens de dressure sordide des enfants et deux mois après il faut sauver avec une dépense immense Olga de cette bouge à education. Et Alex. qui trouvait leur dîner bon et leur „commerce“ agréable?..

Maintenant pensez tranquillement et lisez cette lettre ensemble avec Tata et Alex. Cela expliquera une partie — une seconde viva voce.

P. S. — Je n'ai pas envoyé l'argent d'ici... Avigdor m'a proposé de le recevoir et encaisser à Florence pour payer monis de frais. Or même sur ce point vous n'avez pas raison.

A propos — il me faut le reçu d'Alexandre. J'ai vu Avigdor hier, il n'a rien. — Dites à Alex. — que j'ai payé encore 150 frs. pour Cuvier à Vogt.

Vous dites qu'entre autres avantages de Florence — j'y trouverai Em. Vogt — pourtant il a passé par Genève sans venir me voir — ce que calme chez moi d'une manière extraordinaire le désir de le voir. Ch. Vogt est parti pour l'Allemagne — où il va faire des cours ¹⁾.

Alexandre.

¹⁾ Вы очень несправедливы, дорогая Мальвида, но такъ какъ это нѣзъ дружбы ко мнѣ, то у меня нехватаетъ духу сердиться на васъ. Нѣсколько словъ въ поясненіе, однако, необходимы.

Если бы знали, какъ больно мнѣ было отказаться отъ мысли поѣхать къ в во Флоренцію ⁰⁾, вы не написали бы мнѣ вашего письма; при немного большемъ довѣрїи ко мнѣ, вы подумали бы: „если онъ не ѣдетъ, значитъ, есть

⁰⁾ Къ лекціи сына.

9 янв. 2 часа.

Любезный Саша!

Сейчас письмо отъ Мальвиды отъ 7 числа. Я радуюсь твоему успѣху отъ всей души, какъ старый другъ со временъ Владиміра-на-

тому причина*. У меня имѣются обязанности, и меня мучаютъ угрызения совѣсти; первая я выполняю по мѣрѣ возможности. Искусникъ въ жизни... я былъ имъ. Теперь я уступаю первенство вамъ, молодымъ душамъ, способнымъ, скажемъ въ скобкахъ, воспламениться при чтеніи дѣланной книги г-жи Мишле⁹⁾. Знаете ли вы, что для меня нѣтъ идеала болѣе прекраснаго, чѣмъ спокойствіе и досугъ, позволяющій сказать свое послѣднее заключительное слово. И этотъ идеалъ для меня недоступенъ. Вы полагаете, что закрыть глаза и удалиться, чтобы не слышать криковъ, достаточно; о, нѣтъ. — Единственный лоцманъ среди безумія и несчастій, я дивлюсь своимъ силамъ. Несомнѣнно, что поддержи-ваютъ меня только моя активность и мой „другой мѣръ“. Я хочу сдѣлать опытъ: хочу узнать, какъ пойдутъ дѣла въ Женевѣ и въ Ниццѣ безъ меня. Оставьте же, по крайней мѣрѣ, въ моемъ распоряженіи время.

Ог. — самый близкій мнѣ человекъ, — человекъ, выдающуюся поэтичность, вдумчивость, доброту и любовь котораго вы знаете, одинъ изъ наиболѣе трагическихъ элементовъ во всемъ этомъ дѣлѣ. Онъ убиваетъ себя, онъ губитъ себя своимъ образомъ жизни, и я убѣдился, насколько не достигаютъ цѣли мои совѣты, мое вліяніе.

Н. — несчастнѣйшее существо. Слѣдствіе ли это ея характера, или вина падаетъ на нее, не въ этомъ дѣло. Я утверждаю, что жизнь ея — сплошное мученіе и болѣзнь. И въ средѣ всего этого удивительно одаренный и удивительно испорченный ребенокъ.

Я удаляюсь для того, чтобы посмотрѣть, что они всѣ будутъ дѣлать, но предварительно хочу подготовить всѣ необходимыя условія... а тутъ вы являетесь, какъ свѣгъ на голову, съ вашими празднествами. „Школа найдена!“ И это говорите вы... Не трудно найти адресъ школы, но вамъ извѣстны послѣдствія поспѣшности: Александръ съ энтузіазмомъ рекомендуетъ мнѣ Фредиха; мы туда прѣѣжаемъ; вы меня увлекаете въ эту западную пошлой дресировки дѣтей, и два мѣсяца спустя приходится съ громадными издержками спасать Ольгу изъ этого педагогическаго притона. А Александръ находилъ хорошихъ ихъ столъ и приятнымъ ихъ „обращеніе“!

Теперь обдумайте все спокойно и прочтите это письмо вмѣстѣ съ Татой и съ Алекс. Это разъяснитъ одну часть письма, а другая послѣдуетъ устно.

P. S. Я не посылалъ денегъ отсюда. Авигдоръ предложилъ мнѣ получить ихъ и инкассировать во Флоренціи, это обошлось бы дешевле. Значитъ, и въ этомъ отношеніи вы неправы.

Кстати, мнѣ нужна расписка Александра; вчера я видѣлъ Авигдора, у него ничего нѣтъ. Скажите Алекс., что я занялъ Фогту за Кювье еще 150 фр.

Вы находите среди преимуществъ Флоренціи и то, что я встрѣчусь тамъ съ Эм. Фогтомъ. Но, въѣд, онъ прослѣдовалъ черезъ Женеву, не навѣстивши меня, и это значительно умѣряетъ у меня желаніе видѣть его. К. Фогтъ уѣхалъ въ Германію, гдѣ будетъ читать лекціи.

⁹⁾ Адель, жена Ж. Мишле, выпустила въ 1866 г. книгу „Les mémoires d'un enfant“.

Клязьмѣ и 1839 года ¹⁾. Жаль, что я не могъ быть на лекціи, но не сѣтуй и имѣй довѣріе ко мнѣ. Я хочу все сохранить, все спасти, что можно, и исполняю свой долгъ. Мальвида прочтеть тебѣ письмо.

Прощай.

Пришли какъ можно скорѣе расписку въ деньгахъ отъ Avigdor'a. Я бы могъ ѣхать 12-го или 15-го. За 24 часа до отъѣзда извѣщу. Жду рапортъ Таты. Письмо "Мальв. пошлю Огар., — онъ порадуется.

2952. Письмо къ старшимъ дочерямъ.

11 января 1867, пятница.

Моремъ ѣхать нельзя, — буря. Ёду въ *malle-poste* 13 (въ русскій Новый годъ), вечеромъ и 14 къ ночи буду въ Генуѣ; можетъ, 15 поѣду въ Спецію и, стало, 16 или 17 буду у васъ.

Письмо твое, Тата, получилъ, благодарю. Саша такъ покрится на лаврахъ, что не приписалъ ни слова. Ты благодаришь за деньги, а я не знаю, получены онѣ или нѣтъ, и долженъ итти завтра справляться къ Авигдору.

Если, что вздумается, пишите къ Геную *poste restante*.

Ольга, ты должна приготовить для меня: 1-ое, *gomme* — клеть бумагу; 2, Мочромъ кетчюпъ ²⁾; 3, англійской горчицы *Coolman*; 4, *Vino d'asti spumante*; ты будешь моей кастеляншей, и я тебѣ буду влатить мой *pension* и особо *service* ³⁾.

Жду съ нетерпѣніемъ увидѣть, насколько ты выросла (тѣломъ и духомъ).

Прощай.

Malvida Furiosa e grondosa ⁴⁾ (отъ слова *gronder*) имѣетъ поклонъ.

Напиши мнѣ строчку въ Геную.

Тата, я забылъ тебѣ написать, что „*Echo*“ есть у *Vieusseux*, по словамъ Саши; но теперь ужъ поздно.

¹⁾ Годъ и мѣсто рожденія А. А. Герцена.

²⁾ Англійскіе соусы.

³⁾ За услуги.

⁴⁾ Мальвида, неистовая и бранящая.

2953. Письмо къ Н. П. Огареву.

11 янв. (1867).
87, Prom. des. Anglais.

Моремъ ѣхать невозможно, пришлось тащиться въ malle-poste. Билетъ взятъ. Я ѣду въ самый русскій Новый годъ, 13 янв., въ 8^{1/2} вечера, до Онелио¹⁾ — въ купэ, оттуда — на банкеткѣ съ кондукторомъ въ Геную. Къ ночи въ понедѣльникъ буду тамъ, на другой день (15) — въ Специи и оттуда по желѣзной дорогѣ — во Фло-ъ ренцію (16, а если останусь въ Генуѣ, 17), гдѣ, навѣрное, и буду в, среду. Вотъ весь маршрутъ — sans malheur et retard²⁾.

Лекція Саши была очень успѣшна. Посылаю записку Мальвиды принимающей во всемъ нашемъ самое горячее участіе.

Дома такъ было мрачно, безвыходно и страшно; я самъ начинаю себѣ ставить вопросъ, не отдать ли Сат. Лизу года на два? Все же лучше. На-дняхъ N. сказала миѣ, что она была бы готова отдать Лизу въ Кольмаръ, и, когда я сбгласился, она рѣшительно объявила, что никогда не дастъ своего согласія, а уѣдетъ въ Россію. Я напомнилъ объщаніе, клятву. „Вы всѣ измѣнили объщаніямъ, такъ и я могу“... и т. д.

Вѣрно, ты не пропустишь въ „Кол.“ разстрѣліаніе поляковъ въ Сибири и пропустишь мое замѣчаніе объ „Отголоскахъ“, которые выходятъ пѣ-старому.

Часть.

Получилъ сейчасъ твое письмо отъ 8-го. На все я уже отвѣчалъ прежде. Я, право, не вижу, зачѣмъ издавать двойной листъ, зачѣмъ въ одномъ листѣ два leading'a и гдѣ то обиліе статей (и читателей), чтобъ такъ роскошествовать? Если это дѣлается для Чернецкаго, я согласенъ; если же по расчетливости, то не могу согласиться. Поэтому и разсуди самъ. Почему ты перемѣнилъ свое рѣшеніе статью свою печатать въ слѣдующ. листѣ?

Если брошюра дѣльная, съ чѣмъ-нибудь пришли во Фл., если вздоръ — оставь.

Тр.³⁾ ждетъ свою мать, знаменитую Витгенштейнгъ. Итакъ, застрянеть и онъ. Авось ли, найду случай во Флоренціи.

Прощай.

¹⁾ Oneglia.

²⁾ Если не случится несчастія и задержки.

³⁾ Кн. Н. Пл. Трубецкой.

2954. Письмо къ С. Тхоржевскому.

11 января (1867).

Папу.

Вчера принесли къ намъ на домъ всё вещи въ совершенной цѣлости, включительно даже съ Лизинымъ серсо. Стоило недорого — 36 фр. и 1 на водку.

Я ѣду послѣзавтра, газетъ не читаль (русскихъ) давно, — у Висконти кто-то ихъ беретъ. Коли что особенно важное, посылайте во Флоренцію.

Лекція Саши шла блистательно; сообщите объ этомъ кн. П. Вл. и Чернецкому.

Засимъ въ ожиданіи отъ васъ записки, кланяюсь и благодарю за всё хлопоты.

А. Г.

Пишите мнѣ во Флоренцію. Надѣюсь, что зубы ваши прошли.

P. S. Француз. доретржъ здѣсь бездна и первый сортъ: разодѣты, припудрены и въ колясочкахъ изъ соломы разѣѣзжаютъ. По вашей части была бы пожива.

2955. Приписка къ Н. П. Огареву.

(13—14 января 1867).

Лиза ходитъ всякій день въ школу Гатти де Гримой; тамъ во всѣхъ классахъ до 500 ученицъ. Вчера встрѣтилъ Дельпіера, отца жены Трюбнера.

Писала и запечатала сама.

2956. Письмо къ С. Тхоржевскому.

15 января 1867.

Генуя.

Любезный Тхоржевскій, я долженъ Висконти отъ 25 до 30 фр., мы съ нимъ рѣшили такъ: онъ взялъ 2 экз. „Был. и думъ“ (не забудьте послать 2 экз. „Саз. и Энг.“ ему и 5 во Флоренцію) съ габais 35% и хочетъ съ той же уступкой „Колоколь“, 5 экз. каждаго № (1-й три получилъ); я ему далъ „Кол.“ за весь прошлый годъ; стало, долгъ этотъ считайте за мной, а я съ нимъ сочтусь.

Погода ужасная, дождь льетъ, какъ подъ тропиками, теплень, громъ, и все это продолжается больше недѣли. Я сегодня, въ 10 часовъ зажигалъ свѣчу; буду ждаль до четверга.

Нат. Ал. спрашиваетъ васъ, сколько миллионовъ выиграли онѣ въ лотерею, и просить не забыть, что въ свое время адвокату Губе придется за бессонянь заплатить: за одну 60 и за другую 20.

Прощайте, будьте здоровы и не ѣздите никогда въ дилижансѣ.

Кланяюсь Чернецкому.

2957. Письмо къ Н. П. Огареву.

15 янв. 1867, вторникъ.
Генуя. Hôtel de la Ville.

Ну, милостивый государь, наконецъ-то, я дотащился до Генун, — это не лучше поѣздки изъ Пензы въ Москву. Дождь лиль три дня и лиль во весь путь. Мы ѣхали 26 часовъ въ дилижансѣ. Рѣчонки поднялись въ рѣки. Закрывшись — на банкеткѣ была духота безъ предѣловъ, открывшись — вода обливала всего. Сегодня громъ, молнія и штормъ, даже градъ. Я поневолю остаюсь до 17 здѣсь; вѣроятно, море уляжется, пытку дилижанса не хочу еще разъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Ниццы я написалъ тебѣ и Тхор. письмо, положилъ въ карманъ и привезъ въ Генуя. Простились мы въ Ниццѣ мирно; хотѣлось бы съ Татой и Ольгой снова сблизиться Н., но прямо ничего не сдѣлаетъ. Теперь рядомъ съ планомъ ѣхать въ Россію снова планъ купить пансіонъ въ Ниццѣ. Н. все хочеть, кромѣ одного, — заглянуть въ себя и свою совѣсть. Увидимъ, что сдѣлають эти два мѣсяца; я врядъ возвращусь ли до начала марта въ Ниццу.

Благословляю издать двойной „Колоколь“ для Чернецкаго съ тѣмъ, чтобы отъ меня не ждаль ни въ мартъ, ни къ 1 апрѣля ничего, кромѣ „смѣсей“.

Читаль ли ты рѣчь Самарина (Дмит.) въ земскомъ застѣданіи? Я ею доволенъ.

Что ты хочешь дѣлать со статьей Каткова о раскольникахъ? Она намъ почетна. Все же, и по его выходить, что имъ дали льготы, имѣя въ виду ихъ связь съ Лондономъ. Развѣ это и сказать? ¹

Прощай. Лнзу я оставилъ цвѣтушею, какъ центифольный розанъ; ей явнымъ образомъ этотъ климатъ понутру, она вдвое ѣсть и толстѣеть. Умна удивительно, до тончайшихъ нюансовъ; въ школу ходить весело, а Nat. недовольна и, вѣрно, возьметъ ее недѣли черезъ двѣ!..

Я сюда прїѣхалъ съ очень хорошими американцами, которые за мной ухаживали по дорогѣ и были аих petits soins ¹⁾. Виллихъ выздоровѣлъ отъ раны; генераль ²⁾ имѣеть большое мѣсто въ Мессачусетъ съ окладомъ 35,000 фр. Скажи Тхорж. и кто близко его зналъ.

Аминь.

◆◆ 1. Въ передовой статьѣ, посвященной всеподданнѣйшей докладной запискѣ оберъ-прокурора синода гр. Д. А. Толстого, Катковъ говоритъ о „Колоколѣ“ въ роли возбудителя послѣдователей раскола:

„Разсчитывали на нихъ и русскіе выходцы, поселившіеся въ Лондонѣ и открывшіе оттуда, въ союзѣ съ поляками, революціонную пропаганду. Они знали расколъ и раскольниковъ столько же, сколько и ихъ единомышленники по дѣлу измѣны.... Издатели „Колокола“ употребляли всевозможныя средства для того, чтобы завязать тѣсныя сношенія съ русскимъ старообрядческимъ міромъ. Проповѣдники грубаго матеріализма, отрицающіе не только церковь и догматы христіанскіе, но самый принципъ религіи, во имя гибели Россіи искали союза съ людьми не только преданными вѣрѣ отцовъ, но готовыми итти на мученичество за всякую букву и за всякую подробность обряда.... Старообрядческіе попы, по приказу Пафнутія и другихъ архіереевъ, стали спрашивать на духу старообрядцевъ, не итали ли они „Колокола“, „Общаго Вѣча“ и возмутительныхъ прокламацій, выходившихъ въ 1861 и 1862 году въ Петербургѣ, и на читавшихъ налагали тяжелыя эпитиміи“ (№ 270).

2958. Письмо къ Н. П. Огареву.

№ 2 изъ Италіи.

16 янв. (1867), среда.
Генуя.

Забава да и только: вчера громъ и ливень, сегодня холодъ и ливень, — да, вѣдь, безпрестанный дождь, сегодня десятый день. Ёду завтра въ Александрію; крюкъ огромный, но все по желѣзной дорогѣ; оттуда черезъ Модену въ Болонью, тамъ останусь полдня и, вѣроятно, въ субботу буду во Флоренціи. Новаго сообщить, разумѣется, нечего. Вчера я тебѣ писалъ...

¹⁾ Были очень внимательны.

²⁾ Гаугъ.

Вечеръ.

Завтра встаемъ въ пять и ѣдемъ около семи въ Болонью; мои американцы ѣдутъ потому, что я ѣду, — вотъ какія побѣды. Ихъ трое: два молодыхъ человѣка, и одинъ капитанъ парохода; во всѣхъ гораздо больше наивности и простоты, чѣмъ у европейцевъ. А вьюга продолжается. Къ вечеру мы въ Болоньѣ. Прощай.

Bologna.

Hôtel Brun.

Приѣхалъ въ 3, усталъ, обѣдаю, ложусь спать и въ 7 ѣду во Флоренцію, слѣд., буду тамъ въ 12 завтра, 17, четвергъ.

Все бы хорошо, но потерялъ ключи, — досадно.

2959. Письмо къ Н. А. Огаревой.

17 (января 1867), четвергъ.

Bologne, Hôtel Brun.

Приѣхалъ сюда въ три часа усталый, не спалъ и хочу отдохнуть. Погода холодная, снѣгъ, но ясно... Завтра, въ 12 во Флоренцію. Все бы хорошо, но потерялъ всѣ ключи, должно быть, въ Генуѣ. Это меня бѣситъ; писалъ въ отель.

Что вы? ни о комъ не могъ имѣть вѣсти и страшно иной разъ.

Американцы отсюда поѣхали дальше.

Лизу щѣлюю и прощайте.

Я телеграфировалъ послѣ приѣзда и писалъ; все ли получено?

2960. Письмо къ Н. П. Огареву.

Огареву.

2-ое изъ Флоренціи.

19 января (1867).

Флоренція, 41, Via S. Монаса.

Посылаю вмѣстѣ съ этимъ письмомъ всѣ корректуры. Твоя статья ¹⁾ по началу какъ разъ придется продолженіемъ моей III статьи ²⁾. Она хороша. Хорошъ и „Бѣлый терроръ“, но я прошу тебя выправить его посерьезнѣе. Я полагаю, что нельзя отдавать въ печать, не

¹⁾ „Частныя письма объ общемъ вопросѣ“ въ 237 л. „Кол.“

²⁾ „Порядокъ торжествуетъ!“, гл. III.

поправивши. Не забудь, что въ заглавіи, вмѣсто терроръ, написано „героръ“, и убавь ругательствъ. Скольکو могъ, я сдѣлалъ, но, дѣйствительно, голова идетъ кругомъ, а времени мало. Если нельзя, то и не посылай *mise en page*. Хотя я не вижу резона, отчего „Кол.“ не выйти 3—4 февр., — кого это обидить?

С.-С. печатаетъ, какъ ты видишь, брошюру противъ насъ. Чтѣ же сдѣлають остальные „эмигранты“ и пріятели? Это интересно для будущихъ сношеній. Предложи-ка Мерч. протестовать и Мечникову. Не благодущничай. Я, съ своей стороны, ихъ молчаніе приму за согласіе съ С.-С. и *раззнакомлюсь*. Ты можешь это сказать Мерчинс. Быть съ нами знакомымъ и пускать этого мошенника къ себѣ въ домъ — двуличность. Якобій поступаетъ лучше. Если С.-С. сумасшедшій, чтѣ же его не сажаютъ въ Женевѣ въ сумасш. домъ? Если же нѣтъ, пусть несетъ всю отвѣтственность за дѣла. ¹

Здѣсь все хорошо, кромѣ ужаснѣйшей, холодной и отвратительной погоды. Ольга нѣсколько сложилась, умна умомъ и воображеніемъ, хотя ничему не учится. Татя занимается довольно, хотя собой недовольна. Саша въ самомъ дѣлѣ работаетъ. И Мейз. ничего, хотя здоровьемъ плоха. Ей вчера д-ръ Левье дѣлалъ подкожную инъекцію морфина отъ головной боли.

Я никакъ не ожидалъ, что Долгор. недоволенъ статейкой. Въ пошреніе прибавляю нѣсколько строкъ, которыя передай Чернецкому.

Фрикенъ несетъ письмо на почту; оно еще поидетъ сегодня, адресу поэтому Тхоржевскому.

◆◆ 1. 25 января Огаревъ писалъ Герцену, что Мерчинскій и М. С. Гулевичъ возмущены брошюрой Серно-Соловьевича, которую, очевидно, имѣли возможность прочесть еще въ рукописи (Рум. музей).

2961. Письмо къ С. Тхоржевскому.

19 янв. (1867).

Florenza, 41, Via S. Монаса.

Душевно благодарю за письмо, любезный панъ; отъ него пахнетъ снѣгомъ и льдомъ. Во Флоренціи всѣхъ засталъ здоровыми, всѣ кланяются. О Саш. лекціяхъ есть прекрасная статья по-итальянски. Газетъ русскихъ еще не читалъ. Пріѣхалъ по снѣгу и холоду и утомился.

Корректуру послалъ Ог.; передайте ему письмо — и прощайте. Всѣ наши кланяются Чернецкому.

2962. Письмо къ С. Тхоржевскому.

22 января (1867).

Firenze, 41, Via St. Мопаса.

Требуется сюда слѣдующая, присылка книгъ, когда „Энгельс. и Саз.“ будутъ отпечатаны:

4 экз. 2-го отдѣл. „Был. и д.“,

4 экз. обоихъ вмѣстѣ.

10 экз. „Camicia rossa“.

Теперь вопросъ, какъ сдѣлать, чтобъ дешевле послать, напр., за 4 или 5 фр.? Если же нельзя, напишите.

Зачѣмъ Огаревъ посылаетъ двойные №№ „Моск. Вѣд.“? Это, кажется, роскошь.

Ключи въ Генуѣ нашли, но не могу еще добиться до нихъ (получилъ).

Погода въ половину сгубила все удовольствіе; въ комнатахъ стужа, темно, на дворъ нельзя выйти отъ дождя. Одно утѣшеніе, что уже Генрихъ Гржимала-Любанскій открылъ меня и ходитъ читать проекты объ экономіи въ содержаніи армій. Здѣсь и Гаугъ... ша... та... та... сдѣлавшійся богачомъ. Доманже даетъ уроки у в. кн. Маріи Николаевны. Фрикенъ пишетъ книгу.

Что же, наконецъ, вы придумали для типографіи и для Черкецкаго къ 1 мая? Напишите.

Всѣ вамъ кланяются.

Три часа. Погода прояснилась, и Любанскій попросилъ 200 фр. взаймы.

Прощайте.

2963. Письмо къ Н. П. Огареву.

22 янв. (1867).

41, Via S-ta Мопаса.

Н. пишетъ, чтобы я категорически рѣшилъ, и притомъ сейчасъ, вопросъ, ѣхать ли ей въ Россію или начать покупку пансіона въ Ницца, что она считаетъ равняющимся поступленію въ монастырь. Что я могу отвѣчать? Если-бъ былъ увѣренъ, что она сладитъ съ пансіономъ, я не сказалъ бы ни слова, но, вѣдь, это больше, чѣмъ

сомнительно. Для вопроса о Россіи я не имѣю данныхъ, напр., что будетъ съ Лизой? Нуженъ необходимо Сат. и ни малѣйшей возможности послать письмо.

Я смотрю съ безконечной грустью на свирѣпыя результаты безумія и эгоизма. Лиза была бы совершенно счастлива теперь съ дѣтьми. Тата становится покойнѣе, а Ольга, дѣйствительно, очень граціозно развивается. Она была бы великимъ источникомъ, *ресурсомъ* для Лизы. Даже Мейзенб. ничего бы не имѣла противъ. Но страхъ передъ Н. всѣхъ леденить. Она сама чувствуетъ, что во многомъ не права, но сказать это со слезами и горестью не можетъ.

Работы наладить еще нельзя. Да и отчего же ты не отмѣтилъ прямо для „смѣси“ кое-какія рѣзкія вещи, напр., 1) объ ограниченіи права раскладки въ земск. соб. и о московскомъ протестѣ? Такую вещь и Долг. сдѣлаеть. ¹ Погода была до того дурна, что я къ Vieusseux не ходилъ. Присылай, пожалуй, только тѣ №№ газетъ, въ которыхъ есть что-нибудь интереснаго (ну, два раза въ недѣлю).

Можетъ, о процессѣ Чичерина есть больше подробностей, — спроси у Долгор.

А въ Москвѣ рѣчь-то говорилъ Юр. Самаринъ. Это Труб. меня ввелъ во искушеніе, что Дмитрій.

Итакъ, еще разъ прошу въ „смѣсь“ отмѣчать безъ меня.

Думаю черезъ двѣ недѣли ѣхать въ Венецію. Здѣсь жизнь, все же, слишкомъ юна и бойка, хотѣлось бы пообдуматься одному.

Прощай.

◆◆ 1. Сотрудничество П. В. Долгорукова въ „Колоколѣ“ 1867 г. устанавливается еще по письму Огарева къ Герцену отъ 7 марта: „Вѣдь, я, уповая на твой громаднѣйшій талантъ, не надѣюсь на свой и боюсь „смѣсей“ Долг.—ихъ. Пойми ты это. Ты мой лучший сатирикъ, да еще вдобавокъ я согласенъ съ венеціанскими масками, что ты знаменитый русскій поэтъ, хотя стиховъ и не писалъ, но для меня ужъ одно „Съ того берега“ — поэма.“ (Рум. музей).

2964. Письмо къ Н. П. Огареву:

25 янв. (1867).

41, Via S-ta Мопаса.

Получилъ отписку отъ Тхоржевскаго о холодѣ, типографіи, Долгоруковѣ и пр., и его простое письмо rather ¹) навело грусть. Впрочемъ, я, вообще, въ хандрѣ (скверная погода продолжается, хотя теплѣе).

¹)

Меня мучить неумѣние устроить жизнь для себя, для насъ, для нѣсколькихъ близкихъ лицъ. Мнѣ иногда сдается, что мы оба — ты и я — страшные эгоисты: ты съ нѣжными, я съ жесткими велелитетами¹⁾, и оттого постоянно губимъ все около себя, себѣ и выкупаемъ нашу психическую антропофагію общими интересами... и талантомъ.

Я стою теперь „wie ein Ochs am Berge“²⁾ и рѣшительно не знаю, чтѣ сдѣлаю для дѣтей и чтѣ для Лизы. Я здѣсь всѣми доволенъ. Ольга, дѣйствительно, умна и жива и очень развилась, она очень красива и граціозна. Тата занимается много... Но я чувствую, что въ этой жизни онѣ будутъ гложуть и, того и смотри, выйдутъ изъ нея въ глупый бракъ... Но что я сдѣлаю? Для этого надобно: 1) жить съ ними, 2) удвоить ихъ окладъ (а онъ теперь уже достигаетъ 14.000 фр.) и, наконецъ, не жить на 3 дома. Внѣшнюю часть жизни съ Н. и Лизой я бы сладилъ, но вмѣстѣ и думать нельзя.

У Ольги характеръ чрезвычайно снисходительный, и она не даетъ сдачи, а глубоко оскорбляется. № ее въ недѣлю доведеть до безумнаго бѣгства или чего-нибудь такого. Если бы ты слышалъ наши разговоры въ Ниццѣ, ты подивился бы моему терпѣнію. ^{1/1000} долю не вынесла бы ни Тата, ни Ольга. Лиза была бы, напротивъ, здѣсь совершенно на мѣстѣ. Вотъ я и ломаю голову... ну, пройдетъ мѣсяць, два... я опять буду въ Ниццѣ, опять приѣду въ Женеву, — при чемъ же всѣ останутся? А тутъ еще нелѣпость — везти Лизу въ Россію... И... бьешься, бьешься, и эгоизмъ беретъ верхъ, и хотѣлъ бы бѣжать, куда бы то ни было, только одинъ. Твоя жизнь несчастна, но она менѣе запутана.

Ну, довольно!

Вчера у Шиффа былъ rendez-vous для спора о libre arbitre³⁾ съ Доманже. Шиффъ былъ спленидидень; да, онъ — большой талантъ и большой логикъ. Разумѣется, онъ Доманже побѣдилъ, и тотъ (несмотря на французское многоязычье и свое умноязычье) сдался, чтѣ въ спорахъ бываетъ рѣдко. Итакъ, libre arbitre принесенъ на закланіе.

Затѣмъ прощай.

А. Г.

1) Velleité — скоро преходящее желаніе.

2) Какъ быкъ передъ горой.

3) Свобода воли.

2965. Письмо къ Н. П. Огареву.

29 января 1867.

41, Via S-ta Мопаса.

Особеннаго сказать нечего, развѣ, придетъ *scribendo*¹⁾. Замѣтилъ ли статью въ „Голосѣ“ (5 янв.), совпадающую шагъ въ шагъ съ моей статьей въ „Колоколѣ“? Жду продолженія ея (6 янв.) (продолженіе плохо²⁾). Сегодня получили письмо отъ Луг.; просятъ денегъ для Оз.³⁾. Тхор. ему послалъ 50, пошлю я отсюда 100, тогда у меня останется въ фондѣ 450 фр. и затѣмъ — финаль. Свой взносъ я начинаю беречь съ другой цѣлью, — о томъ послѣ, а 250 могу прислать. Послѣд. письмо изъ Ниццы было *отъ 17* — все это въ наказаніе и боль⁴⁾. О, карѣйшій защитникъ прибавки женщинъ въ жизнь, какой новый комментарий я нашелъ здѣсь въ подтвержденіе моего взгляда! Піанчани (отличившійся въ послѣднюю войну, въ которую пошелъ простымъ волонтеромъ) изнемогаетъ подъ бременемъ домашнихъ пакостей, дѣлаемыхъ дрянной и состарѣвшейся француженкой, которая жила у него еще въ Лондонѣ. Онъ старѣетъ, падаетъ, стыдится и не можетъ вынуть ноги изъ постромки. И эта женщина безъ образованія, безъ ума, *безъ дѣтей* давить его и все возлѣ стоящее!..

Здѣсь, т.-е. флорентинцы, меня опять приняли съ такой симпатіей и такимъ вниманіемъ, какъ въ 1863. Странно, они меня меньше знаютъ нашихъ швейцарцевъ, а сочувствія больше. Впрочемъ, здѣсь и русскіе всѣ лучше: Леманшиковъ⁵⁾, живописецъ Ге⁶⁾, скульпторъ Забѣлло,¹ Желѣзновъ и самъ Fri V (я его пишу, какъ Charles Quinet)⁷⁾. Вчера былъ у Муравьевыхъ (жена Алекс., умершаго въ Сибири) — портреты⁸⁾... Напр., мать Никиты Мур.⁹⁾ — молодая женщина, и на колѣняхъ ребенокъ лѣтъ 5 — Никитина¹⁰⁾.

1) Во время писанія.

2) Передовая статья въ двухъ нумерахъ „Историческія причины нерасположенія Европы къ Россіи“.

3) Озеровъ.

4) А ргорос къ письмамъ. Зачѣмъ ты шалишь, надписывая Татѣ? Если это хитрость, то она слишкомъ прозрачна. А. И. Г.

5) ?

6) Николай Николаевичъ.

7) А. Ф. Фрикень.

8) Александръ Михайловичъ Муравьевъ, † въ 1853 г.; жена его Жозефина Адамовна.

9) Екатерина Федоровна Муравьева.

10) Подъ этой фамиліей Софья Никитична была потомъ опредѣлена въ Екатеринбургскій институтъ.

A somme toute ¹⁾, думая и думая, я не рѣшилъ бы здѣсь жить, — все-таки, маленькій городъ. Что-то Венеція? Я ей придумалъ огромную будущность на развалинахъ Австріи и въ tête-à-tête съ Константинополемъ.

Vedremo ²⁾ — къ 15 февр. я тамъ.

Жить пока придется въ Швейцаріи.

Сейчасъ Фрикенъ получилъ приказъ возвращаться въ Россію, — что за скотство! Онъ, кажется, не поѣдетъ.

31 января.

Твое письмо отъ 28 пришло. Изъ Ниццы ни слова. Какъ же при полной безответственности людскихъ дѣлъ ты пишешь, что тебя (какъ и меня) оскорбляетъ глубоко записка N°. . Да если это необходимое послѣдствіе? Вѣдь, не оскорбляетъ же тебя тифъ и его послѣдствія; они только могутъ огорчать... Тутъ что-то въ практическомъ приложеніи не ладно. Я это испытываю на себѣ. Конечно, изъ уравновѣшенія эгоизмовъ только и можетъ выйти норма поведения. Но и тутъ врядъ ли есть единство между сказаннымъ и твоей теоріей о преданности, которую ты сильно защищалъ въ 1861. Да зачѣмъ же мы не работаемъ надъ этимъ вопросомъ?

Ты пишешь еще: „дѣло въ дѣлѣ“ и о нерѣшительности въ жизни. Чтò же я сдѣлаю въ частной жизни? Спасеніе могло быть серьезное, это — въ совокупномъ житьѣ Лизы съ Тат. и Ольгой, а не только N., но и T. теперь съ N. не уживутся, несмотря на то, что Тата зрѣлѣетъ.

Я просто устаю и тупѣю, и тутъ никакая теорія de libero et servo arbitrio ³⁾ не поможетъ. Я вижу одно: *мы несчастны въ частной жизни*, и слышу ясно и отчетливо: *и по дѣломъ*, — и это я ношу, какъ ядро на ногахъ. Was haben Sie dazu zu sagen ⁴⁾?

Скажи Тхор., что портретъ Черныш. ⁵⁾ и 2 „Красныя рубашки“ получилъ. Я ему писалъ о деньгахъ, пусть пишетъ о stricte nécessaire ⁶⁾. Отсюда посылать — потеря 6⁰/₀. Если V^{ue} Suisse дастъ, я пришлю чекъ.

Прощай.

1) Въ итогѣ.

2) Повидимому.

3) О свободѣ и несвободѣ воли.

4) Что вы можете сказать на это.

5) Фотографическія карточки Н. Г. Чернышевскаго продавались у женевскаго фотографа Буасона.

6) О строго необходимомъ.

Шиффу въ понедѣльникъ было 44 года. Сегодня второй дис-
путь съ Доманже.

◆◆ 1. Въ мартѣ 1867 г. агентъ III Отдѣленія во Флоренціи Бутковскій донесъ, что художникъ Пармень Забѣлло выходилъ съ Герценомъ изъ его квартиры. Было предписано при возвращеніи его въ Россію произвѣсти у него на границѣ строгій обыскъ и по результатамъ послѣдняго поступить (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 3 эксп. 1867 г., дѣло № 83).

Александръ Бутковскій — агентъ очень низкаго пошиба; особенно онъ былъ скомпрометированъ по службѣ позже, когда, вмѣсто С. Не-
чаева, арестовалъ С. Серебренникова. О немъ же рассказываетъ А. Тверитиновъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, 65—66, опуская изъ фамиліи букву „к“.

2966. (Новая „БАРХАТНАЯ КНИГА“ русскихъ дво- рянскихъ родовъ).

Новая „бархатная книга“ русскихъ дворянскихъ родовъ вышла въ Женевѣ подъ скромнымъ названіемъ „Записокъ кн. Петра Долго-
рукова“¹⁾. Первый томъ ихъ, въ родѣ книги „Бытія“ и „Дѣяній“ выс-
шаго русскаго барства, является чрезвычайно кстати. Родословныя
деревья у насъ всегда заготовлялись, какъ елки передъ Рождествомъ:
сколько заплачено, столько и зрелыхъ яблоковъ. Но въ послѣднее
время, въ виду близкой и не совсѣмъ честной кончины помѣщика, у
насъ стали выдумывать не отдѣльныя деревья, а цѣлый лѣсъ, ка-
кое-то *доблестное барство-тори*, почетное въ настоящемъ, почтенное
въ прошедшемъ, патриотическое, историческое и пр. Слышали мы
прежде отъ сѣдыхъ дворецкихъ и разныхъ приживалокъ: „Ну, это
былъ *настоящій русскій баринъ*, русскій баринъ въ полномъ значе-
ніи“ Но въ наше время эти выраженія поднялись изъ людскихъ и
дѣвичьихъ въ *переднюю* литературу и потому становится очень инте-
реснымъ узнать, что было въ свое время *настоящій русскій баринъ*
и о какомъ *полномъ значеніи* этого слова толкуютъ наши аристокра-
тическихъ дѣлъ стряпчие и помѣщичьи писаря.

Первый томъ „Записокъ“ князя Долгорукова, представителя одной
изъ нашихъ древнѣйшихъ княжескихъ фамилій, весь посвященъ пе-
речню главныхъ семей, окружавшихъ императорскій престоль въ на-

¹⁾ „Mémoires du prince Pierre, Djo goroukow“, Genève, 1867, тl.
(512 pag.). А. И. Г.

чалъ XVIII вѣка и управлявшихъ съ нимъ Россіей. Это — одни факты, факты подробные, тщательно собранные, почти безъ комментаріевъ; они оканчиваются регентствомъ Бирона, значить, обнимаютъ *медовый мѣсяць* новой имперіи. Читая этотъ чудовищный, неистовый, уголовный *carmen horrendum*¹⁾, надо иной разъ невольно класть книгу, чтобы прійти въ себя отъ ужаса и омерзѣнія. Вы покидаете тутъ весь человѣческій міръ: это другія животныя, другіе гады, лишеныя всего человеческого, кромѣ способности доносить, раболѣпствовать, красть и дѣлать зло ближнему. Не число невинныхъ жертвъ, не кровь, льющаяся, какъ изъ ведра, не рѣки слезъ, не пытки и каторги удручаютъ читателя, — всѣ лѣтописи полны крови и неправды, вся исторія — какая-то хирургическая, перемежающаяся операція, — но въ разсказѣ *дѣтства и отрочества* нашего *настоящаго барства* душитъ подлость, отсутствіе всякаго убѣжденія, всякаго достоинства, стыда, чести, цинизмъ холопства, сознательность преступленій. Доминиканецъ, съ вѣрой жарящій еретика, и азіатскій рабъ съ своей религіей повиновенія въ тысячу разъ больше челоуѣкъ, чѣмъ вся эта шайка аристократовъ-негодяевъ, продавшихся гуртомъ за крѣпостное право и въ разбивку за власть и деньги.

И эти-то доносчики, сводники, ябедники, палачи, пытавшіе друзей и родныхъ, битые, сѣченые, оплеванные Бирономъ, казнокрады, взяточники, изверги съ мужиками, изверги съ подчиненными составляютъ почву *настоящихъ русскихъ баръ*. И ихъ-то потомки осмѣливаются теперь бросать камень польскимъ панамъ. Польскіе паны имѣли непріятные пороки своего времени, были дики и горды, тѣснили и грабили народъ, но зато они имѣли и доблести феодаловъ, — ихъ не билъ палкой ни одинъ король, и не ѣдилъ по зубамъ ни одинъ временщикъ, какъ нашихъ холоповъ въ андреевской лентѣ, воровъ въ княжескихъ мантияхъ и всѣхъ разбойниковъ гвардейской опричнины, чередовавшихся между государевымъ совѣтомъ и каторжной работой. Въ исторіи, повторяемъ, ничего подобнаго не было; такъ, какъ нечистоты лондонскихъ стоковъ образовали особый слой въ устьяхъ Темзы, съ особымъ населеніемъ инфузорій, такъ изъ русской жизни вынырнулъ и развился при посредствѣ ложной цивилизаціи и глубокаго растлѣнія, свой кряжъ *настоящаго русскаго барства*, *strata petropolitana*²⁾... которую надо какъ можно скорѣе завалить землей, искупить обновленной жизнью и рядомъ челоуѣческихъ дѣяній, а не вызывать изъ грязной могилы или вызывать, какъ это сдѣлалъ кн. П. В. Долгоруковъ, — отдавая безпощадно на позоръ и стыдъ.

1) Страшная поэма, пѣснь, стихотвореніе.

2) Петербургское наслоеніе.

Грѣхи предковъ только тогда не падаютъ на потомковъ, когда потомки не гордятся своимъ происхожденіемъ. Гербъ обязываетъ, напоинаетъ; кто имъ дорожить, тотъ не можетъ разорвать своей связи съ преданіемъ, на томъ иногда догараетъ лучъ прошлой славы... и всегда выступаютъ пятна прошлаго позора.

Съ нетерпѣніемъ ждемъ второй части великаго обличенія и разоблаченія нашей аристократической дворни и тогда разомъ сдѣлаемъ выписки изъ чрезвычайно интересныхъ „Записокъ“ кн. П. В. Долгорукова.

Мы видѣли прадѣдовъ нашихъ петербургскихъ и московскихъ матадоровъ, — взглянемъ на ихъ дѣдовъ... и искренно просимъ автора поскорѣе познакомить съ отцами.

2967. Наше правосудіе.

Всѣ обвиненные по извѣстному дѣлу о вооруженномъ возстаніи въ Казани приговорены казанской уголовной палатой къ каторжной работѣ на слѣдующіе сроки:

На десять лѣтъ:

Владиміръ Полниновскій (арестованъ въ началѣ мая 1863).

Александръ Сергѣевъ (арестованъ въ началѣ мая 1863).

Семень Жемановъ (арестованъ въ концѣ апрѣля 1863).

Алексѣй Щербаковъ (арестованъ 1-го сентября 1863) ¹⁾.

Аркадій Бриуковъ (арестованъ въ началѣ мая 1863).

На восемь лѣтъ:

Иванъ Красноперовъ (арестованъ въ началѣ марта 1863).

Николай Орловъ (арестованъ въ началѣ іюня 1863).

Василій Дерновъ (арестованъ въ началѣ іюня 1863).

На шесть лѣтъ:

Егоръ Красноперовъ (арестованъ въ началѣ іюня 1863).

Петръ Алѣевъ (арестованъ въ половинѣ сентября 1863).

На четыре года:

Рудольфъ Миттерманъ (арестованъ въ началѣ мая 1863).

Викторъ Лаврскій (арестованъ въ началѣ іюня 1863).

Правительствующій сенатъ, *несмотря на ходатайство уголовной палаты о смягченіи наказаній, УВЕЛИЧИЛЪ СРОКИ НАКАЗАНІЙ* въ слѣдующемъ порядкѣ:

Двумъ первымъ, осужденнымъ палатою на десятилѣтнюю каторгу, сенатъ опредѣляетъ 14 лѣтъ каторги,

двумъ бѣжавшимъ и одному оставшемуся (той же категоріи) — 12 лѣтъ каторги.

¹⁾ Жемановъ и Щербаковъ бѣжали въ ноябрѣ 1866. А. И. Г.

Кому палата присудила восемь и шесть лѣтъ, сенатъ опредѣлил 10.
Кому четыре года — тѣмъ по шести.

Что же это, отцы отечества, видно, совсѣмъ выжили наъ ума и изъ совѣсти?

Въ декабрѣ мѣсяцъ разстрѣлянъ въ Варшавѣ казакъ изъ дворянъ Митрофанъ Подхалюзинъ за участіе въ польскомъ возстаніи, и это больше, чѣмъ черезъ годъ, послѣ усмиренія, *умиротворенія*. Русскіе журналисты, въ виду этого, не стыдятся указывать на жестокости турецкаго управленія. Гдѣ же турки казнятъ смертью черезъ годы послѣ возмущенія? Подхалюзина *выдала Австрія!* Вотъ характеръ, такъ характеръ!

На тронѣ я Рославъ и въ узахъ я Рославъ ... 1)

Ее бьютъ, бьютъ... вся въ фонаряхъ, вся въ синякахъ, въ лохмотьяхъ, растеряла провинціи и репутацію, а все такъ же подла, какъ прежде, все такъ же выдаетъ на казнь, какъ во времена Бакунина только тогда въ Россіи не казнили.

Далѣе, русскія газеты насъ извѣщаютъ, что въ Рязани приговорили къ убіенію Юрлова и Обновленскаго... что въ Омскѣ разстрѣлянъ крестьянинъ Портвягинъ, *который не сознался въ убійствѣ и у котораго ограбленныя у убитаго вещей НЕ ОКАЗАЛОСЬ*, но въ дѣлѣ имѣлись улики, показывающія, что убійство это *должно быть* совершено имъ*.

Что за Геркулесовы столпы жестокости, тупости, глупости и безсердечія!

Въ Оренбургѣ разстрѣлянъ солдатъ Архипъ Маіоровъ за дерзость противъ начальника, собиравшагося его съчь, по чьему приговору, въ газетахъ не сказано.

2968. Письмо къ Н. П. Огареву.

3 февраля (1867).
41, Via S-ta Мопаса.

Я что-то не въ духѣ и простуженъ; о причинахъ не хочется толковать, т.-е. о психическихъ, а что касается до причинъ физическихъ, онѣ понятны: весь день жаръ да, вѣдь, невыносимый на солнцѣ, а вечеръ и утро такъ холодны, что я подкладываю дрова въ каминъ и дрожу.

Вотъ тебѣ хорошая вѣсть. Пока мы съ тобой разсуждали насчетъ Саг. и придумывали средства, все сдѣлано. Что за славная *m-me Reichel!* Я ей писалъ мѣсяца полтора тому назадъ: „найдите мнѣ случай передать С—ну слова два, — здоровье Ог. и въ особенности болѣзненное состояніе духа Н. послѣ смерти дѣтей дѣлаютъ необходимымъ свиданіе“. Мар. Кас. отвѣчала, что на сію минуту нѣтъ ничего въ виду, а вчера пишетъ: „случай имѣла, записочку написала

1) Въ трагедіи Княжнина „Рославъ“ сказано: „Рославъ я въ лаврахъ былъ и въ узахъ я Рославъ“.

сама и сегодня получила вѣсть о томъ, что она доставлена*. Молодецъ! Они черезъ мѣсяцъ (т.-е. Рейхели) будутъ въ Бернѣ, если случится *fatatua cortesia* ¹⁾).

Здѣсь все идетъ довольно хорошо. Тата опять занимается живописью. И она, и Ольга, и Мейзенб. съ распростертыми объятіями приняли бы Лизу. Для чего ее вырываютъ изъ естественнаго круга? Я ясно вижу, что, собственно, затаенная и дѣйствительная злоба (по несчастью, справедливая) противъ N. у одного Саши. Но я и это взялся бы устроить...

Второй коллоквиумъ Шиффа не былъ такъ удовлетворенъ, какъ первый, и я начинаю думать, что споръ опять-таки *номинальный*. „Ответственность за поступки объективная, а не субъективная“... съ этимъ является снова судъ и, пожалуй, казнь. Подожду третій разговоръ. Физиологическая необходимость многого не объяснить, есть элементы ея неуловимые, — напр., историческіе antecedents, даже наследственность. Есть закраина, гдѣ оба термина антониміи переходятъ другъ въ друга, т.-е, гдѣ чловѣкъ съ сознаниемъ пользуется правомъ ступить лѣвой или правой ногой, хотя приведеніе въ исполненіе идетъ уже по физиологической необходимости. Попробуй написать, чего нѣтъ, — тезисы другого тона съ нѣкоторымъ развитіемъ. По-моему, это право важнѣе математическихъ фантазій.

Я сталъ бы писать, но здѣсь невозможно — такъ устроена жизнь. Ты бѣжалъ бы черезъ недѣлю. А *la longue* ²⁾ и я бы не могъ вынести, это — жертва.

Итакъ, земщину петербургскую въ три шеи. „*Indér.*“ пророчить конституцію, а всѣ вмѣстѣ — войну.

Войну натягиваетъ Франція, въ этомъ не сомнѣвайся. Дѣла Запада я здѣсь могу лучше знать, чѣмъ вы въ Женевѣ. Если не въ нынѣшнемъ, то въ будущемъ году весной — *sauf* ³⁾ иныхъ переменъ — будетъ война. Смотрите, Николай Платоновичъ, вопросъ этотъ для васъ лично — *to be or not to be* ⁴⁾. Тутъ случай снова побѣдить ту позицію, съ которой насъ сбили въ 1863. Если же это не нравится, — торжественно умолкнуть, какъ журналъ, и приняться за книгу. *Denken Sie das* ⁵⁾.

А *propos*, кажется, ты не замѣтилъ вылазку въ „Моск. Вѣд.“, выписывающихъ изъ газеты „*Rösor*“: „Кто же въ Россіи за польское

1) Колдовская удача.

2) Надолго.

3) Если не будетъ.

4) Быть или не быть.

5) Подумайте объ этомъ.

возстаніе теперь? Герценисты были одни прежде, но и тѣ пос-дожились недавно съ поляками*.

Объ Аксак. примите въ „смѣсь“ строкъ нѣсколько: что за бомбистъ, что за риторика времянь Вадима Пассека и супруги его!

Здѣсь совершаются немалыя дѣла. Правительство аух abois ¹⁾ безъ денегъ, хотѣло, отобравши у монастырей земли, ихъ продать обществу белговъ, подъ которыми скрывались иезуиты. Правительство вывернулось бы, а иезуиты закрѣпили бы земли какими-нибудь продѣлками и уже требовали разныхъ уступокъ. Несмотря на мильоны, присланные для *хожденія по дѣлу* и покупки голросовъ, дѣло рухнулось, и 7 комм. изъ 10 вотировали противъ. Вѣроятно, министерство падеть или распуститъ камеру. Жаль одного Рикасоли ²⁾.

Пока довольно. Если мысль моя ясна насчетъ войны и нашей аитуды ³⁾, черкни объ этомъ слово.

„Колок.“ мнѣ не нужно было посылать.

Статьку объ Акс. не показывай прежде Долгор., онъ раскричится.

2969. Письмо къ Н. А. Огаревой и Лизѣ.

8 февраля (1867), среда.

Въ какую тяжелую, сѣрую массу боли и ужаса, внутрѣнной тревоги перешла моя жизнь, это ты поймешь. Меня немного успокаиваетъ, что не было телеграммы. Я писалъ въ понедѣльникъ (4, получила ли ты?).

Позже.

Сейчасъ получилъ твое письмо отъ 2 — немного отлегло. Помни мнѣние Шиффа насчетъ рвотнаго; онъ говоритъ, что „во-время данное, оно рѣшительно предупреждаетъ болѣзнь“. Юдій я бы и самъ прописалъ, это ясно. Доктора зови чаще. Да въ самомъ дѣлѣ въ Ниццѣ крупъ? не частные ли случаи? Если бы была эпидемія, можно просто сѣсть на пароходъ и уѣхать въ Геную недѣли на три.

Въ Венецію буду собираться, когда получу окончательную вѣсть о выздоровленіи Лизы.

Погода здѣсь скверная. Маленькій Пульскій выздоравливаетъ, а у Эмиля Фогта маленькая не вынесла скарлатины.

1) Въ отчаянномъ положеніи.

2) Беттино, президентъ совѣта министровъ Тосканы.

3) Attitude — положеніе, отношеніе, позиція.

Вчера я получилъ письмо изъ Vevey отъ *Пейкеръ*; спрашиваетъ меня, совѣтую ли я ей печатать переводъ о молоканахъ.

Насчетъ писемъ я уже объяснилъ, что адресъ былъ такъ дурно написанъ, что одно пришло недѣлю спустя.

Милая, милая Лиза! Вотъ и старичокъ твой опять поправился, узнавъ, что тебѣ полегче. Смотри, лѣчись усердно и дѣлай все, что мама велитъ, чтобы скорѣе на солнце и въ школу. Я здѣсь познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ изъ Сициліи; онъ очень богатъ и графъ или что-то такое. У него, когда ему было четыре года, была скарлатина, бросилась въ глаза, и онъ совершенно ослѣпъ и слѣпой жилъ въ деревнѣ у своего дяди; ему лѣтъ 25. Слушай же: онъ компонистъ, играетъ превосходно на фортепіано и поетъ. Говоритъ, сверхъ своего языка, совсѣмъ свободно по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, пишетъ (т.-е. диктуетъ) стихи и статьи, знаетъ все на свѣтѣ: естественныя науки, исторію и пр. Я еще такого чуда не видывалъ. Его водить человѣкъ по улицамъ; очень красиво одѣтъ; фамилія его Pénisi. Сегодня онъ придетъ къ намъ. Цѣлую тебя. Я тебѣ собралъ кучу маленькихъ денегъ.

2970. Письмо къ Н. П. Огареву.

6 февраля (1867), среда.
41, Via S.-Мопаса.

Вѣроятно, письмо какъ-нибудь заваялось или пропало. Я ни разу не пропустилъ больше *четыре*хъ дней и, если не къ тебѣ, то писалъ въ интервалахъ къ Тхор.

Дней пять я провелъ въ несказанномъ ужасѣ, не хотѣлъ тебѣ писать до окончанія и именно потому и пишу теперь. Въ концѣ прошлой недѣли я получилъ отъ Н. письмо, въ которомъ она писала, что въ Нищѣ крупъ, и дѣти мрутъ. Вслѣдъ затѣмъ — что у Лизы лихорадка, дальше — что у ней железы распухли. Я сказалъ, чтобы тотчасъ телеграфировали, и былъ готовъ съ первымъ train послѣ телеграфа скакать въ Livorno и на первомъ пароходѣ ѣхать въ Нищу. Ты можешь представить, какъ я провелъ время отъ *пятницы утра до среды*, особенно ночью. Наконецъ, сегодня получилъ письмо, что никакой опасности нѣтъ и что все это, кажется, легкая простуда.

Тяжела шапка Мономаха!

Вотъ тутъ и отдыхъ, и Венеція, и прійти въ себя отъ тысячи тревогъ, мученій etc.

Въ воскр. я послалъ статейку объ Аксаковѣ. Писалъ и въ прошлую пятницу (между прочимъ о Piancapi). „Колоколь“ получилъ. Какъ бы не привязались къ слову „мошеничество“ въ статейкѣ Долгорукова,—я постоянно вымарываю ругательства ¹⁾). Русскіе здѣсь съ жадностью читають „Бѣлый терроръ“ ²⁾), скажи автору.

Напишу еще въ „смѣсь“ нѣсколько строкъ. Въ Венецію до 15 не поѣду.

Прощай. Отдай Тхор. счетъ и слѣдующую страницу.

Послѣ объѣда. На сей разъ пиши, если что надо, скорѣе: мнѣ хочется черезъ 10 дней быть въ Венеціи и тамъ остаться отъ 10 до 15 дней, потомъ обратно во Флоренцію.

Addio.

2971. Письмо къ Н. П. Огареву.

7 февраля 1867, *четвергъ*.

Всѣ лежали два дня въ головной боли. Сегодня отхаживаемся, хотя Тата еще больна. Сегодня же извѣстный живописецъ Ге приходилъ съ требованіемъ дѣлать мой портретъ „для потомства“. Дѣлаетъ онъ удивительно (пока объ этомъ съ посторонними не говори). Завтра начнемъ, и Тата начала ³⁾). А фотогр. Ольги испорчена, пришлю новую. Я опять написалъ статейку противъ Аксакова ⁴⁾ и прошу ее непременно помѣстить и тоже Долг. не слушать. Чтò же вы помѣстите въ 1-мъ апрѣля? Отъ меня, кромѣ „смѣси“ и, пожалуй, письма изъ Италіи (въ родѣ „Неаполь“ 1863 ⁵⁾), ничего не ждите.

Молнія, громъ, градъ и вьюга, все свищетъ, шумить, и вотъ причина фамильной головной боли

8 февраля.

Статью in Aksakio перечиталъ; ладно — и посылаю; разумѣется прошу прислать корректуру.

¹⁾ Ясно, что П. В. Долгоруковымъ написана не подписанная въ 234 л. статья „Процессъ г. Чичерина въ Парижѣ“.

²⁾ Эта статья помѣщена въ 231—236 лл. „Кол.“.

³⁾ Портретъ, рисованный дочерью, находится въ семьѣ.

⁴⁾ См. № 2989.

⁵⁾ См. № 3014.

Разумѣтся, я доволенъ кварталнымъ надзирателемъ¹⁾, и, если Утинъ захочетъ, позволяю употребить старое знамя „Полярной Звѣзды“. Въ него пойдетъ статья „Non possumus“, и я, пожалуй, дамъ отрывки изъ „Былого и думъ“. Наконецъ, вчера я спрашивалъ у Шиффа позволенія напечатать его три бесѣды о „libro arbitrio“, которыя запишутъ Саша и d-r Levier, а я и Шиффъ поправимъ. Если нужно, я заставлю дать Фри V статью (отрывокъ) изъ книги, которую онъ печатаетъ на Боткина счетъ объ искусствѣ, т.-е. объ историческомъ развитіи. Но чтобъ ясно было: 1) что вся финансовая часть ни по +, ни по — ни тебя, ни меня не касается; 2) чтобъ поправка корректурныхъ листовъ была сдѣлана ими и на ихъ отвѣтственности, 3) чтобъ на заглавіи отмѣтить, что мы не одни. Какъ? Напр.: „П. З.“, издающаяся съ участіемъ Г. и О.“, „подъ руководствомъ Г. и О.“.

Ну, подумайте... Иду къ Ге рисоваться.¹

Посылаю тебѣ въ подарокъ Шиффа, вели его тотчасъ наклеить. Въ понедѣльникъ буду писать; я до 16 не собираюсь въ Венецію.

Красная рубашка — „Camicià rossa“... Молодцы вы!²⁾

Отъ Лизы записочка; она почти совсѣмъ здорова.

◆◆ 1. Въ воспоминаніяхъ Ге находимъ указаніе, что въ первое же свое свиданіе съ Герценомъ въ 1867 г. онъ самъ просилъ его разрѣшить написать его портретъ „для всѣхъ, кому онъ дорогъ, какъ чело-вѣкъ и писатель“ (Стасовъ, „Ге“, 164).

Тамъ же приведенъ рассказъ Ге, неправильно отнесенный къ концу 1866 г., когда Герценъ во Флоренціи еще не былъ:

„Однажды неожиданно для насъ пришелъ къ намъ Герценъ, пріѣхавшій во Флоренцію къ семейству. Впечатленіе при встрѣчѣ было новое, полное, живое. Небольшого роста, полный, плотный, съ прекрасной головою, съ красивыми руками; высокій лобъ, волосы съ просѣдью, закинутые назадъ безъ пробора; живые умные глаза энергично выглядывали изъ-за сдвинутыхъ вѣкъ, носъ широкій русскій, какъ онъ самъ называлъ, съ двумя рѣзкими чертами по бокамъ; ротъ, скрытый усамы и короткой бородой; голосъ русскій, энергичный; рѣчь блестящая, полная остроумія. Я онѣмѣлъ отъ радости, впиваясь въ него глазами, и долго не могъ освоиться. Жена, разумѣтся, выручила меня.

1) Николай Утинъ, Л. Мечниковъ и Н. Жуковскій хотѣли возобновить на счетъ нѣсколькихъ почитателей Герцена изданіе „Полярной Звѣзды“ по четвертямъ года, т.-е. quarterly, что Герценъ всегда шутилъ называлъ полицейскимъ герминомъ.

2) Въ прежнемъ письмѣ Огаревъ не помянулъ, что означала указанная Герценомъ „Красная рубашка“.

Она была умнѣ и способнѣ меня въ такихъ положеніяхъ. Цѣлый вечеръ мы переговорили обо всемъ; замѣтно было, что онъ былъ доволенъ встрѣтить прошлыхъ русскихъ, которые были ему пара; ему уже недоставало въ послѣдніе годы его жизни этого общества. Политическіе горизонты сузились; семейная жизнь сломилась; дѣти всегда живутъ своею жизнью и подтверждаютъ истину „пророкъ чести не имать въ домѣ своемъ“. Дѣти жаловались, что онъ разогналъ ихъ пріятелей, нарушилъ ихъ занятія. Онъ страдалъ отъ того узкаго мѣщанства, которымъ жили люди въ кругу знакомыхъ и пріятелей его дѣтей. Герценъ мало-по-малу овладѣлъ всѣмъ нашимъ обществомъ во Флоренціи, онъ доминировалъ надъ всѣми. Рѣчь его была блестяща и увлекательна. Онъ со всею откровенностью говорилъ и высказывалъ свое нерасположеніе къ узкости европейскаго буржуа... Будучи у меня, онъ попросилъ однажды: „Дайте что-нибудь русское почитать“. — Что же вамъ дать? — спросилъ я. Вотъ Шевченко, переводъ Гербеля. — „Дайте“, отвѣчалъ онъ и взялъ. Возвращая, онъ сказалъ: „Боже, что за прелесть, такъ и повѣяло чистой нетронутой степью, это — ширь, это — свобода!“ (стр. 160—161).

Стасовъ справедливо замѣтилъ, что здѣсь нѣтъ самаго важнаго, самаго интереснаго и самаго любопытнаго: что именно было высказано Герценомъ. Замѣчу, что сказанное о дѣтяхъ не совсѣмъ вѣрно и легко опровергается всѣмъ текстомъ писемъ самого Герцена.

2972. Письмо къ Н. А. Огаревой.

9 февраля (1867).
41, Via St. Мопаса

Какъ я провелъ всѣ дни *сомнѣнія* насчетъ болѣзни Лизы, ты понимаешь и вѣришь. Этого рода *насланіе*, какъ говорятъ мужички, я принимаю со смиреніемъ. Радость, что ничего нѣтъ, покрыла боль. Шиффъ думаетъ, что операцію только слѣдуетъ дѣлать въ очень важныхъ случаяхъ, которые очень рѣдки. Сама по себѣ она легка, для этого есть особая ложечки; іудій, конечно, слѣдуетъ принимать, — кажется, я и писалъ объ этомъ. Далѣе, прошу тебя, узнай и, если въ городѣ нѣтъ болѣзни, и погода установится, посылай Лизу въ школу. Я умоляю объ этомъ... Одна она должна пропадать отъ скуки.

Что я тебѣ скажу на вторую половину твоего письма? Ты очень знаешь, какъ я гляжу и на причины, и на дѣйствія и какъ мало могу сдѣлать внѣшняго, когда внутреннее не измѣнилось. Измѣниться внутреннее можетъ только пониманіемъ и самообузданіемъ, въ силу поми-

манія условій жизни, а тебѣ и языкъ этотъ чуждъ. Ты не любишь контроль и бѣжишь не лишены, не матеріальныхъ жертвъ, а жертвъ самолюбія; отъ этого, напр., процессъ Саши; твоя записка была очень хороша, но ты забываешь, что вызвалъ ее я, что безъ меня ты не написала бы ее.

Что они молоды, а мы нѣтъ, что же съ этимъ дѣлать? Старость, только улыбаясь молодости, можетъ ждать отъ нея любви. Я мало пишу тебѣ о моихъ наблюденіяхъ здѣсь, боясь отвѣтовъ, которые оскорбятъ, да и не видя большого интереса съ твоей стороны. Скажу одно, что атмосфера здѣсь чиста; Тата съ Ольгой очень хороши, и всѣ между собой они живутъ хорошо. Ольга очень развилась, ни тѣни плановъ на замужество. Хозяйство идетъ *clorin-clorons* ¹⁾, но такъ, что до меня не дошло еще не только жалобы, но и разказа объ немъ. Я слишкомъ одичалъ, чтобы жить съ истиннымъ покоемъ въ ихъ жизни, потому что ее слѣдуетъ принимать со знакомыми, съ необходимыми визитами. Я сказалъ, что больше мѣсяца или пяти недѣль не останусь, заѣду еще изъ Венеціи. Мое присутствіе было полезно тѣмъ оживленіемъ и новымъ толчкомъ въ общіе интересы, который я далъ. Тата горячо приняла участіе въ болѣзни Лизы; я увѣренъ, что она лѣтомъ съ радостью поѣхала бы къ вамъ, но какъ мнѣ звать? Когда сердце у тебя само попроситъ не перемирій, а сближенія, ступай къ мраморному обелиску и ищи тѣхъ звуковъ, на которые молодость отзовется, ринется; будь увѣрена, что ты *au fond* не знаешь характера ни Таты, ни Ольги. Я до того настрашенъ прошедшимъ, что боюсь предложить съѣхаться лѣтомъ, пожалуй, хоть въ Ниццѣ (*à propos*. Шиффъ, Канницаро ²⁾) и др. никакъ не сравниваютъ климатъ въ Ниццѣ съ внутренними городами Италіи; въ жары Ницца, Спеція, Неаполь и, въ особенности Палермо, менѣе душны отъ моря и очень здоровы). Если тебѣ это важно — а оно важно для собственной совѣсти — работай сама. Когда я тебя просилъ у трехъ могилъ подумать о твоихъ отношеніяхъ къ Огар. и дѣтямъ, я тебя просилъ *о тебѣ, ты не можешь человѣчески жить въ нихъ*. Пора обратить вниманіе на мои слова.

Матеріальная сторона устроится сама. Для меня такъ много страданій и любви на головѣ Лизы, во мнѣ такъ искренно желаніе твоего искупленія, что ты меня не оттолкнешь никакимъ усиленіемъ. Что тебѣ пишутъ изъ Россіи? Твоя сестра, все же, должна пріѣхать. Ну, довольно, прощай.

¹⁾ Прихрамывая.

²⁾ Станислао, итальянскій химикъ.

Позже. Насчетъ вѣшняго распорядка вотъ что могу сказать.

Извѣстный живописецъ Ге просилъ дозволенія снѣть мой портретъ „для потомства“, какъ онъ говоритъ. Это — художникъ перво-классный, я не долженъ былъ отказать. Вчера онъ началъ; это задержать до 17, 18; тогда я поѣду въ Венецію; тамъ надѣюсь отдохнуть дней 10, а не то и меньше, потомъ заѣду сюда и приѣду къ вамъ, потомъ въ Женеву; но если ничего не перемѣнится, лѣтомъ возвращусь въ Ниццу. Не оставить ли до свиданія всѣ рѣшенія? Это не значитъ оставить внутреннюю работу. Я никогда яснѣе не видалъ, передъ какимъ вопросомъ мы стоимъ, и какъ какое внѣшнее рѣшеніе ничего не измѣнить.

Мы дѣлали здѣсь опыты надписи на камнѣ; все не удается и, можетъ, лучше всего:

LELA-GIRL ¹⁾
and
LELA-BOY ²⁾
БЛИЗНЕЦЫ.
Род. въ Лондонѣ.
Сконч. въ Парижѣ.

Самое лучшее вліяніе на всѣхъ, безсомнѣнно, идетъ отъ Шиффа, человѣка необычайно серьезнаго.

Суббота.

Милая Лиза, буквъ отъ Чернецкаго доставать далеко. Я тебѣ привезу отсюда ³⁾ или пришлю. У Ольги шкурки нѣтъ, а есть бѣлая крыса, которая ходитъ по комнатамъ, какъ собачка, и потомъ возвращается въ свой домъ спать.

Кланяйся Лизаветѣ. Какъ зовутъ новую Плерантину?

Ольга поетъ, Тата поетъ тоже.

Ты никакъ не хочешь принять мой рецептъ для адресовъ и все пишешь: „Italie. Florence.“

V. Мопасо.

Повѣрь, что лучшая форма:

„Italie,
V. Мопасо,
Florence“,

иначе письмо опять поѣдетъ въ Мопасо.

¹⁾ Леля-дѣвочка.

²⁾ Леля-мальчикъ.

³⁾ Куни ей буквъ, это легче, я увѣренъ, что ввозъ буквъ запрещенъ. Только надобно ростъ одинакій со старыми. А. И. Г.

2973. Письмо къ Н. Н. Огареву.

13 февраля (1867), среда.

Э предпологаемомъ revue я уже писалъ, Теперь было бы время начать, если-бъ были деньги, француз. revue. Шедо-Ферроти лопнулъ, и „Эхо“¹⁾ будетъ издаваться по-русски. О Крузе и Шуваловѣ слѣдуетъ сказать слова два²⁾. Аксакова не жалѣй, — въ немъ надобно добиться до совѣсти, двойство его безобразно.

Библейское выраженіе „камни плачутъ“ слишкомъ извѣстно, чтобъ возможно было не щутя спрашивать, чтò слѣдуетъ: „камни“ или „калъка“. Это, саго, у тебя рѣшительно привычка.

Тезисы твои хороши, и я ихъ всѣмъ прочель и читаю, но вполнѣ они меня не удовлетворили.

1) Даже Доманже никогда не говорилъ объ абсолютномъ *libre arbitre*, а объ очень *относительной* способности, *de la volition*³⁾, какъ о сложной функціи фізіологическаго процесса, состоящей въ зависимости отъ остальныхъ и имѣющей свою самость.

2) Я совершенно не понялъ, чтò ты хотѣлъ сказать тѣмъ, что въ организмѣ нѣтъ особаго органа воли. Центр. органъ всѣхъ высшихъ фізіологическихъ явленій — мозгъ. Гдѣ же отдѣльный органъ памяти, изящнаго или красоты? не понимаю.

3) Еще меньше понимаю, по-моему, вовсе не идущую къ дѣлу отмѣтку о крикѣ больныхъ. Ни крикъ, ни помѣшательство-къ, дѣлу не идутъ. Еще бы отрубить голову да и спросить: судороги произвольны или нѣтъ? Способность *помнить* пропадаетъ въ обморокѣ, его — памяти нѣтъ.

Я не возражаю на главную тему, а ишу яснаго пониманія. До сихъ поръ Шиффъ довелъ до тѣхъ явленій, которыя неученый языкъ называетъ волей, выборомъ. Законовъ, вполнѣ отрицающихъ его, я еще не слышалъ и жду. Дѣло такъ нелегко, что у насъ ни языка, ни категорій, ни словъ нѣтъ, чтобъ выразить невольную волю желанія и избранія. Весь строй общественныхъ и личныхъ отношеній долженъ пересоздаться на основаніяхъ фатализма, съ одной стороны, и безпощадной защиты — съ другой (это-то Шиффъ и назвалъ объективной отвѣтственностью; я не знаю почему ты ее отбросилъ). Объясняй, пиши..

1) „Отголоски Русской Печати“

2) „Письмо изъ Петербурга“ въ 235—236 л. „Кол.“

3)

volo videre quo modo ædificatis¹⁾), какъ говорилъ сумасшедшій Гро Прудону.

Теперь къ частнымъ дѣламъ.

Переписка съ Ниццей давить, какъ тяжелый камень: ни одного свѣтлаго слова, ни одной надежды. И опять пишетъ N., что Лиза нездорова, простудилась, что докторъ совѣтуетъ сѣрныя ванны весной, что, будто, у нея лихорадка къ вечеру. Весна отвратительная, — нѣтъ, т.-е. зима, не знаю, что въ Ниццѣ — здѣсь ужасная тяжелая гадость. Отъ всего этого мутитъ голову.

Поѣду въ Венецію, можетъ, въ воскресенье, 17-го, въ половинѣ 11 вечера. Если Лиза въ самомъ дѣлѣ будетъ хворать, ускорю возвращеніе въ Ниццу, можетъ, 5—10 марта; если же нѣтъ, пробуду еще недѣли двѣ во Флоренціи. До слѣдующаго письма адресую сюда. Переслать легко, а я, вѣроятно, въ субботу напишу.

Здѣшними я доволенъ. Все очень чисто, и атмосфера, и занятія. Тата очень сложилась и меньше шумитъ. Ольга идетъ своимъ путемъ, въ музыкѣ дѣлаетъ успѣхи, умна, т.-е. остра. Саша серьезно занимается; если-бъ онъ немного сбиль угловатая манеры, онъ много выигралъ бы. Я уѣду безбоязненно. Если-бъ не Мейз., у которой вѣчныя идеи гименоманіи²⁾, и все ищетъ невѣсть и жениховъ, никто не говорилъ бы и не думалъ о пропасти семейнаго счастья.

Министерство здѣсь изящно провалилось, и все подало въ отставку. Жаль Риказоли, но ништо! — и камера отличилась. Подроб. найдешь въ „Journal de Genève“. (Сейчасъ прочелъ, что вчера вечеромъ камеры распушены).

Сегодня былъ у Викт.-Эм.³⁾, и Саша получилъ приглашеніе. Я совѣтую ѣхать взглянуть.

Затѣмъ прощай.

12 часовъ. Опять записка изъ Ниццы о лихорадкѣ у Лизы. Здѣсь была корь, но легкая. Вообще, этихъ болѣзней на югѣ боятся меньше. Подожду до субботы и, если нужно, поѣду сперва въ Ниццу, потомъ въ Венецію. Безъ страшныхъ крайностей тебѣ ѣхать не совѣтую. Не знаю, что сдѣлаетъ твоя ризмованная записка (что же ты мнѣ не прислалъ ее?), но моя проза нашла безконечную злобу противъ тебя.

Я раздавленъ неудачами. Вотъ и отдыхъ... Это истинно ужасно въ 54 года. Когда я приѣду, этого я сказать не могу, — да что же

1) Хочу видѣть, какъ вы строите.

2) Маніи замужества.

3) Король Италіи Викторъ-Эммануэль II; объ этомъ визитѣ Герценъ нигдѣ больше не помянулъ.

это дѣлается для квартиры? Ты прожилъ страшную зиму, — можно, тало, и еще нанять на сезонъ. На мою жизнь въ Женевѣ мало можно считать. Вѣроятно, къ 1 апрѣля я прѣйду, ex. gr., на мѣсяцъ. Чтѣ дальше, ей Богу, и догадаться не могу. Поселюсь въ Лозаннѣ или около; иной разъ ты прѣдешь погостить, иной — я въ Женеву.

Еще нѣсколько словъ о препинаніяхъ. За что ты меня не понимаешь въ вещахъ простыхъ? Мнѣ это кажется то баловствомъ, то раздраженіемъ. Я сказалъ, что „намъ по дѣломъ“. Ты отвергаешь. Какъ же выразить мысль такую, напр.? А. выпрыгнулъ въ окно, когда всѣ говорили, и самъ А. зналъ, что высоко, — онъ сломалъ себѣ ногу. В. не прыгалъ въ окно, шель по улицѣ и сломалъ себѣ ногу. Отчего же я не могу сказать: какое несчастіе незаслуженное В. и какое заслуженное А.?

У насъ на первомъ планѣ были общіе интересы, искусство и, пожалуй, разгулъ (пьянство, женство...). Зачѣмъ же мы посягали на *ссмейную* жизнь? Грозная туча разбила въ черепки мою жизнь, а я, все-таки, выпрыгнулъ въ окно... и еще добилъ себя. Дѣти воспитались сами, женщину съ безумнымъ нравомъ я не исцѣлилъ, и все это лежало въ возможности, которую предвидѣть было легко... Пѣанчани сблизился въ Марсели, лѣтъ 20 тому назадъ, съ женщиной пустой, простой, которая ходила за нимъ за умирающимъ съ самоотверженіемъ и преданностью. Съ лѣтами она развилась въ мегеру. Пѣанч. говорилъ Гаугу, что считаетъ ея положеніе патологическимъ и полагаетъ, что это его долгъ — не гнать ее. Я на е.о мѣстѣ ушелъ бы. Но не жестоко ли сказать: „ничто ему“?

Не совсѣмъ ясно для меня и то, что все *злое* (при необходимости) должно оскорблять, и вообще, чтѣ — *злое*, когда оно безъ участія воли? Уравновѣшиваніе эгоизмовъ — очень хорошая вещь, но не злоупотребляй и ею. Общество должно его достигать. Но лица имѣютъ еще другія отношенія и требованія другъ на друга, кромѣ отсутствія эгоистическихъ притязаній.

Вотъ тутъ я и прибавлю послѣднее объясненіе. Ты разсердился за то, что я сказалъ: „это важнѣе математики“, такъ, какъ могъ бы сказать: „это важнѣе музыки“. Рѣжь меня, жги меня, а я опять повторю. Если ты яснѣе можешь понять и развить твое понятіе о полной необходимости и безотвѣтственности, то этимъ заняться важнѣе всѣхъ дилетантизмовъ въ мѣрѣ.

Для памяти помѣчаю, что ты забылъ о рядѣ писемъ, писанныхъ тобою изъ Africa road въ Вошгемouth, въ которыхъ ты слово „любовь“ переводилъ преданностью, жертвой (очень вѣрно) и писалъ, между прочимъ, что безъ преданности старѣеть человекъ въ эгоизмѣ и проч.

2.000 фр. завтра пошлю Тхорж.

Вчера или сегодня *20 мѣтъ* съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Россіи.

Портретъ идетъ Rembrandticsh ¹⁾.

Прощай.

2974. Письмо къ Н. А. Огаревой и Лизѣ.

14 февр. (1867). четвергъ.

Съ той же безумной тоской жду новостей. Если ничего не будетъ въ субботу, ночью поѣду въ Венецію (оттуда до Генуи прямая дорога); въ случаѣ нужды телеграфирую.

Письма:
Poste restante.

Телеграммы:
Venezia
(Bureau restant).

Теперь серьезно и въ послѣдній разъ я прошу тебя писать адресъ какъ слѣдуетъ. Сегодня опять получено глупо адресованное письмо черезъ 7 дней. *Посылаю пакетъ*. Оно провалялось въ Монасо. Да отчего же трудно писать? Я истинно не понимаю причины.

Italie,

à M-r N.,

41, Via St. Monaco,
Florence.

Съ телеграммой ты надѣлаешь бѣдъ, если дурно адресуешь. Помни, что я жду ежечасно увѣдомленія.

Милая, дорогая, милая Лиза. Ужь не тебѣ ли поручить надписывать письма? Портретъ дяди, такой большой, Ге сдѣлалъ или дѣлаетъ отлично. Выздоровливай скорѣй; твое письмо мы всѣ читали вмѣстѣ и смѣялись и тебя обнимали. Ольга больна — все лихорадочка и кашляетъ.

Прощай.

Вчера Саша былъ на балу у короля и видѣлъ Мар. Ник. Лейхтенбергскую.

¹⁾ По-рембрандтовски.

Крузе¹⁾ и пр. почти прощены.

Газеты отъ 10-го получилъ.

Вексель оставь до меня; я сейчасъ послалъ изъ него 1000 фр.
Ог.; это кстати.

2975. Письмо къ Н. П. Огареву.

15 февр. (1867), пятница.

Я все еще съ какой-то тоской жду новостей о нездоровьѣ Лизы и потому не знаю, ѣду завтра или послѣзавтра въ Венецію или въ Ниццу (au reste, изъ Венеціи есть прямая дорога въ Геную). Я очень усталъ и отъ тревоги, и отъ беспокойной жизни; объ отдыхѣ мечтаю, понимая, что отдыха мнѣ не будетъ долго, и подчасъ истинно падаю духомъ.

Nat. пишетъ: „я получила вексель въ 3.300⁰⁰“. Полагаю, что это — твои деньги. Я изъ Ниццы пришлю вексель въ женеv. банкъ для уплаты, а пока послалъ вчера 1.000 фр. Тхоржевскому для тебя; *вторую* тысячу я тебѣ передамъ въ Женевѣ, а 1,300 пойдетъ въ комиссію погашенія прошлыхъ долговъ. Ладно ли? Я не могу думать, чтобъ деньги эти были не тебѣ, и объ этомъ пишу.

4 часа.

Вотъ письмо отъ Nat. ко мнѣ. Посылаю, чтобъ показать и тонъ и настроеніе. Что же дѣлать? Я ничего не знаю, кромѣ того, что Nat. затерзаеъ и тебя и меня... О, Лиза, какъ она дорого стонтъ!

Корректуру завтра отошлю.

Вѣроятно, въ воскресенье поѣду въ Венецію (Venezia, poste restante). Если же получу телеграмму, отправлюсь въ Ниццу. Къ 1 марта буду назадъ.

Изъ Венеціи напишу.

Напечатай (если хочешъ) гнусное письмо Деспота-Зеновича съ легкой прибавкой „эксъ-либерала“²⁾).

Ужасно скучно.

1) Николай Федоровичъ; послѣ закрытія петербургскихъ земскихъ учрежденій былъ высланъ въ деревню, какъ предсѣдатель губернской управы.

2) Такъ и слѣлано въ 238 л.

2976. Надпись для Н. Н. Ге.

16 февраля 1867
Флоренція.

Посылаю вамъ въ знакъ глубокой благодарности мой экземпляръ „Былого и думъ“, въ знакъ дружественнаго сочувствія.

2977. Письмо къ Н. П. Огареву.

17 февр. (1867), воскр., время обѣда.

Если бы я думалъ, что мнѣ нужно быть въ Ниццѣ, я бы поѣхалъ, несмотря ни на что. Но злая записка, въ родѣ той, которую я послалъ, показываютъ, что Лиза больна, но скорѣе неважно. Я *три* раза просилъ прислать телеграмму до отъѣзда въ Венецію для того, чтобы ѣхать, если нужно, въ Ниццу, — ни слова въ отвѣтъ. Я прождалъ сегодня весь день и ѣду въ ночь, останусь не болѣе 8 дней. Если нужно, поѣду прямо изъ Венеціи въ Александрію и Геную. До полученія письма, если случится, пиши: Venezia, poste-rest.

Признаюсь откровенно, что я въ Ниццу ѣду, какъ на казнь. Ни одной записки, ни одного слова безъ яда. Я съ ужасомъ смотрю на свое паденіе... Хороша и умѣстна будетъ прогулка въ Венецію! Это то отдохъ, на который я надѣялся. . ѣду, потому что сказалъ всѣмъ да и чтобы немного приготовить. И зачѣмъ это болѣзнь Лизы теперь!? Вся поѣздка изгажена. Внутри и страхъ, и боль, и злоба... Я за полгода тихой жизни, одинокой, отдалъ бы пять лѣтъ...!

Тата, которой я очень доволенъ, сама предложила ѣхать со мной или даже одна въ Ниццу, если болѣзнь Лизы серьезна. Она это предложила съ такой любовью и нѣжностью, что я былъ удивленъ. Но не написала ни строки отъ себя N.; я увѣренъ, что въ отвѣтъ были бы колкости.

Мы — пигмеи въ сравненіи съ N. Ты въ послѣднее время все защищаешь насъ... ужъ не обиженное ли это самолюбіе?...

Прощай.

Портретъ Ге — chef d'oeuvre. Тата будетъ его копировать. Изъ Венеціи напишу во вторникъ. „Голоса“ № 25 еще не получилъ.

2978. Письмо къ Н. П. Огареву.

18 февр. (1867), понедѣльникъ. 10 часовъ утра.
Venezia, Albergo Reale, Schiavoni.

Вчера, въ $1\frac{1}{2}$ одиннадцатаго вечера легъ спать въ вагонѣ, сегодня около девяти былъ уже въ гондолѣ, а теперь ѣду на почту. Я возлѣ Piazza S. Marco, на Большомъ каналѣ.

Городъ до того оригинально красивъ и великолѣпенъ, что забыть, не видавши его, не слѣдуетъ.

Если получу изъ Ниццы что-нибудь важное, отправлюсь тотчасъ прямо ~~туда~~; если ничего, пробуду здѣсь дней 8. Пиши, пожалуй, *poste restante* или съ адресомъ — все дойдетъ.

Прощай.

Русскихъ и здѣсь бездна. Въ отелѣ кн. Голицыны, Ермоловы. . и пр.

2979. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

20 (февраля 1867), mercredi.
Venezia.

Chère Malvida,

Soyez persuadée que Venise est la plus belle absurdité — que l'humanité ait faite — c'est sublime à forcè de stupidité et c'est le meilleur commentaire pourquoi les mollusques font des coquilles splendides avec des perles et des alcoves en nacre, lorsqu'on n'a pour terre que de l'eau et pour point d'appui que des rochers — il faut bâtir, bâtir, orner, réorner. Une ville qui prend été et hiver un bain de pieds, — doit être bien coiffée.

Pour rien au monde — je ne voudrais vivre ici. Mais venir quelquefois pour une semaine — serait un grand plaisir. Les deux jours ont été empoisonnés par le valet de place — qui me montrait toujours lorsque je ne voulais pas voir et m'empêchait de regarder — lorsque je le désirais. Il m'a trompe pour 6 frs. — j'ai fait semblant de ne pas m'apercevoir — et nous nous sommes quittés — en amis per l'éternita. Ici tout le monde trompe — l'eau n'ajoute rien à la propreté morale.

Question médicale al dottore Levier.

Dès que j'ai quitté Florence où j'ai presque constamment souffert de maux de tête — ces maux sont complètement passés — et je me porte bien comme à Lausanne et Montreux?

Est ce que j'ai la nature des amphibiés — quelque chose entre crocodile et grenouille?

Adieu.

Je dine entre deux russes — qui ne me connaissent pas — et nous parlons des choses indifferentes en français. Lorsqu'ils sauront — je suis sûr que l'un m'enfoncera une fourchette et l'autre un couteau. Je me ferai mettre des synapismes — pour que l'anglais vis-à-vis puisse me manger avec de la moutarde.

Est-ce que mes boutons sont capturés?

Переводъ.

20, среда.
Венеція.

Дорогая Мальвида!

Прошу васъ вѣрить, что Венеція являетъ собою прекраснѣйшій изъ всѣхъ абсурдовъ, созданныхъ челоуѣчествомъ: она прекрасна вслѣдствіе своей нелѣпности и служитъ лучшимъ объясненіемъ, почему моллюски образуютъ чудныя раковины съ жемчугомъ и перламутровые альковы. Когда землю служить только вода, а точкою опоры — утесы, нужно строить и строить, украшать и повторно украшать. Городъ, берущій лѣто и зиму ножныя ванны, долженъ имѣть красиво убранную голову.

Ни за что въ мірѣ не желалъ бы я жить здѣсь, но пріѣзжать сюда на недѣлку-другую было бы большимъ удовольствіемъ. Эти два дня мнѣ отравилъ лакей, постоянно указывавшій мнѣ, когда я не желалъ видѣть, и мѣшавшій мнѣ смотрѣть, когда я желалъ этого. Онъ надулъ меня на шесть франковъ, я сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаю, и мы разстались друзьями на вѣки. Здѣсь всѣ обманываютъ, и вода нисколько не способствуетъ моральной чистотѣ.

Одинъ медицинскій вопросъ по адресу доктора Левье: почему съ тѣхъ поръ, какъ я покинулъ Флоренцію, гдѣ почти постоянно страдалъ головными болями, онѣ совершенно прошли у меня, и я чувствую себя хорошо, какъ въ Лозаннѣ или въ Монтрѣ?

Развѣ у меня натура амфیبій, нѣчто среднее между крокодиломъ и лягушкой?

Прощайте.

За объдомъ я сижу между двумя русскими; они меня не знаютъ, и мы по-французски бесѣдуемъ о безразличныхъ предметахъ. Когда они узнаютъ, кто я, то убѣждены, что одинъ изъ нихъ вонзитъ въ меня вилку, а другой — ножъ. Я прикажу поставить мнѣ горчицники, чтобы сидящій противъ меня англичанинъ могъ меня съѣсть съ горчицей.

Развѣ мои запонки захвачены кѣмъ нибудь?

2980. Письмо къ Н. П. Огареву.

20 февр. (1867).

Venezia, Albergo Reale, Riva di Schiavoni.

Лизѣ лучше и эту новость Н. мнѣ сообщаетъ такъ, что рѣзнуло по сердцу. Что за тѣма кромѣшная! И это называется любовь! Все это испортило поѣздку, и я думаю во вторникъ ѣхать во Флоренцію; стало, помни для писемъ: я буду тамъ 27-го. Сколько пробуду, не знаю. Меня тянетъ взглянуть на Лизу; мнѣ жаль и тѣ мученія, которыя вынесла Н., но сказать ничего не могу. Дней десять almeno останусь да и въ Нищѣ, если сколько-нибудь будетъ сносно, недѣли двѣ. Жди къ 1 апрѣля.

Венеція — величайшая и самая поэтическая нелѣпность въ мірѣ. Она красивѣе и оригинальнѣе Флоренціи, но жить здѣсь нельзя. Теперь карнавалъ, и все сошло съ ума. Но теперь и мѣсячное сіяніе. Я сейчасъ приѣхалъ, т. е. приплылъ съ *passegiat'ы*. Удивительно хорошо. Понмишь внутренность Palazzo Ducale? куда же постройкамъ XIX вѣка тянутся! Жду писемъ отъ тебя и Тхорж.

Здѣсь нашель „Колок.“ у Мюнстера¹⁾. Я ему предложилъ книги съ рабато²⁾ 45⁰/₀, но съ заплатой провоза. Говорить, что по-думаетъ.

Вечерь.

Сейчасъ получилъ твое письмо отъ 16 февр. Все ладно. Отвѣчать буду послѣ.

Я здѣсь обѣдаю съ двумя русскими, которые меня не знаютъ и говорятъ (по-французски) о томъ и о семъ. Это очень забавно.

Скажи Тх., что Мюнстеръ получ. два экземп. „Былого и думъ“ * продалъ оба черезъ день.

Иду на карнавалъ, который колоссаленъ и глупъ.

Коррек. отослалъ сегодня утромъ. „Корреспонд. изъ Петерб.“ превосходна³⁾.

¹⁾ Венесіанскій издатель-книгопродавецъ.

²⁾ Le rabat — скидка.

³⁾ „Письмо изъ Петербурга“ въ лл. 235—237 написано кн. П. В. Долгоруковымъ безъ подписи.

2981. Письмо къ Н. П. Огарсу.

22 февр. (1867), пятница.
Venezia. Albergo Reale.

Получилъ изъ Флоренціи двѣ записки отъ тебя: одну вчера вечеромъ, другую сегодня утромъ. Н. пишеть, что Лизѣ лучше, что у нея была гастрическая лихорадка (у Таты и Ольги была она очень-часто), и что она начало записки ко мнѣ послала тебѣ, а записку къ тебѣ отослала мнѣ, — прилагаю ее. О твоихъ стихахъ *ни слова*. Но что меня поразило, это выраженіе: „вогъ, какъ можно ошибаться“... гуть неправда сложная и дурная. У гроба Nat. и дѣтей, въ первый разъ, когла мы были на кладбищѣ, я ей, указывая на памят., сказала: „Примирись прежде всего съ *ея* дѣтьми и съ тѣмъ челоуѣкомъ, который мнѣ ближе другихъ. Какъ можетъ быть согласіе между нами при такомъ двойствѣ?!“. Н. не сказала ничего, но, два дня спустя, глубоко оскорбляя меня, говорила, что она можетъ все забыть и *простить* Татѣ и Ольгѣ, но что съ тобою не можетъ быть мира, ни съ Сашей, потому что вы ее ненавидите. Потомъ она написала ему записку и снова разсердилась, что отвѣтъ его былъ холоденъ. Я заставилъ, умолилъ писать къ тебѣ о Лизѣ. Это — дурной поступокъ. И это слово снова меня отбрасываетъ къ ученому диспуту.

Ты въ изложеніе вносишь не только разумъ, но и какую-то инквизиторскую нетерпимость, которой у Шиффа вовсе нѣтъ (да и не въ твоемъ характерѣ). Ни ты, ни Шиффъ всей сложности задачи, особенно въ *ея* историческомъ воплощеніи, не касались. Тебя обрадовало слово *volition*¹⁾, — назови практическимъ разумомъ, разумомъ дѣятельнымъ и объясни его законы и отношенія, такъ, чтобъ я, сказавши теперь: „это — дурной поступокъ“, не говорилъ иелѣпости. Далѣе сегодня вопросъ откладываю и еще разъ совѣтую писать именно объ этомъ. Я подъ словомъ „математ. фантазія“ хотѣлъ сказать фантазіи о математикѣ, такъ, какъ бы могъ сказать о себѣ, если-бъ началъ штурдіумъ медицины: „моя фантазія медицины“, etc.

Видишь, какъ мы — литераторы до конца ногтей. Недаромъ Мо-рошкинъ²⁾ меня съ Хомяковымъ называлъ „совопросниками міра сего“.

Безъ сомнѣнія, надобно издать 15-го, если есть матеріалъ, да въ немъ и объявить, что слѣдующій листъ выйдетъ 15 апрѣля (если нѣтъ *trop plein*)³⁾. Да и въ этомъ листѣ, т.-е. отъ 1 марта, слѣдуетъ сказать, что слѣд. выйдетъ 15.

1) Федоръ Лукичъ.

2) Хотѣніе.

3) Избытка.

Исторія съ телеграфомъ Долгорука изящна.

Богатство всего на свѣтѣ, въ отношеніи архитектуры, скульптуры и живописи, страшное. Я пообжился. Большой камень свалился съ груди съ Лизинимъ выздоровленіемъ. Н. хотѣла не щадить. *Она и не будетъ щадить.*

Весною прошлаго года, когда она вздумала, когда захотѣла сближенія, она умѣла себя человѣчески поднять; тутъ явилась фантазія о ея положеніи¹⁾. Съ той минуты, какъ она увидѣла, что ошиблась (въ июль), она снова ушла въ злой эгоизмъ. Одна интимность отношеній можетъ ее возстановить на время. Да, но это средство страшно. Знай это, потому что я изучилъ и увѣренъ. Какъ безъ этого спасти Лизу, я не понимаю.

Прощай. „Гусь свинѣ не товарищъ“ надобно перепечатать хоть въ 15.

Видишь, что я мѣтко считалъ, и банкъ женеvскій меня не надуль. Вчера звалъ меня Мюнстеръ, большой книгопродавецъ здѣшній, вечеромъ. Все были нѣмцы и, стало, было скучно, да полякъ. (знакомый съ Цверцякевичемъ). Господи, что онъ вралъ за чушь и что за ненависть къ русскимъ! Да, роль побѣдителей иногда гаже побѣжденныхъ. Я молчалъ.

Сынъ В. А. Жуковскаго²⁾ и еще племянникъ А. П. Ермолова³⁾ обѣдаютъ со мной за однимъ столомъ, — мило.

За что это Дол. все сердится?

Ѣду отсюда 26 или самый поздній срокъ — 27, а поэтому съ 23 прошу все посылать во Флоренцію.

Пану поклонъ и Чернецкому.

2982. Письмо къ Лизѣ.

(18—20 февраля 1867).

Ну, милый другъ Лиза, какъ бы ты здѣсь подвинулась: всѣ улицы полны водой, и въ гости ѣздятъ на лодкахъ, и омнибусъ — лодка, и все такіе дворцы... Здѣсь красивѣе Флоренціи.

Что же твое здоровье, мой другъ? Не проѣхать ли къ тебѣ съ Татой?

Цѣлую тебя и жду писемъ.

¹⁾ Беременность.

²⁾ Павелъ Васильевичъ.

³⁾ Сынъ сестры его Анны Петровны Павловой.

2983. Письмо къ Лизѣ.

22 февраля 1867, пятница.
Albergo Reale.

Милая Лиза, посылаю тебѣ видъ большой церкви возлѣ улицы, на которой я живу. Передъ ней площадь; каждый день къ вечеру собираются маски сотнями, бѣгають, прыгають, шумять до двухъ-трехъ часовъ ночи. А утромъ, какъ только два черныхъ арапа изъ мѣди, которые бьютъ часы, стукнутъ *два*, такъ голуби лѣтять со всѣхъ сторонъ; имъ изъ кафѣ и лавокъ сыплють кормъ, и они, поѣвши, улетаютъ до другого дня.

Я очень, очень радъ, что ты выздоровѣла. Когда докторъ позволить, просись опять въ школу. Берегись пуше всего въ комнатахъ и прощай, мой малый и милый другъ.

2984. Письмо къ Н. А. Огаревой.

24 февраля (1867), воскресенье.
Venezia, Albergo Reale.

Завтра я хотѣлъ ѣхать, и вдругъ газеты объявили, что завтра прѣдетъ (или сегодня вечеромъ) Гарибальди. Онъ еще въ Венеціи не былъ. Это заставитъ меня остаться до среды.

Не знаю, какъ и почему и зачѣмъ, но все жду, не будетъ ли *преображенія*, и не поймешь ли ты, что твое направленіе ведетъ къ гибели; мы быстро идемъ къ границѣ, — торопимся, очертя голову, ты. А мнѣ говоришь: рѣшай, рѣшайся... Съ моей стороны, Natalie, будутъ *отвѣты*, а не рѣшенія.

Что же Лиза? Жду вѣстей.

Прощайте.

2985. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

25 fév. (1867).
Venezia, Alb. Reale.

Ni Garibaldi encore — ni sein Hauch¹⁾ — je les attends aujourd'hui et probablement si Haug viendra sans Gar. je partirai demain. Darts tous les cas après demain.

1) Каламбуръ: *Hauch* — нѣмецкое слово, *Haug* — фамилія.

Vous avez fait un grand effort pour ne pas vouloir comprendre ce que j'ai dit par rapport aux mollusques; relisez et vous verrez qu'il n'y a pas de mal pour les *doges* de Venise.

Enfin, Messieurs et Mesdames, du brave 41 S-ta Monaca¹⁾ — le carnaval a pris des proportions gigantesques. Une petite bêtise — est bête, une grande peut devenir belle, grandiose. La fièvre simple du masque est passée en fièvre typhoïde. Figurez vous deux places — un quai (le nôtre Schiavoni) et toutes les ruelles adjacentes couverts de peuple et de masques — passage impossible, circulation arrêtée — partout des cris de punch, des rires et *rien d'indécent* comme à Paris. Le dernier trait m'a conquis. C'est un peuple qui s'amuse — et non l'arsenal d'une maison publique — au personnel de laquelle — on ajoute le masque comme une aiguille Bismark. That is the philosophy — not the actuality.

Maintenant représentez-vous toutes les bêtises qui peuvent pleuvoir sur la tête — d'un pauvre sauvage comme moi — vous serez encore loin de la réalité. Par ex., figurez vous une salle très grande — 200 masques dinant. Vers le dessert l'idée les prend de voir encore une curiosité; vite on expédie un monsieur par la chercher — on amène un pauvre diable et les deux cents masques boivent trois fois du vin de champagne aux vivats et figurez-vous que cette curiosité — c'est moi, votre humble serviteur. A force de crier amico di Garibaldi — et russo libero, ils ont fini par crier: „poeto russo“, craignant qu'ils passeront au pittore e maestro — je me sauve.

Je me débats un quart d'heure pour m'apercevoir que sans tuer ou être tué on ne peut passer la place S. Marc. Fier du titre de poète, je m'appuie à une colonne... et la vague humaine monte, monte, et à côté de moi un comte polonais (celui qui a exécuté un mandat d'amener contre moi), je vois passer une femme d'une beauté qui ferait oublier même Ludmilla Assing — d'une beauté accomplie. „Sacré Dieu (dernier — reste d'une éducation religieuse) dis-je au polonais — tout près de la dame — qu'elle est admirablement belle“. Dans un clin d'oeil je suis enpoigné, mené, bousculé et suis devant un monsieur très maigre qui m'abreuve de politesses, m'invite de venir chez eux et en attendant me présente à sa femme qui a parfaitement entendu l'exclamation. Et j'ai compris alors quel poids lourd d'avoir 54 ans — mais je me suis consolé en pensant qu'Otello a été trouvé ravissant à Venise — et je me suis donné la parole dès que je remporterai une victoire navale — de faire une visite à la belle... Couraquine... car cette dame est polonaise. Vous comprenez que tout cela est impossible, que tout cela a été révé.

¹⁾ Адресъ (во Флоренци) Мальвиды М.

Et sur cela, je vous confie à la garde du bon Dieu et Olga à la vôtre.

P. S. Sans avoir entendu la musique des masques — il est impossible de comprendre les *réminiscences* du carnaval de Venise ¹⁾).

Тата, переводъ я здѣсь поправилъ; если Саша возьмется переписать, я его оставлю у Мальв. и ты можешь прочесть. — Фотографы

¹⁾ Пока нѣтъ еще ни Гарибальди, ни его духа ⁰⁾, ожидаю ихъ сегодня, и, вѣроятно, если Гаугъ прїѣдетъ безъ Гарибальди, я завтра уѣду. Во всякомъ случаѣ — послѣзавтра.

Вы, должно быть, много потрудились, чтобы не понять сказаннаго мною о моллюскахъ. Прочтите еще разъ и вы увидите, что тамъ нѣтъ ничего плохого для венеціанскихъ дождей.

Наконецъ-то, милостивые государи и милостивыя государыни изъ славнаго 41-го № на S-ta Мопаса, карнаваль принялъ грандіозные размѣры. Маленькая глупость глупа, но большая можетъ стать прекрасной, грандіозной.

Обыкновенная масковая лихорадка перешла въ лихорадку тифоидальную. Вообразите себѣ двѣ площади, одну набережную (нашу — Schiavoni) и всѣ прилегающіе переулки, сплошь наполненные народомъ и масками: пройти невозможно, всякое движеніе приостановлено, всюду раздаются крики веселья, смѣхъ, но ничего непристойнаго, какъ въ Парижѣ. Послѣдняя черта покорила меня. Это — народъ, который веселится, а не арсеналь публичнаго дома, персоналу котораго одѣваютъ маску въ родѣ иглы Бисмарка. Это — философія, а не дѣйствительность.

А теперь вообразите себѣ всѣ глупости, которыя дождемъ могутъ пролиться на голову такого бѣднаго дикаря, какъ я, и вы все еще будете далеки отъ дѣйствительности! Напр., представьте себѣ очень большой залъ и въ немъ за обѣдомъ двѣсти масокъ. За десертомъ у нихъ является мысль посмотреть еще одну достопримѣчательность. Живо командирруется одинъ изъ присутствующихъ на розыски... и вотъ приводятъ бѣднягу, и всѣ двѣсти масокъ трижды пьютъ шампанское при кликахъ „vivat“, и представьте себѣ, что эта достопримѣчательность — я, вашъ покорнѣйшій слуга. Начавъ криками „другъ Гарибальди“ и „русскій либераль“, они закончили возгласами „русскій поэтъ“, и я, опасаясь, какъ бы они не перешли къ „художникъ и маэстро“, спасся бѣгствомъ.

Въ теченіе четверти часа безуспѣшно старался я пробиться и, наконецъ, сообразилъ, что невозможно пробраться черезъ площадь С. Марка, не убивши кого-нибудь, или не будучи убитымъ. Гордый званіемъ поэта, я прислонился къ колоннѣ... Волна человѣческаго моря подымалась все выше и выше; рядомъ со мною стоялъ польскій графъ (тотъ самый, который получилъ мандатъ привести меня). Въ это время мимо прошла дама, столь прекрасная собою, что, глядя на нее, можно было забыть даже Людмилу Асснигъ ⁰²⁾ — словомъ, совершенная красавица. „Чортъ возьми!“ (послѣдній остатокъ религіознаго воспитанія) сказала я поляку — совсѣмъ близко около дамы — „какъ она

⁰⁾ Въ подлинникѣ непереводаемая игра словъ: по-нѣмецки „дыханіе“ — „Hauch“, а „Науг“ фамилія.

⁰²⁾ Племянница Варнагена фонъ Энзе, издательница его мемуаровъ.

здѣсь превосходные и берутъ 11 фр. за 10 карточекъ. Письмо это васъ, вѣрно, потѣшитъ. Если не задержусь Гарибальди, то приѣду скоро, т. е., можетъ, въ среду къ утру (прошу на желѣз. дорогу не ходить, дорогу я знаю въ Монаковку).

Я предполагаю 7 или 8 ѣхать въ Ниццу.

Прошайте.

Жизнь трактирная здѣсь очень дорога да и, вообще, съ иностранцевъ лупятъ за все безсовѣстно. Всѣ мои экономіи ушли.

PP.SS. Разумѣется, Онагръ напоролъ дичи и дачь такихъ нѣтъ, но есть пансіоны съ чистымъ воздухомъ и съ возможной цѣной. Каналы пахнутъ только по переулкамъ.

2936. Письмо къ Н. П. Огареву.

26 февр (1867).
Venezia.

Сегодня, въ 4 часа приѣдетъ Гарибальди, и я остался единственно для него до завтра. Завтра вечеромъ ѣду и въ четвергъ буду во Флоренціи.

Карнаваль во всемъ разгарѣ. Онъ дошелъ до такихъ колоссальныхъ размѣровъ, что, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалось хорошо и ори-

дивно хороша!* Въ мгновеніе ока меня хватаютъ, ведутъ, толкаютъ, и я передъ очень худошавымъ господиномъ, который осыпаетъ меня любезностями, приглашаетъ къ себѣ, а въ ожиданіи моего посѣщенія представляетъ меня своей супругѣ, ясно слышавшей мое восклицаніе. И я понялъ тогда, какая тяжелая ноша — имѣть 54 года отроду, но утѣшился, вспомнивъ, что въ Венеціи былъ найденъ очаровательнымъ и Отелло, и я далъ себѣ слово, какъ только одержу морскую побѣду, отправиться съ визитомъ къ прекрасной... Куракиной... ибо эта дама оказалась польскою⁰⁾.

Вы, конечно, понимаете, что все это невозможно, и что все это мнѣ снилось.

Засимъ поручаю васъ охранѣ всеблагого Господа, а Ольгу — вашей.

P. S. Не слыхавши музыку масокъ, нельзя понять „*Les rѣminiscences du carnaval de Venise*“⁰⁰⁾.

⁰⁾ По всей вѣроятности, рѣчь идетъ о женѣ кн. Фелора Алексѣевича Куракина, по первому мужу Макіевской.

⁰⁰⁾ „Воспоминанія о венеціанскомъ карнавалѣ“, музыкальная пьеса.

гинально. Всѣ шутки и шалости времени республики возобновились; такого карнавала не было 71 годъ.

Меня фетируютъ, какъ гостя, знакомаго по*наслышкѣ. И за однимъ обѣдомъ въ ресторанѣ масокъ двѣсти потребовали меня налицо и прокричали мнѣ три раза „eviva“ съ шампанскимъ въ рукахъ и до того ужъ зарапортовались, что кричали „all'illustro poeta russo“¹⁾! Я боялся попасть въ pittore и scultore²⁾, и потому ушелъ.

Разные господа приглашали въ ложи въ „Fenice“, но я не былъ ни разу. Вообще, у итальянцевъ есть ко мнѣ слабость: я нигдѣ, никогда не бывалъ больше обласканъ, какъ ими. Если это за Ос. Ив., ну, такъ я его отблагодарилъ здѣсь съ процентомъ. Объ этомъ послѣ.

Посмотримъ, какъ примутъ Гарибальди. Правительство, ничтожнейшее, дуется на него.

Писемъ давно что-то нѣтъ ни изъ Ниццы, ни отъ тебя, ни даже отъ Таты, которая была на большомъ балу. Я, вѣроятно, къ 10-му буду въ Ниццѣ. Я все сдѣлалъ, чтобы разбудить голосомъ строгой печали душу; я рѣшительно сказала, что время to be or not to be³⁾ пришло. Болѣзнь Лизы не оправдываетъ тона писемъ. На первый призывъ я тотчасъ поѣхалъ бы, но на ѣдкія замѣчанія безъ крайности ѣхать не хотѣлъ.

Прощай.

Ѣду навстрѣчу, т.-е. плыву, къ Гариб.

Скажи Тхорж.: 1) что здѣсь графъ Хотомскій, который его знаетъ; 2) что очень хорошенькихъ бездна, но что красавица изъ всѣхъ — одна польская дама, которой меня представили; 3) расскажи ему похождение съ масками, А propos, въ четвергъ тѣ же маски, лилово-бѣлая, приглашаютъ меня обѣдать, но я отблагодарю и не останусь.

Русскіе говорятъ, что въ Петерб. и Москвѣ рѣшительно никто „Колокола“ не читаетъ и что его вовсе нѣтъ; что прежде разные книгопродавцы sous main⁴⁾ хоть продавали, а теперьжимаютъ плечами и говорятъ: „никто не требуетъ“.

Вотъ тутъ и издавайте двойные №№. Замѣть, что это мнѣ говорилъ человекъ симпатичный намъ.

PS. Какъ же ты рѣшилъ съ квартирой?

Здѣсь все набито биткомъ, дорого очень, hôtel полонъ, мы садимся за table d'hôte человекъ сто (что бы ты сдѣлалъ?), но сосѣди

1) Знаменитому русскому поэту.

2) Художники и скульпторы.

3) Быть или не быть.

4) Подъ рукой.

у меня славные — русскіе и очень милые, да англичк изъ аристокра-
тіи, которому я сбиль всё понятія о добрѣ и злѣ, къ неописанному
удовольствію моихъ сосѣдей, — тотъ ужъ только качаетъ головой.

Довольно болтать.

2987. Письмо къ Н. П. Огареву.

27 февр. (1867), среда.
Venezia.

Вечеромъ ѣду во Флоренцію. Сегодня въ шестомъ утра
былъ у Гарибальди. Онъ обрадовался мнѣ и одного меня расцѣло-
валъ. Онъ здоровъ, но не веселъ. Вчера его чуть не утопили. Ка-
наль былъ à la lettre ¹⁾ мостъ гондолъ. Утро сегодня было велико-
лѣпное. Изъ оконъ его я смотрѣлъ и на мѣсяць, и на восходъ солнца,
и все это на площади Марка. Zu schön ²⁾!

Вчера получилъ твое письмо, сильно опоздавшее (ты мелко пи-
шешь фамилію и высоко; печать почтовой совѣмъ закрыли, и по-
тому письмо пролежало здѣсь два дня). Итакъ, саго philosopho
prattico ³⁾, старая штука повторяется: revue будутъ издавать *об-*
щими силами, но такъ, что деньги и статьи будутъ *наши*. Да, вѣдь,
если-бъ мы хотѣли издавать, зачѣмъ же намъ было спрашивать или
ждать Утина? Гдѣ доказательство яростнаго желанія читать загра-
ничныя изданія? И если оно есть, какъ же не найдутъ капиталисты
in sere, какъ Утинъ, кредиту помимо насъ ⁴⁾? Это была штука, и ты
опять попался въ нее. Недаромъ я тебѣ написалъ тотчасъ: „хлѣбъ-
соль вмѣстѣ, а табачокъ врозь“. Можеть, и грѣхъ, но денегъ я не
могу дать, а могу и хочу дать тебѣ отчетъ вотъ въ чемъ. Ротшильдъ
прислалъ мнѣ во Флоренцію счетъ за 1866 годъ. Онъ начинается съ
слѣдующаго: *balance en faveur de la maison Rotsch. 10.500 fr.* ⁵⁾.
Куда же я издержалъ доходъ + 10.500? Вотъ гдѣ (долгъ скопился
въ *два года*): переѣздъ типографіи и ея содержаніе, и акціи, бро-
шенныя мною, и письмо ⁶⁾ Чернецк., уничтоженное. Не грѣшно ли,
саго тію, съ одного барана, да еще полуплѣшнваго, брать вторую
мерсть?

¹⁾ Буквально.

²⁾ Слишкомъ красиво.

³⁾ Дорогой практическій философъ.

⁴⁾ Я найду для него на два года, но на вексель. А. И. Г.

⁵⁾ Балансъ въ пользу дома Ротш. 10.500 фр.

⁶⁾ Заемное.

Я всегда найду сотню человекъ, которые на даровыхъ прогонахъ поѣдутъ въ храмъ безсмертія и лавровъ, обернутые „Полярной Звѣздой“.

Примите всемілостивѣйше сей протестъ къ благосвѣднію и — до Флоренціи.

М-ше Магіо ¹⁾ съ Гариб. поила меня сегодня кофеемъ и, хотѣвши вынуть изъ сака письмо, вынула старую туфлю. О, Татьяна Петровна, и на лагунахъ ее вспомнилъ!

28 février.

Firenze, 41, Via S-ta Monaca.

Ну, вотъ и опять здѣсь. Всѣхъ нашелъ вождельнно. Кончу портретъ и буду собираться. Вѣроятно, между 10 и 13 буду въ Ниццу.

Письмо получилъ здѣсь дурное, т.-е. если не злое, то, дѣйствительно, помѣшанное и страшно дурное по вѣстямъ: бѣдный С. И. Астраковъ умеръ ²⁾. Сатины въ Москвѣ и сильно подбиваютъ Н. ѣхать въ Россію.

Прощай.

Тхорж, благодарю за письмо. Чортъ съ ихъ запрещеніемъ „Колокола“ въ Парижѣ! Пет. Вл. ³⁾ буду писать завтра.

◆◆ 1. 3 марта Огаревъ писалъ Герцену объ Астраковѣ: „Грустно прошла его жизнь; онъ на всѣхъ смотрѣлъ съ сомнѣніемъ и негодованіемъ... Да и, дѣйствительно, вѣрить было мудрено, встрѣчаясь постоянно съ psevdo-соціализмомъ и настоящимъ консерватизмомъ подъ вуалькомъ“ (Рум. музей).

2988. „Москва“ — мать и мачеха.

НЕ ВАМЪ, НЕ ВАМЪ водружать гдѣ бы то ни было хоругвь освобожденія, омойтесь прежде, покайтесь, приобрѣтите одинъ языкъ и одну мѣру или оставайтесь откровенно рабами, — вы и въ этомъ званіи можете быть „бичами providѣнія“, но *не освободителями*.

¹⁾ Miss White, жена мащивниста Альберта Магіо.

²⁾ Отъ чахотки. ¹

³⁾ Долгоруковъ.

Кто своекорыстно хочет себѣ и своимъ воли и въ то же время навиваетъ колѣдки на сосѣда, тотъ недостоинъ свободы. Тѣмъ-то и было велико сначала христіанство, потомъ та великая революція 1789 года (о которой и наши пигмеи говорятъ теперь свысока), что, если они не спасли и не освободили всего свѣта, то, все же, вѣрили въ общее спасеніе и освобожденіе, звали къ нимъ всѣхъ безъ звѣрской ненависти одной породы къ другой, безъ зоологическихъ пристрастій и антипатій.

Можно быть въ одно и то же время *любящей матерью и злой мачехой*, но при этомъ нельзя сѣтовать, что въ глазахъ всякаго честнаго человѣка несправедливая любовь вызоветъ, если не ненависть, то отвращеніе.

Затѣмъ представляемъ двѣ слѣдующія выписки изъ „Москвы“. Говоря о духовно-революціонной демонстраціи (которой мы вполне сочувствуемъ), бывшей въ московскомъ греческомъ монастырѣ, издатель ¹⁾ замѣчаетъ:

„Но эта же самая панихида вызываетъ насъ невольно и на грустныя размышленія. Мы слышали, что исполненіе такого простого, естественнаго желанія, какъ желаніе помянуть соборно въ церкви братолюбивыхъ и христіолюбивыхъ страдальцевъ, встрѣтило вездѣ неожиданныя затрудненія и понадобилось даже испрашивать разрѣшеніе изъ Петербурга. Какъ! даже для того, чтобы собраться въ православномъ храмѣ и помолиться о православныхъ, погибшихъ православія ради, общество должно испрашивать дозволеніе у начальства? Для того, чтобы совершить подобное богослуженіе, мѣстной духовной власти можетъ быть вѣнено въ обязанность входить въ дипломатическія соображенія и справляться о томъ, будетъ ли такое дѣйствіе согласно съ политическими видами министерства, и какъ покажется оно Петербургу? Нельзя не пожалѣть о такой зависимости церковныхъ пастырей и о такомъ странномъ смѣшеніи правъ и обязанностей общества и правительства!“

„Что происходитъ отъ такого смѣшенія? Общество, усваивая себѣ точку зрѣнія правительственную, *нерѣдко принимаетъ на себя исполненіе вовсе ему несвойственныхъ обязанностей III Отдѣленія* и черезъ это суживаетъ самый кругъ своей дѣятельности и уклоняется отъ своего призванія. Правительство „исправляетъ должность“ общества, выступаетъ изъ тѣхъ предѣловъ, гдѣ оно, правительство, призвано дѣйствовать и гдѣ только и можетъ быть сильно, и простирается на такія области жизни, куда не могутъ достигать внѣшнія орудія государственной власти, и гдѣ правительство поневолѣ должно оказаться несостоятельнымъ... Оно ослабляетъ общество, держа его вѣчно въ пеленкахъ и вода на помочахъ“.

Рядомъ съ этою дѣльной, умной рѣчью *матери* не угодно ли послушать ласки *мачехи*, не угодно ли посмотрѣть на ея злую злобу, пьянящую умъ, ничѣмъ не насытимую, — ни тѣмъ, что она пасын-

¹⁾ И. С. Аксаковъ.

ковъ забила до полусмерти, ни тѣмъ, что въ крови и синихъ пятнахъ „они еще дышуть и смѣютъ говорить по-своему“. Вотъ она же ихъ!

„Постоянный житель Кіева не можетъ не замѣтить, — говоритъ корреспондентъ „Москвы“, — что въ послѣднее время польская рѣчь стала *смѣлье* раздаваться по Кіеву: слышится она и на улицахъ, и въ ресторанахъ, и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, и мало того, — эта польская рѣчь сопровождается еще по отношенію къ русскому *тѣмъ наглѣмъ вызывающимъ взглядомъ*, на который такъ способенъ родовитый полякъ. По всему видно, что наши поляки подняли голову: Голуховщина и всякаго рода химера вскружила имъ головы. Говорятъ, что въ уѣздахъ Волынской губ., пограничныхъ Галиціи, польскіе паны-помѣщики въ послѣднее время стали вызываться, по отношенію къ русскому дѣлу, съ наивностью чисто-польскою: „погодите, — грозятъ они мировымъ дѣтелямъ — вотъ къ веснѣ придетъ къ намъ Голуховскій съ Наполеономъ, они выгонять всѣхъ васъ отсюда“.

Господа полиція, вступайте въ ваши права.

Какое ужасное растлѣніе, и какое прочное, внесли три года казеннаго патріотизма. Люди, нисколько не принадлежащіе ни къ полиціи, ни къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, такъ же легко доносятъ или служать распространенію доносовъ, какъ любой Катковъ, почившій на голубыхъ¹⁾ лаврахъ своихъ.

Отчего же полякамъ *шептать* по-польски? или зачѣмъ же имъ дѣлать глазки русскимъ? Вѣдь, это только наши дѣды и праотцы цѣловали руку, которая ихъ била по зубамъ и сѣкла по окончанію спины.

Летаргическій сонъ, въ которомъ пребывалъ издатель „Дня“, возстановилъ его силы, но не огрезвилъ его, а, вѣдь, нѣкогда и для него рядомъ со святынями грановитой палаты и Кремля были святы права человѣка и ненавистна рука правительства, врывающаяся въ послѣднія твердыни личности, позоря ее насиліемъ, брея бороду сѣдому Хомякову, сбивая съ головы мурмолки и запрещаая, какъ *непристойность*, нашу народную поддевку...

Счастье, что „Москву“ въ Турціи, кромѣ русскихъ консуловъ, никто не знаетъ и не читаетъ, ну, а то какъ не равно Садыкъ-паша²⁾ укажетъ правовѣрному султану два православныхъ листа, а тотъ и начнетъ, во имя турколюбія и магометолюбія, изводить не только людей, но и языкъ греческій и одежду, преслѣдовать взгляды, казнить надежды... Нѣтъ, не вы разобьете шатеръ вольнаго славянскаго союзничества, — съ помощью будочниковъ и полицейскихъ вбиваютъ не сваи будущаго, а оцѣпляютъ мѣсто торговой казни.

1) Т.-е. жандармскіихъ.

2) М. И. Чайковскій.

Погодите освобождать другихъ, начните съ самихъ себя, попарьтесь хорошенько въ банѣ, смѣните пару, другую вѣтничковъ: на васъ слишкомъ много петровщины и аракеевщины.

И вотъ отчего мы съ внутренней болью читаемъ въ иностранныхъ журналахъ о какомъ-то *великомъ и сбыточномъ* планѣ образовать подъ опекой Россіи дунайское союзническое государство, которое примыкало бы къ вольному городу Константинополю.

Мы объ этой федераціи сами мечтали передъ Крымской войной, проповѣдывали о ней, несмотря на смѣхъ съ обѣихъ сторонъ, и теперь вѣримъ въ нее, но это — не дѣло рукъ, домучивающихъ лежащаго врага, отнимающихъ у побѣжденнаго и слезы, и слова, и одежду сѣтованія...

Что, въ самомъ дѣлѣ, указывать на правительство, когда общество, когда *гласные* общественнаго мнѣнія доносятъ на то, что поляки говорятъ по-польски и не смотрятъ влюбленными глазами на русскихъ чиновниковъ?

Вотъ гдѣ тормозъ, останавливающий Россію, мѣшающей ей ринуться въ великое будущее, которое ей навязывается, мѣшающей ей великими дѣлами искупить старые грѣхи и заслонить свѣжія преступленія... Нѣтъ, не вамъ водружать хоругвь освобожденія: ваша любовь полна ненависти!

2989. Пророкъ-издатель.

„Меркнетъ заря на Западѣ, брезжитъ заря на Востокѣ. Гаснутъ послѣдніе лучи древней славы и могущества Рима и выступаетъ изъ долгой ночи *древняя слава и значеніе Царьграда*“. Такъ въ день богоявленія Господня провозвѣщаль Іезекиль-Аксаковъ, пророкъ-издатель и редакторъ „Москвы“ въ Москвѣ.

Хороша будущность міра, нечего сказать... Изъ кроваваго Рима пасть въ подлюю Византію, изъ инквизиціи — въ холопство, изъ общества холостыхъ поповъ — въ общество неженатыхъ евнуховъ...

Въ чемъ *древняя слава Царьграда*? въ чемъ его *значеніе*, не турецкое, а византійское? Мы не знаемъ. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что пророки, по общественному званію своему, яснѣ видятъ будущее, чѣмъ прошедшее. Къ тому же они и во всѣ времена любили стращать и юродствовать. Мессію ли возвѣщаетъ пророкъ или Атилла, искупленіе или наводненіе, онъ равно напугаетъ современниковъ и любителю, что женщины бьютъ себя въ грудь, мужчины посыпаютъ голову пепломъ, а камни лежатъ около да плачутъ.

Неужели такъ на роду написано, что всякое великое начинаніе является въ сопровожденіи великаго бреда?

Пророкъ-издатель „Москвы“ знаетъ наше мнѣніе о Западѣ и о папѣ, онъ также знаетъ нашу вѣру въ *будущую славу и значеніе* Россіи, но зачѣмъ же онъ ея свѣжій молодой полетъ уснащаетъ гробомъ повапленнымъ, въ которомъ долтлѣваетъ заживо сгнившая Византія?.. Вѣдь, и въ антиминосъ для новой церкви (беру нарочно сравненіе дорогое благочестивому сердцу издателя-пророка) шиваютъ частицы мощей какого-нибудь святого, а не грѣшнаго всѣми грѣхами, какъ Византія.

Великое счастье, что Россія избѣгнула римскаго крещенья и отравленныхъ даровъ католической церкви: мы это не сегодня стали говорить. Великій позоръ ждетъ Европу, если она, вмѣсто грековъ, вступится за турокъ. Великое дѣло слѣдуетъ Россіи, если протянетъ имъ руку, но... но оставьте въ покоѣ Византію: изъ нечистыхъ могилъ идутъ только миазмы. Мы русскіе, а не греки du Bas-Empire, и горе намъ, если попадемъ прямо изъ французской болѣзни въ византійскую. По счастью, оно и невозможно: все это „украшеніе въ стилъ“, какъ говаривалъ одинъ русскій генераль въ 1848 году.

Вообще надобно оставить мертвыхъ, если не занимаешься анатоміей, а то тотчасъ дойдешь до бѣды и даже косвенно похвалишь императора Николая и Паскевича, „исполнявшаго по *крайнему* разумнiю“ его волю... какъ это сказано во 2 № „Москвы“.

Данииль, если не былъ редакторъ, то былъ тоже пророкъ, а какъ себя держалъ относительно тогдашнихъ Николаевъ!

2990. Письмо къ Н. П. Огареву.

3 марта (1867).
Флоренція.

Начну съ мелочей. 1-ое, въ слѣдующ. „Колоколь“ напечатай: „Въ общій фондъ прислано изъ Италіи 25 фр.“; 2-ое, скажи Тхоржъ, что „Был. и думы“ (полный экземпляръ) онъ не присылалъ, и оттого я продать не могъ; теперь поздно. Но Фр.¹⁾ купилъ, а потому онъ долженъ послать три экз. Сашѣ немедленно. 3-ье, о „Запискахъ“ Долгорукова книгопродавцы не знаютъ ни здѣсь, ни въ Венеціи. 4-ое, о „гусѣ и свиньѣ“ можно просто упомянуть подъ заглавіемъ: „*И гусь можетъ быть свиньей*“. Этотъ анекдотъ пригодится гдѣ-нибудь къ мѣсту.

1) Фрикень.

Слѣдуетъ напечатать дикій приказъ о ссылкѣ трактирщиковъ за непредъявленіе именъ проѣзжающихъ въ полицію, — вотъ тебѣ и „habeas corpus“¹⁾.

Я ѣду 10 въ Спецію, 12 буду въ...²⁾

Вчера Бакстъ уѣхалъ въ Венецію. Онъ положительно зимой умнѣе, чѣмъ лѣтомъ, хотя такой же охотникъ до спора и спорить самымъ безтолковымъ образомъ.

Погода ужасная. Вообще, во Флоренціи плохо и становится очень дорого.

Прощай.

12 часовъ. Воскресенье.

О попѣ печатать не слѣдуетъ.

Шиффъ въ дѣлѣ общественнаго отпора не знаетъ мѣры, въ силу чего допускаетъ и смертную казнь, и тюрьму. Я очень радъ, что, все же, ввелъ въ твою медицинскую этику *историческій* элементъ; физиологія его не объяснить. Тутъ ряды иные и иные antecedents, зависящие отъ общихъ физиологическихъ причинъ, но выходящіе изъ ея области въ одну сторону, такъ, какъ астрономія выходитъ въ другую³⁾.

2991. Письмо къ Н. П. Огареву.

4 марта (1867), понедѣльникъ.

Посылаю корректуру и прошу принять мой *протестъ* противъ всѣхъ вымаранныхъ мною мѣстъ. Я рѣшительно не могу допустить — *безъ подписи* — все, что вымаралъ, во-первыхъ, потому что это противно духу „Колокола“; во-вторыхъ, что я долженъ буду печатать отвѣты; въ-третьихъ, могу ждать дерзостей, которыя приведутъ къ дуэли; въ-четвертыхъ, до частныхъ дѣлъ Неклюдова⁴⁾ и Соллогуба⁵⁾ „Колоколу“ дѣла нѣтъ. Отправься на объясненіе съ Пет. Вл., но въ этомъ отъ меня уступки не жди. Я *кладу полное veto*. Даже съ

1) Замѣтка была дана въ 237 л. „Кол.“ подъ заглавіемъ: „Нашъ habeas corpus и личная безопасность“.

2) Отрѣзано.

3) Окончаніе отрѣзано.

4) Василій Сергѣевичъ, начальникъ московскихъ театровъ.

5) Гр. Владиміръ Александровичъ.

подписью я врядь напечаталъ бы. Читалъ ты или нѣтъ? Rather нѣтъ ¹⁾).

Погода страшная. Климатъ Флоренціи — совершеннѣйшая ложь. Это — мерзвѣйшій котель въ Италіи, въ которомъ лѣтомъ печеть, а зимой гадко и десять повальныхъ болѣзней. (Теперь свирѣпствуетъ скарлатина). У меня страшнѣйшій насморкъ.

Въ субботу вечеромъ Саша читаетъ публично, при Маттеучи ²⁾ и друг. натуралистахъ и аматерахъ, отчетъ о своемъ специальномъ трудѣ. Въ воскресенье онъ ѣдетъ меня провожать въ Спецію. Вторникъ я буду въ Генуѣ. Если крайность, пиши туда (Genova, poste rest.), а не то просто въ Ниццу: 87, Prom. des Anglais, на имя Nat.

Впрочемъ, можешь, если тотчасъ будешь отвѣчать, написать сюда къ воскресенью утромъ (отъѣздъ въ 4 часа).

О попѣ писалъ дьячокъ, по-нашему — „Тангенсъ“ ³⁾.

„Духа же сплетней избави насъ!“

О Жуковскомъ я вымаралъ для сына и потому, что съ моей стороны это неблагодарность, да оно же и невѣрно ⁴⁾.

Прощай.

2992. Письмо къ С. Тхоржевскому.

5 марта (1867), вторникъ.

Вамъ, любезнѣйшій Тхоржевскій, посылаю первые удачные оттиски Ольги; портретъ этотъ хорошъ, — она очень перемѣнилась.

Вы отдайте: Огар.,
себѣ,
Чернец.,
Петру Влад.

Я до того распростудился, что сегодня все утро лежалъ въ постели и даже не одѣвался; жаръ, кашель, зубы, глаза, носъ — все ни къ чорту не годится.

¹⁾ Рѣчь идетъ объ окончаніи долгоруковскаго „Письма изъ Петербурга“ въ л. 237.

²⁾ Карло, извѣстный итальян. физикъ.

³⁾ Т.-е. по списку псевдонимовъ, который велся въ „Колоколѣ“ для всѣхъ, находящихся съ нимъ въ сношеніяхъ.

⁴⁾ См. первое примѣчаніе.

На-дняхъ я вамъ послалъ 400 фр. съ просьбами отъ Саши и пр. Ъду я 10, въ воскресенье. Въ субботу Саша читаетъ публично о своемъ трудѣ. Онъ ѣдетъ со мной до Спеціи, 12-го я буду въ Генуѣ, 14 въ Ниццѣ.

Если крайность, пишите:
Genova, poste restante,

а не то попрежнему въ Ниццу: 87, Prom. des Anglais, на имя Н. А. Жду отвѣтъ насчетъ квартиры, чтобъ не торопиться. Засимъ прощайте.

2993. Письмо къ Н. А. Огаревой.

7 марта (1867), четвергъ.
Firenze.

Письмо твое получилъ сегодня, кстати и катарръ проходить. Я три дня не существовалъ — жаръ, сонливость, грудь, кашель... Я два дня не выходилъ. Завтра иду окончить портретъ (это — chef d'oeuvre) и, какъ сказано, 10-го, въ 4 часа ѣду въ Спецію.

Мнѣ не столько нужны твои предложенія, какъ нужна перемѣна тона писемъ, перемѣна слога. Когда на тебя *находитъ*, ты пишешь какимъ-то возмутительно обиднымъ и дурнымъ слогомъ барышень 1820—25 годовъ. Я всегда узнаю по этому степень здоровья или пароксизма. Въдь, я только противъ этого и борюсь. Сколько разъ я тебѣ говорилъ, что въ тебѣ есть существо близкое и существо постороннее. Это постороннее сдѣлало всѣ твои бѣды и испортило нашу жизнь. Которое побѣдить? Я не знаю; ты слишкомъ мало владѣешь собой и слишкомъ привыкла говорить жесткія вещи; я всегда отвѣчаю на нихъ. Очень ясно, что мы дошли до одного изъ перепутій, до одного узла чрезвычайно важнаго. Вся отвѣтственность ложится на тебя.

Тебѣ было тяжело въ болѣзнь Лизы. Если-бъ твое безпокойство выразилось плачемъ, зовомъ, я плакалъ бы съ тобой и не скрылъ бы, сколько мнѣ жаль тебя; но злую горестъ, — горестъ съ упреками и иголками я ненавижу и дѣлаюсь самъ золь отъ нея. Злая горестъ не глубока, она въ обидѣ близкаго находитъ утѣшеніе. Вотъ эти-то вещи слѣдуетъ обдумать.

Прикидывая насъ (меня и Ог.) на какую-то мизерную мѣрку, ты не умѣла понять, что ни я, ни онъ, мы не можемъ ни гнать, ни мстить, мы можемъ быть унижены нераскаянностью... или удерживаться про-

тивъ воли отъ прощенія, потому что прощенія, гармоніи намъ страстно хочется.

Въ твоемъ приѣмѣ — существенное, а какая квартира будетъ, и какъ Лиза будетъ обѣдать у насъ, а спать у тебя, это все — вздоръ. Ты изъ моего сердца вынь сомнѣнія, а за остальное я ручаюсь. Изъ Ниццы я напишу Татѣ, чтобъ она пріѣзжала или не пріѣзжала въ маѣ, во время моего отсутствія. На все лѣто я могу устроить очень хорошую жизнь для Лизы и всѣхъ; помоги, если это тебѣ дорого, помоги борьбой съ дурной стороной твоей натуры.

Остальное слѣдуетъ само собой. Если мой голосъ разбудить тебя, и мы встрѣтятся близкими, съ возможностью общаго согласія (основаннаго на сознаніи, что *виною* всего была ты — безъ этого все будетъ ложь и падеть, какъ карточный домъ), откроется и возможность устроиться.

Если же тебѣ твоя военная роль нравится больше, я спасу васъ отъ коллизіи и встрѣчъ, я не подвергну тебя новымъ паденіямъ съ дѣтьми и, все же, останусь сторожемъ Лизы.

Объ отъѣздѣ Лизы въ Россію, какъ о бѣлой горячкѣ, ни думать, ни говорить нечего. Это — преступленіе, и тѣ, кто подбиваетъ тебя, не знаютъ, что дѣлаютъ.

Зачѣмъ тебя зоветъ Е.¹⁾? Зачѣмъ ты оставишь Лизу здѣсь, а сама поѣдетъ? Какъ? Эй, не лучше ли бросить всѣ помѣшательства и воскреснуть въ разумѣ и здоровьѣ!

Я хотѣлъ еще разъ высказаться до тла.

Ты не любишь думать надъ моими письмами, и я умоляю тебя остановиться надъ этимъ.

Мнѣ бы очень хотѣлось слова два передъ пріѣздомъ. *Я въ двухъ словахъ пойму*, чего ждать, пойму, которую сторону сердца я разбудилъ моими словами.

Письмо это придетъ 10-го утромъ; если 10-го до 3-хъ ты пошлешь въ *Italie, Genova, post. rest.*, я 12-го получу. 11-го къ ночи я буду въ Генуѣ, если найду мѣсто въ почт. каретѣ.

До отвѣта писать мнѣ не слѣдовало бы.

Прощай.

Лизу цѣлую. Скажи ей, чтобъ она считала, сколько дней остается до моего пріѣзда. Я полагаю въ четвергъ быть въ Ниццѣ. Портретъ Ольги она, вѣрно, получила?

Вѣроятно, ты уже получила отъ Авигдора *1.000 фр.*?

1) Е. А. Сатина.

2994. Письмо къ Лизѣ.

(7 марта 1867).

Теперь-то, моя милая Лиза, дружокъ мой, скоро мы увидимся. Мнѣ хочется посмотрѣть въ твои глазки и поцѣловать тебя въ лобъ.

Прощайте.

2995. Письмо къ Н. П. Огареву.

7 марта (1867), четвергъ.

Firenze.

Наконецъ, я сегодня оправился отъ безобразнѣйшаго катарра и получилъ строгое предписаніе твое. Я уже предвидѣлъ по прошлому письму, что выраженіе „фальшивый социализмъ“ по поводу смерти С. И. ¹⁾ сулитъ грозу. Я потому спорить не стану, что скучно быть въ обязанности постоянно держать сторону отрицательную. Ты не можешь считать социализмомъ разбрасываніе средствъ (шутя я бы и могъ сказать, что если такъ, то ты — самый сильный социалнсть въ мірѣ). Ergo, 1.000 фр. я къ пріѣзду приготовлю тебѣ изъ Б. ²⁾ денегъ, и, все же, совѣтую дать ихъ частно Утину и взять съ него расписку. Утинъ лжетъ и средства имѣеть. ¹

Затѣмъ я спрашиваю: гдѣ статьи? чьи статьи? . . . Вѣдь, эти милые юноши — большей частью юноши бездарные. Revue не пойдетъ, потребности на него нѣтъ, и, несмотря на „Колок.“ sous bande, „Колоколь“ нейдетъ. Неужели sous bande или въ конвертѣ посылается больше 10 экз.? Есть потребность на заграничный конституціонный органъ — и больше ни на какой.

Ѣду я, какъ писалъ, 10-го въ Спецію.

Оказывается, что Сат. въ Москвѣ одинъ. Кн. Труб., навѣрное, мою комиссію исполнить.

W. — сто франковъ можно дать, но положеніе дѣлъ не дозволяетъ платить гонораровъ.

Въ статьѣ Д. ³⁾ мои вымарки слѣдуетъ исполнить. Отвѣтственный редакторъ — я, и на себя не беру писать, что Соллогубъ — воръ и пр. Я готовъ къ Д. писать объ этомъ.

¹⁾ Астраковъ.

²⁾ Бахметевъ.

³⁾ Кн. П. В. Долгоруковъ.

Конечно, если вы ломитесь подъ тяжестью матеріаловъ, можно издать и 1 апрѣля; если же нѣтъ, то умнѣе — 15-го. У меня нѣтъ ничего.

Получилъ ли портретъ Ольги (я его послалъ Тхорж., чтобъ ему доставить удовольствіе раздачи)? Она перемѣнилась. Портретъ хо-рошъ, и выраженіе мило.

Затѣмъ довольно.

Писалъ сегодня предлинное письмо къ N. Ея хочется поми-рится съ Татой, но предлагаетъ такую чушь, что я еще разъ напи-салъ диссертацию добрую, но твердую. Тата готова ѣхать въ маѣ въ Ниццу и ждать меня тамъ, но я еще не рѣшаюсь этого допустить.

◆◆ 1. Въ письмѣ своемъ отъ 4 марта Огаревъ совѣтовалъ дать молодой русской эмигранціи займа на журналъ 1000 фр.; Герценъ исполнилъ его просьбу.

2996. Письмо къ Н. П. Огареву.

8 марта (1867). Вечеръ.

Что вы, милые мои аларминсты, такъ горячо приняли полицейскую дресню въ „Голосѣ“? Пусть они пишутъ что́ хотятъ. Отвѣтъ я на-писалъ проще и короче и посылаю его ¹⁾). 35 № „Моск. Вѣд.“ въ пачкѣ, полученной утромъ, нѣтъ, и потому я не знаю, въ чемъ дѣло.

Скажи Тхор., что письмо его получилъ. На весь апрѣль мнѣ бы не хотѣлось оставлять квартиру, но, если иначе нельзя, дѣлать нечего. Куда же перевезетъ онъ мебель и, главное, желѣзный сундукъ? По-слѣдній, развѣ, къ Чернецкому? Келейно сдѣлался бы онъ съ Бли-номъ, что, буде нѣтъ наемщика, то онъ просрочитъ и заплатитъ по расчету; если же явится наемщикъ, то онъ въ три дня съѣдетъ. Я никакъ не позже половины апрѣля буду въ Женевѣ. Если-бъ ты на недѣлю времени переѣхалъ туда же, можно бы рискнуть до 1 мая. Но я тамъ на юру ни за что жить не стану. Впрочемъ, вѣроятно, я опять уѣду изъ Женевы въ концѣ мая. Домъ, въ которомъ живутъ здѣсь дѣти, проданъ, и имъ слѣдуетъ въ маѣ съѣзжать. Если дѣла пойдутъ хорошо, Тата съѣздитъ на мѣсяцъ къ Лизѣ (въ маѣ). Во всякомъ случаѣ я въ началѣ лѣта ихъ устрою.

Чему ты удивился Андреоли ²⁾? Его письмо въ „Temps“ вызвало

¹⁾ См. № 3002.

²⁾ Эмиль; въ „Temps“ отъ 27 января была его статья „Военно-плѣнные въ Россіи“ о полякахъ, содержащихся по тюрьмамъ и ссылки; она вызвала рѣзкіе выпады нашей правой печати.

отвѣты русскихъ газетъ. Вѣроятно, онъ благѣрствуетъ, но отчего же ты сомнѣваешься?

Портретъ конченъ. Это — первоклассный chef d'œuvre.

Дождь и слякоть при теплѣ и сирокко. Если очень скверно, поѣду прямо въ Ливорно, — все же, 10-го числа — и оттуда моремъ.

Прощай.

10, воскресенье.

Вотъ у меня это письмо пролежало въ карманѣ сутки, но и за эти сутки новаго ничего нѣтъ. Здѣсь воздухъ становится не особенно *приятенъ*, но гигиеническія замѣчанія при свиданіи.

Полученъ ли ворохъ „Моск. Вѣд.“ и нужно ли въ самомъ дѣлѣ посылать „Головъ“ назадъ? „Моск. Вѣд.“, когда что важнаго, ты присылай.

А исторія-то „въ булку“, какъ выражается Э. Толстой. Читаль ли ты, какъ жандармы тащили *par force* ¹⁾ Гариб. въ карету? Да, вѣдь, *à la lettre* ²⁾.

Жирар. ³⁾ напечаталъ о „Колоколѣ“ въ „Liberté“. Въ другихъ журналахъ не видалъ еще.

Прощай.

2997. Письмо къ Н. П. Огареву.

10 марта (1867), воскресенье.
Firenze.

Сегодня, въ 10 вечера ѣду въ Геную черезъ Болонью; 14 часовъ чугунокъ, но дѣлать нечего — дождь льетъ, какъ изъ ведра, и въ вагонѣ покойнѣе сидѣть, чѣмъ въ каютѣ. Завтра, въ 12 часовъ я въ Генуѣ. Можетъ, я тотчасъ, т.-е. въ понедѣльникъ вечеромъ, отправился бы въ Ниццу, но N. на мой серьезный вопросъ о Татѣ не дала себѣ труда отвѣчать да и, вообще, не отвѣчала мнѣ. Я писалъ, что жду письма 10-го; твое пришло, изъ Ниццы нѣтъ. Я написалъ, что буду ждать отвѣтъ въ Генуѣ (и прожду, пожалуй, три дня). Да, Ога-

¹⁾ Силою.

²⁾ Буквально.

³⁾ Эмиль Жирарденъ.

ревъ, я самъ съ ужасомъ думаю о свиданіи въ Ниццѣ, — мало хо- рошаго предчувствуется.

Тата готова ѣхать въ маѣ на мѣсяцъ, даже Мейз. собирается, если я хочу, провести два лѣтнихъ мѣсяца съ Олей въ Ниццѣ или окрестностяхъ. Но я еще не зову; для Лизы это было бы счастье. Господи, сколько времени, жизни, идей, силъ пошло на этотъ внутренній раздоръ и бой! Я понимаю, что и теперь могъ бы все отпустить, но для этого надобно раскаяніе, кротость, а не кусанье. Скучно и тяжело. Какія-то будешь „смѣси“ писать...

Успѣхъ Саши вчера былъ полный и заслуженный. Онъ свою лекцію прочелъ шегольски, не останавливаясь, не ломаясь, просто, прекраснымъ слогомъ и интересно. Была элита ¹⁾ ученыхъ и литераторовъ. Сперва читалъ Маттеучи (бывшій министръ просвѣщенія) о магнитныхъ наблюденіяхъ во время затменія; потомъ Шиффъ — о термогальваническихъ наблюденіяхъ надъ нервами; потомъ Саша — о продолжающейся жизни или дѣятельности *переръзаннаго* и, слѣд., парализованнаго нерва, послѣ смерти и, помимо бездѣйствія, нерва не парализованнаго. Онъ разсказалъ и показалъ все мастерски, даже Гржимала-Любанскій, Генрихъ, былъ доволенъ.

По-итальянски онъ говоритъ лучше Шиффа.

Къ Андреоли я писалъ.

Въ успѣхъ „Пол. Звѣзды“ не вѣрю: никто не будетъ читать гисторіографію Мечникова и *Comico* Ут. ²⁾.

Не хочешь ли, чтобъ я написалъ Акс. письмо въ Москву насчетъ зажигательства или къ Горчакову? — пожалуй. Напиши. Деларова слѣдуетъ пропечатать.

Отчего *justicia* требовала, чтобы ты прежде умеръ, а С. И. ³⁾ — потомъ, это — ужъ романтической вздоръ. Правда ли о Тургеневѣ, я не знаю. Мнѣ его жаль.

Насчетъ Шарлотты дѣлай, какъ знаешь. Жить съ двумя женщинами ⁴⁾, ребенкомъ ⁵⁾ и полуребенкомъ ⁶⁾, это — такой андреевскій крестъ при небольшихъ деньгахъ и крошечной квартирѣ, который нести я бы себя не считалъ способнымъ. Но, если ты хочешь переѣхать ко мнѣ, это — дѣло другое. Но куда ко мнѣ? „У меня“ нѣтъ у меня.

Но объ этомъ потолкуемъ. Если пріемъ будетъ очень дурень въ Ниццѣ, я въ началѣ апрѣля, можетъ, и къ 1-му пріѣду. А прогос,

1) Elite — избранные.

2) Н. И. Утинъ.

3) Астраковъ.

4) Мэри Сутерландъ и Шарлотта Гётсонъ.

5) Тутцъ, сынъ второй.

6) Геври, сынъ первой.

скажи Тхор., что вѣрнѣе оставить кварт. на апрѣль за 150 фр., а то куда онъ дѣнется да и вещи.

Что за безуміе, что онъ не выслалъ проданные мной „Былое и думы“? Фр. заплатилъ 8 фр. и ждетъ. И почему онъ не пишетъ объ этомъ?

Иду завтракать. Я здѣсь все пью „кіанти“, — славное вино, 1 фр. 20 коп. съ бутылкой.

Засимъ пиши въ Ниццу: 87, Promenade des Anglais.

Тата мнѣ не показала твоего письма.

Саша показалъ.

Тхорж. можетъ, пожалуй, Бердушекъ¹⁾ пригласить переночевать въ 7, Quai Mont Blanc или какъ знаетъ. Братъ ея благодарить его и Мейзенбургъ также.

◆◆ 1. 7 марта Огаревъ писалъ: „Деляровъ ходилъ къ Озерову объяснять, что женевское общество очень жалѣетъ, что не имѣетъ законнаго права уничтожить „Колоколъ“ и выгнать насъ. Самъ Озеровъ удивился. Не напечатать ли это? Впрочемъ, можно и въ „Стрѣль“ (Рум. музей).

2998. Письмо къ Н. П. Огареву.

12 марта (1867), вторникъ.

Nice (Alp. Mar.), 87, Promenade des Anglais.

Я сдѣлалъ чудо и въ *полторы сутки* приѣхалъ изъ Флоренціи въ Ниццу. Сдѣлалось это такъ. Приѣзжаю въ Геную вчера, спрашиваю въ дилижансѣ — мѣста на два дня заняты; спрашиваю на пароходѣ—идеть въ среду и *сегодня ночью*. Ну, думаю, если такъ — на пароходъ, и сегодня въ семь утра преспокойно вышелъ на берегъ. La mer n'est pas si chiep²⁾, какъ ты думаешь, напротивъ, оно насъ потѣшило. Ночью, часу въ первомъ, всѣ спали въ каютѣ. Вдругъ вбѣгаетъ худая, старая француженка съ плачемъ и воплемъ: „Nous sommes inondés... nous sommes inondés, sauvez votre femme!“³⁾. Всѣ вскочили, итальянцы и англичане безъ портокъ. Дама вся мокрая... Старуха легла спать да и забыла закрыть окно. Первая сильная волна ее и окатила. Ея страхъ и отсутствіе опасности сдѣлали сцену. Лизу я засталъ еще въ постели; она здорова, но блѣдна. Н. отъ нечаянности

¹⁾ Знакомые Мейзенбургъ.

²⁾ Море не такое скверное.

³⁾ „Насъ затопляетъ, насъ затопляетъ, спасайте вашу жену!“

встрѣтила меня хорошо, но еще ничего не знаю, что будетъ. Лиза повторяетъ разныя печальныя вещи со словъ N., а N. считаетъ, что это трагическое настроеніе. Онѣ здоровы.

Получилъ „Был. и думъ“ 1 экз. здѣсь.

Буду ждать писемъ.

Чась утра.

Тхорж. и всѣмъ кланяюсь.

2999. Письмо къ Н. II. Огареву.

14 марта (1867), четвергъ.

Nice, Prom. des Anglais.

Писемъ еще отъ тебя нѣтъ, зато отъ Тхоржевскаго есть, отъ 12-го. Въ два дня, проведенныхъ здѣсь, было много говорено. Вообще, настроеніе лучше, но съ порывами отчаянія. Хотѣлось бы сближенія съ дѣтьми, но ни шагу для этого, потомъ — одна невозможность за другой. Расположеніе къ тебѣ лучше; то, что я писалъ тебѣ два письма тому назадъ, совершенно такъ: только близостью отношеній можно спасти Лизу отъ омраченія нрава и, пожалуй, отъ Россіи.

Лиза продолжаетъ быть очень умна и память у ней необычайная, но въ два мѣсяца *одиночества* она опять поизбаловалась. Школы здѣсь плохи. Ходитъ къ ней *daily governess* ¹⁾, — ничего, возможная.

Я вотъ что предложилъ. Квартиры съ 1 апрѣля очень дешевы. Срокъ *Villa Fay* 1-го іюля. На май пригласить Тату и потомъ нанять другую виллку; въ ней могутъ пожить, если хотятъ, для моря, Мейз. и Ольга, а потомъ ее займетъ *Natalie* до осени (ex. gr., 1 сентября). Потомъ въ Швейцарію или здѣсь оставаться. Можетъ, и Сат. подѣлать. Лизу безъ школы дольше полугода оставить нельзя.

Изъ Россіи постоянно зовутъ N. съ Лизой. Были минуты готовности съ ея стороны все бросить и ѣхать. Поэтому надобно быть осторожнымъ. (Они и денегъ общали прислать).

Затѣмъ въ слѣд. письмѣ — больше.

Передай Тхорж.:

1-ое. Что, если банкъ хочетъ взять фурно ²⁾ съ уступкой 30, даже 35% — сейчасъ отдать.

¹⁾ Приходящая гуверпантка.

²⁾ *La fourneau* — печь.

2-ое. Важнаго нѣтъ, если квартира останется до 1-го мая (150 фр.), цѣны въ отеляхъ, вѣроятно, велики, а, впрочемъ, во всемъ, что Тхорж. скажетъ, спорить и прекословить не буду.

Вѣроятно, мнѣ придется въ самые жары опять возвратиться сюда. Пиши твои мнѣнія... и совѣты.

Прощай.

Письмо къ Аксакову, вѣроятно, завтра ему пошлю и копію для „Колокола“.

3000. Письмо къ Н. П. Огареву.

15 марта (1867).
87, Promenade des Anglais.

Видѣлъ ли ты, что „Indép. Belge“ говоритъ о купцахъ, хотѣвшихъ сдѣлать контракты для желѣзныхъ дорогъ и остановившихся за тѣмъ, что земскія думы не имѣютъ обезпеченія и всегда могутъ быть закрыты? Если Долг. тебѣ не присылалъ, попроси его. Мнѣ кажется, что объ этомъ слова два сказать надобно. Одинъ г-нъ мнѣ говорилъ здѣсь, что онъ слышалъ отъ центральныхъ актеровъ земскаго дѣла: „и къ концу года конституцію Ал. Н., все-таки, долженъ будетъ дать“.

На этомъ мѣстѣ получилъ твое письмо. Отвѣчаю: а) Долгор. ругается съ посторонними и безъ причины; „я хочу оскорбить клеветниковъ“ — пусть дѣлаютъ процессъ, я же отвѣчаю самъ. А зачѣмъ ты мнѣ не писалъ, какъ принялъ „принца“ мои урѣзки?

б) Тхоржевскій долженъ нанять комнату на мой счетъ. Онъ мнѣ нуженъ, и я не допущу, чтобъ онъ остался à la belle étoile¹⁾. Дѣло очень просто: за 100 фр. онъ найдетъ комнату съ ѣдой или распорядится, какъ знаетъ, — я готовъ прислать до 120.

γ) Ага... (это не Ага²⁾, а А...га), какова Ольга-то!

Долго не получая твоего отвѣта объ Аксаковѣ и выслушавъ совѣтъ боярскаго думы во Флор., я послалъ сегодня ему цидулку. Въ слѣдующемъ листѣ „Кол.“ напечатать ее необходимо. Помѣстить онъ или нѣтъ, все равно.

Всѣ ли письма получилъ? Это — *третье* изъ Ниццы.

1) Подъ открытымъ небомъ.

2) Прозвище Огарева въ семьѣ.

Very important¹⁾. Я считаю необходимымъ заявить сочувствіе „Колокола“ къ греческому дѣлу и прошу сейчасъ написать твоѣ мнѣніе. Я сегодня же попробую написать.

Пишу небольшую статейку объ Италіи. Если ты не читалъ брошюру Кинэ, прочти непременно, — она стоитъ 50 сантим. Заглавіе: „France et l'Allemagne“.

Что за климатъ здѣсь, что за воздухъ, тепло, запахъ!... Какое сумасшествіе жить въ другихъ захолустьяхъ! Здѣсь бы отдохнуть хоть годикъ, т.-е. подь „здѣсь“ я разумѣю всю дугу отъ Кана до Специіи черезъ Геную...

Ничего рѣзкаго дома. Но приучиться и изучить такой характеръ — не шутка, тутъ и Шиффъ (Скиффъ, какъ его называютъ итальянцы) потеръ бы себѣ лобъ. Отъ дикихъ порывовъ любви до свирѣпыхъ словъ ненависти, — все сумбуръ. Сегодня ужасъ и желаніе, чтобы я спасъ ее и Лизу, готовность звать дѣтей, ѣхать въ Кольмаръ, Лозанну... а завтра неуваженіе ко мнѣ, наискорѣйшіе сборы въ Россію, распоряженіе, какъ быть съ Лизой въ случаѣ смерти, и обвиненіе во всемъ меня, тебя. Я не отвѣчаю, говоря, что и это принимаю за такое же невольное, патологическое состояніе, какъ твои обмороки... только, что ты падаешь тѣломъ, а она умомъ. Черезъ часъ слезы и оттепель. Какое же тутъ воспитаніе!

Лизой я опять доволенъ, — очень умна и дивитъ меня памятью. Она говоритъ: „Я, какъ Тата, не буду торопиться итти замужъ — tu comprends²⁾“, — я буду три года смотрѣть, что за человекъ мой женихъ. Онъ долженъ быть хорошъ и заниматься большими дѣлами, какъ ты и папа-Ага; у него должна быть новая карета“. Вотъ тебѣ и идеаль. Тебя она, пообstant³⁾ всего, и любить, и помнить. Къ Татѣ и Ольгѣ рвется: „при нихъ, — говоритъ она, — мнѣ не надобно и дѣтей“. Лѣто онѣ могли бы провести вмѣстѣ, но я не буду натягивать. Сегодня я вытребовалъ твои стихи.

О домѣ еще разъ скажи Тхорж., что я буду со всѣмъ согласенъ. Пусть сдастъ, если хочеть, или оставитъ, если хочеть. Разумѣется, безъ прислуги тебѣ переѣзжать нельзя и на недѣлю. Но что же ты будешь дѣлать, когда Саш. маленькій⁴⁾ еще и Шар.⁵⁾ придутъ? Ахъ, ты, Вишну, да и только, и по „Поляр. Звѣздѣ“ тоже Вишну. Однако, безъ расписки Ут. я денегъ не дамъ.

1) Очень важно.

2) Ты понимаешь.

3) Несмотря.

4) Тутъ.

5) Шарлотта.

3001. Письмо къ С. Тхоржевскому.

15 марта (1867).

Nice, 87, Promenade des Anglais.

Любезнѣйшій Тхоржевскій, пожалуйста, поступите съ квартирой самодержавно: сдайте, если очень выгодно, оставьте, если барышъ великъ. Печь продайте съ уступкой 30—35⁰/₀. Сундукъ пока, конечно, можно поставить у Чернецкаго, даже въ банкѣ. Подумайте объ одномъ — не проще ли все это сдѣлать 1 мая. Потеря (и то неполная) 150 фр. — еще не бѣда.

Висконти еще не требуетъ книгъ.

Здѣсь настоящее лѣто; подъ окномъ на трельяжѣ бѣлыя розы въ полномъ цвѣту, въ саду черемуха. Нат. Ал. кутаеть, но я бунтую. Здѣсь, сверхъ розановъ, Гольнскій; онъ рассказывалъ, что Хоецкій въ большихъ милостяхъ и гуляетъ съ имп. ¹⁾ на выставкѣ. Онъ женился для приличія на прежней мамзели, которая съ 1854 года была у него. Гольнскій сердится, что онъ его не звалъ на свадьбу.

Прощайте. Отдайте письмо Огар., а другое — m-me Czernepky.

3002. (Общество поджигателей).

Въ 46 № „Голоса“ перепечатана статья изъ „Варшавскаго Дневника“ о существованіи за границей общества зажигателей и поддѣльвателей русскихъ кредитныхъ билетовъ ²⁾). Тамъ, между прочимъ, сказано: „Существованіе общества поджигателей, къ которому принадлежалъ Герценъ и Бакунинъ съ шайкой, — неопровержимый фактъ, а потому и было занесено въ всеподданнѣйшій отчетъ генераль-полицейстера“...

Что сказать о правительствѣ, прибѣгающемъ къ такимъ средствамъ, о негодяѣ-генераль-полицейстерѣ, надувшемъ государя (Треповъ, что ли, это?...), и о негодяѣ Краевскомъ, перечитавшемъ эту недѣльную клевету?

Порядочные люди не повѣрятъ, — до другихъ намъ дѣла нѣтъ. Мы уже отвѣчали Каткову на подобную клевету и звали его на судъ,

¹⁾ Наполеонъ III.

²⁾ „Варшав. Дневникъ“ 1867 г., № 34, „Объясненіе“.

онъ отлынилъ. Отдыняютъ и эти мерзавцы. Мы полагаемся на здравый смысл и на общественное мнѣніе и съ глубокимъ презрѣніемъ смотримъ на то, что печатаютъ фельдмаршалъ Бергъ, генералы-полицеймейстеры и литературный пристанодержатель Краевскій.

Флоренція, 8 марта 1867.

3003. Письмо къ Н. П. Огареву.

17 (марта 1867), воскресенье.

Nice.

Письмо отъ 14 получилъ. Разумѣется, если очень хочется и если печать окупается, то печатать „Колок.“ можно и къ 1 апрѣля. (Я все еще не могу убѣдиться въ томъ, что „Пол. Зв.“ пойдетъ, и, конечно, лучше готовъ бы усилить „Колок.“, но на это твоя воля).

Висконти продалъ всѣ №№ „Кол.“ и два экз. „Был. и думъ“. Скажи Тхорж., чтобъ онъ прислалъ ему *три* экз. полнаго IV тома. Вчера я заставилъ купить Голынс. и взялъ съ него 8 фр. Это — экз. N. Я возьму изъ трехъ для того, чтобъ возвратить.

Газеты ужасно интересны. Посылаю: 1-ое, „На площади Св. Марка“. Это — мой манифестъ о грекахъ (не давай Долгорукову мнѣнать, особенно подстр. замѣч.¹⁾); 2-ое, прибавку къ письму къ Аксакову. Онъ напечатаетъ мое письмо, это ясно, но теперь дѣло вышло неладно. Я не имѣлъ понятія, что и „Москва“ повторила, да еще *in extenso*²⁾, ту же новость, но при моемъ имени поставила сильный вопросительный знакъ. Такимъ образомъ, дѣло все падаетъ на Бакунина. Неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, участвовалъ?

„Колок.“ отъ 15 марта (и отъ 1 апрѣля) слѣдуетъ послать въ пакетъ или *sous bande*, но не франкируя: 1) Бергу въ Варшаву, 2) Трепову въ Петерб., 3) изд. „Варш. Дневн.“, 4) — „Моск. Вѣд.“, 5) — „Голоса“, 6) — „Москвы“, 7) изд. „Journal de St. Pétersbourg“.

Я, все же, совѣтую напечатать объ отказѣ купцовъ насчетъ желѣзн. дорогъ, по поводу шаткости зем. думъ. Съ другой стороны, хотѣлось бы упомянуть объ аккитированной бабѣ³⁾. Я написалъ нѣсколько строкъ сентиментальныхъ, но свято-искреннихъ. Усилъ ихъ, пожалуй.

Долгор. кланяюсь.

1) Подстрочисе замѣчаніе.

2) Полностью

3) См. № 3016.

Здѣсь пока тихо. У Лизы немного кашля, стало, у Н. много безпокойствъ и поронья горячки. Но, вообще, скорѣе неожиданно тихо все идетъ... Если бы Н. поняла, какъ еще и теперь легко многое исправить! Но нѣкоторыя слова вскользь показываютъ, что до этого далеко. Прощай.

Что ты писалъ Татѣ? — она мнѣ твоего письма не показала.

18-го, *понедѣльникъ*. Письмо осталось до сегодняшняго утра.

Въ „Москвѣ“ мое письмо должно быть 20—22. Слѣдите за этимъ и пришлите. Addio!

3004. Письмо къ Н. П. Огареву.

(18 марта 1867). Понедѣльникъ.

Nice.

Нѣсколько строкъ моихъ о Краев. вышли немного „алапато“, какъ говорила Лунза Ив.¹⁾; я бы вымаралъ не ругательства, а а ихъ повторенія; но бѣда не велика, а имъ — на табакъ. Пусть дѣлаютъ процессъ²⁾.

Насчетъ квартиры, жизни и пр. не могу придумать и ничего предпрѣшать. Не найдетъ ли Тхор. какой-нибудь уголь въ началѣ Каружа или по дорогѣ? Мнѣ лично надобны большая комната и видъ изъ окна, остальное все равно. Я думаю, что лучше всего оставить старую квартиру до приѣзда (*supposons*³⁾, къ 15 апрѣля). Не думаю, чтобы ты не хотѣлъ, но думаю, что ты *не можешь* снова жить одинъ. Что я былъ бы радъ, въ этомъ ты не сомнѣваешься, но врядъ возможно ли. Да и долго ли я буду въ Женевѣ? „Колок.“ безъ меня идетъ лучше.

Если возможно имѣть квартиру особо, не дорого, въ которой ты бы оставался, а я иногда уѣзжалъ, я былъ бы доволенъ. Обо всемъ переговоримъ.

3005. Письмо къ сыну.

19 марта. (1867), вторникъ.

Не понимаю, почему къ вамъ письма ходятъ дольше, чѣмъ нужно и отъ васъ тоже. Сейчасъ только я получилъ письмо отъ 15-го. Можете теперь писать и на мое имя, только ставьте адресъ четко.

¹⁾ Мать, — вмѣсто „алапавато“.

²⁾ Рѣчь идетъ о № 3002.

³⁾ Предположимъ.

Теперь, Саша, тебѣ порученія. 1-ое, отослать сейчасъ Бакунину прилагаемую записку. Аксаковъ, у котораго остался ко мнѣ *фебль*¹⁾, помѣстилъ о зажигательствѣ, но у моей фамиліи поставилъ большой ? въ скобкахъ, а у Бакунина нѣтъ. Я Аксакову прежде послалъ письмо и увѣренъ, что онъ его напечатаетъ.

То же слѣдуетъ сдѣлать Бакунину.

2-ое, скажи Ге, что въ „Спб. Вѣд.“ (вѣроятно, между 8 и 12 мар. нов. ст.) длинная статья о его „Воскресеніи“, и совершенно въ его пользу. Вотъ ты что еще ему скажи: что онъ бы меня страшно одолжилъ, сдѣлавши портретъ Ог., когда будетъ въ Женевѣ. Я и Ог. уломаю. Узнай стороной у Желѣз. или Забѣлло или Frik., если онъ согласится за деньги, цѣну. Но въ послѣднемъ будь остороженъ, онъ можетъ обидѣться.

Вѣроятно, „Был. и думы“ получены; отошли сейчасъ Фрикену его экземпляръ. Visconti продалъ два бывшіе у него экз. и всѣ „Колокола“. „Колоколь“ не забудь послать Заб., Жел. и пр.

Письмо отъ Мальвиды получилъ (несмотря на то, что она франкировала 20 сант., вмѣсто 40!) и очень имъ доволенъ.

Case of the photograph Olga²⁾.

„Портретъ Ольги привелъ меня въ восторгъ.“

Н. Огаревъ.

Портретъ Мадемуазель Ольги я отиесъ; онъ очень хорошъ и большую пріятность съ красотой въ себѣ заключаетъ, также перемѣну.

С. Тхор.

Портретъ почтеннѣйшей дочери почтеннѣйшаго Ал. Ив. помѣщенъ *въ числѣ* декабристовъ, въ альбумѣ.

К. П. Долгор.

Очень обрадовался портрету.

Adieu. — Прощайте-сь.

Л. Чер.

Я такъ буду волосы чесать.

Лиза.

(Продолж. въ слѣд. листѣ).

Прощай.

¹⁾ Le faible — слабость.

²⁾ Дѣло о фотографіи Ольги.

3006. Письмо къ Н. П. Огареву.

20 марта (1867), среда.
Nice.

Много приходится писать къ тебѣ и много неприятнаго. Твоя записочка сильно разсердила Н. Замѣчаніе о Лизѣ было нѣсколько странно по отрывочности (à propos, зачѣмъ ты пишешь письма только тогда, *когда тебѣ некогда*, и всякій разъ оговариваешься объ этомъ? Тата выдумала типъ твоего письма: „Милая Т., я на-дняхъ къ тебѣ буду писать“, и черезъ два мѣсяца: „Сегодня мнѣ некогда...“); изъ-за него — разговоръ, который могъ бы остаться такъ. Но вчера пришло опять письмо отъ Сат.¹⁾ Она просто приступаетъ къ горлу, чтобъ Н. ѣхала и везла Лизу; говорить, что все будетъ улажено, требуетъ сейчасъ отвѣта, хочетъ прислать Ал. Ал. и деньги на дорогу, умоляетъ рѣшиться. О насъ ни полслова. Ясно, что Сат—а знаетъ все, и что она считаетъ меня слабымъ человѣкомъ, а дѣтей — извергами (это не сказано). И вотъ Н. требуетъ сейчасъ отвѣта. Я говорю, что Лизу я не позволю взять. „А я не хочу такъ жить“. — „Что же ты хочешь?“ — „Я не знаю, все невозможно...“ Ты можешь себѣ представить тонъ... Наконецъ, я сказалъ, что требую Сатина сюда и прежде не дамъ отвѣта. Н. *не хочетъ*, чтобы мы видѣлись съ С. Тайно она не уѣдетъ, но все вмѣстѣ предвѣщаетъ страшныя complicacii. Сатинъ, дѣйствительно, необходимъ. Труб. долженъ возвратиться для свадьбы, жду его. Но если по дорогѣ случится писать Сат., пиши съ мудростью змія.

Если такъ продолжится, я самъ начинаю думать, что придется отпустить послѣ переговоровъ Сат., крещенія²⁾ и пр. Я такъ прекрасно устроилъ вновь связь Лизы съ Татой и Ольгой, — Nat. ничего не хочетъ и всему помѣшаетъ. Я хотѣлъ, чтобы Тата пріѣхала въ концѣ мая сюда и подождала бы Мейз. и Ольгу да, сверхъ того, и моего возвращенія въ началѣ іюля. Мейз. и Ольга должны были бы жить особо (квартиры лѣтомъ даромъ), и былъ бы послѣдній опытъ. Его Н. уже совершенно сгубила, а между тѣмъ, несмотря на порывы любви, намъ съ тобой нечего считать *ни на какую пощадy*, — тревога и самолюбіе, все же, на первомъ планѣ.

У Лизы катарръ; избаловавши ее всякими причудами, Н. вчера ее ругала (я иначе не могъ сказать) на чемъ свѣтъ стоитъ за то, что она не принимаетъ лѣкарства... Я долженъ былъ вступиться. Языкъ

1) Е. А. Сатина.

2) Лиза, какъ и Тугцъ, не были крещены.

ее губить. Я смотрю, какъ докторъ, удерживаю себя, но не могу же всегда — и начинаю пережевывать мысль о русской семьѣ для Лизы, не имѣя возможности что-нибудь сдѣлать изъ своей. (Изъ письма Сат. видно, что Н. ихъ страшно настрашала Лизиной болѣзнью и что ее покинули одну.)

Напиши (когда тебѣ *есть когда*) твой совѣтъ... очень обдуманно. Я буду ждать.

Прибавь къ нѣсколькимъ строкамъ объ аккитированной ¹⁾ женщинѣ, что защитникомъ ея былъ князь Урусовъ ²⁾.

Вѣроятно, Краев. сдѣлаетъ процессъ. Бѣда не велика, лишь бы достать очень ловкаго адвоката. Развѣ, противъ Разина ³⁾ — Рѣзина ⁴⁾.

Хотѣлъ съ Гол. ⁵⁾ на общій ф., — нѣтъ, не поддается. А. Шуваловъ ⁶⁾ ему навралъ съ три короба о нигилистахъ, о томъ, что Мил. ⁷⁾ представлялъ насъ въ правительствѣ, etc., etc..

¿Прислать или нѣтъ статью „Венеція“? — и вздоръ, и дѣло; рѣчь о будущности Италіи и, начинаясь съ шутки, опять идетъ къ нашимъ финансамъ (но не чухонцамъ).

Я говорилъ съ D. Granvillier (парижской школы, но ничего) о Лизѣ. Онъ, разумѣется, говоритъ, что тогда былъ небольшой бронхитъ, а теперь катаръ. Железы опухли немного; онъ совѣтуетъ въ іюніи море, въ іюлѣ сѣрныя ванны, — здѣсь есть возлѣ.

3007. Письмо къ Н. П. Огареву.

22 марта (1867), пятница.

Я съ тобой не согласенъ и прошу письмо къ Аксакову напечатать въ слѣд. № (т.-е. 1 апрѣля). 25—26 мар. ты увидишь, будетъ у него или нѣтъ. Если будетъ, прибавь въ скобкахъ: „было помѣщено“; если нѣтъ, пусть знаютъ. Это ясно. Къ Бакун. я писалъ; я самъ его на свой страхъ не беру.

Висконти продалъ всѣ „Колок.“, я ему отдалъ свои. Новыі экз. „Был. и думъ“ тоже, пр. ⁸⁾ 1 экзѣм.

¹⁾ Acquiter — оправдать.

²⁾ Александръ Ивановичъ, извѣстный адвокатъ.

³⁾ Краевскаго звали „Стенька Разинъ“.

⁴⁾ Raisin — франц. адвокатъ.

⁵⁾ А. Голынкій.

⁶⁾ Андрей Павловичъ, гр.

⁷⁾ Николай Алексѣевичъ Мцдютинъ.

⁸⁾ Пришли.

Статьку о Греціи надобно поставить въ сред. 1) Я на Шув. сердитъ за вздоръ, который онъ мелеть.

Чернецкаго поздравляю. Когда выйдетъ Серно-Сол. брошюра, прошу купить и послать 1 экз. Каткову и 1 въ „Вѣсть“. Они ухватятся за нее обѣими руками, и Сер.-Сол. не вынырнетъ.

По всему видно, что „Пол. Звѣзда“ — твоя фантазія съ Мечниковымъ.

Статью о Венеціи и Италіи (*paris prima*) написалъ. Она хороша, но за нее въ Европѣ не поздоровится „Колоколу“. Итакъ, фюрстъ 2) ѣдетъ; попробуемъ „Москов. Вѣд.“, „Вѣсть“, „Спб. Вѣд.“ съ 1 іюля, но, вѣдь, подписываться слѣд. послѣ 1/2 іюля европейскаго.

У Лизы продолжается катарръ, это скучно. Онъ долго не пріучатся къ горному климату: днемъ на солнцѣ духота, вечеромъ свѣжо. Сегодня ее тошнило и давали *irएसасип'у*. Опаснаго ни тѣни.

Н. еще отвѣта не писала. Теперь она выдумала — присягаю, что она мнѣ не говорила этого прежде, — что она „давно мнѣ сказала, что она *одну* Лизу хочетъ отправить въ Россію, а сама исчезнуть“ и пр. Это еще нелѣпѣе и потому *меньше* страшно. Да какъ же заарканить Сатину? ее надобно пугнуть.

Отказъ выписать Сат. продолжается, но послѣ сердечнаго разговора *rather* 3) тихо. Къ Татѣ зова не пишетъ, а я безъ этого не дамъ разрѣшенія ѣхать.

Прощай.

23, суббота. Лиза все еще совсѣмъ простужена. Это очень скучно; я ужъ отъ нечего дѣлать вчера купилъ табакерку и на 3 су нюхат. табаку.

Вчера забылъ послать.

3008. Письмо къ Н. П. Огареву.

26 марта (1867), вторникъ.

Переписка очень трудна по странной *неаккуратности* почты. Твое послѣднее письмо пришло двумя днями позже, а газеты — тремя; посылаю банду 4). Все это отнимаетъ много комфорта въ жизни.

Зачѣмъ ты попускаешь себя въ какой-то дѣтскій или старческій бредъ? Гдѣ *штоффъ* 5) столкновенія твоего съ Ал. Ал.? Стало, ты

1) Поставлено въ началѣ нумера.

2) Кн. П. В. Долгоруковъ.

3) Скорѣе.

4) La bande — бандероль.

5) Stoff — сущность.

и письма моего не понимая, Ел. С—а пишетъ, что если N. рѣшается ѣхать, то Ал. Ал. придетъ за ней и Лизой въ Ниццу. Онъ вовсе ѣдетъ не какъ justicier¹⁾, да и въ послѣднемъ случаѣ одинъ отвѣтчикъ — я. Мнѣ просто больно, что, вмѣсто истинной стороны дѣла, ты взялъ ложную.

N. хотѣлось бы сблизиться съ Татой и даже съ Мейз., но она не хочетъ сдѣлать шагу; и я не сдѣлаю. Со мной послѣ интимизаціи лучше; она ясно видитъ отпоръ; и С—на не выписываетъ, стало быть, С. ей страшень. *Дѣло это пока въ моихъ рукахъ.* Но что за странная женщина С—а! Соваться въ дѣло, не зная au fond ничего. Что дѣти оклеветаны, это ясно.

Теперь о Лизѣ. Сегодня недѣля, какъ она опять въ постели. Катарръ съ лихорадкой, кашель и, наконецъ, желчь; желчь даже замѣтна въ глазахъ и лицѣ. Ея здоровьемъ слѣдуетъ заняться серьезно. въ половинѣ мая купаться въ морѣ, въ іюлѣ ѣхать на сѣрныя ванны. Тутъ варіацій до августа дѣлать мудрено, но вопросъ: а что дальше?

Школы здѣсь плохи, это правда. Но Лиза *не можетъ жить одна съ N.* Это нравственно и физически губительно. Я готовъ на всякую жертву, но что же я сдѣлаю? Мое присутствіе поможетъ, но это мало. Ей нужна здоровая среда, дѣти, здоровая женщина. Конечно, Тата могла бы много сдѣлать, но и то не въ присутствіи N. . .

Вотъ вамъ и hiatus²⁾. А когда я это говорю, N. отвѣчаетъ, что именно потому она ее и хочетъ везти въ Россію. А потомъ опять возвраты и желаніе устроиться какъ-нибудь.

Я думалъ и о Кольмарѣ, и о Страсбургѣ, даже о Марсели и Генуѣ. Въ Генуѣ школы есть, но больше половины года я не могу же жить тамъ.

Зачѣмъ же тебѣ заарканивать Долг. въ дѣлѣ С.-С.? Да пусть онъ его оборветъ. Но такъ какъ я отвѣчать въ „Колок.“, вѣроятно, не стану, то ты и заяви впередъ, что въ „Кол.“ нельзя отвѣчать³⁾.

Стало, въ „Пол. Зв.“ ты совершенно воротился къ моей мысли, т.-е., что если мы хотимъ изд. ее, то мы одни и можемъ. Стало быть, я былъ совершенно правъ насчетъ милыхъ и бездарныхъ galopins⁴⁾.

Lesser долженъ продавать двойные №№ за 1 фр. 10 сант.; стало, лишняго онъ беретъ 10 Visconti беретъ больше, говоря, что отъ 1 мая до 1 ноября онъ вовсе не продаетъ „Кол.“.

1) Судья.

2) Проказникъ.

3) Въ брошюрѣ Серно-Соловьевича Долгоруковъ обвиненъ въ доносѣ швейцарской полиціи на русскую нелегальную типографію.

4) Остановка.

О „Пол. Звѣз.“ поговоримъ при свиданьи. Я думалъ ѣхать 10-го апр., но теперъ не знаю. Хочу, чтобъ Лиза совершенно при мнѣ оправилась.

Конечно, съ Долг. можешь переговорить насчетъ Сат. Писать ему нечего, кромѣ того, чтобъ онъ остановилъ жену или бы пріѣхалъ самъ, ну, на двѣ недѣли. Однако, случай долженъ быть сто разъ вѣрный, а не то — ждать. Въ крайности можешь писать и къ Ал. Ал., но его звать не слѣдуетъ.

Если нѣтъ особ. матеріала, то слѣд. „Кол.“ издать надобно 1 мая (напоретесь вы на отсутствіе статей). „Венеція“ послѣ, теперъ она нейдетъ.

Я только по письму Чернец. знаю, что ты получилъ статью о греческ. возстаніи. Не пропало ли письмо? Одно было отъ 18, другое отъ 23 ¹⁾.

Пять дней. Ты бы записывалъ. Я очень прошу сейчасъ отвѣтить на это письмо, отъ 26, тотчасъ отвѣчать; 30 отвѣтъ долженъ быть здѣсь, т.е. въ субботу.

Коррек., о которой писалъ Чернецк., не приходила.

Лиза отъ желчи очень сердита и раздражительна. Объ ученіи, разумѣется, нѣтъ помину.

Прощай.

Долг. усерднѣйшій поклонъ.

3009. Письмо къ С. Тхоржевскому.

28 марта (1867), четвергъ.

Вотъ что необходимо, милѣйшій панъ: имѣть у кого-нибудь складъ русскихъ книгъ въ Парижѣ на время выставки и прямое коммисіонерство, чтобъ можно было выписывать. Надобно сдѣлать объявленія и ихъ какъ-нибудь помѣстить въ кафэ (при выставкѣ десятки). Луг. ²⁾ все какъ-то дуется и опять не писалъ больше двухъ мѣсяцевъ. Подумайте объ этомъ.

Что сдѣлалось съ Мерчинскимъ и гдѣ говоритъ онъ „виновать!“? Ог. писалъ имъ то, что онъ хочетъ ѣхать.

1) Ты ничего не писалъ о статьѣ о Греціи и прибавкѣ къ Аксакову; если помнишь, справься на почтѣ. А. И. Г.

2) В. Ѡ. Лугининъ.

Гольинскій еще здѣсь, играетъ и выигрываетъ. На-дняхъ одинъ англичанинъ сперва проигралъ много, потомъ нарѣзался пьянъ и пришелъ опять играть; едва стоя на ногахъ, онъ вдругъ поставилъ большую сумму и выигралъ 150,000, тутъ же обратился къ одному французу и купилъ у него его мамзель за 7,000. Меня разбираетъ зависть безъ мѣры — за что же это у насъ нѣтъ денегъ на дѣло? Рискнуть бы хоть пари съ Гольинскимъ.

Дѣла типографіи, должно быть, идутъ хорошо, если 20,000 евангелій печатается.

Когда пріѣдетъ Долгор.-junior¹⁾?

3010. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

29 mars 1867.

Nice.

Le mutisme florentin ôte toute possibilité de correspondance vivante... Tata écrit peu, Alexandre rien, Olga moins, et les réponses tardives sont tirées par les cheveux, on sent que c'est une corvée qu'on, remplit et non une nécessité. Vous seule, dernière représentante de Hesse Cassel, vous „sevignez“ quelquefois... Und Gott segnet Ihren guten Wilien — en vous soumettant par un traité même le Würtemberg. Je vous félicite, Мальвида Бисмарковна, et je vous demande, ne pourrais-je pas briguer le titre de sujet de Bismark, par l'origine de ma mère et les fouctions d'un suisse devant sa porte?..

En général je suis assez triste (au fond je suis triste — comme disait Levasseur après ses farces) — la vie, la vie est difficile, beaucoup trop compliquée, the battle of life. En première ligne — c'est l'étrange état de santé de Eise. Figurez-vous que depuis le février elle a eu constamment qq. chose de fiévreux: et fièvre catharale, et fièvre gastrique, et enfin la jaunisse. Elle a été maintenant 10 jours au lit, aujourd'hui elle descend pour la première fois. Le temps est étrange, des journées d'été entremêlées de pluie, de vent et d'électricité à faire rompre la tête. J'ai déjà écrit à Genève que j'ai changé mon plan et que je reste une dizaine de jours de plus. L'inquiétude, le désespoir de N. vont à l'infini et sont dangereux pour L.

Quant aux projets lointains, je n'en ai pas. Je propose d'aller l'été ou près de Gênes — là on pourrait arranger une rencontre (sans pistolet), ou à Chambéry — pour Ogareff. Tout depend de mille choses.

1) Кн. Владиміръ Петровичъ.

Und was sagen Sie par rapport à toutes vos affaires. Oui, Domengé avec exagération oratoire, et moi, avec le flairé de chien, nous avons plus raison — que Monod et Erdone. A propos — savez-vous que Garibaldi est tout à fait populaire en Russie — pour sa sympathie pour la Grèce.

Holinskj est toujours ici — et joue et *gagne*.¹ Corpo di Bacco... Un de ces jours un anglais tout ivre a gagné 150,000 frs. et savez-vous ce qu'il a fait? immédiatement il a acheté la concession... d'une française venue avec un autre joueur. Je sens en moi les vellétés de devenir un brigand de grande route.

Dites à Tata que j'ai vu „Le Tour du Monde“.

Ici tout est cher, il n'y a que des volumes reliés, et les livres reliés par-dessus sont chers pour le transport. J'ai aussi vu — Adelhaid — qui a été alors pendant le naufrage — elle est maintenant la maîtresse d'un restaurant. Le vice tôt ou tard est toujours récompensé.

Adieu. — Je salue les muets et les laconiques und verbleibe dans l'espérance d'être promu an rang de prussien.

P. S. J'ai écrit un petit article sur Venise — bijou — poison...

Переводъ.

29 марта 1867.

Молчаніе изъ Флоренці дѣлаетъ совершенно невозможной оживленную переписку. Тата пишетъ мало, Александръ ничего не пишетъ, а Ольга еще меньше; запоздалые отвѣты притянуты за волосы: такъ и чувствуется, что это — исполненіе тяжелой обязанности, а не необходимость. И только вы, послѣдняя представительница Гессенъ-Касселя, вы еще „севиньируете“¹⁾ иногда. „И богъ благославляетъ вашу добрую волю“, подчиняя вамъ по трактату даже Вюртембергъ²⁾. Поздравляю васъ, Мальвида Бисмарковна. Скажите, не могъ ли бы я выхлопотать себѣ званіе подданнаго Бисмарка, благодаря происхожденію моей матери, и въ то же время мѣсто швейцара у его дверей?..

Вообще же, я достаточно удрученъ (въ сущности, я печаленъ, какъ говаривалъ Левассеръ послѣ своихъ фарсовъ) — жизнь, жизнь тяжела; очень, слишкомъ сложна борьба за существованіе. На пер-

¹⁾ Отъ фамиліи Маркизы де Севинье, французской писательницы, прославившейся своими „Письмами къ дочери“, представляющими образецъ эпистолярнаго стиля.

²⁾ Намекъ на тайный оборонительный и наступательный союз, который, везадолго до того, Вюртембергъ *принужденъ* былъ заключить съ Пруссіей противъ Австріи.

вомъ планѣ — странное состояніе здоровья Лизы. Представьте себѣ, что съ февраля у нея не прекращается лихорадочное состояніе: то катарральная лихорадка, то гастрическая, и въ концѣ концовъ — желтуха. Пслѣдніе десять дней она провела въ постели; сегодня встала въ первый разъ. И погода странная: лѣтніе дни перемежаются днями дождливыми, вѣтренными и такими, во время которыхъ атмосфера полна электричества, отъ котораго голова трещить. Я уже писалъ въ Женеву, что я измѣнилъ свой планъ и что останусь еще дней на десять. Безпокойство и отчаяніе N. безграничны и представляютъ опасность для Л.

Что касается проектовъ на отдаленное будущее, то у меня ихъ нѣтъ. Я предлагаю поѣхать на лѣто или въ окрестности Генуи — тамъ можно устроить встрѣчу¹⁾ (безъ пистолетовъ), или въ Шамбери — для Огарева. Все зависитъ отъ тысячи обстоятельствъ.

А что вы скажете касательно всѣхъ вашихъ дѣлъ? Да, Доманже съ его ораторскимъ увлеченіемъ и я со своимъ собачьимъ чутьемъ, мы были болѣе правы, чѣмъ Моно и Эрдонъ. Кстати, извѣстно ли вамъ, что Гарибальди очень популяренъ въ Россіи, благодаря его симпатіи къ Грузіи?

Голынской все еще здѣсь и играетъ и *выигрываетъ*. Чортъ возьми! На-дняхъ одинъ англичанинъ, совершенно пьяный, выигралъ 150,000 фр. И знаете, что онъ сдѣлалъ? Сейчасъ же заплатилъ отступное за французенку, пріѣхавшую съ другимъ игрокомъ. Я начинаю ощущать готовность превратиться въ разбойника на большой дорогѣ.

Передайте Татѣ, что я видѣлъ „Le Tour du Monde“²⁾.

Здѣсь все дорого; книги имѣются только въ переплетахъ, а переплетенныя дорого, сверхъ того, пересылать. Я видѣлъ также Адельгейду, которая была тогда, во время кораблекрушенія; теперь она — хозяйка ресторана. Порокъ всегда, рано или поздно, вознаграждается.

Прощайте. Кланяюсь нѣмымъ и малорѣчивымъ и остаюсь въ надеждѣ быть произведеннымъ въ пруссаки.

P. S. Я написалъ статейку о Венеціи — прелесть — ядъ...

3011. Письмо къ Н. П. Огареву.

29 марта (1867), пятница.

Письмо отъ 26 получилъ. Лизѣ лучше, она встала съ постели и сегодня, если вѣтеръ не помѣшаетъ, выйдетъ въ садъ.

Обилію матеріала въ „Колоколь“ я не надивлюсь. Но, по мнѣ, пожалуй, издавай къ 15 апр., только потомъ мы сядемъ. Моя статья

¹⁾ Rencontre — встрѣча, поединокъ.

²⁾ Журналъ, основанный въ 1860 г. E. Charton.

о Венеціи хороша, но очень опасна. Она может ухлопать „Кол.“ на время выставки; у меня ничего нѣтъ другого. Потому, что писать Тхорж., я не вижу, чтобы „Кол.“ особенно блестяще продавался. Къ будущ. Не мешааетъ сказать о причинѣ *второго* avertis. Аксакову, да и обо всей дикой реакціи (по „Indépendance“) можно сдѣлать нѣсколько строкъ. Последнее попробую.

Желудк. статья хороша; „*top école*“¹⁾, какъ говорилъ Чаад. обо мнѣ и Гран. Но я немного подожду и сдѣлаю ему печатный avertissement²⁾. Всего мерзѣе богоблудіе съ православіемъ и нападки на вольтеріанизмъ въ Румыніи³⁾.

Шувал. (Анд.) встрѣтился съ Голын. и вралъ ему всякую чушь (я писалъ объ этомъ), и твоя воля, что ты отнесъ это къ его рѣчамъ⁴⁾.

Теперь къ домашнимъ дѣламъ. На первый случай я Лизу спасъ и даже настоялъ на томъ, чтобы было написано, что я условіемъ какого-нибудь отвѣта, сужденія ставлю свиданіе съ Сат. Вспомни, что я писалъ изъ Венеціи или Флоренціи: она себя считаетъ — и непременно въ силу этого увезла бы Лизу — брошенной, оставленной. Я не читалъ ни одного письма къ Ел., но по отвѣту могу судить. Только миръ и близость могли спасти Лизу, — я это и сдѣлалъ. Я перешагнулъ всѣ остальные предметы и совершенно одержалъ верхъ. Какія бы послѣдствія ни были, они менѣе страшны, хотя я самъ, измученный борьбою, готовъ былъ уступить.

Ближайшая программа не идетъ дальше 1 іюля. Здоровье Лизы надобно укрѣпить. Она съ 1 февраля до 28 марта, въ сущности, не была двухъ дней здорова. Съ мая (втор. пол.) — купаться, а потомъ надобно гдѣ-нибудь ихъ устроить. Я выбираю рѣшительно одну дугу отъ Марсели до Генуи. Если-бъ ты хотѣлъ свиданія съ Лизой, — лучше всего Шомбергъ. N. просить, требуетъ (за свою жертву...), чтобы я возвратился къ 1 іюля и распорядился бы.

До 10-го апрѣля я не поѣду и, всего вѣроятнѣе, буду къ 15. Я хочу видѣть Лизу совсѣмъ на ногахъ. Она въ болѣзнь опять искапризничалась, но умна поразительно и память необычайная. Объ Голынск. говоритъ серьезно: „*Mais je pense que c'est un homme qui n'a jamais fait rien de bon, ni de mauvais*“⁵⁾.

1) Моя школа.

2) Предостереженіе.

3) Рѣчь идетъ о статьѣ В. И. Кельсіева, писавшаго подъ псевдонимомъ „Иванъ Желудковъ“ въ „Голосъ“.

4) Двѣ рѣчи Шувалова въ петерб. земскомъ собраніи напечатаны въ л. 238 „Кол.“.

5) Но я думаю, что это человѣкъ, никогда не сдѣлавшій ничего хорошаго и ничего дурного.

А пророс, Гол. купилъ „Былое и думы“ и приѣзжалъ съ слѣдующей контестацией¹⁾: „У васъ напечат. на 352 стр.²⁾ стнхъ Тардифъ de Melo: „Worcell, Sassonoff, Olinski, Del Balzo... etc.“, и потомъ вы говорите, что одинъ изъ названныхъ попалъ въ каторжную работу за faux. Этакъ можно подуматъ всякому, что это случилось со мной“ „Такого сквернаго мнѣнія объ васъ еще никто не имѣетъ, кромѣ васъ самихъ“, — сказалъ я ему, смѣясь.

„Москва“ съ моимъ письмомъ или съ означеніемъ полученія должна быть у тебя. Я, кромѣ „Голоса“, ничего не получилъ.

А что скажете о Бисмаркѣ и Вюрт.? что о сопротивленіи съ ашарнементомъ противъ уничтоженія *contre par contre*³⁾? да и что объ Италіи?

Rock ist weck, Stock ist weck,
Lieb' Augustin liegt im Dreck⁴⁾.

Прощай.

Желѣзновъ — не Чугунниковъ да и не князь Стальной⁵⁾, добрый человекъ — пусть себѣ печатается.

Стихи, кажется, Лиза не поняла, но письмо твое положила къ „синимъ“ — она разбираетъ письма по цвѣту бумаги.

3012. Письмо къ С. Тхоржевскому.

29 (марта 1867), пятница, 3 часа.

Письмо ваше получилъ. Еще разъ я согласенъ на всѣ ваши распоряженія по части квартиры; помните, что отъ 15 апрѣля до 15 Іюня я останусь, все же, въ Женевѣ. Квартиру я готовъ и сдать и оставить. Пуще всего поручаю ящикъ. Денегъ могу прислать или привезти, если можете ждать до 15. Въ отелѣ жить можно, но не долго, — оно все выйдетъ дорого, а въ пансіонѣ — ни за какіе мильоны.

Не посылайте Visconti больше 5 экз.

Я мечтаю о сигарахъ Clerge-B., здѣсь курить нельзя и я курю только Saroal.

1) Contestation — споръ, оспариваніе.

2) Статя о Сазоновѣ; въ этомъ изданіи т. XIII, стр. 585.

3) Какъ уплата.

4) Нѣтъ сюртука, нѣтъ палки, и дорогой Августинъ лежитъ въ грязи.

5) Намекъ на „Князя Серебрянаго“.

3013. Письмо къ Н. П. Огареву.

31 марта (1867), воскресенье.

Обращаю ваше начальническое вниманіе на слѣдующій фактъ. Я вдѣсь 20 дней. Въ нихъ получилъ два раза газеты, т.-е. разъ въ началѣ связку и потомъ *три* №№ „Голоса“. Ergo, вы газеты перестали посылать, хотя посылать въ недѣлю разъ легко. Но, стало, ничего не было важнаго. Беру „Спб. Вѣдомости“ — выписка изъ „Вѣсти“, сравненіе Каткова съ „Колоколомъ“, и очень хорошій разборъ Корша etc., etc. Что же это принцъ ¹⁾ или ты меня отняли отъ груди Скарятина? Я желалъ бы до 10 апрѣля, чтобъ вы посылали такъ, какъ было съ 18 декабря. Несмотря на то, посылаю въ „смѣсь“ тартинку о Катковѣ ²⁾. Я еще хочу написать по поводу реакціи и восточнаго вопроса нѣсколько словъ возванія къ совѣсти ³⁾.

Лиза поправляется скоро. Сумбуръ тотъ же, но на первый случай поѣздка въ Россію crushed ⁴⁾ и С. напишется о нашемъ желаніи. Ломаю голову и не могу ничего придумать для Лизы. Одна Тата могла бы выручить, но я натягивать не буду. Хоть бы женщина какая нашлась à la Saffi... Одна N. рѣшительно не можетъ ни Лизой заниматься, ни даже устроить порядокъ въ самомъ тѣсномъ кругѣ.

NB. „Колоколь“ опять надобно послать „Голосу“, „Москвѣ“, „Варш. Дневн.“ и пр.

Позже.

Письмо получилъ. Дѣлайте съ письмомъ къ Акс., какъ хотите. Въ Европѣ дѣлаютъ такъ: посылая рекламацию, печатаютъ ¹ее у себя (ex. gr., Em. Girardin и пр.). Но это не важно.

Газетъ опять нѣтъ. Что же это и Тхорж.? Мнѣ иногда кажется, что ты, по Лизиному выраженію, опять „кутаешь“ ²⁾. Такъ я сужу по почерку пришлыхъ писемъ и даже по оборотамъ и по Салевамъ.

Скажи Тхорж., что, вѣроятно, можно бы имѣть въ предметъ хорошую, большую комнату и двѣ спальни въ Сагоуг'ѣ, только съ видомъ, отъ 100 до 125 фр. въ мѣсяцъ.

Затѣмъ кланяюсь П. Влад.

Читали ли вы исторію, какъ десять поваренковъ въ Парижѣ из-

¹⁾ Кн. П. В. Долгоруковъ.

²⁾ См. № 3022.

³⁾ См. № 3020.

⁴⁾ Уничтожена, отмѣнена.

⁵⁾ Вмѣсто „кутишь“, т.-е. пьешь.

насиловали беременную публич. дѣвку, вынули ребенка и бросили въ нужное мѣсто? — всѣ арестованы.

Письмо Акс. послано 15, пришло 20, стало, 22 или 23 было бы напечатано, $23 + 5 = 28$ -го могло быть у васъ.

3014. На площади св. Марка.

Мы выходили, нѣсколько человекъ, изъ дома, гдѣ останавливался Гарибальди въ Венеціи. Одинъ итальянецъ, пріятель временъ римской республики 1848 года, отойдя со мною подъ арку, какъ-то таинственно сказалъ мнѣ:

— У меня на душѣ вопросъ, сильно занимающій меня“.

— Что такое?

— Скажите мнѣ, скажите откровенно, я васъ прошу объ этомъ, потому что самъ нахожусь въ тревожномъ сомнѣніи, что вы со стороны грековъ и славянъ?

— Да какъ же иначе... вы меня знаете не со вчерашняго дня?..

— Оно такъ... но... вѣдь, какъ тамъ хотите, вы, все же, будете на одной дорогѣ, встрѣтитесь съ русскимъ правительствомъ...

— Вы ошибаетесь, не мы встрѣтимся съ русскимъ правительствомъ, а русское правительство съ нами... да и не съ одними нами, а съ Гарибальди, — вы слышали?

— О да... да...

Пожалуй, найдутся и русскіе, которые спросятъ, что „Колоколъ“ съ турецкой или греческой стороны? Мы ни разу не говорили ни о критскомъ возстаніи, ни о славянскомъ движеніи, но теперь пора и намъ сказать, за кого мы. Мы вполнѣ, безусловно за грековъ, хотящихъ слиться съ греками, за славянъ, стремящихся освободиться отъ чужого ярма. Мы такъ же горячо и искренно желаемъ имъ успѣха, какъ желали для католической, не русской Польши отдѣленія ея отъ Россіи.

Двухъ мѣрь ¹⁾ у насъ нѣтъ, наши убѣжденія не зависятъ ни отъ

¹⁾ Въ русскихъ газетахъ повторена новость изъ Патраса о томъ, что „кандіотскіе инсургенты, попавшіеся въ плѣнъ къ туркамъ, освобождены отоманскимъ правительствомъ“. Мы не сочувствуемъ турецкимъ расправамъ, намъ противно анахроническое существованіе въ Европѣ этого народа, съ его религіознымъ и всякимъ застоємъ, съ его узкой, закабаленной совѣстью, съ его безнадежностью выйти изъ своего „Домостроя“, но тѣмъ не меньше, нельзя не улыбнуться при мысли, какъ неловко было читать эту новость обществу, бражничавшему въ честь Муравьева (доказавшаго впоследствіи, что онъ былъ только тупой извергъ безъ всякихъ способностей) и его журнальнымъ лейбъ-труба чамъ въ родѣ Каткова. Неправославный обладатель правовѣрныхъ понимаетъ, что инсургентовъ, взятыхъ въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, нельзя ни судить плащъ-маіорами и всякой гарнизою, ни вѣшать, ни разстрѣливать, ни по-

географической долготы и широты, ни отъ патриотической алчности и скопидомства, а потому-то мы такъ же братски привѣтствуемъ грековъ на Критѣ, какъ привѣтствовали въ 1863 году поляковъ на Вислѣ.

3015. Двѣ рѣчи графа А. П. Шувалова¹⁾.

Одинъ изъ пріятелей нашихъ доставилъ намъ напечатанныя въ Берлинѣ: „Двѣ рѣчи гр. А. П. Шувалова“, произнесенныя имъ въ *петербургскомъ земскомъ собраніи по поводу закона 21 ноября*. Мы перепечатаваемъ ихъ здѣсь. Политическія мнѣнія наши во многомъ расходятся съ мнѣніями графа, но мы не можемъ не отдать полной справедливости его энергіи и гражданскому мужеству, — качествамъ, къ сожалѣнію, столь рѣдкимъ между нашими земляками, которые отважно идутъ навстрѣчу пулямъ и пушкамъ, а трусятъ передъ неудовольствіемъ правительства и передъ гнѣвомъ тайной полиціи.

3016. Дѣло крестьянки Волоховой.

Дѣло это читателямъ нашимъ извѣстно — несчастная женщина оправдана. Какъ должно быть странно для русскаго народа видѣть въ судѣ *судъ*, а не лобное мѣсто, не „болото“, на которомъ истязаютъ.

Отчетъ процесса оканчивается такъ:

„Г. защитникъ²⁾ закончилъ свою рѣчь словами: „Я, г.г. присяжные, не прошу у васъ смягчающихъ обстоятельствъ для подсудимой, я убѣжденъ, что вы ее оправдаете“.

„Затѣмъ послѣ рѣчи г. предсѣдателя, въ которой онъ рассказывалъ обстоятельства дѣла, присяжные удалились въ залу совѣщаній и, возвратившись черезъ 10 минутъ, на вопросъ суда: виновна ли подсудимая крестьянка Мавра Егорова въ предумышленномъ убійствѣ мужа своего Алексѣя Волохова, отвѣчали: *нѣтъ, не виновна*.“

сылать на каторгу... а благовоспитанный, благогерманизированный, благовѣрный и благочестивый самодержецъ всея Россіи не понимаетъ этого. Только стирая мрачныя слѣды недавнихъ гоненій и преслѣдованій, можемъ мы, честно и прямо глядя, явиться помощниками правому дѣлу. Безъ раскаянія и отреченія отъ муравьевскаго гноя мы представимъ на Востокъ противное зрѣлище какого-то кроваваго паяца, у котораго одна ластовка сшита изъ указовъ о ссылкахъ за мысль, за любовь къ своему краю, а другая — изъ благородныхъ сочувствій къ освобождающимся грекамъ и всѣмъ славянамъ — *не полякамъ*. А. И. Г.

¹⁾ Андрей Павловичъ, спб. губернской предводитель дворянства.

²⁾ Защитникъ Волоховой кн. Урусовъ съ тѣхъ поръ сталъ любимой знаменностью русской адвокатуры.

„Зала потряслась отъ рукоплесканій; предсѣдатель, громко позвонивъ, остановилъ восторгъ публики. Когда предсѣдатель объявилъ подсудимую отъ суда свободною, она бросилась цѣловать руки у защитника и, поклонившись судьямъ и присяжнымъ, проговорила со слезами: *благодарствую, что вы меня, невинную, освободили отъ суда*“.

Мы не знаемъ, многіе ли поймутъ, до какой глубокой степени потрясли насъ эти строки. Мы ихъ прочли десять разъ съ волненіемъ въ груди, со слезами на глазахъ. Ни даль, ни лѣта не могли ослабить ту связь родства, которая съ дѣтства связала насъ съ народомъ русскимъ. Впрочемъ, можетъ, найдутся еще люди, которые поймутъ это!..

3017. Письмо къ Н. П. Огареву.

2 апрѣля (1867), вторникъ.

Письмо отъ 30-го получилъ. Такъ какъ Долгор. тебя наказалъ за то, что ты мнѣ газетъ не давалъ, а давалъ ихъ Гулевичу, то я, признавъ въ этомъ персть божій, перехожу къ другому.

Записка твоя къ П. В. нѣсколько сентиментальна и, по мнѣ, очень коротка. Это все меня поддерживаетъ въ мысли „кутанья“.

Теперь къ письмамъ. Я теряю всякую латынь. Отчего ты не пишешь *prosaïsch*? Письмо отъ ХХ получилъ. Я писалъ письмо и отослалъ въ немъ почтовый тимбръ¹⁾ газетъ, — получилъ ли ты? Я писалъ потомъ длинное письмо и, наконецъ, отъ 31 марта. Чтò не получено? Письмо съ тимбромъ очень замѣтно. Здѣсь тихо, хотя иногда и бываютъ вспышки, главное — отъ несбыточныхъ плановъ и отъ горестнаго желанія оправдать себя на счетъ другихъ.

Вѣроятно, къ 15 буду.

Лиза выздоровѣла. На дворѣ лѣто (хотя весь мѣсяцъ былъ тяжелъ и электриченъ). Вчера она говоритъ, что будетъ издавать „Колоколь“, „*mais un peu plus aristocratique*“²⁾. Потомъ я ей говорилъ: „какъ это ты такъ умна и такъ шалишь?“ „Это, говорить, вотъ чтò: *je ne suis pas sage, mais intelligente*“³⁾. Это хоть въ академической словарь.

Если чтò найду въ газетахъ, пришлю въ „смѣсь“.

Насчетъ писемъ желаю отвѣта.

1) Timbre — печать, штемпель.

2) Но нѣсколько болѣе аристократическій.

3) Я не благоразумна, но понятлива.

Ну, что же, молодой старецъ, чѣмъ порѣшили на свиданіи съ Ут., Жуков.?

Разумѣется, до письма о днѣ отъѣзда все посылать по старому
Прощай.

А я, грѣшный челоуѣкъ, предвидѣлъ, что интрижка съ Дол. ¹⁾ не долго останется въ любвахъ.

3018. Письмо къ Н. П. Огареву.

3 апрѣля (1867), послѣ обѣда.

Журналовъ получилъ связку и одинъ „Голось“ особо (а не два, какъ ты пишешь). Интереснаго бездна и въ русскихъ, и въ иностранныхъ журналахъ. Посылаю вторую „первую Грецію“ подъ загл. „Жаль“.

Погодинъ издаетъ журналъ ²⁾. Пошли ему (Москва, Дѣвичье поле, въ собств. домѣ) прошлый № и тотъ, въ которомъ будетъ письмо Аксакову. Я готовъ къ нему написать письмо длиннѣе, — его не скомпрометируешь, да и мы постоянно боимся вздору. Читаль статью Родіонова ³⁾ о Гарибальди въ Венеци.

Слѣдуетъ напечатать въ „смѣси“ о Петрашевскомъ и милое рѣшеніе о „Пастуховѣ“.

Лиза здоровѣе, но все еще не совѣмъ. Разныя чудеса съ ней творятся. Надобно укрѣпить нервы, надобно холодную воду, морскія ванны, двигаться больше. Повторяю, весна тяжела до невозможности, даже здѣсь (въ Неаполѣ землетрясенье) безпрестанныя сухія вьюги и вьюги съ дождемъ. На дворѣ совершенно тепло, но дышать щельзя, и голова болитъ даже у Голынскаго. Сегодня письмо отъ С—ной... потише гораздо. Н. не поѣдетъ, а будетъ грозить во всѣхъ *нужныхъ* случаяхъ.

Вотъ новый анекдотъ Лизы. Не понимаю, откуда она взяла слово „аристократъ“, которое произноситъ „astocrat“. Она говоритъ, что будетъ издавать „Колоколь“, „mais plus astocratique“ — А знаешь ли, что аристократовъ вѣшаютъ на фонарь? — Она слѣлала мину и говоритъ: „C'était bon du temps de Robespierre“ ⁴⁾. Ог., я увѣряю тебя, что съ моего приѣзда о Робеспьерѣ рѣчи не было.

1) П. В. Долгоруковъ.

2) „Русскій“.

3) Николай, корреспондентъ „Голоса“.

4) Это было хорошо во времена Робеспьера.

4 апреля.

Вчера опять была сильная вспышка du vieux mal¹⁾, опять обвинение всѣхъ, желаніе отъѣзда въ Россію и, наконецъ, требованіе окончательнаго устройства... Я много говорилъ, кончилось слезами... но не раскаяніемъ и не пониманіемъ.

Письмо отъ 1 пришло сегодня. Жаль, что ты ни разу порядкомъ не отвѣчалъ ни о числѣ писемъ, ни о числахъ. Вообще, ты пишешь опять письма, когда тебѣ некогда, и въ какомъ-то вихрѣ. Пришло, да или нѣтъ, письмо, въ которомъ были почтовые марки?

Слогъ мѣстами въ „Колок.“ очень небреженъ, а то бы „смѣсь“ была возможна²⁾.

О полученіи письма пиши сейчасъ: „Письмо отъ 4 получ.“.

Вѣроятно, 12-го отсюда поѣду.

Ге будетъ на-дняхъ въ Женевѣ. Я интригую, чтобъ онъ сдѣлалъ твой портретъ.

1. Николай Родіоновъ былъ агентомъ агента III Отдѣленія, чего Герценъ не зналъ. Вотъ, напримѣръ, его письмо 1869 г. своему патрону во время ловли за границую С. Г. Нечаева:

„М. Г. Антонъ Ивановичъ, кажется, я держу въ рукахъ нить *чего-то*. Не знаю еще до чего именно это „что-то“ касается, — до Эмса или до Петербурга. Панъ Межвинскій вовсе не такой простофиля, какимъ прикидывается. Онъ съ Бакунинымъ все время здѣсь не разлучался, переписывается съ нимъ и знаетъ, кажется, гдѣ Нечаевъ. Одинъ пріятель мой, италіанецъ, прослѣдилъ его и говорить, что что-то да орудуютъ они вмѣстѣ; даже меня предупреждалъ, чтобъ я былъ съ нимъ осторожнѣе, не пояснивъ, впрочемъ, въ чемъ осторожность эта должна заключаться. Если Межвинскій не сжигаетъ бакунинскихъ писемъ, я ихъ достану. Надо только двѣ вещи: во-первыхъ, денегъ, а во-вторыхъ, одного очень опытнаго, непремѣнно русскаго, агента, который могъ бы явиться сюда по первому моему востребованію. Чуть ли не на границѣ между Швейцаріей творится вся эта махинація. Съ глубокимъ почтеніемъ и неизмѣнною преданностью, остаюсь всегда готовый къ услугамъ *Ник. Родіоновъ*. Миланъ, 18 мая 1870. По-корнѣйше прошу извинить, что письмо не франкировано, но такъ поздно, что всѣ лавочки заперты“. Помѣтка карандашомъ: „Родіо-

1) Старой болѣзни.

2) Многое писалось кн. П. В. Долгоруковымъ, остальное — Огаревымъ.

нову приказано выдать 1000 франковъ, которые и будутъ высланы чму полковникомъ Никифораки* (Антонъ Николаевичъ).

Изъ прочей переписки видно, что, вообще, Родіоновъ оказывалъ неоднократно услуги III Отдѣленію (Архивъ III Отд. С. Е. И. В. канц. 3 эксп. 1869 г., дѣло № 112, приложенія).

3019. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

4 av. 1867.

Carissime Prussophile et florentine. J'ai reçu aujourd'hui votre lettre, j'écrirai demain à Luige, à Berlin pour me faire bis-Martien et à l'instant même pour vous serrer la main.

Oui, le printemps est très lourd même ici il y a une pression et une tension électrique qui vous accable et qui donne des maux de tête même à Holinsky.

Je pense partir le 12. Tchorzewsky a tout arrangé à Genève avec la maison.

Jetez au diable „La Nation“ et tâchez de lire un journal sérieux, les temps sont orageux — et la Russie n'aurait pas donné comme simple pourboire les aléoutes, les tchtchoukchi et autres compatriotes avec des noms si doux — pour les beaux yeux de l'Amérique.

Eccolo que... l'imbroglia, -- regarde „la Cloche“ — elle se met déjà du côté de la Grèce — au milieu du Carême.

Votre incurable

Prussien futur et ami

¿Quels sont les „latest news“ sur votre déménagement au 1-er mai — des détails feront un plaisir, les particularités ne seront pas refusées?

Переводъ

4 апр. 1867.

Дражайшая пруссофилка и флорентинка! Сегодня я получилъ ваше письмо. Завтра напишу Луиджу въ Берлинъ, чтобы сдѣлаться bis-Martien ¹⁾, а теперь пишу, чтобы позжать вамъ руку.

Да, весна нынче очень тяжелая; даже здѣсь чувствуется тяжесть и напряженіе электричества, которыя гнетутъ, и отъ которыхъ голова болить даже у Голынского.

¹⁾ Bis — дважды; Martien — находящійся подъ вліяніемъ Марса.

Я думаю выѣхать 12-го. Въ Женевѣ по дому все устроилъ Тхоржевскій.

Бросьте вы къ чорту „La Nation“ и старайтесь читать какую-нибудь серьезную газету. Времена теперь бурныя, и Россія не отдала бы зря, какъ на водку, алеутовъ, чукчей и другихъ нашихъ соотечественниковъ съ ихъ столь благозвучными именами изъ-за прекрасныхъ глазъ Америки.

Что за сумбуръ! Обратите вниманіе на „Колоколь“ — газета уже переходитъ на сторону Греціи среди поста.

*Вашъ неизлѣчимый
будущій пруссакъ и другъ.*

Каковы послѣднія новости вашего переѣзда на другую квартиру 1-го мая? Подробности доставятъ удовольствіе; не будутъ отвергнуты и частности.

3020. Жаль.

Да, ужасно жаль, что именно теперь, въ ту минуту, когда передъ Россіей раскрывается съ неожиданной быстротой великое историческое дѣло, правительство, не умѣющее ни остынуть отъ польскаго возстанія, ни прійти въ себя отъ каракозовскаго выстрѣла ¹⁾, тащится безсмысленной, тупой реакціей, топчетъ лучшіе всходы, раздѣлываетъ сегодня, что само вчера сдѣлало, и, сѣя дома смерть и гоненія, хочетъ вдаль пожимать лавры освободителя.

Такимъ Гаррикомъ, смѣющимся одной половиной лица и плачущимъ другой, ему не удастся быть; по натуральному влеченію оно съ головой уйдетъ въ тревожную и ненужную борьбу съ русскимъ развитіемъ и съ тѣмъ вмѣстѣ исказитъ и загрязнитъ греко-славянское дѣло.

Время наше, что ли, не пришло?

Но, вѣдь, историческую стрѣлку можно до извѣстной степени подвигать. Наши опекуны это знаютъ и именно теперь, когда надобно ринуться впередъ, двигаютъ ее назадъ. Видно, мы еще не довольно очистились отъ нашихъ и чужихъ грѣховъ... Видно, ихъ довольно на нашей совѣсти.

Такой совокупности, такого сцѣпленія обстоятельствъ, событій, даже случайностей Россія не дождется вѣками... Ей стоитъ сбросить

¹⁾ Вскорѣ будетъ построена часовня въ память неудавшагося выстрѣла, по настоятельному желанію государя! Что же, этотъ памятникъ увѣковѣчитъ: возможность выстрѣла или его неудачу?²⁾ А. И. Г.

²⁾ Часовня у воротъ Лѣтняго сада построена.

съ себя на прокатъ взятый мундиръ, которымъ она пугала своихъ и чужихъ, выдавая себя за нѣмецкаго офицера; стоитъ поступиться дикими привычками самоуправства, вполнину сбитыми силой обстоятельство; поступиться дикой алчностью на поземельные захваты, — чтобъ прямо и смѣло, безъ дипломатическихъ прозрачныхъ обмановъ, безъ уколовъ исподтишка, безъ ударовъ изъ-за спины, безъ пальто Меншикова ¹⁾ и мороченья англійскаго посла, стать во главѣ *восточнаго движенія*.

Вѣдь, это — дверь въ новый томъ всемірной исторіи, и мы не взойдемъ въ нее, не растворимъ ее *à deux battans* ²⁾, потому что, погруженные въ мелкія дразги дома, озабоченные добиваніемъ Польши, искаженіемъ народнаго воспитанія, унятіемъ земскихъ собраній, свободной рѣчи и неминуемаго соціального развитія, мы не имѣемъ возможности сосредоточиться на главномъ вопросѣ, — на вопросѣ, который увлекъ и поглотилъ бы все, обмылъ бы все, и который мы, пожалуй, сгубимъ, вмѣсто помощи. Мы — слишкомъ полиція, слишкомъ смиренный домъ, чтобъ быть исторіей и ареопагомъ народовъ. Мы боимся за изношенную до дыръ голштинскую порфиру, перешитую изъ петровской, а ее-то и надобно бросить къ чорту для того, чтобъ начать свою, русскую жизнь. Въ ея-то швахъ, въ ея вытертомъ горностаѣ сидятъ всѣ эти Шуваловы, Валуевы, Толстые; самъ водяной трихинъ Муравьевъ могъ только воспитаться въ ея гнилой мездрѣ. Человѣкъ, носящій ее, поневолѣ, вмѣсто того, чтобъ твердымъ шагомъ итти впередъ, стоитъ на одномъ мѣстѣ и чешется.... А исторія идетъ, не дожидаясь.

Мало скорбей въ жизни, которая бы такъ сокрушала человѣка, такъ подавляли, какъ бесплодное пониманье, рядомъ съ невозможностью убѣдить сбившихся съ дороги, что они сбились съ нея и ищутъ выхода тамъ, гдѣ его нѣтъ.

Слабую надежду нашу, что наши слова у кого-нибудь да отзовутся въ сердцахъ, основываемъ мы на извѣстной притчѣ евангельскаго вертоградара, бранившагося, но шедшаго на работу.

Странна участь нашего дальняго звона. Теперь стараются не слыжать его. Прежде слушали его съ тѣмъ удивленіемъ, съ которымъ всѣ непривыкшіе къ языку свободнаго человѣка, слушаютъ въ первый разъ заявленный протестъ... потомъ насъ стали ругать, что бы мы ни говорили. Во все это время мы неуклонно шли своей дорогой; нашу неизмѣнность признали за нами злѣйшіе враги, и часть того, что мы проповѣдывали безпрерывно, такъ или иначе, осуществилась.

¹⁾ См. X т., стр. 389.

²⁾ На обѣ половинки.

Мы не хотимъ сказать, что это дѣлалось вслѣдствіе нашихъ словъ, а заявляемъ, какъ доказательство, что нашъ инстинктъ былъ вѣренъ, и мы чуяли, куда потянетъ вѣтеръ, прежде чѣмъ онъ поднимался, какъ, напримѣръ, въ американскомъ союзѣ.

Вотъ почему мы не можемъ молчать при предстоящихъ событіяхъ. Мы чуемъ поднимающуюся волну и боимся, что ею не воспользуются въ хмелю реакціи и безумія.

Восточный вопросъ застигнулъ насъ въ минуту страшнаго нравственнаго заустѣнія, въ холодный, вялый, но принявшій правильный видъ періодъ гоненій всего живого, юнаго, свободнаго. Острая горячка циническаго, комическаго, кроваваго торжества раболѣпья и азіатскихъ восторговъ о спасеніи государя смѣнилась покойнымъ, хроническимъ терроромъ олигархической реакціи, грозящей уничтожить и раздавить все, сдѣланное со смерти Николая. Зимній дворецъ и его флигеля полны злодѣями... И эти-то злодѣи дома пойдутъ освобождать славяно-эллинической міръ?

Конечно, исторія не останавливается за чистотой рукъ, она неразборчива и такъ привыкла къ обществу всякихъ разбойниковъ и искателей приключеній, что и ими достигаетъ своихъ цѣлей, но дурныя начала кладутъ ядовитый ферментъ страшныхъ болѣзней и надолго искажаютъ характеръ событий.

Россія не можетъ переработать звѣрскую сторону петровскаго переворота.

Франція не можетъ обсохнуть отъ крови, пролитой во время террора.

Венеція страстно рвалась къ Италиі; откуда же фальшивая нота. печальный звукъ въ ея радости, откуда смущенье на лицѣ итальянца?...

Оскорбленіе истины и разума, ложь, двойственность имѣютъ свою границу, за которую ходить не поведетъ къ добру...

Нельзя искоренять языкъ, брать штрафы съ дѣтей, ломать католическіе кресты, выбрасывать богородицъ изъ нишей, срывать трауръ съ женщинъ, переводить насильственно вывѣски... Нельзя купаться въ этомъ мелочномъ, гадкомъ, грязномъ, бездушномъ преслѣдованіи и плакаться о православныхъ церквахъ, о замѣнѣ русской азбуки латинской. Нельзя морить на каторгѣ Михайловыхъ, Мартыановыхъ, держать въ оковахъ Чернышевскихъ и посылать публично набранныя скадчины грекамъ, и позволять всякимъ братьямъ „птицеловамъ“¹⁾, проносить возмутительные тосты. Нельзя, не краснѣя, посылать фре-

¹⁾ Николай Николаевич Старшій.

гаты для спасенія чужихъ эмигрантовъ *направо* и цѣлыя партіи сосланныхъ за политическое разномысліе — налѣво.

Вѣдь, Россія не листъ „*Московскихъ Вѣдомостей*“, который однимъ столбцомъ душитъ побѣжденнаго поляка, а на другомъ печатаетъ революціонныя воззванія къ грекамъ и галичанамъ.

3021. Письмо къ И. С. Аксакову.

Флоренція, 10 марта 1867.

Милостивый Государь
Иванъ Сергѣевичъ,

Мы съ вами совершеннѣйшіе противники, насъ связываетъ, правда, одна общая любовь, но мы такъ разнo ее понимаемъ, что на этомъ-то общемъ чувствѣ всего яснѣ видна непереходимая рознь, насъ дѣлящая.

Но вы — честный человекъ и любите правду.

Вы меня считаете преступникомъ, злодѣемъ, но мнѣ сдается, что вы не считаете меня ни лгуномъ, ни безумнымъ. Потому-то я и рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ просьбой помѣстить въ „*Москвѣ*“ слѣдующія строки, нисколько не выходяція изъ предѣловъ вамъ предоставленной гласности.

Въ 46 № „*Голоса*“ сказано: „существованіе общества поджигателей, къ которому принадлежатъ Герценъ и Бакунинъ, слѣлалось *неопровержимымъ фактомъ* и потому было занесено въ всепод. отчетъ генераль-полицмейстера“ — и пр.

Существовало или не существовало общество зажигателей, я не знаю, хотя сильно сомнѣваюсь, но я не только въ немъ никакого, ни прямого, ни косвеннаго участія не бралъ, но, *вообще, ни къ какому обществу* не принадлежалъ и не принадлежу; почему — могутъ догадаться тѣ, кто читалъ хоть часть писаннаго мною съ 1849 года.

Ложь эта (какъ и знаменитая „*тульчинская агенція*“) является не въ первый разъ. Я звалъ на судъ обвинителей, я требовалъ доказательствъ. На судъ никто не явился, доказательствъ никто не представилъ. *Не понимаю, зачѣмъ они щадятъ меня?*

Я самъ сдѣлалъ бы процессъ имъ, хотя бы какому-нибудь Краевскому, напр. ¹⁾, но, но возможенъ ли у насъ такой процессъ?

¹⁾ Имя Краевского пропушено въ „*Москвѣ*“. Да и самъ Пилать „*Голоса*“ уже омыль руки. А. И. Г. ¹

Напечатаніемъ этихъ строкъ въ вашѣмъ журналѣ вы искренно обижаете меня, а обязывать своихъ противниковъ не часто случается человѣку...

Александръ Герценъ.

Р. S. Письмо это пролежало у меня пять дней, и я его отправилъ изъ Ниццы 15 марта.

Издатель „Москвы“ оправдалъ мое довѣріе, и напечаталъ мое письмо въ 58 л. „Москвы“. Онъ присовокупилъ къ нему слѣдующія строки, доказывающія, что И. С. Аксаковъ былъ бы плохой общественный обвинитель, что ему дѣлаетъ большую честь:

„Мы не имѣемъ причины отказать г. Герцену въ помѣщеніи этого письма. Но напрасно думаетъ онъ, что подобнаго рода голословными отрицаніями можетъ онъ оправдаться вполнѣ отъ взводимыхъ на него навѣтовъ. Пусть онъ не участвовалъ въ обществѣ поджигателей, мы охотно этому вѣримъ, но тѣмъ не менѣе его именемъ назвалась знаменитая тульчинская агенція и, стало быть, имѣла къ тому какой-нибудь поводъ. Что г. Герценъ открывалъ въ „Колоколѣ“ подписку въ пользу польскаго народоваго жонда, употреблявшаго собранныя имъ деньги, между прочимъ, на содержаніе жандармовъ-вѣшагелей, отравителей и поджигателей; что г. Герценъ былъ въ единомысліи съ Бакунинымъ, затѣявшимъ знаменитую неудавшуюся экспедицію въ помощь полякамъ, это — факты неопровержимые. Отъ солидарности съ поляками г. Герценъ не отрекался. Слѣдовательно, вопросъ только въ томъ, однимъ ли мечомъ или такъ же и огнемъ производился тотъ ущербъ Россіи, въ нанесеніи котораго г. Герценъ принималъ, если не непосредственное, то косвенное и нравственное участіе.

„Пусть въ этомъ покается передъ Россією г. Герценъ. Не можетъ же онъ не понимать, что для покаянія въ его прегрѣшеніяхъ передъ Россією нѣтъ компромиссовъ.

„И намъ хотѣлось бы думать, что для него еще возможенъ нравственный возвратъ, потому что въ искренность и чистосердечіе его заблужденій мы не переставали вѣрить“.

Если-бъ эти строки, состоящія сплошь изъ Ахилловыхъ пятокъ, писалъ кто-нибудь, а не И. С. Аксаковъ, я жестко отвѣчалъ бы на нихъ. Но у меня есть какая-то неискореняемая память сердца и, въ силу ея, уваженіе къ прошедшему, съ которымъ связаны дорогія воспоминанія, и къ лицамъ, соприкасавшимся съ нимъ.

И потому, не пользуясь выгодами, которыя мнѣ даетъ издатель „Москвы“, я спокойно и просто буду ему отвѣчать въ слѣдующемъ „Колоколѣ“. Теперь ограничусь моею искренней благодарностью за помѣщеніе моего письма.

Ницца, 5 апрѣля 1867.

◆◆ 1. Въ № 75 „Голоса“, послѣ цитаты письма къ Аксакову изъ „Москвы“ редакція заявила: „Г. Герценъ сдѣлалъ невѣрную ссылку. Въ „Голосѣ“ отъ редакціи ничего подобнаго не было сказано, но было буквально перепечатано изъ официальной газеты „Варшавскій Дневникъ“ опроверженіе сомнѣнія, выказаннаго въ иностранной печати касательно существованія заграничнаго общества поджигателей“.

3022. Соперники большого колокола и большой пушки.

Корреспондентъ „Норда“, говоря о своемъ трехнедѣльномъ пребываніи въ Москвѣ, указываетъ, какъ на двѣ рѣдкости, не на большой колоколъ, не на большую пушку, а на Филарета, 84-лѣтняго первосвятителя, и на Каткова, болѣе юнаго, но столь же великаго первоиздателя. Передъ паденіемъ одного изъ предшественниковъ Каткова, императора Николая, какой-то американскій шутъ заврался до того, что двѣ свинцовыя пули, которыми смотрѣлъ Николай, назвалъ *mild eyes*¹⁾, къ большому удовольствію „Пунша“. То же испытываетъ теперь Катковъ. Корреспондентъ посѣтилъ его и, — точно будто онъ лезилъ въ клѣтку Салтычихи, — не удивится любезности и кротости яраго редактора-инквизитора. Ужъ не клонится ли къ концу великая карьера муравьевскаго Гомера? Онъ что-то блѣднѣетъ, вывѣтривается, его начинаютъ „муссировать“ бельгійскіе корреспонденты и, что всего хуже, его ставятъ злыя „Вѣсти“ не только соперникомъ большого колокола, но и *малаго*, именно — нашего. Одинъ доѣзжачій большой барской охоты начинаетъ думать, что у „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Колокола“ одна редакція (хорошъ комплиментъ намъ!) и называетъ катковскія статьи *колокольными*. Ужъ не Катковъ ли не только выдумалъ, но и въ самомъ дѣлѣ завелъ тульчинскую агенцію?

Видно, и Каткову страшна стала пропасть, въ которую онъ пихалъ ежедневно Россію, и онъ наткнулся на предѣлъ, и нашлись люди больше Катковы, чѣмъ онъ самъ.

1) Нѣжныя глаза.

А назад-то воротиться тоже нельзя. Серафимъ-Абадонна, придется ему „печальной мыслью бродить въ минувшемъ“ и, краснѣя за настоящее, получать отъ своихъ же однокорытнниковъ обиды и толчки. Скверное ремесло — быть *рenegатомъ*.

3023. Omne exit in fumo ¹⁾.

„Нашъ дорогой гость И. С. Тургеневъ“, говорятъ „Московскія Вѣдомости“, будетъ читать въ пользу галичанъ отрывки изъ своего „Дыма“. Мы увѣрены, что И. С. Тургеневъ будетъ протестовать противъ титула „дорогого гостя“ „Москов. Вѣдомостей“. Его благородная и энергичная оцѣнка полицейской редакціи этого органа служить намъ залогомъ.

Поздравляемъ нашего знаменитаго „Охотника“ съ началомъ политической дѣятельности; агитація въ пользу галицкаго возстанія, мы надѣмся, будетъ успѣшнѣе болгарской, и отъ души желаемъ, чтобъ, несмотря на отрывки „Дыма“, она не кончилась, какъ болгарь и Травіата, *кашлемъ*, а здоровой грудью пошла бы впередъ.

3024. Новый журналъ.

М. П. Погодинъ издаетъ съ 13 марта новый журналъ подъ заглавіемъ „Русскій“. Если онъ желаетъ стараго пріятеля своего *Вѣдрина* сотрудникомъ, онъ очень радъ будетъ послать ему плоды своихъ заморскихъ чувствованій и отрывки своихъ дневниковъ.

Интересно, какое мѣсто займетъ „Русскій“ старикъ между Харибдой Аксакова и Сциллою Каткова.

3025. Письмо къ Н. А. Огаревой.

20 апрѣля 1867, суббота.

Ну, вотъ завтра цѣлая недѣля, какъ я уѣхалъ. Здѣсь устроилось все необыкновенно правильно и тихо. Я не былъ еще ни у кого. Вѣдимъ дома. Огар. приходитъ въ 5 и уходитъ въ 10. Кухарка недурна и, если-бъ не внутренняя тоска о разбросанности насъ всѣхъ,

¹⁾ Все кончилось (погибло) въ дыму.

не мысль, что тебѣ не хорошо, да и Ог. нехорошо, жить бы можно было. Представь себѣ, что, кромѣ Мерчинскаго, Долгор. и Чернец., никто еще не былъ.

Тебя, Natalie, много благодарю за твое письмо. Если-бъ твои слова и письма всегда были писаны въ этомъ тонѣ, много снялось бы тягости. Дай же за него руку. Я его перечиталъ съ Огар., и онъ былъ также тронутъ.

Затѣмъ рапортъ о воспитаніи.

Мерч. не ѣздилъ самъ, а ѣздилъ его родственникъ и, по несчастію, все, что знаетъ, знаетъ о мужскихъ школахъ. Къ Прогеръ письмо еще у меня на столѣ. Слушай, что случилось у Ап. Ап. Жемчужникова ¹⁾). Родная незаконнорожденная сестра, которую они оставили здѣсь съ цѣлью искать мѣсто въ пансіонѣ или частномъ домѣ, — негодяй попъ рекомендовалъ еѣ оставить у какой-то женевской бабы, которая просто-напросто хотѣла ее посводничать какому-то русскому, — дѣвушка (которую очень хвалятъ) написала въ Россію и бѣжала въ Clarens, гдѣ живетъ у русской дамы. Она ищетъ мѣста. Я поручилъ узнать объ ней всё подробно. Меня поразила мысль о твоей шалости насчетъ брата ея. Къ тому же она учитъ по-русски. Если ты хочешь, я сѣзжу къ ней и тогда уже поѣду къ Прогеръ. Отвѣчай скорѣй. Сближеніе это и встрѣча, чего нѣтъ, оригинальны. А хо-роши и Жемчуж. — бросать такъ дѣвушку.

Квартира, кажется, лопнула; вѣроятно, хозяину кто-нибудь далъ лишній рубль. Бѣды нѣтъ. Банетъ даетъ время, хоть до 10 мая, даже до 15-го.

Тхор. нашель одну еще въ Паки, возлѣ того, гдѣ жила т-те Salias, и другую въ Каружѣ, четверть часа отъ Огар.

„Дѣвы Орл.“ не нашли, книгъ для Лизы еще не нашель. Иду сегодня къ Георгу.

Долгор. даетъ завтра обѣдъ для моего приѣзда. Онъ *потребо-валъ*, чтобъ его сыну дали паспортъ, и паспортъ дали. Онъ приѣдетъ черезъ недѣлю.

Что же уроки?

Въ письмѣ Лизы ни я, ни Ог. не могли прочесть слово, должен-ствующее рифмовать съ „плѣшивъ“.

„Москва“ остановлена на три мѣсяца. Здѣсь всё думаютъ, что война неминуема, тогда — прощай всё Кольмары.

Будьте здоровы и, главное, здоровы духомъ, будьте посильнѣе и мужественнѣе и вѣрь мнѣ.

1) Аполлонъ Аполлоновичъ, родной братъ матери Н. А. Огаревой.

Отъ Таты милое письмо. Она рада, что ѣдутъ на дачу; это не особенно важно для всѣхъ плановъ.

Это 3 письмо, 2-ое было Лизѣ. Нашель еще одинъ портр. Лизы.

Не забудь, если будешь писать въ Россію, намекнуть о Мельгуновѣ; я буду, сверхъ Титова, писать Каролинѣ Карловнѣ¹⁾.

3026. Письмо къ К. К. Павловой.

20 апрѣля 1867.

М. Г. Каролина Карловна, вѣроятно, вы меня не забыли. Въ противномъ случаѣ позвольте вамъ себя напомнить этимъ письмомъ. Я прочель на-дняхъ печальную вѣсть о кончинѣ Мельгунова. Вы знаете, что онъ мнѣ долженъ довольно значительную сумму, именно 13,800 фр.; долгъ этотъ тѣмъ больше долженъ былъ лечь на его совѣсть, что часть его взята съ меня домою Ротшильда за поручительство. Онъ ждалъ отъ покойнаго Николая Филипповича²⁾, отъ васъ денегъ для расплаты и, не получая ихъ...³⁾ Владиміру Павловичу Титову.

Я зналъ пока Мельгунова за честнаго человѣка; онъ, навѣрное, кому-нибудь говорилъ о своемъ долгѣ; между людьми, которые ему должны, есть наслѣдники. Я не смѣю сомнѣваться, найдутся люди, которымъ честь Мельгунова дорога и которые тѣмъ болѣе позаботятся уладить это дѣло, что я не имѣю въ немъ никакихъ юридическихъ правъ.

3027. Письмо къ В.

23 апрѣля 1867.

Мнѣ очень жаль, что вышло недоразумѣніе. Постараюсь долею исправить его. Безъ сомнѣнія, давая статью⁴⁾, вамъ слѣдовало сказать, что вы желаете платы. „Колоколь“ не, оплачиваетъ расходовъ и, слѣд., плата падаетъ частью на насъ, сверхъ приплаты за печать. Участіе въ „Колоколѣ“ могло быть точно также дѣломъ пропаганды, и я не вижу причины не трудиться съ нами для общей цѣли, не приплачивая намъ, но и не получая ничего.

1) Павлова.

2) Павловъ.

3) Слово зачеркнуто.

4) „Бѣлый терроръ“.

Если-бъ я зналъ впередъ, я иначе бы распорядился. Теперь предлагаю вамъ сколько могу, именно *двѣсти франковъ*, и, если вы желаете и можете сбыть, нѣсколько экз. „Кол.“ за нынѣшній или прошлый годъ.

3028. Письмо къ О. А. Герценъ.

24 апрѣля 1867.

Женева.

Желяя тебя особенно поздравить съ знакомствомъ съ Гарибальди, пишу тебѣ на бумагѣ *zu schön*¹⁾. Итакъ, вы оба погоревали о судьбахъ Ниццы. Напиши мнѣ, что ты теперь особенно читаешь и нравится ли то, что читаешь. Пора и тебѣ приняться за Шиллера. Я Татѣ рекомендовалъ прочесть „Телля“ и „Валленштейна“, хотя бы и во второй разъ: хорошія книги растутъ съ нами. Опиши мнѣ вашу дачу.

Я посылаю „Пуншъ“ съ необычайно красивой картиной русской тройки. Мнѣ даже жаль съ ней разстаться, но у васъ коллекція.

Прочти сама и, чего не поймешь, спроси у Таты и у доктора Герцена. Мое письмо къ Аксакову — его пока я посылаю, какъ говорить Чернец., въ *mise en page*²⁾, даже въ чростыхъ корректурахъ. Оно дѣлаетъ большой шумъ.

Прощай. *Отдай Сашѣ письмо.*

Посылаю съ тѣмъ вмѣстѣ тебѣ одного веселаго старичка.

Мальвидѣ и Татѣ буду писать.

3029. Письмо къ Н. А. Огаревой.

25 апрѣля (1867), четвергъ.

№ 5.

Письма идутъ исправяѣе; твои я получаю черезъ сутки. Дѣйствительно, у меня была лихорадочность отъ зуба, теперь прошло и остался одинъ насморкъ. Погода все не устанавливается.

¹⁾ Слишкомъ красивой.

²⁾ Вѣрстка.

Итакъ, дѣло о Жемчужн. въ сторону. Я получилъ длинное и умное письмо отъ Стеллы ¹⁾ и написалъ ему цѣлую инструкцію, что разунать. Я не имѣю ничего противъ поѣздки въ Страсб. и пр., но опять тамъ для этого первое условіе, чтобъ война сошла съ горизонта.

Сдѣлай опытъ. „Дѣвы Орлеанской“ на франц. я не нашель, но нашель „Вильгельма Телля“; дай его Лизѣ, заинтересовавши ее, и понимаетъ, не понимаетъ — пусть читаетъ его. Вѣроятно, у Виск. найдете въ читальнѣ переводъ другихъ трагедій и тамъ „Дѣв. Ор.“. Во всякомъ случаѣ это — пища здоровая и чистая.

Сегодня принесли брошки; отлично сдѣланы. Часы уже отданы и будутъ готовы черезъ пять дней.

Брошюра С.-С. печатается здѣсь и выйдетъ на-дняхъ. Поляки хотятъ со мной примириться; они видятъ, что надѣлали глупости тогда.

У насъ рѣшено „Колок.“ издавать опять два раза въ мѣсяцъ, съ литературными статьями. Это лучше „Поляр. Звѣз.“. Мечник. и всѣ на меня дуются и, вѣроят., зато Огар. доволенъ. Огар. еще слабѣе сталъ съ ними. Съ Долг. онъ не въ ссорѣ, но обѣдать не ходитъ.

Банетъ, кажется, меня не тронетъ еще мѣсяцъ, — на старой квартирѣ до 1 июня. Порядокъ у насъ удивительный; Тхорж. теперъ только показалъ себя настоящимъ д’отръ метелемъ — авес gтасе ²⁾). Кухарка, точно, не существуетъ, заказъ обѣда дѣлаетъ Тхорж., и это я, дѣйствительно, ставлю въ образецъ. Огар. обѣдаетъ всякій день. Но вся атмосфера здѣсь ужасна, такая минутиами тяжесть... Ну, пока прощай. N.B. Газеты, вновъ посылаемая, отложи; ихъ, можетъ, будетъ нужно.

Пятница, 26.

Вчера всѣ ходили съ больной головой, такъ душно было. Сегодня, послѣ дождя въ цѣлую ночь, туманъ, какъ въ Лондонѣ. Нѣтъ, Natalie, жить только можно на югѣ.

Я постараюсь прислать новый журналъ „Всемирный Трудъ“. Прошу прочесть отъ доски до доски; тамъ есть и посредственныя вещи, но все вмѣстѣ бросаетъ огромный свѣтъ на современный хаосъ въ петербургскихъ головахъ. ¹⁾ Катковъ блѣднѣетъ съ каждымъ днемъ, и Скарятинъ растетъ. Онъ опять меня помянулъ въ „Вѣсти“, говоря, что ему пріятно отдать мнѣ справедливость, что я не сочувствовалъ Каракоз. Жду письма и; если нѣтъ, посылаю.

¹⁾ Савицкіѣ поступилъ на медицинскій факультетъ страсбургскаго университета.

²⁾ Съ граціей.

Получилъ сейчасъ длинное письмо изъ Берлина, — по рукѣ отъ дамы. Цѣлое увѣщаніе, идущее до дерзостей, и проповѣдь о томъ „распознайте же, наконецъ, что Катковъ — доблестнѣйшій дѣятель“... Это ужъ не опытъ для примиренія?

◆◆ 1. „Воемірный Трудъ“ М. А. Хана (потомъ еще и С. С. Окрейца) былъ однимъ изъ неудавшихся русскихъ журналовъ того времени. Вотъ содержаніе № 1: „Туѣдино“ Островскаго, „Подземный ходъ“ Вс. Крестовскаго, „Сонъ въ душный лѣтній вечеръ“ И. С. Генслера, „Принципы жизни“ Н. И. Соловьева, „Листки изъ памятной книжки“ А. Милюкова, „О Карамзинѣ“ М. Погодина, „О значеніи искусства въ цивилизаціи“ Е. Н. Эдельсона, „Карелы въ Финляндіи“ Е. И. Тихонова.

3030. Письмо къ М. А. Бакунину.

29 апр. 1867.

Твое письмо, если хочешь, я напечатаю, но позволю немного уменьшить ругательствъ. Статей жду...¹⁾ онѣ у тебя не застрянутъ въ мозговомъ проходѣ, какъ „Записки“, трактатъ о государствѣ, ректификація „Колокола“ и все остальное, тобою написанное.

Почему послѣ тѣлеснаго развода съ Россіей, дѣлаешь духовный, я не понимаю. Что твоя дѣятельность въ Неаполѣ полезна, это я оцѣнилъ теперь, бывши во Флоренціи и Венеціи и читая ваши журналы, но это не резонъ, чтобы депит²⁾ на Россію продолжать до того, чтобъ съ ней не говорить.

Ты сердисься на Россію, что она идетъ по колѣна въ грязи и крови. Да бѣда въ томъ, что и всѣ остальные народы такъ идутъ. И вопросъ, собственно, не въ томъ, чисты ли сапоги, а въ томъ, *туда ли она идетъ*. Россія не виновата, что ея лучшіе люди (и мы въ томъ числѣ) не имѣли смысла стать въ практическіе дѣятели, когда это было можно, а были старые студенты, гелертеры, поэты.

Ты умѣлъ оцѣнить въ С.³⁾ цивическія и демократическія доблести въ Муравьевѣ, сдѣлай то же и съ Россіей. Пойми, что дѣло идетъ нужникомъ, но своимъ чередомъ. Слѣдилъ ли ты за судомъ присяжныхъ, за судомъ вообще? Слѣдилъ ли за земскими собраніями, за предложеніемъ обложить дворянъ податью?

1) Не дописано.

2) Отвращеніе.

3) Сибири.

Скар.¹⁾ лѣзеть изъ кожи и кричить: „Милют., Сам., Черк. при-мѣняютъ на практикѣ теоріи Г—а, и крупная собственность шатается“, а съ ней все остальное. Въмѣсто того, чтобъ снова начать рѣчь по-лучше, ты въ *Schmerzen*²⁾ отворачиваешься.

Далѣе, какъ бы мы ни были сентим., но нельзя же намъ, какъ индѣйки, лечь въ гробъ. Вся наша роль относительно польскаго дѣла была колос. ошибкой; вспомни, какъ я спорилъ, кричалъ, мѣшалъ. Но съ тѣхъ поръ прибыло убѣжденія въ совершенной неспособности, отсталости, тупости этой доблестной и глупой націи. Мартыановъ былъ правъ: намъ слѣдовало молчать и выждать конца. Мы сгубили свое положеніе, да еще притомъ безъ вѣры (вѣрилъ ты одинъ въ самомъ дѣлѣ). *Oggi o mai*³⁾, надобно теперь вынырнуть съ восточной войной, сумѣть не терять фарватера. Вотъ мой

◆◆ 1. Бакунинъ не получилъ того письма, которое Герценъ послалъ ему черезъ сына (см. № 3005). 4 апрѣля онъ писалъ Герцену, упомянувъ о женевскомъ профессорѣ *Claraged*'вѣ, который очень хотѣлъ познакомиться съ издателемъ „Колокола“, пожалѣвъ, что не могъ приѣхать во Флоренцію для личнаго свиданія. Тогда, повидимому, Герценъ написалъ вторично; 8 апрѣля Бакунинъ отвѣчалъ:

„Удивляюсь, что Бакстъ, бывший у васъ нѣсколько разъ, не передалъ тебѣ моего адреса. Отдаю тебѣ мое имя въ полное распоряженіе съ правомъ отвѣчать отъ него кому и какъ тебѣ будетъ угодно. Только не знаю, о какой статьѣ въ „Колоколѣ“ ты говоришь; я не получилъ ни одного мартовскаго нумера „Колокола“ и начиналъ ужъ думать, что ты, разсердившись на меня за что бы то ни было, — разумѣется, безъ всякой вины съ моей стороны, — попросилъ Тхоржевскаго прекратить посылку вашего журнала ко мнѣ, — и собрался ужъ послать вамъ 7 фр. съ просьбою меня абонировать. Прошу тебя, пришли мнѣ два нумера, вышедшіе въ мартѣ, и объясни, въ чемъ дѣло?.. Если мнѣ окажется обидною нападка, я, кромѣ твоего отвѣта, который прошу тебя сдѣлать по полномочью и не прямо отъ меня, напишу отвѣтъ и отъ себя, совершенно согласный съ тобою въ томъ, что намъ съ этими скотами церемониться не слѣдуетъ“ („Письма“, 190.)

¹⁾ В. Д. Скарятинъ.

²⁾ Съ болью.

³⁾ Теперь или никогда.

3031. Отвѣтъ И. С. Аксакову.

Почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ,

Начну съ того, что еще разъ поблагодарю васъ за помѣщеніе моего письма изъ Флоренціи въ „Москвѣ“. Мое довѣріе къ вамъ было основательно. Не раздѣляя большей части вашихъ мнѣній, я всегда уважалъ васъ. Уваженіемъ между противниками рознь, ихъ дѣлящая, естественно поднимается въ ту сферу, въ которой можно высказываться безъ личностей и желчи, съ грустью и сожалѣніемъ въ невозможности убѣдить, но безъ колкаго, злого слова, укрѣпляющаго еще сильнѣе споръ. Я вамъ благодаренъ и за другое, — вы вашими примѣчаніями дали мнѣ снова случай объяснить наше положеніе (наше, т.-е. *издателей* „Колокола“), отвести не только „навѣты“ и клеветы, но поправить совершенно ложное пониманіе всей нашей дѣятельности.

Случайно 58 листъ „Москвы“ пришелъ ко мнѣ изъ Женева 5 апрѣля, и я принялся за отвѣтъ вамъ на другой день, т.-е. по старому календарю 25 марта. Въ этотъ день мнѣ стукнуло *пятьдесятъ пять лѣтъ*. Каждый останавливается на этихъ порогахъ и граняхъ и оглядывается. Остановился и я, — ваша отмѣтка натолкнула еще больше на разборъ. Вызвалъ я и прежнія родныя тѣни сороковыхъ годовъ и едва отступившіе въ былое очерки начала шестидесятыхъ; перебралъ я свѣтлое время пробуждавшейся Россіи и полного успѣха лондонской вольной печати, и печальные годы побіенія насъ камнями, на которыхъ часто оставались слѣды пальцевъ, очень недавно жавшихъ съ дружбой и сочувствіемъ наши руки... и скажу вамъ съ глубокой искренностью, обдуманно спокойно и честно, безъ малѣйшей приѣси самолюбія, безъ малѣйшаго желанія самооправданія: въ моемъ прошедшемъ много ошибокъ, много слабостей, много увлеченій, но совѣсть моя относительно Россіи чиста, я ни ей, ни основамъ всего нравственнаго быта нашего, всей нашей религіи не измѣнилъ ни разу. Съ главнаго тракта, подорожная когорому очищена до конца 1862 сочувствіемъ всей Россіи, мы никогда не сбивались. Мы остались тѣ же; измѣнились не мы, вся атмосфера измѣнилась, всѣ вы. Развѣ солдата, оставшагося при своемъ знамени, когда всѣ другіе перебѣжали, называютъ измѣнникомъ?

Каяться мнѣ не въ чемъ, развѣ, въ иномъ неумѣренномъ или жесткомъ словѣ; совсѣмъ напротивъ, я зову къ покаянью, я жду кающихся. Мы звонимъ къ исповѣди, къ пробужденью совѣсти. Словомъ примиренія и брани, слезами и оскорбленіемъ будимъ мы васъ... и *volens poleps*, съ нами или безъ насъ, вы проснетесь.

Какой грѣхъ противъ Россіи лежитъ на моей душѣ?

Съ отрочества я отдалъ ей мою жизнь, для нея работалъ, какъ умѣлъ, всю молодость и двадцать лѣтъ на чужбинѣ продолжалъ ту же работу. Я проповѣдывалъ Россію на Западѣ тогда, когда о Россіи, благодаря николаевской *формѣ*, никто не смѣлъ заикаться безъ брани. Скорбя объ вашей общей апатіи и безпомощности, я поставилъ первый русскій безцензурный станокъ въ Лондонѣ и печаталъ безустанно когда всѣ боялись читать; оттого-то, когда пришла бодрость, вы издаютъ готовый органъ. Печаталъ я подъ ваши рукоплексканья и печаталъ осыпаемый бранью потомъ. Остановиться я не могъ и не хотѣлъ, такъ, какъ не могъ ни устать, ни перестать любить и понимать. Остановиться, значило умереть, значило второй разъ оставить отечество и ужъ безъ той *земли*, которую я, вопреки Дантону, унесъ на своихъ подошвахъ, по выраженію одного изъ умнѣйшихъ противниковъ нашихъ.

Изъ-за черныхъ грязей ¹⁾, въ которыя вы попали, я видѣлъ *будущій путь*. Разумъ былъ покоенъ, страдало сердце, страдало, если хотите, нетерпѣніе и оскорбленное эстетическое чувство исторіи.

Каждое соприкосновеніе съ Западомъ, каждый рядъ событій въ Европѣ столько же оправдывали и укрѣпляли меня, какъ зарницы, рѣвшія въ новой тьмѣ вашей, и тотъ же внутренній голосъ шепталъ мнѣ на ухо: „будущее не здѣсь; не ты ли самъ проповѣдывалъ это?“.

Въ чемъ же мнѣ каяться?

Развѣ языкъ нашъ измѣнился, развѣ мы не то же проповѣдуемъ теперь, что проповѣдывали въ первыхъ книжкахъ „Полярной Звѣзды“ и въ первыхъ листахъ „Колокола“? Зачѣмъ вы нашимъ протестомъ противъ азіатскаго, ветхозавѣтнаго уничтоженія Польши, противъ дикихъ мѣръ, предаваемыхъ вами справедливому позору въ Кандіи и Галиціи, задвинули положительную, созидающую сторону нашей пропаганды? Зачѣмъ въ вашемъ безчеловѣчнотѣ патріотизмъ вы забыли наше участіе въ великомъ дѣлѣ освобожденія крестьянъ съ землею, въ борьбѣ за свободу слова, за гласный судъ, за терпимость раскола? зачѣмъ вы, изъ-за нашихъ словъ оскорбленной любви и стыда забыли нашу рѣчь о Россіи въ Европѣ и то, что мы первые указали на союзъ Россіи съ Америкой?

По привычкѣ прежнихъ помѣщиковъ, вы стерли все прошедшее за рѣзкой упрекъ, за независимое слово, въ которомъ звучало негодованіе свободнаго челоѣка... *Вамъ каяться!*

На какомъ основаніи вы — рѣчь тутъ, само собою, не исключительно объ васъ, а о большинствѣ людей, раздѣляющихъ ваши мнѣнія, — съ тою же несчастной опрометчивостью, съ которой пожертвовали насъ, пожертвовали, по *голодоловнымъ* полицейскимъ навѣтамъ,

1) Черныя Грязи. См. стр. 6 т. V.

всякой идеей независимости и свободы мнѣній до такой степени, что не нашли не только ни протеста, ни сочувствія, но даже *не нашли молчанія*, когда ссылали на каторгу и вязали къ позорному столбу Михайловыхъ и Чернышевскихъ? Теперь вы знаете, куда привелъ крестовый походъ противъ матеріализма, нигилизма и социализма.

Вы не догадывались, кому вы работали въ руку... Посмотрите, Катковъ начинаетъ пугаться, такъ, какъ прежде его испугался Чичеринъ и др. Катковъ обойденъ и изъ-за висѣлицъ Муравьева, обвернутыхъ „Московскими Вѣдомостями“, выглядываетъ во всемъ безобразіи дворовая „Вѣсть“.

Кому же каяться?

Кому же просить объ отпущеніи грѣховъ?

Польскій вопросъ чуть ли не хуже. Давно ли вы всѣ стали такъ храбро за право сильнаго? Или съ какого числа и мѣсяца вы догадались, что Польша — Россія? Неужели мнѣ вамъ напоминать, что въ 1862 году органъ близкій „Москвѣ“ принималъ польскую національность, какъ живую и правомѣрную? что одинъ изъ свирѣпѣйшихъ враговъ Подъши съ 1862, передъ своимъ обращеніемъ, пилъ въ Прагѣ тостъ за возстановленіе Польши? что два петербургскіе журнала... да что приводитъ частные примѣры — неужели вы не знали, что проектъ объ отдѣленіи конгрессовой Польши былъ на столѣ у государя, что шла рѣчь о возстановленіи конституціоннаго королевства и о назначеніи одного изъ великихъ князей королевемъ?

Правительство было увлечено въ другіе пути взрывомъ обиженнаго чувства народности, вслѣдствіе западныхъ „голословныхъ“ нотъ, но какъ же Польша-то утратила свои права отъ родомонтадъ¹⁾ дипломатіи и раздражительности нашего патриотизма? Развѣ она перестала быть католической, европейской, совершенно западной, насильственно четвертованной между ненавистной ей Россіей, всепожирающей Пруссіей и всеудушающей Австріей? Ужъ польскую-то національность никакъ нельзя назвать стертой, она жива во всемъ: въ чертахъ лица, въ чертахъ мысли, въ страсти сердца, въ характерѣ, въ религіи, въ ручьяхъ крови, не имѣющихъ никогда времени просохнуть.

— „Но сила оружія!“ — Stop! этого я не допущу; мы слишкомъ съ вами стоимъ за грековъ и славянъ, чтобъ именно теперь, накануне ихъ возстанія, опираться на свирѣпое право меча.

— „Да, видите, ихъ притязанія, границы“... Если-бъ вина была со стороны Польши, вамъ-то что же было предупреждать ихъ ошибки и, боясь, что они потребуютъ многого, отнимать у нихъ все?

Возстановить Польшу надобно было, чтобъ развязать себѣ, на-

1) Rodomontade — хвастовство, преувеличеніе.

конецъ, руки. Приданое ей дать надобно было, лишь бы сдѣлать изъ нея отрѣзанный ломоть. Проводить ее съ хлѣбомъ и солью — лишь бы освободиться отъ нея, а не держать ее противъ воли и мять ея раненое тѣло зубами вцѣпившагося бульдога. До этого пониманья не только не доросла наша дипломатія, но ни да же вы, передовые люди.

Поляковъ, которые хотѣли бы остаться подъ державой Россіи, я не видалъ, а видѣлъ я поляковъ довольно на моемъ вѣку... Что же, кромѣ вѣчной бойни, сдѣлаете вы этимъ насильственнымъ усвоеніемъ? Посмотрите на народы, которые хотятъ быть побѣждены. Они послѣ первой борьбы, какъ женщины, жаждущія насилія, бросаются на юнкерскую койку берлинскаго Донъ Жуана, Бисмарка.

Мы говорили откровенно наше мнѣніе полякамъ, что, отдѣляясь отъ Россіи, они отдѣляются отъ *новой жизни*, въ которую непременно Россія увлечетъ славянскій міръ, и будутъ поневолѣ дѣлить судьбу міра латинскаго ¹⁾. Но этого они и хотятъ. Время насильственныхъ крещеній à la Charlemagne ²⁾ прошло.

Мы не вѣримъ, чтобъ можно было приколачивать гвоздями оружіемъ захваченные куски земель и дѣлать изъ нихъ *живыя* части организма. Вы думаете иначе, — будемте спорить, но отбросьте употребленіе уголовного суда и церковныхъ анаемъ, какъ доказательства. Прудонъ проповѣдывалъ федерализмъ, какъ единственную свободную и разумную государственную форму. Его всячески бранили, но не называли измѣнникомъ. Брайтъ недавно сказалъ: „Да отдайте вы эту Ирландію Америкѣ или оставьте ее независимой!“ — и никто не считаетъ Брайта дурнымъ англичаниномъ.

Мы говорили то же во время возстанія, что говорили прежде, отчего же прежде на насъ не накладывали покаянія? Языкъ нашъ сталъ жестче, это правда, но вспомните теперь, что было въ Россіи очень недавно, — сгоряча вы не давали себѣ отчета и едва замѣтили, что вы всѣ запачкались польской кровью. Пора же протрезвиться и понять, что оваціи въ стихахъ и прозѣ, въ кулебякахъ и тостахъ герою застѣнковъ и пытокъ были отвратительны, что метода добиванья побѣжденныхъ, ссылка на каторжную работу людей, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, казни плѣнныхъ и раненыхъ, казни послѣ усмиренія чудовищны. При всемъ нашемъ чинопочитаніи мы никакъ не можемъ понять, отчего жандармы-вѣшатели вамъ такъ гнусны, а вѣшатели-генералы такъ любимы.

И, какъ всегда бываетъ, наказаны были вы, — палка другимъ концомъ ударила по Россіи.

¹⁾ IV письмо о Польшѣ въ „Колоколѣ“ за 1859 годъ. А. И. Г.

²⁾ Карлъ Великій.

Не трудно было догадаться, что правительство, казнямъ котораго въ Польшѣ рукоплескало общество и журналистика, съ божьей споспѣшствующей милостью перенесетъ ихъ въ Россію. Смертной казнью сдѣлалась у насъ одной изъ привилегій всѣхъ генераль-губернаторовъ и военныхъ начальниковъ, ихъ главнымъ разсѣяніемъ. Кровь потекла во всѣхъ провинціяхъ, вездѣ учредились военно-судныя бойни—среди мира и тишины, въ странѣ, не знавшей смертной казни, кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда цари-вѣшатели мстили, какъ ихъ подражатели польскіе жандармы. Вы одни — и да не забудетъ этого вамъ народъ русскій во вѣки вѣковъ — не только ужаснулись этимъ казнямъ, но имѣли мужество сказать это. Поздно. Кровь понравилась.

Это не все — неужели вы думаете, что если-бъ общественное мнѣніе отъ Самары до Москвы не втѣснило правительству чудовище, ненавидимое прежде всей Россіей, для усмиренія Литвы, если-бъ разгульная наша журналистика не связалась съ полиціей, чтобъ проповѣдывать гнуснѣйшее французское изобрѣтеніе *de la complicité morale* ¹⁾, если-бъ она не доносила, какія юбки носить польскія женщины и какъ польскія дѣти говорить съ родителями по-польски, правительство осмѣлилось бы Муравьева посадить презумомъ въ каракозовскомъ процессѣ и останавливать на улицѣ русскихъ честныхъ женщинъ и дѣвицъ за то, что у нихъ нѣтъ кринолиновъ и есть синіе очки?

Хорошо, что Муравьевъ оказался не только бездушнымъ злодѣемъ, но безмозглымъ хвастуномъ, грубымъ и неловкимъ сыщикомъ, а то можете ли вы назначить предѣлъ *умдротворенія* русской мысли?

Подтолкнувъ правительство, та же литературная демагогія попыталась свратить простой смыслъ русскаго народа двухлѣтнимъ натравливаніемъ его на поляковъ.

Это — великій грѣхъ, и онъ, дѣйствительно, требуетъ великаго и громкаго покаянія

Я иногда съ удивленіемъ думаю, какъ мы глубоко пали въ языкѣ, въ манерахъ, какъ огрубѣли наши чувства. Для меня остается тяжелой, патологической задачей, какимъ образомъ *до сихъ поръ* почти ни одинъ журналъ не можетъ сказать слова о польскомъ дѣлѣ, не ругаясь? Это — манія, болѣзнь, проказа. Неужели это приведетъ къ какому-нибудь пониманію историческаго событія или къ облегченію натянутого положенія? Кромѣ *панскаго* ряда въ „Вѣсти“, я знаю одно исключеніе, именно статьи относительно поляковъ, очень строгія, но полная человѣческаго пониманія, И. Желудкова. Въ его глазахъ полякъ *не только* врагъ Россіи, но человѣкъ, имѣющій свою поэзію, всегда готовый пострадать, не на словахъ, а на дѣлѣ, за свой идеалъ,

¹⁾ Моральное соучастіе.

отважный и гордый, бросающий съ дѣтской безпечностью свое достояніе, словомъ, существо, совершенно не похожее на тѣхъ иконописныхъ каннибаловъ, которыхъ намъ малюютъ наши суздальскіе и кіево-печерскіе литературные богомазы.

Затѣмъ я оставляю общую часть и перехожу прямо къ вашимъ замѣчаніямъ.

Сначала повторю весь текстъ вашихъ замѣчаній:

„Мы не имѣемъ причины отказать г. Герцену въ помѣщеніи этого письма. Но напрасно думаетъ онъ, что подобнаго рода голословными отрицаніями можетъ онъ оправдаться вполнѣ отъ взводимыхъ на него навітовъ. Пусть онъ не участвовалъ въ обществѣ поджигателей, мы охотно этому вѣримъ, но тѣмъ не менѣе его именемъ назвалась знаменитая Тульчинская агенція и стало-быть имѣла къ тому какой-нибудь поводъ. Что г. Герценъ открывалъ въ „Колоколѣ“ подписку въ пользу польскаго народнаго жонда, употреблявшаго собранныя имъ деньги, между прочимъ, на содержаніе жандармовъ-вѣшателей, отравителей и поджигателей; что г. Герценъ былъ въ единомыслии съ Бакунинымъ, затѣявшимъ знаменитую неудавшуюся экспедицію въ помощь полякамъ, это факты неопровержимые. Отъ солидарности съ поляками г. Герценъ не отрекался. Слѣдовательно, вопросъ только въ томъ, однимъ ли мечомъ или также и огнемъ производился тотъ ущербъ Россіи, въ нанесеніи котораго г. Герценъ принималъ, если не непосредственное, то косвенное и нравственное участіе.

„Пусть въ этомъ покается предъ Россією г. Герценъ. Не можетъ же онъ не понимать, что для покаянія въ его прегрѣшеніяхъ предъ Россією нѣтъ компромиссовъ.

„И намъ хотѣлось бы думать, что для него еще возможенъ нравственный возвратъ, потому что въ искренность и чистосердечіе его заблужденій мы не переставали вѣрить. — *Ред.*“

Простите меня, но я еще разъ скажу, что вы рѣшительно не годитесь въ Фукье-Тенвиліи православія и народности, и я этому отъ души радъ. Нѣтъ ни одного положенія, ни одного предположенія, нѣтъ ни одного факта, который бы могъ выдержать какую-нибудь критику.

Меня обвиняютъ; я требую доказательствъ въ обвиненіи, *внесеномъ*, какъ „неопровержимый фактъ“, въ докладъ; я говорю: „не шадите меня, а скажите просто, на чемъ основана неопровержимость треповскаго факта“? Что же естественнѣе этого? А вы возражаете, что я *голословно* оправдываюсь. Что такое *голословно*? Обвиняемый говорить, конечно, словами, что это неправда; дѣло обвинителя доказать противное. Чего же вы требуете отъ меня? У меня нѣтъ другого средства оправдываться, какъ голое *слово* честнаго человѣка, не замѣчнаго во лжи, и нѣтъ другой силы, какъ *довѣріе* къ моему *голому* слову

общественнаго мнѣнія. Дѣло, съ моей стороны, было бы явиться въ Россію и требовать суда: я годъ тому назадъ писалъ, что поѣхаль бы, если-бъ вѣрилъ, что, въ случаѣ оправданія, меня отпустятъ съ миромъ, на этотъ вызовъ отвѣта не было. А не было потому, что это вовсе не согласно съ нашими понятіями о судѣ и правдѣ, потому, что не П. П. Гагаринъ, не жандармскій Шуваловъ, а вы говорите: „Пусть онъ не участвовалъ въ обществѣ зажигателей, тѣмъ не менѣе его именемъ называлось знаменитое Тульчинское агентство“ и пр. На этомъ юридическомъ понятіи и подавно правительство скажетъ: „Пусть онъ и оправданъ въ зажигательствѣ, да, все же, онъ ѣсть скоромное по средамъ и пятницамъ, а потому и заточить его въ Соловецкій монастырь“

Помилуйте, что за *пусть*? Если я не жегъ городовъ и деревень, такъ не называйте меня зажигателемъ, и если я участвовалъ не въ зажигательствѣ, а въ Тульчинской агенціи, такъ и говорите...

Но, благо, вы назвали знаменитую Тульчинскую агенцію: я и эту игрушку испорчу вамъ... довольно ею поиграли „Моск. Вѣдомости“.

Въ Тульчѣ нѣкогда жили братья Кельсіевы; оба были эмигранты и никогда ничего не жгли, кромѣ папирось, одинъ изъ нихъ ушелъ въ Турцію отъ гоненій по студентскому дѣлу, за которое уже былъ сосланъ въ Пермь, другой изучалъ расколъ и некрасовцевъ, и оба учили русской грамотѣ блѣдныхъ казачьихъ дѣтей. Къ нимъ присоединились двое другихъ русскихъ эмигрантовъ... Страшныя несчастія поразили, почти уничтожили семью Кельсіевыхъ... маленькая община распалась и уничтожилась. Корреспонденція одного парижскаго журнала, дѣлая выписку изъ донесенія какого-то французскаго консула, съ жаргономъ естественнымъ французамъ, говорила объ Agence de M. Herzen à Toultscha. Мы посмѣялись и шутя говорили объ „агенціи“ до тѣхъ поръ, пока увидѣли въ „Моск. Вѣдомостяхъ“, что насъ обвиняютъ въ какихъ-то козняхъ черезъ Тульчинскую агенцію, а тульчинскую агенцію — въ связяхъ съ зажигателями въ одну сторону и съ Маццини и пр. — въ другую. Что В. Кельсіевъ, доказавшій свое мужество и энергію поѣздкой въ Москву, человекъ эксцентрической и очень талантливый, мечталъ о пропагандѣ соціальныхъ началъ между раскольниками и не унывая бился съ нуждой, это все такъ. Но чтобъ когда-нибудь ему мысль зажигательства приходила въ голову, этому я никогда не повѣрю, такъ, какъ не повѣрю участію Бакунина въ „обществѣ зажигателей“¹⁾. Да, вѣдь, и вы не вѣрите этому! И правительство не вѣритъ, а Катковъ не только не вѣритъ, но по обширнымъ ученымъ связямъ своимъ знаетъ, что все это вздоръ. Зачѣмъ же эти шалости?

¹⁾ Я на-дняхъ получилъ отъ Бакунина письмо, самымъ положительнымъ образомъ отвергающее нелѣпую клевету. А. И. Г

Идемте далѣ. Вы говорите, что я открывалъ подписку въ „Колоколъ“ въ пользу польскаго народоваго ржонда. Вы не любите „голословныхъ“ показаній, а потому не можете ли вы указать *листъ* „Колокола“ или чего-нибудь другого, *идѣ* бы *мы* открывали какую-нибудь подписку, кромѣ для „общаго фонда“ и для общества „Земля и Воля“, по просьбѣ его комитета? Досадно, что нѣтъ возможности вамъ послать полнаго собранія „Колокола“ съ 1863 гсда. Такая посылка была бы для насъ по многому очень важна. Вы одолжили бы насъ, если-бъ, хоть для нашего уличенія, испросили бы дозволеніе на получение его.

Вотъ еще что было. Разъ я получилъ отъ извѣстнаго флорентинца Дольфи вексель въ 7,000 фр. отъ тосканскаго общества вспомошествованія полякамъ. Вексель этотъ, не зная кому передать, я отослалъ назадъ. Другой разъ я получилъ черезъ графа Риччарди отъ его знакомыхъ изъ Неаполя, помнится, 2,000 фр. для польскихъ эмигрантовъ, и деньги эти вручилъ польскому комитету въ Лондонѣ — такъ, какъ Филаретъ митрополитъ, Блудова Антонина, вы сами и многіе другіе доставляли (и прекрасно дѣлали) деньги, собранныя въ Россіи, аинскому комитету (и галицкимъ попамъ¹⁾). Затѣмъ я долженъ сказать краснѣя, что, если мнѣ случалось грошовыми деньгами помогать польскимъ братьямъ по эмиграціи, то я гораздо больше получивъ денегъ отъ *поляковъ для русскихъ выходцевъ*. Я могъ бы назвать вамъ имена, если-бъ не боялся оскорбить тѣхъ, которые давали.

Я, вообще, не люблю говорить о фондѣ для русскихъ, мнѣ становится стыдно и грустно, — такъ туго развязывается нашъ тароватый кошелекъ для помощи своимъ на чужбинѣ. Конечно, на деньги, собранныя нами въ продолженіе *пяти лѣтъ* (около трехъ тысячъ рублей), трудно было поднять Россію и поддержать Польшу, равнѣ, въ самомъ дѣлѣ, ихъ хватило бы только на то, чтобъ поджечь какой-нибудь амбаръ или овинъ.

О зажигательствѣ, впрочемъ, мы тоже имѣемъ съ вами не совсѣмъ одинаковое понятіе. Вы говорите: „вопросъ только въ томъ, однимъ ли *мечомъ или также и огнемъ* производился ущербъ Россіи“, въ которомъ я принималъ участіе. Не говоря о томъ, что я не могу не улыбнуться отъ воинственнаго вида, который мнѣ придаютъ эти слова, но я нахожу, что ваше „только“ еще несчастіе вашего „пустъ“ Мечомъ *сражались* часто люди *противъ* *войска своего правительства*, оставаясь друзьями своего народа; польская война, собственно, была *междоусобіемъ* — особенно съ *вашей* точки зрѣнія — но *деревни* и

¹⁾ Были еще небольшія суммы въ 20—40 фр., присланныя исключительно для польскихъ раненыхъ и эмигрантовъ. А. И. Г.

города жгутъ одни враги его или сумасшедшіе фанатики. Лавирона, павшаго въ Римѣ, борясь со стороны Италиі, никто не называетъ врагомъ Франціи; ну, а если-бъ онъ въ Оверни или въ Бретани, въ отместку за неудачу революціи или для возбужденія умовъ, жегъ деревни, вся Франція отступилась бы отъ него.

Перейдемъ теперь къ дамаскому мечу при бедрѣ моемъ — его закалъ не лучше тульчинской агенціи.

Если-бъ вы брали ваши свѣдѣнія о насъ въ „Колоколъ“ и въ другихъ изданіяхъ нашихъ, а не въ кучахъ сору (безъ брильянтовъ) какого-нибудь артиллерійскаго генераль-литератора и не въ помойной ямѣ „Варшавскаго Дневника“, вы знали бы, какъ мы относились къ поднятію оружія въ Польшѣ.

Мы были съ самаго начала *противъ востанія*, и не только въ статьяхъ, но во всѣхъ разговорахъ. Свидѣтелей послѣ *отеческаго умнотворенія* трудно вызвать: лучшіе изъ нихъ, какъ Сѣраковскій, Падлевскій, — вы знаете гдѣ... однако, есть и живые, на которыхъ мы смѣло можемъ сослаться. Мы умоляли поляковъ всѣхъ партій, всѣхъ отбѣнковъ не возмущать дѣла русскаго развитія и итти къ свободѣ и независимости инымъ путемъ, итти вмѣстѣ съ нами. Но отвратить возстанія мы не могли, да и врядъ ли могъ кто-нибудь. Время было до того полно грозы, до того душно и натянуто въ Варшавѣ, что Лидерсъ и его штабъ столько же хотѣли открытаго возстанія, какъ Центральный комитетъ и его штабъ.

Знаете ли вы, что значить стоять между двумя противниками, *которыхъ вы любите* и которые идутъ на смертный бой? Вы ихъ убѣждаете, вы ихъ просите, вы бранитесь и дѣлаете уступки, вы плачете, вы грозите; вы выбиваетесь изъ силъ и съ какимъ-то отчаяніемъ убѣждаетесь, что тутъ предѣлъ дѣйствія одного человѣка на другого... дуэль неминуема.

Что же по-вашему, такъ и бросить ихъ на произволь собственному безумію и чужой клеветѣ? Или еще лучше бросить *одного побитаго*, даже опрокинуться на него, забыть все хорошее, что вы въ немъ любили, забыть, что онъ былъ оскорбленъ, правъ, и приговаривать: „подѣломъ ему... ништо ему... не суйся“?

Нѣтъ, этого вы не посовѣтуете...

Съ мучительной болью и съ тяжелымъ сознаниемъ своего безсилія смотрѣли мы на приближающійся взрывъ. *Ни съ той, ни съ другой* стороны ничего не было сдѣлано, чтобъ предупредить его; мы видѣли, какъ увлеченные, фанатизированные люди неслись на вѣрную гибель, гибли, другіе шли на ихъ мѣсто.. и иногда усталые, обезсиленные, готовы были рыдать.

За это бросали въ насъ грязью.

Каждая казнь послѣ побѣды заставляла насъ содрагаться, и каждая сопровождалась рукоплесканьями какого-то неистоваго хора пирующихъ каннибаловъ въ Москвѣ и Петербургѣ и циническимъ подстрекательствомъ „Московскихъ Вѣдомостей“...

И намъ за то, что мы одни стали на мѣстѣ народной совѣсти, каяться? — Что вы это!

Не за горами тотъ часъ, въ который поймутъ и оцѣнятъ нашу разрывъ съ общественнымъ мнѣніемъ того печальнаго времени, когда въ угарѣ и опьяненіи вы не умѣли различить Пожарскаго отъ Муравьева и къ прозаическимъ доносамъ „Моск. Вѣдом.“ прибавляли стихотворную брань Суворову за то, что виленскій извергъ ему былъ гадокъ.

Нѣтъ, Иванъ Сергѣевичъ, не блудными дѣтми Россіи, не посядѣвшими Магдалинами съ понурой головой воротимся мы, если воротимся, а свободными людьми, требующими не оправданья, не прошенья, а признанья дѣла всей ихъ жизни.

Для насъ нѣтъ заднихъ дверей, въ которыя стучатся утомившіеся грѣшники; пусть ими проползаютъ со своимъ покаяніемъ двойные ренегаты и измѣнники, какъ этотъ ничтожный, дрянной *Джунковский*, котораго чудотворное обращеніе въ православіе изъ папскихъ агентовъ de bas étage ¹⁾, наполняетъ благоуханіемъ крина сельнаго благочестивая души въ Москвѣ и Петербургѣ.

Не при жизни, такъ на нашей могилѣ настѣнетъ день не нашего раскаянья, а раскаянья передъ нашими тѣнями за оскорбленную въ насъ любовь къ Россіи!

Я останавливаюсь... Простите, если письмо мое длинно; простите, если я васъ оскорбилъ какимъ-нибудь словомъ, — такого намѣренія у меня не было. Совершенно холодно я не могу говорить объ этомъ предметѣ: онъ слишкомъ наболѣлъ, слишкомъ взошелъ въ плоть и кровь.

Если-бъ вы могли мнѣ отвѣчать, я былъ бы счастливъ, я увидѣлъ бы въ этомъ доказательство, что предварительная цензура у насъ уничтожена въ самомъ дѣлѣ въ виду освобожденія мысли и слова ²⁾.

Съ своей стороны, я готовъ объяснить каждую строку, каждое выраженіе...

Въ прошломъ письмѣ я сказалъ вамъ, что одолжать противниковъ случается не часто, но не часто случается намъ уважать ихъ такъ искренно, какъ я уважаю васъ.

Ницца, 6 апрѣля 1867.

¹⁾ Нижняго этажа.

²⁾ Валуевъ поторопилъ насъ на три мѣсяца. А. И. Г.

разсѣять наши сомнѣнія: „Москва“ остановлена

◆ 1. Въ слѣдующемъ листѣ „Колокола“ (л. 241) напечатаны два письма Бакунина.

I. „Любознанный Герценъ! Сейчасъ получилъ три нумера „Колокола“, изъ которыхъ впервые узналъ, что „Голось“ перепечаталя изъ „Варшавскаго Дневника“ статью о существованіи за границею общества зажигателей и поддѣльвателей русскихъ кредитныхъ билетовъ, въ которой, между прочимъ, сказано: „Существованіе общества поджигателей, къ которому принадлежать Герценъ и Бакунинъ съ шайкою, неопровержимый фактъ, а потому и было занесено во всеподданнѣйшій отчетъ генераль-полицмейстера“ и пр. (какого, варшавскаго или петербургскаго?).

„Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ нѣсколько строкъ, тобою напечатанныхъ въ томъ же номерѣ въ отвѣтъ на нелѣпую клевету. Прочелъ также твое письмо къ г. Аксакову, которому я не сталъ бы писать; вѣдь, онъ былъ послѣ Каткова однимъ изъ главныхъ поощрителей Муравьева и поборниковъ русскаго грабежа и палачества въ Польшѣ, осрамившаго русское имя и отодвинувшаго на нѣсколько лѣтъ освобожденіе Россіи. Прочелъ его отвѣтъ, перепечатанный въ 239 л. „Колокола“.

„Ты довольно силенъ, Герценъ, чтобъ не нуждаться въ чужой помощи, и потому я буду отвѣчать за себя одного. Если-бъ ты не началъ этой полемики, я продолжалъ бы молчать, какъ молчалъ до сихъ поръ, не заботясь о томъ, что говорятъ обо мнѣ гг. Скарятинъ и Краевскіе ¹⁾, Катковы и Аксаковы, и пр. Нападки ихъ, поощряемые высочайшею улыбкой, меня не удивляютъ: ils font leur métier ²⁾. Отвѣчать имъ значило бы признавать за ними право на уваженіе, а я уваженія къ нимъ имѣть не могу.

„Отвѣчать ради публики русской также не нахожу нужнымъ. „Порядочные люди, ты самъ говоришь, не повѣрятъ, а до другихъ намъ дѣла нѣтъ.

„Никто лучше русской полиціи не знаетъ, что между тобою и мною никогда не бывало никакихъ заговоровъ, и что никогда ни я, ни ты поджигательствомъ домовъ и дѣланіемъ фальшивыхъ бумажекъ не занимались. А что полиціи удалось увѣрить въ подобной нелѣпости черезчуръ ужъ не храбраго и недалновиднаго монарха, это не наше, а его царское дѣло, дѣло его замѣчательнаго простодушія, которому, дѣйствительно, нѣтъ предѣловъ. Повѣрилъ же онъ, передувивши въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ въ десять, чуть ли не во сто разъ больше людей, чѣмъ его грозный родитель въ продолженіе тридцатидвухлѣтняго царствованія,

¹⁾ Вотъ этотъ ужъ ничего не говоритъ! Изд. „Колокола“.

²⁾ Они дѣлаютъ свое дѣло.

повѣрилъ и вѣрить *даже теперь* не на шутку, что онъ, все-таки, благодушный монархъ, отецъ, благодѣтель, освободитель Россіи!

„Если-бъ полиціи вздумалось увѣрить его, что мы съ тобою собираемся украсть Иванъ-колоколъ или царь-пушку, вѣдь, онъ бы точно такъ же повѣрилъ

„Но въ отвѣтъ своемъ г. Аксаковъ касается другого вопроса, а именно, твоего и моего участія въ польскомъ дѣлѣ. Считаю себя обязаннымъ сказать нѣсколько словъ для разъясненія этого вопроса не передъ г. Аксаковымъ, до котораго мнѣ ровно нѣтъ никакого дѣла, но передъ порядочными людьми въ Россіи, потому что мнѣ кажется, что даже и между ними этотъ вопросъ не разъясненъ еще достаточно опредѣленно и ясно. Опять-таки, и по тѣмъ же причинамъ, буду отвѣчать за себя одного.

„Въ будущемъ номерѣ вашего журнала приступлю, если вы мнѣ позволите, къ разсмотрѣнію этого важнаго вопроса съ моей точки зрѣнія. Напередъ предупреждаю васъ, друзья, что мои мнѣнія будутъ иногда расходиться съ вашими; но это, не правда ли, не помѣшаетъ вамъ ихъ напечатать съ тѣми оговорками и примѣчаніями, которыя вамъ покажутся необходимыми?

„Да, я дѣйствительно принималъ участіе въ польской неудавшейся экспедиціи черезъ Балтійское море, — экспедиціи, нисколько не затѣянной мной, но мной вполне одобренной. Въ будущихъ номерахъ скажу, на какихъ основаніяхъ и съ какою именно цѣлью я принималъ въ ней участіе. Теперь же кончаю это письмо слѣдующею исповѣдью:

„Да, я желалъ полнѣйшаго успѣха послѣдней польской революціи и по мѣрѣ силъ готовъ былъ содѣйствовать ея торжеству; во-первыхъ, потому, что, хотя программа ея и далеко не соответствовала нашимъ желаніямъ и нашимъ социалистическимъ убѣжденіямъ и хотя, именно вслѣдствіе того, она измѣнила собственному народу и вмѣстѣ съ тѣмъ повредила дѣлу освобожденія сосѣднихъ народовъ малорусскаго и великорусскаго племени, ~~эта~~ революція была въ отношеніи къ петербургскому государству дѣломъ святымъ и правымъ; а, во-вторыхъ, потому, что ея успѣхъ нанесъ бы ущербъ значительный не Россіи, какъ говоритъ г. Аксаковъ, а всероссійской имперіи; все же, что наносить ущербъ послѣдней и способствуетъ къ разрушенію этой губительной татаро-нѣмецкой тюрьмы, то клонится непременно къ освобожденію и ко благу заключенныхъ въ ней русскихъ народовъ“.

II. „Въ послѣднихъ письмахъ, друзья, вы браните меня за то, что я поставилъ имя г. Аксакова на ряду съ именемъ Каткова и К-нии, и говорите, что между ними и имъ — проласть, что его неподкупная честность несомнѣнна. Зная его лично, вы можете о немъ судить

лучше, чѣмъ я, а я такъ уважаю вашъ судъ, что, по вашему требованію, готовъ взять рѣзкое и, пожалуй, несправедливое слово назадъ. Къ тому же у меня не можетъ быть никакихъ личныхъ чувствъ ни за, ни противъ г. Аксакова; вѣдь, мы съ нимъ ни разу не встрѣчались въ жизни. Я зналъ близко и любилъ и уважалъ отъ души его славнаго брата Константина Сергѣевича, несмотря на все разномысліе, такъ глубоко раздѣлявшее насъ. Я былъ съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, революціонеромъ; онъ, несмотря на горячее, истинно героическое сердце, жертвуя безпрестанно своею природою теоріи, былъ послушнымъ славянофиломъ и смиреннымъ православнымъ христіаниномъ. Безкритичною, страстною преданностью ученію Хомякова и Кирѣевскихъ онъ заткнулъ бы за поясъ любого нынѣшняго славянофила, что, однако, никогда не мѣшало ему быть въ высшемъ значеніи этого слова порядочнымъ человѣкомъ, не мѣшало ставить общечеловѣческіе законы и коренные инстинкты выше всего на свѣтѣ, выше даже самого патріотизма. Онъ былъ старомосковскій фанатикъ, это правда, но фанатизмъ его останавливался всегда съ уваженіемъ передъ человѣческимъ правомъ, не заглушалъ въ немъ ни голоса совѣсти, ни требованій справедливости. Его старомосковское изуверство всегда подчинялось высшей религіи того, что въ наше время называлось „гуманностью“. Какъ истый поборникъ православія, онъ, напр., вмѣстѣ съ Хомяковымъ и братьями Кирѣевскими предавалъ теоретической анаемѣ католическую Польшу, но на практикѣ, повинуюсь высшему человѣческому инстинкту, постоянное присутствіе котораго въ немъ именно и дѣлало его порядочнымъ человѣкомъ, онъ, съ опасностью потерять свою собственную свободу, вмѣстѣ съ Станкевичемъ нѣсколько разъ посѣщалъ въ московскомъ острогѣ поляковъ, ссылаемыхъ въ Сибирь за, такъ называемыя, политическія преступленія, и, оставляя всѣ теоріи у порога тюрьмы, становясь настоящимъ самимъ собою, являлся къ нимъ полный горячаго и почтительнаго участія, съ готовностью сдѣлать для нихъ все, что могъ. Я помню его мягкую, сочувственную улыбку, помню, какъ онъ бывалъ тронутъ, когда двоюродный братъ его, іезуитами изуродованный Карташевскій, своимъ дикимъ, но полнымъ подавленной страсти голосомъ начиналъ пѣть: „Jeszcze Polska nie zginela“. Его православно-московскій фанатизмъ не мѣшалъ ему понимать святую и законную сторону польско-государственнаго фанатизма. Константинъ Сергѣевичъ, вмѣстѣ съ своими вышеупомянутыми друзьями, былъ ужъ тогда врагомъ петербургскаго государства и вообще государственности, и въ этомъ отношеніи онъ даже опередилъ насъ. Я нѣсколько разъ спрашивалъ себя: послѣднее польское возстаніе и пустой шумъ, поднятый по этому случаю европейскою дипломатіей, могли ли бы или нѣтъ побудить его броситься, вмѣстѣ со всѣми прочими кори-

феями славянофильской партіи въ лагерь ненавистнаго ему петербургскаго императорства? Не берусь рѣшать этого вопроса; такъ много чудовищныхъ перемѣнъ осуществилось на нашихъ глазахъ, что трудно было бы отвѣчать за теоретическую стойкость и послѣдовательность до конца даже Константина Сергѣевича Аксакова. Но вотъ за что отвѣчаю: какъ бы сильно, страстно и ложно ни было его увлеченіе, онъ никогда не сдѣлался бы поощрителемъ и подстрекателемъ палача Муравьева, не жаль бы рукъ гвардейскимъ грабителямъ и шпіонамъ, съ негодованіемъ, отвращеніемъ и ужасомъ отвернулся бы онъ отъ избіенія безоружныхъ поляковъ и скорѣе отказался бы отъ своихъ, чѣмъ позволилъ бы имъ нѣдругаться надъ благороднымъ павшими жертвами. Наконецъ, послѣ потѣхъ онъ не поѣхалъ бы въ Варшаву ¹⁾ организовать Польшу. Если бъ у него недостало политическаго смысла, чтобъ понять, что подъ сѣнью петербургскаго императорства, при условіяхъ необходимыхъ для существованія всероссійскаго государства, нѣтъ ни возможности, ни мѣста для серьезной народной организациі, и что при такой обстановкѣ всякая демократическая попытка непремѣннымъ образомъ должна обратиться въ мѣру государственную, а слѣдовательно, противонародную, то благородный чуткій инстинктъ его сказалъ бы ему, что для *порядочнаго* русскаго человѣка не можетъ быть теперь мѣста въ Варшавѣ.

„Всего этого не понялъ и не почувствовалъ И. С. Аксаковъ. Увлеченный тѣснымъ, дикимъ и къ тому же губительнымъ для Россіи государственнымъ патріотизмомъ, онъ позабылъ все человѣческое, и самъ поставилъ себя преступникомъ противъ челоуѣчества, преступникомъ противъ свободы, блага и достоинства Россіи, которыя внѣ и противъ челоуѣчества невозможны. Онъ принесъ всю свою нравственную и умственную силу на поддержку государственнаго преступленія, совершеннаго и совершаемаго правительствомъ и его палачами въ Польшѣ, и послѣ того не переставалъ клеветать на Россію, увѣряя, что это преступленіе необходимо для ея спасенія.

„И, несмотря на все это, я готовъ повторить съ вами, что г. Аксаковъ — челоуѣкъ честный, но только подъ однимъ условіемъ, — вы должны согласиться со мной, что все, что мы придадимъ его честности, будетъ отнято нами у его способности разумѣнія.“

1) Когда же ѣздилъ И. С. Аксаковъ? Изд. „Колокола“.

3032. Credit et debet.

Debet. Противоположный намъ по направленію, но честнѣйшій и чистѣйшій органъ русской печати „Москва“ получилъ *третье* предостереженіе и приостановленъ на три мѣсяца. Опасно пугаться въ закулисныя дѣла тамъ, гдѣ роль impressario играетъ дряхлый Селадонъ Адлербергъ¹⁾... Остановка „Москвы“ накануне прїѣзда славянскихъ гостей на этнографическую выставку въ Москвѣ полна значенія, — пусть они знаютъ, что значить русская свобода слова.

*Credit*²⁾. Крестьяне такъ были удивлены справедливостью рѣшенія, что отслужили молебенъ.

3033. (Новый романъ Тургенева „Дымъ“).

Новый романъ Тургенева „Дымъ“ приобрѣтенъ, говоритъ „Вѣсть“, „Русскимъ Вѣстникомъ“ за „пять тысячъ руб. Вотъ награда Тургеневу за „Дымъ“, а Каткову за то, что его чадъ террора и доносительства проходить, и онъ исподволь начинаетъ признаваться („Моск. Вѣд.“ № 63), что:

„Не только наши бѣдныя мнѣнія, но и самыя возвышенные предметы могутъ подвергаться злоупотребленіямъ. Развѣ тѣ лжеученія, которыя губили нашу молодежь, не были злоупотребленіемъ самыхъ великодушныхъ чувствованій, и не во имя ли любви къ ближнему и состраданія къ неимущимъ прокладывалъ нигилизмъ доступъ себѣ къ молодымъ и незрѣлымъ умамъ? Самыя дикія ученія коммунизма не суть ли въ основѣ своей извращенные инстинкты религіознаго свойства? Начало собственности есть великое начало; безъ него не можетъ стоять гражданское общество, безъ него невозможна цивилизація; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы оно могло быть предметомъ злоупотребленій и орудіемъ обмана“.

3034. (Общій фондъ).

Въ общій фондъ получено изъ Ниццы 100 франковъ.

3035. Отъ издателей.

Со слѣдующаго листа „Колокола“ мы начнемъ помѣщать рядъ ненапечатанныхъ прежде отрывковъ изъ „Былого и думъ“ и литературныя статьи подъ заглавіемъ „Безъ связи“.

Во избѣжаніе недоразумѣній мы просимъ посылающихъ намъ статьи или корреспонденціи заявлять *впередъ*, желаютъ ли они получать плату или нѣтъ.

1) Причина Валуевымъ дана не та, а статья о пробѣ Даябернѣ, но намъ сдается, что раздраженіе идетъ не отъ такого духовнаго предмета. А. И. Г.

2) Слѣдуетъ читать изъ газетъ о рѣшеніи владимірскаго окружнаго суда въ пользу крестьянъ, а не вѣдомства государственныхъ имуществъ.

3036. Письмо къ Н. А. Огаревой.

(6 мая 1867).

Сегодня 6-ое и уже 12 часовъ, а я письма *отъ* 2-го не имѣю, — отъ такого дня, который мнѣ дорогъ двойнымъ горемъ.

Я рѣшительно съ жизнью здѣсь сладить не могу, несмотря на твое ироническое замѣчаніе, что я „живу, какъ хотѣлъ“, причемъ *забыла ты одно*, что не вся моя жизнь зависитъ отъ „порядка и усердія“. Конечно, я люблю, чтобъ *кухня была въ кухню*, и шумъ посуды не мѣшалъ бы другимъ интересамъ, но есть и другія стороны, не меньше необходимыя. Зачѣмъ же судьба не дала тебѣ тотъ духъ простоты и участія, который врачуетъ эти боли? На меня находятъ такая тоска, что я не могу ее скрыть. Куда ни посмотрю, все идетъ дурно, и все исправлять поздно. Огар. изъ его быта не выведенъ. Онъ согласенъ на время переѣхать сюда, но я вижу, что это разрушаетъ его строй. Вопреки моему совѣту, Шарл. 1) пріѣдетъ къ 1 іюня. Я замѣнилъ бы „Колок.“ трехмѣсячными книжками — и этого нельзя передъ этимъ нахальствомъ эмигрантовъ, которые скажутъ, что мы ослабѣли подъ ихъ ударами.

Въ твоихъ письмахъ ищу иногда отдыха, — его нѣтъ, все старая рѣчь объ отрубленной головѣ и повтореніе того, что мнѣ рѣжетъ по сердцу. Дѣйствит., плечи здоровы, ну, *зато* и крестъ не легко. — Прости за этотъ плачь — больно и скучно.

Позже.

Брошюра С.-С. до такой степени гадка, что мы не хотимъ и посылать ее. Замѣтъ, что всѣ здѣшніе кричатъ противъ нея (кромѣ Элп. и Никол. 2)), и никто не осмѣливается *протестовать*. 1

Романъ Тург. очень плохъ, и онъ за него получилъ 5 т. сереб. отъ Каткова, а мы презабавно.

Сынъ Долгор. пріѣхалъ; онъ уменъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но что онъ, каковъ, если въ 19 лѣтъ отгадать нельзя?

Получила ли Лиза ариметику Лили? а я ей привезу „*A voyage*“ — прелестнѣйшая шутка. Тамъ ей надобно было объяснить и инныя сцены пропускать.

Прощайте.

1) Hutton.

2) Николадзе.

До сихъ поръ ясно одно изъ ближайшихъ плановъ, что безъ войны ѣхать въ Страсб. легко. Даже, какъ ты говорила, найти на нѣсколько дней домикъ близъ Огар. внѣ Женева легко. Далѣе, ясно для меня, что я въ Женевѣ *жить не могу*. До чего мнѣ и это больно, это ты только тогда поймешь, когда захочешь подумать обо мнѣ, какъ о другѣ, какъ о близкомъ и неизмѣнно близкомъ чловѣкѣ и съ тобой и съ Ог.

Можетъ, есть что-нибудь и лишнее, — прости и поцѣлуй Лизу.

У Саши фант. покупать во Флор. дачу по случаю на часть своего капитала. Жду подробностей. На двѣ недѣли не стоитъ Татѣ ѣздить, это — вздоръ.

Встрѣтилъ кн. Мещерскую¹⁾ съ какимъ-то хватомъ.

◆◆ 1. Брошюра А. А. Серно-Соловьевича „Наши домашнія дѣла, Отвѣтъ г. Герцену на статью „Порядокъ торжествуетъ“ (III, „Колоколъ“ № 233)“, Vevey, 1867 г. (вышла въ началѣ мая) — написана въ видѣ письма, начинающагося обращеніемъ „Милостивый государь“.

„Было время, когда выхода „Колокола“ ожидали съ нетерпѣніемъ; это время прошло навсегда и безвозвратно. Которое время лучше: то ли, прошлое, когда вамъ вѣрили, когда на васъ смотрѣли, какъ на одного изъ лучшихъ людей въ Россіи, или же теперешнее, когда молодое поколѣніе васъ поняло и отвернулось отъ васъ, — это зависитъ совершенно отъ вкуса.

„Для меня лично теперешнее время несравненно лучше прежняго, какъ пріятнѣе дѣйствительность всякихъ, даже самыхъ заманчивыхъ заблужденій и мечтаній. Я давно перестала, если не совсѣмъ читать, то, по крайней мѣрѣ, интересоваться вашимъ листкомъ: избитые, давно знакомые звуки, риторическіе фразы и возгласы, старыя варіаціи на старую тему, остроты, иногда довольно удачныя, но большею частью пошлыя, общія мѣста о „Землѣ и Волѣ“, — все это слишкомъ пріѣлось, наскучило и даже опротивѣло“.

„Молодое поколѣніе, особенно послѣдователи и ученики Чернышевскаго, давно поняли и вполне оцѣнили васъ. Если пропаганда Чернышевскаго отвѣчала, какъ вы сами говорите, на настоящія страданія и потребности общества, если она указывала выходъ, если она приготовила цѣлую фалангу людей, проповѣдывавшихъ словомъ и дѣломъ — да, главное *дѣломъ* — социалистическія теоріи, если она оставила глубокіе корни въ странѣ, которыхъ не истребить никакими висѣлицами, если она провела рѣзкую черту между въ самомъ дѣлѣ юною Россіей и прикидывающейся такою, — то, вѣдь, эта же про-

¹⁾ Александра Павловна, жена кн. Николая Николаевича Мещерскаго,

лаганда научила молодежь и распознавать людей, научила ее понимать, что слова, не подтвержденные жизнью, остаются мертвой буквой, риторическим упражнением, научила ее видеть во вась, например, кость, принадлежащую миру иного солнца и иных деревьевъ, чело-вѣка, подходящаго къ тому недоразвившемуся типу людей, о которыхъ Чернышевскій говоритъ въ своемъ „Что дѣлать?“.

„Да, молодое поколѣніе поняло вась и, понявъ вась, отвернулось съ отвращеніемъ, а вы все еще мечтаете, что направляете его, что вы „сила и власть въ русскомъ государствѣ“, какъ нѣкогда писалъ вамъ г. Ч., что вы вождь и представитель молодежи. Вы вождь ея?.. Ха! ха! ха! Молодое поколѣніе давно опередило вась цѣлой головой въ пониманіи вещей и событій, а вы, не замѣчая, что отстали отъ него, что позади его, машете изъ всѣхъ силъ ослабѣвшими крыльями и потомъ, видя, что надъ вами только потѣшаются и подтруниваютъ, исходите злобой и упрекаете молодежь въ неблагодарности къ наставнику, къ основателю ученія, къ первосвященнику, такъ сказать, русскаго социализма!.. Вы поэтъ, художникъ, артистъ, рассказчикъ, романистъ, вы все, что хотите, только не политическій дѣятель, и еще менѣе теоретикъ, основатель школы, ученія... Вы захотѣли сдѣлаться Чернышевскимъ, и съ этихъ-то поръ и началось наше паденіе.

... Какъ вы еще не поднесли поздравительнаго адреса земскому царю или не написали протеста противъ безумнаго поступка Каракозова (понимаете, на что я намекаю)?... Нѣтъ, г. основатель русскаго социализма, молодое поколѣніе не проститъ вамъ отзыва о Каракозовѣ, — этихъ строкъ вы не выскоблите ничѣмъ.

А завтра будете издѣваться съ обычнымъ вашимъ остроуміемъ надъ русскими офицерами, участвовавшими въ возстаніи (въ августѣ 66 г. при мнѣ на Pont des Bergues), и кричать на Cograterie, въ Женевѣ, а qui veut l'entendre¹⁾, что пора перестать деликатничать съ поляками, пора высказать имъ всю правду (исторія-то, видите ли, въ томъ, что вы, не понимая того, что дѣлается кругомъ вась, не понимая, что не польскія дѣла, а отсутствіе въ вась внутренняго содержанія заставило публику отвернуться отъ вась, приписали паденіе „Колокола“ своимъ симпатіямъ къ полякамъ, которыми, разумѣется, тотчасъ и пожертвовали, когда вопросъ коснулся самолюбія).

.. Знаете ли, какъ „вашъ братъ и другъ Потебня“ отзывался мнѣ о вась, когда мы однажды въ Лондонѣ, уже въ послѣднюю его поѣздку въ Англію, выходили вмѣстѣ отъ вась? Онъ съ озлобленіемъ говорилъ мнѣ о вась, о вашихъ отношеніяхъ къ офицерскому

¹⁾ Кому угодно слушать.

обществу и въ заключеніе сказалъ: *Герценъ годится уже теперь только на то, чтобы быть убитымъ на баррикадѣ, на которую онъ, впрочемъ, никогда не пойдетъ.*

„Что дѣлаете вы, обладая громаднѣйшимъ состояніемъ, т.-е. главнѣйшимъ условіемъ для борьбы за дорогую вамъ Россію, — борьбы, которой вы такъ хвастаетесь? Въ чемъ заключается ваша борьба? Само русское правительство начинаетъ понимать безвредность вашей поэзии и, запрещая даже произносить имя Чернышевскаго, разрѣшаетъ продавать „Кто виноватъ?“.

„А молодая эмиграція и ваши отношенія къ ней?.. Когда эти юноши со святыми ранами, о которыхъ вы проливали слезы, сдѣлались вдругъ эмигрантами и, спасаясь въ Швейцаріи отъ каторги и висѣлицы, ободранные и голодные, обратились къ вамъ, вождю, милліонеру и несправимому социалисту, обратились не съ просьбою о насущномъ хлѣбѣ, а съ предложеніемъ общей работы, вы отвернулись и съ гордымъ презрѣніемъ отвѣчали: „Что это за эмиграція? Я не признаю эмиграціи! Не надо эмиграціи!“ Въ августѣ прошлаго года я снова доказывалъ вамъ необходимость солидарности между эмиграціей, и вы снова отвѣчали мнѣ тѣми же фразами. Помните, въ ликерной на rue du Rhône; гдѣ вы распивали Клико съ энергическимъ дѣятелемъ полковникомъ Стеллою“ и удивлялись моему гражданскому мужеству, т.-е. тому, что я не пью шампанское“.

Вторая половина брошюры является „отвѣтомъ“, указаннымъ на обложкѣ, причемъ авторъ очень неосторожно расшифровалъ значеніе Чернышевскаго въ подготовкѣ мысли молодого поколѣнія, что, какъ видно изъ дѣлъ III Отдѣленія, еще разъ убѣдило наше правительство въ правотѣ его систематическаго преслѣдованія знаменитаго публициста.

„Вы дополняли Чернышевскаго! Вы шли рука объ руку съ Чернышевскимъ! Такой штуки даже и я отъ васъ не ждалъ, а я васъ хорошо изучилъ. Сами судите, какъ тутъ не разразиться хохотомъ. Вы дополняли Чернышевскаго! — нѣтъ, г. Герценъ, теперь уже поздно прятаться за Чернышевскаго. Торро tardi, удачное время упущено. Между вами и Чернышевскимъ нѣтъ, не было и не могло быть ничего общаго. Вы — два противоположные элемента, которые не могутъ существовать рядомъ, другъ возлѣ друга; вы — представители двухъ враждебныхъ натуръ; не дополняющихъ, а истребляющихъ одна другую, до того расходитесь вы во всемъ — отъ міросозерцанія до отношенія къ самимъ себѣ и людямъ, отъ общихъ вопросовъ до малѣйшихъ проявленій частной жизни.

„. . . Вспомните также, сколько разъ вы говорили и писали моему брату, чтобы онъ постарался помирить васъ съ Чернышевскимъ во имя, такъ называемаго, общаго дѣла...“

„Самообожаніе — вотъ ваше главное несчастіе, оно совсѣмъ ослѣпляетъ васъ. Вы совѣтуете вашему царю сосредоточивать побольше вниманіе свое, тотъ же совѣтъ дамъ и я вамъ на прощаніе. Вниманіе, вниманіе, г. Герценъ, къ молодому поколѣнію, вѣдь, ему, а не вамъ принадлежитъ будущее Россіи. Сойдите на землю, забудьте, что вы великій человѣкъ, вспомните, что медали съ вашимъ изображеніемъ вычеканены не благодарнымъ потомствомъ, а вами самими, на свои, такъ сказать, кровныя денежки; приглядывайтесь поближе къ тому, что дѣлается кругомъ васъ, — тогда вы, можетъ, поймете, что сухихъ листьевъ и бумажныхъ змѣевъ никто не жалѣетъ. . . что вы, г. Герценъ — мертвый человѣкъ“ (цитирую безъ массы типографскихъ ошибокъ).

Основа брошюры датирована 9 марта 1867 г. а затѣмъ идутъ дополненія, написанныя послѣ выхода апрѣльского „Колокола“. Они написаны еще болѣе нервно, нервно, порывисто, съ какими-то умолчаніями — словомъ, видно, что болѣзнь автора прогрессировала.

Въ 1871 г. въ Лейпцигѣ эта брошюра вышла по-нѣмецки: „Unsere russischen Angelegenheiten“ съ дополненіями S. L. Borkheim'a.

Отношеніе Герцена къ большей части молодой эмиграціи, группировавшейся преимущественно въ Женевѣ, было очень неодобрительно; читатель и дальше встрѣтитъ не мало очень рѣзкихъ о ней отзывовъ. Будущіе изслѣдователи имѣютъ въ этомъ вопросѣ большой просторъ глубокаго изученія, — въ мою задачу оно пока не входитъ, потому что зарубежная литература до сихъ поръ мало обслѣдована, а мнѣ самому заняться именно этимъ вопросомъ не представилось времени по условіямъ личной жизни и дѣятельности. Я укажу только на мнѣнія современниковъ, которые должны быть признаны осѣдомленными.

„За весьма рѣзкими исключеніями, — пишетъ Г. Н. Вырубовъ, — это были люди крайне некультурные, умственно и нравственно надломленные. Выброшенные изъ своей среды случайными обстоятельствами, они жили или, лучше сказать, бѣдствовали въ какомъ-то туманѣ горькихъ разочарованій и несбыточныхъ надеждъ. Не имѣя никакой реальной почвы подъ ногами, вѣчно раздраженные, озлобленные на все и на всѣхъ, они ссорились между собой безъ всякой причины и безъ всякой нужды. Своею умственной и нравственной немощью, своими мелкими интригами, своими грубыми манерами они производили на меня самое непріятное впечатлѣніе, и хотя я со всѣми ими познакомился, но держался отъ нихъ по возможности въ сторонѣ. Къ Герцену большинство ихъ относилось критически: они находили, что онъ недостаточно имъ денежно помогаетъ, — а помогать онъ имъ много — что онъ отсталъ отъ революціонныхъ идей, и что „Колоколь“

сталь чуть ли не консервативнымъ органомъ. Одно, однако, они всё призвали: Герценъ былъ человекъ общительный, добрый и къ молодежи крайне снисходительный“ („В. Европы“ 1913, I, 56).

Другой породы человекъ, меньше баринъ и не боявшийся всего, вѣдше разнузданнаго и не сдержаннаго, но также видѣвшій и знавшій обѣ стороны, Н. В. Шелгуновъ говорить: „Уже въ Лондонѣ начались царапающія отношенія между Герценомъ и посѣщавшими его русскими эмигрантами, и, наконецъ, въ Швейцаріи эти отношенія кончились полнымъ взаимнымъ отчужденіемъ. Обѣ стороны не понимали другъ друга и разошлись съ горькимъ враждебнымъ чувствомъ. Началось, кажется, съ требованія отъ Герцена денегъ; это его оскорбляло, потому что было требованіе. Затѣмъ сталъ исчезать и взаимный умственный интересъ; умственный горизонтъ эмигрантовъ казался Герцену слишкомъ узкимъ, онъ привыкъ къ умственному простору, котораго, конечно, тутъ бы и не могъ найти. Люди оказались слишкомъ разнаго умственнаго роста. Но не одна разница въ горизонтахъ отдѣляла Герцена отъ эмигрантовъ. Кстати припомню такой случай. Въ одинъ изъ прїѣздовъ въ Петербургъ Тургеневъ пожелалъ познакомиться съ новой молодежью и для Тургенева устроили вечеръ. Между приглашенными „образцами“ былъ и Р., совѣтъ еще молодой, горячій и рѣчистый. Тургеневъ и Р. сидѣли на диванѣ рядомъ, и Р. цѣлыхъ два часа развивалъ Тургеневу свои экономическо-соціальныя идеи. Тургеневъ молчалъ и внимательно слушалъ. Когда Р. кончилъ, Тургеневъ всталъ, развелъ руками и сказалъ: „не понимаю!“. Вотъ это самое „не понимаю“ разъединяло и Герцена съ новыми людьми, которыхъ онъ встрѣтилъ. Ихъ разъединялъ весь складъ мышленія, разное пониманіе всѣхъ моральныхъ отношеній, личныхъ и общественныхъ, разныя привычки жизни, то, что Г. называлъ „безцеремоннымъ самолюбіемъ, закусившимъ удила“, и, наконецъ, разница политическихъ программъ. Было изъ-за чего не понимать другъ друга“ („Сочиненія“, II, 649—650).

„Герценъ былъ крайнимъ радикаломъ, воинствующимъ публицистомъ съ неотразимой силой огромнаго таланта — пишетъ Н. А. Бѣлоголовый — но въ это время уже терявшій реальную почву подъ ногами, вслѣдствіе 20-лѣтняго выѣзда изъ Россіи, и потому неясно разбиравшійся въ томъ гигантскомъ броженіи умовъ, какое внесло на родинѣ первое десятилѣтіе новаго царствованія; въ одинаковомъ же положеніи находился и его ближайшій сотрудникъ Огаревъ. А вокругъ уже сходявшаго со сцены Герцена бурлила и шумѣла молодая эмиграція, эта партія, считавшая себя представительницею новыхъ вѣяній и которую въ то время только съ натяжкой можно было приравнять къ социалистической; скорѣе то была группа нигилистовъ, по-

тому что, состоя изъ незрѣлыхъ юношей и недоучившихся студентовъ, она не имѣла опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ, и вся программа ея сводилась на огульное отрицаніе всего прошлаго Россіи и заслугъ ея прежнихъ дѣятелей на пользу общества и народа, а въ настоящемъ — на полное уничтоженіе всякаго государственнаго и общественнаго строя; впоследствии группа эта, вступивъ въ интернаціональ-соціалистическое общество, существовавшее въ Женевѣ, усвоила ученіе социализма и стала ближе всего сходиться съ Бакунинымъ и его проповѣдью анархизма... Герценъ лично мнѣ жаловался горько на тяжелыя отношенія и частыя столкновенія, возникавшія между нимъ и этой молодежью. Въ началѣ онъ встрѣтилъ ее съ горячимъ участіемъ интересомъ, какъ новый для него типъ нарождающагося поколѣнія послѣ крѣпостнической Россіи, и гостепріимно предложилъ ей сотрудничество въ своей газетѣ „Колоколъ“, какъ организованномъ уже органѣ, и указывалъ при этомъ на это сотрудничество, какъ на денежный заработокъ, такъ какъ большая часть этой молодежи нуждалась въ средствахъ къ жизни. Изъ предложенія этого ничего не вышло, ибо молодая эмиграція, сильная только въ своемъ отрицаніи всего существующаго, не была способна ни къ систематической работѣ вообще, ни къ литературному труду въ частности, а еще того менѣе къ выясненію политическихъ и общественныхъ задачъ времени“ („Воспоминанія“, 116—117).

Огаревъ говоритъ, что когда Герценъ поселился въ Женевѣ, „тамъ было много русскихъ, почти всѣ были нигилисты. Послѣдніе относились къ Герцену крайне враждебно. Большая часть изъ нихъ помѣщалась въ русскомъ подворьѣ или, въ русскомъ пансіонѣ г-жи Ш. (елгуновой)“. „Жизнь въ Женевѣ не нравилась Герцену: эмигранты находились въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ него; незанятые, они имѣли много времени на суды и пересуды; ихъ неудовольствіе на Герцена, — неудовольствіе, въ которомъ главную роль играла зависть къ его средствамъ, крайне раздражала Александра Ивановича, тѣмъ болѣе, что его здоровье съ 1864 года начинало ему измѣняться“ („Воспоминанія“, 234, 237). Въ этомъ свидѣтельствѣ чувствуется, много мелочности, но по существу оно вполне гармонируетъ со сказаннымъ другими и В. А. Панаевымъ.

Когда послѣдній бесѣдовалъ съ Герценомъ въ Женевѣ въ 1865 г., А. И. „сталъ рассказывать о разныхъ личностяхъ, наѣзжающихъ къ нему изъ Россіи и которыя, въ концѣ концовъ, просятъ нахальнымъ образомъ денегъ, опираясь на то, что они, бѣгущіе отъ російскаго режима, ищутъ помощи у него, какъ у представителя протеста этому режиму. „Давалъ, давалъ, да, наконецъ, я усталъ, — сказалъ онъ. Вѣдь, не Крезъ же я. Вотъ еще недавно, особенно назойливо, обра-

тился ко мнѣ одинъ человѣкъ, котораго вы, конечно, встрѣчали у меня въ Лондонѣ; это — братъ Серно-Соловьевича... Лѣтъ шесть-семь тому назадъ меня посѣщали болѣе или менѣе люди серьезные. Положимъ, люди, отрицающіе существующій политическій строй, положимъ, скептики въ религіи, но люди, искренно любящіе свою родину. Нынѣ же въ прїѣзжающей сюда молодежи я вижу какое-то особое настроеніе, мало утѣшительное. Эти господа, именующіе себя нигилистами, характеризуются отрицаніемъ совѣсти, отрицаніемъ нравственныхъ началъ, преобладаніемъ корыстныхъ цѣлей, исключительнымъ эгоизмомъ, отсутствіемъ стремленія къ труду и какимъ-либо чистымъ идеаламъ" („Рус. Страница" 1902, V, 328).

Самъ представитель молодой эмиграціи, Л. Мечниковъ разсказаль Драгоманову, что, перенесши „Колоколь" въ Женеву, Герценъ хотѣлъ привлечь къ общей работѣ и молодую эмиграцію. „Но послѣдніе требовали, чтобы редакція газеты зависѣла отъ цѣлой корпораціи эмигрантовъ, которой долженъ былъ быть переданъ и фондъ Бахметева и еще сумма, обезпечивающая „Колоколь". Герценъ, основываясь главнымъ образомъ на томъ, что „Колоколь" есть литературное дѣло, а изъ молодыхъ эмигрантовъ мало кто доказаль свои способности къ литературѣ, не соглашался выпустить редакцію „Кол." изъ своихъ рукъ, хотя обѣщаль печатать подходящія писанія эмигрантовъ, даже платить за нихъ гонораръ и допустить постоянныхъ сотрудниковъ газеты въ совѣтъ редакціи, но не соглашался на предложенія передать газету и фонды въ руки корпораціи, не представлявшей никакихъ гарантій своей умѣлости и прочности". Тотъ же эмигрантъ прибавилъ, что въ ихъ средѣ были и такіе, которые ставили Герцена, и какъ писателя, ниже Элпидина... „У Элпидина, говорили, только нѣтъ остроумія Герцена, но зато сколько же взятыхъ съ крестьянъ денегъ потрачено на литературное воспитаніе Герцена" („Письма Бакунина", 530—531, 214).

„Недоразумѣнія съ молодой эмиграціей — говоритъ современникъ нашей эпохи Ю. Стекловъ — отравили послѣдніе годы Герцена, и нужно сказать, что если молодежь была во многомъ несправедлива къ Герцену, то еще болѣе несправедливъ онъ оказался по отношенію къ ней. Здѣсь повторилось то же колоссальное историческое недоразумѣніе, которое нѣкогда побудило Герцена обрушиться на Чернышевскаго и Добролюбова, заслуги которыхъ онъ впоследствии долженъ былъ признать" („Борцы за социализмъ", 55—56). Необходимо, однако, сдѣлать фактическую оговорку: среди эмигрантовъ, съ которыми Герценъ не нашель ничего общаго, не было ни одного, кто играль бы сколь-ко-нибудь видную роль въ ходѣ и развитіи русской общественной мысли и литературной дѣятельности. Мы не знаемъ, какъ бы онъ отнесся

къ Г. А. Лопатину, В. А. Зайцеву, П. Н. Ткачеву и пр., но знаемъ, что Ножинъ произвелъ на него самое лучшее впечатлѣніе.

„Тяжелое впечатлѣніе. — говоритъ тотъ же авторъ — производить частое упоминаніе Герценомъ о мнимыхъ или дѣйствительныхъ покушеніяхъ революціонной молодежи на его деньги, презрительное отношеніе къ бѣднякамъ эмигрантамъ, принужденнымъ прибѣгать къ его помощи, — во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ прибавить, что вообще Герценъ охотно и не мало помогалъ нуждающимся политическимъ эмигрантамъ и даже не однимъ эмигрантамъ; больно читать описаніе его роскошной жизни въ барскихъ хоромахъ то въ собственномъ домѣ на Елисейскихъ поляхъ (Rue d'Amsterdam, недалеко отъ Елисейскихъ полей — М. Л.), то въ богатомъ кварталѣ Лондона, посреди эмигрантовъ, нуждавшихся въ самомъ необходимомъ, и особенно больно то, что Герценъ самъ не замѣчаетъ всего неприличія, всей, мы бы сказали, неэстетичности этого противорѣчія между словомъ и дѣломъ; стыдно становится за Герцена, когда читаешь у него, какъ онъ наканунѣ междоусобной американской войны продалъ свои американскія бумаги, спекулируя такимъ образомъ на побѣду рабовладѣльцевъ, да и самъ Герценъ впоследствии со стыдомъ вспоминалъ объ этомъ малодушномъ шагѣ“ (стр. 39).

Эту очень двойственную оцѣнку, съ весьма существенными собственными же оговорками, Стекловъ покрываетъ еще болѣе слѣдующимъ заявленіемъ: „Въ разгарѣ вражды прямолинейная молодежь закрывала даже глаза на несомнѣнные и великія заслуги Герцена передъ русскимъ освободительнымъ движеніемъ; въ пылу полемическаго задора она отрицала даже литературный талантъ Герцена, хотя уже и тогда не могло подлежать никакому сомнѣнію, что съ точки зрѣнія литературнаго таланта Чернышевскій не выдерживаетъ никакого сравненія съ издателемъ „Колокола“, да и не въ этомъ была его сила“ (стр. 37).

Дальше намъ придется еще вернуться къ этому вопросу.

3037. Письмо къ Н. А. Огаревой.

8¹⁾ мая (1867), среда.

Какъ Тат. Ал.²⁾ вышла вся живая передо мной, точно на другой день похоронъ Ник. Ив.³⁾ А, все таки, она славная женщина. Много было тебѣ, Natalie, больно читать въ ея письмѣ, но она и С. Ив.

1) Ошибочно датировано „9“.

2) Астракова.

3) Астраковъ.

человѣчески правы и стряхнуть отчаяніе такъ же необходимо для жизни, какъ снять весь внѣшній трауръ. Ты пишешь, что не можешь плакать при постороннихъ; трауръ — слезы на платъѣ. Я всегда боролся съ постомъ и пр.

Благодарю тебя сильно за то, что ты вступилась за меня. Какая мерзавка эта баба, наслетничавшая на меня! Слова холоднаго о Сер. Ив. никогда ни въ какомъ случаѣ не переходило монхъ губъ. Тат. Ал. пишетъ, что не вѣрить, но, если-бъ совсѣмъ не вѣрила, то и не писала бы. Грѣшно ей, — напиши еще разъ.

Его смерть, его призывъ Огар. мнѣ даже хотѣлось плакать. О, жизнь, жизнь! не будемъ портить послѣднія страницы ея. Дай и твою руку или — просто обнимаю тебя съ печалью и любовью.

Съ Бессо ¹⁾ не бранись, но и не церемонься. Рѣшетку вели переимѣнить. О надписи, если безобразна, тоже скажи. Зачѣмъ же ты не видала прежде рѣшетки и надписи? Какъ же было не ходить десять разъ? Прилагаю записку къ нему и другую къ тебѣ отъ Бессонши. Она принесла эту записку въ пакетѣ безъ надписи, и она съ недѣлю провалялась въ столовой, потому что я не хотѣлъ открывать, не зная, отъ кого.

Какъ помѣститься, мы увидимъ; въ жары не надобно очень тѣсниться; не отдастъ ли Фе мнѣ еще одну комнату, довольно большую въ его домѣ (если Тата будетъ у васъ)? — въ моей спальнѣ заниматься нельзя. Вѣрно, домъ будетъ пусть къ половинѣ юня. Узнай.

Вѣрь мнѣ, что какъ только опредѣленно что-нибудь соображу, я напишу. Я знаю одно, что я никого изъ васъ не оставляю, и что для тебя съ Лизой я нуженъ — и сдѣлаю все возможное.

Сегодня дине ²⁾ у Долг. съ Фогтомъ, Огар... Сынъ его ³⁾ вчера былъ долго одинъ у меня; умень, но дальше не знаю.

3038. Приписка къ Н. А. Огаревой.

9 мая (1867), четвергъ.

Письмо это ⁴⁾ Ог. отдалъ мнѣ вчера за обѣдомъ у Долг. Тамъ было нескучно въ 1-ый разъ и это отъ присутствія Фогта. Разговоръ невольно поставили на общую точку, — вотъ какъ все зависитъ отъ умѣнія и силы.

На этотъ разъ писать нечего. Прощай. Письмо Тат. Ал. и я перечелъ.

¹⁾ Хозяинъ дома, гдѣ жила Огарева.

²⁾ Diner — обѣдъ.

³⁾ Князя П. В. Долгорукова.

⁴⁾ Т. А. Астраковой о смерти С. И. Астракова.

10 мая.

Отъ Лугин. длинное, печальное письмо; онъ опять просить рѣшительнаго отвѣта и, въ случаѣ отказа, готовъ ѣхать въ Россію; хочеть самъ спросить еще разъ. Миѣ его жаль; видно, — что дѣло не поверхностнаго чувства. Я думаю, что нѣтъ ни одного шанса.

Здѣсь дикое мясо, звѣри юной молодежи дѣлають всевозможныя гадости надъ нами. Для Огар. начинаются разочарованія. Можетъ, я улажу такъ, что „Кол.“ остановится до новаго года отъ 1-го іюля (десятилѣтіе).

Прощай.

Сейчасъ письмо отъ Нефталя изъ Берлина; онъ путешествуетъ и нажилъ огромныя деньги въ Цинцинати.

3039. Письмо къ М. К. Рейхель.

10 мая 1867.

Genève, 7, Quai Mont Blanc.

Ну, видите, что стыдно, то стыдно — Schande-Schande; живете въ Бернѣ, — узнаю отъ проѣзжихъ молодцовъ; сами построже — львы тоже.

За это и я писать не хочу, а пріѣхать могу, коли попросите прощенія.

Рейхеля и дѣтей цѣлую.

Наши всѣ здоровы.

Прощайте.

3040. Письмо къ сыну.

11 мая (1867), суббота.

Письма пришли, и я Татино письмо прочелъ съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ. Оно меня застало въ невеселомъ расположеніи духа: сплетни и гадости здѣшнихъ враговъ нашихъ переходятъ всѣ границы, и я съ истинной завистью смотрю на Огар., который, ничего не замѣчая, изъ всей грязи выходитъ, какъ мѣсяць изъ-за облаковъ, обдумывая математическую формулу или музыкальную тему. Я не созданъ такимъ воздухоплавателемъ и мечтаю объ отъѣздѣ изъ Женевы. Очень можетъ быть, что, пользуясь десятилѣтіемъ „Колок.“, мы его приостановимъ на 6 мѣсяцевъ (объ этомъ ни слова).

Затѣмъ посылаю 360 фр. зол.; это по курсу составитъ около 400. 100 — Татѣ на дорогу, а 300 въ хозяйство изъ второй половины 1867.

Тетка Белосгварда ¹⁾ меня очень одолжила своей смертью. Во Флоренціи ничего покупать нельзя, развѣ, въ самомъ дѣлѣ, одну мебель. Я самъ примусь искать дачу по Корниче. Ты, любезнѣйшій д-г., еще слишкомъ младъ въ финансахъ, чтобъ посягать на недвижымыя покупки. Эту „младость“ ты доказалъ два раза въ послѣднемъ письмѣ: Ты азбуки финансовой не знаешь.

1. Ренты платятся вездѣ споконъ вѣка 2 раза въ годъ; ex gr., А. имѣеть 10,000 капит. по 5⁰ °; ему платятъ:

1 янв. — 250

1 іюля — 250.

Но А. вздумалъ продать В. свой заемъ въ 10,000 и вздумалъ, именно *въ мать*. Вотъ онъ и говоритъ: „Саго В., я вамъ продамъ 10,000 по курсу, напр., за 8,000. Но, такъ какъ на этихъ 8,000 уже есть фр. 220 процентовъ, то вы ихъ и прибавьте, а 1-го іюля получите ихъ у Авигдора, Ленсъ-фиса“. Кажется, не головоломно, а ты воображаешь, что я могу написать до срока Авигдору: „Mon cher Av.“ или Америкѣ — „Ma chère Amérique, comme Alex. n'a pas d'argent pour le moment, ayez la complaisance“ и la mère Ique ²⁾ — сейчасъ доллары на шлюпку да въ Poggio Imperiale да на виллу Мутье Нальдини.

2-ое, еще курьезнѣе. А. пишетъ В.: „Сейчасъ, сію минуту, если можно, полчаса тому назадъ, пошли 125 фр. туда-то.

Thorz. de courir, lettre de change de s'écrire — la cire à cachetter soule, le timbre se mouille³⁾), а милый А черезъ недѣлю пишетъ: „можеть, недостаетъ чего, такъ справься, моль (хотя гиды есть не только во Флоренціи *брадславы* ⁴⁾), но въ Фернамбукѣ) прежде“.

Ескузе, dottore, все, что я могу сдѣлать, это доплатить здѣсь что будетъ издержано. Пусть займетъ фр. 40 или фунта 1¹/₂ гдѣ угодно. Въ заключеніе я долженъ сказать, что изъ 2-ой полов. 1867 ты ужъ взялъ 850 франк. и тебѣ остается до 1 янв. 1,650 et que Dieu vous protège⁵⁾).

Я очень радъ, что Тата ѣдетъ съ креол. Жду вашего письма насчетъ Луг.

¹⁾ Bello Sguardo — видла около Флоренціи.

²⁾ „Моя дорогой Ав. — моя дорогая Америка, такъ какъ Алекс. сейчасъ безъ денегъ, то будьте любезны и матушка Икъ“. L'Amérique можно прочесть la mère Ique.

³⁾ Тхорж. начинаетъ бѣгать, вексель пишется, сургучъ течеть, печать смачивается.

⁴⁾ Bradslaw — путеводитель.

⁵⁾ И да защититъ васъ богъ.

Ахъ, Мальвида... Мальвида... Мальвида Филиппевна, сбелосгвардничала-таки карѣйшая.

Ольгу цѣлую и писать больше времени не имѣю.

P. S. Такъ какъ я и васъ считаю русскими, то желаю просто знать, какъ на васъ подѣйствовало письмо къ Аксак., потому что оно имѣетъ большую важность.

Мар. Касп. въ Бернѣ; я поѣду къ ней.

Опять англичанка и съ ней мальчикъ 14 лѣтъ свалились близъ Villepeuv'a въ пропасть; мальчикъ уцѣлѣлъ, и она осталась жива, но совсѣмъ сломалась, — охота же.

12, воскр.

Деньги посланы. Отъ Нефталя письмо изъ Берлина; онъ пріѣхалъ прокатиться, заработавши страшныя деньги въ Цинцинати.

Addio.

За итальянской рентой у меня свободныхъ нѣтъ; амер. продаются въ 85%, стало, и тутъ была бы потеря въ 15 на 100. Я считаю, что нашъ placement, это дѣло довольно пустое... но libre arbitre у тебя не отнимаю. Въ дѣлахъ первое условіе совершенно холодно разобрать и ужъ не увлечься видами и домиками. Помни, что если Италія не обанкротится совсѣмъ, то 9,000 съ 180,000 будутъ получаться вѣрнѣе, чѣмъ доходъ съ упеченныхъ въ дачу 120,000. Что у васъ говорить о финансахъ, ex. gr., Доманже?.. Первое, что слѣдуетъ, требуй отсрочку 1).

Скажи Татѣ, что ей буду какъ-нибудь писать особо. Брошюра Сер.-Сол., исполненная желчи и ругательства противъ меня, вышла; вѣроятно, она составлена сообща съ разными змїями, откармливаемыми Огаревымъ и его безконечной добротой.

A rgoros, если дѣло переѣзда къ Огар. рѣшено, дѣлать нечего, а чѣмъ больше я присматриваюсь, тѣмъ больше вижу, что это — величайшая нелѣпость.

P. S. Совсѣмъ, было, забылъ: помни, что на рентѣ, лежащей у Авигдора, уже есть процентъ отъ янв. — до 10 мая, т.-е. около 4,000, которые должны взойти въ счетъ.

Далѣе. На какихъ основаніяхъ hypothèque 2)? Мало знать, что на 10 лѣтъ. Какіе % и условія? Потомъ надобно увидѣть, что же будетъ при продажѣ aux enchères 3).

1) За такой важной вещью слѣдуетъ или мнѣ пріѣхать во Флор. или тебѣ сюда. А. И. Г.

2) Закладная.

3) Съ аукціона.

NB. Если онъ принимаетъ *rente*, hypoth. не нужна, но нужна *purge hypoth.* ¹⁾, свидѣтельствующая, что нѣтъ долговъ на дачѣ, или, если есть, слѣдуетъ знать. Для этого надобно легиста и нотариуса.

Думай и думай.

Но что же въ 8 дней сдѣлаешь, когда 4 прошли?

А что мнѣніе Combe? Худшіе — въ этихъ дѣлахъ лучшіе.

Посоветуйся съ Піанчани. У меня ~~сердце~~ не лежитъ къ *impeubli'ямъ* ²⁾ во Флоренціи.

3041. Письмо къ Н. А. Огаревой.

12 мая (1867), воскресенье, 7 утра.

Ну вотъ, Natalie, и начало разныхъ рѣшеній. Рѣшено „Колоколъ“ не издавать отъ 1 іюня до 1 января (это — тайна и должно остаться тайной до 15 іюня). Такимъ образомъ я свободенъ отъ конца іюня до начала декабря. Ог. рѣшительно до тѣхъ поръ остается здѣсь да, вѣроятно, и послѣ. Въмѣсто „Колокола“ выйдетъ сборникъ. 15-го мая я объявляю, что не хочу имѣть никакого дѣла съ фондомъ (ты думать не можешь, чтѣ здѣсь за мерзости творятся; жизнь С.-С. посвящена одной интригѣ противъ меня, и онъ съ Ник. ³⁾ вертитъ всѣми, кромѣ Мерч. и Мечник.)

Второй вопросъ рѣшается почти такъ же круто. Наконецъ, я получилъ подробныя письма изъ Эльзаса. Безъ сомнѣнія, что школь нигдѣ нѣтъ лучше, и даже есть въ Страсб. одинъ женскій пансіонъ ⁴⁾, гдѣ нѣтъ религіознаго преподаванія.

Но, несмотря на миръ или перемиріе, жить тамъ, говорятъ, очень плохо и трудно, все на военную ногу и пр., — дополняй картину сама. Изъ этого выходитъ ясно, что надобно обратить все вниманіе на гувернантку и на школы въ Генуѣ или Марсели. (Мнѣ опять хвалили новыя части города и школы тамъ).

Гувернантокъ въ Эльзасѣ нѣтъ. Тамошнія дѣвушки предпочитаютъ за маленькую плату быть въ пансіонахъ и не уѣзжать, особенно въ частные дома. Стало, опять писать приходится въ Швейцарію, и я, какъ управлюсь съ этимъ „Колок.“ (онъ выйдетъ 16 мая), ѣду въ Лозанну и Бернъ къ Мар. Каспар.

¹⁾ Выкупъ закладной.

²⁾ Недвижимостямъ.

³⁾ Няколадзе.

⁴⁾ Дѣйств., тамъ, гдѣ масса, близъ Кольмара, рѣшительно не принимаютъ полупансіонеровъ. А. И. Г.

Между тѣмъ, поговори съ Татой и посовѣтуйся; вѣрь мнѣ, что она основательнѣе |смотреть, чѣмъ ты думаешь.

Прощай. Теперь жары — сними съ себя черныя платья; я очень любилъ твой домашній костюмъ въ Лозаннѣ; сдѣлай себѣ бѣлыя блузы — я такъ хочу тебя застать.

Прощай.

Тата пишетъ, что она ѣдетъ съ креолкой, пріятельницей Осип. Ив. ¹⁾, о которой я рассказывалъ. Прими ее получше, напиши съ ней къ Саффи или Ос. Ив.

Лиза, пиши подробнѣе, что ты дѣлаешь съ Женни, и пришла ли книга? Тата къ тебѣ собирается. Когда ты получишь это письмо, будетъ ровно мѣсяць, что я уѣхалъ.

Кланяйся Elisabeth.

Прощай.

Въ Висконсинѣ и Канзасѣ всѣмъ женщинамъ 21 года дано право выбора депутатовъ.

3042. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

(14—15 мая 1867).

• *Mon*рe annexée, si je ne vous écrivais pas à *part*e — c'est que je n'avais presque rien à dire. La vie ici est franchement dégoûtante — un *orange* surgit après l'autre, lâche une odeur fétide à mon adresse et *dis*parait. A force de calomnie — l'infâme et ignoble Ser.-Sol. est parvenu à amener contre moi un tas de vauriens de crétiens... je brûle de m'en aller... laissant Ogareff dans ce guêpier. Mais lui il a une autre nature — il ne pense pas à ce qui se fait autour de lui, somnambule reveillé — on pourrait se fâcher de tant de bonté. Je vous dis en secret — jusqu'au 1 juillet — c'est que nous fêtons notre decennium du „Kolokol“ — et que nous prenons un repos de *six mois*. Le „Kolokol“ ne paraîtra pas jusqu'au 1-er janvier 1868.

J'irai probablement vous voir à S. Terenzo. A propos pensez vous qu'il soit possible de trouver une bonne école à Gènes pour Lise. Son sort est vraiment triste — cette solitude, tout l'entourage, doit agir d'une manière non salubre sur un enfant — plein d'esprit, mais nerveux. Informez-vous. Moi je ne connais parmi les Genoï — que Colomb, Mazzini et le Fiesco de Schiller.

¹⁾ Машини.

Faites donc traduire par Tata ma lettre à Aksakoff (la grande) — comme j'ai prévu elle a fait beaucoup de bruit — même dans les journaux de Paris on en a parlé.

Eh bien — il povero Fri V — j'ai immédiatement après avoir lu le menu — couvert de cendre ma tête, déchiré ma robe — et lu une messe de mort. Encor une étoile... qui file... *filie et se marie*. Ja, er kann jestzt *Weit* oder *Nah* gehen — ficellé...

En parlant de typhus d'hyménée figurez-vous que L. m'écrit encore une lettre — me déchirant le cœur parce que je l'aime. Mais pourtant cela n'est pas une cause suffisante pour se faire aimer.

Pierre Leroux est ici et vient me voir... Corpo di bacco, je n'ai jamais vu des ténèbres si clairs, une confusion si harmonieuse, une force d'intelligence dans l'absurde — comme chez ce vieillard... C'est, la raison humaine — rebroussant chemin et s'en allant dans le chaos — il m'a apporté un livre énorme sur Job — erlauben Sie dass ich mit dieser Hiob's Post endige. — Ah, vous avez voulu des Calembourgs — en voilà

devotissime,

A. Herzen.

Si vous pouvez avoir „l'Opinion Nationale“ du 13, vous y trouverez le peccavi des polonais.

Appendix. Proverbe ad hoc — chaque Fric a sa Fricaine. Pour cela il faut être A (à) Fricaine: et jè désire à Fri V d'avoir un Fri VI.

Переводъ.

Дорогой, аннексированный другъ! если я не писалъ вамъ, особо, то потому, что мнѣ почти нечего было рассказать вамъ. Жизнь здѣсь прямо отвратительна: одна жаба появляется за другой, испускаетъ въ мою сторону зловонный запахъ и исчезаетъ. Путемъ клеветы гнусному и подлому Сер.-Сол. удалось натравить на меня цѣлую свору негодяевъ и кретиновъ... Я горю желаніемъ сбѣжать... и оставить Огарева въ этомъ осиномъ гнѣздѣ. Но у него совсѣмъ другой характеръ: онъ, какъ разбуженный лунатикъ, почти не замѣчаетъ того, что происходитъ вокругъ него... доброта его можетъ вывести изъ себя. Скажу вамъ по секрету, только до 1-го іюля — что мы будемъ праздновать десятилѣтіе „Колокола“ и что послѣ этого будемъ отдыхать въ теченіе *шести мѣсяцевъ*: „Колоколъ“ выйдетъ не ранѣе января 1868 г.

Я, вѣроятно, прїѣду повидаться съ вами въ S. Terenzo. Кстати, не знаете ли вы, можно ли найти въ Генуѣ хорошее учебное заведеніе для Лизы? Судьба ея поистинѣ печальна: это одиночество, вся среда должны оказывать нездоровое вліяніе на ребенка умнаго, но нервнаго. Разузнайте, пожалуйста. Я лично знаю изъ генуэзцевъ только Колумба, Маццини и Шиллера Фіеско ¹⁾).

Пусть Тата переведетъ мое письмо (большое) къ Аксакову; какъ я, предвидѣль, оно надѣлало много шума: даже въ парижскихъ газетахъ говорили о немъ.

Итакъ, бѣдный Fri V ²⁾ — какъ только я прочелъ меню, я посыпалъ пепломъ свою главу, разодралъ на себѣ одежды и отслужилъ панихиду ³⁾. Еще одна звѣзда падаетъ... еще одна дѣвушка выходитъ замужъ... Да, теперь онъ можетъ уйти далеко или близко — онъ на веревочкѣ ⁴⁾.

Кстати, о брачномъ тифѣ: представьте себѣ, что Л. ⁵⁾ еще разъ написалъ мнѣ, и письмо его раздираетъ мое сердце, потому что я люблю его. Но это еще не достаточно для взаимности.

Пьеръ Леру здѣсь и навѣщаетъ меня... Чортъ возьми, я никогда не видалъ такого яснаго мрака, такой стройной путаницы, такой силы ума, доведенной до абсурда, какъ у этого старика... Это — человѣческій разумъ, идущій вспять и доходящій до хаоса. Отъ принесъ мнѣ огромную книгу объ Іовѣ — позвольте мнѣ закончить письмо этой печальной вѣстью. Вы все желали каламбуровъ — вотъ вамъ каламбуръ.

Преданнѣйшій

А. Герценъ.

Если вы можете раздобыть „l'Opinion Nationale“ отъ 13-го, вы тамъ найдете покаяніе поляковъ.

Добавленіе. Пословица ad hoc: каждый Фрикъ имѣетъ свою Фрикену ⁶⁾. Для этого нужно быть женою Фрикена, и я желаю Фри V имѣть Фри VI.

¹⁾ Намекъ на трагедію Шиллера „Заговоръ Фіеско въ Генуѣ“.

²⁾ Читается Fri Quint — Фрикень.

³⁾ Рѣчь идетъ о женитьбѣ А. Э. Фрикена.

⁴⁾ Тутъ все игра словъ: étoile 'qui file — падающая звѣзда; fille — дѣвушка; ficelle — нитка, веревочка, за кот. дергають маріонетку.

⁵⁾ В. Э. Лугининъ.

⁶⁾ Французская поговорка гласитъ: chaque vilain trouve sa vilaine, т. е. приблизительно: вѣтъ такого уroda, который не нашелъ бы себѣ пары.

3043. Письмо къ М. К. Рейхель.

13 мая (1867).
7, Quai Mont Blanc.

Зачѣмъ проклятая скарлатина? Впрочемъ, лѣтомъ она не такъ зла. Напишите о ходѣ болѣзни. Приѣду я непременно, но хочу, чтобы вы совсѣмъ были покойны; я послѣ 20 мая свободенъ. Ёду въ Ниццу и потомъ въ Италію около 20 іюня. Приѣхалъ я сюда 15 апрѣля, пробывъ 4 мѣсяца во Флоренціи и Венеціи. Дѣтьми очень доволенъ да, чтобъ и вы были довольны, посылаю Ольгу¹⁾. Тата развилась превосходно. Саша читалъ публичныя лекціи. При свиданіи расскажу все. Остановливаюсь я въ Bernerhoff и въ Schweizerhoff; я къ отелямъ такъ привыкъ, что ни у васъ, ни у Львицы²⁾ не остановлюсь.

И изъ Ег. Ив. письма, словно, изъ подвала такъ и хватило мразью. Саша Пассекъ умеръ. Жалкій былъ характеръ, слабый, но добрый.

И Мельгуновъ умеръ, не заплативши мнѣ 13/т. долга.

Прощайте. Сегодня не выдавлю изъ себя ничего свѣтлаго — двумя лѣвыми ногами всталъ.

А что, кабы Рейхелю, въ самомъ дѣлѣ, въ Москву въ консерваторію? Хорошо и вамъ бы было, — навѣрное, что вы тамъ уже изнѣмечились.

Пишите.

3044. Письмо къ Н. П. Огареву.

13 мая (1867), понедѣльникъ.

Посылаю корморана³⁾ отъ пленитуды⁴⁾ горечи всяческой и оттого, что нуженъ твой отвѣтъ (не съ кормораномъ, а въ 5 часовъ или $\frac{1}{2}$ 6 въ кафѣ или дома).

1-ое. Письмо отъ Н. Что она хочетъ, я не понимаю, но чувствую безконечную и разлагающую боль. Она доведетъ меня до того, что я соглашусь на поѣздку ихъ въ Россію. А Сатинъ-то не ѣдетъ да и не ѣдетъ. Я сказалъ, что къ іюлю буду въ Ниццѣ — что же

¹⁾ Ея портретъ.

²⁾ Ю. И. Лионъ.

³⁾ Cormorant — худощавый высокій человекъ.

⁴⁾ Plenitude — полнота, изобиліе.

сдѣлать? И почему Татинъ прїѣздъ требуетъ рѣшенія? Подумай, что отвѣчать.

2-ое. Саша Пассекъ умеръ въ Парижѣ. Говорятъ, что Тат Петр. совсѣмъ подшиблена этимъ, совсѣмъ.

3. У сына Мар. Касп. сильная scarlatina, и она проситъ меня не ѣздить.

4. Не зайдешь ли ты къ Мерч. передъ кафэ? Послать Чернецъ къ В. 1) — такое униженіе меня и Чернецъ, которое ты посовѣтовалъ, думая о другомъ, а я принялъ, вовсе не думая. Отдай ему глупую записку Ник. 2) и освободи его отъ дальнѣйшаго участія. Это крѣпкій Schwächling 3). Объ тебѣ же Тхорж. говоритъ: „Когда Н. П. отвѣчаетъ, онъ думаетъ о поэзии, а потому отвѣтъ не подходитъ“. Какъ-ковъ! Я сегодня, говоря съ нимъ, рѣшилъ, что твой совѣтъ безуменъ.

5. Принеси съ собой адресъ Мечникова непременно.

Долг. просидѣлъ до 11. Я тебѣ не могъ надивиться: охота сидѣть въ такой скукѣ. Онъ меня уводилъ, чтобы спрашивать о дѣлѣ „Бѣл. террора“, однако, не очень ругался да и я сократилъ разсказъ. Обѣщаль клятвенно молчать, но что В. писалъ статью, зналъ прежде.

Вотъ тебѣ и отъ Лизы письмо съ цвѣткомъ. Не знаю, отчего, но я въ цѣпномъ *manvaise humeur* 4).

Finale. Мар. Касп. прислала письмо отъ Егор. Ив., диктованное: онъ совсѣмъ ослѣпъ, и у него было послѣдовательно восемь карбункуловъ.

Cancan. Вотъ еще сплетня, но тайна и ни намѣка: у тебя Шарл. называютъ „M-me Herzen“; я думаю, что это неправда, но, если... какъ же Тата и пр.?.. Не понимаю. Увѣрять же меня Саша, что онъ рѣшительно перервалъ все, кромѣ патерничета 5)... Или я помѣшался или, дѣйствительно, все кругомъ помѣшано. Попали мы въ *guêrier* 6).

При семь „Колок.“ за 1866.

1) Авторъ статьи „Бѣлый терроръ“.

2) Николадзе.

3) Слббосильный.

4) Плохое настроеніе.

5) Отчество.

6) Осиное гнѣздо.

3045. Славянская агитація.

Славянская агитація сильно продолжается въ Россіи; представи тели всѣхъ славянствъ ѣдутъ изъ Австріи въ Москву поговорить объ энтографіи и, вѣроятно, о географіи — и не только математической, но и политической, — ѣдутъ посмотрѣть на выставку, на которой „Москва“ и И. С. Аксаковъ будутъ представлять Фенеллу и молчать въ Кремлѣ, такъ, какъ та молчала въ Портичи. Все это очень хорошо, хотя обѣды въ 12 руб. сер. съ челоуѣка неумѣстны и даже становятся mauvais genre. Пора намъ, русскимъ, заявлять свои сочувствія не только животомъ, но и другими частями тѣла. Въ желудкѣ нашемъ никто не сомнѣвался, ни злѣйшіе враги Россіи, ни ея друзья. Въ томъ, что, несмотря на несчастіе освобожденія, у *разоренныхъ* все еще есть лишніи деньги, и это всѣмъ извѣстно, а потому неприлично исключать небогатыхъ людей изъ празднества высокими цензюми мѣни. Удивлять стерлядями и кулебяками послѣ того, какъ стерляди ѣли Муравьеву и кулебяки Каткову, какъ то стало противно.

✦спѣха энтографическому, всеславянскому собору мы желаемъ отъ души. Можетъ, и правительство наше увлечется хорошимъ примѣромъ и, наслушавшись, какъ скверно славянамъ подъ гнетомъ австріаковъ и турокъ, вспомнить, что есть еще несчастные славяне, ихъ соотчичи, разоряемые безпорядкомъ, задавленные нѣмцами, разстрѣливаемые генералитетомъ, и зоветъ ихъ на *общую думу* вмѣстѣ погоревать, потужить да посовѣтоваться сообща, какъ горю пособить.

Какъ тамъ ни агитируй въ Турчинѣ да Галичинѣ, все-таки, начать надобно и дома. Однимъ *Казанскимъ* соборомъ не отдѣлаешься теперь передъ войной...

3046. Въ ю же мѣру мѣрите...

„Голось“ раскопился по поводу доноса какой-то австрійской газеты на славянъ, ѣдущихъ на московскую выставку:

„Debate“ дѣлаетъ формальный доносъ на чеховъ, изъявившихъ желаніе отправиться „въ Мекку панславизма“. Братство на основаніи панславизма (воскликаетъ нѣмецкая газета) — *заговоръ противъ Австріи* (!). Кто принимаетъ въ немъ участіе, тотъ *дѣлаетъ вызовъ цѣлой Австріи*. Крикъ негодованія — вотъ единственно возможный отвѣтъ австрійскихъ народовъ тѣмъ, которые сдѣлались сообщниками *столь гнуснаго покушенія на существованіе Австріи*.

„Бѣдная Австрія! до чего ты дожила!“ („Голось“ № 108).

А что мы *пережили*, и очень недавно? Развѣ инымъ языкомъ говорили „Москов. Вѣд.“, развѣ ихъ доносы были меньше вредны?.. Замѣните слово „Австрія“ словомъ „Имперія“, и самъ Катковъ приметъ эту гадкую выходку за отрывокъ изъ „Москов. Вѣд.“. Чему же такъ дивиться чужой грязи, когда своя на губахъ не обсохла.

Впрочемъ, мы совершенно съ „Голосомъ“ согласны, и особенно съ его послѣдними словами, что „всѣ шпіонскія нашептыванія газетъ (имя рекъ) не что иное, какъ совершенно *излишнія мерзости*“, даже и тогда, когда ихъ шепчуть на сіятельное ухо Шувалова.

3047. Сумасшествіе.

Указомъ 28 марта Царство Польское окончательно присоединяется къ Россійской имперіи, на общихъ основаніяхъ законодательства и раздѣленія на губерніи. Что для Россіи отъ этого не лучше, а для Польши убійственно, это несомнѣнно. Для кого же лучше?

3048. Басня И. А. Крылова.

Не можемъ не повторить напечатанную въ „Русскомъ Архивѣ“ превосходную и совершенно неизвѣстную басню Крылова, вѣроятно, не пропущенную прежней цензурой¹⁾.

Какъ стары и какъ новы этотъ добрый царь-скотъ и эти злые волки съ портфелемъ.

3049. ¿ Кто Б.?

Въ Петербургѣ, въ русскомъ купеческомъ клубѣ какой-то ярыга и дѣйств. совѣтникъ Б. оскорбилъ даму. Старшина не вступился за нее. Ободренный ярыга нагналъ даму въ саняхъ и *поколотилъ ее*. Судь посадилъ его на три мѣсяца въ тюрьму. Но кто же этотъ Б.? Неужели „Вѣсти“ удалось убѣдить власть имущихъ, что только фамиліи бѣдныхъ людей и не чиновныхъ могутъ печататься вполнѣ.

3050. Петръ IV.

Изъ Петербурга пишутъ, что Шуваловъ²⁾ и часть злѣйшихъ ретроградовъ готовятъ сильный походъ противъ новыхъ судебныхъ учреждений. Что же и ждать другого отъ начальника шпіоновъ и его союзниковъ.¹

1) Слѣдуетъ текстъ „Пестрыхъ овецъ“.

2) Графъ Петръ Андреевичъ.

◆ 1. 23 іюня Бакунинъ писалъ Герцену: „А ты очень удачно назвалъ Шувалова Петромъ IV. Это, пожалуй, поразитъ государя и не на шутку разсоритъ его съ нимъ. А если А. Н. не читаетъ „Колокола“, то, безъ сомнѣнія, найдутся при дворѣ доброжелатели Шувалова, которые перескажутъ или покажутъ твою статью государю“ („Письма“, 208). Прозвище это такъ и установилось за новымъ временщикомъ.

3051. Отцы сдѣлались дѣдами.

Отцы сдѣлались дѣдами... А дѣды болтаютъ себѣ, болтаютъ безъ конца и связи да кальянъ покуриваютъ, а *продымленную* воду сливаютъ Каткову въ передникъ. Экій этотъ Иванъ Сергѣичъ ¹⁾ — лучший, сказалъ бы я, изъ всѣхъ Ивановъ Сергѣичей въ мірѣ, если-бъ не боялся обидѣть Аксакова. И нужны ему эдакіе *дымы* ²⁾ кольцами пускать! Вѣдь, надѣлила же его природа всякими талантами: умѣтъ объ охотѣ писать, умѣтъ перомъ стрѣлять по всякимъ глухимъ теревамъ и куропаткамъ, живущимъ въ „дворянскихъ гнѣздахъ“ да „затишьяхъ“. Нѣтъ, хочу, говорить, быть публицистомъ — ѣдимъ, злымъ, желчнымъ, а самъ — добрѣйшая душа, ни желчи, ни злобы, ни разѣдающихъ „костиковъ“ ³⁾, ничего такого. Но нельзя же взять совсѣмъ бездичные и не очень новые мѣха да въ нихъ налить *продымленную* воду, назвать ихъ Натугинымъ или Потугинымъ ⁴⁾, заставить постоянно сочиться, какъ каучуковую грушу, и выдавать ихъ за живыхъ людей, да еще будто за такихъ, которые въ министерствѣ финансовъ служили и отличія получали... Читаешь-читаешь, чтò несетъ этотъ Натугинъ, да такъ и помянешь Козьму Пруткува: „Увидишь фонтанъ — заткни и фонтанъ, дай отдохнуть и водѣ“, особенно *продымленной*.

Представьте себѣ эту куклу, постоянно говорящую не о томъ, о чемъ съ ней говорить. Возлѣ — поврежденный малый, безъ живота отъ любви, безпрестанно мечется въ траву, а кукла его донимаетъ слѣдующими сентенціями, напоминающими Сквороду, да и то не ту, на которой варятъ блины, а малороссійскаго философа:

¹⁾ Тургеневъ.

²⁾ Новая тогда повѣсть „Дымъ“ Тургенева напечатана въ III кн. „Рус. Вѣстника“ Каткова.

³⁾ Caustique — колкій, ѣдкій.

⁴⁾ Персонажъ въ „Дымѣ“.

„Толковали мы съ однимъ изъ нашихъ нынѣшнихъ „вьюношей“ о различныхъ, какъ они выражаются, вопросахъ. Ну-съ, гнѣвался онъ очень, какъ водится; бракъ, между прочимъ, отрицалъ съ истинно-дѣтскимъ ожесточеніемъ. Представлялъ я ему такіе резоны, сякіе — какъ объ стѣну! Вижу, подѣхаты ни съ какой стороны невозможно. И блесни мнѣ тутъ счастливая мысль! Позвольте доложить вамъ, началъ я; съ „вьюношами“ надо всегда говорить почтительно; я вамъ, милостивый государь, удивляюсь; вы занимаетесь естественными науками и до сихъ поръ не обратили вниманія на тотъ фактъ, что всѣ плотоядные и хищныя животныя, звѣри, птицы, всѣ тѣ, кому нужно отправляться на добычу, трудиться надъ доставленіемъ живой пищи и себѣ, и своимъ дѣтямъ... А вы, вѣдь, человѣка причисляете къ разряду подобныя животныя? — Конечно, причисляю, подхватилъ „вьюноша“; человѣкъ, вообще, не что иное, какъ животное плотоядное. — И хищное, прибавилъ я. — И хищное, подтвердилъ онъ. — Прекрасно сказано, продолжалъ я. Такъ вотъ я и удивляюсь тому, какъ вы не замѣтили, что всѣ подобныя животныя пребываютъ въ единобрачїи? Вьюноша дрогнулъ. — Какъ такъ? — Да такъ же. Помните льва, волка, лисицу, ястреба, коршуна... Да и какъ же имъ поступать иначе — соблаговолите сообразить. И вдвоемъ-то дѣтей едва выкормишь... Задумался мой вьюноша. — Ну, говорить, въ этомъ случаѣ звѣрь человѣку не указъ. — Тутъ я его обозвалъ идеалистомъ, и ужъ огорчился же онъ! Чуть не заплакалъ. Я долженъ былъ его успокоить и обѣщать ему, что не выдамъ его товарищамъ...

„Но вы, кажется, не слушаете меня“?..

Увидишь фонтанъ — заткни и фонтанъ!

Да и какъ же итти министерству финансовъ, когда тамъ служатъ люди съ такой потугой! Довольно, что и поэтъ Бенедиктовъ былъ по контрольной части.

3052. Общій фондъ.

Въ общемъ фондѣ къ 15 мая остаются переданныя намъ изъ другого фонда въ прошедшемъ сентябрѣ *двѣсти пятьдесятъ семь франковъ* и расписки въ ссудахъ на сумму *тысяча четыреста франковъ*. Деньги мы передали въ Русскую типографію г. Чернецкому и просимъ имѣющихъ право на ссуды и помощь или желаніе возвратить заимообразно взятое обращаться къ нему. Мы съ 15 мая прекращаемъ всякій сборъ и, готовые передавать деньги „по назначенію“, не будемъ имѣть ни кассы, ни участвовать въ ея распредѣленїи¹⁾.

1) Расходъ изъ 257 фр. будетъ печататься. Впрочемъ, если-бъ передававшіе это сумму желали взять на себя ея употребленіе, мы были бы очень благодарны. А. И. Г.

3053. Письмо къ Г. Н. Вырубову.

17 мая 1867.

7, Quai Mont Blanc.

Очень радъ съ вами опять перекликнуться и съ искреннимъ желаніемъ успѣха прочелъ вашу программу. Во имя науки, освобожденной не только отъ религіи, но и отъ метафизики, можно итти на проповѣдь. Худшій врагъ вашъ, это — двойство образованія, это оврагъ, который дѣлилъ васъ, лейбъ-компанейцевъ разума, со всей толщей народонаселенія, въ которомъ есть слои „всѣхъ возрастовъ, отъ тридцати до двухъ годовъ считая“, прошлыхъ историческихъ формаций, но нѣтъ *современнаго* слоя. Въ странѣ 800.000 солдатъ, въ которой журналы подстрекаютъ на войну, — въ странѣ, гдѣ уничтоженіе тюрьмы за долги принимается за дебоширство, вы останетесь фалангой будущаго. Гдѣ тотъ рядъ сильныхъ произведеній, которыя бы подтверждали скорыя надежды развитія? Но работать надобно — тутъ нѣтъ выбора, и потому ваше дѣло, разумѣется прекрасно. Въ слѣдующ. „Колоколѣ“ мы объявимъ о „Revue“.

Письмо мое къ Аксакову — не къ Аксакову; я такъ, какъ вы сами говорите, просто и взялъ его за предлогъ, чтобъ еще разъ имъ поставить ~~ужь~~ не points sur les i¹⁾, а pate²⁾ на „ижихъ“.

Здѣсь дѣлаются чудеса: составилаь легкая бесѣда русскихъ эмигранцевъ (это новое слово, для нихъ придуманное мною), который крѣпкая голова — Сер.-Сол., выпущенный меньше года изъ сумасшедшаго дома. Они себѣ поставили цѣлью обругивать меня, печатать брошюры, лгутъ, напр., о моей розни и ссорѣ съ Чернышевскимъ, словомъ „демолируютъ“ меня да и только.

Въ Парижъ я теперь не поѣду, — больно грузно, а къ 1 іюля поѣду опять въ Италію и, можетъ, до зимы.

Я радъ, что вамъ по душѣ „Былое и думы“; у меня есть готовые V и VI часть да еще суплементинъ³⁾ (V — Лондонъ и эмигранты не русскіе, VI — Исторія типографіи и „Колокола“; изъ нея будетъ большой отрывокъ въ „Кол.“ Суплементъ состоитъ изъ „Швейцарскихъ видовъ“ и „Venezia la bella“; послѣдней статьей я доволенъ).

Читали ли вы „Дымъ“ И. Тургенева? Не стыдно ли въ сѣдинѣ своей мастурбировать такую дрянь. Я его немного задѣлъ⁴⁾.

1) Точки надъ i.

2) Кляксы.

3) Дополненіе.

4) См. № 3051.

О Шахов. ¹⁾ тоже вѣсть ваша хороша. Помогайте ему, пожалуйста, тѣмъ больше, что съ 15 мая я уничтожилъ общій фондъ, благодаря нахальству эмигранцевъ. (Если когда вздумаете прислать на бѣднухъ, знайте, что я теперь распоряжаться буду самодержавно).

Затѣмъ прощайте; не знаю, будетъ ли что у меня, но если найду у кого изъ нашихъ подходящую статью, то можно ли ее вамъ послать *по-русски* ?

Будьте здоровы

А. Герценъ.

Луг., если опять увидите, поклонитесь ему и передайте о Сер. Сол. Я Луг. очень уважаю и очень люблю. Вѣроятно, русскихъ, qui s'exposent à l'exposition ²⁾ видимо не видно?

А вы мнѣ 1-ую книжку „Revue“ пришлите.

Сейчасъ получ. отъ Баку. письмо. Онъ въ Искіи; хлопочетъ, шумитъ; прочтите его письмо въ „Кол.“. ¹

◆◆ 1. 7 мая Бакунинъ писалъ изъ Искіи:

„Любезные друзья. Четыре дня тому назадъ я вамъ послалъ для напечатанія добавочное письмо объ Аксаковѣ, которое, надѣюсь, удовлетворитъ васъ. Теперь пишу вамъ съ пріятелемъ, могу сказать — съ другомъ своимъ Валеріаномъ Мрочковскимъ, котораго вамъ рекомендую. Онъ везетъ отъ меня письмо къ Тхоржевскому и порученіе къ Чернецкому. Окончательное и счастливое заключеніе порученнаго ему дѣла зависить, разумѣется, отъ вашего согласія, безъ котораго Чернецкій ни на что не согласится. Надѣюсь, что вы мнѣ въ этомъ согласіи не откажете. Что вамъ за дѣло, что напечатается въ типографіи Чернецкаго „ситуація“ № 2, которая будетъ заключать опроверженіе направленія Маццини и Гарибальди еще въ сильнѣйшихъ и яснѣйшихъ выраженіяхъ, чѣмъ въ первой, причѣмъ будетъ высказано все должное уваженіе къ двумъ знаменитымъ, но нынѣ для Италіи истинно фатальнымъ итальянцамъ? Если Чернецкій, съ вашего благословенія, согласится напечатать ее и вмѣстѣ съ Тхоржевскимъ возьмется ее разослать по адресамъ, которые везетъ имъ Мрочковскій, то увѣдомьте меня поскорѣе, — я вамъ вышлю въ скорое время манускриптъ вмѣстѣ съ деньгами для покрытія издержекъ. Одинъ только вопросъ: кто будетъ держать корректуру? Не согласишься ли ты, Герценъ? Ну обо всемъ этомъ переговорите съ Мрочковскимъ. Къ

¹⁾ Озеровъ.

²⁾ Экспонируетъ себя на выставкѣ.

25-му непременно вы получите в Женевѣ мою первую статью — продолженіе писемъ. Она уже написана, слѣдуетъ только передѣлать, укоротить и подчистить.

„Ты все горюешь о томъ, Герценъ, que nous avons maqué notre vocation (что мы не нашли своего призванія — М. Л.) и что не умѣли стать во-время практическими людьми. Но практика не возможна безъ объективнаго политически-соціального основанія, а въ официальной Россіи для насъ, съ нашимъ соціально-политическимъ, противогосударственнымъ направленіемъ, его для насъ быть не можетъ. Ты, какъ будто, завидуешь настоящей дѣятельности Аксакова, Самарина et consortes. Но вспомни, что они купили ее цѣною православія и примиренія въ Польшѣ съ петербургскимъ государственнымъ принципомъ. Я читалъ умныя рѣчи Самарина въ московскомъ земскомъ съѣздѣ — онъ говорилъ очень умно, но также и очень безобидно, потому что, согласившись встать одинъ разъ въ положеніе, въ которомъ можетъ процвѣтать только одна государственность, онъ словами, конечно, не опрокинетъ ее. Всѣ эти господа побиваются теперь ихъ собственнымъ оружіемъ и будутъ въ концѣ разбиты. Что ни говорите, друзья, а логика — великая, скажу болѣе, едино сильная вещь. Будемъ логичны и мы будемъ сильны, если не для настоящаго, то непременно для будущаго и, можетъ быть, болѣе близкаго, чѣмъ намъ самимъ кажется. А я не вѣрю въ восточную войну, — и скажу почти твоими словами, — она насъ не вынесетъ, а мы, — или за чѣмъ же мы? — наше государство ее загрязнить и испортить своимъ вмѣшательствомъ. Оно ищетъ на Востокѣ не новой жизни, а возмездія и вознагражденія за нанесенный урокъ старой жизни Крымскою кампаніею, надѣется возстановить ее новыми побѣдами подъ крутой шумокъ. Все это гроша не стоитъ. Все это официальное кокетничаніе со славянами отвратительно, гадко, — и у меня большая охота напомнить всѣмъ этимъ нѣмецкимъ славянамъ и славянамъ государственнымикамъ: Палацкому, Ригеру, Браунеру и другимъ, что они ѣдутъ въ Москву, чтобы праздновать тамъ славянское братство черезъ задавленную Москвою славянскую Польшу. Ну, объ этомъ, если позволите, поговорю въ статьяхъ. Ты спрашиваешь меня, другъ Огаревъ, какъ мы живемъ? Тѣсно, братъ, но зато дружно и тихо. Теперь перебрались въ Искію, гдѣ пробудемъ мѣсяць, два, а можетъ и три, и гдѣ буду ждать денегъ изъ Россіи. Писалъ я нѣкоторымъ друзьямъ въ Америку, куда хотѣлъ бы посылать въ журналы корреспонденціи. Они хорошо платятъ. Надѣюсь, что не откажутъ. Если получу достаточно денегъ, то непременно приѣду на мѣсяць къ вамъ. Покамѣстъ моею главною квартирою останется Неаполь. Здѣсь живетъ тихо, свободно и недорого. Ну, и природа, — вы сами знаете, какъ она хороша“ („Письма“, 194—196).

Герценъ отвѣтилъ Бакунину ненайденнымъ мною письмомъ, на что получилъ отвѣтъ отъ 23 мая опять изъ Искіи:

„... Ты напрасно уговариваешь меня щадить Осиповъ (Ф.-е. Мащини и Гарибальди — *М. Л.*). Во мнѣ чувство историческаго піэтета всегда было сильно и не въ мои лѣта грѣшить противъ него мальчишескою дерзостью. Лишь бы только исторія и прошедшія заслуги, какъ бы онѣ велики ни были, не становились поперекъ настоящему дѣлу и будущему. Тогда, извини, со всѣмъ должнымъ почтеніемъ, но столкнуть съ дороги мѣшающихъ необходимо. Ты говоришь, что ты — въ чемъ я и сомнѣваться не могъ, — теоретически со всѣми мыслями согласенъ, но что, какъ массы не приготовлены еще къ ихъ осушествленію, проповѣдывать ихъ теперь непрактично. Я на это не согласенъ. Мысли эти потому и имѣютъ за себя будущее, что онѣ стихійнымъ образомъ живутъ и всегда жили въ потребностяхъ массъ. Къ нимъ массы ближе, напр., чѣмъ къ конституціонному либерализму или чѣмъ къ мацциніевскому республиканизму. Ты самъ же на всѣ голоса, еще въ 1848 году, провозглашалъ, что внѣ нашихъ идей все другое мертво есть. Не проповѣдывать же мертвечину, ни даже полъ-, ни даже четверть, ни даже малѣйшую долю мертвечины. А что идеи наши примутся и, главное — поймутся и осуществятся не вдругъ, это другое дѣло. Тутъ надо много, много терпѣнія и выдержки. Увидимъ ли мы хоть миллионную долю осуществленія, будемъ ли, по крайней мѣрѣ, довольно счастливы, чтобъ умереть, какъ умеръ Самсонъ, — вопросы лично для насъ, разумѣется, интересные, но если и не увидимъ и не будемъ, что до этого? — лишь бы не прожить совсѣмъ даромъ и оставить по себѣ хоть какой живой слѣдъ. Всякій своимъ путемъ — ты перомъ, я знакомствомъ. Разочарованій, ошибокъ, промаховъ на пройденной дорогѣ было много, но я не пугаюсь такъ легко неудачъ и, благодаря постоянству въ стремленіи, могу сказать, что и утѣшительныхъ успѣховъ, особливо въ послѣднее время, было достаточно. А прогос, кажется, что русское правительство добирается до меня и въ отдаленномъ Неаполѣ. На-дняхъ я узналъ, что здѣшній префектъ *marquese Gualterio*, архи-консортъ и государственный мелкій дѣлецъ, объявилъ Рангоци свое подозрѣніе, что я — главный зачинщикъ всѣхъ движеній въ Сициліи, именно въ *Palermo* и вообще въ южной Италіи и что я дѣлаю и распространяю фальшивые банковые билеты, покрывшіе послѣднія. Нѣтъ для меня сомнѣнія, что тутъ дѣйствуетъ рука Киселева (*Николай Дмитріевичъ — М. Л.*), моего стараго парижскаго пріятеля, а теперь посланника во Флоренціи. Надѣюсь все разузнать и сдѣлать во-время должный отпоръ. А мнѣ жаль, очень жаль, что вы прекращаете „Колоколь“, и мнѣ кажется, что я на вашемъ мѣстѣ не сдѣлалъ бы этого. Кончить легко, но на-

чать вновь будетъ очень трудно, — и это доставить торжество нашимъ врагамъ въ Россіи и внѣ Россіи, — пожалуй, даже и женевскимъ молокососамъ. Я слышалъ, что въ послѣднее время опять начинаютъ читать его въ Россіи. Что за дѣло, что продается только по 500 №-ровъ — по крайней мѣрѣ, 3000 читателей. Говорить 3000 русскихъ свободно теперь не шуточное дѣло. Я бы на вашемъ мѣстѣ не прекратилъ его — ну, а переѣхалъ бы нѣсколько не направленные, а тонъ, манеру, — менѣе церемонился бы съ властями и далъ бы вновь полную волю твоему бичующему юмору, Герценъ, который ты напрасно взнуздаль и тѣмъ себя значительно обезсилилъ. Эй, друзья, подумайте еще, право, продолжайте. Мрочковский мнѣ пишетъ, что ты въ іюнѣ собираешься въ Италію и общаешь даже пріѣхать въ Неаполь. Пріѣзжай, Герценъ, мы переговорили бы о многомъ.

„Зачѣмъ же не прислалъ брошюры Серно-Соловьевича? Ты спрашиваешь меня, стало ли бѣ у меня храбрости напасть на него и на его шайку? Право, не понимаю такого вопроса. Если только окажется дѣйствительно нужнымъ на нихъ напасть, что съ ними церемониться? Пришли брошюру и назови всѣхъ русскихъ, проживающихъ нынѣ въ Женевѣ, съ характеристикой каждаго. Я тебѣ даю честное слово, что никому не покажу твоего письма и сожгу его сейчасъ же по прочтеніи. А брошюру пришли“.

Письмо Герцена Бакунинъ не уничтожилъ, и копія его приведена неизвѣстнымъ эмигрантомъ, выступившимъ въ 1880 году съ обвинениями Герцена, „бывшаго народнаго корреспондента Александра П“, въ статьѣ, начало которой напечатано Драгомановымъ на стр. 211—213 „Писемъ“.

3054. Письмо къ Н. А. Огаревой.

(17—18 мая 1867).

До моего пріѣзда Бессо платить не нужно, только обдѣлай съ нимъ дѣло поделикатнѣе.

Кстати, *помни*: о *деньгахъ* Огар. изъ Россіи, насчетъ Мельгунова, одинъ косвенный отвѣтъ есть. Если Титовъ не отвѣтитъ, я 1-го іюня напечатаю письмо М. къ нему. Ог. я передалъ до копѣйки 3300 присланные, и у него ужъ нѣтъ ничего.

Позже.

Сейчасъ получилъ письмо отъ Саши; онъ пишетъ, что Тата собирается дней черезъ десять. А Алекс. Ник. 1) ѣдетъ въ Парижъ къ 4 іюня.

1) Государь.

Еще письмо отъ Бакун. Чудакъ, живеть себѣ въ Искіи.

Я на-дняхъ ѣду къ Прогеръ; ничего нѣтъ подходящаго, а изъ Страсб. отвѣта нѣтъ. Жду письма отъ Мар. Касп. изъ Берна и разомъ побываю въ Лозаннѣ и Бернѣ.

Здѣсь, наконецъ, погода хороша, тепло, безъ жары. Прощай. Лизу цѣлую; получила ли ариѳметику?

3055. Письмо къ И. С. Тургеневу. ¹

19 мая 1867.

Женева, 7, Quai Mont Blanc.

Я только-что немного тебя ужалилъ за „Дымъ“, а ты мнѣ его посылаешь. Письмо твое даетъ мнѣ случай именно потому предложить тебѣ сдѣлать балансъ *credif* и *debet* и, если хочешь, *похерить счетъ*, а не хочешь — какъ хочешь. Шуточная замѣтка моя идетъ не изъ злости — я никогда не сержусь больше одной недѣли и даю слово, что мои зубы противъ тебя давно выпали. Но что ты поддержиwаешь Каткова, это больно видѣть; будто, ты не нашель бы издателя безъ гнуснаго доносчика, о которомъ ты самъ отзывался (кажется, мнѣ говорилъ Авд. ¹) съ омерзѣніемъ.

Итакъ, сдѣлаемъ счетъ и, если ты не очень осерчалъ, а самъ захохоталъ надъ моей замѣткой, напиши. Я искренно признаюсь, что твой Потугинъ мнѣ надоѣлъ. Зачѣмъ ты не забылъ половину его болтанья? Гейдельбергскія арабески не знаю.

Итакъ, жду твоего вычитанія и заключенія *de la comptabilité en parti double* ²).

Семья моя такъ себѣ. Я недавно изъ Италіи. Мой сынъ адъ-юнктомъ у Шиффа; Тата и Ольга во Флоренціи; онѣ цвѣтутъ, и я всѣми очень доволенъ.

О тебѣ во Флоренціи разнесся скверный слухъ, что ты очень боленъ, и я искренно — ну, ужъ въ этомъ-то не сомнѣвайся — тебя жалѣлъ и хотѣлъ писать.

Прощай.

Sauf erreur et omission ³) (какъ въ банкирскихъ счетахъ).

А. Герценъ.

P. S. Если ты не читалъ письма къ Аксак., прочти въ посланномъ экземплярѣ. ²

¹) М. В. Авдѣевъ.

²) Двойная бухгалтерія.

³) Ошибки и пропуски не въ счетъ.

◆ 1. 17 мая 1867 г. Тургеневъ писалъ Герцену изъ Бадень-Бадена, еще не зная о сказанномъ имъ въ № 3051.

„Любезнѣйшій Александръ Ивановичъ, ты, навѣрное, удивишься, а, пожалуй, и вознегодуетъ, получивъ отъ меня письмо. Но „*alea jacta est*“, какъ говаривалъ безстыдный старецъ Ламартинъ. Мнѣ вздумалось послать тебѣ экземпляръ моего новаго произведенія да, кстати, сказать тебѣ два слова.

„Хотя ты совершенно справедливо замѣтилъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ ко мнѣ ¹⁾, что мы никогда очень близки другъ другу не были, однако, и особеннаго отчужденія между нами не произошло, такъ какъ великія вины мои до сихъ поръ ограничились (дай Богъ памяти!) тремя фактами: 1) Мое имя было выставлено въ числѣ лицъ, подписавшихся въ пользу раненыхъ во время польской войны; 2) я не узналъ тебя, встрѣтившись съ тобою въ Парижѣ на улицѣ, и 3) „Московскія Вѣдомости“ назвали меня дорогимъ гостемъ. Больше ничего, при всѣхъ усиліяхъ, я пока припомнить не могу, ибо то, въ чемъ упрекаетъ меня республиканецъ князь Долгоруковъ, а именно, что я ему не отдалъ визита и, будто бы, умолялъ о спасеніи на горящемъ пароходѣ, — не можетъ, кажется, причитаться мнѣ въ политической грѣхъ. Итакъ, посылаю тебѣ свое новое произведеніе. Сколько мнѣ извѣстно, оно возстановило противъ меня въ Россіи людей религиозныхъ, придворныхъ, славянофиловъ и патриотовъ. Ты — не религиозный человѣкъ и не придворный; но ты — славянофиль и патриотъ и, пожалуй, прогнѣваешься тоже; да, сверхъ того, и гейдельбергскія мои арабески тебѣ, вѣроятно, не понравятся. — какъ бы то ни было, дѣло сдѣлано.

„Одно меня нѣсколько ободряетъ: вѣдь, и тебя партія молодыхъ рефюжъ пожаловала въ отсталые и въ реаки, — разстояніе между нами и поуменилось. Если ты не считаешь меня пришедшимъ въ такое положеніе, что и переписаться со мною нельзя, то погроми меня или поперсифлируй, а, главное — увѣдомь о себѣ и о твоёмъ семействѣ: это меня интересуетъ. Если же сообщенія со мною ты считаешь невозможными, то прими отъ меня прощальный поклонъ и искреннее пожеланіе всего хорошаго и „наслажденій ею, сей легкой жизнью“ и т. д. („Письма“, 190—191).

2. 22 мая Тургеневъ отвѣтилъ: „Я послалъ тебѣ мою повѣсть по прочтеніи твоей замѣтки въ „Колоколъ“, любезный А. И.: изъ этого ты можешь видѣть, какъ мало я осерчалъ ²⁾. Ты въ письмѣ твоёмъ

¹⁾ См. № 2350 (1864 годъ).

²⁾ 17 мая Тургеневъ не могъ прочесть статью, потому что „Кол.“ былъ сланъ на почту въ Женевѣ именно въ этотъ день; изъ содержанія письма отъ 17-го ясно также, что статья еще не была ему извѣстна.

къ И. С. Аксакову говоришь, что тебѣ минуло 55 лѣтъ, мнѣ въ будущемъ году стукнетъ 50. Это лѣта *смирныя* — да и, что тамъ не говори, мы, благодаря нашему прошедшему, времени нашего появленія въ свѣтъ и т. д., все-таки, ближе стоимъ другъ къ другу, легче понимаемъ другъ друга, чѣмъ *разногодники*.

„А счеты свести мнѣ очень легко. Единственная вещь, которая меня самого грызетъ, это мои отношенія съ Катковымъ, какъ они ни поверхностны. Но я могу сказать слѣдующее: помѣщаю я свои вещи не въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, — эдакой бѣды со мной, надѣюсь, никогда не случится, — а въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, который не что иное, какъ сборникъ и никакого политическаго колорита не имѣетъ, а въ теперешнее время „Русскій Вѣстникъ“ есть единственный журналъ, который читаетъ публика и который платитъ. Не скрываю отъ тебя, что это извиненіе не совсѣмъ твердо на ногахъ, но другого у меня нѣту. „Отечественныя Записки“, единственный соперникъ „Русскаго Вѣстника“, и половины денегъ дать не могутъ. А мнѣніе мое о „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и объ ихъ редакторѣ остается то же самое, которое я высказывалъ Авдѣву.

„Тебѣ наскучилъ *Потугинъ*, и ты сожалѣешь, что я не выкинулъ половину его рѣчей. Но представь: я нахожу, что онъ еще не достаточно говорить, и въ этомъ мнѣніи утверждаетъ меня всеобщая ярость, которую возбудило противъ меня это лицо. Иосифъ II говорилъ Моцарту, что въ его операхъ слишкомъ много нотъ; „keine zu viel“ (ни одной лишней — *М. Л.*) отвѣчалъ тотъ. Я не Моцартъ, еще гораздо меньше, чѣмъ ты не Иосифъ II, но и я осмѣлюсь думать, что тутъ („kein Wort zu viel“) (ни одного лишняго слова — *М. Л.*). То, что за границей избито, какъ общее мѣсто, у насъ можетъ приводить въ бѣшенство своей новизной.

„Подъ гейдельбергскими арабесками я разумѣю сцены у Губарева.

„Письмо твое къ Аксакову я прочелъ уже прежде, но съ удовольствіемъ прочелъ его... Я нахожу, что ты дѣлаешь слишкомъ много „Kratzfüsse vor den Slavophilen“ (расшаркиванія передъ славянофилами — *М. Л.*), которыхъ по старой памяти носишь въ сердцѣ. Мнѣ кажется, что если-бъ ты понюхалъ то постное масло, которымъ они всѣ отдають, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Сергѣичъ женился на первой всероссійской лампадкѣ¹⁾, ты бы нѣсколько попридержалъ свое умиленіе.

„Меня радуютъ добрыя вѣсти о твоей семьѣ; самъ же я, точно, былъ боленъ продолжительнымъ припадкомъ *подагры* (увы и ахъ!),

¹⁾ Аня Федоровна, дочь С. И. Тютчева.

но теперь я почти здоровъ. Награжденіе меня подагрою, это — рѣшительное прощреніе вѣтъ кутиламъ и пьяницамъ: ужъ на что, кажется, былъ я трезвъ и тихъ!

„Ну, а засимъ жму тебѣ руку — in alter cordialer Freundschaft“ (со старой сердечной дружбой — М. Л.) („Письма“, 191—193).

3056. Письмо къ Н. А. Огаревой.

20 мая (1867), понедѣльникъ.

Дай твою руку и поговоримъ. Всякій разъ, какъ ты говоришь о своемъ положеніи ¹⁾, у меня бьется сердце. сильнѣе и мнѣ такъ хотѣлось бы тутъ найти якорь спасенія для тебя. Воскресни рожденіемъ — могила тебя только доломала, пусть колыбель спасеть. Я тебѣ это пишу глубоко потрясенный, самъ удивляясь моей молодости и прочности надеждъ. По перепискѣ я узнаю, скользнуть мои слова или взойдутъ въ тебя глубоко.

Ты постоянно хлопчешь о внѣшней прочности, о внѣшнемъ устройствѣ; тебѣ мало того, что въ моихъ строкахъ — оттого я безсиленъ тебѣ помочь. Твой консерватизмъ — одно пустое безпокойство. Той прочности въ нашей жизни, къ которой ты могла привыкнуть, нѣтъ... не для насъ, а для всѣхъ. Вчера Пьеръ Леру мнѣ сказалъ: „вотъ въ 72 года я брожу безъ крова, безъ семьи и ишу, гдѣ преклонить голову, и это такъ не надолго“... Вчера проѣзжалъ пріятель Бакун. Бакун. пишетъ, — вѣроятно, еще мѣсяцевъ шесть останется здѣсь, а тамъ что? Я тебѣ написалъ о вѣрныхъ мѣсяцахъ, въ которые можно сказать все, ты и этимъ недовольна. Потому-то я и ишу мира и выхода въ твоемъ положеніи (не вырывай у меня и этотъ якорь). Оно окончитъ дурную сторону траура и того отчаянія, противъ котораго возставалъ Астр. и въ которомъ была *не одна печаль*, что онъ и провидѣлъ.

Твоя встрѣча съ Татой опредѣлитъ ея будущее отношеніе къ этому времени.

Умѣй теперь на вѣки приобрѣсти Елизавету, теперь это легко, но съ простотой, съ любовью и смиреніемъ.

Аминь.

Мнѣ очень не нравится, что у тебя остается сумасшедшая кухарка, — береги нервы Лизы.

Завтра припишу.

¹⁾ Огарева сообщила о своей беременности.

Вотъ и опять Петръ Рыжій ¹⁾, какъ его звать Бѣлинскій, просидѣлъ часа три... „Я, говоритъ, смотрю на васъ и не посмотрю: всѣ черты не французскія, и энергія иной расы и пр.“.

NB. ~~■~~ А прогос, вотъ работа: сейчасъ принимайся переводить „Письмо“ мое къ Аксакову на франц. «Оно шумить».

21, вторникъ.

Представь себѣ, что съ моего приѣзда не было *пяти* дней порядочныхъ — дождь, холодъ, вьюга; дождь льетъ теперѣ двѣ недѣли. Какъ же ѣхать изъ южнаго климата сюда? Вѣроятно, Ниццу тебѣ придется оставить къ концу года, но, все же, не дальше Марсели. Объ этомъ будемъ думать вмѣстѣ.

Гадости и сплетни продолжаютъ. Я получаю одно ругательное письмо за другимъ.

Письмо это, очень можетъ быть, придетъ вмѣстѣ съ Татой.

Прощай.

Что книга Лизѣ пришла?

3057. Письмо къ Лизѣ и Н. А. Огаревой.

(25 мая 1867). Суббота.

Лиза, смотри въ оба за Татой, я ее особенно поручаю твоимъ заботамъ. Скоро пора купаться, только не здѣсь; у насъ такой холодъ, что всѣ надѣли зимнія платья. Что же рада ты была? Какъ встрѣтила? Все напиши и Тату за меня поцѣлуй; я ей буду писать на-дняхъ.

„Dans l'après midi de jeudi 23 mai la neige est tombée à Lausanne pendant environ trois quarts d'heure“ ²⁾.

P. S. Мнѣ, я думаю, все же, придется прислать ящикъ съ разнымъ хламомъ по *petite vitesse* ³⁾.

Была Бессонша; она что-то чудитъ: пришла принять какой-то ярлыкъ въ 50 ф. и, кажется, въ долгъ дѣтей ничего не заплатила. Сегодня Тхор. узнаетъ.

NB. NB. А отчего же не ѣхать куда-нибудь поды Геную на лѣто? Отчего не увидѣться и съ Ольгой?

¹⁾ Pierre Leroux.

²⁾ Вклеена вырѣзка изъ газеты: „Послѣ полудня въ четвергъ 23 мая снѣгъ шелъ въ Лозаннѣ въ теченіе трехъ четвертей часа“.

³⁾ Малой скоростью.

3058. Письмо къ И. С. Тургеневу

25 мая 1867.

7 Quai Mont Blanc.

Твое письмо со скидкой 200 изъ п. и всего неприятнаго изъ памяти получилъ — и вотъ тебѣ моя рука безъ заднихъ мыслей. Наше замиреніе начинается равенствомъ цифры 7 въ квартирахъ ¹⁾; мы сдѣлаемъ вычитанье, о которомъ я писалъ, и затѣмъ, поставивъ нуль, выведемъ изъ Люксембурга войско и не будемъ поминать старое. Ты смотришь на свѣтъ ипохондрически, какъ и слѣдуетъ чело-вѣку, который вина не пьетъ, а подагру имѣеть; я — сангвинически, какъ человекъ, который подагры не имѣеть, а вино пьетъ; мнѣ все еще эта борьба съ шумомъ и неприятными звуками, криками, грязями и воплями кажется эпической борьбой, и отчаянія я не имѣю.

Если ты совсѣмъ добръ и не очень занятъ (написанное останется между нами), напиши нѣсколько словъ о русскомъ обществѣ старомъ и молодомъ, официальномъ, этнографическомъ и тайнобрачномъ. Мы, вѣроятно, забыты, — ну, а вообще? Только напиши безъ иры и студии ²⁾, а пуще всего безъ боткинскаго размягченія мозга (у котораго въ головѣ, говорятъ, готовъ жиденькій супъ *Mock Firste* безъ перцу, такъ что его черепъ можно будетъ опрокинутый подать за столъ, немного подогрѣвши).

На этотъ разъ довольно. Я ѣду въ концѣ іюня опять въ Ниццу и Италію.

Прочи въ „Кол.“ отъ 1 іюня (онъ выйдетъ, несмотря на объявленіе) мою шалость „Съ того свѣта“, для того, что, вѣдь, и наша переписка является оборотнемъ.

Два слова еще о моихъ дѣтяхъ. Саша читалъ публичныя лекціи по-итальянски во Флоренціи о рефлексномъ процессѣ нервъ и о нервахъ вообще съ успѣхомъ. На одной я былъ. Ольга очень похорошѣла, умна и, слѣд., до сихъ поръ имѣеть отвращеніе отъ ученья. Татой я безконечно доволенъ.

Ну, прощай!

А въ „Голосѣ“ читалъ о твоемъ романѣ?

Книги я не получилъ.

Республиканцу Долгор. я съябедничалъ. Онъ переселяется въ Италію. ¹

¹⁾ Въ нумерахъ домовъ.

²⁾ *Sine ira et studio* — безъ гнѣва и пристрастія.

◆◆ 1. 4 июня Тургеневъ отвѣчалъ: „Спасибо за письмо и за присланный № „Колокола“, любезнѣйшій А. И. Въ бесѣдѣ „Съ того свѣта“ я узналъ особую, тебѣ свойственную манеру, и хотя я самъ принадлежу къ охрипшимъ тенорамъ, однако, перечель все съ истиннымъ удовольствіемъ. Самъ — „обломокъ корабля“, какъ говорить Эдипъ, а ничего, сочувствую, когда возводятъ мою дряхлую древесину въ „перль созданія“.

„Я и готовъ тебѣ услужить, но лѣнь мною овладѣла сильная, да и требуешь ты многого въ немногихъ словахъ: описать общество старое и молодое да еще съ трехъ точекъ зрѣнія! — Постараюсь что-нибудь высидѣть, можетъ, впрокъ пойдетъ.

„Можешь ты меня увѣдомить, кто это *Вырубовъ*, который вмѣстѣ съ Литтре издаетъ „Revue Positive“? Я подписался на этотъ журналъ, ибо очень высоко цѣню Литтре.

„Я экземпляръ „Дыма“ выслалъ тебѣ тогда же съ письмомъ. Критику „Голоса“ я читалъ и, кромѣ того, знаю, что меня ругаютъ всѣ — и красные, и бѣлые, и сверху, и снизу, и сбоку, особенно сбоку. Даже негодующіе стихи появились. Но я что-то не конфужусь и не потому, что воображаю себя непогрѣшимымъ, а такъ какъ-то, словно, съ гуся вода. Представь себѣ, я даже радуюсь, что мой ограниченный западникъ Потугинъ появился въ самое время этой все-славянской пляски съ присядкой, гдѣ Погодинъ такъ лихо вывертываетъ па съ гармоникой подъ осѣняющей десницей Филарета“ („Письма“, 194—195).

3059. Письмо къ М. Мейзенбургъ, сыну и О. А. Герценъ.

26 mai (1867), dimanche.

Ich bin der alte Wassermann.
Und giess kalt Wasser, was ich kann.

Je vous aurais dit tout simplement que j'ai deux seaux d'eau froide, mais vous me traiteriez comme un troisième (sot). Le premier est météorologique — le voilà¹⁾.

Or. avant-hier matin, à 6 heures, le 24 mai, l'an de grâce, après trois ou quatre semaines de froid, de pluie, de vent — *il neigeait* comme dans le poème de V. Hugo.

¹⁾ Приложена вырѣзка изъ газеты, въ которой говорится о сильномъ снѣгѣ въ Женевѣ.

Voilà ce qu'on appelle un climat — très bon pour les concombres salés.

Le second seau — la seconde neige c'est la „*Philosophie positive*“ revue de Littré et Wyrouboff. Je le connais beaucoup ce Wyrouboff, c'est un homme capable, un russe qui a quitté la Russie. Tata le connaît, il a de la fortune. Si on pouvait faire une fusion des deux revues — cela pourrait aller. Or commencez par réfléchir, „collegialiter“ ce qu'il faudra faire. Les noms, vous les aurez — certes, Vogt (que je verrai aujourd'hui) ne le refusera pas à moi. Pour des actions — je ne fais que les actions de grâce. Comment vous — cara florentina — comment pouvez-vous me panofkiser encore sachant comme l'imprimerie russe ne gagne rien et les etc. Dolgoroukoff n'est pas sûr — je le tâterai. Maintenant je donnerai volontiers des articles gratis — tant que la Revue marchera lentement. Ogareff aussi (Wyrouboff lui demande *idem*).

Le reste de votre lettre — ist sehr gut. Et non seulement vous restez le „vieux de la vieille“, mais par votre étonnante pureté d'âme, par votre active amitié — vous restez la jeune de la vieille et une personne profondément sympathique. Votre dernière lettre m'a réchauffé de Genève (voir l'annexe météorologique).

La grande nouvelle du N 7 Quai Mont Blanc, c'est que je me suis luxembérgé avec J. Tourgenieff. Il m'a écrit une lettre amicale — après avoir lu mon article très hostile. Alors j'ai fait sortir les troupes du „Kolokol“ et j'ai démantelé Tchorsevsky (faute de mieux). J. Tourg. m'a répondu con tenerezza.

Ah... devant la mort toutes les rancunes s'effacent et on devient pacifique comme l'océan.

Votre dévotissimo ¹⁾).

1) Я — старья водовозъ

И люю холодную воду, сколько могу ²⁾).

Я бы вамъ сказалъ по-просту, что у меня два ведра холодной воды, но вы, обошлись бы со мною, какъ съ третьимъ (дуракомъ) ³⁾). Первое — метеорологическое; вотъ оно ³⁾).

Итакъ, третьяго дня, въ 6 часовъ, 24 мая, въ благословенный годъ, послѣ трехъ-четырехъ недѣль холода, дождя и вѣтра *пошелъ снѣгъ*, какъ въ поэмѣ Виктора Гюго. Вотъ что называется климатъ, подходящий для соленыхъ огурцовъ.

Второе ведро, „второй снѣгъ“ — „Положительная философія“, журналъ Литтре и Вырубова. Вырубова я хорошо знаю; это — человекъ со способностями, русскій, покинувшій Россію. И Tata его знаетъ, онъ — человекъ со-

¹⁾ Старинная нѣмецкая пѣсенка.

²⁾ Непереводимая игра словъ: „Sot“ — дуракъ, и „Seau“ — ведро — произносятся одинаково.

³⁾ Приложена вырѣзка изъ газеты, въ которой говорится о сильномъ снѣгѣ въ Женевѣ.

Что же, Ольга, ты ужь никогда ни строки! — полно лѣниться, теперь безъ Таты больше досуга. Цѣлую тебя.

Почтенный dr., а, вѣдь, комиссіи нельзя давать тебѣ. Вѣроятно, банкирь, у котораго ты спрашивалъ, счелъ меня за дурака, если думалъ, что я спрашиваю о билетахъ съ купонами, т.-е. о безыменныхъ. Мои инскрипціи *номинальные*, взятые въ *Туринъ* и потому % платить въ Италиі, а я желаю ихъ перевести на безыменные ¹⁾.

И получать во Франціи, какъ это дѣлается. Толи ты мнѣ отвѣчалъ?

Ну, а что лекція хорошо шла и знаютъ, что *Studiate la physiologie — e lasciate la pratica* ²⁾.

Прощай, тороплюсь для Мальвиды. Дай подробности о *Revue*. Отъ Таты еще нѣтъ.

стоятельный. Если бы можно было соединить оба журнала, было бы дѣло. Значитъ, подумайте по-товарищески, что нужно дѣлать.

Имена у васъ будутъ. Фогтъ, съ которымъ я сегодня увижусь, навѣрное, не откажетъ мнѣ.

За акціи я плачу любезностями ⁰⁾.

Какъ это вы, дорогая флорентинянка, зная, что русская типографія не приноситъ никакого дохода и все такое прочее, какъ это вы, зная все это, рѣшаетесь „пановкнизировать“ ⁰⁰⁾ меня?

Долгуроковъ не совсѣмъ надеженъ; я его позондирую. Теперь я охотно буду даромъ давать статьи, пока журналъ не окрѣпнетъ. Огаревъ — тоже. (Вырубовъ просить о томъ же).

Остальная часть вашего письма очень хороша. И не только вы остаетесь „старымъ гренадеромъ старой гвардіи“, но, благодаря удивительной чистотѣ вашей души, благодаря вашей дѣятельной дружбѣ, вы остаетесь „молодой въ старой гвардіи“ и, къ тому еще, глубоко-симпатичной, особой. Последнее ваше письмо отогрѣло меня послѣ Женева (см. метеорологическое прибавленіе).

Великая новость N 7 *Quai Mont Blanc* заключается въ томъ, что я „люксембургировался“ съ И. Тургеневымъ.

По прочтеніи моей очень враждебной статьи ⁰⁰⁰⁾, онъ прислалъ мнѣ дружеское письмо. Тогда я двинулъ впередъ всѣ силы „Колокола“ и (за нимѣниемъ лучшаго), разоблачилъ Тхоржевскаго. И. Тург. отвѣтилъ мнѣ съ нѣжностью.

Ахъ, передъ лицомъ смерти стирается застарѣлая вражда и становишься миролюбивымъ, какъ океанъ ⁰⁰⁰⁰⁾.

Вашъ преданныйшій.

1) О бумагахъ по-русски принято выражаться: именныя (т.-е. выписанныя на чье либо имя) и предъявительскія.

2) Изучите физиологію и бросьте практику.

0) Игра словъ: „Action“ — акція, и „Action de grâces“ — любезность

00) Шутка: намекъ на учителя пѣнія Пановка.

000) Герценъ повѣрилъ великодушной уверткѣ Тургенева (см. стр. 323).

0000) По-французски Великій океанъ называется: „Océan Pacifique“, т.-е. „Миролюбивый“.

3060. Письмо къ Ж. Мишле.

30 mai 1867.

Genève, 7, Quai Mont Blanc.

Cher Mousieur, j'ai été bien heureux de recevoir vos lignes — elles me servent de précieux témoignage que vous pensez quelquefois à votre vieux cosaque. Il y a un mois que j'ai quitté l'Italie — avec tristesse (non avec regret) — pénurie, incapacité gouvernementale, de la prose, du vulgaire — et une population artistique qui en souffre. La brochure de votre ami Quinet (La France et l'Allemagne) — c'est un son de la trompette du dernier jugement. Le monde latin s'en va dans l'orgie de l'exposition — le dernier article qu'on exposera au pilori — sera le pauvre Maximilien. J'ai l'audace de penser que notre ami Henry Martin ne sauvera pas son monde par l'accouplement du vieillard — contre les jeunes forces des peuples demi barbares — qu'il détruit „en effigie“.

Je ferai mo^z possible pour profiter de votre bonne invitation — et je prendrai la liberté d'écrire un mot la veille. C'est alors que vous me donnerez la permission de vous ennuyer un peu par mes barbariades.

Comme preuve — que nous ne sommes pas morts politiquement j'ajoute la découpure (inçluse) de „l'Opinion Nationale“.

Nous avons ici Pierre Leroux qui aurait dit que le pays de Voltaire — produirait des Job et des Ezéchiel un demi siècle après sa mort. C'est un essénien de Guersay, un Rabby — poète appartenant au saint-simonisme et au Talmoud.

Je vous salue de tout mon coeur et présente mes hommages à Madame.

*Alex. Herzen.**Переводъ.*

30 мая 1867.

Дорогой другъ! Я былъ очень счастливъ, получивъ ваши строки; онѣ служатъ мнѣ драгоценнымъ доказательствомъ того, что время отъ времени вы вспоминаете вашего вѣрнаго казака. Вотъ уже мѣсяць, какъ я съ грустью (но безъ сожалѣнiя) разстался съ Италией: безденежье, неспособность правительства, проза во всемъ, вульгарность — и народъ-художникъ, страдающій подъ бременемъ всего этого. Брошюра вашего друга Кинэ, это — трубный звукъ Страшнаго Суда. Латинскiй мiръ умираетъ среди оргiи выставки ¹⁾, и послѣднимъ эписо-

1) Въ 1867 г. была всемирная выставка въ Парижѣ.

натомъ, выставленнымъ у позорнаго столба, будетъ несчастный Максиміанъ ¹⁾). Я имѣю дерзость думать, что нашъ другъ Анри Мартэнъ, спаривая свое поколѣніе со старымъ, все же, не спасетъ его отъ молодыхъ силъ полуварварскихъ народовъ, которыхъ онъ уничтожаетъ „на бумагѣ“.

Я сдѣлаю все возможное, чтобы воспользоваться вашимъ милымъ приглашеніемъ, и возьму на себя смѣлость черкнуть вамъ пару словъ накануне. Тогда вы мнѣ дадите разрѣшеніе надоѣсть вамъ немного монми варваріадами.

Какъ доказательство, что мы политически не умерли, прилагаю вырѣзку изъ „Opinion Nationale“.

Здѣсь сейчасъ Пьеръ Леру. Кто сказалъ бы, что родна Вольтера, спустя полвѣка послѣ его смерти, породить Іововъ ²⁾ и Іезекиелей ³⁾! Это — эссеи ⁴⁾ изъ Джерси ⁵⁾, равнинъ-поэтъ, примыкающій къ с.-симонизму и къ талмуду.

Отъ всего сердца шлю вамъ привѣтъ, а вашей чвпругѣ — мое почтеніе.

Алекс. Герценъ.

3061. Письмо къ М. А. Бакунину.

30 мая 1867.

Женева, 7, Quai Mont Blanc.

Любезнѣйшій Бакунинъ, Серно-Соловьевича посылаю. Онъ наглый и сумасшедшій, но страшно то, что большинство молодежи *такое*, и что мы всѣ помогли ему *такимъ быть*. Я много думалъ объ этомъ въ послѣднее время и даже писалъ—не для печати теперь. Это — не *нигилизмъ*; нигилизмъ — явленіе великое въ русскомъ развитіи. Нѣтъ, тутъ всплыли на пустомъ мѣстѣ халатъ, офицеръ, писецъ, полъ и мелкій помѣщикъ въ *нигилистическомъ* костюмѣ. Это — мошенники, оправдавшіе своимъ сукиносынизмомъ мѣры правительства, невѣжды, на которыхъ Катковы, Погодины, Аксаковы etc. указываютъ пальцами.

¹⁾ Мексиканскій король; попалъ туда въ бурное время и, неподдержанный измѣнившимся ему Наполеономъ III, былъ разстрѣлянъ инсургентами 19 іюня 1867 г.

²⁾ Библейскій патріархъ, извѣстный своими страданіями и своимъ смиреніемъ.

³⁾ Одинъ изъ четырехъ великихъ еврейскихъ пророковъ.

⁴⁾ Еврейская секта времени маккавеевъ, по ученію своему приближалась къ христіанству.

⁵⁾ Островъ въ проливѣ Ла-Маншъ, принадлежитъ Англій.

Это — люди, которые обратили на меня втрое больше ненависти, чѣмъ на Скарятину ¹⁾, говоря просто, что они завидуютъ, что они хотѣли бы обобратъ и что они не могутъ переварить художественной стороны статей. Ты и Огаревъ, вы этихъ скорпионовъ откармливали млекою вашимъ. Это вѣрно, саго тио, подумай. Имъ будущности нѣтъ, это — меньшій венерическій братъ, который умретъ, и на его могилѣ встрѣтится старшій съ еще болѣе меньшимъ.

У меня Campo Formio съ Тургеневымъ. Онъ мнѣ писалъ mit Zärtlichkeit ²⁾, я отвѣтилъ mit Gefühllichkeit ³⁾, и это, несмотря на злой отзывъ съ моей стороны о „Дымъ“. ¹

◆◆ 1. 23 июня Бакунинъ отвѣтилъ: „Любезный Герценъ, я ждалъ, ждалъ брошюры Серно-Соловьевича и не дождался. А, признаюсь, твое письмо испугало меня не за Серно-Соловьевича, а за тебя. Въ твоей злости противъ него слышится что-то старческое. Я готовъ вѣрить, что С.-С. написалъ противъ тебя скверный пасквиль, и что твое негодование противъ него справедливо. Но ты ругаешь не его одного и даже не однихъ его женеvскихъ однолѣтниковъ эмигрантовъ, — на все молодое поколѣние кладешь ты страшное проклятiе, говоря — какъ будто бы это могло служить для насъ аргументомъ! — что Погодины, Катковы, Аксаковы и Тургеневы указываютъ на нихъ, т.-е. на молодыхъ людей, принадлежащихъ къ этому поколѣнiю, пальцами, — прибавляя даже, что они *сукиносынствомъ своимъ оправдываютъ мѣры правительства!* Кто-жъ эти они? Разумѣется, не одни только женеvскiе эмигранты, которые микроскопически малочисленны, что правительству незачѣмъ бы было принимать крупныхъ мѣръ, а цѣлое юное поколѣнiе, которое ты клеммишь, называя его *венерически-младшимъ братомъ*, осужденнымъ на бесплодную смерть въ ожиданiи еще младшаго и болѣе путнаго поколѣнiя.

„Нѣтъ, Герценъ, каковы бы ни были недостатки настоящаго молодого поколѣнiя, оно чрезмѣрно выше Катковыхъ и Погодиныхъ, твоихъ Аксаковыхъ и Тургеневыхъ, такъ выше, что указыванiе на него пальцемъ всѣхъ этихъ блудныхъ стариковъ служить ему въ честь, а не въ безчестье, — и ничто въ мiрѣ, кромѣ самой, естественно и по необходимости, гнусной природы правительства не можетъ оправдать гнусныхъ мѣръ нашихъ правителей. Десять, пять лѣтъ тому назадъ, когда ты смѣло глядѣлъ и велъ впередъ, не заботясь о томъ, что будутъ говорить люди близорукаго разума и гнилой официальной или

¹⁾ Издатель-редакторъ „Вѣсти“.

²⁾ Съ нѣжностью.

³⁾ Съ добродушиемъ.

полуофициальной практики, и не увлекаясь мечтою о невозможном полусуществовании сегодня или завтра, а главное — не позволяя ослеплять себя блеском лживых и притворных исполнений, — ты не произнес бы таких страшных, для тебя страшных, потому что старческих, словъ. Ты чувствовал тогда свою силу, а сила великодушна и до того вѣрить въ себя, что даже къ своимъ врагамъ можетъ быть справедлива. Твое же послѣднее письмо дышетъ брезгливою несправедливостью. Ты пишешь, что у тебя съ Тургеневымъ Сапро Formio. Остановись, Герцень, и вспомни, что Сапро Formio было первою буквою въ наполеоновскомъ алфавитѣ, послѣдними буквами котораго были Ватерлоо и св. Елена. Ужъ не потому ли Тургеневъ и дерзнулъ обратиться къ тебѣ съ Zärtlichkeit, что пронюхалъ твои раздоры съ молодымъ поколѣниемъ, послѣ разрыва съ которымъ онъ самъ одряхлѣлъ и изсякъ безвозвратно — и не подумалъ ли онъ, въ самомъ дѣлѣ, что, такъ какъ одинаковыя причины производятъ одинаковыя дѣйствія, ты и онъ будете стоять отнынѣ на одномъ полѣ?

„Въ молодомъ поколѣннн, взятомъ порознь, въ отдѣльныхъ экземплярахъ тѣмъ неприятныхъ, непорядочныхъ, даже грязныхъ сторонѣ. Явленіе, впрочемъ, весьма натуральное: старая нравственность, основанная на религиозныхъ, патріархальныхъ и сословныхъ преданіяхъ, рушилась безвозвратно; новая далеко еще не создалась, но предчувствуется. Дѣйствительно, осуществить ее можетъ только коренной соціальный переворотъ. Одинокихъ силъ одного человѣка, какъ бы онъ уменъ и силенъ ни былъ, для этого недостаточно. Поэтому новой нравственности еще нѣтъ. Молодое поколѣннн ищетъ ее, но еще не нашло; отсюда колебанія, противорѣчія, безобразія и не рѣдко грязные скандалы. Такъ было въ 43-хъ годахъ, — только тамъ гильотина чистила нравы и не давала гнить недозрѣлой зелени. Все это очень неприятно, больно и грустно, но натурально и неминуемо. Все это въ средѣ нашей бѣдной, неопытной русской эмиграціи еще усугублено тою эмиграціонною болѣзнью, которую ты такъ вѣрно изучилъ и описалъ въ своихъ „Запискахъ“. Но все это не должно заслонять отъ насъ серьезныхъ да великихъ качествъ нашего молодого поколѣннн: въ немъ не оранжерейная, не искусственная и не рефлексивная только, а настоящая страсть равенства, труда, справедливости, свободы и разума. Изъ-за этой страсти десятки изъ нихъ уже пошли на смерть и сотни въ Сибирь. Между ними, какъ всегда и вездѣ, много пустыхъ хвастуновъ и фразеровъ, но есть и герои безъ фразъ или только съ фразою клеветы на себя или крайностью щеголяющаго отрицанія. Нѣтъ, воля твоя, Герцень, эти неумытые, неуклюжие и часто весьма неудобные пионеры новой правды и новой жизни въ миллионъ разъ выше стоятъ всѣхъ твоихъ приличныхъ поклонниковъ. Не старѣй,

Герценъ, и не проклинай молодыхъ. Смѣйся надъ ними, когда они смѣшны, наказывай и брани, когда они виноваты, но преклоняйся почтительно передъ ихъ честнымъ трудомъ и стремленіемъ, передъ ихъ подвигами и жертвами“ („Письма“, 306—308).

3062. Письмо къ Н. А. Огаревой.

29 мая (1867), среда.

Я два дня думалъ, что мнѣ отвѣчать на твое письмо отъ 25, и рѣшилъ ничего не отвѣчать, а укрѣплять себя противъ несчастья, несчастья неотвратимаго. Это несчастье — твой характеръ, способный на любовь, но не способный, въ вѣчномъ безпокойствѣ, дать вздохнуть всему, что ты любишь. Съ болью и горестью видѣлъ я, что то чувство, съ которымъ было писано мое письмо, проскользнуло мимо, и ты не обратила вниманія на то благословіе, съ которымъ я встрѣтилъ твою вѣсть. У тебя на умѣ другое. Что? Ты не знаешь; тебѣ отъ внутренней, избалованной праздностью (да, не сердись, праздностью, отъ которой свѣтскихъ женщинъ спасаетъ свѣтская жизнь, а не свѣтскихъ — серьезная умственная работа) тревожности хочется перемѣнъ. Ты мнѣ даешь на выборъ: Россію или что? Ты назвать не умѣешь-что? Конечно, невозможнаго, напр., чтобы то, что было, не было, ты не потребуешь, это безумно, — ну что же? Сдѣлати общее жите? Я согласенъ. Сказать о томъ, что ты разсталась, такъ, какъ прежде говорила m-me Hawkes и О.?

Я говорилъ съ О., онъ согласенъ и я. Что же можно еще сдѣлать безъ страшнаго ридюкюля¹⁾ или, наконецъ, безъ процесса? Ты не боялась Лизу не крестить, а боишься ее воспитать въ иномъ понятіи о бракѣ. А для чего же я всегда хотѣлъ въ глаза бросающейся близости Таты и Ольги съ ней, съ тобой?..

Начни же съ того, что крести Лизу, и тогда ставь вопросъ, которымъ (и ты это знаешь) ты всякій разъ пластаешь мнѣ грудь *au vif*²⁾.

Я усталъ, Natalie, и тѣмъ больше, что этотъ ударъ еще менѣе заслуженъ, чѣмъ всѣ прежніе. Я по-своему работалъ для иного устройства.

Когда я ѣхалъ, я еще разъ говорилъ: прежде всего давай Сатина сюда. Почему же ни одна моя просьба не исполнена? Почему

¹⁾ Ridicule — смѣшной.

²⁾ Живьемъ.

ты имѣешь право думать только о себѣ, вырывать у меня изъ рукъ Лизу, не зная даже, умѣешь ли ее спасти?

Да, сурово идетъ моя старость. Я наказанъ, я не защишаюсь, но смотрю съ ужасомъ на безпощадность другихъ. Я имъ никогда ничего подобнаго не дѣлалъ и не сдѣлаю. Облей слезами эти строки, но отвѣчай на нихъ обдуманно или не отвѣчай совсѣмъ.

Перехожу къ другому. Время это очень важное для меня и О. Съ одной стороны, интриги и гадости; партія мошенниковъ, т.-е. С.-С., дошла до обвиненій насъ и въ клеветѣ до предѣла. Съ другой — письмо мое къ Аксакову, дѣйствительно, сдѣлало поворотъ. Остановка „Кол.“ будетъ запросомъ на to be or not to be¹⁾. Она меня можетъ задержать до 1-го іюля — надобно узнать первый отзывъ. Уже теперь много поднялось голосовъ за насъ. Дальше не могу написать всего, что говорится о предстоящемъ свиданіи въ Парижѣ. Ал. Ник.²⁾ пробудетъ десять дней, т.-е. до 10, а потому и „Кол.“ можетъ опоздать и выйти 20 или 15 и 20.

Я на всемъ вижу *черту*, но перехожу ее, какъ старикъ переходить въ богадѣльню. Кромѣ общихъ надеждъ, все темно, и, вѣдь, я чувствую, что тебѣ и Огар. было бы легко, чтобъ эту тьму превратить въ свѣтъ, и что вамъ было бы легко. Но съ его стороны болѣзнь тѣла и преждевременная старость и жизнь, въ которую мы толкнули его, и бѣдность, — у тебя причина любви: ты любишь быть несчастной и недостаточно любишь, чтобъ другіе были счастливы (въ разумномъ смыслѣ слова) — вотъ гдѣ бѣда!

30 мая.

Письмо твое и Таты, — я и ими недоволенъ. Всю ночь рѣшительно часовъ до 5, не спалъ и теперь совсѣмъ abattu³⁾. Natalie, чего ты хочешь? Я ѣду къ вамъ. Я никогда не собирался лѣто жить въ Firenze, а *если* твоя жизнь не можетъ продолжаться вмѣстѣ съ Татой, свезти ее туда и пробыть недѣлю. Я не говорю, что свиданіе съ Ольгой было бы твоей обязанностью, — этого ты не поймешь.

Еще разъ я прошу тебя, ну хоть въ память всего былого и настоящего, въ память — мнѣ она дорога — тѣхъ минутъ, *когда и тебѣ было хорошо*, во имя того новаго существа, которое я начинаю любить, перестань мучить и мучиться, сблизься съ Татой. Я буду жить съ вами, если она и уѣдетъ. Найми домъ возлѣ Гарибальди;

1) Быть или не быть.

2) Государь.

3) Разбитъ.

кухарка можетъ прѣхать послѣ меня; она очень честная. Если ты декабрь не хочешь провести въ Ницца, я предлагаю рѣшительно Геную или Марсель. Я все сдѣлаю, кромѣ глупаго и смѣшнаго, — не иди дальше. Истинно опасно ломать даже и такое чувство, которому, какъ „Колоколу“, 10 лѣтъ. Не сгуби все изъ-за пустыхъ фантазій, брось и просто-просто ко мнѣ зови меня, зови теплыми словами. Я это пишу въ послѣдній разъ.

3063. Изъ дневника.

1867.

Если не ошибаюсь, 9 мая или 8 Н. Утинъ, въ присутствіи князя П. В. Долгорукова, Тхоржевскаго и меньшаго Утина ¹⁾ и въ послѣдствіи Огарева, предлагалъ мнѣ сдѣлку съ Серно-Сол., именно: онъ говорилъ, что С.-С. присылалъ къ нему Николадзе съ тѣмъ, чтобы черезъ Ут. негоцировать ²⁾ покупку его брошюры, которую онъ за извѣстную сумму обязывался уничтожить. Я при четырехъ свидѣтеляхъ сказалъ, что такой гнусной сдѣлки не приму.

Затѣмъ С.-С. еще обращался къ Мер. ³⁾, чтобы передать мнѣ ультиматумъ, но тотъ не согласился.

3064. Отъ редакціи.

Несмотря на наше объявленіе въ прошломъ листѣ, количество матеріала заставляетъ насъ издать этотъ листъ раньше обѣщаннаго ⁴⁾.

3065. Полноте вратъ!

Вотъ что напечатано въ 96 № „Моск. Вѣдомостей“:

„Изъ Цюриха пишутъ въ „Варшавскій Дневникъ“, что тамошняя полиція получила 23 апрѣля (н. ст.) отъ союзнаго совѣта въ Бернѣ секретное *предписаніе* удвоить строгій надзоръ надъ типографіей польскаго Центрального комитета въ Готтингенѣ и надъ лицами, работаю-

¹⁾ Евгений.

²⁾ Вести переговоры.

³⁾ Мерчинскій.

⁴⁾ Въ 241 л. было сказано, что слѣдующій листъ выйдетъ 15 іюня.

щими въ этой типографіи. Такое же *предписаніе* получила женеvская полиція касательно типографіи Герцена. Полагають, предписаніе это произошло вслѣдствіе поступленія въ главный союзный совѣтъ спеціального доноса, будто бы въ одной изъ вышеупомянутыхъ типографій хотятъ устроить заведеніе для поддѣлки ассигнацій*.

Что все это ложь и вранье, объ этомъ смѣшно и говорить. Что эта ложь выдумана въ Варшавѣ, видно изъ того, что шпіонъ-корреспондентъ воображаетъ, что союзный совѣтъ изъ Берна можетъ давать *предписанія* Цюриху и Женевѣ. Къ тому же, *больше года* русская типографія въ Женевѣ принадлежитъ Л. Чернецкому; зная секретныя предписанія, можно бы было знать и о явной передачѣ типографіи.

Но чортъ съ ними, со шпіонами „Варшавскаго Дневника“; насъ дивитъ низость средствъ, къ которымъ на закатѣ своемъ прибѣгаетъ Катковъ. У насъ нѣтъ *честныхъ* противниковъ... Неужели Катковъ думаетъ, что если-бъ намъ написалъ кто-нибудь, что онъ укралъ часы у Леонтьева, мы тотчасъ бы и напечатали, защитившись выносными знаками? А, вѣдь, мы не сомнѣваемся, что у Леонтьева часы есть ¹⁾).

3066. Этнографическая агитація въ Москвѣ.

По поводу панславистской выставки намъ рассказываютъ русскіе журналы о всякомъ вздорѣ; о молчаніи великаго князя Владиміра, о болтовнѣ Баршева ²⁾, выставившаго въ своей *ектень* образецъ того, что языкъ русскихъ школярей остался вѣренъ, если не старой старинѣ, то старинѣ Тредьяковскаго, — но не говорятъ ни слова о первой встрѣчѣ нашихъ гостей австро-славянъ. Прежде великаго князя и небольшого ректора они встрѣтили окровавленные поля славянской Польши, прирѣзанной славянской Россіей. Ихъ встрѣтили сначала не стерляди au naturel, не русскіе мужики изъ *rarieg maché*, а польскія женщины съ тѣмъ трауромъ на лицѣ, который полиція не сниметъ нагайкой, и бездѣтные старики со слезами на впалыхъ щекахъ, которыя полиція не можетъ осушить. Ихъ, прежде Погодина и Бодянскаго, встрѣтилъ Бергъ и не-австрійскіе нѣмцы, царящіе надъ Москвою...

¹⁾ Въ томъ же листѣ „Моск. Вѣд.“ напечатано: „Цюрихскій корреспондентъ „Варшавскаго Дневника“ пишетъ, что едва лишь начавшій выходить журналъ польской эмиграціи „Гмина“ прекратился по недостатку подписчиковъ, а крайнофильское изданіе „Украинскій Місячникъ“, многократно объявленный, еще не начиналъ выходить по той же причинѣ, какъ и „Гмина“.

А на дѣлѣ двойной нумеръ „Гмины“ вышелъ на-дняхъ. А. И. Г.

²⁾ Сергѣя Ивановичъ, ректоръ московскаго университета.

Они должны были себя почувствовать, какъ дома, какъ въ Шпильбергъ ¹⁾

Въ Канди тоже недурна *выставка*... крови и мученическихъ тѣлъ. Помогли, нечего сказать... Есть же такія тяжелыя руки и дурные глаза, что все портятъ, все губятъ, къ чему бы ни при-
тронулись.

Beni par eux tout dégénère ²⁾...

Хотятъ помочь — пускаютъ ко дну. Колдовства тутъ, впрочемъ, большого нѣтъ; это — слѣдствіе нравственной нечистоты, двойства и лжи.

3067. Право собираться — новыя стѣсненія.

Намъ пишутъ изъ Петербурга:

„Почему вы пропустили безобразныя мѣры, отлающія подъ надзоръ полиціи всякія собранія? По новому закону, „беззаконными“ собраніями считаются не только тайныя политическія и не политическія общества, но вообще *всякаго рода собранія*, съ какой-нибудь цѣлью безъ предварительнаго разрѣшенія. Полиціи вѣлѣно вездѣ искать преступныя общества, дикія наказанія назначаются участникамъ, и, наконецъ, обѣшано *прощенье и всяческое снисхожденіе доносчикамъ*.

Только-то? А плата какъ: съ общества или съ головы?

Все это гнусно, все это чисто-Валуевъ, неподдѣльно-Шуваловъ — чему же дивится нашъ корреспондентъ? Развѣ эти мѣры не принадлежатъ къ ряду гнусныхъ мѣръ послѣдняго пятилѣтія? И потомъ, развѣ прежде существовало какое нибудь право собраній, *droit de reunion*?.. Полноте!

3068. Князь Меншиковъ — памфлетистъ.

Намъ пишутъ изъ Парижа, что тамъ издана русская книжка о „Дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Крыму въ 1854 и 1855 годахъ“ ³⁾. Книга эта исполнена грубѣйшей лести къ великимъ міра сего, даже къ Николаю Павловичу, и, все же, она не могла быть напечатана въ Рос-

¹⁾ Крѣпость.

²⁾ Отъ ихъ благословенія все вырождается,

³⁾ Paris, Librairie militaire, I. Dumaine, Libraire-Editeur de l'Empereur,

си. Известно, что въ Парижѣ нѣтъ русской типографіи, и потому князь Меншиковъ (*Alma mater!*¹⁾), въ честь коего преимущественно написана книжка, долженъ былъ заводить ее на свой счетъ. Изъ этого случая да еще изъ гнуснаго дѣла Соколовскаго²⁾, посаженнаго въ острогъ по изданной имъ книгѣ „Отщепенцы“, еще неразсмотрѣнной цензурой, можно видѣть, насколько мы подвинулись со времянь Николая.

3069. Частное дѣло.

Въ Европѣ люди, какъ бы ни были высоко поставлены, отвѣчаютъ на письма въ томъ случаѣ, если письма написаны *не дерзко* или не составляютъ повтореніе того, на что уже былъ данъ отвѣтъ. Въ петербургскихъ вершинахъ даже и тѣ особы этого не исполняютъ, которыя специально были воспитателями въ Зимнемъ дворцѣ и, стало, находятся въ подозрѣніи воспитанія.

Дѣлать нечего, надобно печатать.

Апрѣля 20 нынѣшняго года я послалъ страховое письмо В. П. Тивову, члену государственнаго совѣта, слѣдующаго содержания:

М. Г. Владиміръ Павловичъ,

„На-дняхъ прочелъ я въ газетахъ печальную вѣсть о кончинѣ Н. А. Мельгунова. Смерть этого стараго пріятеля страннымъ образомъ ставитъ меня въ необходимость безпокоить васъ моимъ письмомъ. Мое уваженіе къ вамъ, основанное на личномъ знакомствѣ, сдѣланномъ именно въ домѣ Мельгунова, и на той извѣстности, которою вы пользуетесь, заставляетъ меня думать, что вы сдѣлаете для очистки памяти Мельгунова все зависящее отъ васъ и, во всякомъ случаѣ, удостоите меня отвѣтомъ.

„Покойный Мельгуновъ оставилъ у меня въ 1857 году открытое письмо къ вамъ, на случай своей смерти. Я прилагаю копію съ него, боясь утратить на почтѣ оригиналь.

„Оно требуетъ объясненія.

„Дѣло вотъ въ чемъ: Н. А. Мельгуновъ, сверхъ денегъ, взятыхъ у меня взаймы, просилъ поручиться за него тысячахъ въ 6 франковъ у Ротшильда. Ротшильдъ онъ не заплатилъ, и послѣдній взыскалъ съ

1) „Всеобщая мать!“ — латинское восклицаніе, соотвѣтствующее русскому „Матерь Божія!“. Меншиковъ потерпѣлъ пораженіе въ Крыму на р. Альмѣ.

2) Николай Васильевичъ Соколовъ, умышленно названный невѣрно, чтобы показать незнакомство его съ эмигрантами.

меня капиталъ, проценты, протори и пр., на что я и имѣю письменныя доказательства. Всего Мельгуновъ мнѣ остался долженъ (безъ процентовъ) 13,800 фр. Ожидая со дня на день денегъ то отъ Карцова, то отъ Н. Ф. Павлова и регулярно телеграфируя мнѣ въ Лондонъ о томъ, что онъ ихъ не получилъ, покойный Мельгуновъ пригласилъ мнѣ прилагаемое письмо къ вамъ, увѣряя меня, что, въ случаѣ его кончины, вы вступитесь въ это дѣло. Я Мельгунова зналъ за честнаго человѣка; онъ многими говорилъ о своемъ долгѣ и, навѣрное — Каролинѣ Карловнѣ Павловой. Въ письмѣ къ вамъ, боясь моего имени, онъ называетъ только Ротшильда.

„Вы видите, что я пользуюсь тремя условіями, по которымъ мнѣ можно отказать; у меня нѣтъ векселя въ карманѣ, у меня нѣтъ правъ въ Россіи и зато есть десятилѣтняя давность. Поэтому-то долгъ Мельгунова становится долгомъ чести, и я обращаюсь къ вамъ, какъ къ указанному покойнымъ другу, прося васъ снестись съ его наслѣдниками или душеприказчиками.

„Если мое письмо не дойдетъ до васъ или вашъ отвѣтъ — до меня, попытаюсь довести его до васъ черезъ журналы.

Женева, 20 апрѣля 1867.

Позвольте и пр.

А. Герценъ“.

Бѣдный Мельгуновъ, — меломанъ, увлеченный Моцартомъ, — какъ всегда, онъ переоцѣнилъ „Титово милосердіе“ и *его дружбу*. Членъ совѣта, вѣрно, думаетъ, что лишенный всѣхъ правъ, я не *имѣю права получить отвѣты*.

3070. „Положительная Философія“.

Съ 1 іюля въ Парижѣ будетъ выходить новое періодическое изданіе „*La Philosophie Positive*“, издаваемое извѣстнымъ Литтре и нашимъ соотечественникомъ г. Вырубовымъ. Желаемъ отъ души успѣха превосходному предпріятію и обращаемъ на него вниманіе нашихъ читателей.

Вотъ программа новаго изданія:

„Развить основныя идеи О. Конта, этого великаго мыслителя, который первый ввелъ научные методы въ область философіи, и приложить ихъ ко всевозможнымъ вопросамъ, вызываемымъ совершенствованіемъ и образованіемъ въ наукахъ, искусствахъ, словесности и гражданственности, иными словами — преобразовать философію безъ тео-

логи и метафизики, — такова цѣль этого изданія. Имъ въ первый разъ *положительное* ученіе беретъ участіе въ періодической формѣ — въ *борьбѣ* мнѣній, стремящихся овладѣть обществомъ. На томъ же основаніи, на которомъ оно исключаетъ все теологическое и метафизическое, оно идетъ, вышедшее изъ революціи, на встрѣчу общественному обновленію, основывая это обновленіе исключительно на дѣйстви- тельномъ знаніи законовъ міра, человѣка и исторіи“.

3071. Общій фондъ.

Изъ 257 франк. выдано въ ссуду подъ расписку г. П. С. ¹⁾ въ Женевѣ — 50 фр.; послано въ Бернъ г. А. Ш. ²⁾ 100 фр.; въ Парижъ г. Е. Г. ³⁾ — 10 фр. Остается 97 франковъ.

3072. Письмо къ Н. П. Огареву.

3 іюня (1867).

Вотъ письмо отъ Н. Нѣтъ, ее ничѣмъ не наведешь на иной путь! Я беру весь крестъ и всѣ послѣдствія на себя; даю тебѣ слово, что мои письма не были жестки. Если она въ самомъ дѣлѣ въ томъ положеніи, то бѣды нѣтъ, а есть то, что она не можетъ больше писать Еленѣ, что она *совсѣмъ оставлена*.

Въ отвѣтъ я написалъ опять совершенно тепло, но просто, что я ей представляю выборъ трехъ городовъ: *Генуи, Марсели, Ліона*. Ліонъ въ шести часахъ отъ Женева, стало, въ случаѣ чего-нибудь, и ты посѣтишь. Я вотирую за Ліонъ, но согласенъ и на тѣ и снова спрашиваю, *чего же она хочетъ?* И откуда теперь, черезъ десять лѣтъ эти сюпризы?.. Ты подумай.

Чтò у васъ? Если меня не нужно, я могъ бы въ 4½ уѣхать въ *Montreux* и воротиться завтра съ послѣднимъ *train*. Могу ѣхать и завтра въ 8, — зависитъ отъ твоего отвѣта и твоихъ дѣлъ.

Можно ли тебѣ оставаться въ *Lancy*? Это тоже — вопросъ. Когда срокъ квартиры?

Не забудь сказать Г. ⁴⁾, что ты больше двухъ лѣтъ за него 1.200 фр. не будешь платить. По бюджету въ 6.000 это — страш-

1) ?

2) А. Шербаковъ.

3) Е. Гжицкій.

4) Генри, сынъ Мэри.

ная брешь, остается 4.800. Конечно, Чернец. и этого не имѣть... но вино, и то, и сѣ, — ты концовъ не сведешь. Надобно отъ Сат. опять взять. До моего отъѣзда у меня денегъ больше 100—150 фр. не будетъ. Къ 1 іюля придуть ренты. Сегодня послалъ 600 N. и Татѣ.

Буду собираться. Если ты согласенъ съ Лиономъ, то при случаѣ пиши въ Ниццу.

Къ Сашѣ писалъ еще. Какъ все это было ненужно. Я сильно отвѣчаю за то, что способствовалъ отдаленіемъ тебя съ N. всѣмъ ладеніямъ и вертижамъ. Корень тутъ, и это ѣсть меня.

3073. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(2—3 іюня 1867).

Жду твоего письма и тогда буду отвѣчать. Завтра я ѣду въ Montreux къ Мишле и Кинэ; тамъ же встрѣчу Monod. Со мной ѣдетъ Баумриттеръ, который сильно кашляетъ (онъ кланяется Natalie и тебѣ). У меня былъ Клапаредъ ¹⁾, зоологъ, очень умный человѣкъ; онъ былъ во Флоренціи. Но всего чаще бываетъ у меня старикъ Pierre Leroux... Что за удивительный сумасшедшій поэтъ, что за руина 30-хъ годовъ! Другъ Ж.-Сандъ и всѣхъ знаменитостей того времени, бѣденъ, дряхъ и сохранилъ юный духъ; мистикъ страшный, — онъ говоритъ, что m-me Engelstone никогда не умерала.

Лугининъ для меня загадка, но онъ очень несчастенъ. Я ему писалъ, что могу встрѣтиться въ Лионѣ, но выходитъ затрудненіе: Авигдоръ писалъ мнѣ для перевода фондовъ, чтобъ я проѣхалъ Туринномъ и тамъ бы обдѣлалъ. Его ²⁾ странная пассія меня не меньше дивитъ, и я вполнѣ согласенъ съ тѣмъ, что ты писала, а жаль его: чистый человѣкъ и chevaleresque ³⁾.

Цѣлую тебя отъ души.

Пиши же.

„Письма объ из. природы“ пришло; посмотри у Висконти Дрепера объ Амер. или что-нибудь изъ Lewis.

Дѣти Рейхель все еще больны.

¹⁾ Эдуардъ, швейцарскій ученый; о немъ на стр. 190 „Писемъ“ Бакунина.

²⁾ Лугининъ.

³⁾ Рыцарскій.

3074. Письмо къ М. Мейзенбургъ и Н. А. Герценъ.

4 juin 1867.

Cette fois — chère Malvida — j'écris pour vous dire que je n'ai rien à dire, — que je suis à Moutreux et que Monod n'y est pas — de manière que mon dialogue avec lui devient Mono-logne et le Baum-Ritter — n'est pas d'acajou mais plutôt de Baum Wolle.

Je verrai aujourd'hui la femme de Michelet — peut-être l'insecte et l'oiseau aussi. Je n'aime pas sa femme (ni l'écrive, ni l'écrivante).

Pierre Leroux fait mes delices — pas de trace éloigné de bon sens.
Adieu. Votre fidelissime ami ¹⁾

A. H.

Ольга ты единая, что же такъ мало пишешь и ничего не рассказываешь о вашемъ житьѣ-бытьѣ? Что ты читаешь послѣ Monod? Вообще, соберись написать серьезное письмо. Я тогда буду тоже писать отвѣтъ и совѣтъ.

Обнимаю тебя

А. Г.

3075. Письмо къ сыну.

(7—9 июня 1867).

У Лугинина умеръ второй братъ; онъ въ отчаяніи; я ему писалъ въ томъ родѣ, какъ ты мнѣ. Я ничего не могу сдѣлать, — зачѣмъ самъ не ѣдетъ.

Крауфордъ старикъ уже умеръ. Саффи въ концѣ мѣсяца переселяются въ Италію.

¹⁾ На этотъ разъ, дорогая Мальвида, я пишу вамъ только для того, чтобы сказать вамъ, что мнѣ нечего вамъ сказать, что я — въ Монтрѣ, а Моно здѣсь нѣтъ, такъ что мой діалогъ съ нимъ превращается въ Моно-логъ; а Baumritter вовсе не изъ красного дерева, а скорѣе изъ Baum-Wolle²⁾.

Сегодня я увижусь съ женою Мишле, а можетъ быть, и съ насѣкомыми и съ птицею тоже ³⁾. Я не люблю его жену (ни описавшую, ни пишущую);

Пьеръ Леру доставляетъ мнѣ наслаждение, — ни малѣйшаго слѣда здраваго смысла.

Прощайте. Вашъ вѣрнѣйшій другъ. А. Г.

²⁾ Игра словъ. Первая составная часть нѣмецкихъ словъ: Baumritte (буквально: рыцарь дерева, въ данномъ случаѣ — фамилія лица, о которомъ идетъ рѣчь) и Baum-Wolle (хлопчатая бумага) — одна и та же: Baum — дерево.

³⁾ „L'insecte“ („Насѣкомое“) и „L'oiseau“ („Птица“) — заглавія сочиненій супруговъ Мишле.

Твоимъ успѣхомъ я былъ очень доволенъ. Можетъ, дѣйстви-
тельно, твой талантъ въ популяризаціи науки; я ничего не имѣю про-
тивъ этого; напротивъ, бесплодность, напр., Гуго Ш. ¹⁾ меня ужасаетъ.

Я написалъ громовую статью „Мазурка“, — которая будетъ въ
„Колоколѣ“ 15 іюня. Посылаю отрывокъ изъ „Op. Nat“. Nos actions
montent ²⁾. Сегодня спѣшу.

Скажи Malvid'ѣ Фил., что она вложила записочку въ свое письмо такъ
хитро (о пріѣздѣ Мопод), что я ее нашелъ въ пакетѣ черезъ два дня.

Пиши скорѣе.

Утомленный твоимъ непониманіемъ въ дѣлѣ фондовъ, я все раз-
узналъ отъ Авидора. Разумѣется, это не легко — надобно довѣрен-
ность и пр.; всего легче самому сдѣлать въ Туринѣ. Теперь напиши,
сколько лажу (aggio) на француз. золотѣ, т.-е.

20 фр. принимаются за

22

21

20, 50

или какъ?

Нефталъ въ Берлинѣ, кланяется тебѣ и Мальв., разбогатѣлъ.

3076. Письмо къ И. С. Тургеневу.

8 іюня (1867), суббота.

7, Quai Mont Blanc

Во-первыхъ, Вырубовъ очень милый и хорошій человекъ; я его
знаю года два. Онъ думалъ занять касседу въ моск. унив. (адъюнк-
томъ по минерал.), но, по доносу Каткова, ему отказали. Онъ имѣетъ
состояніе, и, вѣроятно, „Revue“ будетъ на его счетъ. Готовится еше
ревию позитивно-физикальный, участвуютъ самые близкіе люди мнѣ и
долею извѣстны изд. Мопод, участниками — Шиффъ. Молешотъ,
Фогтъ, мой сынъ, meine Wenigkeit ³⁾ и пр. Они хотятъ переговорить
съ Вырубовымъ о фузиі ⁴⁾.

Теперь тебѣ предстоитъ дѣло, именно — проситься въ Кара-
мины; въ государя столько стрѣляли, что исторія его царствованія мо-
жетъ быть напечатана какъ

Записки дурныхъ охотниковъ
хорошими ⁵⁾).

¹⁾ Шиффъ.

²⁾ Наши акціи поднимаются въ цѣнѣ.

³⁾ Мое ничтожество.

⁴⁾ О соединеніи.

⁵⁾ 6 іюня въ Парижѣ въ Александра II стрѣлялъ Березовскій.

Долгор. я сосплетничаль твой эпитафъ: „республиканецъ Д.“ У меня съ нимъ ни интимности, ни ссоры нѣтъ, — такъ, какъ у тебя съ воришкой и шулеромъ Некрасовымъ, съ оберъ-шпіонами à la Kattkoff. Долг. издавна не дѣлалъ такихъ гадостей. Русскій челоувѣкъ слабъ и неразборчивъ.

Поляки ¹⁾ помѣшали мнѣ дописать путешествіе du tzar, — я только, было, свелъ его со Шнейдеръ въ Мабиль... Однако, допишу. Затѣмъ прощай и, если что новаго, дай знать.

А. Г.

Справся, отчего я книги твоей ²⁾ не получилъ. Здѣсь я справлялся, — нѣтъ

3077. Письмо къ М. К. Рейхель.

10 іюня 1867.

7, Quai Mont Blanc.

Шерфѣйшая Марья Каспаровна, голова идетъ кругомъ: новости, сплетни, пули, цари, лошади, — надоѣло держать ухо востро и писать, а потому я дня все еще не могу назначить, да и у васъ все еще не совсѣмъ исправно (Рейхелю-то какъ не стыдно на старости больнымъ быть!).

А вы вотъ что сотворите: я прочиталъ въ газетахъ, что у васъ въ Matterhorn'ѣ есть какой-то пансіонъ, — не ѣхать ли прямо туда? А если очень скверно, я въ Bernerhoff лоѣду; до 15-го я, навѣрное, не буду; впрочемъ, я вамъ напишу. На-дняхъ я ѣздилъ въ Montreux къ Мишле и Кинэ.

Тата въ Ниццѣ; я ѣду 1-го іюля (оно потеплѣе тамъ). Затѣмъ жму вашу руку и руки всѣхъ вашихъ.

Отъ Ольги Ивановны ³⁾ записочку получилъ; если что можно, сдѣлаю для ея протезе; попросите у нея прошенья, что не писалъ, — я все хотѣлъ на словахъ передать. А вотъ и къ ней просьба подобная и къ вамъ тоже. Фогтъ и жена его просили меня, нѣтъ ли мѣста для молодой дѣвушки гувернантки-нѣмки, дочери адмирала, въ конецъ разорившагося (я всегда говорилъ: для Германіи флотъ не нуженъ); она не столько ищетъ дороговизны, сколько дружескаго тона и деликатности; въ Россію поѣдетъ.

Засимъ прощайте.

Жду отвѣта.

¹⁾ Покушеніе было организовано ими.

²⁾ „Дымъ“.

³⁾ Ліонъ.

3078. Письмо къ Н. А. Огаревой.

11 юня (1867). Чась.

Съ какимъ страннымъ нетерпѣніемъ я ждалъ отвѣта на мое письмо изъ Монтреух и что же получилъ? твою невыразимо дурную записку. Пришли мнѣ ту. За что же ты испугалась? за всѣ мученія разъ дать мнѣ каплю хорошаго? И почему ты сочла себя тотчасъ въ необходимости мстить? Спросила ли ты: „а каково ему было при всей этой передрагѣ, при видѣ Ог., при морѣ непріятностей, окружающихъ въ послѣднее время?“. Natalie, тебѣ стыдно. Я жду записку, которую ты не послала; она облегчить мнѣ можетъ вліяніе сегодняшней.

Какой ты грѣхъ сдѣлала — убила твоимъ письмомъ столько, столько хорошаго... Мнѣ жаль тебя и потому жду того письма.

Дай Лизѣ немного денегъ (я ихъ еще не получилъ, но пусть тѣшится).

Ни тѣла Ш. ¹⁾, ни вѣсти — совершенный штиль нѣмой ночи. ¹

Я требую отвѣта 15-го, въ субботу и до тѣхъ поръ писать не стану.

◆◆ I. Шарлотта Гѣтсонъ жила въ Lançy у Огарева съ 1 юня. Она страдала далью отношеній А. А. Герцена, ждала, что, переѣхавъ изъ Лондона въ Жеңеву, будетъ ближе къ нему... Мэри за короткое время сдѣлала жизнь ея и сына, Тутца, еще болѣе невыносимой. Однажды, въ началѣ юня 1867 г. Шарлотта (говорять, въ припадкѣ умственнаго разстройства) исчезла изъ дому и утопилась въ Женевскомъ озерѣ. Черезъ три года, въ юнѣ 1870, трупъ ея былъ найденъ на берегу Роны, въ Аирскихъ островахъ и опознанъ, благодаря сохранившимся частямъ платья, ключамъ и портмонѣ.

Огаревъ посвятилъ ей тогда слѣдующее стихотвореніе:

„Безлунною ночью плыль трупъ по рѣкѣ.
Увязъ, зацѣпившись въ подводномъ пескѣ,
И годы лежалъ онъ на этомъ погостѣ,
Покуда остались голыя кости.
Я знаю, чей плыль это трупъ молодой, —
Трупъ женщины, рушенной горькой бѣдой.
Не выдержалъ мозгъ — столько жизнь не легка —
Ее утопила любовь да тоска.
А вытащилъ [тѣло] не другъ, не родной,
А просто квартальный, шпионъ площадной.

(„Рус. Прописки“, II, 178).

¹⁾ Шарлотта Гѣтсонъ.

3079. Письмо къ Н. П. Огареву.

(12—13 июня 1867).

Огаревъ, чтобъ не забыть, записываю два-три пункта.

При разсказѣ комиссару ¹⁾, безъ сомнѣнія, явился вопросъ, какая же можетъ быть причина побѣга? Дѣло плохое, если ты ее не сказала: всѣ полицейскія дѣла растутъ на недомолвкахъ. Такъ же слѣдовало сказать, зачѣмъ она вообще пріѣхала.

Далѣе, тебѣ слѣдуетъ взглянуть на письма Саши. Что за скотство, что онъ записалъ ребенка на свое имя, — какъ будто, онъ не могъ его назвать и не записывая. Ясно, что дойди это до газетъ, Сашу смѣшаютъ со мной, — мнѣ это неважно, но la matière какъ важна, объ этомъ я ему напишу. Вѣтъ съ какой стороны прорветъ плотину, — дай-ка дойти до Цверц. брата, который пишетъ, что „Gmina“ просила у Плонь-Плона ²⁾ денегъ, и онъ выслалъ 20 фр.

Чернецкому сказать необходимо о Ш. ¹⁾

Не издать ли 2 „Кол.“?

У тебя коррект.

◆◆ 1. Вотъ записка Огарева къ Н. А. Огаревой, послѣ вызова Мэри для соотвѣтствующаго опроса и опознанія трупа: „Мэри возвратилась благополучно; присутствіе консульскаго агента было очень удачно; всѣ были учтивы; требовалось только подтвержденіе о ключахъ и port-monnaie, въ чемъ она и дала декларацию. Ключи etc. будутъ переданы англійскому консулу, откуда Мэри, вѣроятно, ихъ получить и передастъ тебѣ для Тутца. Похоронена она въ Cimetière du Plain Palais, № сообщитъ консуль, гдѣ мы его и узнаемъ, и тогда всѣ вмѣстѣ можемъ сходить на могилу. Платье, кромѣ кармана и одного сапога, представляетъ только нитки.“

Кде-какія свѣдѣнія помѣщены въ іюнѣ въ „Journal de Genève“ 1870 г.

3080. Письмо къ Н. А. Огаревой

14 (іюня 1867). Пятница.

Хотѣлось написать нѣсколько словъ и я остановился. И это удовольствіе и этотъ отдыхъ у меня почти отнять. На мое письмо

¹⁾ О случаѣ съ Ш. Гётсонъ.

²⁾ Принцъ Наполеонъ.

изъ Montreux — ни слова; на мое второе письмо отсюда, гдѣ я благодарилъ, — ни слова; но на письмо, которое тебѣ показалось не по шерсти (въ немъ ничего нѣтъ жесткаго, а есть отвѣты) — отвѣтъ въ четверть часа. Жду, что будетъ.

25 іюня выйдетъ послѣдній „Колоколь“ и, если ничего не помѣшается, я къ 1 могъ бы ѣхать... и, какъ я хотѣлъ, ты видѣла это. и все-то ты опять испортила и нѣтъ свѣтлаго направленія.

Буду ждать письма. Домъ, т.-е. квартиру, сегодня наняли, маленькую за 800 въ годъ: 7, Boulevard Plain Palais, au 2. Я, вѣроятно, туда не переѣду или только переночую. Ящикъ дорожный. досталъ.

О Ш. — ни малѣйшей вѣсти. Говорятъ, что въ Ронѣ есть пещеры подъ скалами, въ которыхъ пропадаютъ безъ слѣда, другія тѣла уносить въ Марсель и море. Писала ли ты въ Россію о деньгахъ? Ог. страшно. нужно *хоть бы еще 1.000 руб. сер.*

15, суббота.

За нѣсколько строкъ въ концѣ я прощаю твое дурное письмо, — и ни слова объ этомъ. Мнѣ не на что тебѣ отвѣчать окончательно. Пересмотри мои письма, ты въ нихъ увидишь все. *Я хочу къ вамъ, сдѣлай только, чтобы мнѣ у васъ было легко, безтревожно.* Мнѣ, вѣроятно, надобно будетъ сдѣлать двѣ отлучки, очень короткія, до 1 января (а, можетъ, и одну). Я былъ бы раньше готовъ, но выстрѣлъ измѣнилъ все, нельзя было остаться въ подозрѣніи, что мы, испуганные, остановились. Если „Кол.“ сегодняшній дойдетъ, порадуйся его благородному тону; эту чистоту современемъ оцѣнятъ.

Если ты можешь вспомнить хоть что-нибудь изъ хорошаго письма, напиши — мнѣ такъ дороги инья теплыя слова, и ты меня такъ *мало баловала*, что можно переписать по памяти.

1-го іюля или тотчасъ послѣ я отправлюсь. До тѣхъ поръ я прошу *сейчасъ написать* мнѣ, что я долженъ говорить съ Прогеръ: она 1 сент. свободна. (Да развѣ ты не въ томъ положеніи, въ которомъ думала? Какъ же это не написать...)

Домъ занимай какой хочешь, мнѣ надобно немного вида и простора; помни, что тѣнь тоже нужна. Прощай. Горячо обнимаю тебя и умоляю не падать опять въ старую колею.

Кухарка до 15 іюля не можетъ ѣхать. Подумаю. Разумѣется, что Чернец. знаютъ о Шарл.

3081. Письмо къ Н. П. Огареву

(14—15 іюня (1867).

Чтобы не забыть въ теперешнихъ суетахъ, скажу тебѣ, что и въ послѣднемъ случаѣ мой инстинктъ былъ вѣрнѣе твоего, и, подвергнувшись сильнымъ упрекамъ, выисралъ карту опять я. Я получилъ второе письмо отъ Н. по поводу моего сообщенія о Ш. То, чего я добивался разсужденіями, доводами и бранью, то сдѣлалъ поразительно трагическій примѣръ возлѣ. Она проситъ не показывать письма, — это основано на томъ, что она не знаетъ, отдашь ли ты ей ребенка¹⁾ (я вовсе не согласенъ брать его теперь); затѣмъ выписываю: „Меня мучать твои строки объ Ш. Я не могу ничего дѣлать, мнѣ страшно за нее и ребенка, привези его“. „Пусть Саша его возьметъ послѣ, а можетъ, онъ этого не сдѣлаетъ; можетъ, видя, какъ мое сердце болить за него, лишеннаго любви матери, онъ многое забудетъ и станетъ мнѣ другомъ. Можетъ, и Ог. и потомъ Мейзенбургъ съ Ольгой захотятъ съ нами соединиться?“

Итакъ, Огаревъ, мое *предосудительное* письмо сдѣлало то, чего не могли сдѣлать ни любовь, ни злоба до ненависти, ни твое, ни мое вліяніе.

Ты не думай, что я дѣлю этотъ планъ, или что я его подсказалъ, — ни однимъ словомъ. Но я долженъ сказать, что я на этомъ началъ могъ бы сдѣлать многое.

Ты можешь быть доволенъ тѣмъ, что ты меня разбранилъ напрасно, а можетъ, и по дѣломъ, но въ случаѣ, въ которомъ *случайности* въ мою пользу и въ пользу моего чутья.

Вѣдь, и съ Вурмомъ²⁾ и вшами женевского нигилизма съ твоей стороны — только любовь къ меньшей братіи, а пониманіе ихъ — съ моей.

Полагаю, довольно.

Если же ты желаешь что-нибудь сказать мнѣ объ этихъ планахъ, лучше напиши.

До Пьера Леру.

1) Тутъ.

2) ?

3082. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

13 juin 1867.

Cherissime protectrice de la revue future.

Monodfenestrebaumritter — ont été chez nous. Je les ai regalés par Pierre Leroux et j'ai regalé par eux Vogt. Fanny Lewald — à passé chez moi une soirée — qui est devenue double, car son mari y était aussi.

La revue n'ira pas à Florence, mais elle peut aller ou à Genève ou à Bruxelles.

Or tous les avantages étaient pour Genève. — Telle est mon humble opinion. Si Monod se décidait (il n'en sait rien, car il est parti me laissant sur les bras le Baum-Wollenritter) — je commence le „Kolokol“, en français pour le 1 janvier 1868 — et nous imprimons la revue chez L. Czerniecki. Appartement, Tchorzevskj' et le lac — gratis. (Si on veut avoir une dame du lac — comme extra, cela doit se compter à part — nous fournissons le *mal* — seulement).

Pour parler avec Louguinine, Virouboff — ils ons'envoyé Baumritter — qui n'a pas de voix, pas de connaissances. Je crois qu'ils ont fait cela — parce que la Pologne révolutionnaire — avait pour son ambassadeur à Londres Cwierzekewitch.

I beg your attention — Mame¹⁾ à mon article „La Masurque“ — ce le voyage de l'empereur Alex.

Alexandre peut traduire.

Je pense quitter Genève vers le 1 juillet.

Où allez-vous? — Et pourquoi allez vous si vous ne pouvez vous baigner dans la mer. L'eau de mer (c'est à dire au moins le sel de mer) vous pouvez l'avoir partout?

Votre reviseur de la revue.

Encore une lettre de J. Tourgueneff — chant de rossignol et Rosenduft.

Переводъ.

13 июня 1867.

Дрожайшая покровительница будущаго журнала!

У насъ были Монофенестрбаумриттеръ²⁾. Я угостилъ ихъ

1) Въсто „Madame“.

2) Т.-е. Моно, Фенестръ и Баумриттеръ.

Пьеромъ Леру, а ими угостилъ Фогта. Фанни Левальдъ¹⁾ провела у меня вечеръ, который долженъ считаться двойнымъ, такъ какъ и мужъ ея тоже былъ.

Журналъ не будетъ выходить во Флоренци, но онъ можетъ выходить въ Женевѣ или въ Брюсселѣ.

Всѣ преимущества на сторонѣ Женевы — таково мое смиренное мнѣніе. Если Моно рѣшится (онъ ничего объ этомъ не знаетъ, такъ какъ оставилъ меня на рукахъ у Баумъ-Волленриттера) — я съ 1-го января 1868 начну издавать „Колоколь“ по-французски. Печатать журналъ мы будемъ у Чернецкаго. Квартира, Тхоржевскій и озеро — даромъ. (Если пожелаютъ имѣть „даму озера“²⁾, какъ прибавку, то это должно считаться отдѣльно — мы доставляемъ только мужской элементъ³⁾).

Для переговоровъ съ Лугининимъ и Вырубовымъ они послали Баумриттера, у котораго нѣтъ ни голоса, ни знакомствъ. Я полагаю, что они сдѣлали это потому, что посломъ революціонной Польши въ Лондонѣ былъ Цверцякевичъ.

Обращаю ваше вниманіе, сударыня, на мою статью „Мазурка“. Это — путешествіе императора Александра.

Алекс. можетъ ее перевести.

Я предполагаю покинуть Женеву около 1-го іюля.

Куда вы направляетесь? И зачѣмъ вы уѣзжаете, если не можете купаться въ морѣ? Вѣдь, морскую воду, т.-е., по крайней мѣрѣ, морскую соль, вы всюду можете найти.

Вашъ ревизоръ журнала.

Еще одно письмо отъ И. Тургенева: пѣніе соловья и благоуханіе розъ.

3083. Выстрѣлъ 6 іюня.

Опять выстрѣлъ. Мы объ немъ распространяться не будемъ. Наше мнѣніе объ этомъ пути извѣстно; ни вопль безумныхъ крикуновъ, ни брань сильныхъ міра сего не заставятъ насъ ни перевозносить этого рода попытокъ, влекущихъ за собою страшныя бѣдствія, ни произнести слова осужденія мученикамъ, которые обрекаютъ себя на смерть, и которыхъ совѣсть чиста, именно потому, что они фанатики.

¹⁾ Нѣм. романистка.

²⁾ Намекъ на поэму Вальтера Скотта „The Lady of the Lake“ (въ русскомъ переводѣ: Дѣва озера).

³⁾ Въ подлинникѣ непереводаемая игра словъ: „mâle“ — самецъ, мужской элементъ, и „le mal“ — зло, произносятся одинаково.

Само собою разумѣется, что выстрѣлъ 6 июня не будетъ имѣть никакого вліянія на духъ нашего изданія. Наши убѣжденія сложились давно, и никакая случайность не можетъ ихъ погнуть ни направо, ни налѣво.

Для Россіи въ этомъ событіи великій урокъ.

Судить Березовскаго будутъ открыто, а не въ тайномъ застѣнкѣ, какъ судили Каракозова; судить его будутъ судьи, а не подобранные генералы.

Первый слѣдователь, глядя на плохой пистолетъ, замѣтилъ, что у Березовскаго, по всей вѣроятности, сообщниковъ нѣтъ. Къ дѣлу Каракозова примѣшали, зная ихъ невинность, сотни молодыхъ людей. Одно замѣчаніе г. Лимейрака въ „Конституціонерѣ“ о нравственномъ соотношеніи выстрѣла съ криками „да здравствуетъ Польша!“ вызвало крикъ негодованія не только въ либеральныхъ журналахъ, но въ династическихъ и клерикальныххъ.

Въ заключеніе обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на полицейскую продѣлку, Шувалова, который спросилъ Березовскаго, не переписывался ли онъ съ отцомъ? То-есть сдѣлалъ опытъ запутать въ Польшѣ и Россіи родныхъ, знакомыхъ, ихъ родныхъ и ихъ знакомыхъ въ дѣло, такъ явно стоящее отдѣльнымъ!

Мы совѣтуемъ очень подумать объ этомъ. ¹

◆◆ 1. 23 июня Бакунинъ писалъ Герцену: „Ну, за что же ты назвалъ Березовскаго фанатикомъ? „Онъ чистъ, потому что фанатикъ“ — что за странная и недостойная тебя игра словъ и что значить фанатикъ? Дуракъ или сумасшедшій, что ли? Это, братъ, изъ рукъ вонъ несправедливо. Точно, какъ будто бы внѣ исторически философскаго высокаго взгляда на происшествія нѣтъ жизни, нѣтъ права и страсти жизни? Березовскій — мститель, и самый законный мститель за всѣ преступленія, муки и кровавыя оскорбленія, вынесенныя Польшею и поляками. Неужели ты этого не понимаешь? Да, вѣдь, если бы не было такихъ взрывовъ негодованія, можно было бы отчаяться въ людяхъ“ („Письма“, 210).

3084. Мазурка.

Мы всегда относились довольно равнодушно къ національнымъ болѣзнямъ послѣдняго времени, мы и не враждебны имъ. Они, вѣроятно, лежатъ въ физиологическомъ пути развитія; но мы не можемъ забыть,

что ими замѣнились вопросы революціонные и соціальные и затмились умы народовъ и людей до того, что *во имя* ихъ могли встрѣчаться въ томъ же станѣ Гарибальди и Бисмаркъ, греки изъ Кандіи и *греки* изъ III-го Отдѣленія. Противъ національныхъ стремленій такъ же не слѣдуетъ итти, какъ не слѣдуетъ горячиться за нихъ. Въ нихъ выражается низшая степень чловѣческаго стремленія къ обобщенію, къ соединенію со своими въ противоположность *чужимъ*. Они сильны положительно и, какъ все страстное, но неразумное, еще сильнѣе отрицательно ненавистью, завистью, ревностью, властолюбіемъ. Стихийное влеченіе группироваться по зоологическимъ признакамъ представляетъ ребяческую фазу, бороться противъ которой такъ же нелѣпо, какъ бороться противъ прорѣзанія зубовъ, а потому выставкой ли восковыхъ мужичковъ и избъ изъ картонной бумаги или чѣмъ другимъ сзываетъ Москва славянъ, мы ничего не имѣемъ противъ этого.

Но вотъ что насъ глубоко огорчаетъ.

При пріемѣ въ Петербургѣ „славянскихъ гостей“, *пожаловавшихъ* на выставку (какъ выражается канцелярскій служитель, писавшій одну изъ корреспонденцій „Голоса“), ихъ повезли въ оперу. Какъ ни несчастно ея названіе „Жизнь за царя“, но за неимѣніемъ другой хорошей русской оперы надобно было избрать пьесу, на вывѣскѣ которой политическое идолопоклонство и *неловкая* демонстрація. Имя оперы придало представленію что-то служебное, и добрые гости наши, сильно попривыкнувшіе къ обычаямъ милой Австріи, такъ хорошо это поняли, что явились въ театръ, осѣнивъ себя крестами, кто св. Анны на шеѣ, кто Владиміромъ въ петлицѣ. Славяне всѣхъ славянскихъ земель *несли крестъ царя* въ то время, какъ актеры воспѣвали сладость *смерти за него*. Все это ничего... но вотъ раздается *мазурка*, знаменитая, великая мазурка Глинки... Публика *шикаетъ* — чему? Тому (поясняетъ „Голосъ“), что ~~въ~~ этомъ праздникѣ славянъ, что на этой „жизни за царя“ *нѣтъ поляковъ*.

Въ этомъ жестокосердомъ отсутствіи такта, въ этой грубо-безжалостной выходкѣ, мы съ ужасомъ увидѣли всѣ ненавистныя намъ, всѣ скверныя стороны русскаго характера... Такъ и пахнуло муравьевщиной, катковщиной, крѣпостниками, квартальными... Безпощаденъ, мелокъ, злопамятенъ онѣмеченный, об офицеренный монголо-славянинъ.

Объяснить, почему поляки не могли, не *должны были* быть, излишне. Они слишкомъ много *не восковыхъ* фигуръ клали въ саванѣ, чтобъ смотрѣть на рамазановскія и не знаю каковскія въ Москвѣ. Ихъ выставка слишкомъ богата въ Сибири и въ рудникахъ... И крестъ царскій на ихъ шеѣ не на красной лентѣ, а на пеньковой веревкѣ. Да оставьте же этому народу, взявши у него все, его трауръ, его отсутствіе на вашихъ пирахъ!

Если-бъ русскіе хотѣли примириться съ поляками, они бы ихъ звали на это примиреніе словами любви, кротости, смиренія; мы ничего подобнаго не слышали. Нѣтъ, тутъ хотѣлось другого... Пусть *она* въ крови, въ слезахъ идетъ на зрѣлище, и пусть она, потерявшая все, осиротѣлая вдова, бездѣтная мать, ненавидящая царя, пусть смотритъ на *жизнь за него* и апплодируетъ ей. Намъ это будетъ пріятно!

Шикай правительство, Бергъ и Алдербергъ, Валуевъ и Шуваловъ¹⁾, мы не сказали бы ни слова, но, вѣдь, шикаль городъ, его „образованная часть“, и отъ этого у насъ сердце обливается кровью.

Какъ ни стара грустная отмѣтка, что правительство всегда соотвѣтствуетъ своему народу, а нельзя ее не помянуть. Когда Николай пироваль свое вѣнчаніе на царство, и тѣла казенныхъ имъ мучениковъ не успѣли предаться тлѣнію, а осужденные на каторгу — дойти до сибирскихъ степей, онъ требоваль, чтобъ семьи, изъ среды которыхъ вырваны были жертвы, являлись на балахъ.

...Женщина, у которой слезы дрожать на рѣсницѣ, и которая пляцетъ по высочайшему приказу, униженная, обиженная, слабая, сломанная и одѣтая въ бальномъ нарядѣ, — какіе лавры и литавры могутъ больше польстить дикому сладострастію власти!... Изъ этого же чувства другой деспотъ, только гораздо искуснѣйшій воинъ, чѣмъ Николай, изнасиловаль послѣдняго императорскаго отрока, водрузивъ свою луну на Софійскомъ соборѣ.

Ну, а гости?.. Мاستитый Палацкій, краснорѣчивый Ригеръ, они своимъ молчаніемъ подтвердили, что ли, приговоръ? Трудно сказать; люди эти всю жизнь такъ привыкли бояться полиціи и властей, что имъ, можетъ, и въ голову не пришло, что ихъ обязанность состояла въ томъ, чтобы протестовать во имя отсутствующаго народа. Можетъ, они это сдѣлаютъ въ Москвѣ? Подождемъ.

Протестовать, словно, какъ-то неловко, больно много хлѣба-соли, меду-вина въ русскомъ гостепрѣимствѣ... Это ничего... Только одинъ молодой король до того закутился въ Парижѣ, что забыль о несчастной сестрѣ, исходящей въ зломъ недугѣ, и о братѣ, котораго чуть не разстрѣляли. Пиръ пиромъ, а дѣло дѣломъ. Именно имъ-то, „дорогимъ гостямъ“ всеславянскимъ, приходилось всего лучше, середь ликованій, вспомнить не шиканемъ, а слезой, что одной сестры нѣтъ и что одинъ братъ казненъ.

Р. S. Рѣчь о Польшѣ была поднята впоследствии въ Москвѣ, но какъ? Одинъ Погодинъ сказалъ человѣческое слово: „Мы жалѣемъ объ этой розни, *мы плачемъ о ней*“. Это не могъ ему спустить Черкасскій и отпустиль въ присутствіи всѣхъ славянскихъ гостей слѣдую-

¹⁾ Т.-е. Шуваловъ.

щую дикую фразу въ своей рѣчи: „Каждый изъ насъ готовъ сказать, что будетъ радъ видѣть поляковъ, но пусть возвратится полякъ въ нашу среду не строптивымъ членомъ ея, а какъ *блудный сынъ, кающійся въ своихъ грѣхахъ* (рукоплесканія)! Тогда мы готовы принять его и въ жирномъ тельцѣ для пира въ честь его не будетъ недостатка“.

Не посѣчь ли поляковъ прежде примиренія *дѣтскими розгами* черкаскаго изобрѣтенія? Нѣтъ, ваше сіятельство, вы ужъ сами скушайте вашего жирнаго тельца; съ народами, пока у нихъ есть такіе ораторы и философы, какъ вы, и такіе рукоплескатели, какъ тѣ, которые вамъ рукоплескали, мириться рано.¹

◆◆ 1. 23 іюня Бакунинъ писалъ Герцену: „Въ твоей „Мазуркѣ“ много вѣрнаго и удачно выраженнаго, а все слышится въ немъ тонъ покаившагося революціонера, готоваго на полусдѣлки съ людьми, съ которыми для послѣдовательнаго социалиста примиреніе невозможно. Ты все, какъ будто, церемонишься и какъ будто бережешь людей не только славянофильской партіи, но начинаешь разговаривать *menschlich* (по-человѣчески — *М. Л.*) даже съ Катковымъ, точно, какъ будто, одни изъ нихъ не рѣшительные* продажные мерзавцы, а другіе не гнилые покойники. Ты, какъ будто, предчувствуешь и ожидаешь минуты, когда тебѣ можно будетъ итти, говорить и дѣйствовать заодно съ ними. Грязная, глупая, безстыдная рѣчь князя Черкаскаго о полякахъ заслужила болѣе, чѣмъ насмѣшку, а клейменіе. Въ ней слышится такой преступный цинизмъ, такой политическій и социальнo-нравственный развратъ, что не смѣяться надъ нимъ, — его надо казнить. А вотъ что хорошо, такъ это „Августѣйшее путешествіе“. Картина царственной жизни въ Зимнемъ дворцѣ, противопоставленная высокимъ шалостямъ въ Парижѣ — *chef d'oeuvre*. И Погодинъ, сынъ Кирилла и Меѳодія, и Филаретъ посреди „канканопляшущихъ женъ мабилійскихъ въ ихъ вертоградѣ“ напомнили мнѣ молодого Герцена, котораго умный и свѣжій смѣхъ такъ сильно и такъ благотѣльно дѣйствовалъ на Россію. Не старѣй, Герценъ; въ старости, право, нѣтъ прока, не становись доктринеромъ à la J.-J. Rousseau, оставайся нашимъ могучимъ Вольтеромъ. Въ этомъ твоя истина и потому и сила твоя“ („Письма“, 209).

Здѣсь же считаю умѣстнымъ привести выдержки изъ рѣчи В. Стрoшевскаго, сказанной по-польски на чествованіи памяти Герцена въ Парижѣ 25 марта (7 апрѣля) 1912 г., объ общей оцѣнкѣ его позиціи въ „польскомъ вопросѣ“.

„Опять приходится идеальнымъ теченіямъ обоихъ народовъ попробовать перебросить ясный мостъ взаимопониманія повыше правительства и темной сварливой толпы вчерашнихъ рабовъ!

„Устои такихъ мостовъ ставилъ въ свое время Герценъ, произнося свою знаменитую рѣчь въ ГанOVERъ-Румфъ въ годовщину польскаго ноябрьскаго возстанія. Публичный поцѣлуй Станислава Ворцеля былъ достойнымъ концомъ этой рѣчи.

„Нѣсколько лѣтъ спустя Герценъ вмѣстѣ съ Бакунинымъ почили того же Ворцеля собственноручнымъ переносомъ его гроба на Хайгетское кладбище, того Ворцеля, который былъ главнымъ руководителемъ польской демократической Централизаціи и котораго самъ Герценъ считалъ однимъ изъ самыхъ фанатическихъ борцовъ за независимость Польши.

„Все время своего пребыванія въ Лондонѣ, въ апогеѣ своего вліянія и славы, Герценъ состоялъ въ самыхъ близкихъ и дѣятельныхъ сношеніяхъ съ польскими эмигрантами. Тогда-то онъ обнародовалъ рядъ статей, воззваній, рѣчей, которыя до сихъ поръ сіяютъ лучезарными радугами высоко надъ мрачной дѣйствительностью. Огромнымъ почетомъ и довѣріемъ пользовался Герценъ во всѣхъ слояхъ тогдашняго польскаго общества. Къ нему обращались въ трудныя минуты за совѣтомъ и помощью, составляли ему адреса и приносили дань удивленія и признательности даже принципиальные противники его общественныхъ воззрѣній, какъ Чарторижскій, Браницкій и другіе...

„Сношенія А. Герцена съ польскими революціонными организаціями прекратились только съ окончательнымъ подавленіемъ возстанія. Его же симпатіи къ польскому дѣлу не умирили никогда. Еще въ 1867 г. въ „Колоколѣ“ появилась замѣчательная статья Герцена подъ заглавіемъ „Мазурка“, — въ отвѣтъ на издѣвательства Катковыхъ и Черкасскихъ надъ усмиреніемъ Польши на общеславянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ. Въ этой статьѣ Герценъ проявилъ не оставлявшія его никогда неустрашимость, благородство и дальновидность истиннаго государственнаго ума... И это, несмотря на обрушившіяся на него лично и на его дѣятельность невзгоды за его, якобы, „польскія ошибки“...

„... Есть что-то поистинѣ трагическое въ этомъ „упорствованіи“ искренняго и беззавѣтно смѣлаго духа, въ „промахахъ“, „очевидныхъ“, какъ говорилось тогда, для всѣхъ окружавшихъ и близкихъ ему лицъ, „для всей даже Россіи“...

„Герценъ чувствовалъ и понималъ, что вопреки всѣмъ насущнымъ „очевидностямъ“, вопреки кажущемуся вреду для Россіи такого рѣшенія вопроса, польско-русская распря можетъ быть закончена прочно и правильно только по его формулѣ, какъ союзъ независимой Польши со свободной Россіей. Развѣтіе послѣдующихъ событій и теченіе ихъ вплоть до нашихъ дней подтверждаютъ основательность и глубину этого мнѣнія. Измѣнились внѣшнія формы и условія, но сущность осталась та же...

„Въ мрачные годы страшной борьбы съ всеподавляющимъ гнетомъ, когда польская и русская кровь лилась и смѣшивалась братски на эшафотахъ, въ рудникахъ, въ изгнаніи и, наконецъ, на полѣ открытой брани — поляки не забывали Герцена...“

„Десять процентовъ поляковъ работало непосредственно въ русскихъ конспиративныхъ организаціяхъ, занятыхъ исключительно русской борьбой.“

„Я зналъ многихъ изъ этихъ польскихъ добровольцевъ въ русскихъ рядахъ. Большинство изъ нихъ не скрывало, что въ ряды русскихъ революціонеровъ привлекли ихъ именно книги Герцена.“

„Не является ли это высшей данью его идеямъ!?“

„Есть еще нѣчто, соединяющее мыслящихъ поляковъ съ Александромъ Герценомъ глубоко волнующимъ и трогательнымъ узломъ, это — его полное политическое, подъ конецъ жизни, одиночество... поголовный побѣгъ его недавнихъ соратниковъ и друзей, вызванный его, якобы, „польскими ошибками...““

„И вотъ, онъ, одинокій и больной, страстно ищетъ чуткимъ и впечатлительнымъ сердцемъ другого, менѣ жестокаго и ненавистнаго ему средства рѣшенія польско-русской распри, чѣмъ острый недавно обогранный мечъ...“ („L'Avenir — Будущее“ 1912, № 26).

3085. Дикій законъ.

Вотъ текстъ закона о „сообществахъ“, о которомъ говорилъ одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ ¹⁾).

Законъ этотъ писанъ подъ влияніемъ Шувалова. Петръ IV тоже хочетъ, какъ и Петръ I, оставить потомству историческое завѣщаніе.

3086. Да здравствуетъ разумъ!

Какъ рѣзко разграничиваются, и все рѣзче и рѣзче, страны, взшедшія въ возрастъ пониманія и разума, и тѣ, которыя еще бѣспуются во мракѣ кровавыхъ безсмыслицъ, изувѣрствъ, дикихъ религій и дикихъ страстей. Величайшій политическій преступникъ нашего времени, Джеферсонъ Девись ²⁾, выпущенъ на поруки и поѣхалъ въ Канаду.

¹⁾ Слѣдуетъ законъ, изданный въ отмѣну ст. ст. 166—169 т. XIV.

²⁾ Американскій госуд дѣятель, президентъ конфедераціи южныхъ штатовъ, борецъ за невольничество. Обвиненный въ сообщничествѣ съ убійцей А. Линкольна, былъ освобожденъ послѣ двухлѣтняго тюремнаго заключенія.

Приговоренный къ смерти феній Бюркъ помилованъ королевой, и всѣ англійскія газеты рукоплещуть (ни „Моск. Вѣдомостей“, ни „Вѣсти“ въ Англии не издается), и рукоплещуть, не просто радуясь, что именно такого-то не казнятъ, а на разные лады говорятъ о томъ, что замѣна висѣлицы другимъ наказаніемъ въ этомъ случаѣ сдѣлаетъ невозможнымъ смертную казнь во всѣхъ политическихъ процессахъ.

А у насъ?..

3087. Катковское „Vive la Pologne!“

Отъ любви до ненависти одинъ шагъ. Катковъ, взбѣшенный словами Погодина и *Ригера* (это, должно быть, славянскій переводъ фамилии Ригера), напечаталъ вотъ какую штуку: „Лучше, въ тысячу разъ лучше, чѣмъ допустить польскую политическую національность подъ русской державой, было бы отпустить чисто польскія части *на полную волю*“.

Давно бы пора догадаться!

3088. Просьба.

Милый, малый, молодой, веселый, жартующій журнальчикъ, издающійся въ Вѣнѣ подъ заглавіемъ „Страхопудъ“, написалъ къ одному изъ насъ „просьбу“ и, дабы мы невѣдніемъ не отзывались, прислалъ ее въ нашу редакцію. За присылку благодаримъ и, вообще, на „Страхопудъ“ вовсе злостно не смотримъ. Вотъ его *просьба*:

„Г. Герцена, издателя „Колокола“, принявшаго на себя незавидную роль защитника Польши, покорнѣйше прошуть русскіи Галичане пріѣхати, хотя бы только на короткое время, въ Галицію для испытанія, что такое „Польша“. Въ случаѣ, если г. Герценъ, яко „человѣкъ правдо-любивый“ и „правду говорящій“, не желая, яко „agent moskiewski“, быти заключеннымъ въ тюрьму, несогласится на наше предложеніе, то пусть изучаетъ Польшу, по крайней мѣрѣ, изъ „Gazety Narodowej“ и „Tygodnika Niedzielnego“. Изъ сихъ газетъ узнаетъ г. Герценъ предметъ своей защиты. — Вотъ славный человѣкъ г. Герценъ! Якая у него доброта сердца: страдающему, невинному и смиренному русскому народу онъ не изъявляетъ своего сочувствія, ибо то дѣлають люди обыкновенные, съ обыкновенною добротою сердца, человѣкъ же необыкновенной доброты сердца сочувствуетъ страдающему и гордому преступнику... Якій высокій умъ у Герцена.

Онъ не защищаетъ невинныхъ страдающихъ, ибо защищати невинныхъ нетрудно и для этого ненужно высокаго ума, но защищати виноватыхъ, гордыхъ и нерозкаявшихся — трудно, и для этого требуется *высокаго ума*“.

Резолюція. Въ Галицію ѣхать не могу, названныхъ журналовъ читать не хочу, а „Страхопуду“ замѣчаю, что не слѣдуетъ писать пустыхъ просьбъ, не зная, что *человѣкъ защищаль и какъ защищаль*. О каковомъ рѣшеніи, пропечатавъ въ „Колоколъ“, „Страхопуду“ сообщить. ¹

◆◆ I. Въ „Страхопудѣ“ была напечатана замѣтка „Что такое Польша? (Лекція посвященна г. Герцену)“. Проведу ее полностью для иллюстраціи и самого журнала и его пониманія вопроса.

„Во имя Бога, во имя католической вѣры, объясняетъ „Tygodnik Niedzielny“ (издаваемый поляками для галицкаго простонародія) русскимъ мужикамъ, что холера, голодъ и вся нужда, якую только терпятъ крестьяне въ Галиціи, происходятъ отъ того, что нѣкоторые русскія священники стали носить бороду и широкую рясу (т. е. что нѣкоторые русскіи священники стали строго придерживатися своего восточнаго обряда, который хотѣлось бы полякамъ олатинизовати для политическихъ видовъ). „Hospod Boh poslal na nas holod cholery i wsiu bidu jako karu za to, szczo Jeho oskorbyly nikatoryi lychii swiaszczennyki, szczo to pozapuskaly borody, ponatiahaly zydiwskii kaftany“ и пр. Вотъ якъ пишутъ поляки русскому народу почти въ каждомъ номерѣ своей газеты. Ту газету читають поляки въ каждой деревнѣ темному народу и еще ненашолся ни одинъ полякъ въ цѣломъ польскомъ обществѣ, который нашолбы такого рода агитацію недостойною Польши, такія средства мерзостными и безнравственными, ненашолся ни одинъ полякъ, который запротестовалъ бы противъ такого неслыханнаго злоупотребленія вѣры и простодушія простонародія!!!.. Ессе Polonia! Такихъ средствъ употребляетъ нынѣ Польша въ Галиціи, Польша пришовшая къ власти; да, такихъ средствъ употребляетъ она противъ русской партіи, придавленной уже правительствомъ, противъ партіи опирающейся только на бѣдномъ простонародіи и духовенствѣ! Ессе Polonia!!!.. Итакъ полякамъ все позволительно. Польская цѣль освящаетъ всякія средства. Славянская же цѣль профануетъ каждое, хотябы и позволительное, средство, ибо „Tygodnik Niedzielny“ прямо назвалъ всѣхъ представителей славянскихъ, ѣдущихъ на этнографическую выставку въ Москву, — „lotrami, złodziejami i urwiszami“. Ессе Polonia!!! Ессе dom Herzen защитникъ Полоніи!..“ (№ 8 1867 г.).

3089. Вопросы, запросы, загадки и сфинксы.

¿ Какъ пропали на одномъ балу у княгини Воронцовой брилліанты?.. Какъ они нашлись? у кого? Кто заказывалъ пуговики?.. Мы все ждали, ждали, но дѣло въ этомъ воровствѣ все еще не на череду; не пришлетъ ли кто подробностей? Да, кстати, *насъ просятъ*:

Узнать, за что принцъ Альбертъ Саксенъ-Альтенбургскій выписанъ изъ гвардіи и посланъ куда-то вдаль, на Кавказъ, что ли?

3090. Рѣзкое соизволеніе государя и высочайшая загадка.

Сенатъ, по выслушаніи дѣла объ отчетѣ и докладѣ Спб. губ. земской управы, внесенныхъ, по высочайшему повелѣнію... „*опредѣлилъ* обстоятельства дѣла (о закрытіи управы) представить на благоусмотрѣніе Е. И. В. Государя, по всеп. докладу управляющаго мин. юстиціи о вышеизложенномъ опредѣленіи сената, высочайше *соизволилъ на приведеніе сего опредѣленія въ исполненіе*“ („Голось“ № 136). А опредѣленіе сената состоитъ въ томъ, *чтобъ представить государю*. Слыхали ли вы сказку о бѣломъ быкѣ? — Нѣтъ. — Я — нѣтъ, вы — нѣтъ, слыхали ли вы сказку о бѣломъ быкѣ?...

3091. Меньшіе братья шалятъ на вакаціяхъ.

„Вѣсть“ № 58 безпощадно обличаетъ отсталось и незрѣлость нашихъ этнографическихъ гостей. „Россія, говорилъ одинъ изъ нихъ, тѣмъ *счастлива*, что у нея *сильное дворянство*“, и въ подкрѣпленіе того, что у нихъ такія нелѣпныя мнѣнія, приводитъ слѣдующія слова, писанныя въ альбомѣ княгини Е. Э. Трубецкой:

„Благо народу, который имѣетъ *своего* царя и не лишень *своего дворянства*.“

„І. Н. Ливчакъ, редакторъ „Страхонуда“, сынъ Галицкой Руси, лишенный *своего* дворянства“.

Послѣдняго мы вовсе не понимаемъ: былъ ли онъ подъ судомъ и лишился дворянства или ему просто жаль, что въ Галиціи нѣтъ ви-

довъ на созданіе русскаго помѣщичьяго класса съ крѣпостническими поползновеніями?

Ужъ не слишкомъ ли угощаютъ у насъ меньшую братію?...

3092. (Опять вранье).

Опять вранье „Варшавскаго Дневника“:

„Въ „Варшавскій Дневникъ“ сообщаютъ изъ Цюриха (говорятъ „Голосъ“ и „Московскія Вѣдомости“), что общество славянскихъ социалистовъ въ Женевѣ, пользуясь пребываніемъ принца Наполеона въ Пранженѣ (въ Женевскомъ кантонѣ), отправило къ нему депутацію для врученія ему диплома на званіе почетнаго члена общества и съ просьбой помочь дальнѣйшему изданію журнала „Гмина“. Принцъ выслалъ депутаціи 20 франковъ чрезъ своего лакея и не захотѣлъ ни видѣться съ нею, ни принять отъ нея лестный дипломъ“.

Мы просимъ нашихъ польскихъ друзей дать коллективнымъ опроверженіемъ урокъ мошеннической редакціи, въ числѣ которой, вѣроятно, нѣтъ ни одного поляка, или что же это за полякъ? Какъ его имя?

3093. Свѣтопреставленіе.

Рѣшительно настаютъ послѣдніе дни и пора думать о покаяніи,—чудеса и знаменія совершаются, горы осѣдаютъ и деревни возникаютъ. Стихіи помогаютъ казнокрадамъ, геологія заодно съ чиновниками и, уменьшая соль міра сего, увеличиваетъ число солящихъ.

Читайте сами:

„Оползень горы въ Нижнемъ-Новгородѣ¹⁾. Намъ пишутъ изъ Нижняго-Новгорода, что тамъ 7-го мая осѣлась земля на нагорномъ берегу Оки, гдѣ находятся соляные магазины. Пространство въ 250 сажень длины двинулось съ мѣста къ рѣкѣ, совершенно разрушило одинъ соляной магазинъ, а до десяти магазиновъ сдвинуты съ мѣста; въ нѣкоторыхъ, говорятъ, была соль. Земля дала множество разсѣлинъ; деревья, которыя росли на горѣ, упали и лежатъ на ней во всю длину („Московскія Вѣд.“ № 105).

Архангельскій корреспондентъ „Петербургскихъ Вѣдом.“ сообщаетъ слухъ о томъ, что полиція нашла въ Кемскомъ уѣздѣ большую деревню, которая доселѣ была неизвѣстна!

¹⁾ Читатели наши, вѣрно, не забыли дѣло о колоссальной покражѣ соли въ Нижнемъ. А. И. Г.

3094. Первое предостереженіе.

Господинъ В. И. Ивановъ-Желудковъ ¹⁾! Неужели въ самомъ дѣлѣ молдаване такъ-таки и захотѣли присоединиться къ Россіи? Хорошо ли вы знаете по-румынски?.. Вы такъ бойко и мило пишете, что намъ жаль будетъ, если злокачественный патріотизмъ столкнетъ васъ съ прямыхъ путей разума въ лабиринты присоединеній и усвоеній. Россія прежде должна дома очиститься и передѣлаться, а потомъ передѣлывать границы и мѣшаться въ чужія дѣла.

3095. Частное дѣло.

Владиміръ Титовъ рѣшился отвѣчать на мое письмо отъ 20 апрѣля, вѣроятно, прочитавши въ „Колоколѣ“ отъ 1 іюня легкое нравоученіе за молчаніе. Владиміръ Титовъ слишкомъ высоко поставленъ, чтобъ отвѣчать, какъ всѣ люди, а потому сообщилъ мнѣ черезъ русскаго посланника и женевскую полицію слѣдующую глупую и грубую бумагу безъ числа и подписи:

„Сообщеніе *господину Александру Герцену* въ Женевѣ, 7, Quai Mont Blanc.

„Вслѣдствіе письма господина Герцена отъ 20 апрѣля 1867 г. къ г. дѣйствительному тайному совѣтнику, члену государственнаго совѣта, В. П. Титову, сообщается (*къмъ?*) господину Александру Герцену нижеслѣдующее:

„По дружбѣ, съ молодыхъ лѣтъ существовавшей между покойнымъ Н. А. Мельгуновымъ и В. П. Титовымъ, сей послѣдній, конечно, желалъ бы содѣйствовать къ очисткѣ платежа, который на первомъ числится и даже можетъ почитаться, какъ сказано въ письмѣ г. Герцена, „долгомъ чести“.

„Несмотря на то, обстоятельства дѣла таковы, что участіе въ этомъ В. П. Титова не имѣло бы основанія и не принесло никому бы пользы.

„По наслѣдству и долгамъ Мельгунова учреждена теперь въ Москвѣ опека; адресъ опекуна: Михаилъ Ивановичъ Ключаревъ, въ Трехпрудномъ переулкѣ, своей домъ.

„Но, кромѣ того, что въ открытомъ письмѣ Мельгунова, сообщенномъ г. Герценомъ, значится заимодавцемъ *одинъ Ротшильдъ*,

¹⁾ В. И. Кельсіевъ.

опека, очевидно, не въ правѣ принимать къ удовлетворенію подобныя документы, въ особенності отъ В. П. Титова, не могущаго ничѣмъ удостовѣрить, чтобы покойный когда-либо *говорилъ ему объ этомъ письмѣ или долгѣ.*

„Съ 1857 года прошло до кончины Мельгунова десять лѣтъ. Въ этотъ значительный періодъ времени покойникъ нѣсколько разъ видѣлъ В. П. Титова, съ нимъ переписывался, получалъ подъ его поруку у банкировъ ссуды, вслѣдствіе которыхъ умеръ, оставшись должнымъ В. П. Титову болѣе шести тысячъ рублей сер., но ни одинъ разъ не упоминалъ онъ ему ни о долгахъ своихъ г. Герцену, ни объ открытомъ письмѣ къ В. П. Титову отъ марта 1857, ни о желаніи назначить его своимъ душеприказчикомъ.

„Вотъ все, что извѣстно В. П. Титову и, въ случаѣ запроса черезъ журналы, онъ не имѣлъ бы равнымъ образомъ ничего отвѣчать, кромѣ вышеизложеннаго“.

Господинъ сообщитель, вѣроятно, слуга Владиміра Титова въ Петербургѣ, писавшій это подметное сообщеніе, хочетъ набросить тѣнь подозрѣнія на достовѣрность *и долга, и письма*; на долгѣ у меня есть документы отъ Ротшильда, письмо Мельгунова также цѣло. Если-бъ Владиміръ Титовъ былъ сколько-нибудь порядочный человѣкъ, онъ не допустилъ бы ни этотъ грязный намекъ, ни болтовню о томъ, что покойный Н. А. Мельгуновъ остался долженъ ему, Владиміру Титову, въ Петербургѣ, „болѣе шести тысячъ руб. сер.“ Какое мнѣ дѣло до финансовъ какого-нибудь Владиміра Титова? Дипломатическая карьера, приучающая людей къ скромности и учтивости, Владиміра Титова въ Петербургѣ не научила ни общежитію, ни молчаливости.

7 іюня 1867.

3096. Общій фондъ.

Изъ оставшихся 97 франк. выдано въ ссуду подъ росписку г. В. Ф. ¹⁾ въ Женевѣ — 50 фр. Остается 47 франковъ.

3097. Введеніе передъ заглавіемъ.

Nous sommes aujourd'hui ce que nous
avons été hier continuons²⁾.

Сіэньсь, 1789.

У насъ, было, явился вопросъ à la Шпекинъ: *печатать* или *не печатать* нашъ отчетъ о первой части путешествія государя послѣ

1) Сегодня мы то, что были вчера. Пойдемъ дальше.

2) ?

выстрѣла 6 іюня? Вопросъ этотъ разрѣшился тѣмъ, что послѣ выстрѣла путешествіе пошло еще веселѣе. Дѣйствительный успѣхъ путешествія начинается съ него: тутъ и оваціи, и адреса, и открытая коляска. Къ тому же, тутъ все люди военные, — какой же *военный* думаетъ на другой день о пулѣ, попавшей не въ него, а въ ухо лошади Макарова зятя.

Пора, впрочемъ, перестать стрѣлять, а то будущему Карамзину придется новую исторію до того наполнить пулями, двуствольными пистолетами и дичью адресовъ и телеграммъ, что онъ долженъ будетъ просить у И. Тургенева права ее назвать „Разказами о дурныхъ охотникахъ“.

10 іюня.

Августѣйшіе путешественники.

(Статья вторая).

I.

ГОСУДАРЬ ВЪ AVENUE MARIGNY.

А гдѣ же первая?

Въ первомъ листѣ „Колокола“: она напечатана ровно *десять лѣтъ* тому назадъ по случаю путешествія „вдовствующей императрицы-родительницы“. Черезъ десять лѣтъ намъ приходится сказать нѣсколько словъ о путешествіи ужъ, конечно, „не вдовствующаго“ императора. Тутъ что-то мистическое; вообще, между нами и великимъ путешественникомъ есть таинственныя соотношенія, о которыхъ мы непремѣнно совѣтуемся съ Юмомъ. Мы вмѣстѣ были въ Вяткѣ въ 1837 году, и онъ, пріѣхавши въ Парижъ, остановился въ той же улицѣ, въ которой останавливались мы въ 1847, такъ что государь могъ бы написать *послѣднее* „Письмо изъ Avenue Marigny“ въ „Современникъ“, если-бъ Валуевъ не запретилъ его.

Но къ дѣлу. Начало путешествія или, какъ русскіе газетные надзиратели выражаются, „высочайшаго прослѣдованія“, вамъ извѣстны, *а цѣль?*

— Нѣтъ!

— А интересно бы знать?

— Очень.

— Ну, а какъ ее вовсе нѣтъ?

Во-первыхъ, мы рѣшительно не вѣримъ, чтобъ государь пріѣхалъ въ Парижъ *за дѣломъ*. За дѣломъ теперь никто не ѣздитъ; ми-

нистрами и перепиской, графами и телеграфами можно покончить не только всякое дѣло, но всякое бездѣлье. Александру Николаевичу захотѣлось погулять, Наполеону — показать такую pièce de résistance ¹⁾, какъ le tsar, — вотъ, молъ, „какихъ подымаемъ“... А съ Турціей что будетъ, то будетъ, — ей къ фатализму не привыкать стать.

Во-вторыхъ... мы находимъ первую причину достаточной, а, по Лейбницу, гдѣ есть достаточная причина, тамъ другихъ искать не надобно.

Александръ Николаевичъ сослужилъ Наполеону службу, а самъ душу отвелъ отъ петербургско~~го~~ скуки. Византійски-дармштадтская набожность дошла до удушающихъ размѣровъ въ Зимнемъ дворцѣ, а тутъ, вмѣсто развлечения, австрійскіе и турецкіе славяне, съ которыми надобно говорить *по-нѣмецки*, чтобъ понять ихъ русскія чувства и ихъ бесѣды съ православными постницами ея величества. Какой тамъ благочестивѣйшій самодержавецъ ни будь, столько благочестія не вынесешь, — жить невозможно.

Напрасно французы сердятся, что государь не привезъ съ собой преподобную императрицу, это — большое счастье и большой тактъ. Пусть она молится о его здоровіи и сохраненіи отъ всѣхъ козней и недуговъ Франціи, а онъ немного вздохнетъ на свободѣ. Его дѣло мужское... и, точно, времени онъ не пропустилъ ни секунды: изъ Агриппининой Колоніи ²⁾ беспокоится, телеграфируетъ, чтобъ Будбергъ бѣжалъ въ кассу Variété и взялъ бы ложу: Шнейдершу ³⁾ захотѣлось посмотреть въ „Дюшессъ Герольдштатской“. Что же тутъ такого? Вещь она не новая, но хорошая, т.-е. m-lle Schneider. Ей лѣтъ сорокъ, а что говорилъ его величество король англійскій Георгъ IV, большой знатокъ по этой части, о трехъ f... Вы думаете — фантазія, фізіономія, фигуры... нѣтъ, просто fat, fair, forty ⁴⁾. Итакъ, приѣхавши въ 4 ¹/₂ часа въ Парижъ, мы перемѣнили бѣлье, и въ 8 — въ Variété.

Государю, по справедливости, хотѣлось по образу подобію покойнаго Александра Павловича въѣздъ въ Парижъ сдѣлать верхомъ. Послѣднюю станцію онъ, кажется, уже сидѣлъ на конѣ, но ему объяснили, что этого нельзя, потому что Александръ I взялъ Парижъ войсками, а теперь Парижъ беретъ Александра II любезностями, слѣдственно, Парижу слѣдовало бы ѣхать навстрѣчу верхомъ, но размѣры

¹⁾ Важную штуку.

²⁾ Agrippa d'Aubigné, улица въ Парижѣ.

³⁾ Гортензіа Шнейдеръ, опереточная пѣвица, въ 1867 г. выступала въ „La grande duchesse“.

⁴⁾ Fat — жиръ, сало; fair — прекрасный, красивый, свѣтлый; forty — сорокъ.

не позволяютъ. Дѣлать нечего, спѣшился императоръ, а тутъ закрытая карета, да маршь-маршемъ въ Avenue Marigny.

Надобно же было развлечься, — вотъ m-lle Schneider и пригодилась. Изъ театра пѣшкомъ домой. На другой день на выставку — тутъ русскія лошади свидѣтельствуешь, до какого совершенства ихъ родители довели свое ремесло, и русскіе камни говорятъ въ пользу геологическихъ переворотовъ, сдѣлавшихся въ земляхъ, находившихся подъ удѣльнымъ управленіемъ и министерствомъ государственныхъ имуществъ. Изъ конюшни государь завелъ Наполеона въ трактиръ закутить¹⁾, кушанье все было русское, даже шампанское, говорятъ, нарочно привозили изъ Тверской губерніи.

Вѣдь, это для насъ съ вами ничего... а вы взойдите въ положеніе человѣка — отецъ былъ нравный, сына лѣтъ до тридцати держалъ въ ежовыхъ рукахъ, а послѣ утомительная скука величія, жизнь-священнодѣйствіе... затѣмъ святая жена, Адлербергъ... медвѣдь, медвѣдь... Адлербергъ, завести земскую управу... прогнать земскую управу — тутъ и Барановъ не поможетъ. Къ тому же безпрестанно надобно разить враговъ престолотечества и у себя въ собственномъ домѣ встрѣчать людей подоврительныхъ по своимъ связямъ съ полиціей, какъ Шуваловъ... а, вмѣсто десерта, шептанія монастырокъ ея величества, толкующихъ о Кириллѣ, Меэодии и сынѣ ихъ Погодинѣ... Что хотите говорите, все же, лучше смотрѣть, какъ пляшетъ вышедшая изъ ребячества Шнейдеръ и какъ поетъ вышедшая изъ голоса Тереза, все же, лучше итти съ хорѹшимъ человѣкомъ въ трактиръ къ Корещенкѣ... или, наконецъ, одному въ Jardin Mabille.

Представьте папу — говорятъ, что онъ везетъ на выставку съ Антонелли свое изобрѣтеніе „безгрѣшнаго зачатія“ — представьте его проповѣдующаго въ Jardin Mabille l'immaculée conception²⁾). Для него зрѣлище Mabil'я показалось бы разверстымъ небомъ. Или, если ваше православіе отказывается слѣдить за главою римской церкви, представьте, что было бы съ Филаретомъ, если-бъ онъ увидѣлъ лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ „канканоплясанье женъ мабилійскихъ въ вертоградѣ ихъ“?

Не будемъ строги къ строгимъ міра сего!

Кстати къ строгостямъ, поляки по большей части выѣхали изъ Парижа, Чарторижскій en tête, одинъ изъ нихъ даже удалился вертикально, поднявшись на воздушномъ шарѣ. Это намъ подало прекрасную мысль начать въ Сибири — агитацію пусть отъ мала до велика, отъ мулы до шамана, отъ вотяка до остяка, всѣ зовутъ государя

1) О Корещенкѣ и Мабилѣ мы прочли въ „Journal de Genève“. А. И. Г.

2) О безпорочномъ зачатіи.

осчастливить Сибирь посѣщеніемъ. Можеть, для его прїѣзда начальство велить всѣмъ полякамъ выѣхать оттуда.

II.

A LA PORTE ¹⁾.

Въ мирныя времена, предшествовавшія 1848 году, Николай Павловичъ, любившій обтекать разныя страны и дивить своей таліей, лосиными панталонами и славно вычищенными ботфортами нѣмцевъ, былъ однажды въ Вѣнѣ. Тогда еще царствовалъ въ Австріи не нынѣшній государь ²⁾, такъ удачно начавшій счастливое правленіе свое тѣмъ, что перевѣшалъ военно-плѣнныхъ генераловъ, сдавшихся Паскевичу, а глупенькій, больной и юродивый предшественникъ его ³⁾. Былъ парадъ. Когда куда прїѣзжалъ Николай, менѣе пятидесяти тысячъ чловѣкъ не сгонялось. Идетъ полкъ за полкомъ, идетъ, наконецъ, и Кейзеръ-Николая полкъ: австрійскій императоръ дремалъ на огромной сѣрой лошади, отвѣсивъ еще больше свою габсбургскую губу. Вдругъ шумъ. Увидѣвши свой полкъ, Николай, со свойственной ему храбростью, сталъ передъ нимъ, принялъ рапортъ, провелъ молодцомъ солдатиковъ и понесся во весь карьеръ доложить императору, что все обстоитъ благополучно. Въ Австріи все дѣлается тихо и во весь карьеръ ѣздятъ шагомъ. Дремавшій Фердинандъ открылъ глаза и обомлѣлъ: на него летитъ Николай „съ видомъ сумрачнымъ и строгимъ“, съ обнаженной саблей... Ближе, ближе... Фердинандъ повернулъ свою лошадь, въ первый разъ даль ей шпоры — да тягу. Николай, блѣдный съ досады — за нимъ; тотъ отъ него вдоль по вѣнскимъ улицамъ... „Bruder“, кричитъ ему, „не бось, treue Schwesterliebe wiedmet dir mein Herz“ ⁴⁾. Наконецъ, гдѣ-то перехватили Фердинанда, но на парадъ онъ не поѣхалъ, а воротился во дворецъ и легъ въ постель.

О, Азаисъ, о, Азаисъ съ твоими „Компенсаціями“ ⁵⁾! Кому могло прійти въ голову, что черезъ двадцать пять лѣтъ сынъ покойнаго Николая Павловича сыграетъ такую же сцену на болѣе мирномъ поприщѣ, а именно въ Palais de Justice, во дорощѣ *возмездій*. Государь прїѣхалъ въ судъ не по дѣлу, а взглянуть, все ли въ порядкѣ. Какіе-то адвокаты прокричали „Vive la Pologne!“ Сдѣлали они это скорѣе,

1) Вошь!

2) Францъ-Иосифъ I.

3) Фердинандъ I.

4) Сердце мое посвящаетъ тебѣ вѣрную, братскую любовь.

5) Пьеръ франц. философъ, авторъ „Compensations“ (1811 г.).

какъ комплиментъ, зная, что во всѣхъ манифестахъ и разныхъ указахъ государь говоритъ о своей любви къ Польшѣ и о своихъ истинно-родительскихъ попеченіяхъ объ ней. Крикъ этотъ не понравился сторожамъ-блюстителямъ благочинія, и они закричали: „à la porte!“ на друзей Польши. Государь, воображая, что „à la porte!“ кричать на него, и, вспомнивъ, вѣроя но, что и онъ — другъ Польши, повернулъ оглобли и — назадъ со всей свитой. Разные старики, парики, каратели заблужденій человѣческихъ, Шестестанжи ¹⁾, Тролонги ²⁾ ждутъ, ждутъ, а ужъ государь катитъ въ другое мѣсто, гдѣ также будутъ кричать: „Vive la Pologne!“. Онъ можетъ, впрочемъ, доѣхать отъ Портъ-Сень-Мартенъ до Оттоманской Порты, — этотъ анекдотъ его сдѣлаетъ *незабвеннымъ* въ Парижѣ.

Отдѣлался бы онъ поскорѣй отъ Польши да и гулялъ бы себѣ спокойно по выставкамъ, — только не такими шутками, какъ вержболовская таможенная амнистія. Впрочемъ, когда же было обдумать что-нибудь дѣльное, пока чемоданы осматриваютъ. Злые языки говорятъ, что это — не амнистія, а виза паспорта въ Парижъ. Такъ ее французы и поняли.

P. S. Журналы отъ 12-го рассказываютъ, что по дорогѣ изъ Версаля опять кричали при проѣздѣ Александра II съ Наполеономъ „да здравствуетъ Польша!“. Наполеонъ сказалъ: „они неисправимы“, государь отвѣчалъ: „лучшее доказательство, что ихъ надо оставить“. И потомъ попросилъ (что ему дѣлаетъ величайшую честь), чтобъ выпустили арестованныхъ за этотъ крикъ. Въ Россіи и Сибири тысячи поляковъ, даже не кричавшихъ, а только думавшихъ „да здравствуетъ Польша!“. Мы полагаемъ, что и ихъ всѣхъ освободятъ — мнѣніе государя не можетъ мѣняться съ градусами широты и долготы.

3098. Письмо къ Г. Н. Вырубову.

17 іюня (1867).

7, Quai du Mont Blanc.

Благодарю васъ за письмо и брошюру, въ которой тотчасъ прочелъ вашу часть — и очень доволенъ ею. Я на-дняхъ писалъ вамъ небольшую записку съ нѣкимъ Баумиритеромъ, но онъ уѣхалъ въ Гейдельбергъ и ближе недѣли не будетъ въ Парижѣ. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ то самое время, какъ я напечаталъ вашу программу въ „Кол.“, я получилъ проектъ подобнаго revue, но больше спеціальнаго,

1) Gustave-Louis Chaix d'Est-ange, президентъ сената.

2) Raymond-Théodore Troplong, президентъ сената.

которое собирались издавать во Флоренціи нѣсколько молодыхъ людей; редакторомъ хотѣлъ быть Monod — чловѣкъ очень дѣльный, умный и образованный; Шперъ и Молешотъ обѣщали участвовать, Levieг d-g и мой сынъ тоже. Меня просили статей о Россіи и Фогтѣ.

Устоятъ ли два такіе журнала? Вотъ вопросъ, въ силу котораго я просилъ ихъ приостановиться и просто посовѣтоваться съ вами и Литтре. Нельзя ли сдѣлать fusion или акцентуировать¹⁾ разницу. Идутъ они всѣ изъ основъ положительной философіи.

Флоренцію я не считаю удобнымъ центромъ, издавать можно въ Лондонѣ, Парижѣ, Брюсселѣ и Женевѣ.

Я думалъ, что Monod поѣдетъ въ Парижъ, а онъ уѣхалъ въ Берлинъ и поручилъ очень милому и очень больному поляку Baumitter'у побывать у васъ. *Omni casu*²⁾ прошу васъ его ласково принять. Напишите мнѣ ваше мнѣніе. Думаете ли вы, что въ Парижѣ долго будутъ терпѣть ваше гевце? Вы въ вашей статьѣ мастерски проѣхали между скалами. Это не всегда удается, особенно при полемикѣ. Отчего вамъ не имѣть редакц. въ Парижѣ, а изданіе въ Женевѣ? Вы сдѣлали бы этимъ большую пользу типографіи нашей (т.-е. Чернецкому). Подумайте — я бы вамъ привелъ всю эту молодежь. Вотъ вамъ задача.

Хорошо ли видѣться въ Ліонѣ?³⁾ — Съ тѣхъ поръ, какъ я писала Лугинину, много утекло воды. Что вамъ стоитъ пріѣхать въ Женеву на сутки? Луг. просто грѣхъ уѣхать такъ; я уже ему писалъ вопросъ о комиссіи и не имѣлъ отвѣта.

Чтобъ вы никогда не читали „Колоколь“ черезъ 15 дней, я вчера послалъ *новый* (отъ 15 іюня) sous bande. Прошу васъ написать, получили ли его, — мнѣ это *нужно* знать.

Какъ я отнесся къ дѣлу Березовскаго, вы видите. Милаго нашего Фальстафа⁴⁾ я осмѣялъ въ концѣ №. Очень хотѣлось бы знать, какъ эти статьи подѣйствовали на русскихъ, ex. gr., на графиню Салиасъ и на не-графа Утина⁵⁾. Скажите, что я жду также отзыва отъ Лугина.

Вы мнѣ должны сказать ваше мнѣніе безъ пощады.

У насъ одна новость, это — мой Кучукъ-Кайнарджи съ И. С. Тургеневымъ, примиреніе и *ein zarter Briefwechsel*⁶⁾.

Прощайте. А мнѣ жаль, что вы отняли свои силы отъ Россіи — такой ужъ у меня нравъ. Огар. раздѣляетъ мое мнѣніе.

¹⁾ Accentuer — ставить ударение, отгвнать.

²⁾ Во всякомъ случаѣ.

³⁾ Т.-е. удобно ли на французской территоріи, гдѣ Лугининъ не былъ внѣ вниманія полиціи.

⁴⁾ Александръ II.

⁵⁾ Евгений Исааковичъ.

⁶⁾ Нѣжная переписка.

Я до 1-го іюля и не думаю ѣхать, мнѣ надобно съѣздить дня на два въ Бернъ. Если бы вы или Луг. хотѣли забѣжать въ Genѣ, напишите два дня прежде и подождите отвѣта.

Еще разъ прощайте и будьте здоровы.

Ал. Герценъ.

Если Луг. не хочеть въ Женеву, можно выбрать возлѣ Женевы, да я и здѣсь берусь спрятать отъ дурного глаза.

3099. Письмо къ Н. П. Огареву.

17 іюня (1867).

Меморандум

по финансовой части.

Я ѣду между 1 и 5 іюля и, вѣроятно, до половины сентября не приѣду. Въ сентябрѣ приѣду дней на десять. Отѣзжая, я оставлю тебѣ:

деньгами —	400
два чека —	800

1.200.

Къ этому долженъ буду присовокупить отъ Саши по 50 фр. за три мѣсяца — 150¹⁾, total²⁾ — 1.350. Этого должно хватить до 1 октября. 1-го октября ты снова получишь:

чеками —	1.200	}	1.350
и снова —	150		

до новаго года.

Если Сат. вышлетъ больше 2.400, то половина excédant³⁾ тебѣ и половина въ amortissement⁴⁾; напр., если онъ пришлетъ 3.400, то, сверхъ сказаннаго, 500 за домъ, 500 на хозяйство.

Я ему писалъ, т.-е. черезъ Нищу etc.

За 1-ую полов 1862 ты истратилъ	3.500
„ 2-ую — если	2.400

5.900.

Далѣе 6.000 я не совѣтую итти.

1) Для Тутца.

2) Всего.

3) Излишка

4) Въ погашеніе долга.

3100. Письмо къ Н. А. Огаревой.

18 юня (1867), вторникъ.

Сначала о кухаркѣ. Она совершенно согласна ѣхать, и даже раньше сказаннаго, т. е. въ началѣ юля; жал. 30 фр.; она получаетъ, кажется, 6 фр. на стирку. Она тиха до того, что ея не слышать, глупа, честна, трезва и готовить изрядно, нѣкоторыя вещи прекрасно. У насъ, впрочемъ, теперь удивительный мясникъ. Итакъ, приказывайте. Для гуверны 1) я взялъ у Георга книгу, о которой ты говорила — „L'amie de la maison“.

Милѣйшія tracasseries 2) продолжаются. Вдругъ Трюбнеръ тирировалъ на меня вексель въ 800 фр. Я падаю въ обморокъ и велю себя снести къ Тхорж. „Какъ я долженъ Трюбнеру?“ „Никогда. Трюб. вамъ долженъ 50 фр.“ Что же этотъ разбойникъ сдѣлалъ? — весь хламъ книгъ, данныхъ имъ на комиссію Баксту и Тхорж., онъ поставилъ на мой счетъ! Но сдѣлалъ мастерски свое дѣло: вексель à l'ordre Чернецкаго. Такъ мнѣ приходится морить Чернец. голодомъ. Я написалъ фульминантное 3) письмо и жду... О деньги... деньги, что за темная сила, что за цѣпь! Откуда достать бы?

Жду твоего письма, чтобы тотчасъ итти къ Прогеръ.

Вчера засталъ въ кабачкѣ княг. Мещерскую (похудѣла ужасно) съ Серебряк. 4) — она „кутила“, выдержавши экзамень въ консерваторіи. Тебѣ кланяется, немного сконфузилась, но rather 5) добродушно.

Ты пишешь, что я мало пишу подробностей, — я ихъ дѣлю на твое письмо и Татино. Да ихъ мало, Natalie: однообразіе жизни паразительно.

Въ 6 ровно встаю.

Въ 9 кофе

Въ 1 — котлета или холодное мясо,
газеты,
сода, абсентъ,
пиво.
прогулка.

Въ 6¹/₂ — супъ и мясо. Огаревъ.

Въ 10 — Огаревъ уходитъ, мы провожаемъ до театра.

Въ 11 — все въ постели.

1) Гувернантка.

2) Кляузы, придирки.

3) Fulminant — громовое.

4) Вѣроятно, Семень Ивановичъ Серебряшниковъ.

5) Скорѣе.

Вариации: въ 8 — Дол. съ сыномъ
или Мерчинскій,
въ 2 иногда Pierre Leroux.

Les „sloutchaïnosti“ ne sont pas comptées¹⁾.

Огарева здоровье очень не дурно, припадки рѣже. Не вино его побѣдило, а онъ — вино. Его безденежье меня огорчаетъ, но свыше силъ.

Прощай; я много думалъ о тебѣ, о себѣ, о Лизѣ, объ насъ... и все хорошо. О, другъ мой, увѣрься въ одномъ: все, все *внутри насъ*. Ты никогда не принимала этого. Вѣрь же... и не вызывай только тѣхъ страшныхъ силъ, которыя такъ много сгубили... Ты пишешь о твоей любви. Да, вѣдь, она-то и спасла... Въ ней я никогда не сомнѣвался... Ее я чувствовалъ, видѣлъ, осязалъ, отъ нея я отворачивался, когда она соединилась съ тѣмъ злымъ началомъ, которое мнѣ враждебно, противно, и тогда ты не умѣла побѣдить себя. Я вынесъ-то все... невозможное, униженіе, угрызеніе — изъ-за того, что вѣрилъ въ твою любовь. Спаси его будущее... но ужъ безъ судорожныхъ *rechutes*²⁾. И не только себя, всѣхъ надобно спасти, — не мѣшай, я берусь за все.

Не забудь къ прїѣзду порядочно одѣться. Княг. Мещ. вчера напомнила мнѣ.

3101. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

19 juin 1867.
Genève.

Chère Malvida — cela serait plus juste de dire Benvida — mais je crains le calembourg — comme vous savez. Ce changement de Mal en bien m'est venu après avoir lu votre lettre. J'étais maussade et même triste — et vos lignes ont dissipé le brouillard. Une chose m'a frappé. Vous avez écrit à Tata, *parfaitement la même chose* presque en mêmes termes. Vous dites „elle ne peut par rien s'éduquer elle-meme, autant que par l'éducation d'autrui: J'ai développé ce thème dans ma dernière lettre.

Je déteste cordialement Genève — et certainement ce n'est pas par égoïsme que j'ai proposé la chose. Il n'y a que Genève et Bruxelles (Londres aussi — mais c'est trop cher). Au reste, attendons la réponse de Wyruboff. Je lui ai écrit une longue lettre sur la fusion. Moi je ne

¹⁾ Случайности въ счетъ не идутъ.

²⁾ Возврата къ прошлому, паденій.

пense pas que Florence soit le vrai centre (le vrai serait Paris). Si Monod trouve les moyens pour la Revue, je recommencerai sous sa rédaction „le Kolokol“ en français.

Maintenant il faut vous expliquer pourquoi j'ai été maussade. Sans le moindre désir je suis presque sûr qu'il faudra aller à Paris. Toute la dette américaine Un. St. à 6% est remboursable le *janvier 1868*. Volens nolens je dois recevoir le capital, et cela serait très heureux. — Mais comment? Serait — ce une partie en or et une en billets, ou tout en billets ou tout'en or? That is te question. Si jê retardé, je perds les intêrêts. Or il faut acheter quelque chose en Amérique dans le cas où le paiement n'est pas fait en or (Les Green-back auront toujours la perte de 25% — c'est exorbitant — 75 au lieu de 100). Lisez cette poésie financière à Alexandre pour ne pas lui répéter. S'il était homme pratique je l'aurais envoyè à New-York. Ma... ma — à la Haug.

Vous recevrez après le 1 juillet l'argent d'Avigdor; il y`en aura pour vous et Olga 3000 — faites vos comptes avec Alexandre.

Figurez-vous que le vieux coquin de Trübner, sans me dire un mot, a tiré sur moi nne lettre de change de 800 frs. pour des livres qu'il a donnés en commission à Genève et qui ne se sont pas vendus. J'ai refusé de payer en disant: „Vous êtes trop Bismark“. mais comme veritable Bismark, il a tiré la lettre de chauge à l'ordre de Czernietzky de manière que je dois l'affamer on payer... c'est artistique.

Adieu.

Chère Malvida. Lisez ce que j'écris à Olga sur la lecture. Pourquoi ce fatras inutile et qui ne peut être digéré des premiers indous.

Avez vous lu ma description du voyage d'Alex. dans „le Kolokol“?

Переводъ.

19 июня 1867.

Дорогая Мальвида, — правильнѣе было бы сказать Бенвида¹⁾, но, какъ вамъ извѣстно, я боюсь каламбуровъ. Эта замѣна „зла“ „добромъ“ пришла мнѣ въ голову послѣ прочтенія вашего письма. Я былъ въ плохомъ настроеніи и даже грустилъ, но ваши строки разсѣяли туманъ. Одно поразило меня: вы написали Татѣ *совершенно то же самое* и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, чтò и я. Вы говорите:

1) Непереводаемая игра словъ: „Mal“ — дурно и „Vene“ — хорошо.

ничто не может так воспитать ее самое, как воспитываніе другого. Ту же мысль я развилъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ.

Я отъ всего сердца ненавижу Женеву; но, конечно, не изъ эгоизма сдѣлалъ это предложеніе. Подходящими являются только Женева и Брюссель (Лондонъ — тоже, но тамъ слишкомъ дорого). Впрочемъ, подождемъ отвѣта Вырубова. Я ему написалъ большое письмо о сляніи. Я не нахожу, чтобы Флоренція была настоящимъ центромъ. (Настоящимъ былъ бы Парижъ.) Если Моно раздобудетъ средства для журнала, я примусь за изданіе подъ его редакціей „Колокола“ на французскомъ языкѣ.

Теперь надо вамъ объяснить, почему я былъ не, въ духѣ. Я не имѣю ни малѣйшаго желанія ѣхать въ Парижъ, а между тѣмъ, почти увѣренъ, что придется туда съѣздить. Весь 6% американскій заемъ подлежитъ уплатѣ 1 января 1868 г. Хочешь — не хочешь, мнѣ придется получить свой капиталъ, и это была бы большая удача. Но какъ? Получу ли я часть золотомъ, а остальное бумагами, или все въ бумагахъ, или все золотомъ? Вотъ, въ чемъ вопросъ. Если я опоздаю, то потеряю проценты. Слѣдовательно, придется купить кое-что въ Америкѣ, если уплата не будетъ произведена золотомъ. (На кредиткахъ потеряешь 25%; это непомярно: 75. вмѣсто 100). Прочтите всю эту финансовую поэзію Александру, чтобы мнѣ не надо было повторять ему. Если бы онъ былъ практичнымъ человѣкомъ, я послалъ бы его въ Нью-Йоркъ. Ma... ma... à la Гаугъ.

Послѣ 1 іюля вы получите деньги отъ Авигдора; тамъ будетъ для васъ и для Ольги 3000; подведите счетъ съ Александромъ.

Представьте себѣ, что старый негодяй Трюбнеръ, не сказавши ни слова, выдалъ на мое имя вексель въ 800 франковъ за книги, сданныя имъ на комиссію въ Женеву и не проданныя. Я отказался платить, сказавъ ему: „вы перещеголяли Бисмарка“. Но онъ, какъ истый Бисмаркъ, онъ представилъ вексель приказу Чернецкаго, такъ что я вынужденъ или уморить его съ голоду, или платить. — артистически подстроено.

Прощайте.

Дорогая Мальвида, прочтите то, что я написалъ Ольгѣ о чтеніи. Къ чему эта бесполезная вельфичивость, которую не могутъ переварить первые индусы?

Читали ли вы въ „Колоколѣ“ мое описаніе путешествія Александра?

3102. Письмо къ Н. А. Огаревой.

21 юня (1867), пятница.

Я считаю твое послѣднее письмо болѣзнью, иначе я долженъ бы былъ его считать безнравственнымъ. У меня опустились руки. На горячій призывъ, на мольбу о тепломъ словѣ ты отвѣчаешь старымъ плачемъ объ Еленѣ и себѣ. На что же я, моя любовь, мои слова? Я думаю, что ты *не читала* моего письма. Ни слова больше. Жалко за себя, за тебя, что прїѣду не въ томъ расположенїи, въ какомъ хотѣлъ. — Это невозможно.

Мы переѣзжаемъ 25 или 26.

„Колок.“ выйдетъ 27.

Въ промежуткѣ я поѣду къ Мар. Касп. ¹⁾, потомъ, какъ дождусь второго отвѣта отъ Рот., такъ и поѣду; сначала ли въ Парижъ, сначала ли въ Ниццу — еще не знаю:

Къ Прог. пойду непременно; я хочу ее изучить настолько, чтобъ знать, стоитъ ли за нее особенно держаться, и узнать, какъ она смотреть на вопросъ.

Для французскихъ переводовъ открывается сбытъ. Парижскіе книгопродавцы поговариваютъ объ изданїи статей. Что „Письмо“ къ Аксакъ? Я снова думаю издавать „Кол.“ по-французски съ 1-го января. Pierre Legoux готовъ поправлять.

Встрѣтилъ Саффи Sp.; — она ихъ ждетъ къ концу мѣсяца. Неужели тебѣ не жаль ее? Если я ихъ увижу, что мнѣ сказать отъ тебя? Если они поѣдутъ на Ниццу?

3103. Письмо къ Н. А. Огаревой.

25 юня (1867), вторникъ.

Въ самую послѣднюю минуту явилась кухарка съ отказомъ. Ее подбили, вѣроятно, родные. Стало, на нее считать нечего.

Домъ вы наняли недорого. Уроки Лизѣ продолжать слѣдуетъ. У насъ важное событіе: ко мнѣ адресовались какіе-то антрепренеры, заводящіе здѣсь большую справочную контору; они хотятъ

¹⁾ Ряхель.

Чернец. поручить свою типографію съ тѣмъ, чтобы онъ переѣхалъ къ нимъ (даромъ), и предлагаютъ квартиру и жилованье; это такое дѣло, что я и Ог., мы прыгаемъ. Сегодня иду къ нимъ переговаривать. Покамѣстъ Чернец. согласенъ, но на его характеръ я не надѣюсь.

Сегодня мы начали переѣзжать, завтра поѣду на два дня къ Мар. Касп. и тамъ буду ждать приказа отъ Ротш. Дѣло американское еще не худо. Я спрашивалъ Р., ѣхать мнѣ въ Парижъ теперь или послѣ. Если я замѣшкаю недѣлю, не удивляйся.

Не хочешь ли что пбручить словесно Лугинину въ Россіи?

Я, Natalie, не разсердился на твое письмо съ *инсинуациями*, а съ глубокой горестью увидѣлъ, что и этотъ разъ мой планъ разбился о твою строптивость. Будемъ нести крестъ другъ друга. Конечно, лучше бы было не писать этого письма, его уровень очень low ¹⁾ особенно замѣчаніе о прогулкахъ. Ты испортила мой пріѣздъ и изъ Таты не умѣла ничего сдѣлать ни для-себя, ни для Лизы. *Отпусти же ее съ миромъ*. Ты не допустишь свободное лицо до воспитанія, сама же не много сдѣлаешь. *Школа и школа* — изъ этого поставлю вопросъ истинный. Должна же ты чѣмъ-нибудь серьезнымъ жертвовать для Лизы; не бери на себя порчѹ ея. Подъ школой я разумѣю школу, куда ходить, такую, какъ здѣсь у Прбгера. Вѣроятно, она имѣеть недостатки, но сама взвѣсь, что эти недостатки передъ вѣчными бурасками ²⁾. Больно и очень больно и, можетъ, всего больнѣе, что ты никогда не поймешь, что вина твоя. Прочти мое письмо изъ Montreux и еще два. Что ты сдѣлала изъ нихъ?

Не пиши полемическихъ писемъ; я постараюсь психически свѣтлымъ пріѣхать; ты знаешь, что полемика меня раздражаетъ, къ тому же она несообразна съ ожиданіемъ близкаго человѣка. До сентября можно жить, даже до октября въ Ниццѣ, а потомъ школа на первый планъ. Тата ни въ какомъ случаѣ не должна ѣхать ближе мѣсяца.

NB. О Лизав. ³⁾ не то писалъ, т.-е. вовсе не о ея любви, а о томъ, что она *должна знать* ⁴⁾, иначе очень, несвободно жить будетъ.

Почему ты упорно не отвѣчаешь на вопросы о твоёмъ положеніи? Скажи Лизѣ, чтобы она устроила мою комнату.

Пишите просто съ адресомъ: *Genève*.

Лизу посылай въ классъ... ⁵⁾ непременно. Уроки дома... ⁵⁾ отъ погоды, какая бы ни... ⁵⁾ не отучай.

1) Низкій.

2) Bourgasque — вспышка, порывъ.

3) Компаньонкѣ.

4) Объ отношеніяхъ Герцена и Огаревой и о происхожденіи Лизы.

5) Оторвано.

Скажи ей, что я стремлюсь къ ней, чтобъ заняться не какъ учитель, а какъ будитель, vector.

Очень радъ, что ты спрашиваешь объ Огар. Физическiй ему не дурно, даже и умъ его свободнѣе, но жизнь мнѣ не нравится. Я утомляюсь у него... И эта бѣдность... Я опять купилъ салфетки и всякую дрянь... Невольно вспомнилъ Сат. и его барскую игру. Жду лихорадочно отвѣта.

3104. Письмо къ Н. П. Огареву.

27 iюня (1867), четвергъ.

Гохгешетитъ ¹⁾, вчера переѣхали: 7, Boulevard Plainpalais. Тѣсно, но дешево. Необходимо знать расчетъ ночи и обѣда. Я приглашаю къ Visios'у, гдѣ ѣлъ вчера. Собраться у насъ въ 5... 4... 3..., когда хотите, только скажите подробно.

Что за день вчера?! Не было кислорода ни на волосъ. Я купался — хуже; пилъ пиво — хуже; наконецъ, взялъ № въ Hôtel de la Poste и въ 4 часа легъ спать и проспалъ до 6 1/2. Это первый разъ со мною съ 1812.

Новости: а) Отъ Ротшильда письма; онъ пишетъ: „Donnez, mon enfant. Все сдѣлано къ общему удовольствiю. Присылайте фольмахтъ“ ²⁾.

б) Отъ Лакруа — онъ не прочь меня печатать по-французски; спрашиваетъ, что я за себя беру.

в) Отъ Лизы и Таты письмецо посылаю. N. есть записочка lowspirited ³⁾; я говорилъ, что она испугается письма.

Я хотѣлъ бы завтра ѣхать въ Бернъ и для того сговориться. Въ Ниццу назначаю 5-го. Когда обѣдать у Чернецкаго? Хотите 2-го?

3105. Письмо къ М. К. Рейхель.

28 iюня (1867), пятница.

Вотъ à la fin des fins ⁴⁾ я и отправляюсь, какъ султанъ, въ Парижъ, къ вамъ. Свитой будутъ 200 пассажировъ и пр.

Дѣла устроились такъ, что ѣхать могу въ понедѣльникъ — и

¹⁾ Hochgeschätzt — высокоуважаемый.

²⁾ Vollmacht — полномочiе, довѣренность.

³⁾ Въ плохомъ настроенiи.

⁴⁾ Въ концѣ концовъ.

пріѣду въ 4—10 или въ 8—50. Пробуду у васъ втор. и сер., — въ четвергъ пріѣду въ Женеву и въ субботу отправляюсь въ Ниццу и Италію.

Если что не ладно, пропишите.

Адресъ новый: 7, Boulevard Plainpalais.

Всѣхъ вашихъ обнимаю.

Комнату возьмите въ Mattenhof pension'я.

3106. Письмо къ Н. А. Огаревой.

30 іюня (1867), воскресенье.

Писемъ нѣтъ. Дѣла идутъ, но все не такъ скоро. Вчера отпечатанъ „Колоколъ“ и посланъ. Въ Бернъ еще не ѣздилъ, потому что Чернецкаго дѣло застряло. И онъ чудакъ съ своей меланхоліей, и тѣ, разумѣется, хотятъ выторговать. Въ четвергъ, вѣроятно, дѣло лопнетъ или поднищется. Въ промежутокъ я съѣзжу въ Бернъ.

Въ пятницу у Долг. прощальный обѣдъ.

Въ воскресенье, если ничего не случится очень важнаго, отправлюсь, какой дорогой — не знаю.

У насъ биза. Лѣто было дурно. Я купался, впрочемъ, нѣсколько разъ въ Ронѣ. Вода 14 и 14^{1/2} град. по Reom. Сегодня ясно. Ага и я обѣдаемъ у Чернец., которому я отправилъ всѣ вина и запасы и подарилъ свою печку. Это — годовщина 1 іюля¹⁾.

2 часа.

Письма нѣтъ; не знаю даже адреса. Пишу на авось.

Тата, узнай, есть ли въ Ниццѣ американскій консуль (у Висконти), и напиши, — письмо меня еще застанеть.

3107. 1857—1867.

Перваго іюля 1857 вышелъ *первый* „Колоколъ“ въ Лондонѣ. Сегодняшнимъ листомъ заключается наше десятилѣтіе.

Десять лѣтъ! Мы ихъ выдержали и, главное, выдержали *пять послѣднихъ* — они были тяжелы.

Теперь мы хотимъ перевести духъ, отереть потъ, собрать свѣжія

¹⁾ Основанія „Колокола“.

силы и для этого — приостановиться на *полгода*. Слѣдующій листъ „Колокола“ выйдеть 1 января 1868; имъ мы начнемъ *второе десяти-лѣтіе*

Мы хотимъ еще разъ спокойно, безъ развлеченій срочной работой, взглядѣться въ то, что дѣлается дома, куда волна идетъ, куда вѣтеръ тянетъ; мы хотимъ провѣрить, въ чемъ мы были правы и гдѣ ошибались.

Мы слишкомъ часто оглядывались, особенно въ послѣднее время, чтобъ нужно было снова повторять нашъ символъ вѣры и основы того взгляда, который мы проводили въ „Колоколѣ“; они были неизмѣнны; по крайней мѣрѣ, официальные *враги наши* въ этомъ не сомнѣвались. „Колоколъ“ былъ и будетъ прежде всего органомъ *русскаго социализма и его развитія*, социализма аграрнаго и артельного, сельскаго и городского, государственнаго и областного.

Соціальному развитію Россіи для насъ подчинено все — формы и лица, колебанія и ошибки; но такъ какъ оно невозможно безъ свободнаго слова и свободнаго схода, безъ общаго обсуживанія и совѣта, то мы звали и будемъ звать всѣми силами собраніе *Земскаго Собора*. Въ немъ мы видимъ не больше, какъ ворота, но ворота отворенныя, и это очень важно, — до сихъ поръ русское развитіе пробирается тайкомъ черезъ заборъ, пока сторожа не смотрятъ или спятъ...

Все остальное — грязь и пыль на дорогѣ, бревна и камни подъ колесами; все остальное можно бы оставить въ тѣни, на собственное разложеніе, если-бъ отъ этихъ бревенъ и камней не гибли лучшія личности, если-бъ въ этой топи не тонули неустрашимые сѣятели, „зутра“ вышедшіе на работу. А поэтому рядомъ съ „общей частью“ снова пойдеть отдѣлъ обличеній.

Пауза наша имѣеть для насъ еще то значеніе, что она насъ поставитъ въ возможность вымѣрять, насколько великъ или слабъ, живъ или мертвъ интересъ къ изданію „Колокола“ и насколько замѣтятъ его временное отсутствіе... Впрочемъ, къ концу года мы намѣрены еще разъ напомнить о себѣ и издать, *если удастся*, рядъ новыхъ статей разнаго содержанія въ особой книжкѣ подъ заглавіемъ „Сборникъ Колокола“. При немъ будетъ и программа нашего журнала на 1868.

Можеть, къ нашему возвращенію на сцену или во время нашего домоваго отпуска попробуютъ свои силы новые, больше юные и свѣжіе борцы. Пора молодымъ талантамъ сломить свою печать молчанія. Условія, сдѣланныя въ Россіи безцензурному книгопечатанію, безобразны, лучшіе журналы пришиблены, лучшія газеты подъ непрерывнымъ ударомъ предостереженій и остановокъ. Отчего же такъ мало печатають за границей? Наша типографія и нѣсколько другихъ пред-

лагають легкую возможность. Мы съ радостью будемъ привѣтствовать всякій русскій органъ. Намъ тѣсно не будетъ — свѣтъ не клиномъ сошелся.

P. S. Если-бъ какія-нибудь достаточныя причины, событія, сообщенія, поправки, заставили насъ прервать наше молчаніе, мы издадимъ прибавочный листъ никакъ не позже 1 августа. ¹

◆◆ 1. Въ № 167 „Neue Preussische (Kreuz) Zeitung“ отъ 20 іюля 1867 помѣщена статья „Русскій прогрессистъ“.

Приведу ее въ выдержкахъ.

„Интересно отмѣтить, что считавшая себя нѣкогда могучей прогрессивная партія въ лицѣ своихъ ораторовъ, журналовъ, союзовъ находится почти вездѣ одновременно наканунѣ распада; ей приходится прійти къ нерадостному, правда, заключенію, что она пріѣлась, что убѣдились уже въ полной бесплодности ея усилій, и что въ особенности дѣло съ наличными взносами на прогрессивныя цѣли обстоитъ очень неважно. Г. Александръ Герценъ, бесспорно талантливый и блестящій, но лишенный всякаго глубокаго образованія журналистъ, сдѣлался въ сравнительно короткое время почти европейскою знаменитостью, благодаря выходявшему въ Лондонѣ „Колоколу“. Не создавъ лично ничего значительнаго и основательнаго въ литературѣ, всю свою силу и дѣятельность онъ свелъ исключительно къ демократическому отрицанію — а именно, это наиболѣе дешёвый видъ содер­жательности, которое онъ съ ѣдкой остротой направлялъ противъ всего, на что его соотечественники привыкли смотрѣть и относиться съ уваженіемъ: не только противъ церкви, но и противъ религіи, не только противъ правительства, но и противъ личности государя, не только противъ особенно ненавистной ему аристократіи, но и противъ всей націи, которую онъ упрекалъ въ глупости, рабствѣ и неспособности, потому что она вовсе не желала революціонныхъ выступленій, имѣвъ такіе прекрасные для этого случаи во время освобожденія крестьянъ и послѣдняго польскаго возстанія. „Колоколъ“ былъ нѣчто въ родѣ „Mannheimer Abendblatt“ 1847 года, но только съ тою разницей, что онъ не дожилъ до своего 1848 года.

„Новизна явленія, заключающаяся въ возможности читать напечатанныя русскіи типографскимъ шрифтомъ демократическія и революціонныя мысли, способствовала процвѣтанію предпріятія, а такъ какъ вслѣдъ за блестяще написанными передовыми статьями помѣщались пикантныя сплетни изъ chronique scandaleuse, доставлявшіяся будущему русскому Ріенци, Гарibaldi или Кошту либерально настроенной haute volée петербургскаго и московскаго общества, то „убѣжденія“ пир

этомъ неминуемо стали дѣлать хорошія „дѣла“. „Колоколъ“ доставлялся въ Россію контрабанднымъ путемъ въ тысячахъ экземплярахъ на телбгахъ, ускользя отъ самаго строгаго контроля полиціи. Черезъ Турнео, Турцію и даже черезъ Китай получались цѣлыя тюки, экземпляры цѣнились на вѣсъ золота, переходили изъ рукъ въ руки, какъ въ свое время ходили по рукамъ списки запрещенныхъ цензурою стиховъ Пушкина и комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“. Нумера „Колокола“ стали находить въ пальто у генераловъ, снимавшихъ ихъ въ передней государя. Двухъ флюгель-адъютантовъ государя уличили въ распространеніи герценовскихъ сочиненій. „Искандеръ“, такъ называлъ себя Герценъ, сдѣлался силой. Первые государственные сановники зывали: „Mais on pous déborde!“ и уже высчитывали, сколько времени оставалось еще до торжественнаго вѣзда триумвира или консула Герцена въ Петербургъ. Противъ его нападокъ не было въ то время никакого способа выступить. Такъ какъ имени Герцена нельзя было называть въ печати, то не было возможности ни защищаться, ни опровергнуть, ни вести полемики. Цензура зачеркивала всякую реплику, лишь только произносилось имя Герцена, и этимъ обращала вниманіе на существованіе демократическаго русскаго человѣка. Тогда еще не было ни консервативной партіи, ни консервативной печати въ Россіи. Вся политически зрѣлая часть русскаго націи растворилась въ одномъ основномъ гѣстѣ, которому нехватало лишь кусочка дрожжей, чтобы прійти въ броженіе. Эффектное и доходное занятіе Вольной русскаго типографіи манило къ подражанію, и бывший князь Петръ Долгоруковъ, люди въ родѣ Головина и даже Блюммера стали помогать въ эксплуатаціи новаго рудника.

„Наша газета была единственной газетой въ Европѣ, которая съ самаго начала выступила противъ этого злоупотребленія печатью, но, съ другой стороны, и предсказавшая практикуемый теперь способъ борьбы съ нимъ.“

„Но вотъ вспыхнуло послѣднее польское возстаніе, пожары въ Петербургѣ, появились нигилисты, и обнаружались кой-какія иныя вліянія этой, размахивавшей факеломъ и топоромъ, печати, — и во всѣмъ этимъ наступило отрезвленіе. Великія гуманныя идеи императора получили жизнь и пріобрѣли твердую почву; народъ не желалъ возмущенія, и ставшая болѣе свободной печать получила, наконецъ, право клеймить выходки политическихъ бѣженцевъ съ тою же остротою, съ какою они до сихъ поръ безпощадно и безнаказанно направляли ее противъ всего существующаго и дѣйствующаго въ Россіи.“

„Г. Герценъ сдѣлалъ ошибку, ставъ на сторону Польши противъ Россіи, вѣроятно, въ надеждѣ ускорить этимъ русскую революцію. Съ этого и началось его быстрое паденіе, которое, впрочемъ, онъ и

самъ честно призналъ. Журналисты Катковъ и Леонтьевъ открыли огонь возмущенной полемики противъ побѣдоноснаго до тѣхъ поръ и даже страшнаго демагога, къ которому вѣренно присоединялся болѣе практичный Бакунинъ, и съ каждой недѣлей престижъ этого Пугачева въ будущемъ все падалъ. Въ Лондонѣ дѣла больше не шли. Издатель Трюбнеръ испытывалъ затрудненія, революціонную мастерскую перенесли поѣзжому въ Швейцарію, и теперь самъ „Искандеръ“ объявляетъ временное, съ большой откровенностью и пронизательностью, окончательное молчаніе набатнаго колокола.

„Итакъ, еще одинъ прогрессивный агитаторъ сошелъ со сцены! Этиимъ господамъ болѣе ничего не удастся. Даже наиболѣе ревностные въ революціонномъ отношеніи предпочитаютъ временно отойти въ сторону, чтобы не поизноситься раньше времени и сохранить себя свѣжими до слѣдующей революціонной бури.

„Что же оставляетъ послѣ себя г. Александръ Герценъ въ результатъ своего неутомимо дѣятельнаго мѣшанія горячихъ угольевъ? Ничего, кромѣ осадка своихъ непереваренныхъ ученій, — секту нигилистовъ! Если бы онъ былъ истинный литераторъ, поэтъ, писатель, онъ смогъ бы, даже устранный политически, на подобіе В. Гюго, комедіей снова ожить въ памяти народа. Теперь же его противникъ блеститъ ярче него, и онъ ничего другого не достигъ, кромѣ того, что считается теперь не хорошимъ тономъ произносить имя Герцена въ обществѣ. Такъ проходитъ мірская слава“.

Полный переводъ статьи былъ данъ въ № 183 „Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Разумѣется, русская печать подхватила эти заказные нѣмецкіе восторги и, съ своей стороны, прибавила чисто русскіе.

Такъ, „Соврем. Листокъ“ нашелъ, что, содержаніе этой статьи не можетъ не заинтересовать его читателей, „такъ какъ она раскрываетъ одну изъ общественныхъ язвъ, близко касающуюся нашего отечества, хотя въ ней и выражается зло, общее всему человѣчеству“...

„Русскій прогрессистъ, который служить предметомъ статьи, есть никто иной, какъ г. Александръ Герценъ, писавшій когда-то въ русскихъ журналахъ разныя статьи и издававшій отдѣльныя книги подъ псевдонимомъ Искандера. Читателямъ нашимъ извѣстна эта личность по нѣкоторымъ даннымъ, сообщавшимся отъ времени до времени въ „Современномъ Листкѣ“ Г. Герценъ принадлежитъ къ категоріи именно такихъ лже-прогрессистовъ. У него нѣтъ недостатка въ талантѣ, но, по замѣчанію „Крестовой Газеты“, это человѣкъ поверхностный и чуждый сколько-нибудь серьезной учености. Онъ не создалъ ничего прочнаго и своею извѣстностью одолженъ единственно рѣзкому отричанію всего, къ чему Россія привыкла относиться съ

почтениемъ... Великія реформы настоящаго царствованія особенно бѣсили нашего лже-прогрессиста. Освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, положеніе о печати, земскія учрежденія, однимъ словомъ, все, что составляетъ славу настоящаго царствованія и что обновило русскую жизнь, вызывало пѣну на уста издателя „Колокола“, и онъ не находилъ достаточно словъ клеймить эти великія реформы“ (№ 62).

3108. Изъ письма къ М. Бакунину.

Не странное ли дѣло, что на всѣхъ славянскихъ сходкахъ и пирахъ, на всѣхъ поминкахъ и торжествахъ *одно имя* забыто — имя того русскаго, который двадцать лѣтъ тому назадъ громогласно и всенародно, въ Прагѣ, съ тѣми же Палацкими и Ригерами, проповѣдовалъ братскій союзъ славянъ, чуть не сложилъ свою голову подъ нѣмецкимъ топоромъ и пошелъ въ цѣпяхъ на „вѣчную“ тюрьму изъ Грачина въ Петербургъ?... Человѣкъ этотъ, выравшись черезъ годы и годы изъ тюрьмы и оковъ, снова принялся съ тою же вѣрой и любовью за свою общеславянскую проповѣдь, и только *его-то* имя не было произнесено! Твое, опальное имя, Бакунинъ, отсутствуетъ на первомъ общеславянскомъ соборѣ.

Я знаю, что ты всего меньше заботишься объ этомъ, тѣмъ больше, что торжество это идетъ не твоими путями, но это не мѣшаетъ твоимъ друзьямъ не только заботиться объ этомъ, но и говорить... Тебѣ вѣрили тогда въ преступленіе не только въ Вѣнѣ, но и въ Петербургѣ то, что восхваляютъ теперь въ твоихъ товарищахъ 1848 года. Какъ будто, вы стояли не на одномъ и томъ же подѣ, какъ будто, пушки Виндишгреца не такъ же были направлены на тебя, какъ на нихъ?

Заброшенный бурями куда-то за Прочиду, ты мнѣ напоминаешь сочинителя драмъ, сидящаго въ угогомъ углу своемъ въ то время, какъ гдѣ-нибудь на помостѣ, освѣщенномъ яркими огнями, въ золотѣ и бархатѣ актеры говорятъ *его слова*, и тысячи рукоплещутъ имъ, не думая вовсе объ авторѣ.

Такова судьба „раннихъ сѣятелей“. Минутами это больно, досадно... а, въ сущности, пусть выстраданное ими легко достается другимъ! Развѣ они не были съ лихвой награждены и внутреннимъ сознаниемъ, и утренней зарей новаго дня, которую они первые видѣли? Никто не говорилъ, что тѣ, кто сѣяли, тѣ будутъ жать... Вотъ было бы горе, если-бъ сѣявшіе не дождались всходовъ... а они-то и колышались и волнуются, перемѣшанные съ лебедой, передъ нашими глазами.

Остальное не важно.

Къ тому же ты знаешь, что на десять путешественниковъ, бывшихъ въ Palazzo Ducale въ Венеціи, девять помнятъ одинъ портретъ изъ всего ряда дождей — это портретъ Маринѣ Фальеро, *потому что его нѣтъ*, и вмѣсто его бросается въ глаза пустая рама, въ которой написанъ *приговоръ* ¹⁾. Тебя *хотѣли забыть*, а хотѣтъ забыть и помнить — это одно и то же.

Кстати къ памяти... помнишь наши долгіе разговоры передъ февральской революціей, въ которыхъ я, какъ прозекторъ, указывалъ ростъ смерти западнаго „старика“, а ты съ надеждой и упованіемъ — ростъ едва обличившейся жизни славянскаго недоросля? Я и въ него не очень вѣрилъ, *а впрѣлъ въ одну Россію и ея соціальныя зачатки*. Мы спорили, надъ нами смѣялись. Въ нашемъ спорѣ были общія стороны, онѣ-то стали теперь общими мѣстами полуофициальныхъ сходовъ и полуофициальныхъ газетъ въ Россіи.

Я не могу удержаться отъ улыбки, читая наши стародавнія мысли, разбавленныя водой изъ Фонтанки и изъ Патріаршихъ прудовъ, повторяемые на тысячи ладовъ на московскихъ пирахъ, на петербургскихъ обѣдахъ, на сходахъ и конференціяхъ, въ передовыхъ статьяхъ журналовъ и въ рѣчахъ злѣйшихъ враговъ нашихъ. Иногда, какъ Тарасъ Бульба, я ихъ не тотчасъ узнаю, всѣ они прошли богословіемъ и одѣлись въ стихари, натерлись постнымъ масломъ и пропахли ладономъ; самая свѣтскія изъ нихъ въ мундирныхъ фракахъ разныхъ вѣдомствъ. Согласись, Бакунинъ, что, помимо великой ироніи, есть глубокое наслажденіе въ этомъ карнавальномъ зрѣлищѣ чиновничьяго обсуживанія вѣпросовъ о Западѣ и Востокѣ и православно-революціонной пропаганды, имѣющей цѣлью поднять славянъ съ хоругвью Кирилла и Мефодія... Вотъ какую кору пробилло сѣмя, и нечего сердиться, что на росткахъ осталась грязь. Природа и исторія не отличаются особой чистоплотностью; онѣ, словно, любятъ грязными руками дѣлать чистую работу... А дѣло-то просто въ томъ, что чистыхъ силъ слишкомъ мало подъ руками... онѣ и хватаются за все, не разбирая, лишь бы вышло на свѣтъ *то, что на свѣтъ просится*. Старый гегелистъ, ты не забылъ о его нѣмецкой *Bedenklichkeit* ²⁾ насчетъ безцеремоннаго соединенія очень противоположныхъ жизненныхъ отправленій въ одномъ и томъ же органѣ.

Не мытьемъ, такъ катаньемъ — лишь бы дѣло шло. А дѣло идетъ, что и доказать надлежало.

¹⁾ На мѣстѣ портрета дожа Фальеро, лишеннаго жизни за попытку демократической оппозиціи, виситъ надпись: „Это мѣсто М. Ф., обезглавленнаго за преступленія“.

²⁾ Нерѣшительность.

3109. Березовскій.

Изъ всѣхъ подробностей, напечатанныхъ въ разныхъ журналахъ, ясно подтверждается то, что всѣ *трезвые* люди говорили съ самаго начала: Березовскій *стоитъ одинъ*, какъ стоялъ Каракозовъ, — юноша, фанатикъ, личность въ родѣ Карла Занда, Алибо.. Кроткій и тихій нравомъ, онъ отличался еще въ школѣ припадками упрямства; задумчивый и скромный, онъ никогда не принималъ участія ни въ разсѣяніяхъ своихъ товарищей, ни въ ихъ сходкахъ; онъ держалъ себя въ Парижѣ поодаль, вѣроятно, уважая въ себѣ оружіе провидѣнія и храня его чистоту. Мистическое направленіе ясно изъ его отвѣтовъ. Местъ ли за родину или за своихъ двинула этого человѣка, — кто разбереть? Понятно одно, что такой человѣкъ, попавши на такую мысль, остановиться не могъ. Разные журналы и въ томъ числѣ „*Indépendance*“ (№ 163), говорятъ, что „его братъ былъ повѣшенъ, отецъ сосланъ, сестра погибла“ — можетъ, но этого вовсе не нужно было, чтобы поднять фанатическаго мстителя за свою страну.

Когда это люди начинаютъ смотрѣть спокойно и съ достоинствомъ на эти кровавыя *слѣдствія* политическаго неурюстройства, на эти страшные отвѣты праву сильнаго, всегда идущаго отъ груди труповъ, отъ ручьевъ крови, оставляющаго за собой глубокія раны, смертныя обиды? Чего тутъ хвалить, чего тутъ порицать? Думать надобно о тѣхъ непреодолимыхъ темныхъ силахъ, которыя скребуть на сердца и будятъ женщину середь сладострастія, цвѣтовъ и опрокинутыхъ чашъ для того, чтобы она схватила мечъ и отрубила голову Олоферну. Эти самозванные исполнители судебъ внѣ суда и осужденія. Ихъ можно убивать, если сила въ рукахъ, или канонизировать, если сила очутится въ ихъ рукахъ. Они не поймутъ ни того, ни другого. Оправданіе ихъ лежитъ въ совокупности безобразныхъ обстоятельствъ, наказаніе — въ неуспѣхѣ, остальное немного прибавить.

Мы не думаемъ, чтобы Березовскаго казнили. Вѣроятно, государь сдѣлаетъ парадъ заступничества... котораго онъ не сдѣлалъ дома во время Каракозова; но, если-бъ его и ждалъ ножъ гильотины... пусть общество обороняется какъ знаетъ, какъ степень его судебного смысла развита, но не будемъ толковать о справедливости, о вмѣненіи аршины не тѣ.

Знаменитый Георгъ Форстеръ писалъ своей женѣ во времена пущаго террора девяностыхъ годовъ: „Не все здѣсь идетъ красиво, но революція — ураганъ, который уноситъ людей и народы далеко за

предѣлы обыденной жизни, и тутъ ихъ поступки нельзя судить по законамъ исправительной полиціи“.

Дѣйствительно, есть мгновѣнія въ жизни народовъ, въ которыхъ весь нравственный бытъ поколебленъ, всѣ нервы подняты, и жизнь чело-вѣку такъ мало стоитъ... *своя жизнь...* что онъ дѣлается убійцей.

„Въ юлѣ 1792, рассказываетъ m-me Roland, поведеніе двора было очень подозрительно, и всѣ разсуждали о томъ, какъ бы предупредить его намѣренія. Шабо ¹⁾ говорилъ, что прекрасно бы было, если-бъ дворъ вздумалъ посягнуть на жизнь какихъ-нибудь представи-телей-патріотовъ, что это подниметъ народъ, и прочее. Гранжневъ не сказалъ ни слова въ присутствіи другихъ, но наединѣ онъ сообщилъ ему, что онъ былъ пораженъ правдой его разсужденій, но, говорилъ онъ, дворъ слишкомъ хитеръ, чтобы дать намъ въ руки такой поводъ,— надобно помочь дѣлу: найдите людей, которые взялись бы за исполненіе, я *обрекаю себя*. — Какъ, вы? — Безъ сомнѣнія, тутъ нѣтъ ничего особеннаго, жизнь моя не имѣетъ никакой важности, и я съ наслажденіемъ пожертвую ею. — Другъ мой, вы не будете одни, — замѣтилъ восторженно Шабо — я хочу раздѣлить эту славу съ вами! — Какъ угодно, *одного* довольно, но *двое* лучше; только славы никакой не будетъ. Вѣдь, нашего рѣшенія никто не долженъ знать. пригото-вимъ же средства.

„Нѣсколько дней спустя, Шабо сообщилъ Гранжневу, что у него все готово, и что онъ нашелъ людей. — Ну такъ назначимъ время: мы пойдемъ завтра вечеромъ въ комитетъ; я выйду въ десять съ половиной; надобно пройти такой-то глухой улицей, тамъ приготовьте вашихъ людей. Смотрите, говоритъ Гранжневъ, распорядитесь, *чтобы люди били насъ наповаль*, я вовсе не хочу быть изуродованнымъ. — Въ означенный часъ Гранжневъ явился. Шабо не было. Гранжневъ думалъ, что онъ переѣмнилъ намѣреніе, и сталъ тихимъ шагомъ прогуливаться взадъ и впередъ по глухому переулку... никакихъ убійцъ нѣтъ. Онъ ходилъ, ходилъ да и пошелъ домой“ ²⁾.

Можно ли этихъ людей судить судами и наказывать по кодексу?

Въ русскихъ газетахъ выстрѣлъ Березовскаго сдѣлалъ мало шума, усталъ отъ 4-го апрѣля сказалась, два раза нельзя поднимать *такое горе*; тѣмъ не меньше общій тонъ необыкновенно подлъ — не подобострастіемъ, къ которому привыкли народы, считающіе себя „необыкновеннымъ народомъ и своего царя — необыкновеннымъ царемъ“ (какъ выражается „Голось“), а яримъ полицейскимъ бѣшенствомъ, съ которымъ ищутъ сообщничества и хотятъ замѣшать въ дѣло Березовскаго,

¹⁾ Франсуа, членъ конвента.

²⁾ „Mémoires de m-me Roland“, Biblioth. Nationale, t. I, pag. 183—84.

Польшу, революцію, Европу, шаръ земной и, главное, своихъ журнальныхъ враговъ. „Голосъ“ превзошелъ „Моск. Вѣдом.“.

Катковъ долженъ быть счастливъ: онъ создалъ школу, онъ зарылъ цѣлое поколѣніе фискаломаніей и полицейскимъ тикомъ.

3110. Котамъ игра — мышамъ слезы.

Новости изъ Крита ужасны. Омаръ-паша, побитый снова подъ Иракліономъ, сжегъ всѣ деревни, не защищаемыя военной силой, и перебилъ ихъ жителей. Консулы засвидѣтельствовали своимъ правительствамъ о совершившихся ужасахъ. И въ это время Горчаковъ, Бисмаркъ, Меттернихъ и пр. положили въ Парижѣ *спокойно ожидать*, какъ даѣше пойдетъ критское дѣло. Оно умно, осторожно, человѣчественно и очень полезно Омаръ-пашѣ. Зачѣмъ же было позволять жобинскія воззванія Филарета, демагогіи Николая Николаевича, зажигательныя прокламаціи Краевского?

...Даже теперь, въ сію минуту скопище революціонеровъ двора его императорскаго величества говорить болгарамъ: „Держитесь, только тогъ освобождается, кто держится, какъ греки въ двадцатыхъ годахъ!“ Да, вѣдь, это говорилъ Чарторижскому... Нѣтъ, нѣтъ, это въ русскіхъ газетахъ... Охъ, вы, болгары, на русское правительство надѣйтесь, а на Омаръ-пашу посматривайте... Москворѣцкимъ краснорѣчіемъ и невскими посулами худо отвѣчать пулямъ и огню.

3111. Венгерская амнистія.

Даже Австрія сумѣла, наконецъ, дать дѣйствительную амнистію, такую, по которой могли возвратиться Клапка и Перцель ¹⁾. Была ли у насъ какая-нибудь серьезная амнистія съ 1801 года, когда Александръ I сотнями возвращалъ изъ Сибири невинныхъ, сосланныхъ туда юродивымъ Павломъ? Мститымъ старцамъ 14 декабря разрѣшеніе возвратиться въ Россію было окружено страшными униженіями и обидными мѣрами...

¹⁾ Венгерскіе политич. дѣятели.

3112. Цензурный бредъ.

Г. Гайдебуровъ¹⁾ за переводъ 2-го тома книги Вундта „*Душа человѣка и животныхъ*“, переводъ *котораго онъ въ продажу не пуе-калъ*, а, по закону, представилъ отпечатанный экземпляръ въ *свѣтскую цензуру*, препроводившую его въ *духовную цензуру*, былъ приговоренъ *окружнымъ судомъ къ недѣльному заключенію въ тюрьмѣ и штрафу 25 руб. сер.* Не станемъ воспроизводить всего этого безсмысленно-безобразнаго дѣла, гдѣ къ наказанію приговоренъ *человѣкъ, не совершившій преступленія*, — это было бы слишкомъ длинно и въ 151 № „Голоса“ изложено достаточно ясно, чтобы быть совершенно понятнымъ. Мы только скажемъ нѣсколько словъ о томъ, что пора бы даже *реформирующему правительству* понять, что законы должны быть, во-первыхъ, писаны опредѣленно, а, во-вторыхъ, что ненужныя учрежденія подлежатъ прекращенію. Какая радость реформирующему правительству имѣть двѣ цензуры, свѣтскую и духовную? Изъ ихъ столкновения необходимо станутъ вытекать нелѣпости, позорящія правительство, а пользы никакой не выйдетъ ни для кого. Если ужъ реформирующее правительство *не умѣетъ* похерить духовную цензуру, то пусть оно ограничитъ ея власть ея райономъ, т. е. церковной литературой, а науку оставитъ отъ нея свободной. Духовная цензура, если за ней будетъ признана такая власть, можетъ запретить всякій учебникъ астрономіи, потому что, *по религіи*, солнце останавливалось съ приказа Иисуса Навина, а, *по математикѣ*, оно останавливаться не могло. Послѣ этого ни одной научной книги нельзя будетъ ни переводить, ни писать. Дайте же, наконецъ, свободу, если не фантазіи, то по крайней мѣрѣ, *разуму*.

3113. Неудавшійся дѣтскій праздникъ.

Говорятъ, что полиція въ Варшавѣ приготавлила небольшое драматическое представленіе для проѣзда государя и отложила, потому что сюрпризъ былъ разглашенъ газетчиками. Въ видѣ политической демонстраціи противъ страстнаго желанія присоединиться къ Россіи должны были появиться тамъ-сямъ польскія знамена. Такой дебошъ производить негодование народа. народъ (вторыя роты полиціи въ блузахъ) бѣжитъ въ неистовствѣ по улицамъ, попираетъ знамена своего отече-

1) Павелъ Александровичъ, впоследствии редакторъ „*Недѣли*“.

ства, ставить вездѣ русское знамя и поеть — вѣроятно, на голосъ изъ „Фрицхенъ и Лизхенъ“ Оффенбаха:

„Я, хочу присоединиться,
 Ты хочешь присоединиться,
 Онъ хочетъ присоединиться,
 Мы хотимъ присоединиться

къ свободной Россіи“. Государь, огорченный безпорядкомъ, тронуть другимъ, уничтожаетъ Польшу, даруетъ право нѣкоторымъ изъ пановъ носить въ на концѣ фамиліи, принимаетъ титулъ „Освободителя всея Польши отъ существованія“ и ѣдетъ въ Петербургъ, оттуда — амнистія, прощающая всѣхъ поляковъ, всѣхъ участвовавшихъ въ возстаніи и пр.

Теперь, говорятъ, просто сами паны придуть къ государю каяться въ томъ, что у нихъ открылось непреодолимое желаніе сдѣлаться русскими, и съ отчаянія, что Березовскій стрѣлялъ, броситься въ пучину морскую, называемую Россійской имперіей. „У сына моего отца обителей много“, говоритъ государь и, убѣдившись, что Польша умерла, возглашаетъ: „Vive la Pologne!“.

3114. [Треповъ].

¿ Правда ли, что петербургскій оберъ-полицейскій Треповъ до того огорчился выстрѣломъ 6 юня, что занемогъ и поѣхалъ въ Парижъ для *аускультаціи* ¹⁾?.. (лишь бы не для *перкуссіи* ²⁾).

3115. [О „Колоколѣ“].

Nous avons l'honneur d'informer Messieurs les libraires que le „Kokolok“ ayant accompli sa dixième année le 1 juillet, ne paraîtra pas pendant les six mois suivants, que nous avons décidé à cette suspension temporaire.

Vers la fin de l'année nous nous empresserons de communiquer à messieurs les libraires notre nouveau prospectus.

Alexandre Herzen.
 Nicolas Ogareff.

P. S. En cas de nécessité urgente, nous publierons un supplément entre le 15 juillet et le 1 août.

¹⁾ Выслушивание.

²⁾ Выстукивание.

Переводъ.

Имѣемъ честь извѣстить гг. книгопродавцевъ, что „Колоколь“, по случаю десятилѣтія своего существованія, исполняющагося 1 іюля, не будетъ выходить въ теченіе шести мѣсяцевъ, нами заранѣе опредѣленныхъ для временной его приѣстановки.

Приблизительно къ концу года мы постараемся извѣстить гг. книгопродавцевъ о готовящейся къ выходу книгѣ.

Александръ Герцень.

Николай Огаревъ.

P. S. Въ случаѣ крайней надобности мы выпустимъ между 15-мъ іюля и 1-мъ августа приложеніе.

3116. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

2 juillet 1867.

Chérissime des Malvides,

Vous avez du sang de Vasco da Gama et de Magellan, voyageuse intrépide, lagunophile et terrophobe. Je ne sais où vous écrire — je me décide à envoyer la lettre à la Specola.

Mais en outre ce n'est pas tout: vous avez qq. chose de Lapeyrouse et de C-nie Cook (comme Cook il a inventé les Sandwich) — vous avez un vrai talent financier — un talent Turgot et Cobden. Votre idée de séculariser en ma faveur quelque propriété du clergé — est très juste. Trouvez moi un homme — pour réaliser cela. Les grandes conditions — pour avoir un homme sérieux, c'est de le chercher — parmi les ennemis, parmi les rétrogrades. „Il doit être assez logique — pour comprendre qu'en me volant, il gagnera moins; pas de dévouement, pas de philosophie, pas de nom historique; s'il est sympathique, vous le chasserez. Enfin cela doit être un homme d'affaire, — sans idées, sans autre science — que la flouerognosie ¹⁾).

Avez vous ce *Ecce homo!*

Partie polémique.

1-e Non — ma docte amie — non, je ne partage pas votre opinion ni sur les livres, ni sur mon observation. Quel est donc le culte de

¹⁾ Правильно будетъ flouerie — надувательство, мошенничество. Здѣсь, очевидно, умышленно неправильное словопроизводство отъ глагола „flouer“ — обокрасть при помощи обмана, надуть.

l'amour propre qui empêche d'un côté — une critique toute amicale, et de l'autre — fait à croire ex. gr. à une jeune personne qu'elle a la voix de Grisi... et le style épistolaire de m-me de Sevigné? A quoi donc? (Madame Lyon, soit dit en parenthèse, n'a jamais entendu de Panofka — mais elle m'a parlé d'un ou de deux italiens très forts). Nous avons assez gâté — rafistolons. Maintenant des livres. Cette éducation — classique a fait son temps. On peut, on doit lire Homère et la Mahabarata — mais cette lecture ne doit *pas primer*, il y a une lecture qui développe beaucoup plus — émancipons nous de l'Olympe — comme nous sommes émancipés de Golgotha. Pensez y sérieusement — sans idées préconçues, sans le conservatisme littéraire. Et qu'avons nous de commun avec les chinoiseries des indous? Rten. Schlegel a mis à la mode la sanscriterie au temps le plus honteux de l'histoire moderne. Pulsky — a été son Isaack.

Addio.

Переводъ.

2 июля 1867.

Дражайшая изъ Мальвидъ!

Въ васъ течеть кровь Васко да Гама и Магеллана, неустрашная путешественница, лагунофилка и землефобка! Не знаю, куда и писать вамъ, и рѣшаюсь послать письмо въ Specola.

Но, впрочемъ, это еще не все. Въ васъ есть еще кое-что отъ Лаперуза¹⁾ и отъ компаніи Кукъ²⁾ (въ качествѣ Кука, онъ открылъ Сандвичевы о-ва) — въ васъ кроется финансовый талантъ, талантъ Тюрго и Кобдена. Ваша мысль секуляризировать въ мою пользу нѣкую церковную собственность — очень правильна. Найдите только человѣка, способнаго осуществить ее. Главное условіе, чтобы найти серьезнаго человѣка, это — искать его среди враговъ, среди ретроградовъ. „У него должно быть достаточно логики, чтобы понимать, что, обворовывая меня, онъ меньше будетъ зарабатывать; не нужно ни преданности, ни философіи, ни историческаго имени; если онъ окажется симпатичнымъ, вы его прогоните. Наконецъ, онъ долженъ быть дѣловымъ человѣкомъ, не имѣть никакихъ идей и не знать никакой науки, кромѣ науки надувать своего ближняго. Имѣете ли вы такого *Esse homo* ³⁾)?

Часть полемическая.

1) Нѣтъ, мой ученый другъ, я не согласенъ съ вашимъ взглядомъ на книги и на мое замѣчаніе. Какъ высоко нужно ставить само-

1) Французскій мореплаватель.

2) Всемирно извѣстное бюро для путешественниковъ.

3) Се человѣкъ! — слова Пилата, обращенныя къ народу, передъ которыми, послѣ истязаній, былъ выведенъ, въ терновомъ вѣнцѣ, І. Христось.

любіе, чтобы, съ одной стороны, не допускать критики, даже вполне дружеской, а съ другой — чтобы оно помогло увѣрить, напр., молодую особу въ томъ, что у нея голосъ Гризи и эпистолярный стиль г-жи де Севинье! И для чего? (Г-жа Ліонъ, будь сказано въ скобкахъ, никогда ничего не слыхала о Пановкѣ, но она говорила мнѣ о двухъ-трехъ другихъ итальянцахъ, очень хорошихъ учителяхъ). Мы съ вами достаточно портили, давайте чинить попорченное. Теперь о книгахъ. Классическое воспитаніе отжило свой вѣкъ. Можно, и даже должно прочесть Гомера и Магабарату ¹⁾, но это чтеніе не должно стоять на первомъ мѣстѣ, есть другое, гораздо болѣе развивающее. Намъ надо эмансипироваться отъ Олимпа, какъ мы уже эмансипировались отъ Голговы. Подумайте серьезно объ этомъ, безъ предвзятой мысли, безъ литературнаго консерватизма. И что у насъ общаго съ китайщиной индусовъ? Ничего! Въ самый постыдный періодъ современной исторіи Шлегель ввелъ въ моду санскритъ. Пульскій былъ его Исаакомъ.

Прощайте.

3117. Письмо къ сыну.

2 іюля (1867).
Бернъ, Mattenhof.

Предложеніе Мейзенбургъ купить что-нибудь изъ имѣній духовенства превосходно. Капиталь америк. мнѣ возвращается — 60,000 dol. ихъ надобно помѣстить. Земли, вѣроятно, будутъ продавать за безценокъ; хлопочи и узнавай. Никогда я и не думалъ, что могу начать хоть частные выдѣлы вамъ. Помни одно, что 5⁰/₀ минимумъ (дохода) и только, въ случаѣ большой надежды, можно измѣнить, но тогда надобно знатока агронома.

Около Генуи надобно искать дачу.

А proros, я позволяю вамъ, обдумавши, искать квартиру *безъ мебели* — мало-по-малу омеблирую (остаткомъ капитала при placement ²⁾).

Письма сейчасъ отошли. Охота имъ въ жаръ ѣхать въ Venezzію гнилую.

Кельсиевъ передалъ себя аресту. Прочти въ письмѣ Ольги.

10-го я въ Ниццѣ.

Прощай.

P. S. Мар. Касп. состарѣлась и похудѣла, но ея супругъ процвѣтаетъ и, дѣйствительно, честная и благородная натура, — не сдѣлался

¹⁾ Индійская священная эпопея на санскритскомъ языкѣ.

²⁾ Помѣщеніи.

Бисмаркомъ. Они получаютъ 5,000 fr., имѣютъ превосходную квартиру (800 fr.), трехъ дѣтей и Морица. Когда я подумаю, что и вамъ и мнѣ недостаточны наши доходы, я краснѣю.

Чернец—у мы, было, нашли большое дѣло, это могло бы его обезпечить. Напишу, если устроится.

3118. Письмо къ Н. А. Огаревой.

2 июля (1867,
Mattenhof, Bern.

Natalie, писемъ нѣтъ, а письма необходимы, я ихъ жду, чтобы еще разъ зондировать, что меня ждетъ. Отчего же писемъ нѣтъ?.. Vendetta или переѣздъ? Я даже не имѣлъ отвѣта на письмо съ программой Прогеръ.

Дѣла всѣ кончаются; я могъ бы ѣхать 8-го; но истинно хочу знать прежде, ѣду ли я начинать послѣдній совершеннолѣтній отдѣлъ жизни или тянуть старую канитель взрывовъ, упрековъ... въ которые изрѣдка вставлены свѣтлыя минуты. На послѣднемъ будущаго не построишь. Внутренно я декуражированъ.

Хорошо, если-бъ ты написала отвѣтъ на это письмо, поработавши еще разъ надъ собой. Тебѣ, Natalie, а не мнѣ надобно принять то твердое рѣшеніе, о которомъ ты пишешь.

Письмо это придетъ 4, 7-го можетъ быть отвѣтъ.

Я не знаю вашего адреса.

Цѣлую Лизу. Что бы ей привезти?

Прощай пока.

Здѣсь деревня; видъ, все напоминаетъ деревню — и коровы и птицы; можно легко устроиться вездѣ, даже въ Швейцаріи. Немного мебели есть.

Кельсіевъ явился на русскую границу, объявилъ, что онъ Кельсіевъ, велѣлъ себя арестовать и сдать правительству. Что это: отчаяніе, плутовство или просто безуміе? Увидимъ. Новость эта уже въ русскихъ газетахъ.¹

Если письма не потребуютъ отвѣта, то я писать больше не буду, и это будетъ значить, что я восьмого поѣду. Телеграфировать ни въ какомъ случаѣ безъ адреса нельзя.

Почта пришла, писемъ нѣтъ.

8 вечера

Бернъ.

◆◆ 1. Самъ Кельсіевъ говоритъ о своемъ шагѣ такъ: „Въ Яссы я прибылъ 4 ноября 1866 г. съ твердымъ намѣреніемъ окончить въ „Голосѣ“ мое „Путешествіе по Галичинѣ“ и затѣмъ посвятить лѣто 1867 на изученіе Молдавіи и Валахіи, двухъ совершенно неизвѣстныхъ у насъ странъ“.

Но онъ не выдержалъ обстановки такой жизни, передъ нимъ всталъ вопросъ о возвращеніи въ Россію. „Меня совѣсть мучила, что я, изъ постыдной боязни тюрьмы или ссылки, не участвую на этомъ общемъ пирѣ пробужденія государства, которое для меня дороже моей собственной личности. Тоска моя была такъ велика, что... я бѣжалъ бы отъ самого себя въ Балканы, чтобы въ трудахъ волонтерской жизни найти себѣ успокоеніе и, можетъ быть, развязаться съ самимъ собой въ какой-нибудь схваткѣ. Вопросъ, стало быть, стоялъ, *какъ* воротиться“. Кельсіеву вдругъ пришла мысль отправиться къ ясскому русскому консулу, и онъ отправился 13 мая 1867 года... („Пережитое и передуманное“).

23 мая 1867 г. бессарабскій жандармскій штабъ-офицеръ телеграфировалъ, что скулянская таможня доставила къ бессарабскому губернатору В. Кельсіева, явившагося туда добровольно 19 мая для испрошенія у правительства помилованія. Шефъ жандармовъ въ тотъ же день просилъ министра вн. дѣлъ доставить его въ III Отдѣленіе. 26 мая онъ былъ отправленъ. Когда въ № 127 „Москов. Вѣдомостей“ отъ 11 іюня была напечатана объ этомъ замѣтка, председатель слѣдств. комиссіи П. Ланской просилъ III Отдѣленіе потребовать отъ редакціи объясненіе, отъ кого она получила это свѣдѣніе и какъ могла напечатать его безъ особаго правительственнаго разрѣшенія. Въ № 137 было помѣщено письмо Кельсіева; снова Ланской запросилъ, находя, что это ужъ совершенно недопустимо; царь его подержалъ.

Министръ запросилъ москов. ген.-губ. 1 іюля кн. В. А. Долгоруковъ отвѣтилъ, что прежде officialнаго запроса редакціи онъ считаетъ „обязанностью откровенно изложить свой взглядъ на настоящее дѣло. Въ напечатанной въ „М. В.“ статьѣ о возвращеніи въ Россію Кельсіева не заключается какъ ничего противозаконнаго или противоправительственнаго, такъ и ничего такого, что бы, по существующимъ постановленіямъ, не могло быть напечатано въ безцензурномъ изданіи безъ особаго правительственнаго разрѣшенія. Кромѣ того, статья эта, начинающаяся словами: „Намъ пишутъ изъ Петербурга“, говоритъ только о предполагаемомъ, а не совершившемся прибытіи въ Россію Кельсіева и, имѣя значеніе простого слуха, полученнаго редакціею неофициальной газеты, не обратила до сего времени особаго на себя вниманія. Требованіе отъ Каткова и Леонтьева разъясненія, отъ кого

именно и когда получили они это извѣщеніе, и въ особенности, почему они дозволили себѣ опубликовать его безъ испрошенія на то разрѣшенія правительства, дасть совсѣмъ иной оборотъ дѣлу. Зная характеръ и направленія К. и Л., я не могу не опасаться, чтобы это требованіе не послужило поводомъ къ возбужденію въ москов. обществѣ еще большихъ слуховъ и догадокъ, чѣмъ какіе возникали отъ упоминаемой напечатанной и уже забытой статьи. А такъ какъ Кельсіевъ былъ въ Москвѣ и имѣлъ здѣсь единомышленниковъ, то это требованіе, о которомъ редакторы „М. В.“ не умолчатъ въ обширномъ кругу своихъ знакомыхъ, послужитъ только къ предостереженію лицъ, имѣвшихъ сношеніе съ Кельсіевымъ, подтвердивъ, что этотъ слухъ вѣренъ, что Кельсіевъ находится уже въ рукахъ правительства, и что правительство принимаетъ мѣры къ раскрытію преступныхъ сношеній съ заграничными выходцами“. Поэтому ген.-губернаторъ ждалъ повторнаго приказанія. Валуевъ понялъ и написалъ на бумагѣ: „это письмо, отвѣтъ на мои письма, есть не что иное, какъ результатъ изустнаго объясненія съ г. Катковымъ. Ген.-губ., не получивъ отвѣта, какого ожидалъ, находитъ и вопросъ неудобнымъ, хотя ему извѣстно, почему онъ сдѣланъ“. Вслѣдствіе личныхъ переговоровъ министра съ шефомъ жандармовъ, дѣлу не было дано ими дальнѣйшаго движенія, не увѣдомляя о томъ Ланского.

3 іюня Кельсіевъ былъ доставленъ въ III Отдѣленіе, 11 сентября освобожденъ отъ всякой отвѣтственности.

Въ указѣ сената министру вн. дѣлъ 10 ноября кратко изложено утвержд. приговоръ его отъ 30 марта 1865 г., указано на новый допросъ Кельсіева въ слѣдств. комиссіи Ланского и затѣмъ сказано, что 3 сентября государь „даровалъ Кельсіеву полное прощеніе“, возстановивъ такимъ образомъ его во всѣхъ прежнихъ правахъ. Помимо того, государь призналъ, что Кельсіевъ „по своимъ познаніямъ, знакомству съ дѣлами о расколѣ, объ униатахъ, о западныхъ и южныхъ славянахъ, дѣйствительно, можетъ быть съ пользою употребленъ правительствомъ“.

14 февраля 1870 г. Ланской указалъ министру вн. дѣлъ, что, несмотря на это и на желаніе Кельсіева поступить на государственную службу, „онъ встрѣчалъ въ томъ неудачи, лишавшія его донинѣ возможности оправдать милосердіе и ожиданія монарха. Съ другой стороны, главное управленіе по дѣламъ печати, по неизвѣстнымъ причинамъ, отказало Кельсіеву въ разрѣшеніи издавать газету съ чисто русскимъ, патріотическимъ направленіемъ, тогда какъ это же самое управленіе дало весьма лестное заключеніе о характерѣ авторской дѣятельности Кельсіева въ 1866 и 1867 гг., когда онъ помѣщалъ свои статьи въ русскихъ журналахъ подъ псевдонимомъ „Иванова-Желудкова“. Заключеніе это въ іюль 1867 г. было Ланскимъ доло-

жено государю, и онъ нашель его „совершенно справедливымъ“. „Личность Кельсіева близко извѣстна комиссіи. Его заграничная агитаторская дѣятельность была временнымъ, хотя и преступнымъ, увлеченіемъ молодости, — увлеченіемъ, отъ котораго онъ давно и чистосердечно отрекся, обратившись въ самаго преданнаго приверженца правительства. Тѣмъ не менѣ прошлая его дѣятельность не можетъ не возбуждать противъ него сомнѣній со стороны тѣхъ, которымъ неизвѣстно нравственное перерожденіе Кельсіева, — этому обстоятельству слѣдуетъ, по всей вѣроятности, приписать неуспѣшность его попытокъ вступить въ государств. службу. Я счель своимъ долгомъ сообщить объ изложенномъ в. п.—ву и рекомендовать благосклонному вашему вниманію Кельсіева, не только какъ чловѣка, вполне благонадежнаго въ политическомъ отношеніи и преданнаго интересамъ правительства, но и какъ основательнаго специалиста, могущаго принести существенную пользу по дѣламъ о расколѣ и объ уніатахъ? Если в. п.—ву угодно будетъ предоставить Кельсіеву во ввѣренномъ вамъ министерствѣ занятія по предметамъ его специальности, то, по полученіи мною вашего о семъ увѣдомленія, Кельсіеву будетъ предложено явиться къ вамъ“. *Дальнѣйшее* изъ дѣла не видно (Архивъ мин. вн. дѣлъ, дѣло канц. 1867 г. № 68).

3119. Письмо къ Н. А. Огаревой.

6 іюля 1867.

7, Boulev. Plainpalais.

Письмо твое я получилъ; оно мнѣ было необходимо и, хотя я имъ не очень доволенъ, но їду не съ тѣмъ тяжелымъ чувствомъ, съ которымъ бы ѣхаль безъ него.

Маленькія шалости я кладу совсѣмъ въ сторону; въ Венецію до будущаго года я не собирался, кухарку не ѣхать не уговариваль и не могу отвѣчать за глупую женщину, вдругъ отказавшуюся.

Natalie, помни, что и того мало, чтобы не упрекать и не жаловаться; упрекать можно изъ ревности и изъ невѣрія, жаловаться слабо, но надобенъ сверхъ того еще шагъ — не говорить о томъ, что не упрекаешь и не жалуешься.

Если бы ты смотрѣла на дѣло съ больше гуманной точки, ты сказала бы: лучше потеряй еще недѣлю, но устрой Чернецкаго. Тутъ рѣчь о кускѣ хлѣба для него и его жены. И это правда — я изъ-за него потеряль (и, можетъ, безъ пользы) цѣлую недѣлю.

Теперь главное кончено. Сдѣлай же, Natalie, чтобы я пріѣхаль къ тебѣ на отдыхъ. Сдѣлай, чтобы я чувствовалъ, что ты работаешь

надъ собой, и просто — чтобы мнѣ хотѣлось остаться дольше. Теперь послѣднее время я самъ чувствую, что или и впредь мы пойдемъ по камнямъ, или *именно теперь* ты можешь ближе прижаться ко мнѣ, поправить недоразумѣнія. Жди же меня прямо и просто и иди, какъ Тата, въ мои объятія, встрѣть меня ими и Лизой, и я буду въ *своей семьѣ*. Остальное все не важно, безъ этого все на песокъ и все хрупко.

Суббота. 9 часовъ.

Вчера я послалъ 500 ¹⁾ фр., везу съ собой 1.500 и Татѣ 300. Получили ли, т.-е. 500?

Я ѣду во всякомъ случаѣ въ половинѣ нынѣшней недѣли, такъ что, навѣрное, къ концу ея (ты не велишь писать, и потому я оставлю *dans le vague* ²⁾) я въ Ниццѣ.

Писать ко мнѣ не нужно больше; если-бъ что случилось, пусть Тата напишетъ Огар.

Тату обнимаю и Лизу.

А Сатину пиши о деньгахъ опять и опять. Ог. плохо.

Лизѣ поручается мнѣ приготовить сыру и какихъ-нибудь пикулей.

Скажи ей, что я въ Бернѣ и здѣсь купался въ водѣ въ *13 град.*

Татѣ скучно не будетъ, за это я отвѣчаю. Ей надобны занятія — они будутъ.

Часы твои идутъ превосходно.

Итакъ,

До свиданья!

3120. Письмо къ М. К. Рейхель.

6 июля (1867).

7, Boulevard Plainpalais.

Старый другъ, — и тѣмъ самымъ лучше новыхъ двухъ, — пишу вамъ, чтобы сказать, что я истинно и искренно очень доволенъ моею поѣздкой къ вамъ, и, повторю, всего больше тѣмъ, что въ вашемъ кругѣ свѣтло отъ работы и чисто отъ нея же. Для тѣни вы выписали, я думаю, нарочно Лионовъ. Помѣщичья руина, онъ похожъ *tantou* риосо ³⁾ на того потеряннаго таракана, который, какъ рассказывалъ

¹⁾ Если не блучили, телеграфируй въ понедѣльникъ и даже во вторникъ и справьтсь на почтѣ; письмо было на имя Таты. А. И. Г.

²⁾ Въ неопредѣленности.

³⁾ Точь въ точь.

Карль Ив. Зонненбергъ, попавши въ сито, говорилъ: „Дыръ много, а выйти некуда“

Дѣтей, мнѣ кажется, вы балуете физически, но чувствую, что послѣ болѣзней дѣлать нечего; старайтесь ихъ укрѣпить къ ноябрю. Климатъ въ Бернѣ дрянной. Да, еще: вы, кажется, немного слишкомъ миколите Алекс. Вы не сердитесь, я говорю, что въ голову придетъ.

Далѣе, помните, что я на вашихъ дѣтей смотрю, какъ на родственниковъ, и во всякомъ случаѣ, *теперь и послѣ* считайте не только на меня, но и на дѣтей моихъ.

Вчера я послалъ Эрнсту и Максу книги, — у меня лежали на душѣ дрянные подарки.

Бду я во вторникъ, въ 3 часа. Если скоро отвѣтите, я получу, а не то пишите въ Ниццу по адресу Таты: 7, Promenade des Anglais.

Еще скажите Адольфу Фогту, что я его много уважаю; диссертацію пришлю изъ Ниццы.

Рейхеля обнимаю.

Addio.

Въ среду я ужъ обѣдаю съ Татой.

3121. Письмо къ Н. П. Огареву.

№ 1.

10 июля 1867.

7, Promenade des Anglais.

Приѣхалъ въ 3 часа. Всѣхъ засталъ веселыми и въ порядкѣ, Тату въ головной боли, но цвѣтущую; N. для prime abord¹⁾ очень дружелюбно встрѣтила.

Жаръ на дорогѣ былъ силенъ отъ 9 часовъ, но сносно.

Я забылъ въ Женевѣ лучшіе панталоны; вѣроятно, со временемъ ихъ можно прислать. Не понимаю, какъ они остались.

Вещей вовсе не смотрѣли.

Прощай.

Лиза благодарить и говорить, что очень мнѣ рада.

Аминь.

Тх. поклонъ.

¹⁾ Первая встрѣча.

3122. Письмо къ С. Тхоржевскому.

14 июля 1867.

7, Prom. des Anglais.

Любезнѣйшій Тхоржевскій, я очень былъ доволенъ вашимъ извѣщеніемъ и жду съ нетерпѣніемъ окончанія. 500 фр. не нужно брать у Поворни, я ихъ Чернец. далъ впередъ на будущую работу. Я послалъ форму объявленія о типографіи, т.-е. о перемѣщеніи ея. Пожалуйста, устройте нѣсколько объявленій у Вересова ¹⁾ въ журналѣ и три въ „Journal de Genève“. Необходимо съ Вер. переговорить объ вывѣскѣ. Я прошу ее сдѣлать на мой счетъ, красиво, какъ на лучшихъ магазинахъ, по-русски и по-французски:

„Вольная русская типографія. Imprimerie russe L. Czerniecki“ ¹

Сегодня, т.-е. въ семь утра, ѣдемъ въ Монако до вечера. Жаръ до сихъ поръ стоитъ; до 6 вечера никто по улицамъ, по крайней мѣрѣ, по солнцу, не ходитъ. ночи и вечера теплы, какъ въ банѣ, но съ моря постоянно вѣтеръ. Въ комнатахъ прохладно, оттого что во всемъ городѣ ставни закрыты, и окна открыты внутрь и постоянно сквозной вѣтеръ. Зато, выходя на улицу изъ темноты, можно ослѣпить. Въ сущности, все же, климатъ здѣсь лучше, чѣмъ въ Швейцаріи. Если-бъ не комары...

Прощайте. Книгу Черныш., изд. въ Жен., пришлите, когда будете что-нибудь посылать; выпишете ее отъ Бенды ²⁾ или купите.

Отдайте слѣдующую страницу Чернецкому. Нат. { Алексѣевна
Александр.
и Лиза кланяются. Кухарка здѣсь хороша, но провизіи мало (кромѣ рыбы, все портится отъ жара).

Будьте здоровы.

Бывшая горничная моей матерн ³⁾, которая тонула съ ней и которая имѣла здѣсь ресторанъ, сняла отель величиной съ Eau de Genève... Вотъ что значитъ настойчивая работа; я не надивлюсь.

◆ I. Съ 1 сентября 1867 г. Вольная русская типографія, переланная Герценомъ еще раньше въ собственность Л. Чернецкому, была переведена въ лучшую часть Женевы, — бывшее зданіе почты: Place Bel-Air, Ancien Hôtel des Poste, an 1-er. Въ томъ же домѣ помѣщалась фирма Вересова.

1) A. Vérosoff et L. Garrigues, книгопродавческая фирма въ Женевѣ.

2) Книгопродавецъ.

3) Адельгейда

3123. Письмо къ Н. П. Огареву.

№ 3.

17 июля (1867).
7, Prom. des Anglais.

Давиенько нѣтъ писемъ. Дѣло Берез., вѣроятно, ты читалъ in extenso, дебаты — конечно, блестяще для Франціи и двойной плюхой для престолотечества. Сравни все съ каракоз. процессомъ. Да и самъ Березовскій выросъ въ мученика. Я посылаю нѣсколько строкъ въ „смѣсь“, да еще о „Гминѣ“ въ спасибо за превосходныя статейки ихъ.

Жары сильныя, но жить бы можно, если-бъ не закрытыя окна отъ комаровъ въ спальняхъ. На сквозномъ вѣтрѣ хорошо. Къ тому же всѣ купаются. 14 мы были въ Мопасо и тамъ тоже купались. Я водилъ дамъ показывать казино и большую игру, поставилъ золотой и проигралъ. А впрочем, на дверяхъ написано: „Французскіе подданные не впускаются“. Къ этому и Флорестанъ¹⁾ прибавилъ: а также и „подданные принца Мопасо“. Такъ-таки наивно и сказано: лупи иностранцевъ, сирѣчь англичанъ и русскихъ, пожалуй, американцевъ. Herrlich!²⁾...

Дома все печально. Отвѣтомъ на мои замѣчанія объ ужасномъ воспитаніи Лизы (по плюсу и по минусу) пошли упреки и, наконецъ, предложеніе ее отдать въ Кольмаръ въ пансіонъ. Мое мнѣніе ты знаешь, — не вовсе не за пансіоны, но при этихъ обстоятельствахъ я не вижу другого спасенія; только я не вѣрю, чтобы это было въ самомъ дѣлѣ. Съ тѣхъ поръ жизнь ухудшилась настолько, что я предложилъ, подъ предлогомъ осматриванія учебныхъ заведеній, уѣхать изъ Ниццы до сентября и далъ срокъ 24 часа: или измѣнить тонъ или отпустить меня. Мнѣ больно за Тату да даже и за Лизу.

Несчастливая женщина... лишь бы все безуміе не обрушилось на Лизу.

Прощай.

Я давалъ урокъ Лизѣ о Рюрикѣ, Олегѣ и др. Все слушаетъ, все помнить и учиться легко. Не постигаю, что за неумѣнье. Если пансіонъ — истина, въ сентябрѣ переѣзжать.

Отъ Тхор. получилъ отъ 16-го отвѣтъ на мое письмо отъ 14. Письмо твое сейчасъ получилъ.

1) Принцъ Монамо.

2) Прекрасно.

3124. Письмо къ Н. П. Огареву.

19 июля (1867).

7, Prom. des Anglais.

Н. посылаетъ тебѣ прилагаемый портретъ, а ты скажи мнѣ, сразу ли узналъ? Чтò за удивительная голова, чтò за печаль, за сила мысли... это просто красота. Оригинальная фотографія еще лучше и гораздо.

Новаго ничего. У насъ потише; на нѣкоторыя перемѣны въ воспитаніи Лизы я настоялъ и даю ей всякій день уроки. Меня одного она слушаетъ, и Татѣ при мнѣ легче съ ней. Можно многое, исправить и двинуть впередъ. Скрѣпя сердце, Н. уступаетъ, — значить, *отливъ*.

Лиза начинаетъ плавать одна, безъ куржей¹⁾. Море остается главной игрушкой.

Жаръ силенъ. Но со всѣмъ тѣмъ, что ни толкуй, жить можно только въ этихъ полосахъ. Богато хороша, изящна природа и какъ-то гуманнѣе швейцарской. Тата согласна, что здѣсь, и до Генуи — Специи, красивѣе Флоренціи. Теперь, при перемѣщеніи капиталовъ, легко было бы купить дачу здѣсь или возлѣ Генуи (я даже думаю съѣздить туда), но „не подымается рука“. Безобразная triada наша, или трирасщепленіе, дѣлаетъ все невозможнымъ. Одна Тата — я это вижу — готова и будетъ, пока можно, жить вмѣстѣ. Можетъ, всего досаднѣе, что и наша-то жизнь, т.-е. твоя и моя, не можетъ итти вмѣстѣ и сурово разведена такъ, что концовъ не свяжешь.

Жаль, очень жаль, что все стало мечтой... Nous ne l'avons pas voulu,²⁾ и крестъ положенъ по заслугамъ, но логичность того, что въ иныхъ случаяхъ носъ проваливается, не утѣшаетъ пациента.

Чума Ниццы, это — страшнѣйшая вонь въ старомъ городѣ. Это ужасъ при 30°. Не сдѣлано ничего для дренажа (о, А. Фогтъ!), и при этомъ жарѣ нечистоты и гнилая рыба дѣлаютъ весь городъ клоакой. Мы внѣ этой атмосферы, для поясненія чего посылаю планъ. У насъ совершенно чистый морской вѣтеръ...

Прощай.

¹⁾ Courge — тыква, вспомогательный аппаратъ для плавания.

²⁾ Мы этого не желали.

3125. Письмо къ сыну.

(17 іюля 1867).

Tout ce que l'on conçoit bien s'énonce
Et les mots pour le dire arrivent clairement aisément¹⁾.

Ты это испыталъ очень хорошо, твои чтенія о предметѣ тебѣ ясномъ *были ясны*, и ты за словами не останавливался. Уже въ спорѣ объ *libre arbitre* ты больше бралъ усердіемъ и военной атакой, а потому мнѣ сдается, что ты напрасно ссылаешься на русскій языкъ. Ты взошелъ въ предметъ случайно, да и хотѣлъ его разрубить сплеча, а онъ стоитъ рефлексовъ, — такъ легко не рубится.

Всѣ конкретные вопросы, особенно въ которыхъ спутана традиція и революція, религіозная отрыжка и социальный перестрой, вовсе не податливы.

Ты пишешь, что *много*, что всю жизнь думалъ объ этихъ вопросахъ семьи и пр. Смотри прямо и, насколько возможно, объективно на себя и не идеализируй и не фантазируй. Въ 1860—61 году ты былъ подъ вліяніемъ старушки Фогтъ, практически устроившей прекрасно семью, по чисто нѣмецкимъ понятіямъ, съ примѣсью Гете и *Spieszbürgerlichkeit*²⁾ — отсюда и сентиментальныя *überspannte Gedanken*³⁾ и съ ними періодъ tanto роко буржуазнаго сватовства, потомъ обрѣтеніе второго идеала въ семьѣ Шиффъ.

Далѣе бесѣды съ Мейзенб., которая пушена, какъ волчокъ безъ компаса, по морю, по океану всѣхъ мнѣній. Вездѣ благородная, вездѣ въ идеализмъ сороковыхъ годовъ.

Отъ меня, отъ Огар. *ты всего меньше занялъ*⁴⁾. Общихъ правилъ нѣтъ, но есть импровизація поведенія, пониманіе, тактъ, эстетика поступковъ, до которой развитой человѣкъ доводитъ себя, и которая составляютъ нравственный кругъ его дѣйствій и формы ихъ.

Я снова ставлю вопросъ: *что* такое чистота и нечистота, *что* такое плотоумерщвленіе, *что* грѣхъ и не грѣхъ? Нельзя же, по бабьи, довольствоваться словами, избившимися въ катехизисъ и всѣхъ моральныхъ книгахъ, и не критиковать, не разбирать.

Я навожу тебя на путь; сколько сумѣешь пройти по немъ — твое дѣло. Мнѣ жаль, что я не прочту Огар. письма.

1) Все, что хорошо понимаешь, можно выразить; слова для этого найдутся ясныя, легкія.

2) Мелкое мещанство.

3) Состояніе мышленія, когда многое представляется въ преувеличенномъ видѣ.

4) Опускаю нѣсколько строкъ, по желанію семьи.

По финанс. дѣлу ты все такъ же плоховато понимаешь. 1 янв. 1868 Америка отдастъ мнѣ 60,000 дол. и *затѣмъ* — *баста процентовъ*. Ротш. завѣрилъ, что онъ получить *au pair*¹⁾ — (золотомъ). Затѣмъ финаль %. Стало, поупку надобно сдѣлать, — бумаги ли, дома ли, пароходъ или аэростатъ, но такой, который бы давалъ *навѣрное десять лѣтъ минимумъ шесть %*. Хлопочи, нищи, узнавай; я тебѣ охотно дамъ 100,000 фр. на лучшую поупку, и гораздо больше, если вы хотѣли бы купить втроемъ. Узнавай, не очень разглагольствуя. Я, напр., увѣренъ, что по дорогѣ отъ Ниццы въ Геную, гдѣ желѣз. дорога, можно купить удивительно дешево дома и перепродать черезъ пять лѣтъ вдвое, втрое. Съ системой ипотекъ за $\frac{1}{3}$ наличнаго капитала всегда можно купить.

Но на все это слѣдуетъ трудъ.

Адельгейда, которая тонула въ 1851, держитъ здѣсь *restaurant*, а съ 1 октября сняла *hôtel* величиной съ *Hôtel des Bergues*.

Дѣло Берез., если ты не читалъ, прочти все. Что за милый святой и что за дитя! Онъ чистотой спасся *travaux forcés*²⁾ не на вѣки. Алекс. Ник. сильный урокъ.

18 июля. Жаль мнѣ, ужасно жаль, что Лизино воспитаніе идетъ черезъ пень колоду. Жаль, что всякая связь между ей и тобой съ Ольгой ослабнетъ. Тата ей полезна, но, все же, должна будетъ ухажать. Я вовсе не рѣшилъ, когда поѣду; можетъ, назначу свиданье въ Генуѣ и приѣду въ 68 году.

Чернецкому мы прискакали и устроили одно хорошее дѣло; не знаю, удастся ли.

Затѣмъ, прощай.

Nice, 7, Promenade des Anglais, au 2.

19 июля. Пятница. — Забылъ вчера послать.

Все ладно и еще прощай.

3126. Письмо къ Н. П. Огареву.

22 июля (1867).

7, Prom. des Anglais.

Переписка наша не идетъ, видно, за неимѣніемъ матеріала, а потому я начну съ печатнаго. Неужели слѣдующія статьи существуютъ въ сводѣ уг. зак.? Ихъ цитировалъ Эман. Араго при защитѣ Березовскаго. Если такъ, напечатай переводъ въ „смѣси“.

1) По номинальной цѣнѣ.

2) Отъ каторжныхъ работъ.

„Art. 1425. On doit dénoncer dans le cas de ce genre de crime non-seulement les principaux coupables, mais aussi ceux qui leur ont accordé leur aide, ou donné leur conseil, ou *qui avaient l'intention de commettre le crime quoiqu'ils ne l'aient pas réalisée*: on doit les dénoncer non-seulement en se fondant sur des preuves évidentes et sûres, *mais aussi dans le cas où l'on ne peut se fonder que sur ies récits et les ouï-dire des autres*.

„Art. 1426. Si quelqu'un déclare à son confesseur à la confession qu'il a un mauvais projet contre l'honneur et la vie de l'empereur; ou qu'il se propose de faire une révolte ou d'accomplir une trahison et si, en le déclarant, il ne manifeste ni regret, ni intention de renoncer à son projet, mais s'il le confesse uniquement pour s'affermir dans son projet criminel par le silence du confesseur, celui ci doit le dénoncer immédiatement, vu qu'une confession pareille n'est pas régulière, car *le pénitent n'a pas manifesté de regret sur tout ses péchés*“¹⁾.

Чернецкій мнѣ прислалъ корректуру, *которую я просилъ не присылать*, сибирской статьи, недостаточно франкировалъ и надписалъ: „Nisse“, вмѣсто „Nice“. Я ее отсылаю и прошу объ одномъ: чтобъ безобразнѣйшій наборъ заглавія измѣнить совсѣмъ (если вы сами не догадались).

ПРИМѢЧАНІЯ—можно немного поукрупнѣть

— огромнымъ заглав.
Ital.

Какъ же Чернец. poster²⁾ такъ мало шеголь въ дѣлѣ печати? ³⁾

Сегодня N. получила 3 письма изъ Россіи. Ал. Ал. въ Москвѣ, куда пріѣзжалъ по случаю сильной болѣзни Мар. Ал.⁴⁾ Онъ пишетъ, что онъ узналъ и что никакихъ препятствій на возвращеніе N. нѣтъ, и онъ зоветъ ее съ Лизой *на два года въ Яхонтово* за нимъ походить. Вотъ твое предположеніе-то и сбылось бы.

Въ газ. видѣлъ, не безъ радости, что у Маршева⁵⁾ сгорѣла фабрика.

Вчера были въ Ville Franch'ѣ и Saint Jean. Лиза прыгаетъ въ море (она писала тебѣ) съ досокъ⁶⁾.

1) Напечатано въ прибавочномъ листѣ „Кол.“ 1 августа.

2) Нашъ.

3) Въ „Кол.“ сдѣлано наоборотъ, т.-е. не измѣнено, какъ хотѣлъ Герцень.

4) Деспотъ-Деновичъ.

5) Прежній компаніонъ Огарева.

6) Сдѣланъ рисунокъ досокъ, выходящихъ въ море, съ висящимъ концомъ, уклона дна и фигуръ Таты и купальщика, стоящихъ по бокамъ Лизы. Надпись: „Глубина аршина три-четыре да аршина два до моря“, т.-е. до уровня воды отъ досокъ.

Лугин. сошелъ съ ума: получилъ отъ Черкес. 150 руб. для Сер.-Сол. и пишетъ, что послалъ мнѣ въ Ниццу. 1-ое, ошибся въ адресъ, и я денегъ не получилъ, 2, зачѣмъ же онъ меня мѣшаетъ въ эту грязь? Я его разругалъ какъ слѣдуетъ.

Прощай.

3127. Письмо къ Н. П. Огареву.

27 іюля (1867), суббота.

Новостей мало. У меня былъ страшный поносъ и теперь еще не прошелъ, съ рѣзью à la cholera. Журналовъ русскихъ нѣтъ.— всѣ перехвачены. Это очень досадно: такъ я и не увижу все мерзкоблеваніе по поводу Берез. процесса.

Напомни Чернец., что, если дѣло состоится, подобаетъ афишу monstre.— въ прибав. къ „Колок.“ и въ „Journal de Genève“ (послѣд. на мой счетъ). Если есть мѣсто лишнее, надобно разгонистѣе печатать.

Н. Сат. писала. Но, все же, я думаю, саго тію, безразсудно разсчитывать на бѣдшую сумму, какъ 6.000 въ годъ. Ты, кажется, ошибся и полагаешь, что я деньги оставилъ до 1 сент., а я оставилъ до 1 октября. Ты пишешь объ уплатахъ, — онѣ всегда будутъ, надобно строгій бюджетъ.

Я гарантирую 6.000 и, если бы Сат. гроша не прислалъ, но не больше, — да и ты самъ не захочешь. Отчего, финансистъ ты этакій, Рейхелю, Шиффу, А. Фоггу, которые лучше тебя живутъ, имѣютъ дѣтей, пріемъ, достаточны 5—6.000? Ужъ не вино ли дѣлаетъ брешь? Обсуди хладнокровно и мужественно, а пока вотъ тебѣ счетъ за 1867

Отъ Сатина.	3.300
Отъ меня.	250
Два чека.	1.200

4.700 + 150 за маленькаго.

Его, до 6.000 слѣд. получить:

1.200 + 150 (за Сашу) = 1.400 до 1 янв. 1868. Зачѣмъ же мѣняли чекъ, когда я, *предвидя*, написалъ 1 августа?

Прими это, какъ Warning¹⁾, благодушно. Я скажу откровенно, что по твоей жизни 6.000 достаточны; если-бъ было больше — с'est un autre²⁾ дѣло, хоть 60.000.

1) Предупрежденіе.

2) Это другое.

Что же сдѣлалъ Лугин. съ 500 фр. Сер.-Сол? Я не получилъ. Онъ послалъ черезъ Credit au travail; никто здѣсь не знаетъ, что это такое. А, вѣдь, почта возитъ исправно до 4.000 и отвѣчаетъ.

Я сегодня спалъ первую ночь послѣ прїѣзда сюда; устроилъ, наконецъ, кузиньеру¹⁾, такъ что комары не могутъ подлетать.

Addio.

28, воскр.

Сегодня сирокко, — душно, нервно и очень хорошо; небо на египетскій манеръ накалилось на горизонтѣ и море бурное.

Письма поздно ты получаешь потому, что я ихъ отправлю вечеромъ, — по жару нельзя ходить.

Если что услышишь особенно гнуснаго изъ русскихъ статей, сообщи.

Все послѣднее время Лиза вела себя гораздо лучше. Тата irréprochable²⁾ на²⁾ съ ней, — и такую помощь N. упускаетъ изъ рукъ безъ сожалѣнія. Она охотно осталась бы еще долго... но при постоянно недовольномъ взглядѣ она, пожалуй, черезъ мѣсяцъ уѣдетъ. Теперь опять (съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ) штиль...

Насчетъ ума Лизы нечего беспокоиться, — умомъ она растеть; но что ты скажешь на то, что N. допустила ее почти совсѣмъ забыть по-русски въ то время, какъ Лизав. сохранила ей англійскій языкъ? Изъ-за этого были баталіи.

Поносъ прошелъ. Я принималъ опиумъ съ какой-то дрянью; это была дисентерія.

Прощай.

Тата кланяется; она еще не получила твоего обѣтованнаго письма. А Саша получилъ ли?

Письма нѣтъ, Посылаю вечеромъ, слѣд., ты долженъ получить во вторникъ, можетъ, вечеромъ въ Лансу. Напиши для свѣдѣнія.

Я написалъ борзую статейку по-французски; не послать ли въ „Liberté“ Жирандену? На это отвѣчай въ первомъ письмѣ.

1) Cousinière — пологъ для защиты отъ комаровъ.

2) Irréprochable — безупречный.

3128. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

28 (іюля 1867), dimanche.

Je n'ai pas beaucoup à ajout. La lettre de Tata est grandissime. Je remercie Malvida pour sa lettre — elle est comme toujours bonne et me pardonne mes petites tracasseries sur la lecture de Cobden etc.

Où allez-vous? — Quand?

On pourrait peut être arranger une entrevue de Tilsitt — mais n'espérez pas que je vinsse (c'est à Dom. de décider si on peut dire cela) à Florence avant la nouvelle année.

Au reste ne vous hâtez pas de quitter — „la reine de l'Adriatique“ — Vous ne verrez rien de mieux.

Saluez de ma part Otrembo (chez Munster) et le comte Chotomsky (partout).

Votre

Phocéén¹⁾.

Ольга — NB. Pour lecture „I promessi sposi“, „La disfida di Barletta“ Walter Scott.

Переводъ

28, воскресенье.

Нечего мнѣ много добавлять. Письмо Таты огромнѣйшее. Я благодарю Мальvidу за ея письмо — она, какъ всегда, добра ко мнѣ и прощаетъ мои маленькія придирки относительно чтенія Кобдена и пр.

Куда вы ѣдете? — Когда?

Быть можетъ, возможно будетъ устроить „тильзитское свиданіе“ — но не надѣйтесь, чтобы я пріѣхалъ (пусть Дом.¹⁾ рѣшить, можно ли такъ выразиться²⁾ во Флоренцію до новаго года.

Впрочемъ, не торопитесь покинуть „царицу Адриатики“ — вы не увидите ничего лучшаго.

¹⁾ Je pense que vous savez que Nice a été bâtie par les Phocéens et a été habitée par des faux italiens. A. H.

²⁾ Домавже.

³⁾ Вопросъ относится къ предыдущей глагольной формѣ — que je vinsse, чтобы я пріѣхалъ — кстати, вполнѣ правильной.

Поклонитесь отъ меня Отрембо (у Мюнстера) и графу Хотомскому (гдѣ бы то ни было).

Вашъ фокіецъ ¹⁾).

Ольга — *NB.* Для чтенія „I promessi sposi“ ²⁾, „La disfida di Barletta“ ³⁾ Вальтера Скотта.

3129. Письмо къ Н. П. Огареву.

29 (юля 1867), понедельникъ. 10 утра.

Письмо, писанное 25, послан. 27, я получилъ 29 и сейчасъ отвѣчаю. Чернецк. прислалъ „Колоколь“. Что это за безобразіе: „Благо есть мѣсто“ на бѣлой страницѣ, заглавіе моей статейки, распущенное въ цѣлую строку... Что онъ съ ума сошелъ? Это такъ глѣзно; что мы погибнемъ подъ бременемъ хохотѣ. Исправь и осганови. Далѣе, развѣ онъ моей корректуры не получилъ? Ни одной поправки нѣтъ; или я мечталъ, что поправили?

Ламентации о газетахъ положи предѣлъ въ Café de la couronne. Одна рѣчь — не пословица.

Что объ этихъ статьяхъ свода было въ „Сиб. Вѣдомостяхъ“?

Бѣлая страница въ „Кол.“ съ надписью у меня передъ глазами... Ну, если вы такъ махнули!? Лучше было бы бѣлый заглавный листъ,

Приб. листъ и пр. *мельче*,

Заглавіе статьи *крупнѣе*.

Быть 11 лѣтъ типограф. и не умѣть этого!

Лиза сегодня первый разъ бросилась съ помоста въ море одна, совершенно одна и очень гордится. Разумѣется, все это дѣлается Татой.

Послѣд. время довольно тихо. Въ Россію я не пушу, въ остальномъ на меня находить какая-то резигнаціонная злоба.

Тата совершенно понимаетъ положеніе и хотѣла бы; чтобы Ольга пріѣхала... Я не говорю ни слова. Но что будетъ 20 сент. (срокъ квартиры)?

¹⁾ Я полагаю, вамъ извѣстно, что Ниццу выстроили Фокійцы, а обитали ее фальшивые италіанцы.

²⁾ „Обрученные“, знаменитый романъ Манцони.

³⁾ „Вѣроломная изъ Барлетты“.

Читаю романъ Черныш. Господи, какъ гнусно написано, сколько кривлянья...¹⁾, что за слогъ! Какое дрянное поколѣнье, котораго эстетика этимъ удовлетворена. И ты, хвалившій — куртизанъ! Мысли есть прекрасныя, даже положенія, и все полито изъ семинарски-петербургски-мѣщанскаго урильника à la Niederhuber.

Ну что же твоя философія нашей жизни?

3130. Письмо къ Н. П. Огареву.

30 іюля (1867).

И еще письмецо пришло. Не бойся отпора и пиши. Я отнесусь безъ *arrière pensée*²⁾ и съ уваженіемъ (внутренняго честнаго разбора) къ твоей философіи жизни. Не вѣрю въ нее, потому что знаю твою реконструкцію жизни и распространеніе амнистіи на насъ самихъ. Мы поступали вообще безхарактерно и распущенно, въ силу чего такъ же распустили все вокругъ. За это насъ бьютъ слѣдствія, и мы къ концу жизни ведемъ дрянную, узкую, неустроенную жизнь. Мы даже не умѣли устроить своей жизни вмѣстѣ, а обстоятельства насъ разведутъ еще дальше. Что жь, Огаревъ, можно сказать противъ этого?

Я не знаю, что Н. хочетъ, какой официальнойности нашихъ отношеній? Я, наконецъ, приступилъ къ горлу съ вопросомъ: „Я на все согласенъ, да что дѣлать? Ну что?.. Я не знаю, чего же ты требуешь?“. Когда нельзя было не отвѣчать прямо, она принялась за упреки и объявила, что какъ Лизу отдастъ, уѣдетъ куда-то. Все это дѣлается, какъ только я, было, наладилъ немного получше Лизино воспитаніе... Я, дѣйствительно, исхожу въ безсиліи, не могу и съ Татой всего говорить... Бросить Лизу одну въ Кольмаръ тоже мнѣ противно... И все-то это дѣлается подъ именемъ любви!..

Скажи, что же мы за публици., когда работаемъ два года и не можемъ найти средства переслать вѣсть С—ну³⁾? У насъ нѣтъ съ Россіей связи. Необходимость дать имъ *Warnung* въ дѣлѣ Н. ясна... Руки опускаются.

31 іюля. Отвратительная встрѣча. Лиза забыла у Висконти свою мантилью. Я съ ней пошелъ и въ дверяхъ носъ съ носомъ встрѣтился съ Ковалевскимъ⁴⁾, такъ что и разойтись мельзя было. Я

1) Слово не разобрано.

2) Задней мысли.

3) Сатинъ.

4) Владиміръ Онуфріевичъ. 1

руки не подалъ, но поклонился, сказавъ нѣсколько словъ. Глупъ онъ былъ, и дерзокъ, и сконфуженъ. Я очень недоволенъ. И зачѣмъ же этотъ человѣкъ въ Ниццѣ, зачѣмъ онъ вообще безпрестанно ѣздитъ? Вездѣ, какъ грибокъ. Лицо его стало ужасно, исхудалъ, вдвое прыщей. Такъ снова и пахнуло на меня изъ эллипдныхъ мѣстъ, и твоя сентенція пришла въ голову: „Къ Женевѣ надобно привыкать“.

Какъ только я уѣзжаю, у тебя часть жизни покрывается завѣсой тайны. Ты ходишь на „необходимыя свиданія“, „встрѣчи“, ты видишься съ таинственными г-ми, — ужъ просто бы, безъ алгебры. Повѣрь мнѣ, что тайнъ нѣтъ, да и то еще, что au jour d'aujourd'hui¹⁾. Пусть читають, что ты видѣлся съ Мечниковымъ и даже съ Жуковскимъ.

А прогос. Ковалевскій успѣлъ мнѣ сказать, что видѣлся съ Лугининымъ. Онъ мнѣ не отвѣчалъ насчетъ денегъ С.-С.; я начинаю убѣждаться, что и онъ плохъ, т.-е. Лугининъ.

Прощай.

Русскія газеты совершенно не доходятъ. Жду о Чернецк. Что спасъ ли ты приб. къ „Колоколу“?

Ученую статью предложи Вырубову (пожалуй, я напишу); его адресъ: 5, Rue des Beaux Arts. Твою „ситуацію“ *refondue*²⁾ можно напечатать въ сборникъ, о которомъ мечтаю. Русскій „Кол.“ мнѣ всего противнѣе.

Насчетъ переписки натягивать нечего. Когда нѣтъ матерьяла, довольно два письма въ недѣлю; такъ я и руководствуюсь. Въ замедленіе не очень вѣрю. Вы бросаете письма зря, т.-е. не наблюдая часа. Это письмо, если я пошло, пошло вечеромъ; стало, оно вечеромъ 2 августа и придетъ; а если-бъ послалъ утромъ, т.-е. теперь, пришло бы въ Женеву въ обѣдъ завтра. Въ Petit Lancy почта ходитъ разъ.

Доброе дѣло, что провѣтрилъ Тхор. на Салевъ.

Какая жалость, что романъ Чернышевскаго писанъ языкомъ ученой передней, — въ немъ бездна хорошаго.

◆◆ 1. Охлажденіе къ Ковалевскому было результатомъ слуховъ, изложенныхъ въ письмѣ Бакунина къ Герцену отъ 28 сентября 1866 г.:

„О томъ, что будто В. Ковалевскій — корреспондентъ III Отдѣленія, я услышалъ впервые отъ Утина и вотъ по какому случаю. Услышавъ,

1) Въ свѣтъ нывѣшняго дня.

2) Переправленную, совершенно передѣланную.

что Утинъ (Николай) отзывается такимъ образомъ о немъ въ домѣ Оболенскихъ, я, имѣвшій дотолѣ доброе мнѣніе о Ковалевскомъ, потребовалъ Утина къ отвѣту. Утинъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ обвинялъ его, не зная его, на основаніи положительныхъ фактовъ, переданныхъ ему другими друзьями; факты: общее мнѣніе въ Петербургѣ — разрывъ съ невѣстою, разрывъ съ передовыми кружками, настоятельность, съ которой Ковалевскій требовалъ списки именъ людей, подписавшихся въ пользу сосланныхъ, наконецъ, его постоянное и удивительное счастье при арестѣ большей части его знакомыхъ и пріятелей, — факты, какъ ты самъ говоришь, положительно еще ничего не доказывающіе, — но, если они справедливы, въ совокупности, все-таки, довольно странные. Друзей, отъ которыхъ онъ все это слышалъ, Утинъ не хотѣлъ мнѣ назвать, вслѣдствіе чего я ему замѣтилъ, что обвинять громко человѣка въ шпіонствѣ, не называя своихъ источниковъ и не приводя положительныхъ доказательствъ, не благородно, не честно, а также и не совсѣмъ безопасно. На что Утинъ мнѣ отвѣчалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ лично познакомился съ Ковалевскимъ, онъ самъ усомнился въ справедливости обвинения. На этомъ мы съ нимъ покончили, Утинъ — пустой и тщеславный мальчишка. Важнѣе было для меня показаніе М—(ордвиню—М. Л.)ва, натуралиста, котораго я отъ души уважаю, какъ человѣка умнаго, серьезнаго и добросовѣстнаго. Онъ самъ лично также ничего не зналъ положительнаго противъ Ковалевскаго, но слышалъ многое отъ разныхъ людей въ Швейцаріи и въ Германіи, особливо же въ первой и именно въ обществѣ, окружающемъ Якобія. М—въ, впрочемъ, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ весьма осторожно, долго не говорилъ никому ничего и заговорилъ только тогда, и то въ весьма тѣсномъ кружкѣ, когда былъ вызванъ къ тому показаніями Утина. Впрочемъ, ты можешь узнать всѣ подробности, касающіяся до М—ва, изъ письма, написаннаго имъ недавно къ брату, вслѣдствіе воинственной телеграммы Ковалевскаго ко мнѣ, въ которой, не знаю съ какой стати, онъ грозитъ М—ву неумолимымъ гоненіемъ.

„Справедливо, что я собирался имѣть съ Ковалевскимъ объясненіе, очень затруднительное, впрочемъ, потому, что ни М—въ, ни Утинъ не давали мнѣ права назвать ихъ, такъ что я хотѣлъ сказать Ковалевскому, что слухи о немъ дошли до меня изъ Германіи, вслѣдствіе чего нѣсколько разъ приглашалъ Ковалевскаго къ себѣ, но онъ не пріѣхалъ, такъ что никакого между нами объясненія не было, и я не могъ ни обвинить, ни оправдать его. Правда также, что я, не сдѣлавшій ни ему, ни брату его ни одного визита, пріѣхалъ къ нимъ проститься, положивъ, за неимѣніемъ достаточныхъ фактовъ, не трогать болѣе этого дѣла, о которомъ никому не говорилъ и не писалъ, но соблю-

дая вмѣстѣ съ тѣмъ во все пребываніе Ковалевскаго въ Неаполь самую строгую осторожность.

„Вотъ все, что я вамъ могу сказать, друзья, объ этомъ дѣлѣ. Прилагаю письмо Ковалевскаго ко мнѣ, полученное мною сегодня же, и мой отвѣтъ, который прошу васъ ему переслать, если онъ еще въ Швейцаріи“ („Письма“, 167—168).

Насколько я могу судить, исходя изъ общаго знанія людей эпохи шестидесятыхъ годовъ и жандармскихъ связей, мнѣ кажется, что все это было сплошнымъ недоразумѣніемъ; въ архивѣ III Отдѣленія мною не найдено ничего за обвиненіе Ковалевскаго, но есть слѣды, что въ 1867 III Отдѣленіе составило справку о его политической неблагонадежности и послало ее начальнику главнаго управленія по дѣламъ печати Щербинину.

3131. (Отъ издателей).

Только-что мы отпечатали двойной листъ „Колокола“, которымъ заключили *первое десятилетіе* его, какъ получили чрезвычайно занимательныя и бойкія „Примѣчанія къ будущей исторіи нашихъ завоеваній въ Азіи“. Безъ сомнѣнія, мы не отвѣчаемъ за оцѣнку лицъ — это остается на совѣсти писавшаго, но все изложеніе носить въ себѣ печать истины и наблюдательности. *Благо есть мѣсто* — и мы прибавили нѣсколько строкъ.

Если мы снова получимъ статью такого интереса, какъ „Примѣчанія“, мы издадимъ *второй прибавочный листъ*.

3132. Судъ въ Парижѣ и убійство въ Петербургѣ.

Какая разница между простымъ судопроизводствомъ по дѣлу Березовскаго и дикимъ ниспроверженіемъ всѣхъ понятій суда и справедливости въ дѣлѣ Каракозова!

Становится тяжело и стыдно не за судей, — судей у Каракозова не было, не за судъ, — *мы его не знаемъ*, онъ былъ сдѣланъ воровски, втихомолку, не за правительство, составленное изъ невѣждъ и интригановъ, изъ холопей въ барствѣ, изъ нѣмцевъ въ панславизмѣ, изъ бюрократовъ безъ совѣсти и генераловъ безъ смысла, — становится тяжело за насъ, рабовъ, и стыдно за распутную журналистику, за чудовищное общественное мнѣніе, которое послѣ 4 апрѣля навело тупоумный испугъ правительства на преступленіе муравьевской комиссіи

и послѣ 6 іюня сдѣдало безсильный, но подлый опытъ замѣшать въ дѣло людей, не участвовавшихъ въ искушеніи Березовскаго... Мы не можемъ вспомнить безъ омерзѣнія гнусныя статьи „Голоса“... Какой урокъ дали французскіе судьи нашимъ наушникамъ-негодяямъ.

Свободной Россіи мы не увидимъ: весь нашъ трудъ въ ломкѣхъ препятствій и расчищеніи мѣста. Мы умремъ въ сѣняхъ и это не отъ того, что при входѣ въ хоромы стоятъ жандармы, а оттого, что въ нашихъ жилахъ бродитъ кровь нашихъ пращуровъ, сѣченыхъ кнудомъ и битыхъ батогами, доносчиковъ Петра и Бирона, нашихъ дѣдовъ, палачей въ родѣ Аракчеева и Магницкаго, нашихъ отцовъ, судившихъ декабристовъ, судившихъ Польшу, служившихъ въ III Отдѣленіи, забивавшихъ въ гробъ солдатъ, засѣкавшихъ въ могилу крестьянъ¹⁾; оттого, что въ жилахъ нашихъ *лидеровъ*, нашихъ журнальныхъ записвалъ догниваетъ такая же гадкая кровь, благопріобрѣтенная ихъ отцами въ переднихъ, сѣзжихъ и канцелярскихъ...

Въ каждомъ изъ насъ есть атомъ Аракчеева, есть капли Муравьева.

Гдѣ же намъ понять судъ въ политическомъ дѣлѣ?

Гдѣ же правительству понять необходимость амнистіи послѣ всѣхъ черныхъ дѣлъ, совершенныхъ бессмысленно?

3133. Польское дѣло.

Въ послѣднемъ листѣ „Гмины“ было письмо ея издателей къ намъ по поводу десятилѣтія „Колокола“. Письмо это и небольшая статья о „панславизмѣ“ въ прошломъ ея листѣ даютъ новое доказательство близости ихъ взгляда къ нашему. За письмо мы только дружески благодаримъ, отвѣчать мы будемъ послѣ. Намъ очень трудно писать о Польшѣ, мы не свободны въ этомъ вопросѣ, намъ нѣтъ *протора* въ немъ. „Гмина“ въ отношеніи къ нему лучше поставлена; если и ей придется терпѣть отъ нетерпимости стараго патріотизма, то, все же, она *говоритъ своимъ*.

Въ заключеніе мы напомнимъ „Гминѣ“, что *двадцать лѣтъ* къ ряду мы проповѣдуемъ, что славянскому міру только и есть будущность, что въ *федеральномъ союзничествѣ*, а потому-то намъ и дорого сознательно понятое сочувствіе со стороны юной Польши.

¹⁾ Недавно въ „Голосѣ“ были образцы помѣщичьихъ злодѣйствъ (о которыхъ „Вѣсть“ отзывалась такъ снисходительно). Пятнадцать лѣтъ, десять лѣтъ тому назадъ умирали женщины, прикованныя къ стѣнѣ, мужички вѣшались за палецъ, а не повѣшенные преступники, дѣлавшіе это, живы, ѣздятъ въ гости, имѣютъ *добродѣтели*. А. И. Г.

3134. [Возвращеніе Герцена въ Россію].

Въ 75 листѣ „Москвы“ напечатано, что „Zukunft“ и другія австрійскія газеты, извѣстивъ своихъ читателей о *прекращеніи* „Колоколъ“, прибавляютъ: „будто бы Герцену русское правительство обѣщаетъ свободное возвращеніе въ Россію“.

„Колоколъ“ не прекращался, правительство не обѣщало, я не возвращаюсь, и намъ остается еще разъ высказать наше удивленіе охотѣ перепечатывать всякій вздоръ да еще откуда — изъ австрійскихъ газетъ.

Можемъ ли мы при *теперешнихъ обстоятельствахъ* возвратиться въ Россію, не сдѣлавшись измѣнниками своего собственнаго дѣла? Въ чемъ же мы показали, что у насъ есть склонность къ *ренегатству*?

Мы страстно желаемъ возвратиться въ Россію.. но ужь, конечно, не по милости Шувалова, не по ходатайству Валуева и не по благословенію Толстого.

3135. (Вел. кн. Михаилъ Николаевичъ.)

Какой удивительный военный судъ: подполковникъ Кнорингъ за растрату казенныхъ денегъ и нанесеніе тяжкой обиды словами и *дѣйствіями* поручику Давыдову, по смягчающимъ вину обстоятельствамъ, *отставленъ*, а Давыдовъ за нанесеніе оскорбленія подполковнику Кнорингу *разжалованъ въ рядовые*. Конфирмація суда принадлежитъ е. и. в. главнокомандующему Кавказской арміей. Что можетъ быть нелѣпѣе!

3136. (О Березовскомъ).

„Скорость нужна только для того, чтобы блохъ ловить“; говаривалъ мнѣ, когда я былъ мальчикомъ, мой учитель математики. Хотя я съ нимъ и не совершенно согласенъ, но есть случаи, въ которыхъ онъ правъ. Иностранная и отечественная газеты мѣсяць тому назадъ со слезами разсказывали, что государь императоръ просилъ императора государя о пощадѣ дней Березовскаго. Намъ казалась эта выходка, взятая изъ извѣстной комедіи „Въ гостяхъ ангель, дома

сатана", не совѣтъ достовѣрной: какъ же просить помилованія не осужденному? Ну, а если это правда, какъ фурвонировался ¹⁾ благодушный монархъ съ своей *скоростью*.

3137. La colonie russe.

Cher ami, vous me prenez au collet très cavalièrement comme uu gendarme... moi, je végète alpestrement en Suisse, je ne pense à rien de mauvais, et tout à coup vous m'arrêtez: „Vos papiers, s'il vous plaît?" — Quels papiers? „Des esquisses, des croquis au crayon, au charbon, à la plume?" — „Des croquis de quoi?" — „Mais *des russes à Paris...*"

Mais, cher ami, vous avez tout oublié à l'exception de ma personne. A quoi pensez-vous donc? Je ne connais ni les russes contemporains, ni Paris rebâti. Je n'ai que des souvenirs, des fleurs fanées, des cartons à demi effacés, à demi dénuées d'intérêt.

Savez-vous qu'il y a bien *vingt ans* que moi, pieux pèlerin du Nord, j'entrai pour la première fois à Paris, et qu'il y a déjà *quinze ans* que son climat m'est devenu malsain.

Oui, c'était au mois de mars 1847 ²⁾, j'ouvris une vieille et lourde croisée de l'hôtel du Rhin et je tressaillis: l'homme sombre en bronze, les bras croisés, le chapeau enfoncé ³⁾ était devant moi sur une colonne. Or, c'est vrai, c'est une réalité — je suis à Paris — à Paris! et tout le sang me montait à la tête!

Un sentiment existe pourtant, que les aborigènes de Paris ne connaissent pas, eux qui ont tout éprouvé jusqu'à la fatigue, c'est le sentiment que nous éprouvions en entrant pour la première fois à Paris. Depuis notre enfance, Paris était pour nous notre Jérusalem, la grande cité de la révolution, le Paris du Jeu de Paume, de 89, de 93.

Berlin, Cologne, Bruxelles, c'est bon de les voir, mais on peut s'en passer. Une fois à Paris, on sentait que l'on était arrivé, et on défaisait tranquillement les malles. — Il n'y avait rien au-delà. On ne connaissait pas même Londres dans ces temps bien heureux. Londres n'a été découvert que du temps de l'exposition de 1852.

Depuis que Paris est devenu ville universelle, il y a moins de France en lui, *moins de Paris*. Les rapports se sont modifiés. Grand-hôtel oecuménique, caravansérai de toute l'Europe et de deux, trois Amériques:

¹⁾ Se fourvoyer — власть въ заблужденіе.

²⁾ Le souvenir, je le prends dans un volume non imprimé — de mes „Souvenirs" A. H.

³⁾ Un vers de Pouschikine. A. H.

sa propre individualité s'est fondue, perdue dans cette foule étrangère à laquelle, par politesse, il cède le pas; et elle l'accepte.

Les alliés bivouquant en 1814, sur la place de la Révolution, savaient parfaitement qu'ils étaient dans une ville étrangère. La grande armée touriste, les conquérants des chemins de fer, au contraire, sont convaincus que Paris leur appartient comme le wagon, comme la cabine; ils prétendent qu'ils lui sont nécessaires, que c'est pour eux qu'il se met en briques neuves, abat ses murs historiques et efface son histoire.

En traversant maintenant Paris, je ne reconnais plus mes russes: ils se promènent le verbe haut, la tête levée comme s'ils étaient à Kasan ou à Riazan, ils répandent une atmosphère de cuire russe et de tabac turc, de Sibérie et de Tartarie, à peine neutralisée par le brouillard lourd et narcotique de l'élément allemand, qui, à son tour, a envahi Paris. Et au bout du compte, il faut les excuser, ces braves *thuraniens*, tout leurs rappelle leur belle patrie: les „samovars“, les caviars, les enseignes en lettres cyrilliques pour annoncer au français la qualité du thé chinois. Rien de pareil de mon temps, en 1847. Paris était exclusif, monogote, un peu fier, d'autant plus que vers la fin de l'année il avait déjà un peu de fièvre. Aussi il fallait voir le respect, la vénération, l'adulation, l'admiration des jeunes russes qui arrivaient à Paris. Les seigneurs, qui ne se gênaient jamais en Allemagne, — dans cette antichambre de Paris, — commençaient, dès qu'il passaient la ligne de l'ocroi, à dire *vous* à leurs domestiques, qu'il rossaient à Moscou. Dès le lendemain, les inabordables boyards, les insolents, les durs, faisaient leur adoration des mages, faisant la cour à toutes les célébrités, n'importe dans quel genre et de quel sexe, depuis Désirabode le dentiste jusqu'à Ma-pa le prophète.

Les plus petits lazaroni de la Chiaja littéraire, chaque chiffonnier de feuilleton, chaque manoeuvre du journalisme leurs imposait, et ils s'empressaient de lui offrir, même à dix heures du matin, du Roederer ou de la veuve Cliquot, heureux s'il l'acceptait.

Pauvres gens, ils étaient à plaindre dans leurs manie de vénération. A la maison, ils n'avaient rien à estimer que la force brutale et ses signes extérieurs, les rangs et les décorations. Aussi, une fois la frontière passée le jeune russe était saisi d'une idolâtrie aiguë; il tombait en extase devant tous les hommes et toutes les choses, devant les consièrges et la philosophie de Hégel et les tableaux du musée de Berlin, devant Strauss le théologue et Strauss le musicien. La bosse de la vénération, allait en s'agrandissant jusqu'à Paris. La recherche des célébrités était le tourment de nos Anacharsis; un homme qui à parlé à Pierre Leroux ou à Balzac, à Victor Hugo ou à Eugène Sue sentait qu'il n'était plus l'égal de ses égaux. J'ai connu un brave professeur qui a passé une soirée chez George Sand, et cette soirée a divisé son existence, comme un cataclysme de

вспомнилъ я и рукоплесканія въ университетѣ: какимъ пошlostямъ онѣ иногда раздавались! жалко и смѣшно! Написалъ бы я вамъ больше, если-бъ зналъ все вами написанное. Впрочемъ, можетъ быть, улучу гдѣ-нибудь минуту по дорогѣ въ Іерусалимъ и Константинополь. Вы можете толковать мои попытки, какъ вамъ угодно, но я продолжаю принимать участіе въ вашей судьбѣ и искренно желать вамъ успокоенія. Получили ли вы моего „Карамзина“? Если захотите отвѣчать мнѣ заднимъ письмомъ, то можете прислать письмо на мое имя въ Парижъ черезъ русскаго тамошняго священника, который мнѣ и передастъ его. Я пробуду въ Парижѣ недѣлю, до 18 или 19. Если же будете писать послѣ, то въ Константинополь, гдѣ я надѣюсь быть недѣль черезъ пять или шесть“ („Заря“ 1870, II, 78—79).

Тамъ же Погодинъ еще разъ указалъ, что ему чужлось, что Герценъ „любить отечество искренно и желаетъ искренно добра ему“.

Въ „Русскомъ“ отъ 10 апрѣля онъ напечаталъ то же, что позже воспроизведено во второй части его статьи въ „Зарѣ“, уже извѣстной изъ комментаріевъ къ 1865 году.

Въ другомъ мѣстѣ Погодинъ сообщилъ, что на его вопросъ, почему Герценъ не печатаетъ свое „Былое и думы“, тотъ отвѣтилъ: „Для чего мнѣ печатать! Никто уже не читаетъ, развѣ, для короля прусскаго!“ („Старина и Новизна“, IV, 96).

3146. Письмо къ Н. П. Огареву.

14 августа (1867), среда.

Что глазъ болить — предосудительно, что онъ болить на другой день послѣ отъѣзда Нефталія — неосторожно. У насъ здоровье à l'ordre du jour ¹⁾. Жара страшная и притомъ штиль, море не колышется, вода въ морѣ 20° (100° тер.) — и ничего, только работать трудно. Праздность итальянцевъ понятнѣе въ такое время. Я встаю въ 1/2 6-го и въ 6 купаюсь. Въ 7 или въ 1/2 8 жаръ уже невыносимый и до 7 вечера, и вечеромъ воздухъ только охлаждается близъ моря. Въ 1/2 12-го мы ложимся. Мяса почти никто не ѣстъ — фрукты, мороженое и рыба въ неистовомъ количествѣ. Лиза пожираетъ персики, ренклоды и землянику, какъ слонъ. Она здорова очень, но жаръ развариваетъ ее. И при всемъ эта полоса изящнѣйшая. Я никогда не чувствовалъ это больше (старость), и Женовой не прельстишь меня. Даже я прощаю Zähringhoff die kummervollen Nächte, die ich auf meinem Lager weinend sass ²⁾.

¹⁾ Въ порядкѣ дня.

²⁾ Печальныя ночи, которыя я провелъ въ слезахъ, сидя на своемъ ложѣ.

Домикъ близъ Генуи... и покой. Но это все еще за горами.

Погодину писалъ любезности и послалъ въ Парижъ черезъ *попа Васильева!*

Тхор. правъ насчетъ объявленія о типогр., — его слѣдуетъ вмѣстѣ съ другими анонсами, но какъ же у васъ не нашлось ни одного человѣка, чтобъ въ „Колок.“ (который, наконецъ, получилъ) напечатать о перемѣщеніи типографіи на *француз. языкъ?* Вѣдь, это ясно, какъ день.

Ясно и то, почему твоя статья не можетъ взойти въ специальный сборникъ. Я, помнися, тебѣ писалъ, и не разъ, что моя мысль — издать по-франц. сборникъ статей новыхъ и старыхъ о *Rossii* подъ заглавіемъ: „Encore une fois le vieux monde et la Russie“. Rec. redigé par Herz. et Og.“. Теперь положимъ, что Александръ Македонскій — великій человѣкъ, но его исторія Квинта Курція сюда не идетъ. А ужъ русскіе стихи еще меньше (о русскомъ сборникѣ и рѣчи нѣтъ). Стихи пусть попрѣютъ, къ ужину (1 янв. 1868) поспѣютъ. Досадно очень, что я отрѣзанъ отъ журналовъ. Я дивлюсь, какъ ты можешь жить безъ нихъ.

Я свое предисловіе почти кончилъ. Можно изъ „La Cloche“ взять статей десять. Не печатать ли все это просто француз. „Колоколомъ“? Я отвѣчаю за 10 первыхъ листовъ.

Какъ только Погод. журналъ придетъ, прочти, что это за статья обо мнѣ, и пришли ее, если не велика, пожалуй, въ пакетъ ¹⁾. Меня очень интересуешь она. Я звалъ Погод. захватъ по дорогѣ (онъ ѣдетъ въ Константинополь и Іерусалим!).

А что романъ Чернышевскаго? Брошюру твою получилъ.

Вечеръ.

Скажи Тхорж., что письмо его получилъ отъ 12. Все очень хорошо. „Голосъ“ слѣдуетъ выписывать, но не платить же за прошлое, — видно, до октября побиться. Да не можетъ ли важныя статьи отмѣчать Мерчинскій? Со стороны Долг. я считаю неприсылку „Голоса“ за разрывъ. Если онъ имѣлъ что противъ меня, онъ могъ бы сказать мнѣ, а не звать на прощальные обѣды. Хорошо было бы внушить ему это. „Моск. Вѣд.“ и „Вѣсть“ съ короной ²⁾.

Надобно бы „Русскій Вѣстникъ“.

У Висконти теперь ничего нѣтъ; должно быть, онъ подписался до 1 іюля; говорить, что получить.

¹⁾ Онъ еще указываетъ на „Впечатл. присяжнаго засѣдателя“. А. И. Г.

²⁾ La couronne — корона; очевидно, намекъ на газеты князя.

Объ объявленіи я съ Тхоржевскимъ согласенъ. Можетъ, и слѣдуетъ предупредить Трюбнера въ перепечатываніи съ передѣлкой брошюры Огар. и ему дать 50 экз. за это, если попросить.

Отчего о „Голосѣ“ просто не написать въ редакцію отъ имени Тхоржевскаго и не послать за мѣсяць деньги? Будетъ опытъ.

„Пуншъ“ не пришелъ.

3147. Письмо къ сыну.

17 августа 1867.
Nizza.

Пишу нѣсколько строкъ. Письмо твое къ Татѣ, т.е. финансовая часть его, меня привело въ смущеніе, и я перебралъ еще всѣ записки. Когда я писалъ тебѣ, что денегъ послѣ авигдоровскихъ въ нынѣшнемъ году не будетъ, не помню. Если считать уроки Панов., то вы получили все, и съ хвостикомъ, но, видя, что вы какъ-то запутались, я ихъ не считаю. Затѣмъ вотъ послѣдній расчетъ.

Къ 1 ноября (или въ концѣ октября) я пришлю 1,000 фр., отдамъ Огар. 150 и Татѣ 400. 150 Ог. я не ставлю ни въ какой счетъ, ихъ я дарю тебѣ. Виргинія заплатила 2,200 фр. (съ 1860 года въ первый разъ); изъ нихъ тебѣ этотъ барышъ. Если крайность, то я пришлю еще въ декабрь 1,000 ф., но ихъ зачу въ будущій годъ. Я еще разъ скажу, что считаю 14,000 совершенно достаточнымъ (съ приб. выйдетъ до 15/т. нашъ нынѣшній годъ) — умѣйте распорядиться. — Мнѣ совѣтуютъ мой долгъ 6% Уп.-St. промѣнять на ихъ же новый заемъ; можетъ, я такъ и сдѣлаю, за этимъ къ зимѣ поѣду въ Парижъ.

Теперь два пункта. 1-ое. Въ Сицилии и въ Ломбардіи, т.е. въ Комо, сильная холера. Кто отвѣчаетъ за какое-нибудь Rimini? Полагаю, что Мейз. и Ольгѣ возвратиться во Флоренцію, а если и тамъ сильная холера, то ѣхать сюда. Обдумай это.

2-ое. Насчетъ Таты я совершенно отдаю на ея волю. Полагаю, что пока я здѣсь, ѣздить ей не зачѣмъ, у васъ же нѣтъ ни дома, ни заведенья. Все это время шло довольно тихо, и я думаю, что Тата врядъ потеряла ли много, что не была во Флоренціи. Вашъ кругъ очень одностороненъ и далекъ отъ другой кипучей жизни и отъ Россіи. У насъ все время шло чтеніе, преподаваніе. Теперь что дѣлать съ ея апатіей (поддерживаемой твоими размышленіями, когда слѣдовало послать ноты, что не можетъ стоить дорого) въ живописи и музыкѣ, я не знаю и думаю, что въ 22 года нечего усили-

ваться. Лиза идетъ въ ученый хорошо, у нея яркія способности и особенно логическія. Учителя хороши, и очень. Плаваеъ она au large очень храбро. Главное баловство въ *грубости*. Присутствіе Таты много помогаетъ всей атмосферѣ. Вотъ и все. Къ Мейзенбургъ напишу сегодня.

Еще отъ тебя письмо. Тата, пока холера, не поѣдетъ; я самъ собираюсь около осени двинуться внутрь Франціи. А коли очень сильно кургузъ возьметъ, можешь и ты приѣхать.

3148. Письмо къ М. Мейзенбургъ.

17 août 1867.

Nice.

Quoique je ne voudrais pas gâter la formation de vos Rimini scenes, mais je vous écris un peu dans ce but — La Sicile est envahie du choléra; on parle de la Lombardie (à Como par ex. elle est très forte). Dans ce cas la maladie peut se jeter à Rimini. Dans ces petites villes d'Italie il n'y a ni médecin, ni moyens de préserver. Or je pense que vous devez au premier bruit aller à Florence. Si Florence serait envahi (à Livourne, à Gênes il y a beaucoup de cas) je vous inviterai très sérieusement de venir passer un mois ou deux ici, peut-être même il faudra quitter Nice. — Dans ces cas il faut se concentrer — et non s'éparpiller.

Pensez—y. Les frais de voyage ne doivent pas vous inquiéter. A propos Alex. ne sait pas compter: il confond tout. Vous avez encore 1000 fs. à recevoir pour cette année, et je pourrais faire une petite avance pour l'année 1868.

Maintenant encore un mot — tâchez avec Alex. d'arranger les choses de manière à ne pas dépenser plus de 14/m. francs avec Tata, par an. La 15-me mille ira en cadeaux et extra. Et c'est mon maximum. Je jure devant Dieu et Francesca de Rimini — c'est suffisant.

Ne regrettez non plus les leçons de Panofka. L'éducation aristocratique doit aussi enfin subir un changement radical (nous en parlons beaucoup, mais nous ne faisons rien). A quoi bon cette perte énorme d'argent? Est ce que Tata est devenue chanteuse? Olga ne le sera pas non plus — donc, ce sont des talents d'agrément — des distractions esthétiques du „dolce far niente“. Baser une éducation *moderne* sur les demi-talents et la philologie est selon moi une faute. Certainement il vaudrait mieux d'apprendre la médecine, et quelque chose de positif. Laissez, cara mia, tomber la vieille Eva, comme nous tâchons de nous défaire du

vieil Adam. L'amour ne toit pas aveugler, j'aime Og. mais vraiment le ne dirai pas qu'il a une voix comme Lind et qu'il touche le piano comme Wilhelmine Claus. Je voudrais voir tous les talents possibles dans mes enfants, je me borne au petit nombre de ceux qu'ils ont. J'écris un article de polémique et je continue d'être agressif — pour ne pas sortir de la verve.

Or je conseille au premier, cas de choléra b'angar via. J'écrirai une autre fois à Olga. Je l'embrasse.

Rébus.

Chaquun court vers sa patrie
Dès qu'elle est en danger.

Tata devinât vite.

Переводъ.

17 августа 1867.

Хотя я и не желаю мѣшать наслоенію вашихъ воспоминаній ¹⁾, тѣмъ не менѣе пишу вамъ, имѣя въ виду отчасти и эту цѣль.

Въ Сициліи холера, поговариваютъ и о Ломбардіи (на Комо, на примѣръ, она сильно свирѣпствуетъ). Въ такомъ случаѣ болѣзнь можетъ переброситься и въ Римини. Въ этихъ маленькихъ италіанскихъ городкахъ нѣтъ ни врачей, ни предохранительныхъ средствъ. Поэтому я полагаю, что при малѣйшемъ слухѣ о холерѣ вамъ слѣдуетъ перекочевать во Флоренцію. Если холера распространится и на Флоренцію (въ Ливорно и Генуѣ много случаевъ), я настойчиво предлагаю вамъ прѣхать на мѣсяцъ-другой сюда. Возможно, что и Ниццу придется покинуть. Въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ всѣмъ собираться въ одинъ пунктъ, а не разсѣиваться.

Подумайте объ этомъ. Пусть васъ не беспокоятъ путевые расходы. Кстати, Алекс. не умѣетъ считать, онъ все перепутываетъ. Вамъ остается получить за этотъ годъ еще 1000 франковъ, и я могъ бы дать небольшой авансъ на 1868 г.

Теперь еще одно слово. Постарайтесь устроиться съ Александромъ такимъ образомъ, чтобъ тратить, вмѣстѣ съ Татюю, не болѣе 14,000 франковъ въ годъ. 15-ую тысячу я дамъ въ подарокъ и сверхсмѣтно.

¹⁾ Непереводимая игра словъ. Мейзенбургъ жила въ Римини. По-французски воспоминанія — „rémiscences“, что Герценъ передѣлалъ въ „rimiscences“.

Это — максимумъ того, что я могу дать. Клянусь богомъ и Франческою да Римини ¹⁾, это достаточно.

Не жалѣйте объ урокахъ Пановки. Аристократическое воспитаніе также должно подвергнуться коренной реформѣ (мы много говоримъ объ этомъ, но ничего не дѣлаемъ). Къ чему эта громадная трата денегъ? Развѣ изъ Таты вышла пѣвица? Изъ Ольги тоже не выйдетъ, значить, у нихъ только таланты для пріятнаго времяпрепровожденія, эстетическія развлеченія во время пріятнаго бездѣлья. Основывать *современное* воспитаніе на полуталантахъ и на филологин, по-моему, ошибочно. Конечно, лучше было бы изучать медицину или, вообще, что-нибудь положительное. Страхните съ себя, дорогая моя, дряхлую Еву, какъ мы стараемся освободиться отъ ветхаго Адама. Любовь не должна ослѣплять: я люблю Огарева, но никогда не скажу, что у него голосъ Линды или что онъ играетъ на рояли, какъ Вильгельмина Клаусъ. Я бы очень желалъ, чтобъ мои дѣти обладали всѣми возможными талантами, но довольствуюсь тѣми немногими, которыми они дѣйствительно обладаютъ.

Сейчасъ я пишу полемическую статью и, чтобы не остыло вдохновеніе, все время нападаю.

Итакъ, совѣтую при первомъ холерномъ случаѣ пуститься въ дорогу.

Ольгѣ напишу въ другой разъ. Цѣлую ее.

Ребусъ:

Каждый стремится въ свое отечество,
Какъ только оно въ опасности.

Тата отгадала быстро.

3149. Письмо къ Н. П. Огареву.

18 августа (1867), воскресенье, послѣ обѣда.

Что за проклятая невралгія и какъ долго! Вотъ тебѣ и Женева, а мы здѣсь на закраинахъ холеры благоденствуемъ. Только жары не въ мочь, но, благодаря сквозному вѣтру, жить можно.

Журналомъ Погодина ты меня довелъ до припадка бѣшенства. Это вовсе не тотъ листъ; мнѣ нужна статья его *обо мнѣ*, какъ онъ говорить, писанная въ мою *защиту*. Я непременно объ ней буду писать, но когда и гдѣ добуду?

¹⁾ Итальянка XIII вѣка, супруга Ланчіото Малатеста. Данте обезсмертилъ любовь ея къ брагу ея мужа, Паоло Малатеста.

Мое письмо въ „Фигаро“ и въ „Zukunft“ ничтожно, а также и строки въ „Temps“. А по ихъ поводу у меня былъ второй припадокъ бѣшенства. Хоецкій пишетъ ко мнѣ (теперь-то!) о твоей статьѣ ¹⁾ и считаетъ тебя заклятымъ врагомъ Польши. Я долго думалъ, отвѣчать ли, и рѣшилъ отвѣчать. Чтò это за мозги! Одинъ Токаржевичъ понимаетъ что-нибудь. Я читаю теперь Духинскаго ²⁾ и иной разъ перечитываю, чтобъ убѣдиться, что такую белиберду можно такъ серьезно писать.

Брошюру твою ³⁾ почти всю прочелъ (я ее читаю съ Татой, оттого медленнѣе). Она очень хороша, но устарѣла во многомъ и потому многое слѣдуетъ передѣлать. Слогъ больше небрежный, чѣмъ дурной, и какой-то мѣстами беззвучный. Бездна англійскихъ словъ оскорбляетъ: settler, settlement, saving, beaut etc., счетъ на гинен — еще больше.

Обороты иные хороши только въ полемикѣ, а я хочу изъ твоей книги сдѣлать для нихъ руководство; напр., называть освобожденіе крестьянъ „измѣненнымъ рабствомъ“ не годится, особенно, когда они не надивятся, что и въ поссесію дали землю. Во многихъ мѣстахъ надобно прибавить красокъ. Знай публику. Ко мнѣ пришелъ здѣсь познакомиться самъ предсѣдатель гражд. суда. Юристъ, ученый, не старый, серьезный, — ну, а какъ дѣло дошло до Россіи, — ни тѣни свѣдѣній. Я ему обѣщала дать твою книгу.

Дома все довольно хорошо, хотя и былъ опытъ вспышки (я ее ждалъ навѣрняка, потому что утромъ принесли письмо отъ Ал. Ал., который потерялъ деньги на дорогѣ и спросилъ въ Москвѣ долгъ у Вешнякова, но тотъ отмолчался и прислалъ сто цѣлков. въ уплату тебѣ, которые Ал. Ал. и задержалъ).

Лиза цѣлыми днями мила, все такъ же плаваетъ. Она хотѣла тебѣ сообщить, что я сегодня тоже прыгалъ съ досокъ въ море и плавалъ съ ней *au large*, но вспомнила, что воскресенье и что писать нельзя. Говоритъ она точно большая, со всѣми нюансами въ выборѣ словъ маркизы St. Germain'скаго предмѣстья. Она продолжаетъ питаться ягодами, фруктами и мороженымъ.

Холера свирѣпствуетъ въ Палермо, Ливорно и Комо (туда какъ попала?). Я вчера послалъ Мейз. инструкцію ѣхать изъ Rimini сейчасъ во Флоренцію, если есть малѣйшій случай болѣзни (во Флорен-

¹⁾ Объ отдачѣ земель въ Западномъ краѣ крестьянамъ.

²⁾ F. H. Duchinski, „Necessité des réformes dans l'exposition de l'histoire des peuples aryâs-européens et tourans particulièrement des slaves et des moscovites“, Paris, 1864.

³⁾ „Situation“ etc.

щій нѣтъ). Я алармъ ¹⁾ не отдамся, но, если перебросить хол. сюда, на свой страхъ не оставлю Тату, N. и Лизу. Можно ѣхать въ Montpellier, даже въ Тулузу, Бордо.

Засимъ прощайте.

А не правда ли, хитрая штука, что ты пишешь на имя Таты?

Тхорж. кланяюсь въ поясъ. Ужъ онъ не достанетъ ли Погод. жур. 9 и 10 листы?.. Да вотъ еще: когда онъ увидитъ Барни, онъ бы спросилъ у него, какъ мнѣ сдѣлать, чтобы заплатить за присылку „Соорéгative“. Кому и что? Зачѣмъ же даромъ получать.

3150. Письмо къ С. Тхоржевскому.

(22—24 августа 1867).

Отецъ Тхоржевскій, если получили II часть „Guide á Paris“, пришлите ее сюда. Кофейникъ, одѣтый въ блузу и панталоны, пріѣхалъ и уже вступилъ въ должность; взяли только 50 с.

Писемъ я ни отъ кого не получаю, изъ чего заключаю, что у васъ все благополучно и ничего интереснаго нѣтъ. Очень жаль, что вы не можете на недѣлку пріѣхать. Кромѣ жара и комаровъ, хорошо, особенно вечеромъ; Лиза прыгаетъ вглубь съ досокъ. Каково?

Всѣ вамъ кланяются и обоимъ Чернецкимъ.

Заглавіе большой статьи больно противно.

Г.

P. S. Ваше письмо отъ 21 и Огар. отъ 20 получилъ. Какъ только дѣло окончится, я пришлю Чернец. чекъ. Городъ съ ума сошелъ: какъ типографіи отказывать, гдѣ основаніе?

3151. Письмо къ Н. П. Огареву.

23 августа (1867), пятница, послѣ обѣда.

Давно нѣтъ что-то вѣстей; послѣдняя записка была отъ Тхор. отъ 17 авг. Неужели все невралгія? У насъ тоже своя невралгія. Недѣли три тихой жизни надоѣли... Что это за несчастнѣйшее существо, забивающее себѣ иголки подъ ногти, чтобы обвинять другихъ въ боли! Вчера'я говорилъ съ Тато — вижу, что ей ужъ не очень втерпежъ; она сильно обижена непрерывными намеками, что „она чужая Лизѣ“, что „у Лизы семья Сатины и больше ничего“, — и я исключень. Я Татѣ сказала, что она можетъ ѣхать черезъ мѣсяць... Вотъ

¹⁾ Alarme — тревога.

и эта карта лопнула. И все это чортъ знаетъ, зачѣмъ. Начали искать квартиру на годъ. — умнѣйшее, что можно сдѣлать. Н. объявила мнѣ, что везетъ Лизу въ Кольмарь, — и это въ половину сентября; хочетъ Лизу въ пансіонъ... Письма изъ Россіи — сухая отравка. Теперь новая штука: Мар. Алек. Идилія¹⁾ Алек. Деспоть-Зенов. ѣдутъ весной въ Дрезденъ. Ал. Ал. пріѣдетъ за Н., чтобъ ѣхать вмѣстѣ въ Дрезденъ. Мнѣ въ Дрезденъ ѣхать невозможно. Сат—ы, кажется, въ Москвѣ. Хорошъ гусь С., — ни малѣйшаго отзыва на наши приглашенія, — а безъ него бѣда.

Я предложилъ ѣхать Женевой; — ни подъ какимъ видомъ. Я замѣтилъ, что это озлобленіе противъ тебя и дѣтей страшно безнравственно. На это — предложеніе разрыва на томъ основаніи, что она, 1-ое, не можетъ примириться съ тобой, 2, — полюбить дѣтей, 3, — потому что не можетъ официально признать нашу жизнь и сказать Лизѣ, что она — дочь. Я считаю, что-это душевредительство ребенка. „Ну, въ такомъ случаѣ я сдѣлаю, чтобъ она вовсе не знала, кто ея отецъ, въ пансіонѣ легко“... А потому ѣхать 10 сент.. Здѣсь жить теперь превосходно, тихо и недорого, до весны было бы прекрасно. Но ужъ тутъ разумъ молчить и (экономія, сберегающая ботинки и огарки тоже) — „ѣхать... ѣхать!“ Я написалъ письмо строго и серьезно, хочу попробовать *сoup d'état*... Не знаю, что будетъ. По несчастію, у Таты нѣтъ пріюта до октября, — можетъ, я съ ней проѣду по Женевѣ. Я не за Кольмарь и не противъ, зато я противъ Пензы. А что можно отвѣчать?

А ты, юноша, воображалъ завести ²⁾ и общинное житье.

Тата, разумѣется, возмущена.

Если переменится рѣшеніе, я отрѣжу всѣ флуктуаціи³⁾, нанявъ въ Ниццѣ домъ.

Ужасно скучно и возмутительно!

3152. Письмо къ Н. П. Огареву.

(24 августа 1867).

Холеры здѣсь нѣтъ и въ Генуѣ, кажется, прошла. Сегодня была здѣсь сильная гроза. Это, вѣроятно, и послѣд. очистить.

Отъ Каппа письмо изъ New-York. Онъ тоже совѣтуетъ продать бумагу и купить америк., — теперь *aggio* хорошъ.

1) Жена Деспота-Зеновича.

2) Слово не разобрано.

3) Fluctuation — колебаніе

Можеть, и придется ѣхать изъ Ниццы. Это не къ добру, — здѣсь очень хорошо. Въ пансіонъ N. Лизу *realiter*¹⁾ не отдасть, а сценъ будетъ много. Можеть, я поѣду въ Парижъ для амер. сдѣлки. Письмо, какъ видишь, получено (отъ 21).

3153. Письмо къ С. Тхоржевскому.

24 августа (1867), суббота.

Любезнѣйшій Тхоржевскій, получилъ еще письмо отъ Погодина. Онъ пишетъ, что отдалъ всѣ №№ „Русскаго“ и книгу (одинъ экзем.— П. В. Долгорукову) книгопродавцу *Курхбергену въ Эмст* и велѣлъ ихъ отослать *Георгу* въ Женеву; все опять говоритъ о своей стѣтѣ обо мнѣ. Попросите Георга написать (и франкируйте письмо) къ нему. Мнѣ нуженъ тотъ листъ „Русскаго“, въ которомъ статья обо мнѣ „Встрѣча въ Монтрѣ“. Обдѣляйте это дѣло.

Мнѣ, вѣроятно, придется съѣздить въ Парижъ. Каппъ совѣтуетъ не ждать продажей до января, а продать теперь; онъ говоритъ, что курсъ на золото высокъ, такъ что я могу выиграть даромъ цѣлый годовой процентъ; онъ думаетъ, что надобно купить новый заемъ, но не нефтальскій, а *Uni.-St.* 6% 1868—1881. Иду къ консулу; должность его здѣсь занимаетъ американскій попъ. Затѣмъ прощайте.

25, воскресенье.

Сейчасъ изъ моря. Погода здѣсь удивительная. Послѣ грозы жары сдали, море тихо. Мы всѣ научились плавать, вода теплая и о холерѣ ни слуху, ни духу. Вчера было въ „Figaro“, что около Женевы открылась холера; не вѣрю и думаю, что они говорятъ о Генуѣ. Въ Ливорно и Римѣ есть, во Флоренціи нѣтъ. Отъ васъ, вѣроятно, будетъ недѣльный рапортъ; жду его.

Очень хорошо, что столъ продали, деньги возьмите въ ваше хозяйство.

Ольга кланяется вамъ; я ей писалъ, что вы спрашивали. Онѣ (т.-е. и Лиза) возлѣ *Rimini* въ *Gapo*; я писалъ строгій приказъ ѣхать во Флоренцію при первомъ холер. слухѣ и даже сюда.

Лиза учится гораздо лучше: учитель музыки и Арнол. очень хо-

¹⁾ Въ дѣйствительности.

рошг; она попережнему дивить умомъ, тактомъ и большими шалостями.

Кланяйтесь Чернецкимъ, Даничу ¹⁾ и не кланяйтесь Касаткину.

Addio.

А что наши эллидисты?

3154. Письмо къ Н. П. Огареву.

25 (августа 1867), вечеромъ.

Письмо отъ 23 получилъ. Жду твой взглядъ и нѣчто. Вѣры не имѣю въ твое сужденіе, но буду судить дѣйствительно по совѣсти. „Вѣсть“ и „Моск. Вѣдом.“ получать за $\frac{1}{2}$ цѣны готовъ. Здѣсь теперь я имѣю „Спб. Вѣдом.“ и „Голосъ“ отъ Долгоръ.

Тхор. я писалъ о вещахъ и о томъ, чтобы онъ прислалъ „Paris Guide“, II часть, если получилъ, помнится, въ понедѣльникъ.

Прощай.

У меня мысль сдѣлать сборникъ изъ твоей книги о Россіи (передѣланной) и изъ многихъ статей французскую книгу. Надобно опять ихъ ошельмовать — дураки, т.-е. французскіе публицисты. Жирарденъ всѣхъ умнѣе.

3155. Письмо къ Н. П. Огареву.

27 августа (1867), вторникъ.

Твое письмо маленькое, но klein, aber lustig ²⁾. Новость о Кельс., все-таки, перевернула меня. Помнишь ли, какъ онъ разъ въ Oгsett Hous'ѣ защищалъ какого-со шпіона-поляка? Мы чуть не побранились. Хорошо имѣть старую нравственность, когда у самого нѣтъ новой... 2-ое, пріѣздъ Бакун. Что же это онъ о пись-конгрессѣ ³⁾ что ли беспокоится? Гвалтеріо ⁴⁾, его врага, прогнали съ губернаторскаго мѣста. Скажи ему, чтобы онъ не давалъ чинить реакцію Петру

¹⁾ Рабочій въ типографіи.

²⁾ Маленькое, но веселое.

³⁾ Peace — миръ, читается по-англійски „пись“; въ Женевѣ былъ конгрессъ мира и свободы.

⁴⁾ См. стр. 208—209 „Писемъ“ Бакунина.

Влад. ¹⁾ въ писѣ. Я очень радъ, что меня тамъ не будетъ, и, вообще, несмотря на твое высокое покровительство, Женева мнѣ противна... Здѣсь я, чѣмъ больше живу, тѣмъ больше вживаюсь. Да, это удивительная полоса земли.

А прогос, что я писалъ о Путнеѣ и что хвалилъ, во-первыхъ, я забылъ, а во-вторыхъ, навѣрное, ничего не хвалилъ. Прошу тебя спроситься. Какъ можно хвалить начало всѣхъ complication?

Насчетъ общаго житья и думать нечего. Мало ли какія хорошія вещи могутъ мечтаться... Неужели ты все еще не сообразилъ всю ширь невозможности?

Сат. на ярмаркѣ, жена его собирается въ Москву. Деньги, вѣроятно, вышлетъ (сегодня письмо); если нѣтъ, то я могу впередъ тебѣ прислать 500 фр., сирѣчь, тебѣ слѣдуетъ до 6000:

	1.150
отъ Саши	150
приб.	500
	1,800

1,800, а если

Сат. пришлетъ достаточно, мой совѣтъ — возьми еще 700, тогда будетъ 2500, а остальное оставь въ экономіи у меня на 1868 годъ.

Ты знаешь, что Виргинія заплатила какіе-то паршивые 1200 фр. (да еще бумажками; долларъ въ 3 фр. 76); изъ нихъ я и могу прибавить 500 и 500 дѣтямъ.

Если удастся Каппова программа, то я могу выиграть тысячъ до 30—25 въ капит., а 5 т. въ impuls насъ всѣхъ. Я, вѣроятно, 5 сент. (4 — Лизино рождение, напиши ей, она тебя очень любитъ) поѣду въ Парижъ. Вѣроятно, дамъ тебѣ адресъ къ Бамбергеру или Ротшильду. Пробуду тамъ дней шесть или семь.

Дома у насъ чудеса. Лишь только я согласился на Кольмаръ и принялся писать къ проф. Куфу и даже къ Стеллѣ, — вѣтры подули съ другой стороны, и рѣшено Кольмаръ оставить до весны. Но это не все. Лиза, сильно баловавшая послѣднее время съ Татой, вдругъ сдѣлалась съ ней большимъ другомъ. Это — вещь замѣчательная. Только это — секретъ и секретъ потому, что Лиза просила Т. не говорить. Тата ей рассказывала о томъ, какъ она была маленькой мила и какъ избаловалась теперь, какой непріятный ріі приняла и пр. Лиза все слушала, слушала и тихо плакала, потомъ ушла одна въ свою комнату и тамъ все плакала, а вечеромъ положила Татѣ подъ подушку письмо по-французски, въ которомъ пишетъ, что хочетъ исправиться

¹⁾ Долгоруковъ.

и чтобъ Тата ее любила, и просить объ этомъ не говорить N. Съ тѣхъ поръ она ведетъ себя очень мило и страшно полюбила Тату. N. не надивится. Она могла бы страшно много сдѣлать теперь, но боюсь. Учится она положительно хорошо.

Вотъ и все. Я не купаюсь третій день: отъ морск. воды вышла сыпь на рукахъ. Погода необычайная.

„Русскій“ прислалъ Погод., объ этомъ я раза два писалъ. Я получилъ отъ него еще письмо. Онъ отпѣрился въ воскресенье въ Іерусалимъ и пишетъ мнѣ: „До свиданья на томъ свѣтѣ“¹⁾.

Франц. „Prolegomena“ готовы, — 45 стр. Весь вопросъ въ томъ, печатать ли отдѣльной брошюрой, или первымъ ливрезономъ, или, наконецъ, „Колоколомъ“? А кто поправитъ? Статья эта всѣмъ будетъ костью въ горлѣ. Я попробую въ Парижѣ прочесть отрывки.

Чѣмъ хуже и пустѣе статья, тѣмъ лучше плаваніе. „Монитѣръ“ перепечаталъ часть моей статьи изъ „Paris Guide“.

Прощай.

Я хотѣлъ писать статью о „Что дѣлать?“, но оставилъ, чтобъ не раздражить его стаю. Въ немъ много хорошаго. Это — удивительный комментарий ко всему, что было въ 66—67, и зачатки зла также тутъ. Прочти же его.

Тхорж. я писалъ въ воскресенье. Не предложить ли Бакун. комнату, т. е. мою спальню, безъ service'a²⁾ и ѣды?

Мерчинскому кланяйся.

Отъ кого слухъ о Кельс. ? Не отъ лабазника ли Касаткина?

Читалъ ли ты процессъ Касса и Рачепъ? Прочти.

Знаютъ же, кто русскіе ходятъ въ „Курону“³⁾. Какъ же вора не поймать?

NB. Отъ Хоецк. отвѣтъ дипломатическій. Конст. Ник. хотѣлъ его видѣть! Это что?..

3156. Письмо къ сыну.

29 августа 1867.

Nizza.

Что же ты давно не пишешь о холерѣ? Мнѣ нужно знать и о Генуѣ, и о Флоренціи, слѣдуетъ ли избѣгать или ѣхать. А потому собери свѣдѣнія и напиши. Пора бы и Мейз. возвратиться.

1) Очевидно, было письмо, о которомъ Погодинъ не упомянулъ въ „Зарѣ“.

2) Услугъ.

3) „Hôtel de la couronne“ — отель въ Женевѣ.

Тата въ послѣднее время опять имѣеть больше вліянія на Лизу. Въ ней, можетъ, недостаетъ того элемента мягкости, котораго и въ тебѣ нѣтъ, но она беретъ потомъ и сердцемъ и всѣмъ. Вообще, я Т. доволенъ, если-бъ не страшная потеря времени. Тоже было и во Флоренціи. Умственной жизни здѣсь довольно, но энергіи мало.

На-дняхъ я ѣду въ Парижъ на недѣлю хлопотать объ американскихъ фондахъ. По Каппу, можно легко выиграть 20/т. и побольше. Vedremmo ¹⁾). Буду совѣтоваться съ Бамбергеромъ. Что дальше, еще неизвѣстно; всего лучше жить въ Ниццѣ до весны. N. говоритъ опять о пансіонѣ для Лизы, т. е. въ Кольмарѣ, но это еще такъ. Лиза au reste учится очень хорошо.

Если амер. дѣла пойдутъ особенно хорошо, то небольшой процентъ возьму для улучшения всей бригады. Мебель тоже можно тогда купить; черезъ два мѣсяца отъ сдачи дѣла Ротш. все узнаемъ.

Какая ужасная холера была въ Albano. Какъ же это изъ вашихъ гелертеровъ никто не займется изслѣдованіемъ причинъ? Я все дивлюсь безпечному равнодушію научныхъ людей.

30 августа.

Въ Парижѣ выход. новый журналъ (мѣсяца три) „Pensée Nouvelle“, совершенно въ позитивномъ смыслѣ; я могу тебѣ прислать. Статья моя готова, но задерживается по многимъ консидераціямъ. Всѣ пересылки отсюда трудны.

Бак. отправляется въ Женеву на пись-конгрессъ. Долгурок. перепугался и хочетъ ѣхать. Нельзя сказать, чтобъ я особенно горевалъ о томъ, что меня не будетъ въ Женевѣ, — онъ ²⁾ съ женой. Я ему далъ свою квартиру и буду восхищаться издали.

Прощай.

Вотъ какія чудеса: у меня отъ жара, комаровъ и моря сдѣлалась сыпь и нарывъ подъ рукой. Не могу купаться.

3157. Письмо къ Н. П. Огареву.

31 августа (1867), суббота.

Твое и Тхор. письмо получилъ, также „Моск. Вѣд.“. Отъ Бакун. я письма не получалъ и вчера ходилъ справляться на почтѣ: письма нѣтъ. А что онъ писалъ? Его бы слѣдовало извѣстить.

¹⁾ Увидимъ.

²⁾ Бакунинъ

Зачѣмъ же ты, карѣйшій. вдаешься въ девилевщину ¹⁾ и тамъ, гдѣ просто сумбуръ и помѣшательство, предполагаешь замыслы, комплоты? Это такъ же uprightig ²⁾, какъ весной предположеніе вызова со стор. Ал. Ал. Къ тому же Мар. Ал. и не уговариваетъ ѣхать, а что какіе aggrèe-pensées у старика, кто знаетъ, но, все же, гдѣ тутъ комплотъ? Не вдавайся въ эту сторону.

Мое письмо N. хотѣла мнѣ отдать, но я не взялъ, а взялъ съ него прежде списокъ. Съ тѣхъ поръ опять все утихло.

Если проектъ о Кольмарѣ удержится, я ничего не имѣю противъ, весной ѣхать можно. Въ Парижъ я поѣду 8-го или 9-го. Я счетами Ротшильда недоволенъ, т.-е. его американскимъ промѣномъ, и непременно надобно переговорить съ Бамбергеромъ.

Холеры здѣсь нѣтъ, ни въ Марсели, ни въ Тулонѣ. А у меня отъ жара и купанія сдѣлалась сыпь и даже чирій подъ рукой, въ силу сего купаться въ морѣ не могу.

Уступокъ дѣлать не слѣдуетъ въ писовкѣ (abbreviation ³⁾ писовки-конгресовки) и, если Бакун. еще разъ повлечетъ насъ ко дну, — барахтаться. Au geste — ты его дома остановишь и направишь. Большое счастье, что меня нѣтъ. Сора была бы хуже и, можетъ, въ самой писовкѣ. Я до сегодня краснѣю за наши промахи.

Дѣла въ Россіи идутъ утомительно вяло. Тѣ же доносы въ „Моск. Вѣд.“, то же крѣпостничество въ „Вѣсти“. Право, слѣдуетъ печатать по-франц. Русской публики для насъ нѣтъ.

Тх. пишетъ о князѣ Гр. ⁴⁾ и что онъ его не узнаетъ. Онъ обѣщаль въ фондъ; нельзя ли ему объяснить, что фонда нѣтъ, но бѣдные эмигранты есть, и что мы беремъ на нашъ гоноръ; да заставь его купить „Былое и думы“, „Колоколь“ etc.

Затѣмъ, прощай.

1) Девиль, докторъ

2) Невѣрно.

3) Сокращеніе.

4) Грузинскій?

Бібліографическій коментарій.

(Сокращенія: „Сочиненія А. И. Герцена“, Женева, 1875—1879 г.г. = Жен. изд.; „Собрание сочиненій А. И. Герцена, СПб., 1906 г. = Спб. изд.; сборникъ „Колоколь“, избранныя статьи А. И. Герцена, составл. Л. Тихомировымъ = Тих.; Румянцовскій музей въ Москвѣ = Рум. муз.; архивъ семьи Герцена = АСГ.; Пушкинскій домъ при Академіи Наукъ = Пушк. д.; „Колоколь“ = „Кол.“; „Полярная Звѣзда“ = „П. З.“).

2835. Напечатано въ 223 л. „Кол.“ (1 июля 1866 г.) съ подписью „И—ръ“ и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

2836. Напечатано въ 223 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ помѣтки Герцена на готовомъ экземплярѣ: „мое“.

2837. Напечатано въ 223 л. „Кол.“

2838. Тоже.

2839. Тоже.

2840. Тоже.

2841. Тоже.

2842. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2843. Тоже.

2844. Тоже.

2845. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ польскомъ архивѣ въ Раперсвилѣ.

2846. Напечатано въ 224 л. „Кол.“ (15 іюля), принадлежность ясна изъ № 2843; подлинникъ не найденъ.

2847. Напечатано въ 224 л. „Кол.“; принадлежность устанавливается изъ прямого указанія Огарева въ письмѣ къ сыну Герцена; подлинникъ не найденъ.

2848. Напечатано въ 224 л. „Кол.“ съ подписью „Изд.“, принадлежность ясна; подлинникъ не найденъ.

2849. Напечатано въ 224 л. „Кол.“.

2850. Напечатано въ 224 л. „Кол.“; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2851. Напечатано въ 224 л. „Кол.“.

2852. Тоже.

2853. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2854. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. въ видѣ вырванныхъ листковъ.

2855. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2856. Напечатано въ 225 л. „Кол.“ (1 августа); принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2857. Напечатано въ 225 л. „Кол.“.

2858. Напечатано въ 225 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ записки Огарева къ А. А. Герцею, хранящейся въ АСГ.

2859. Напечатана вторая половина, неисправно и неполно, на стран. 293—293 „Воспоминаній“ Огаревой; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2860. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2861. Напечатано въ 226 л. „Кол.“ (15 августа).

2862. Напечатано въ 226 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ помѣтки Н. П. Огарева.

2863. Тоже.

2864. Тоже.

2865. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2866. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2867. Напечатано неполно и неисправно въ 1 кн. „В. Евр.“ 1908; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2868. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2869. Тоже.

2870. Напечатано въ 227 л. „Кол.“ (1 сентября, вышелъ 4-го) съ подписью „И—ръ“ и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

2871. Напечатано въ 227 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ предыдущихъ №№; подлинникъ не найденъ.

2872. Напечатано въ 227 л. „Кол.“.

2873. Напечатано въ 227 л. „Кол.“; принадлежность устанавливается подлинникомъ, хранящимся въ АСГ, исправленнымъ и дополненнымъ въ печати.

2874. Напечатано въ 227 л. „Кол.“.

2875. Напечатано въ 227 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2876. Напечатано по-русски въ XI кн. „Совр. Мира“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Парижской Націон. библиотекѣ.

2877. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2878. Тоже.

2879. Напечатано въ 228 л. „Кол.“ (1 октября) съ подписью „И—ръ“; подлинникъ не найденъ.

2880. Напечатано въ 228 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ указанія на № 1150; подлинникъ не найденъ.

2881. Напечатано въ 228 л. „Кол.“.

2882. Тоже.

2883. Тоже.

2884. Тоже.

2885. Напечатано въ 228 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

2886. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2887. Тоже.

2888. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2889. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2890. Тоже.

2891. Тоже.

2892. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2893. Напечатано вполонину и неисправно въ I кн. „В. Евр.“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2894. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2895. Напечатано вполонину и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2896. Напечатано вполонину и неисправно въ VI кн. „В. Европы“ 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2897. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2898. Тоже.

2899. Напечатано въ 229 л. „Кол.“ (1 ноября) съ подписью „И—ръ“ и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

2900. Напечатано въ 229 л. „Кол.“; принадлежность устанавливается по мѣткой Чернецкаго на корректурѣ.

2901. Тоже.

2902. Напечатано въ 229 л. „Кол.“ съ подписью „И—ръ“ и у Тих.; подлинникъ не найденъ; свѣрено по „Кол.“.

2903. Напечатано въ 229 л. „Кол.“; принадлежность устанавливается какъ и № 2901.

2904. Тоже.

2905. Напечатано въ 229 л. „Кол.“.

2906. Тоже.

2907. Тоже.

2908. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2909. Тоже.

2910. Тоже.

2911. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копией, хранящейся въ Музеѣ Революціи (Петр.) и завѣренной Герценомъ, подписавшимъ ее: „7 Nov. 1866“; копія Рум. музея неисправна и Герценомъ не скрѣплена.

2912. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2913. Тоже.

2914. Тоже.

2915. Тоже.

2916. Тоже.

2917. Напечатано въ 230 (1 декабря), 231 и 233—234 лл. „Кол.“ съ подписью „И—ръ“ и у Тих.; {подлинникъ не найденъ.
2918. Напечатано въ 230 л. „Кол.“.
2919. Напечатано въ 230 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ № 2931; подлинникъ не найденъ.
2920. Напечатано въ 230 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ содержания; подлинникъ не найденъ.
2921. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
2922. Тоже.
2923. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2924. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
2925. Напечатано нигдѣ не было, свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2926. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; приписка сдѣлана къ письму Огарева.
2927. Напечатано несправно въ I кн. „В. Европы“ 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.
2928. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2929. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
2930. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. въ видѣ нѣсколькихъ вырванныхъ листовъ.
2931. Напечатано вполнину въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2932. Напечатано неполно и несправно въ I кн. „В. Европы“ 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушкин. домѣ.
2933. Напечатано неполно и несправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2934. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Приписка сдѣлана къ письму Лизы.
2935. Напечатано очень неполно и несправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2936. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2937. Напечатано въ 231—232 л. „Кол.“ (1 янв. 1867 г.); принадлежность ясна изъ записки Чернецкаго, хранящейся въ АСГ.
2938. Тоже.
2939. Тоже.
2940. Тоже.
2941. Напечатано въ 231—232 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ поѣтки Чернецкаго; подлинникъ не найденъ.
2942. Напечатано въ 231—232 л. „Кол.“, принадлежность устанавливается по письму Огарева къ Сатину; подлинникъ не найденъ.
2943. Напечатано въ 231—232 л. „Кол.“ съ подписью „А. Герцель“; подлинникъ не найденъ.
2944. Напечатано въ 231—232 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ содержания; подлинникъ не найденъ.

2945. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2946. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2947. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2948. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2949. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2950. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2951. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

952. Тоже.

2953. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2954. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2955. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Приписка сдѣлана къ письму Лизы.

2956. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2957. Напечатано вполнину въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2958. Тоже.

2959. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2960. Напечатано неполно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2961. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

2962. Тоже.

2963. Напечатано вполнину и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2964. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2965. Тоже.

2966. Напечатано въ 233—234 л. „Кол.“ (1 февраля). Принадлежность устанавливается по № 2947; подлинникъ не найденъ.

2967. Напечатано въ 233—234 л. „Кол.“.

2968. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2969. Напечатано неисправно въ XII кн. „Сѣв. Вѣстн.“ 1895 г. и стр. 297—298 „Воспоминаній“ Огаревой; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2970. Напечатано неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2971. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2972. Напечатано мъсколько строкъ на стр. 297 „Воспоминанія“ Огаревой; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2973. Напечатано неполно и неисправно въ I и II кн. „В. Европы“ 1908 г., какъ два письма; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
2974. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся Рум. муз.
2975. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2976. Напечатано въ III кн. „Сѣв. Вѣстника“ 1894 г.; подлинникъ не найденъ; надпись сдѣлана на томъ „Былого“ и думъ“.
2977. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2978. Напечатано неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2979. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
2980. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2981. Напечатано въ половину и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2982. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2983. Тоже.
2984. Тоже.
2985. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
2986. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2987. Тоже.
2988. Напечатано въ 235—236 л. „Кол.“ (1 марта) съ подписью „И—ръ“, подлинникъ не найденъ.
2989. Напечатано въ 235—236 л. „Кол.“ съ подписью „И—ръ“; подлинникъ не найденъ.
2990. Напечатано неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2991. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2992. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
2993. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2994. Тоже.
2995. Напечатано въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2996. Напечатано неполно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
2997. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
2998. Напечатано неполно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

2999. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3000. Тоже.

3001. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3002. Напечатано въ 237 л. „Кол.“ (15 марта) съ подписью „Александръ Герцешъ“; подлинникъ не найденъ.

3003. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Евр.“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3004. Напечатано неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3005. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3006. Напечатано вполнину и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3007. Тоже.

3008. Тоже.

3009. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3010. Тоже.

3011. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3012. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3013. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3014. Напечатано въ 238 л. „Кол.“ (1 апрѣля) съ подписью „И—ръ“ и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

3015. Напечатано въ 238 л. „Кол.“.

3016. Напечатано въ 238 л. „Кол.“; подлинникъ не найденъ.

3017. Напечатано неполно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3018. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3019. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3020. Напечатано въ 239 л. „Кол.“ (15 апрѣля) съ подписью „И—ръ“ и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

3021. Напечатано въ 239 л. „Кол.“ съ подписью „И—ръ“ и у Тих.; подлинникъ не найденъ; свѣрено по „Кол.“. Самое письмо къ Аксакову напечатано въ № 58 „Москвы“ отъ 14 марта съ пропускомъ о Краевскомъ и незначительными измѣненіями въ орфографіи, съ одной перестановкой слова („не считаете меня“).

3022. Напечатано въ 239 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ № 3013; подлинникъ не найденъ.

3023. Напечатано въ 239 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ письма Огарева Чернецкому, хранящагося въ АСГ.

3024. Напечатано въ 239 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

3025. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3026. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлиннымъ черновикомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3027. Тоже.

3028. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3029. Напечатано неполно и неисправно на стр. 287 „Воспоминаній“ Огаревой; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3030. Напечатано на стр. 191—192 „Писемъ“ въ изд. Драгоманова съ тѣми произвольными вставками, которыя онъ дѣлалъ, мало считаюсь съ плохо разбираемымъ подлинникомъ, особенно, когда это былъ, какъ на этотъ разъ, черновикъ; въ АСГ. послѣдній не находится.

3031. Напечатано въ 240 л. „Кол.“ (1 мая) съ подписью „Искандеръ“ и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

3032. Напечатано въ 240 л. „Кол.“.

3033. Напечатано въ 240 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ помѣтки Чернецкаго.

3034. Тоже.

3035. Напечатано въ 240 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ указанія Чернецкаго; подлинникъ не найденъ.

3036. Напечатано неполно и неисправно на стр. 242—243 „Воспоминаній“ Огаревой; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3037. Напечатано неполно и неисправно на стр. 285—286 „Воспоминаній“ Огаревой; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3038. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; приписка сдѣлана къ письму Огарева.

3039. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3040. Тоже.

3041. Напечатано нѣсколько строкъ на стр. 284 и 286 „Воспоминаній“ Огаревой; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3042. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3043. Тоже.

3044. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3045. Напечатано въ № 241 „Кол.“ (15 мая); принадлежность ясна изъ записки Огарева, хранящейся въ Рум. муз.

3046. Напечатано въ 241 л. „Кол.“.

3047. Тоже.

3048. Тоже.

3049. Тоже.

3050. Напечатано въ 241 л. „Кол.“ принадлежность ясна изъ письма Бакунина; подлинникъ не найденъ.

3051. Напечатано въ 241 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ содержанія и изъ указанія въ № 3053; подлинникъ не найденъ.

3052. Напечатано въ № 241 „Кол.“; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

3053. Напечатано неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

3054. Напечатано неполно и неисправно на стр. 284 „Воспоминаній“ Огаревой; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3055. Напечатано неполно въ I кн. „Русскаго Обзорѣнія“ 1895 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.
3056. Напечатано неполно и неисправно на стр. 286—287 „Воспоминаній“ Огаревой; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
3057. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
3058. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „Русскаго Обзорѣнія“ 1895 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.
3059. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
3060. Тоже.
3061. Напечатано на стр. 213 „Писемъ“ подъ ред. Драгоманова; подлинникъ не найденъ.
3062. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
3063. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
3064. Напечатано въ 242 л. „Кол.“ (1 июня): принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.
3065. Тоже.
3066. Напечатано въ 242 л. „Кол.“; принадлежность устанавливается по отмѣткѣ Чернецкаго.
3067. Тоже.
3068. Тоже.
3069. Напечатано въ 242 л. „Кол.“; подлинникъ не найденъ.
3070. Напечатано въ 242 л. „Кол.“; принадлежность ясна изъ личныхъ отношеній Герцена съ Вырубовымъ и изъ № 3098; подлинникъ не найденъ.
3071. Напечатано въ 242 л. „Кол.“.
3072. Напечатано вполнину и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
3073. Напечатано неисправно, нѣсколько строкъ, въ началѣ письма къ Огаревой на стр. 285 „Воспоминаній“; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
3074. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
3075. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.; начало письма утеряно.
3076. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.
3077. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
3078. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
3079. Тоже.
3080. Тоже.
3081. Тоже.
3082. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
3083. Напечатано въ 243 л. „Кол.“ (15 июня) съ подлинникомъ „Исторія“ и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

3084. Напечатано въ 243 л. „Кол.“ съ подписью „И—ръ“ и въ маѣ 1869 г. отдѣльной брошюрой по-французски: „La Mazourka, un article du „Kolokol“, dédié avec profonde sympathie et respect à Edgar Quinet par Alexandre Herzen (Iskander)“, Genève.

3085. Напечатано въ 243 л. „Кол.“; принадлежность устанавливается изъ записки Огарева, хранящейся въ АСГ.

3086. Тоже.

3087. Тоже.

3088. Напечатано въ 243 л. „Кол.“ съ подписью „Изд.“; принадлежность очевидна; подлинникъ не найденъ.

3089. Напечатано въ 243 л. „Кол.“; принадлежность устанавливается по запискѣ Тхоржевскаго.

3090. Тоже.

3091. Тоже.

3092. Тоже.

3093. Тоже.

3094. Тоже.

3095. Напечатано въ 243 л. „Кол.“ съ подписью „А. Г.“; подлинникъ не найденъ.

3096. Напечатано въ 243 л. „Кол.“.

3097. Напечатано въ 243 л. „Кол.“ съ подписью „И—ръ“ и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

3098. Напечатано въ I кн. „В. Европы“ 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

3099. Напечатано неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3100. Напечатано неполно и неисправно на стр. 289—290 „Воспоминаній“ Огаревой; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3101. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3102. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3103. Тоже.

3104. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3105. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3106. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3107. Напечатано въ 244—245 л. „Кол.“ (1 июля) съ подписью „А. Герценъ, Н. Огаревъ“ и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

3108. Напечатано въ 244—245 л. „Кол.“ съ подписью „И—ръ“ и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

3109. Тоже.

3110. Напечатано въ 244—245 л. „Кол.“; принадлежность устанавливается письмомъ Огарева къ Огаревой, хранящимся въ АСГ.

3111. Тоже.

3112. Тоже.

3113. Тоже.

3114. Тоже.

3115. Напечатано въ листѣ оглавленія за годъ при № „Кол.“ отъ 1 юля, подлинникъ не найденъ.

3116. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3117. Тоже.

3118. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3119. Тоже.

3120. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3121. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3122. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3123. Напечатано вполнину и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3124. Тоже.

3125. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3126. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3127. Напечатано вполнину и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3128. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3129. Напечатано неисправно, нѣсколько строкъ, въ VI кн. „В. Европы“ 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3130. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3131. Напечатано въ „Кол.“, въ „прибавочномъ листѣ къ первому десятилѣттю“ (1 августа), какъ примѣчаніе къ „Примѣчаніямъ къ будущей исторіи нашихъ завоеваній въ Азіи“; подпись „Изд.“; принадлежность ясна изъ содержанія.

3132. Напечатано въ „Кол.“, въ „прибав. листѣ“, во второй его части, названной „Благо есть мѣсто“, съ подписью „И ръ“ и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

3133. Напечатано тамъ же съ подписью „Изд. Колокола“; принадлежность ясна изъ № 3123; подлинникъ не найденъ.

3134. Напечатано тамъ же съ подписью „И—ръ“; подлинникъ не найденъ.

3135. Напечатано тамъ же; принадлежность ясна изъ записки А. А. Герцена.

3136. Напечатано тамъ же; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.

3137. Напечатано по-французски въ выпущенномъ по случаю всемірной выставки въ Парижѣ „Paris-Guide, par les principaux écrivains et artistes de la France“, vol. II, „La Vie“, éditeurs A. Lacroix, Verboeckhoven et Cie, Paris, 1867, въ пододѣлѣ „Les étrangers à Paris“; подпись „Iscaender (A. Herzen)“; по-русски переводъ сдѣланъ въ IX кн. „Отеч. Записокъ“ 1867, затѣмъ Н. Страховымъ во II кн. его „Борьбы съ Западомъ“ и въ № 103 „Рус. Слова“ 1913 г.; вошло неисправно въ IV т. Спб. изд. Въ напечатанныхъ въ началѣ „Guide“ автографъ помѣшено и факсимиле Герцена.

Вышелъ „Guide“ къ 1 августа 1867.

Страховъ находилъ, что „статья Герцена внушена весьма хорошими сердечными движеніями; что въ ней слышна, напр., злость на приглашеніе писать о русскихъ, сдѣланное въ явномъ разсчетѣ на его враждебность къ Россіи; что въ силу этой злости онъ, въ остроумнѣйшей замаскировкѣ, вставилъ въ свою статью нѣсколько самыхъ жестокихъ шпилекъ и Франціи, и Парижу, и даже полякамъ. Кромѣ того, статья такъ интересна по своему содержанію, именно — такъ хорошо характеризуетъ разные фазисы нашего умственного отношенія къ Европѣ, что достойна не только чтенія, но и запоминанія“. „Тѣнь Польши прошлаго столѣтія вызвана, очевидно, только затѣмъ, чтобы высказать въ глаза французамъ и полякамъ нравоученіе, что крестьяне не жалѣютъ объ этой пресловутой республикѣ, что они теперь довольнѣе, чѣмъ когда-либо“ („Борьба съ Западомъ“, II, 209—217).

3138. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3139. Напечатано вполнину и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3140. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3141. Тоже.

3142. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3143. Напечатано вполнину и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3144. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3145. Напечатано во II кн. „Зари“ 1870 г.; подлинникъ не найденъ.

3146. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3147. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3148. Тоже.

3149. Напечатано неполно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3150. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3151. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3152. Напечатано неисправно во II кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3153. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3154. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3155. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

3156. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

3157. Напечатано неполно и неисправно въ I кн. „В. Европы“ 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

ОПЕЧАТКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Стран.	Срока	Напечатано	Слѣд. читать
9	10 сн.	du	de
33	5 .	Гды	Гдѣ
59	10 св.	Кине	Кинѣ
75	13 .	замскомъ	земскомъ
76	13 .	Нели	Нелли.
99	15 .	фанансовыя	финансовыя
115	1 сн.	1)	1) Говорите.
131	16 св.	засовы	за совы,
153	19 .	хиракер	характеръ
193	17 .	} Любанскій	Любинскій
—	34 .		
194	1 сн.	1)	1) Скорѣе.
203	1 св.	пос-дош	поссорн-
—	12 .	Рикасоли	Риказоли
205	2 .	Piancapi	Pianciani
210	1 .	Н. Н.	Н. П.
211	1 .	qno	quo
—	5 сн.	къ	съ
239	19 св.	Любанскій	Любннскій
251	1 сн.	4)	2)
—	4 .	2)	4)
257	13 св.	wesk	weg
270	1 сн.	Нѣжнѣ	Нѣжные
310	3 сн.	Ю. И.	О. И.
311	17 .	mauvaise	mauvaise
—	5 .	Слбосильный	Слабосильный
343	4 св.	Moutreux	Montreux
—	6 .	logne	longue
—	5 сн.	Baumritte	Baumritze
347	занумерована	247.	
363	1 сн.	2)	1)
—	2 .	1)	2)
367	14 .	wiedmet	widmet
368	6 .	Баумиритгеромъ	Баумритгеромъ
375	11 .	Sp.	sp.
380	1 .	пир	при
387		Омаръ-паша	Омеръ-паша.
404	6 .	Денович	Зенович.
407	10 св.	quittier	quitter
418	15 св.	etait	etape.

